

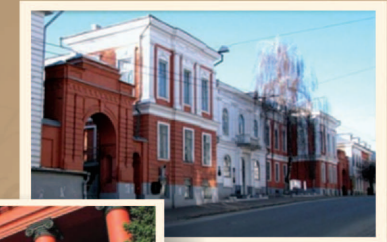
Е. Н. Богдашина

ПОЗИТИВИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА УКРАИНЕ

(60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.)

ПОЗИТИВИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА УКРАИНЕ

Е. Н. Богдашина

Национальная академия наук Украины
Институт украинской археологии и источниковедения
им. М. С. Грушевского

Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина

Харьковский национальный педагогический университет
имени Г. С. Сковороды

Е. Н. Богдашина

**Позитивизм
в исторической науке
на Украине
(60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.)**

Монография

Харьков – 2013

УДК 930 (477) «18/192»: 165. 731

ББК 63. 2 (2 Ук)

Б 73

Рецензенты:

академик АН Высшей школы Украины, доктор ист. наук, профессор **Я. С. Калакура**

(Институт украинской археологии и источниковедения

им. М. С. Грушевского НАН Украины);

доктор ист. наук, профессор **С. И. Посохов**

(Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина);

доктор филос. наук, профессор **В. И. Ярошовец**

(Киевский национальный университет имени Т. Шевченко).

Утверждено к печати решением Ученого совета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (протокол № 11 от 26 октября 2012 г.);

Утверждено к печати решением Ученого совета Института украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского

Национальной академии наук Украины (протокол № 2 от 6 марта 2012 г.);

Утверждено к печати решением Ученого совета

Харьковского национального педагогического университета

имени Г. С. Сковороды (протокол № 2 от 27 апреля 2012 г.)

Богдашина Е. Н.

Б 73 Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.) : [монография] / Е. Н. Богдашина.— Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2013.— 588 с. — авт. пер. со 2-го укр. изд.

ISBN 978-966-623-993-1

Монография посвящена анализу влияния позитивизма на развитие исторической мысли на Украине (60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.). Рассматривается сущность и роль позитивистского историописания как главного историографического явления исследуемого времени. Впервые осуществлён системный анализ этой проблемы в историографическом и историософском аспектах в контексте развития мировой исторической мысли.

УДК 930 (477) «18, 192»: 165. 731

ББК 63. 2 (2 Ук)

ISBN 978-966-623-993-1

© Институт украинской археологии и источниковедения

им. М. С. Грушевского НАН Украины, 2013

© Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2013

© Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, 2013

© Богдашина Е. Н., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	5
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. РЕЦЕПЦИЯ ПОЗИТИВИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА УКРАИНЕ (60-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.)	
1.1. Сущность «раннего» позитивизма и его влияние на становление позитивистской историографии на Украине. Роль разных мировоззренческих и научных традиций в распространении позитивизма..	85
1.2. Особенности восприятия идей позитивизма учёными украинских земель в 60-е – 90-е гг. XIX в.	145
1.3. Эволюция взглядов историков под влиянием новых направлений общественной мысли (90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.).....	222
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НА УКРАИНЕ (60-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.)	
2.1. Позитивистская трактовка объекта, предмета и задач исторической науки, её междисциплинарных связей.	258

4	— <i>Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)</i>	
2.2.	Эволюция принципов и методов историописания..	287
2.3.	Влияние позитивизма на развитие теории и методики исторического источниковедения.....	327

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

3.1.	Общественный прогресс и критерии его оценки...	342
3.2.	Проблема общественной эволюции.....	364
3.3.	Сущность цивилизационного подхода.....	383
3.4.	Новое понимание закономерностей исторического процесса.....	391
3.5.	Взгляды позитивистов на соотношение факторов общественного развития.....	405
3.6.	Оценка субъектов исторического процесса.....	421
	ВЫВОДЫ.....	449

	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	464

	ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	574

***Философия науки
без истории науки пуста;
история науки
без философии науки слепа.***
И. Лакатос [1436, с. 203]

ВСТУПЛЕНИЕ

Для новейшей украинской историографии характерным является активный процесс осмысления своего опыта, модернизации методологии и методики научных исследований, увеличение интереса к теоретико-методологическим проблемам, что неотделимо от её интеграции в европейское и мировое историографическое пространство. В этом контексте актуальным является исследование позитивистского историописания на украинских землях в 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв., когда позитивизм приобретал приоритетный характер в историографическом процессе. Актуальность поставленной проблемы обуславливается, во-первых, особенно важным местом позитивизма в мировой историографической традиции и её колоссальным влиянием на развитие исторической мысли на Украине. Во-вторых, необходимостью критического переосмысления теоретико-методологических основ научного наследия историков, работавших на украинских землях в указанный период, определения места позитивистского варианта историописания в интеллектуальной истории и культуре. В-третьих, отсутствием специальных исследований, посвящённых анализу позитивизма как доминирующей модели историописания в историографическом процессе на Украине. В-четвертых, целесообразностью определения предпосылок и особенностей зарождения и развития позитивизма в исторической науке на всех землях Украины, его влияния на историографический процесс. В-пятых, необходимостью

применения позитивистской методологии поиска и разработки источников, научной интерпретации источниковой информации, введения её в научный оборот.

Актуальность исследуемой проблемы усиливается в связи с отсутствием специальных монографических и диссертационных работ, в которых позитивизм анализировался бы в целом как методологическая модель в исторической науке 60-х гг. XIX — 20-х гг. XX вв. на Украине.

Изучение позитивистского варианта историописания актуализирует переосмысление теоретико-методологических основ научного наследия историков, а также их роли в интеллектуальной истории и культуре украинских земель исследуемого времени.

Современный этап развития мировой и украинской историографии отличается расширением источниковой базы, поскольку к этому времени не все исторические источники введены в научный оборот, а значительная часть опубликованных трудов являются библиографическими раритетами. На сегодня чётко не определена общая оценка роли позитивизма в историографическом процессе¹ изучаемого периода на Украине.

---

1 Известны разные определения историографического процесса. Я. С. Калакура характеризует историографический процесс как «последовательное продвижение исторической мысли, обогащение исторических знаний, развитие исторической науки» [1351, с. 32; такое же суждение: 1350, с. 101]. И. И. Колесник приводит более объёмное определение: «*Историографический процесс* [курсив автора — Б. Е.] — это объективный, целостный процесс генезиса и развития исторического познания, накопления и совершенствования исторических знаний. На ход историографического процесса влияют внешние, социокультурные, и внутренние факторы. Историографический процесс охватывает не только историю идей, концепций, методов, а также историю научных институций, организационных структур» [1394, с. 36]. В серии работ [1583, с. 70–71; 1586; 1589 и др.] Т. Н. Попова рассматривает данный концепт как систему, в структуру которой входят три составляющие: 1) главная: внутренняя (когнитивная) «система деперсонифицированного исторического знания»; 2) инфраструктура исторической науки: кадры, система организации исторической науки и исторического образования, архивов и книгохранилищ, доступность источников и условия работы с ними, система изданий научной продукции, историческая периодика, материально-экономическая база и т. п.; 3) социокультурные условия, в т. ч. менталитет, культурные и научные тради-

Полисемантичесность самого термина «позитивизм» обуславливает наличие его разных трактовок учёными. Традиция выделять несколько значений термина «позитивизм» начинается ещё в XIX в. Уже сами основатели нового течения отличали учение О. Конта и позитивизм². Ещё ученик О. Конта Э. Литтре считал позитивизм не системой, а только методом, «способом»

ции, общенаучные интеграционные процессы, политика правительства в области науки, «социальный заказ», «престижность» исторической науки и т. п. [1589, с. 51–52, 54–55; подобное суждение: 1590, с. 158]. Рассматривая выбранную тему исследования в первую очередь как историю идей, считаем возможным главное внимание сосредоточить на первой из названных Т. Н. Поповой составляющих. Анализ социокультурных условий и научной инфраструктуры в нашем исследовании подчинён изучению развития исторического познания, накопления и усовершенствования исторических знаний. Анализ роли позитивизма в эволюции исторической мысли является достаточным предметом исследования.

2 Г. Спенсер подчёркивал возникновение своих идей до ознакомления с трудами О. Конта в 1853 г. и случайность подобности некоторых положений обеих доктрин [849, с. 56–57]. Поэтому Г. Спенсер отказывался считать себя последователем, а тем более учеником О. Конта [849, с. 35–37]. Хотя в целом Г. Спенсер высоко оценивал идеи Конта, приписывал ему «честь первого сравнительно точного указания на связь между наукою о жизни и наукою об обществе» [857, с. 320]. Английский мыслитель также подчёркивал, что контовский «способ понимания социальных явлений значительно превосходит все прежние способы; в числе других его преимущество заключается и признание зависимости социологии от биологии» [857, с. 322]. Сам Г. Спенсер и некоторые исследователи его творчества не считали спенсеровскую доктрину позитивизмом (т. е. учением, близким к идеям О. Конта). Г. Спенсер отдельно подчёркивал, что позитивная философия не ограничивается только контизмом, т. е. учением О. Конта [852, с. 218–219; 849, с. 64]. М. М. Ковалевский указывал, что Г. Спенсер «при всём своём антагонизме к Конту является прямым продолжателем позитивизма» [539, № 6, с. 522]. Киевский философ начала XX в. Г. И. Челпанов называл Г. Спенсера лидером иного философского направления – агностицизма, подчёркивая при этом: «Между Контом и Спенсером есть огромная разница. Эта разница настолько велика, что называть Спенсера позитивистом просто мы не имеем никакого права» [964, с. 252]. Поэтому вызывает удивление причисление В. М. Бондарчуком Г. Спенсера к ученикам О. Конта [1191, с. 64–65]. В современном науковедении эволюционизм (Г. Спенсер, Л. Уорд, Е. В. Де-Роберти, М. М. Ковалевский) иногда выделяют не как разновидность позитивистской, а как отдельную парадигму [1319, с. 9].

мышления [1076, р. 79]³. Львовский исследователь П. Хмельёвский отмечал, что «последователи позитивизма неоднократно говорили себе, что это слово [позитивизм – Б. Е.] не представляет свойственных этому направлению черт... Для чего это слово однако приняли? Попросту для того, что не нашлось лучшего, соответствующего; и что позитивизм заново захотели взять во Франции и Англии, решили, что стоит принять на себя название позитивистов как псевдоним» [1006, s. 66].

Российский публицист В. Л. Кигн делил позитивизм на философскую систему О. Конта и «антиметафизическое направление» [315, с. 4].

В. Татаркевич различал такие виды позитивизма: 1) доктрина О. Конта; 2) новая религия человечества; 3) популярный позитивизм (светская и научная структура, основанная больше на идеях Г. Спенсера и Дж. Ст. Милля, чем О. Конта); 4) политический позитивизм как общественное движение; 5) научный позитивизм («конкретная методология и теория познания») [1136, s. 355–363].

На родине позитивизма Д. Чарлтон определял следующие виды французского позитивизма: доктрина О. Конта; религиозный позитивизм (религия человечества О. Конта); общественный позитивизм (философия истории и социологическая теория); философский позитивизм (теория науки), позитивистское умонастроение [1772, р. 1–8].

В научных трудах Л. А. Журавлёва [1296, с. 2] и других авторов, энциклопедиях [1671, с. 744 и др.] позитивизм в большинстве случаев характеризуется как одно из основных направлений философии [1444] XIX–XXI вв. с выделением четырёх этапов его эволюции от раннего до постпозитивизма [1671, с. 744].

Между тем позитивизм в исторической науке на Украине 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв. прежде всего был теоретико-методологической основой историописания.

---

3 Приводя эти слова французского позитивиста, польская исследовательница А. Хочфелдова дополняет: «Программой мышления о мире, комплексом праксиологических правил и оценочных норм, касающихся получения и использования позитивистского знания и сознательного реформаторского творчества в сфере общественной жизни» [1786, s. 109].

Главная цель работы состоит во всестороннем исследовании места и роли позитивизма в развитии исторической науки на землях Украины в 60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.; в выяснении и анализе главных элементов позитивистской модели историописания.

Главными исследовательскими задачами определены следующие:

- проанализировать состояние исследования проблемы, охарактеризовать все группы использованных источников и установить их репрезентативность;

- исследовать истоки, зарождение и региональную специфику распространения позитивизма, выявить ведущие тенденции его развития и обосновать периодизацию распространения идей позитивизма в исторической науке на Украине;

- проследить взаимосвязь позитивистского варианта историописания на Украине с общими тенденциями развития исторической науки;

- выявить общие и отличительные черты развития позитивистской историографии в разных регионах Украины, в частности на Надднепрянщине, Востоке и Юге Украины, в Галиции и на Буковине;

- определить соотношение доктрины позитивизма и национальной идеи, прежде всего в украинской, а также польской и других национальных историографиях на Украине;

- выделить главные элементы позитивистской модели историописания на Украине;

- описать вклад историков-позитивистов в развитие теории и методики источниковедения;

- разработать предложения и рекомендации по использованию достижений позитивистской историографии в современных условиях.

Объектом исследования выступает процесс зарождения, развития и свёртывания позитивистской модели историописания в исторической науке на землях Украины 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв. в контексте европейской историографической традиции.

Предметом исследования являются ведущие тенденции распространения позитивистской модели историописания

в историографическом процессе Украины в контексте истории и методологии исторической науки.

Хронологические рамки исследования охватывают период 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв., связанный с развитием и доминированием позитивизма в историографии на территории Украины (относительно 1920-х годов – время признания позитивистской модели историописания одной из главных).

Изучение рецепции позитивизма в исторической науке невозможно без использования научных трудов 40-х – 50-х годов XIX в. Первые отклики на работы О. Конта в журналах России и Австро-Венгрии появляются в 1843–1846 гг. Со второй половины 50-х годов XIX в. на украинских землях распространялись франкоязычные и англоязычные издания трудов фундаторов позитивизма О. Конта, Г. Спенсера и сочинения приверженцев нового учения (европейских, польских, украинских и российских историков и социологов). А с конца 50-х годов XIX в. идеи и работы основателей и последователей позитивизма уже популяризировали в лекциях по истории преподаватели университетов. Эти два десятилетия можно назвать первым переходным периодом – временем перехода от романтического к позитивистскому варианту историописания, или периодом предпозитивизма [1865, s. 135].

Доминирование идей «раннего» («первого») позитивизма в исторической науке на Украине приходится на 1860-е – 1870-е годы. В 1860-х гг. начинается издание русскоязычных и польскоязычных трудов Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера, увеличивается количество позитивных рецензий учёных и публицистов на работы фундаторов и последователей «первого» позитивизма. Главными чертами «раннего» («первого») позитивизма были: натурализм (ориентация на методы естественных наук), органицизм (аналогии с биологическим организмом), эволюционизм (признание постоянного развития общества), феноменализм (признание невозможности познания сущности вещей) в соединении с элементами естественно-научного и «вульгарного» материализма. Позитивизм в этот период способствовал уменьшению влияния теологических и идеалистических теорий. Постулаты позитивизма

воспринимались как последнее слово науки и стали «символом веры» для образованных кругов общества⁴.

С 1880-х гг. учёные и общество в целом перестали безоговорочно воспринимать позитивизм как признанный в научном сообществе стандарт профессиональности⁵. «Второй» (модернизированный, «зрелый») позитивизм в результате влияния в большинстве случаев неокантианских и марксистских идей, а также внутреннего развития самой теории отличался от «первого» отказом от биологического редукционизма и жёсткого детерминизма в объяснении общественных явлений.

Первые два десятилетия XX столетия – период кризиса классической модели позитивистского историописания. Этому способствует и распространение конкурирующих с ним новых идей – неоромантизма и религиозного реформаторства. Их последователи критиковали основы позитивистского варианта историописания и акцентировали внимание на вопросах культуры и человеческой психологии. Вместе с тем позитивизм подвергали критике ортодоксальные (В. И. Ленин) и «легальные» (С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский) марксисты. Однако преимущественная часть учёных исследуемого периода продолжала придерживаться позитивистских принципов историописания.

Позитивистская теория исторического процесса существовала в общественной мысли на украинских землях до конца 20-х гг. XX в.⁶ В работах историков советской Украины

---

4 Современные российские исследователи также подчеркивают символический характер восприятия позитивизма, который «превратился в своего рода эмблему, знамение наступающей эры торжества критического опыта над религией и метафизикой, социальных преобразований – над косностью общественного бытия и т. д.» [1335, с. 286].

5 Между тем С. И. Лиман относит к середине 1880-х годов окончательную методологическую победу позитивизма в историографии подросийской Украины [1448, с. 3]. По нашему мнению, начало доминирования позитивистской методологии в историографии на всех украинских землях чётко прослеживается уже двадцатью годами раньше. А оценка этого доминирования как победы или господства является не совсем уместной.

6 Мы не рассматриваем идеи неопозитивизма, поскольку этот научный феномен выходит за хронологические рамки исследования. Окончательное организационное оформление неопозитивизма, как известно, произошло

1920-х гг. похвальные оценки позитивизма частично сохранились преимущественно в работах учёных старшего поколения. В то же время в синтезе с другими теориями в научных трудах историков Западной Украины и эмиграции позитивистские идеи оставались и в 1930-х гг.

Территориальные рамки исследования определены этническими украинскими землями в современных государственных границах Украины. Эти земли в исследуемый период входили в состав Российской и Австро-Венгерской империй (с 1917–1918 гг. – других государств).

Конструкт «историческая наука на Украине» широко представлен в текстах многих украинских исследователей с конца 1990-х годов до настоящего времени. Однако большинство из них старательно избегают конкретизации содержательного наполнения этого понятия и производных терминов. Дефиниция «историческая наука на Украине» – интеллектуальное пространство, которое конструируется, исходя из этнокультурных границ пребывания украинства в соответствующую эпоху.

в 1929 г. с опубликованием манифеста «Научное понимание мира. Венский кружок». Статья главы кружка М. Шлика «Поворот в философии» открывала первый номер журнала «Erkenntnis» («Познание») (1930). Представители львовско-варшавской философской школы 1930-х годов тяготели к Венскому кружку [1475, с. 26]. Однако в начале XX в. уже был известен термин «неопозитивизм». Именно с развитием социологии во Франции (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, А. Лаланд) Е.-В. Де-Роберти связывал появление неопозитивизма [415]. В России, как указывал И. А. Голосенко, ряд идей неопозитивизма высказывали в первые два десятилетия XX в. П. А. Сорокин, К. М. Тахтарев, А. С. Звоницкая [1248, с. 50]. Поэтому В. А. Потульницкий относит формирование неопозитивизма к концу XIX – началу XX вв. При этом киевский профессор выделил такие его элементы: «Отказ от теории исторического прогресса и сосредоточение внимания на сравнительном социологическом изучении отдельных культур и народов; особое внимание к социально-экономической истории, вплоть до признания социально-экономического фактора системосоздающим, отказ от монизма и экономического детерминизма в истории; признание повторяемости основных элементов и стадий в общественно-политическом процессе; отстаивание единства научного знания с учётом специфики истории как общественной по своей природе науки» [1604, с. 290]. Эти черты, по нашему мнению, являются более характерными для модернизированного позитивизма конца XIX – начала XX вв., который не сводился к эмпириокритицизму или генетической социологии.

Данная дефиниция может и должна использоваться в научном исследовании, несмотря на отсутствие административно-политической целостности украинских земель в прошлом. В ином случае будет трудно понять, почему представители разных регионов со временем всё-таки сделали выбор в пользу единой Украины; этого вряд ли можно было ожидать без наличия определённых черт культурной общности в прошлом, синхронизации историко-культурного развития западной и восточной частей Украины.

Конструкт «историческая наука на Украине» трактуется нами как развитие украинской, российской, польской, румынской и других национальных историографий на землях Украины, прежде всего в научных, учебных и просветительских центрах Киева, Харькова, Одессы, Нежина, Львова, Черновцов и других городов. Становление позитивистской историографии происходило в

модерном социально-культурном пространстве, обозначенном университетами, научными обществами, издательствами, архивами, музеями, главным образом в среде городской, прежде

Львовский университет

всего университетской интеллигенции. Это пространство существовало вне государственных границ и отличалось определённой целостностью благодаря сходной институциональной структуре. В подросийской Украине действовали Киевский университет св. Владимира и Историческое общество Нестора-летописца при нём, а также Харьковский и Новороссийский университеты, Нежинский историко-филологический институт и историко-филологические общества при них. Во Львове среди главных польских научных институций следует назвать университет имени Франца I (в 1918–1939 годах имени Яна-Казимира), Национальное заведение имени Оссолинских, Историческое общество, среди украинских – Научное общество

им. Шевченко. В Черновцах в 1875 г. открыто австрийский (после 1918 года – румынский) университет. На Закарпатье во второй половине XIX – 20-х гг. XX вв. высшие учебные заведения и научные учреждения исторического профиля не действовали. Большинство из них ныне пребывают в пределах современных границ государства Украина. В этом совместном интеллектуальном пространстве были представлены разные версии и модели национального историописания, прежде всего российского, польского, украинского.

Служебная⁷ и общественная деятельность, научное творчество учёных украинских земель⁸ исследуемого времени проходили в разнонациональной⁹

---

7 Попутно заметим, что университетские преподаватели были одновременно государственными чиновниками, и это в определённой степени также влияло на их научную деятельность. Поведение учёных, как подчёркивает С. И. Лиман, корригировали «магия докторских и магистерских степеней, желанные профессорские звания, перспективы получить за службу личное, и даже потомственное дворянство (для тех, кто его не имел)» [1447, с. 51]. Он пишет об «устойчивом преобладании в полиэтничной Российской империи XIX в. сословно-корпоративных и конфессиональных рефлексов [последнее слово, по нашему мнению, недостаточно удачное – Б. Е.] наднациональными» [1447, с. 24], о «частой ротации профессорско-преподавательского состава в пределах всей Российской империи» [1447, с. 25] [подобное явление было характерно и для Австро-Венгрии – Б. Е.]. Медиевистов подросийских украинских земель харьковский исследователь характеризует как «региональных представителей общероссийского служилого учёного мира» [1447, с. 25]. По его убеждению «учёные украинских земель Австрийской (с 1867 г. Австро-Венгерской) империи являлись представителями немецко-австрийского и польского учёного мира, что отражал и их национально-религиозный состав» [1447, с. 25].

8 В исследовании выражение «историки-позитивисты украинских земель» используется в широком значении этого слова: историки – представители разных национальных историографий, работавшие на украинских землях в 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв. В отдельных случаях автор обращалась и к работам украинских историков, проживавших в других регионах, поскольку это позволяет полнее представить позитивистскую трактовку исторического процесса.

9 Показательно название межгосударственного научного проекта – «Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w.» («Многокультурная историческая среда Львова в XIX и XX веках»). В 2003–2007 годах вышло 5 сборников статей под редакцией Л. А. Зашкильняка и Е. Матерницкого.

социокультурной среде и в русле разных национальных историографий¹⁰.

Позитивистский канон историописания в 1860-х – 1920-х годах был общепринятым именно среди профессиональных историков, а не любителей-краеведов. Научные труды немногочисленных представителей венгерской историографии имели преимущественно фактографический характер [1272; 1724].

Подобно венгерским еврейские историки пребывали вне университетов и ведущих научных обществ. Специфика религиозного мировоззрения большинства еврейских историков в большинстве случаев мешала восприни-

Черновицкий университет

мать рационалистический в сущности позитивизм (с оговорками данное замечание не касается С. М. Дубнова). Поэтому нами в меньшей степени анализируются работы еврейских историков, которые были малоизвестными, по крайней мере малоцитированными в научном сообществе исследуемого времени.

По другим мотивам в работе меньшее внимание уделяется трудам учёных Буковины (за исключением М. М. Кордубы, который был представителем Львовской исторической школы М. С. Грушевского, и некоторых немецких и румынских учёных из Черновицкого университета). Научные работы, в т. ч. по истории Буковины, преподавателей Черновицкого университета, как правило, были чисто фактографическими. Кроме того, немногочисленные теоретические труды историков (среди них, например, «Народоведение» [1036] и «Со-

---

¹⁰ Национальная историография этого периода трактуется в двух значениях: в этнокультурном (украинская, польская, еврейская и др.) и в рамках государственной нации (русская и австрийская).

временное народоведение» Р. Ф. Кайндля [1035], рукописи Ф. Цигляуэра фон Блюменталья¹¹ «Прогресс нашего познания. О целях и задачах истории» [62]) и студентов Черновицкого университета [59] написаны под существенным влиянием немецкой идеалистической философии¹² и не содержат ни одной ссылки на труды известных позитивистов.

К тому же значительную часть преподавателей Черновицкого университета времён Австро-Венгерской империи составляли священники теологического факультета, исследовавшие преимущественно богословскую тематику. За 1848–1902 годы на Буковине вышло всего 7 статей по социологической тематике, а по теологии – 463 работы [994, р. 14–29]. Творчество румынских историков Буковины пребывало под влиянием румынской национальной идеи. В научных работах и лекциях ректора Черновицкого университета И. Нистора [1084–1086 и др.], других университетских преподавателей [1090 и др.], в студенческих научных работах [60] обсновывались претензии Румынии на Буковину и Бессарабию.

Проживавшие на Закарпатье исследователи пребывали вне университетских коллективов и (за некоторыми исключениями) вне научных обществ. Это обстоятельство сказалось на уровне и характере их работ, которые, по оценке О. С. Мазурка, не отвечали академическому стандарту историописания и были малоизвестными широкому научному сообществу [1464]. В коротком очерке по истории философии Закарпатья Ф. М. Потушняка [1606], кроме профессора богословия

---

11 Ректор Черновицкого университета профессор Э. Герцберг-Френкель в речи 2 декабря 1906 года характеризовал взгляды другого профессора университета Цигляуэра фон Блюменталья как устаревшие: «В нём воплощалась старая Австрия 50–60-х годов [XIX в. – Б. Е.], мировоззрение того времени было содержанием его исторической мысли и его жизни... Была у него большая способность приспособления, ибо он был старым австрийцем и чувствовал себя везде чёрно-жёлтым щитом эпохи (Габсбургов) и над каждым гербом каждого края видел двойного орла» [цит. по кн.: 1735, с. 13].

12 Сохранение в подавстрийской Украине мощного влияния классической немецкой философии и литературы, по наблюдению К. Б. Радека, мешало доминированию в конце XIX – начале XX вв. польской культуры. Последнюю он называл в автобиографии «клерикально-католической» [418, с. 593].

В. Н. Гаджеги и С. Фенцика, не приведено ни одного другого философа этого региона второй половины XIX – начала XX вв. Как свидетельствует библиографический указатель Н. М. Лелекача и И. А. Гарайды [1879], до 1943 года в Унгваре вышло 356 трудов по богословию и ни одной работы по социологии или истории социологии. Только с 1922 г. начал выходить научный журнал «Науковий збірник товариства „Просвіта” в Ужгороді», где печатались не только чисто описательные статьи по политической истории, а и единичные исследования (А. Шаш, Т. Галиц, Ф. Габриэль) и источники по социально-экономической проблематике [детальнее: 1233, с. 250–257]. Это ещё раз подчёркивает неравномерность распространения идей позитивизма во временном и региональном измерениях. По мнению Д. Д. Данилюка и О. В. Ферков, для историков Закарпатья разных национальностей было характерным соединение просветительских и либеральных убеждений с сохранённой романтизацией истории [1272; 1724]. Д. Д. Данилюк, О. С. Мазурок и О. В. Ферков также не характеризуют методологию трудов историков Закарпатья второй половины XIX – начала XX вв. как позитивистскую.

Наша работа является первым комплексным исследованием роли и места позитивизма в историографическом процессе на Украине 1860-х – 1920-х гг. В нём с высоты достигнутых отечественной и зарубежной историографии выяснены ключевые теоретико-методологические проблемы позитивизма, его региональные особенности, которые ещё не получили должного анализа в научной литературе, в частности:

- впервые предложена и обоснована периодизация распространения идей позитивизма в историографическом процессе на Украине;

- проанализирована роль разных мировоззренческих и научных традиций в рецепции позитивизма как общепринятой в научных сообществах модели историописания;

- определена география распространения идей позитивизма в разных регионах Украины, выявлена его местная специфика;

- осуществлён компаративистский анализ моделей историописания в разных национальных историографиях на землях Украины;

– обосновано понятие синкретизма теоретико-методологических взглядов большинства историков, работавших на украинских землях на протяжении 1860-х – 1920-х годов;

– показана взаимообусловленность позитивистской методологии, её отдельных элементов и национальных особенностей продуцирования исторических знаний;

– в научный оборот введён ряд новых исторических и историографических источников, уточнены и конкретизированы отдельные из известных фактов по истории развития позитивистской исторической науки на украинских землях.

Особенности распространения и восприятия доктрины позитивизма с 60-х годов XIX столетия, её дальнейшей эволюции в первые десятилетия XX в., основные элементы позитивистской историографии на Украине получили определённое освещение в научной литературе.

В историографии проблемы условно выделены три периода:

1) 1860-е – 1920-е гг. – распространение позитивистской модели историописания в исторической науке и первые попытки её анализа непосредственно участниками историографического процесса;

2) конец 1920-х – 1980-е гг. – критическое восприятие советскими учёными позитивизма и позитивистской историографии;

3) 1990-е гг. и до сегодняшнего дня – актуализация позитивистского варианта объяснения исторического процесса, начало перехода от изучения его отдельных компонентов и историософских взглядов ведущих учёных к системному анализу позитивизма; обобщение его опыта.

Историография проблемы начата ещё в период доминирования позитивизма в общественных науках [507–509; 511–515; 519–520; 793–795; 1022; 1033; 1116 и др.]. В России позитивистская модель историописания была общепринятой в научной среде, особенно в 60-х – 90-х годах XIX в. Критик позитивизма, преподаватель Киевской духовной академии П. И. Линицкий признавал в 1870-х годах, что «позитивизм определяет объём наших знаний, задачу или направление их, устанавливает метод их обработки и взаимную между ними связь» [659, с. 108].

Г. Н. Вырубов во вступительной статье к русскому переводу книги Э. Литтре «Несколько слов по поводу положительной

философии» (1865 г.) считал выполнение программы О. Конта по построению будущего общества лучшим путём развития общества и культуры в России. С целью защиты позитивизма от обвинений в подрыве основ общества он противопоставил идеи социалистов и позитивистов [670, с. IV–XIII].

Нереволюционным учением называл позитивизм и М. М. Ковалевский [577, с. 4–5]. Он также вспоминал, что в 1860-х – 1870-х годах не все учёные отличали позитивизм от материализма [574, с. 218] (подобное мнение А. И. Введенского [303, с. 349]). Такую путаницу другой исследователь Э. Л. Радлов объяснял одновременным распространением в Российской империи позитивизма, дарвинизма и материализма [804, с. 21–22]. Он же вспоминал: «К позитивизму естественно привлекало то уважение к науке, которое лежит в основе позитивизма, и эта его черта заставляла забывать слабые его стороны – пренебрежение психологией и неопределенность социологии... Особенно сильное впечатление производила идея Конта об иерархии наук и закон о трёх стадиях развития знания» [804, с. 20].

Н. И. Кареев характеризовал интеллектуальную обстановку в России конца 1860-х годов так: «Позитивизм и социология вошли в русский умственный обиход» [515, с. 34]. В 1870-х – 1880-х гг., по наблюдениям В. С. Соловьёва, на позитивизм «была мода», которая «становилась идолопоклонством» [834, с. 562]. Н. А. Бердяев вспоминал, что «усвоение западных идей и учений русской интеллигенцией было в большинстве случаев догматическим. То, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или во всяком случае истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения» [254, с. 18]. По его оценке радикальная интеллигенция в России имела «идолопоклонническое отношение к самой науке» [254, с. 18]. Особенности рецепции в России новейших идей он объяснял, в частности, сильными православными традициями [254, с. 18, 38–39 и др.].

Распространению идей позитивизма в обществе способствовала эпоха реформ. Именно в период реформ Александра II, как отметил российский публицист П. Н. Ткачёв, «начала

формироваться реальная ... экономическая почва для восприятия и возрождения прогрессивных идей» [732, с. 15]. По его наблюдениям лучше эти идеи была готова воспринимать разночинная интеллигенция [732, с. 16]. Позитивизм, как писали исследователи 1870-х — 1920-х гг. (А. Ф. Кони, В. В. Розанов, В. С. Соловьёв), был затребован большей частью разночинной интеллигенции России с учётом структуры сознания и психики, часто формальной религиозности и т. п. [589, с. 663–664; 811, с. 123–125; 834, с. 562; 836, с. 167–168 и др.].

Рассматривая отличия в восприятии идей позитивизма в разных странах, А. Л. Погодин подчёркивал: «В Западной Европе позитивизм был научным мировоззрением, в России евангелием личного совершенства, заповедью блаженства, в Польше он сразу получил характер политического символа веры, и не только в Царстве Польском, но и в Галиции» [794, с. 91; подобное суждение Н. А. Гредескула: 348, с. 13]. В приведенной цитате метко подмечена этико-религиозная (для Российской империи) и политическая (для поляков) составляющие позитивистского сознания большинства образованного населения.

Неоднократно современники (В. П. Бузескул, Н. И. Кареев, А. Н. Савин) подчёркивали взаимосвязь общественно-политической ситуации и взглядов историков-позитивистов¹³ [283, с. 137, 153 и др.; 511, с. 173; 517, с. 167; 820, с. 175–176; 1030, р. 341]. Н. И. Кареев поддержал мнение американского учёного Дж. Геккера об обусловленности интереса к позитивистской социологии в Российской империи не только логикой развития самой науки, а и реальными и практическими задачами общественной жизни [506, с. 297].

В рецензиях на новые исторические труды и в общих историографических обзорах принадлежность того или дру-

---

13 Н. И. Кареев в воспоминаниях о М. М. Ковалевском подчёркнул связь между политической ситуацией в России и творчеством учёного. Он считал ошибочным суждение о М. М. Ковалевском как «объективисте чистой воды», поскольку «самый выбор» исследовательской тематики «показывает, что им руководило не одно учёное любопытство», а «также интерес к ... общественной жизни» [511, с. 173], и далее: «Ковалевский был историком-политиком, если под политикой разумеется стремление к воздействию на общественную жизнь во имя определённых идеалов» [511, с. 173].

гого историка к позитивистскому направлению указывалась попутно, без детальной характеристики теоретико-методологических взглядов. Например, в работах Н. И. Кареева, Н. Д. Кондратьева, П. Н. Милюкова, вышедших в свет вскоре после смерти М. М. Ковалевского, признавался без обстоятельного объяснения позитивистский характер его методологии [511, с. 170, 172, 178; 588, с. 205; 715, с. 139 и др.]. При этом подчёркивалось творческое переосмысление идей позитивизма в его творчестве. А. Н. Савин, например, считал, что «социологические построения» М. М. Ковалевского были близкими к доктрине «раннего» позитивизма, но являлись «более сложнее и богаче контовских» [820, с. 173].

Уже В. Г. Авсеенко отмечал достойные удивления «пестроту и разнообразие методов, приёмов, тенденций, взглядов, систем, теорий, доктрин» и «произвол личных воззрений» историков [189, т. 148, № 5, с. 8]. Исследователи выделяли среди позитивистов адептов позитивной философии и учёных, придерживавшихся позитивистской модели исторического описания частично. Учёных, воспринявших лишь часть положений позитивизма, иногда называли «полупозитивистами». А. А. Козлов, например, называл М. Гюйо и Г. Тарда полупозитивистами ввиду смешанности их позитивистских идей с метафизикой [586, 1893, кн. 19, с. 55]. Термин «полупозитивисты» использовал позже В. В. Зеньковский [1324, с. 335–336].

Современники отмечали значительное влияние позитивистской социологии на развитие исторической и других общественных наук. По мнению П. А. Сорокина, во второй половине XIX в. состоялась социологизация общественных, в т. ч. исторической, наук, что привело к возникновению социологических школ в историографии [842, с. 48, 91]. Это утверждение П. А. Сорокина значительно позже конкретизировал на примере научной школы В. О. Ключевского А. С. Попов [1580].

Ряд учёных последней трети XIX – 20-х гг. XX вв. (среди них Н. М. Бубнов, Г. Н. Вырубов, Р. Ю. Виппер, Л. Гумплович, Е.-В. Де-Роберти, Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, М. О. Коялович, М. М. Ковалевский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Ле-

севич, В. С. Соловьёв, П. А. Сорокин) изучали позитивистскую теорию исторического процесса, считая её основой историографии, социологии и других общественных наук. Эти учёные не только высказывали собственные суждения, а часто оценивали и комментировали мысли других учёных об элементах позитивистского варианта историописания [например: 634; 720].

Период доминирования позитивистской модели историописания также отмечен единичными попытками исследовать эволюционную теорию (С. И. Гальперин [325], П. И. Линицкий [657 и др.]), осуществить поиск закономерностей исторического процесса (Н. И. Кареев [520] и др.) и дать оценку позитивистскому пониманию общественного прогресса (С. Н. Булгаков [297], Р. Ю. Вишпер [314], Н. И. Кареев [508, с. 260–299; 514], Н. Я. Грот [351], П. Л. Лавров [634], Н. К. Михайловский [720, с. 1–148], П. А. Сорокин [840] и др.). В научной литературе последней трети XIX – 20-х годов XX вв. высоко оценивалось признание прогрессивного, эволюционного и закономерного характера развития человеческого общества.

Значительное внимание позитивистов было уделено теории факторов. П. А. Сорокин, например, считал теорию «факторов социальной жизни» главной социологической проблемой [843, с. 180]. Он подчёркивал, что идею плюрализма факторов уже было выдвинуто в трудах О. Конта и Г. Спенсера [843, с. 194]. Другие учёные также считали теорию факторов важным элементом позитивистского варианта историописания. Как указывал Г. В. Плеханов, теория факторов сыграла позитивную роль в развитии исторической науки данного периода, поскольку способствовала активизации исследований по социально-экономической истории, усовершенствованию исследовательских методов и приёмов [793, с. 242]. «Развитие исторической науки, – писал о роли этой теории в историографии В. Е. Данилевич, – способствует уяснению роли и значения различных факторов в историческом процессе, указывает на их взаимную связь, на генетическую зависимость одних явлений от других» [127, л. 9].

Ряд исследователей (среди них Е. В. Тарле) указывали, что позитивизм подготовил широкое восприятие интеллигенцией на рубеже XIX–XX вв. идей марксизма [872, с. 95–96]. По

его убеждению «идеи О. Конта не уничтожали идей Маркса, они даже до известной степени оказались плодотворными, полезными для дальнейшего развития Марксовой доктрины» [872, с. 93].

Среди открыто воинствующих антипозитивистов в Российской империи больше всего было философов и историков, работавших в духовных академиях и на кафедрах истории церкви и богословия классических университетов, меньше – публицистов. П. И. Линицкий обвинил позитивизм в отваживании молодёжи от веры, церкви и власти [662, с. 57–58, 207–211]. Публицист Л. З. Слонимский безапелляционно заявлял об устарелости и абсурдности позитивизма [830, с. 143]. Негативное отношение философов к позитивизму можно объяснить отрицанием О. Контом права на самостоятельную науку, а неблагоприятность богословов – идеей О. Конта о светской религии.

Частично поддерживая новации (в большинстве случаев касающиеся методики работы с историческими источниками)¹⁴, историки церкви повторяли устаревшие на начало 1860-х годов утверждения. Например, харьковский архиепископ Макарий, выступая в церкви Харьковского университета, привёл в проповеди теологическую, а не позитивистскую трактовку общественного прогресса. Он подчёркивал, что христианство не изменяет «в людях их природу, их силы и прирожденные им законы», ибо «так угодно» Богу [694, с. 49–50]. Итак, историки церкви давали теологическое объяснение исторического процесса, при этом цитируя различные, в тому числе архивные актовые источники.

За публичными и печатными трактовками церковных источников строго следил Синод Русской Православной церкви. П. В. Тихомиров вспоминал: «В сочинениях по священно-

---

14 Макарий писал в предисловии о научной и нравственной задаче исследования о церковном расколе XVII в. Первую задачу архиепископ трактовал так: «Разъяснить и изобразить с возможною верностью, отчётливостью и полнотою одно из замечательнейших и многосложнейших событий нашей церковной истории» [693, с. 2]. При этом он «старался, сколько мог, основывать... показания на самых коренных и достоверных источниках и вообще **удовлетворить современным требованиям науки** [выделено нами – Б. Е.]» [693, с. 2].

му писанию запрещается отвергать подлинность какой-либо священной книги или даже её части. Запрещается говорить о разных авторах Пятикнижия, Исаяи, давать историческое объяснение так называемым мессиянским местам и т. д. В сочинениях по церковной истории запрещается заниматься еретиками, особенно систематизировать их учения, ...нельзя отрицать древнерусских легенд и т. д. В богословских сочинениях нельзя даже расходиться с филаретовским катехизисом» [1877, с. 344].

Отношение польских учёных подавстрийской Украины к позитивизму было неоднозначным. В первую очередь это было обусловлено, как отмечал Е. Г. Синкевич, разницей в видении истории Польши т. наз. «оптимистами» и «пессимистами» [1652]. Кроме того, мощное неоромантическое течение в польской историографии начала XX в., как показано Л. А. Зашкильяком, коррелировало отношение к основным идеям позитивизма [1313]. В то же время львовские исследователи (в отличие от варшавских) преимущественно более сдержанно оценивали идеи краковских учёных. Эта разница во взглядах на втором съезде польских историков (1890 г.) отразилась в дискуссии по реферату лидера «варшавского позитивизма» Т. Корзона. О. Бальцер назвал критику Т. Корзоном идей краковской школы из-за разницы подходов её представителей к исследованию исторического процесса ошибочной [1784, s. 377]. Представитель этой школы М. Бобжинский оценивал разработанную в основном позитивистами методику работы с историческими источниками как одно из лучших достижений европейской историографии. Учитывая это, он одобрительно отозвался о разработке исторических источников профессором К. Лиске¹⁵ и его учениками [1784, s. 155]. С. Закшевский считал недостатком национальной историографии первой четверти XX в. возрождение среди польских, в т. ч. среди львовских, историков интереса к истории народа, а не государства [1139]. Учёный раскритиковал неороманти-

---

15 Сам К. Лиске достаточно низко оценивал профессиональный уровень современных ему исторических исследований, считая: «Польская историография, а также критика попала в руки дилетантов» [1075, s. 499].

ков за искажение истории [1142, t. 1, s. 186–187]. Выступая на общем собрании Польского исторического общества (Львов, 1923 г.), он охарактеризовал новый период развития польской историографии как эпоху «настоящей независимости науки» из-за утраты ею задачи политической пропаганды [1142, t. 1, s. 224].

Итак, начальный этап историографии проблемы приходится на 1860-е – 1920-е годы – период доминирования (относительно 1920-х гг. – сосуществования с другими моделями) позитивистского варианта историописания в историографии. Труды историков и социологов этого времени содержали первые оценки роли позитивизма в общественных науках.

С конца 1920-х годов на землях СССР позитивистский вариант историописания подвергался критике. Работа исторических научно-исследовательских учреждений и отдельных ученых пребывала под жёстким партийно-идеологическим контролем.

Учёные Западной Украины 1920-х – 1930-х гг., придерживавшиеся позитивистской модели историописания, критиковали борьбу с позитивизмом в советском обществоведении. Н. И. Шлемкевич писал о советской науке конца 1920-х годов следующее: «Чистый позитивизм представлен там разве той наукой, зависимой от правительства, запёртой в академических комиссиях» [493, с. 254]. По его оценке позитивизм в СССР перестал быть мировоззрением и основой «организации всей духовности нашей эпохи» [493, с. 254]. О «диктатуре догмы» и «сужении свободы научной критики» в советском обществоведении 1920-х гг. писал в эмиграции Н. Е. Шаповал [1897, с. 7–8].

В начале 1920-х гг. часть польских, в т. ч. львовских, историков отказалась от неоромантизма, вернувшись к модернизированному позитивизму.

В Советском Союзе руководством страны главной теорией исторического процесса был провозглашён немного отличающийся от идей К. Маркса и Ф. Энгельса марксизм, который отстаивали советские обществоведы. С конца 1920-х годов изучение немарксистских теорий имело целью доказать ошибочность подходов их приверженцев в объяснении разных общественных проблем и истинную научность лишь

теории исторического материализма. Последняя фактически подменяла собой философию истории и методологию истории. Не разрешалось (по крайней мере публично) признавать отличные от марксистского подхода интерпретации прошлого. Избирательное использование источников и заидеологизированный анализ отдельных исторических фактов, которые считалось целесообразно приводить в соответствии с марксистско-ленинской исторической схемой, отказ от позитивизма и других теорий обедняли исторические труды советского времени.

Литература времён сталинизма в оценках взглядов и научного наследия историков-позитивистов отличалась идеологической заангажированностью¹⁶.

В оценке позитивизма учёные СССР руководствовались высказываниями фундаторов «единственно правильной и верной теории» (т. наз. марксизма-ленинизма). Часто цитировались, например, слова К. Маркса о «дрянном позитивизме» [698, с. 197] и упрёки Ф. Энгельса относительно присвоения О. Контом идей своего учителя А. Сен-Симона [977, с. 565]. В. И. Ленин вообще называл позитивизм одним из «ублюдочных прожектов примирения материализма и идеализма» [644, с. 358], «жалкой кашицей, призренной партией середины [разрядка текста автора – Б. Е.], путающей по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление» [644, с. 361].

Такое цитирование классиков марксизма в советские времена носило обязательный (можно сказать, ритуальный) характер и предполагало формальное принятие их положений¹⁷. Одним из случаев несогласия учёного с оценками

---

16 Творчество Д. М. Петрушевского 1920-х гг. оценивалось А. И. Даниловым как «проникновение буржуазной идеологии в молодую советскую историческую науку» [1271, с. 311]. И далее: «Неспособный порвать с буржуазно-реакционными идеалистическими концепциями, выступавший их проводником Петрушевский не смог понять и оценить тех перспектив, которые открылись для развития наук в нашей стране с победой Великой Октябрьской социалистической революции» [1271, с. 311].

17 Цитирование классиков марксизма в советские времена принципиально отличалось от цитирования творцов позитивизма в дореволю-

К. Маркса и Ф. Энгельса является утверждение П. Т. Белова: «Встречающиеся у Маркса и Энгельса отрицательные оценки родоначальника позитивизма, – писал он, – не могут служить основанием для нигилизма с нашей стороны по отношению к его трудам в целом, хотя бы уже потому, что у классиков марксизма нет специального и всестороннего разбора философии Конта» [1160, с. 91].

Некоторые исследователи советских времён (например, П. Ф. Лаптин [1439, с. 92]) называли позитивизм идеалистической и реакционной философией. Главными недостатками позитивистской методологии истории О. Л. Вайнштейн называл идеализм, агностицизм, эклектизм [1203, с. 207]. Представляется упрощённой следующая сентенция И. С. Кона: «Под флагом борьбы с „метафизикой” и „трансцендентностью” позитивизм отказывался от ясного решения основного вопроса философии и выступал в роли „упразднителя” философии, сводя её к простому суммированию данных конкретных наук» [1403, с. 43]. А. В. Гулыга [1261, с. 142] и П. С. Шкуринов [1747, с. 315–316] упрекали позитивистов в отсутствии диалектики и понимания сущности использованных понятий и категорий.

Советские учёные (среди них О. Л. Вайнштейн [1203, с. 208], Б. Г. Могильницкий [1507, с. 33]) подчёркивали, что позитивистская методология отражала мировоззрение либеральной буржуазии. В немногих случаях признавалась прогрессивная роль позитивистского мировоззрения в целом, а вместе с тем и позитивистской историографии в странах с медленным развитием капитализма и сильными пережитками феодализма (например, в Италии, Испании, России, южнославянских странах, Чехии) [1266, с. 298].

Среди позитивных черт «первого» позитивизма Л. А. Журавлёв выделял принцип методологического единства есте-

---

ционный период условиями, формами, характером, мотивами. Цитирование О. Конта, Г. Спенсера, Д. С. Милля было в первую очередь выявлением уважения к их, не поддержанных официально властью, идеям, а также способом присоединиться к риторике позитивистского нарратива. Случаи критического цитирования, особенно в 1860-х – 1870-х годах, были сравнительно менее распространёнными.

ственных и общественных наук, попытку создания теории об обществе, разработку структурно-функционального метода, историзм¹⁸ и защиту идеи общественного прогресса [1296, с. 100]. «Недостатками» учения он называл ограниченность методологии, недооценку многовариантности форм и темпов исторического развития разных народов, неправильное понимание общественного прогресса и его критериев [1296, с. 98–100]. Л. А. Журавлёв определял такие характерные черты позитивизма: рационализм (никакая теория не должна нарушать законы формальной логики); эмпиризм (всякая теория подлежит эмпирической проверке); сциентизм (отказ от идеологической, политической, моральной или религиозной заангажированности; поиск законов, подобных законам в точных науках) [1296, с. 28]. Попутно отметим, что на современном этапе развития методологии объяснение перечисленных им науковедческих понятий представляется недостаточным. В частности рационализм (не как гносеологический принцип, а совокупность философских идей) является более многозначным понятием.

Исследователи в СССР признавали значительное влияние позитивизма на мировоззрение и научную деятельность работавших в 60-х годах XIX — в начале XX вв. историков. А. Г. Гидони [1236] и В. С. Панин [1556] отмечали значительную роль работы Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» в распространении идей «первого» позитивизма в России в 1860-х — 1870-х годах.

А. Н. Нечухрин [1531, с. 6] и другие авторы оценивали позитивистскую историографию как доминирующее направле-

---

18 Историзм учения творцов «первого» позитивизма, по мнению Л. А. Журавлёва, состоял в поиске внутренней взаимосвязи всех социальных институтов через выявление их специфической функции (и определенной структуры каждого из них); в признании общественного прогресса «к лучшему и более счастливому состоянию» (Дж. Ст. Милль), что обеспечивается общими законами развития человеческой природы (О. Конт и Дж. Ст. Милль) или законами социальной эволюции (Г. Спенсер); в провозглашении единственно возможным путём развития человечества последовательность смены одних состояний общества другими (стадии развития человеческого разума у О. Конта и Дж. Ст. Милля, последовательные фазы дифференциации и интеграции у Г. Спенсера) [1296, с. 98–99].

ние в исторической науке 60-х гг. XIX – начала XX вв. с подчёркиванием существенной внутренней эволюции от «первого позитивизма» к «критическому позитивизму».

В научных трудах советских времён высказано разные точки зрения на хронологические рамки существования позитивистской историографии и социологии в России. И. А. Голосенко выделял конец 1860-х – начало 1880-х годов как начальный этап развития социологии, когда «граница между обыденным, житейским социальным знанием и научным была ещё крайне зыбкой, цели исследований – абстрактными, сбор материала и обобщения его – методологически неосновательными, так как опирались на натуралистический редукционизм разных оттенков» [1248, с. 48]. С известными оговорками эти слова можно отнести и к характеристике процесса адаптации идей позитивизма в исторической науке.

В названии главной работы Б. Г. Могильницкого по методологии позитивистской историографии в России указаны хронологические рамки – середина 1870-х – начало 1900-х годов. Однако в тексте книги «Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х годов XIX – начала 900-х годов» приводятся историографические факты 1860-х – первой половины 1870-х (преимущественно анализируются труды И. В. Лучицкого) и после 1900-х годов [1507, с. 75, 112, 114–115, 117–119, 122, 171, 175, 178, 230, 271, 318 и др.]. Сам Б. Г. Могильницкий в более ранней статье датировал начало распространения позитивизма 1860-ми – 1870-ми годами [1508]. Таким образом, историограф определял 1860-е – 1870-е гг. как период распространения, а 1870-е – начало 1900-х годов как время доминирования позитивизма в исторической науке Российской империи.

Путём анализа трудов М. М. Ковалевского, И. В. Лучицкого, Д. М. Петрушевского, Е. В. Тарле и других представителей «социально-экономического направления» Б. Г. Могильницкий обстоятельно исследовал главные теоретико-методологические основы либеральной историографии России 1870-х годов – начала 1900-х гг. В частности, он проследил процесс восприятия и дальнейшего переосмысления некоторыми историками России доктрины позитивизма. Как спра-

ведливо заметил исследователь, «необходимо принимать во внимание различные направления в самой положительной социологии, характер её взаимоотношений с исторической наукой на разных этапах её развития, специфику социально-политических условий в каждой из тех стран, где позитивизм получил распространение» [1507, с. 111; такое же суждение: 1508, с. 209]. Именно им на широком источниковом материале прослежено влияние общественно-политических взглядов отдельных представителей «социально-экономического направления» на историографическую практику, в т. ч. тесная связь тематики исторических трудов с актуальными общественно-политическими проблемами исследуемого периода [1507, с. 51]. Также Б. Г. Могильницкий очертил пять главных черт позитивистской историографии Российской империи середины 70-х гг. XIX – начала XX вв.: 1. «Утверждение идеи прогресса как определяющей черты исторического развития, сочетавшееся с признанием его сложного и противоречивого характера. 2. Провозглашение эволюции нормальным путём исторического развития. 3. Признание закономерного характера исторического развития, сочетавшееся с решительным отказом от всяких попыток объяснения истории с помощью трансцендентальных сил. 4. Эклектизм». 5. «Отождествление исторического прогресса с ростом общественной солидарности» [1507, с. 232].

Позитивизм, как указывал Б. Г. Могильницкий, превратился в официальную [лучше нормативную – Б. Е.] методологию значительной части историографии второй половины XIX – начала XX вв., «определяя в большой мере как методы и приёмы, так и саму направленность исторического исследования» [1507, с. 107].

Томский историограф называл ошибочным утверждение, что историческая теория М. М. Ковалевского «целиком покоится на идеалистических основаниях» [1507, с. 170]. При этом Б. Г. Могильницкий ссылаясь на признание самим М. М. Ковалевским зависимости социально-политической организации общества от способа производства материальных благ и на его концепцию о «росте плотности народонаселения» как главном факторе экономического прогресса

общества [1507, с. 170]. Итак, Б. Г. Могильницкий отмечал влияние материализма на мировоззрение историков-позитивистов, т. е. фактически признавал дуалистический характер их взглядов.

Б. Г. Могильницкий считал преувеличением связывать начало активного изучения социально-экономической истории позитивистами 1870-х годов – начала XX в. лишь с влиянием марксизма [1507, с. 140, 237]. Он похвально оценивал заинтересованность некоторых историков-позитивистов марксистскими идеями как «серьёзный шаг вперед в теоретическом осмыслении исторического процесса» [1507, с. 166]. Одновременно учёный отмечал «поверхностное понимание [позитивистами – Б. Е.] марксизма, сочетавшееся с признанием научной значимости постановки вопроса об экономической основе общественного развития» [1507, с. 166].

Б. Г. Могильницкий признавал также и значительные эвристические возможности позитивизма «в изучении конкретно-исторического материала, позволяя ему в отдельных случаях преодолеть в какой-то степени ограниченность своих собственных исходных методологических установок» [1507, с. 119]. В то же время он подчёркивал трудности в сравнении и оценке методологии большинства историков-позитивистов в силу её эклектичности, некоторые противоречия между методологическими принципами и конкретной историографической практикой, сложность и внутреннюю противоречивость позитивистской методологии [1507, с. 254 и др.]. Эклектизм, по мнению учёного, выражался в «причудливом смешении материалистических и идеалистических представлений о характере и движущих силах исторического процесса при наличии общего идеалистического миропонимания»; в сосуществовании «разнородных, а иногда и прямо исключаящих друг друга, принципов и положений, что позволяло собираться под её [позитивистской философии – Б. Е.] знаменем историкам, придерживавшимся различных идейно-методологических взглядов» [1507, с. 108, 170; подобное суждение: 1508, с. 207].

Историографии советских времён была присуща негативная оценка эклектизма методологии историков-позитиви-

стов. В. Т. Зонов, например, считал, что «методологический эклектизм» М. М. Ковалевского «лишал его исследовательский метод научной строгости, ограничивая его эвристические возможности» [1326, с. 154]. Такие оценки выглядят сегодня ограниченными.

В трудах исследователей советского времени частично прослежено влияние неокантианства и марксизма на позитивизм. И. С. Кон, например, признал влияние идей И. Канта на позитивистов и оппонентов позитивизма [1402, с. 99]. Попытки синтеза позитивизма с объективным идеализмом оценивались им как «позитивистский идеализм» или «идеалистический позитивизм» [1402, с. 99]. П. С. Шкуринов показал распространение идей позитивизма, а потом и неокантианства в России как закономерное развитие общественных наук [1747]. По его оценке обе теории не противостояли друг другу [1747, с. 307]. Влияние неокантианства на позитивистскую историографию в конце XIX – в начале XX вв. рассматривали Л. Н. Хмылёв [1732], О. В. Сеницын [1644–1645] и др. Исследователи подчёркивали сохранение устойчивой позитивистской научной традиции на рубеже XIX–XX веков и сближение неокантианства со «вторым» позитивизмом.

Л. Н. Хмылёв считал, что становление методологии истории происходило только в рамках исторической науки: «Становление методологии истории, в отличие от собственно социологии или философии истории, было обусловлено эволюцией самой исторической науки. Методология истории формировалась... как одна из отраслей исторической науки [разрядка текста автора – Б. Е.], и в этом её специфика» [1732, с. 75–76]. Нам близкой же является точка зрения Н. М. Дорошенко, которая связывает становление методологии исторической науки также и с философским знанием [1283, с. 24 и след.].

В центре внимания исследователей СССР чаще всего были взгляды тех учёных, которые в отдельные периоды своего творчества признавали правильность некоторых положений марксистской теории. Самое большое внимание уделялось взглядам таких украинских историков: М. П. Драгоманова [1451; 1302, с. 99–137; 1459; 1657; 1749, с. 100–117; 1667 и др.]; И. Я. Франко [1163; 1224; 1229; 1377; 1414; 1454; 1532; 1658; 1659

и др.]. В то же время А. Г. Белоус выдвигал обвинения в неспособности или нежелании И. Я. Франко стать марксистом, ибо последний «не считал марксизм единственно правильным учением» [1163, с. 10]¹⁹.

Кроме того, учёные советского периода (среди них А. Г. Белоус [1163, с. 22–23]) некорректно пытались «освободить» мировоззрение так называемых «революционных демократов» от элементов позитивизма и объявить их взгляды материалистическими. Сегодня эти оценки и подходы А. А. Лысенко [1453–1454] и других учёных исследуемого времени ко взглядам М. П. Драгоманова, О. С. Терлецкого, Н. И. Зибера, С. А. Подолинского, И. Я. Франко выглядят устаревшими.

Советские исследователи также изучали общественно-политические и исторические взгляды М. М. Ковалевского [1326; 1380; 1439; 1452; 1461; 1578; 1634 и др.], Н. И. Костомарова [1569 и др.], М. А. Максимовича [1552, с. 105–107 и др.], Д. М. Петрушевского [1271], В. К. Пискорского [1728–1730], Е. В. Тарле [1286].

Отдельные элементы позитивистской парадигмы были предметом научных исследований В. Т. Зонова, П. Ф. Лаптина, Б. Г. Могильницкого, А. Н. Нечухрина, Б. Г. Сафронова, Л. Н. Хмылёва, П. С. Шкуринова и других авторов.

Большинство исследователей эволюционной концепции (среди них А. Д. Ковалёв [1380], Б. Г. Могильницкий [1507]) высоко оценивали эволюционную теорию, которая, по их мнению, имела позитивное влияние на развитие самой исторической науки и стала методологической основой либеральной историографии второй половины XIX – начала XX вв. П. Ф. Лаптин [1437, с. 8 прим.] указывал, что теория эволюции является теоретической основой либерализма, выступавшего за постепенную эволюцию капиталистических

---

19 И. Я. Франко ставилось в упрёк, что в пособии по политической экономии он наряду с работами К. Маркса ввел «даже работы Милля», а в статье «Мысли об эволюции в истории человечества» использовал труды позитивистов Г. Т. Бокля, Д. Лейбока, Г. Мэна, Г. Спенсера, Э. Тэйлора [1163, с. 10]. Кроме того, по оценке А. Г. Белоуса, объективизм И. Я. Франко «приводит его к незрелым, а то и ошибочным положениям» [1163, с. 10].

отношений. Позитивистская теория эволюции, как подчёркивал П. Ф. Лаптин, «оставалась всегда методологической основой русских либеральных историков, даже тогда, когда позитивизм перестал быть модой» [1437, с. 8 прим.]. Учёные СССР выдвигали и идеологические обвинения в адрес эволюционной теории. «Идея автоматической эволюции, — писал И. С. Кон, — была явно направлена против усиливающегося рабочего движения» [1401, с. 160].

Исследователи советского периода похвально оценивали уже сам факт признания позитивистами закономерностей исторического процесса. По мнению некоторых исследователей, признание учёными 1860-х — начала 1920-х годов как правило закономерностей, а не законов общественного развития свидетельствовало об ограниченности их методологии (В. Д. Жигунин [1294]; Б. Г. Могильницкий [1507, с. 120–121] и др.). В то же время Б. Г. Могильницкий объяснял отрицание позитивистами исторических законов и их борьбой против метафизических представлений о вечных и неизменных законах, управляющих историей [1507, с. 176 и др.].

Учёные советского времени (Г. Г. Асланян [1156], А. П. Казаков [1345], И. С. Кон [1401], А. А. Лысенко [1451], Б. Г. Могильницкий [1507] и др.) вполне одобрительно относились к позитивистскому пониманию общественного прогресса.

Частичное освещение в научной литературе советского периода получила проблема теории факторов. Большинство авторов подчёркивали эклектизм, отсутствие системной целостности позитивистской концепции факторов, её теоретическую неопределённость. И. С. Кон даже отрицал её наличие: «„Теории“ факторов как таковой никогда не существовало» [1402, с. 37].

Последний период позитивистской историографии советские учёные трактовали как кризисный. Свою точку зрения они обосновывали утратой позитивистской историографией прогрессивных черт, а именно: усилением идеализма, отказом части историков от признания исторического процесса как закономерного и поступательного и т. п. Учёные также связывали кризис с методологическими дискуссиями позитивистов с представителями неокантианства и марксизма. Кризис по-

зитивистской историографии И. Д. Ковальченко и А. Е. Шикло обуславливали социально-политическими процессами, прежде всего переходом капитализма в империалистическую стадию и окончательной утратой буржуазией своей прогрессивной роли [1381, с. 20]. Б. Г. Могильницкий выделял в качестве главного критерия кризиса позитивистской историографии начало империалистической стадии развития капитализма, усиление реакционности буржуазии [1507, с. 406], М. А. Алпатов – реакцию после поражения первой российской буржуазно-демократической революции [1148, с. 23]. Сегодня эти объяснения выглядят устаревшими, поскольку эти критерии нельзя применять для характеристики развития науки. Кризисные явления А. Н. Нечухрин датировал серединой 90-х гг. XIX в. [1531, с. 6] или началом XX в. Революции 1905–1907 гг. и 1917 г., по мнению А. Н. Нечухрина, обострили кризис «критического позитивизма», который в конце 1920-х гг. в новых политических условиях перестаёт существовать [1531, с. 6–7].

Вместе с тем некоторые исследователи, в т. ч. И. Д. Ковальченко и А. Е. Шикло, подчёркивали, что наряду с кризисом методологии происходили и позитивные изменения в исторической науке: расширение проблематики, сбор конкретного фактажа, усовершенствование исследовательской методики [1381, с. 21]. Историографический процесс конца XIX – начала XX вв., на наш взгляд, нельзя признавать кризисным, поскольку новые теории не отрицали, а лишь обогащали позитивистскую модель историописания.

В то же время некоторые советские исследователи высказывали более глубокие оценки рецепции позитивизма в историографии. П. С. Шкуринов подчёркивал, что в условиях российской действительности позитивизм трактовался «материалистически» [1747, с. 343]. Одним из первых использовал термин «русский позитивизм» Н. П. Рагозин. Главной причиной распространения этого явления он назвал либерально-реформаторские настроения интеллигенции [1611, с. 80]. Б. Г. Сафронов признал широкую распространённость позитивизма в России с 1860-х годов, подчёркивая: «За исключением крайних мракобесов, широкие слои либералов и демократов всех оттенков интересовались позитивизмом»

[1634, с. 44]. Б. Г. Сафронов также считал, что М. М. Ковалевский никогда не разрывал с позитивизмом, подчёркивая «упорство, с которым он отстаивал свои убеждения, сложившиеся ещё в 70-х годах, от „новых веяний”» [1634, с. 66]. Знакомство М. М. Ковалевского с новыми теориями, как будет показано в нашем исследовании, приводило к частичному восприятию им отдельных их элементов. Т. е., на наш взгляд, можно признавать определённую эволюцию его теоретико-методологических взглядов.

Н. Ф. Уткина оценивала позитивизм XIX в. как идейное направление, представлявшее собою «своеобразную смесь эмпиризма, реализма, материализма и позитивизма» [1718, с. 309]. Исследовательница проследила объединение разных теорий под лозунгом позитивизма, дала ему оценку не только как ведущему направлению науки XIX в., а и идеологии, социально-культурному феномену и умонастроению (рефлексии повседневного сознания) [1718, с. 12–13]. Н. Ф. Уткина указывала, что в позитивизме «буквально запечатлены и воплощены» главные тенденции развития культуры той эпохи [1718, с. 12]. По её оценке позитивное знание характеризовалось «богатством философской рефлексии», «почти непосредственным отражением рельефных черт эпохи» [1718, с. 12–13]. В своих рассуждениях Н. Ф. Уткина придерживалась широкой трактовки рецепции позитивизма в России, что более характерно для польских учёных, чем учёных СССР 1960-х – 1980-х годов.

В трудах советского времени можно встретить противоречивые оценки доктрины позитивизма и её места в историографии: некоторые исследователи акцентировали внимание на отдельных достижениях позитивистской историографии (Е. В. Гутнова [1266, с. 284, 297–298], И. С. Кон [1403, с. 39–46], Б. Г. Могильницкий [1507, с. 404–405] и др.), другие подвергали её суровой критике (П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев [1721, с. 60, 64]). Работам учёных советских времён недоставало чёткого понимания специфики рецепции позитивизма, особенностей позитивистского мировоззрения историков и развития позитивистской историографии в подросийской Украине.

В научной литературе украинской эмиграции прослеживается несколько иной подход к методологии украинской народ-

ническо-позитивистской историографии²⁰. И. П. Лысяк-Рудницкий высказал несколько правильных замечаний, в частности о сущности двух этапов (романтического и позитивистского) народнической историографии и разницы между ними [1456, с. 59–88]. По его убеждению учёных украинского происхождения (Н. И. Зибера, М. М. Ковалевского, В. В. Лесевича, Б. А. Кистяковского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, М. И. Туган-Барановского), которые большую часть своей жизни жили вне Украины, необходимо рассматривать как представителей украинской интеллектуальной традиции [1837, р. 207]. Своё мнение И. П. Лысяк-Рудницкий обосновывал национально ориентированными взглядами этих учёных, их причастностью к украинскому делу, что имело иногда катастрофические последствия для их служебной карьеры [1837, р. 207].

Учёные украинской эмиграции более взвешено подходили к проблеме синкретизма взглядов позитивистов. Характеризуя взгляды М. С. Грушевского, О. Прицак подчёркивал, что «каждый великий историк является эклектиком, т. е. выбирает для каждой отдельной сферы исследования методы познания, которые для той цели лучше всего годятся» [1608, с. 51].

В трудах западноевропейских и американских авторов XX – начала XXI вв. (Л. Гумшловича [407], Р. Арона [1155], Б. Кроче [1421], П. Тольятти [1710], Х. Уайта [1711], Д. Чарлтона [1772], Дж. Иггерса [1797], Я. Кудрны [1808], В. М. Симона [1843], М. Гроха [1787], С. Величенко [1856] и др.) содер-

---

²⁰ Термин «народническо-позитивистская историография» в исследовании используется для обобщённой характеристики народнических направлений разных национальных историографий 1860-х – начала XX в. Теоретико-методологические основы историко-правового направления были более подобны концептуальным основам доминирующего в российской исторической науке государственного направления. К историко-правовому направлению в историографии подросийской Украины мы относим Д. И. Каченовского, М. М. Ковалевского, А. Н. Стоянова и других представителей Харьковской историко-юридической школы, М. Ф. Владимирского-Буданова, Ф. И. Леонтовича и других членов Киевской историко-юридической школы. Современные исследователи (Л. А. Зашкильняк [1307, с. 18], В. В. Ржеуцкий [1619, с. 77]) относят народническое и государственное направления к позитивистскому течению национальных историографий Центральной и Восточной Европы конца XIX – начала XX вв.

жаты общие факты по истории общественно-политической мысли Западной Европы, Российской и Австро-Венгерской империй. Исследователи в большинстве случаев подчёркивают доминирование позитивизма в европейском обществоведении второй половины XIX — начала XX вв.

Национальная специфика рецепции позитивизма в польской культуре и науке, в частности в историографии, получила намного детальнее освещение в научной литературе. Среди главных элементов «польского позитивизма»²¹ Б. Скарга выделяла сциентизм, антиромантизм, критику немецкого идеализма, особенно гегельянства, общественно-политическую программу «органического труда» [1847, s. 19]. «Польским позитивизмом» она называла и ведущее течение в философии, художественной литературе, историографии и других науках, и методологию научного познания, и идеологию, и общественно-политическое движение, мировоззрение и культуру передовой интеллигенции [1845–1847]. Это, в частности, дало возможность Б. Скарге прийти к выводу, что так называемые антипозитивистские доктрины на самом деле содержат важные элементы позитивизма [1846, s. 293].

Ещё в 1974 г. М. Вежбицкая предложила анализировать методологию польской исторической науки с 1860-х годов и до конца XIX столетия не по причине «антагонизма „школ”» — варшавской и краковской, а «скорее в контексте позитивистской модели науки» [1859, s. 50].

Я. Скарбек определил такие главные принципы позитивистской концепции науки в польском и европейском науковедении второй половины XIX в., как соблюдение принципа «минимализма» (т. е. изучение только явлений), призыв к более широкому использованию в разных сферах жизни достижений науки, близость предмета гуманитарных и естественных дисциплин, преимущественно онтологическая проблематика [1844, s. 121–122, 162–163].

---

21 Выделением в кавычках словосочетаний «польский позитивизм», «украинский позитивизм», «российский позитивизм» мы подчеркиваем условность этих терминов. Целесообразно говорить скорее о специфике рецепции позитивизма в разных национальных культурах, образовании и науках.

М. Жмигродзкая высказала ценное суждение относительно широкой трактовки позитивизма как мировоззрения, которое «охватывает несколько областей общественного сознания» [1869, s. 104]. Она также подчёркивала, что в разных национальных культурах и у учёных «не все элементы имели одинаковое значение, не все даже выступали одновременно. Сциентизм и агностицизм „философского позитивизма“, натурализм „общественного позитивизма“, либерализм „политического позитивизма“, утилитаризм в позитивистской этике и эстетике получали при этом различнейшие оценки, отличавшие конкретные версии мировоззрения эпохи» [1869, s. 104]. Особенности «исторической ситуации», «разница идейно-политических основ мыслителей, их особые интеллектуальные традиции», по оценке М. Жмигродзкой, привели к «выбору различных вариантов позитивистского мышления, а особенно к их разной конкретизации» [1869, s. 104]. Широкой трактовки позитивизма придерживается, например, и Г. Козловская [1806, s. 5].

Достаточное освещение в научной литературе получила национальная специфика рецепции позитивизма в польской культуре и науке, в частности в историографии. Г. Маркевич признаёт большое влияние позитивистской теории на развитие национальной науки и художественной литературы, а сам «польский позитивизм» трактует чрезвычайно широко – и как общественно-политическое движение, и как доминирующую культуру польской нации указанного периода [1814, s. 6, 9]²².

Известные польские исследователи А. Ф. Грабский и М. Серейский [1790, s. 578–580], Е. Матерницкий [1817, s. 231, 270–271, 369–371] связывают окончательное оформление дисциплинарного статуса польской историографии («профессионализация истории») с началом доминирования позитивизма в 1860-х годах. Считаем, что подобная ситуация характерна для украинской и многих других, по крайней

---

22 Между прочим С. Козак широко трактует и романтизм – как литературное направление, течение общественной, в частности исторической, мысли, тип культуры [1804, s. 136–137].

мере европейских, историографий. Более взвешено, в т. ч. и в советские времена, дискутировали учёные Польши и СССР о хронологических рамках «польского позитивизма». В научной литературе поданы разные даты периода его доминирования: 1840–1900 гг., 1863 г. – конец XIX в. (Л. Шафран-Шадковская [1850, s. 99]); 1864–1895 гг. (до 1905 г.) (Г. Маркевич [1814, s. 9–10]). При этом авторами подчёркивалась приближенность хронологических границ.

Польские учёные (среди них З. Кудерович [1807] и Е. Матерницкий [1822; 1825–1826]) характеризуют 1900–1918 годы как период неоромантизма и модернизма польской историографии с частичным сохранением и возвращением в 1908–1914 гг. к позитивистской научной традиции.

Среди исследователей СССР наиболее детально изучал «польский позитивизм» К. В. Душенко. Он дал ограниченные хронологические рамки доминирования варшавского позитивизма в науке и литературе польских земель, поделив на такие подпериоды: 1) 1866–1870 гг.; 2) 1871–1875 гг.; 3) 1876–1883 гг.; 4) с середины 1883 г. – кризис либеральной утопии и резкое снижение идеологической активности позитивистов [1287, с. 151–152].

По оценке К. В. Душенко, «польский» позитивизм существовал в Галиции и Познанщине, но стал влиятельной общественной силой только в Королевстве Польском [1287, с. 110]. Такая оценка требует дополнения и корреляции, ведь «польский» позитивизм, по О. А. Николаенко, охватил разные сферы экономической, политической, научной жизни польского сообщества и на Правобережной Украине [1533]. Подобный подход продемонстрировал А. Романовский, который показал распространённость позитивизма именно как социокультурного явления, а не только философии или мировоззрения на литовско-белорусских землях [1836, s. 451]. Он также связал рецепцию идей позитивизма с разными направлениями работы «польского землячества» на этих землях Российской империи [1836, s. 452].

Заслуживают высокой оценки и многочисленные труды Е. Матерницкого по истории польской исторической науки XIX–XX вв. Профессор основательно характеризует исследования польскими учёными творчества львовских историков без

детальной оценки их теоретико-методологических взглядов [1823]. По его мнению, львовские учёные, в отличие от варшавских и краковских, не предложили собственной оригинальной концепции исторического развития Польши [1817, s. 230]. В то же время Е. Матерницкий считает львовских историков программными «объективистами», но менее радикальными, чем их варшавские коллеги [1817, s. 269]. По его подсчётам в 1865–1900 годах во Львове работало историков больше, чем в Варшаве [1817, s. 229]. По его оценке «„пессимистические” выводы краковских историков трудно воспринимались польскими историками во Львове» [1817, s. 268]. Кроме того, известный историограф пришёл к выводу о высоком профессиональном уровне исторических трудов львовян, подчеркнул их основательную подготовку к разработке источников, что отвечало исследовательским стандартам эпохи позитивизма [1817, s. 231, 270–271, 369–371]. Свой вывод он обосновывает также тем, что ведущие польские историки Львова на протяжении 1865–1918 гг. получили образование в университетах Германии (В. Абрахам, О. Бальцер, Б. Дембинский, Л. Финкель, В. Кейтжинский, А. Малецкий) и в Австрии (Л. Кубалья, А. Малецкий, А. Прохаска, Т. Войцеховский) [1817, s. 370–371]²³. Учёный считает «позитивистами» далеко не всех польских историков, время активной научной деятельности которых выпало на период позитивизма [1817, s. 350 прим.].

Между тем К. Сренёвская ещё раньше утверждала, что историки второй половины XIX столетия «независимо от места их проживания репрезентовали единственную историческую школу, так называемую позитивистскую школу» [1852, s. 94].

---

23 Е. Матерницкий подчёркивает сложность исследования рецепции западноевропейской методологии в исторических трудах: «Исследование является очень трудным. Дело является сложным, между прочим, и потому, что на методологическую сущность определённого исторического труда влияло много факторов, которые, как правило, были так переплетены, что их трудно отделить один от другого и однозначно обозначить. На этом этапе идёт речь не о выявлении зависимости в сфере теоретической мысли (польской и мировой), а об исследовании реляции между определёнными, объявленными на Западе, методологическими концепциями и исследовательской практикой польских историков» [1821, s. 120–121].

В некоторых работах анализируется мировоззрение отдельных учёных Львова. Творчеству Ф. Буяка посвящены статьи С. Новаковского [1830] и А. Ф. Грабского [1788]; позитивистским взглядам молодого А. Шелонговского – работы В. Чаплинского и Г. Верещицкого [1774], Е. Матерницкого [1827 и др.]. Результаты исследований польских учёных имеют незаурядное значение в первую очередь для общей характеристики рецепции «польского позитивизма» в общественной, в частности исторической, мысли и анализа развития польской позитивистской историографии Галиции.

Особая сложность изучения материала состоит в соединении национального критерия и регионального подхода для исследования исторической науки на украинских землях, не представлявших на то время собой целостности. Большинство учёных не воспринимают идею совместного изучения трудов учёных украинских земель обеих империй. Остаётся, к сожалению, типичной ситуация, когда в названиях тем диссертаций, монографий и статей под словом «Украина» периода XIX – начала XX вв. имеется в виду, как правило, подросийская её часть. Очевидно, такому избирательному изучению способствует нелинейное развитие исторической науки в разных странах. Пребывание национальных, в т. ч. украинской и польской, историографий в разных государствах наложило свой отпечаток на историографический процесс, что принуждает исследователей преимущественно к компаративистскому, а не транснациональному подходу к их изучению.

В современной отечественной научной литературе также прослеживается чёткая тенденция сужения проблемного поля историографии. Главное внимание уделяется именно тем учёным Украины, которых традиционно принято считать украинскими историками. Творчество историков, не принадлежавших к украинской историографии, изучается сравнительно меньше. Только отдельные аспекты дискуссионной темы национальной идентификации историков подросийских и подавстрийских украинских земель в последнее время стали предметом анализа И. Б. Гирича и А. Л. Рыбалко [1239], А. Каппелера [1356, с. 117], И. П. Куцога [1430], П. Р. Магоция [1462, с. 102–103], В. В. Масненко [1479], А. В. Портнова

[1593] и др. Ряд украинских (О. И. Журба [1297], Я. С. Калакура [1349, с. 404; 1351, с. 12], С. И. Лиман [1447, с. 25 прим.], Т. Н. Попова [1586; 1590], В. А. Потульницкий [1602] и др.) и польских (Г. Барич [1767], Я. Дата [1776], М. Яновский [1799], Г. Козловская-Сабатовская [1805–1806]) учёных неоднократно высказывались в пользу регионального, т. е. территориального, а не только этнокультурного принципа изучения особенностей развития исторической науки. А. А. Удод, например, предлагает рассматривать украинскую историческую науку «как своеобразную национально-региональную систему научных знаний» [1713, с. 135].

Анализ методологии трудов только украинских, в сегодняшнем традиционном понимании этого слова, историков привёл бы к ограничению проблемного поля исследования, прежде всего значительному уменьшению его географического пространства и количества персоналий, нарушению главных принципов в процессе рассмотрения любой исторической или историографической ситуации – системности и полноты и т. п.

В современной историографии ненадлежащим образом показаны условия распространения «двойной» лояльности многих историков исследуемого времени, не определены критерии принадлежности к конкретной национальной историографии. «Многими современными украинскими авторами, – отмечает С. И. Лиман, – не в полной мере учитывается сложный комплекс политических, организационно-правовых, конкретно-научных, наконец, ментальных и психологических аспектов и реалий XIX в.» [1447, с. 44]. По его оценке «общевропейскому статусу медиевистики в Украине XIX в. предшествовал общероссийский (а в случаях с медиевистикой во Львовском или Черновицком университетах – общеавстрийский)...статус» [1447, с. 44].

Общие аспекты проблемы частично исследованы в теоретико-историографических трудах Л. А. Зашкильняка, Я. С. Калакуры, И. И. Колесник, Т. Н. Поповой, Л. В. Таран, диссертационных исследованиях и других историографических работах К. М. Колесникова [1397–1399], В. В. Масненко, И. П. Куцого, В. А. Потульницкого, С. П. Стельмаха и других исследователей.

Принципиальные вопросы методологии историографии, в частности структуры исторической науки, этапов её разви-

тия, соотношение украинской исторической мысли и национальной идеи рассмотрел Я. С. Калакура [1346–1351]. Основными чертами развития национальной концепции истории украинского народа во второй половине XIX – в начале XX вв. он называет «утверждение украинского вопроса в концепции европеизма» и «пропаганду украинской идеи в мире, под которую была подведена солидная научная аргументация, соответствующая источниковая база» [1346, с. 39].

И. И. Колесник разработала новые концептуальные подходы к изучению украинской историографии в широком контексте (вопросы региональных сообществ, распространённых в обществе интеллектуальных культур и т. д.) [1390–1396].

Детальное исследование важных категорий исторической науки (историографический процесс [1586, 1589], научное сообщество [1583–1584]) осуществила Т. Н. Попова [1583–1591 и др.].

Л. В. Таран сравнила развитие позитивистской методологии историографии в России и Франции [1689–1691]. Исследовательница выделила особенности развития исторической науки в России, в т. ч. на подросийских украинских землях, последней трети XIX – начала XX вв.: 1) «более раннее и глубокое влияние марксизма на российскую либеральную историографию»; 2) «более раннее, чем на Западе, влияние ... социологии и широкое использование сравнительно-исторического метода как инструмента разработки социологических понятий и категорий»; 3) «более слабое и преходящее влияние неокантианства» [1690, с. 44–45]. В последней монографии на примере трудов по истории Французской революции Л. В. Таран показала изменение онтологических представлений об историческом процессе. Она охарактеризовала развитие методологии исторической науки в России и Франции (70-е гг. XIX – 30-е гг. XX вв.) в контексте формирования, эволюции и взаимодействия позитивистского, марксистского и неокантианского типов историзма, подчёркивая при этом: «Глубина и временные ритмы этих идейных влияний не совпадали» [1691, с. 9].

В. А. Потульницкий изучил несколько важных вопросов историософии мировой и украинской культуры XVII–XX ве-

ков, выделил основные этапы развития национальной политологии и историографии XIX–XX веков [1595–1605 и др.]. Он определил такие характерные признаки позитивизма: «рационализм, вера в возможность способами науки познать и переделать мир; признание того факта, что общество развивается по определённым собственным законам; признание наличия прогресса в истории человечества; отстаивание единства и всеобщности научного знания; попытка поднять историю на уровень естественных наук за счёт реализации в ней основных идеалов и норм естественно-научного исследования» [1604, с. 282].

С. П. Стельмах рассмотрел основные этапы развития методологии исторической науки на Украине XIX – начала XX вв., связав общую профессионализацию историографии с теоретическими новациями исследуемого времени [1673–1683 и др.]. Киевский профессор подчёркивает более быструю (в сравнении с Германией) социологизацию исторической науки в России [1677, с. 184]. С. П. Стельмах пишет о разрушении религиозного и метафизического мировоззрения и подчёркивает антипатию учёных к философии: «Позитивистская философия разрушила традиционное религиозное и метафизическое представление человека XIX в. и сформировала антипатию ко всякой попытке обоснования философского мировоззрения, ориентировала на естественные и точные науки. Каждая интерпретация реальности, кроме той, что базировалась на строгой индукции, рассматривалась как поэзия либо фантазия» [1678, с. 155]. Он датирует начало доминирования позитивизма в России 1860-ми годами [1677, с. 199], а 1880-е – 1890-е годы определяет как «период распространения так называемого „второго“ позитивизма, представлявшего собой попытку синтеза контизма и кантианства» [1677, с. 223].

Методологии историографии в контексте развития национального сознания украинцев конца XIX – первой трети XX вв., в т. ч. путём сравнения исторических концепций М. С. Грушевского и В. К. Липинского, посвятил свои труды В. В. Масненко [1476–1480].

Попытки определения основных категорий украинской историософии и историографии осуществлены в работах

К. В. Кислюка [1370–1372 и др.]. Ним выделены следующие элементы позитивизма в историографии: «1) внимание к фактам как атомам исторического исследования; 2) преобладание казуальных моделей объяснения прошлого над описательными; 3) признание в том или ином виде социальной эволюции; 4) стремление всесторонне освещать историческое развитие» [1370, с. 180].

Проблема синкретизма методологии европейской, в т. ч. и украинской, исторической науки второй половины XIX — 20-х гг. XX вв. остаётся дискуссионной. О. О. Ковальчук дала позитивную оценку синкретизма методологии трудов М. С. Грушевского. Выдающийся историк, по её мнению, «отдавал предпочтение именно тем методологиям, которые позволяли лучше систематизировать материал» [1384, с. 259]. Синкретичность взглядов М. С. Грушевского способствовала и сюжетному разнообразию его огромного научного наследия²⁴.

В последние два десятилетия украинскими учёными исследовались отдельные элементы позитивистской модели историописания. Несколько статей принадлежит автору данной монографии [1168; 1170; 1172; 1174–1175; 1180; 1182–1183 и др.]. Цивилизационная концепция в интерпретации историков-позитивистов получила более детальное освещение в современной научной литературе (работы Ю. В. Павленко [1554–1555] и др.), чем проблема понимания учёными исследуемого времени общественного прогресса (статьи М. Говшовского [1258], И. А. Кушнир [1433] и др.), закономерного (статьи В. П. Будза [1195] и др.) и эволюционного (труды Т. В. Пичкур и О. Я. Пилипчука [1567, 1575] и др.) характера исторического процесса.

Объектом новейших исследований стало научное насле-

---

24 Ряд исследователей не показывают противоречивость и сложность синкретического мировоззрения историков-позитивистов, в т. ч. М. С. Грушевского. Оценка А. Могилко историософских идей М. С. Грушевского как *творческого и гармоничного* [выделено курсивом нами – Б. Е.] соединения европейского позитивизма, украинской народнической историософской традиции, либерализма и конституционализма [1506, с. 26–27] выглядит упрощенной.

дие по философии и методологии истории В. Б. Антоновича [1207–1209; 1237; 1373–1376; 1503; 1564–1565; 1668 и др.]; Д. И. Багалея [1415]; В. П. Бузескула [1481]; М. С. Грушевского [1147; 1206; 1210; 1162; 1194–1197; 1275; 1307–1308; 1316; 1384; 1478; 1506; 1595; 1692–1696; 1698–1701; 1703–1705 и др.]; М. П. Драгоманова [1277; 1279; 1422 и др.]; В. С. Иконникова [1231; 1427; 1689; 1714]; М. М. Кордубы [1213–1214; 1629; 1719 и др.]; Н. И. Костомарова [1208–1209; 1420; 1440; 1564; 1570–1573; 1647–1648; 1722–1723; 1761]; И. П. Крипякевича [1303]; П. А. Кулиша [1249–1250; 1383; 1519–1524; 1579; 1607; 1647–1650; 1762–1763 и др.]; Ф. И. Леонтовича и И. А. Линниченко [1513–1515]; М. А. Максимовича [1567–1568 и др.]; М. Н. Петрова [1362–1363 и др.]; А. И. Стронина [1473; 1643]; И. Я. Франко [1158; 1230; 1241–1242; 1251; 1305; 1432–1433; 1510–1511 и др.]; Е. Н. Щепкина [1467] и других историков.

Ряд литературоведческих разысканий посвящено рецепции позитивизма в художественном творчестве И. Я. Франко [1241–1242]. По мнению литературоведа Р. Б. Голода, «позитивизм является главной мировоззренческо-философской основой творческого метода Каменяра», главной «концептуальной моделью» его творчества [1242, с. 277]. Учёные последних двух десятилетий отказались от идеологем типа «революционные демократы приближались по мировоззрению к марксистам». Современные исследователи (среди них В. Мазепа) признают, что И. Я. Франко пребывал не под полным влиянием марксизма, а относился к нему как «нормальный учёный своей исторической эпохи, т.е. как к **одной** [выделено авт. – Б. Е.] из самых привлекательных для себя социально-экономических и политических доктрин» [1463, № 1, с. 63].

Сравнительно меньшее количество исследований посвящено истории науки в отдельных учебных и научных заведениях Украины. Среди них – студии Т. Н. Поповой о научном творчестве историографов Новороссийского университета [1583–1584; 1586 и др.], кандидатская диссертация А. Г. Самойленко о трудах по методологии истории и историографии учёных Нежинского историко-филологического института [1631].

Польскую позитивистскую историографию среди украинских исследователей изучают Л. А. Зашкильняк, В. В. Тельвак, О. В. Руда, Е. Г. Синкевич и другие.

Важные историософские вопросы с анализом конкретных историографических фактов нашли освещение в трудах Л. А. Зашкильняка, посвящённых методологии польской и украинской историографий конца XIX — начала XX вв. в Галиции [1307, 1310–1315, 1317–1318].

Профессиональный уровень украинской историографии Надднепрянской Украины, по убеждению В. В. Тельвака, отвечал состоянию польской науки [1702, s. 249]. «Польская историческая наука, — делает вывод В. В. Тельвак, — начиная от середины XIX в., достаточно быстро освоила позитивистскую методологию, а благодаря своему господствующему положению в Галиции имела несравненно лучшие условия для дальнейшей институционализации и профессионализации» [1702, s. 249]. Он одним из первых назвал модернизированный позитивизм основой мировоззрения М. С. Грушевского [1699, с. 168].

О. В. Руда пришла к выводу, что в период смены позитивистского историописания неоромантическим (90-е годы XIX — начало XX вв.) «большинство профессиональных [польских — Б. Е.] историков продолжали рассматривать историю с точки зрения позитивизма» [1623, с. 29].

Я. Р. Дашкевич одним из первых поставил вопрос о проявлениях «украинского позитивизма» не только в науке, а и в других сферах: литературе, искусстве, публицистике, образовании, просветительской деятельности [1275, с. 79]. Перенесение форм, масштабов и значения «польского позитивизма» на «украинский», а также определение специфики последнего именно как «украинского» требует новых исследований²⁵. Среди основных черт позитивистского историо-

---

25 Такая широкая трактовка термина «позитивизм» является общепринятой только в польской научной литературе. Попытка Я. Р. Дашкевича не является единичной. В. Виндельбанд, например, интеллектуальную обстановку 1860-х — 1890-х годов в Германии оценивал как время проникновения позитивизма во все сферы жизни: «Для Германии наступил позитивный век, у которого в общем не было метафизической потребности. В жизни эта по-

писания львовский профессор назвал сциентизм; объективность; «дегероизацию политических лидеров и дегероизацию народа»; «подчёркивание эволюционного характера истории с учётом данных социологии, общественной психологии»; окцидентализм [1275, с. 80]. Эти же самые черты перечислил и В. В. Гоцуляк, правда с несколько иными комментариями относительно специфики позитивизма [1257, с. 14–15].

Высказанная Я. Р. Дашкевичем мысль об «украинском позитивизме» не была поддержана И. П. Куцым. В исторической науке на западноукраинских землях, по оценке тернопольского исследователя, не наблюдалась всеохватывающая совокупность всех перечисленных Я. Р. Дашкевичем признаков позитивистского историописания за исключением трудов И. И. Шараневича, А. С. Петрушевича, А. Г. Барвинского [1430, с. 31]²⁶. Для большинства работ западноукраинских историков 30-х – 90-х годов XIX в., как указывает И. П. Куцый, было характерно соединение «разных стилей научного мышления и способов историописания: средневеково-провиденциалистского, просветительского, романтического, позитивистского» [1430, с. 38].

Оценки уровня методологии западноукраинской и польской историографий в Галиции, сделанные В. В. Тельваком и И. П. Куцым, созвучны с нашими выводами об их уровне.

Е. Г. Синкевич в монографии и серии статей [1651–1653 и др.] детально рассмотрел творчество представителей краковской исторической школы, приводя несколько важных

зитивность представляла из себя повышенную энергию направленных наружу деятельностей – сильное подчёркивание своей силы и деятельности, возрастающее равнодушие к теории; в области науки оно развернулось в прилежной работе специальных дисциплин, в больших успехах естествознания и исторических культурных наук [в переводе с немецкого издания: исторических наук о культуре – Б. Е.]» [313, с. 93]. Укажем важность этой оценки В. Виндельбанда, ибо немецкое общество, в частности наука и культура, среди прочих европейских обществ меньше всего пребывало под влиянием позитивизма.

26 В другом месте монографии И. П. Куцый к носителям позитивистского идеала научности отнёс только И. И. Шараневича и – с существенными оговорками – А. С. Петрушевича [1430, с. 38].

фактов влияния польской исторической науки на украинскую в Галиции.

Отдельные аспекты развития позитивистской историографии во Львове освещены польскими и украинскими учёными в серии статей многотомника «Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w.» и сборнике «Złota księga historiografii lwowskiej XIX i XX wieku».

Современная польская историография продолжает держиваться широкой трактовки позитивизма. Б. Оляшек определяет «первый позитивизм» как философскую рефлексию и идеологию, «дух эпохи», мировоззрение передовой интеллигенции, новый «стиль культуры» на примере Российской империи 1860-х – 1870-х гг. [1831, s. 11, 22, 62 и др.]. Б. Оляшек считает, что не только для польских земель в составе трёх империй, а и для России позитивизм стал влиятельным общественно-политическим явлением. Она характеризует позитивизм в России как «программу практических действий», которая была направлена «на ускорение темпов развития» и была альтернативной «к революционной тактике (народничеству, нигилистическому анархизму)», а также как «концепцию общественного развития, известную как „постепенство“» [1546, с. 11]. Б. Оляшек рассматривала влияние позитивизма в России на науку, культуру, в частности на течение критического реализма в русской художественной литературе (Н. Г. Гарин-Михайловский, И. А. Гончаров, А. Ф. Писемский, А. Н. Плещеев, Н. Г. Помяловский, И. С. Тургенев), эстетику (в т. ч. на нигилизм и идеи Д. И. Писарева) [1831, s. 24, 26, 32 и др.].

После развала СССР инерция негативной характеристики кризиса позитивистской методологии сохранилась в докторской диссертации и монографии С. П. Рамазанова [1614–1615]. В то же время Е. В. Гутнова в 1992 г. выступила против негативной оценки кризисов в развитии исторической мысли и науки вообще, считая кризисы «одной из нормальных форм их развития во все времена» [1267, с. 40]. Она также отнесла начало доминирования позитивизма в исторической науке до 1860-х гг. [1267, с. 41].

В Российской Федерации и Белоруссии в последнее время напечатаны труды по позитивистской историогра-

фии В. Д. Жигунина и Г. П. Мягкова [1293; 1295; 1516; 1518] А. Н. Нечухрина [1528; 1530–1531], Т. И. Сидиенко [1641], В. И. Шувалова [1751–1753] и других учёных.

В автореферате докторской диссертации А. Н. Нечухрина (1993 г.) выделены такие элементы позитивистской парадигмы: 1) «гносеологический оптимизм и рационализм, вера в возможность средствами науки познать и преобразовать в благоприятную для человека сторону мир»; 2) единство научного знания; 3) стремление «поднять историю до уровня естественных наук за счёт реализации в ней основных идеалов и норм естественно-научного исследования»; 4) объективизм; 5) «признание существования законов развития общества»; 6) «признание наличия прогресса в истории»; 7) трактовка общества как организма; 8) теория факторов [1530, с. 18]. Взгляды Д. М. Петрушевского, В. П. Бузескула, Е. В. Тарле, Е. Н. Щепкина, по оценке А. Н. Нечухрина, представляли собой «осторожный вариант преобразования позитивистского понимания истории» [1530, с. 37].

В. М. Зверев рассмотрел отклики учёных и публицистов Российской империи на труды таких ведущих европейских социологов, как О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль, Л. Уорд, Г. Тард, Г. Зиммель, Е. Дюркгейм [1320, с. 183–189]. Рецепции идей Э. Дюркгейма в России посвящены исследования А. Б. Гофмана [1255–1256].

Историографы Российской Федерации отмечают частичное восприятие позитивизма даже теми учёными, кто критиковал его [1733, с. 96] и частичное сохранение научных традиций позитивизма в современной историографии. А. Я. Гуревич, например, высказал сомнение в том, что позитивизм – «пройденный» этап развития исторической мысли [1262, с. 109–110].

Материалы двух конференций, посвящённых истории социологии (Санкт-Петербург, 1996) и рецепции позитивизма в литературе и журналистике России (Лодзь, 2000) [1660; 1781], засвидетельствовали научную актуальность изучения позитивизма в современных условиях. Участники конференций признают позитивизм не только как научное, а и общественно-политическое явление в России [1781].

В новейших трудах термин «российский позитивизм» употребляется для характеристики отдельного этапа общественно-политической и научной мысли, социокультурного развития общества в Российской империи последней трети XIX — начала XX вв.

«Российский позитивизм» как социокультурное явление в России на рубеже XIX–XX веков рассматривает в серии своих работ Е. Е. Михайлова [1497–1499]. Исследовательница считает, что позитивистская мысль в России развивалась от первичного ознакомления с сочинениями классиков позитивизма (1860-е – 1870-е гг.) к их распространению (1880-е – 1890-е гг.) и критическому переосмыслению (1900-е – 1920-е гг.) [1498, с. 38]. По её мнению, «именно в университетах» «формировались основные философские направления, в т. ч. и **позитивизм** [выделено автором – Б. Е.]» [1499, с. 4]. По её оценке «история проникновения позитивизма в Россию аналогична общеевропейскому процессу, но имеет и особенные черты» [1499, с. 43]. Среди неблагоприятных обстоятельств, задержавших распространение идей раннего позитивизма в России, вслед за В. В. Лесевичем [650, с. 371] и Э. Л. Радловым [804, с. 5–7, 20–22] она выделяет слабое развитие философии, ограничение печати и ввоза английской и французской литературы, «интенсивное воздействие немецкого идеализма» [1499, с. 44–45]. Е. Е. Михайлова выделяет следующие черты позитивизма: сциентизм; примат естественно-научного метода познания и его распространение на изучение социальной сферы бытия; вера в прогресс; стремление достичь позитивного знания опытным путём, с помощью научных фактов и с отрицанием метафизического знания [1499, с. 4]. Свои утверждения она обосновывает преимущественно цитатами из трудов московских и петербургских учёных, не привлекая как объект исследования работы нестоличных авторов.

Е. С. Кирсанова, в частности, подчёркивает, что «в России интеллигенция восприняла позитивизм не только как научно-философский феномен, но и как идеологическое явление, противостоящее официальным догматам мирозерцания. Потому споры вокруг позитивизма здесь приобрели характер широкой общественной дискуссии» [1369, с. 11–12].

А. Б. Гофман пишет об особенностях восприятия идей позитивизма следующее: «Очевидно, что попадая на российскую почву, идеи названных [О. Конта, Г. Спенсера, Г. Тарда, Г. Зиммеля, К. Маркса – Б. Е.] и других мыслителей не просто „перенимались“, „усваивались“ или „влияти“. „Рецепция“ в данном случае означала отбор, интерпретацию, оценку и переработку определённых идей в соответствии с традициями, особенностями и актуальными тенденциями российской социальной мысли и российского общества. Поэтому воспринимаемые идеи играли не только „стимулирующую“, но и инструментальную роль: они использовались как дополнительное орудие, средство обоснования собственно российских социальных доктрин, устремлений и ориентаций» [1255, с. 10].

Работы историков в основном из Москвы и Петербурга стали объектом исследования по истории методологии российской историографии А. С. Попова [1581].

Разные аспекты развития позитивистской социологии в России анализируются в научных трудах Б. М. Глотова [1240], А. В. Маркина [1471], С. С. Новиковой [1537–1538], О. А. Ожеговой [1544]. С. С. Новикова 1860-е – 1890-е годы рассматривает как позитивистский этап развития социологии [1538, с. 24–67].

В новейший период исследование позитивистской модели историописания постепенно приобретает новые признаки: от изучения отдельных компонентов позитивистской парадигмы или историософских взглядов отдельных учёных к анализу позитивизма как выдающегося явления в общественных науках исследуемого времени. Однако не все аспекты избранной темы освещены надлежащим образом. Анализ позитивизма как доминирующей методологии исторической науки на Украине в 1860-х гг. – первых десятилетий XX в. не стал предметом отдельного диссертационного или монографического исследования. Кроме того, недостаточно исследовано рецепцию позитивизма в общественных науках, в частности в историографии, на украинских землях. Мало, например, проанализировано роль педагогической и научно-организационной деятельности историков-позитивистов, место отдельных научных сообществ в распространении позитивистских идей. Конечно историки

популяризировали идеи позитивизма не только в университетских аудиториях и в своих научных трудах, а и путём чтения частных лекций, организации исследовательской работы в научных обществах и кружках, участием в полемике на страницах журналов и газет и т. п. Одним из дискуссионных вопросов остаётся проблема периодизации позитивистской историографии, в частности выделение этапов распространения позитивизма в исторической мысли. Надлежащим образом не проанализированы аспекты позитивистского понимания эволюционного и закономерного характера исторического развития, общественного прогресса. Не прослежена взаимосвязь между распространением эволюционной теории и поиском исторических закономерностей. Не получили глубокого изучения критерии общественного прогресса, связь теории общественного прогресса с другими элементами позитивистской модели историописания. Взгляды учёных на реформационный и революционный пути общественного развития соединялись в большинстве случаев с их либеральными убеждениями. Кроме того, почти не изучалось научное наследие учёных-позитивистов «второго ряда», которые участвовали в работе научных сообществ.

Источниковая база исследования сложна и разнообразна.

С учётом специфики данной проблемы в монографии подержано предложенное И. И. Колесник деление историографических источников на три больших комплекса: 1) «конкретный текст историка»; 2) «большой текст», т. е. совокупность работ историка [в нашем случае историков и специалистов родственных специальностей – Б. Е.]; 3) «историко-культурный контекст», т. е. «совокупность материалов, характеризующих эпоху и условия научной деятельности историка» [1394, с. 37–38]. «Конкретные тексты» историков (т. е. тексты их отдельных работ) нами изучаются с учётом всей совокупности трудов историков-позитивистов («большого текста») и в общем историко-культурном контексте эпохи. Именно такой подход является наиболее пригодным для исследования теоретико-методологических основ позитивистской историографии в целом.

Совокупность позитивистских идей, сформулированных в научных и публицистических трудах, личных документах историков украинских земель, документах научно-организа-

ционного характера, выступает системным и репрезентативным объектом данного исследования. Их анализ содержится во всех разделах монографии.

Большой комплекс источников по избранной теме можно поделить на семь групп: 1) научные труды (монографии, диссертационные исследования, статьи, рецензии и отзывы, доклады на заседаниях научных обществ исторического профиля и на различных собраниях); 2) курсы лекций и учебные пособия; 3) студенческие научные работы; 4) публичные лекции, торжественные актовые речи, научно-популярные издания; 5) археографические легенды; 6) источники личного происхождения (дневники, воспоминания, автобиографии, переписка); 7) актовые материалы.

Первую группу источников составляют научные и публицистические труды историков-позитивистов Российской и Австро-Венгерской империй, работавших на Украине в 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX в. Научные работы: монографии, диссертационные исследования (на получение учёной степени доктора, магистра и получение должности приват-доцента (*pro venia legendi*)²⁷), статьи, рецензии и отзывы, доклады на заседаниях научных обществ исторического профиля и на различных собраниях (прежде всего на международных исторических и социологических конгрессах, археологических съездах и съездах польских историков) являются главным результатом научного творчества. К первой группе мы относим и труды О. Конта, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера.

Хотя историки не всегда посвящали отдельные исследования теории исторического процесса, однако она прямо или опосредованно присутствует во многих исследованиях. Теоретические положения часто определяли способ, а также хронологический и тематический порядок обобщения фактического материала. В этих работах изложены основные кон-

---

27 За некоторыми исключениями (Д. И. Каченовский) диссертации публиковались как отдельные монографии или серии статей в научных журналах. Тезисы или полные тексты докладов печатались отдельными сборниками или в журналах. Мы выделяем диссертации, научные доклады, рецензии и отклики в отдельные подвиды научных трудов, имевших свою специфику и назначение.

цептуальные положения и выводы изучения разнообразных теоретических и фактических вопросов. Кроме того, труды учёных отражают и их общественно-политические и общеисторические взгляды, показывают их подходы к конкретным историческим проблемам.

Кроме специальных работ, достаточно часто ценные теоретические идеи содержались в разнообразных фактографических разысканиях, вступительных замечаниях, рецензиях, записях к лекциям и т. п.

Обнародованные результаты научных поисков являются наиболее важными и с точки зрения коммуникативного влияния напечатанных трудов на научное сообщество и общество в целом. Также в работе использованы неопубликованные научные и публицистические труды (в т. ч. отдельные черновые фрагменты и разные варианты уже напечатанных сочинений) историков (в частности В. Б. Антоновича, П. Н. Ардашева, М. С. Грушевского, Д. И. Дорошенко, В. С. Иконникова, М. Н. Петрова, Я. Птасьника, С. Т. Томашевского, А. Шелонговского, Е. Н. Щепкина).

Ценность рецензий состоит в том, что их авторы не только анализировали исследования отдельных учёных, но и часто детально излагали собственный взгляд на проблему. В рецензии на книгу В. С. Соловьёва «Кризис западной философии (против позитивистов)» приват-доцент Киевского университета И. В. Лучицкий саркастически критиковал автора за незнание текста главной книги О. Конта, ибо В. С. Соловьёв цитировал только первые 30 страниц первого тома «Cours de philosophie positive» [1023]. Обширные обстоятельные рецензии и отклики на них иногда выливались в научные дискуссии на страницах известных журналов²⁸.

---

28 Из наиболее известных публичных научных дискуссий, которые велись на страницах журналов Российской империи, в монографии учтены дискуссии: М. А. Максимовича с М. П. Погодиным о происхождении украинского народа и языка, с П. А. Кулишем и Н. И. Костомаровым об украинском козачестве, а также между И. В. Лучицким и Д. И. Багалеем об общинном землевладении на Украине в XVIII в., к которым присоединились и другие учёные. Следует вспомнить также дискуссию О. Бальцера с Т. Моммзенем о роли восточной цивилизации в европейской истории. Львовский профессор,

Важное источниковое значение имеют курсы лекций (напечатанные, литографированные и рукописные), учебные пособия, которые были результатом не только педагогической, а и исследовательской работы. В лекционных курсах (в частности В. Б. Антоновича, М. Н. Бережкова, М. С. Грушевского, В. Е. Данилевича, М. В. Довнар-Запольского, М. П. Драгоманова, М. М. Ковалевского, М. М. Кордубы, И. П. Крипякевича, И. А. Линниченко, А. И. Маркевича, В. К. Надлера, М. Н. Петрова, В. К. Пискорского, Л. Финкеля, Ф. Я. Фортинского) и учебных пособиях (в частности В. Б. Антоновича, Д. И. Багаля, Н. С. Гольдина, К. Гожицкого, М. С. Грушевского, В. Е. Данилевича, Е. В. Тарле) систематизированы и изложены обобщающие взгляды учёных на исторический процесс.

Другим результатом учебного процесса были студенческие научные работы, которые нередко становились началом научной карьеры. Студенческие научные труды (курсовые и дипломные исследования, медальные работы) свидетельствовали, в частности, и о распространённости отдельных идей в студенческом сообществе, о принятых в известной университетской корпорации стандартах историописания. Часть из них (преимущественно медальные работы) печаталась по решению Советов университетов и факультетов в официальных университетских изданиях. Самое большое количество сохранившихся рукописных студенческих сочинений составляют курсовые и дипломные работы Киевской духовной академии (фонд № 304 Института рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной академии наук Украины). Эти работы свидетельствуют об определённом интересе даже среди будущих священников к идеям позитивизма.

Четвертую группу историографических источников составляют публичные лекции, торжественные актовые речи, научно-популярные издания. Изложенные в лекциях и речах положения и оценки являются довольно фрагментарным изложением взглядов учёных на исторический процесс,

---

в отличие от немецкого историка, признавал для некоторых периодов европейской истории большее влияние восточно-византийской цивилизации, чем римско-католической [988].

поскольку посвящены отдельному, актуальному в то время, вопросу. Сам характер научно-популярных работ, цель их издания обуславливали небольшой интерес авторов в данном случае к теоретико-методологическим проблемам.

К пятой группе источников принадлежат составленные исследователями археографические легенды (вступления, комментарии, указатели) к напечатанным ими сборникам исторических источников. Иногда предисловия к публикациям источников представляли собой большие и обстоятельные исследования (как в случае с В. Б. Антоновичем [202; 212–217; 221 и др.]).

К шестой группе относятся источники личного происхождения (дневники, воспоминания, автобиографии, переписка). Они помогают реконструировать историографический процесс исследуемого периода, в частности научные и вненаучные обстоятельства творчества, ценные детали обстоятельств создания исторических трудов. Они способствуют воспроизведению интересных общественно-политических и бытовых деталей жизни учёных, особенностей восприятия этих жизненных реалий самими учёными.

Частная переписка учёных и других выдающихся деятелей содержали дополнительные сведения – изложение идей авторов, что часто превращало переписку в настоящие политические и научные трактаты. Итак, исследование эпистолярного наследия даёт возможность более детального изучения не только биографий учёных, а и их общественно-политических и научных взглядов. Кроме того, в периодике того времени в виде писем часто печаталась научная полемика. Одновременно гуманитарная интеллигенция публично выступала и с письмами о важных политических проблемах. Эти письма (непосредственно не касающиеся научной тематики) дополнительно характеризуют общественно-политические взгляды адресантов. Источники личного происхождения важны и для изучения корпоративных «правил игры», воспроизведения коллективного портрета макронаучных и микронаучных социумов.

Седьмую группу источников составляют актовые материалы, отражающие важные стороны деятельности университетов, других учебных заведений, научных учреждений. Опре-

делённую источниковую ценность для данной темы имеют служебные документы, непосредственно связанные с преподавательской и научно-организационной деятельностью учёных: правительственные распоряжения, уставы высших учебных, академических и научных институций, протоколы (заседаний советов высших учебных заведений, отдельных их подразделений, советов по защите диссертаций), докладные записки, просьбы, приказы, разрешения (в т. ч. и на чтение публичных лекций), формулярные (послужные) списки отдельных учёных, их отчёты (например, о научных командировках и защите диссертаций), учебные программы отдельных исторических и других общественных дисциплин, служебная переписка, другая документация кафедр, факультетов, научных обществ и т. п. Эти документы имеют важное значение и для изучения подготовки молодых учёных и других вопросов кадровой политики, реконструкции коллективного портрета профессорско-преподавательского корпуса высших учебных заведений, научных и академических учреждений. Вопросы теории, методики и методологии исторической науки, в отличие от её организационной структуры, отражены только частично в служебной документации.

Кроме напечатанных источников, в монографии использованы архивные свидетельства²⁹.

---

29 Между тем историографы не всегда используют архивные источники. А. Н. Нечухрин, например, считает ненужным использование архивных историографических источников, ибо «во-первых, на развитие исторической мысли оказывают влияние опубликованные труды, тогда как архивные материалы необходимы при изучении творческой лаборатории, внутренних поисков отдельных персоналий; во-вторых, в рассматриваемое время широко издавались курсы лекций, которые дают возможность интегрированно представить преподавательскую и исследовательскую практику, интересующую нас историков» [1530, с. 7–8]. Изложенная аргументация не является убедительной, поскольку таким образом вне внимания исследователей остаётся значительная часть важных вопросов, в частности создание и функционирование школ, влияние профессионального общения и т. п. Принципиальное неиспользование архивных материалов А. Н. Нечухриным сузило источниковую базу его докторской диссертационной работы, а следовательно повлияло на глубину исследования. Нам близкой является точка зрения Р. А. Киреевой о необходимости использования архивных источников в историографичес-

Основной массив архивных источников составляют служебные документы, непосредственно связанные с работой университетов, других учебных заведений, научных учреждений, отдельных преподавателей и учёных. В архивных учреждениях отложилась часть студенческих научных работ, разнообразные документы личного происхождения, а также можно найти небольшое количество (преимущественно неопубликованных) научных и публицистических трудов, рукописные и литографированные курсы лекций. Привлечены документы Центральных государственных исторических архивов Украины в Киеве и Львове, Центрального государственного архива-музея литературы и искусства Украины, Государственных архивов в Автономной Республике Крым, Львовской, Одесской, Черновицкой областей, г. Киева, Архива Национального музея истории Украины (г. Киев), Государственного архива Российской Федерации (г. Москва), Российского государственного архива литературы и искусства (г. Москва), Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург), Национального архива Чехии (г. Прага), Архива Польской академии наук (г. Варшава), Института рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной академии наук Украины (г. Киев) и Института рукописей Национальной библиотеки (г. Варшава), Отдела книжных памятников, ценных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки и Музея истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (г. Харьков), Отделов рукописей Национальной научной библиотеки им. В. Стефаника (г. Львов), Российской государственной библиотеки (г. Москва), Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), Ягеллонской библиотеки (г. Краков), Библиотеки Национального заведения имени Оссолинских (г. Вроцлав), Кабинета рукописей Библиотеки Варшавского университета (г. Варшава).

ких исследованиях: «Архивные изыскания дают возможность расширить сложившиеся представления о том или другом историке, понять и проследить за напряжённой работой его мысли, вникнуть во внутреннюю эволюцию его мировоззрения, уловить особенности его творчества и даже ввести в историю изучения отечественной историографии новые имена» [1365, с. 10].

Материалы Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве (фонды №№ 385, 442, 473) содержат свидетельства об общественной и педагогической деятельности отдельных учёных, что позволяет, в частности, более глубоко показать их украинофильские и либеральные убеждения. Программы Киевской духовной академии (фонд № 711 этого же архива) доказывают отсутствие в них официального изложения идей позитивизма. Непубликованные труды, лекции, переписка из личных фондов В. Б. Антоновича (№ 832), семьи Грушевских (№ 1235), М. Н. Петрова (№ 2048), Е. Н. Трубецкого (№ 624) позволили более детально охарактеризовать их творчество.

*Новороссийский
университет*

Личные фонды К. Бадецкого (№ 138), О. Т. Назарука (№ 359), В. С. Старосольского (№ 360), С. Т. Томашевского (№ 368), Н. Г. Андрусика (№ 388), А. С. Петрушевича (№ 765), пребывающие на хранении в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Львове, содержат ненапечатанные труды и лекции львовских учёных. Особенно ценными для данного исследования стали ненапечатанные записи М. С. Грушевского по философии, социологии, источниковедению и его выписки из трудов других авторов, хранящиеся в фонде редакции журнала «Літературно-науковий вістник» (№ 401).

Рукописи работ и заметки И. А. Линниченко 1920-х годов, пребывающие на хранении в фонде № 538 Государственного архива в Автономной Республике Крым, важны для освещения его взглядов.

Значительный интерес вызвали личные фонды профессоров Львовского университета Л. Финкеля (№ 254) и М. М. Кордубы (№ Р.-2923) Государственного архива Львовской области.

Конспекты лекций Л. Финкеля и М. М. Кордубы, рукописи своих разысканий и выписки из трудов немецких авторов М. М. Кордубы позволяют не только проследить эволюцию их взглядов, а и важны с учётом педагогического влияния обоих историков на формирование мировоззрения их студентов.

Разнообразные источники содержатся в фондах Государственного архива Одесской области: научно-организационные материалы (фонды № 42 и № 45); рукописи трудов и лекций преподавателей Новороссийского университета: А. И. Маркевича (№ 150), Е. Н. Щепкина (№ 151), И. А. Линниченко (№ 153).

Фонды университета (№ 216) Государственного архива Черновицкой области, личные фонды И. Я. Нистора (№ 988), Ф. Цигляуэра фон Блюменталя (№ 1216) хранят сравнительно небольшое количество работ студентов и преподавателей университета, которые однако содержат некоторую источниковую информацию по избранной теме.

В сравнении с другими университетскими фондами наиболее полно сохранены научно-организационные материалы в фонде Киевского университета (№ 16) Государственного архива г. Киева.

Проработанные фонды архивов Российской Федерации можно условно поделить на две группы: правительственных учреждений и личные. Документация государственных организаций позволяет доказать, что правительственная политика была направлена на запрет распространения отдельных трудов фундаторов позитивизма в Российской империи (фонды № 733 и № 776 Российского государственного исторического архива) и на борьбу с либерально-реформаторской и революционной деятельностью учёных (фонды № 102 и № 109 Государственного архива Российской Федерации). Вторая группа источников из личных фондов № 130, № 305, № 2985 Российского государственного архива литературы и искусства и Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (переписка, рукописи работ, программы публичных лекций) фрагментарно отражает процесс восприятия разных идей учёными.

В монографии использованы также личные источники и труды историков, хранящиеся в европейских архивах (пап-

ки В. М. Щербаковского из Национального архива в Праге, В. Дзвонкевского и В. Абрахама из Архива Польской академии наук в Варшаве).

Самое большое количество ненапечатанных трудов и лекций, а также воспоминаний и переписка учёных Украины (В. Б. Антоновича, П. Н. Ардашева, М. Н. Бережкова, В. Е. Данилевича, Д. И. Дорошенко, М. П. Драгоманова, В. С. Иконникова, П. А. Кулиша, В. В. Лесевича, И. В. Лучицкого и других) хранятся в Институте рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского. Они существенно дополняют имеющиеся печатные историографические источники.

Сравнительно небольшую, однако достаточно важную информацию по теме исследования содержат лекционные материалы И. П. Крипякевича и воспоминания Я. Ф. Головацкого, которые пребывают на хранении в Отделе рукописей Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника; лекции М. Н. Петрова и А. П. Рославского-Петровского (Отдел книжных памятников, ценных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина); воспоминания С. Кричинского (Кабинет рукописей Библиотеки Варшавского университета); рукопись А. Шелонговского (Институт рукописей Национальной библиотеки в Варшаве); переписка польских учёных (Отдел рукописей Библиотеки Ягеллонского университета в Кракове); рукопись Г. Шмитта, лекции Я. Птасьника, автобиография С. Закшевского (Отдел рукописей Библиотеки Национального заведения имени Оссолинских); лекции В. А. Бильбасова и рукописи А. И. Стронина (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки), переписка П. Н. Ардашева, лекции и заметки В. К. Пискорского и других учёных (личные фонды № 70, № 285, № 418, № 604 Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки) и т. п.

Использованные нами архивные материалы позволяют дополнить и уточнить отдельные аспекты исследования. Без привлечения архивных источников анализ избранной темы был бы неполным.

Сложная и большая по объёму источниковая база позволяет проанализировать отдельные элементы позитивистской

модели историописания, определить значение и влияние отдельных течений общественной мысли на развитие позитивистской историографии. Кроме того, имеющиеся источники позволяют выявить особенности рецепции позитивизма и других историософских доктрин и общественно-политических идеологий в исторической науке.

Позитивизм в данном историографическом исследовании выступает как теоретико-методологическая основа доминирующей модели историописания в исторической науке на Украине в 60-х гг. XIX — первых десятилетиях XX вв.; одновременно как элемент мировоззрения отдельных учёных и одна из концепций философии истории и социологии, повлиявшая на развитие методологии общественных наук, в т. ч. и историографии. Отрицание большинством учёных исследуемого времени самого термина «философия истории» не влияет на нашу оценку их концепций не только как социологических, а и историко-философских. В отдельных случаях мы рассматриваем позитивизм также как составляющую часть идеологии общественно-политического движения (преимущественно, когда речь идёт о польском сообществе на украинских землях) и мировоззрения передовой интеллигенции вообще.

Термины «нарратив»³⁰, «парадигма»³¹ используются в монографии для определения конкретного варианта исто-

---

30X. Уайт называет любые исторические исследования «нарративами» [1861, р. 82]. Исследователь определил нарратив как мета-код [1860, р. I] и форму дискурса, способную «представить реальные события» как «развивающийся процесс» [1860, р. IX]. Современными исследователями «grandnarrative» и «metanarrative» рассматриваются как обусловленные многочисленными сопровождающими фоновыми факторами (социокультурными, онтологическими, психологическими и т. п.) тексты, показывающие совокупность исторических явлений и событий в развитии.

31 Понятие «парадигма», по известному определению Т. Куна, означает концептуальную модель (образец) постановки проблемы и её решение, являющуюся общепринятой для членов этого научного сообщества на протяжении определённого периода в науке [1428, с. 45–46 и др.]. Позитивистская парадигма представляет собой общепринятый в научном сообществе в 1860-х — 1920-х гг. вариант историописания. Й. Рюзен предложил использовать вместо понятия «парадигма» другой термин Т. Куна — «дисциплинарная матрица», т. е. факторы и принципы исторического мышления в своих систематических связях [1838, s. 21, 26–27 и др.].

риописания (просветительского, романтического, позитивистского, марксистского и т. п.). Мы будем чаще пользоваться понятием «позитивистская модель историописания», поскольку речь идёт о теории, методологии, практике, мировосприятии, саморефлексии и т. п., т. е. о всех чертах модели, по крайней мере в неклассическом прочтении. Поэтому позитивизм лучше трактовать не только как философское, историческое или историографическое направление, а заменить термином «модель историописания», который включает указанные структурные элементы, поскольку направление – это, собственно, генерализирующая идея, существующая на поле историографии в частности и социогуманитарного знания вообще. Понятие «модель историописания» из вышеприведенных терминов является наиболее универсальным, позволяющим шире трактовать предмет исследования. Позитивистская модель была представлена в виде аксиологических ориентиров, методологических наставлений, методических алгоритмов, теоретических конструктов, концептуальных интерполяций, терминологических мутаций, институциональных заимствований, полидисциплинарных трансформаций, мировоззренческих образцов и т. п.

Развитие методологии научных исследований, накопление и усовершенствование исторических знаний, уточнение и пересмотр концепций, расширение проблематики, увеличение источниковой базы, изменения в кадровом составе, научных учреждениях и принципах организации науки, как известно, являются примерами «внутренних» аспектов общего историографического процесса [1364, с. 25–26; 1583, с. 70–71]. Кроме того, действуют экстерналильные³² факторы мирового, общегосударственного, регионального масштаба, которые часто существенно влияют на развитие науки.

---

32 К таким «внешним обстоятельствам» Л. Е. Кертман относит «социально-экономические и политические процессы, происходящие в данном обществе»; «„социальный заказ“ исторической науке»; «характер идеологической борьбы»; «политику государства в отрасли культуры вообще, в частности в науке»; «состояние и интенсивность развития других наук, в особенности смежных, а также общей методологии научного познания; степень „престижности“ исторической науки» [1364, с. 25].

Нами изучаются внутренние (по Т. Н. Поповой, историко-научные и методологические представления отдельных учёных) и внешние (осознание общего хода научного познания и его результатов) рефлексии³³ [1583, с. 102] историков-позитивистов, работавших на украинских землях в 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв.

Рецепция новых идей происходила не всегда просто как по объективным (внешним), так и субъективным (внутренним) причинам. Поэтому логично неправильным и научно ошибочным было бы представлять сложный процесс становления методологии позитивистской историографии только в «победном» признании большинством учёных теории позитивизма в исторической науке указанного периода.

Историческая наука со времён своего окончательного оформления как научной и учебной дисциплины имела несколько фундаментальных парадигм с признанием большинством учёных одной из них как концептуальной модели исторического описания. Синкретический характер мировоззрения историков-позитивистов обуславливал наличие элементов разных, иногда противоположных, моделей исторического описания. Позитивистской модели присущи некоторые элементы просветительства, романтизма, гегельянства. Позже на неё влияли новые модели объяс-

---

33 В данном исследовании термин «рефлексия» («саморефлексия») трактуется как форма теоретического познания и размышлений учёного, направленных на осознание и анализ старых и новых представлений об историческом процессе и путях его исследования. Т. е. речь идёт о личной рефлексии конкретного исследователя или группы учёных, работающих вместе над конкретным предметом исследования. И. И. Колесник выделяет методологию и историю исторической науки как разновидности научной рефлексии с внутренними и внешними формами [1394, с. 16 и др.]. Известная исследовательница подчеркивает двойную рефлексию стиля историографического мышления: «Внешнюю, ориентированную на осознание процессов / состояний научного познания, интеллектуальной деятельности в целом, и внутреннюю, обращённую на себя самого как исследователя, направленную на осознание собственного стиля мышления, организации научной работы» [1393, с. 50]. Внешние рефлексии, по её определению, «представляют собой осознание общего хода научного познания, его результатов» и идентифицируются «с науками о познании: теорией познания, логикой, общей методологией, психологией научного творчества, науковедением, историко-научными исследованиями» [1389, с. 27].

нения исторического прошлого (марксистская, неокантианская, неоромантическая и т. п.). Таким образом, даже в исследуемое время позитивистская модель историописания признавалась частью учёных не универсальной, а лишь наиболее пригодной (при некоторых условиях) для изучения исторического прошлого.

Анализируя значительный по объёму фактический материал, позитивисты временами выходили за рамки избранной модели историописания. Обоснованный фундаторами позитивизма и поддержанный его последователями синкретизм позволял в рамках многогранности и многовекторности позитивистской доктрины значительно расширить круг методологических поисков. Кроме того, предусмотренная позитивистской методологией многовариантность исследовательских приёмов и принципов, полисемантичность категорий способствовали усилению синкретичности позитивистской историографии. Отсюда вариативность исследовательского инструментария и разное отношение учёных к главным онтологическим, гносеологическим и аксиологическим аспектам изучения общественного развития. Учтено также не только часто синкретический характер их мировоззрения, а и эволюцию собственных взглядов учёных, их личные амбиции и влияние научной конкуренции. Общественно-политические взгляды, ценностные предпочтения безусловно влияли на творчество историков-позитивистов, в частности в выборе проблематики. Часто достаточно оригинальные теории исторического процесса отличались конвергентностью, что не уменьшало их научную ценность.

Разница (иногда существенная) взглядов отдельных учёных мешает полному определению идейно-методологических позиций того или иного учёного как «совершенного» позитивиста. Реализация идей позитивизма происходила в историографической практике не в «чистом виде». Это мешает оценке идейно-методологических взглядов учёных как позитивистских. Признаки принадлежности учёного к позитивистской научной традиции были не устоявшимися, а относительными, изменчивыми, подвижными, с разнообразными наслоениями других теорий³⁴. В таких случаях лучше говорить о синкретизме в твор-

---

34 Подобного мнения придерживается, например, С. И. Лиман [1447, с. 157–158].

честве того или иного автора. Историко-философские взгляды преимущественного большинства учёных украинских земель исследуемого периода в целом можно верифицировать как систему позитивистских взглядов с заимствованием других философских концепций. Историков, частично воспринимавших главные элементы позитивистской модели историописания, мы также называем позитивистами с подчёркиванием в таких случаях условности подобной оценки³⁵.

Уровень усвоения позитивистами марксистских, неокантианских и других идей был неодинаковым. Позитивисты, учитывая близость методологических основ, лучше воспринимали марксистскую теорию, чем неокантианство.

В преимущественном большинстве историки-позитивисты украинских земель сами объявляли себя последователями нового учения. М. М. Ковалевский, например, называл себя «горячим приверженцем начал позитивной философии» [554, с. 188; подобные заявления М. М. Ковалевского: 563, с. 88; 544, с. 70; 572, с. 288]. Однако теоретико-методологические взгляды учёных определяются не только по их заявлениям. Лишь на основании анализа научных и публицистических трудов, других источников можно верифицировать идеи как позитивистские, частично позитивистские или непозитивистские. Исследователи всемирной истории всегда были более самостоятельными в своих оценках и выводах, чем те историки, которые изучали проблемы национальной истории или современного зарубежья.

Отдельные философские и социологические утверждения содержались в сотнях исторических трудов³⁶. Позитивистская

---

35 Учёные Польши (например, А. Ф. Грабский: [1791, s. 289, 340; 1795, s. 50–51, 84], К. Сренёвская [1852, s. 94, 96]) придерживаются такого же подхода при оценке взглядов польских историков.

36 «Не было даже наиболее „позитивистской“ историографии без разного типа общих концепций, – признавал польский методолог Е. Топольский. – Однако историки слишком охотно высказывали разного рода мнения, имевшие форму закона, или формулировали зависимости между классами фактов. Правда, это были устоявшиеся высказывания, которые не были следствием какого-то систематического исследования, а только рефлексией, оставленной под пером, часто связанной с политическим или

теория исторического процесса излагалась не только в исторических студиях. Иногда исследователи родственных научных дисциплин и публицисты, не имея профессионального исторического образования, трактовали общественный процесс на позитивистских методологических основах³⁷.

Исторические (для данного времени чаще всего историко-социологические) идеи выплывали как из текста отдельных разысканий по определённой исторической проблематике, так и из контекста всего творческого наследия (социологические, культурологические труды, публицистика, документы личного характера). Используя достижения европейского и общероссийского обществоведения, историки-позитивисты украинских земель пытались разрабатывать собственные принципы изучения исторического процесса.

Некоторые позитивисты недооценивали важность теоретизирования, последнее большинством учёных исследуемого периода воспринималось как метафизическая спекуляция и возвращение к устаревшей схоластике. М. М. Ковалевский, например, любое «теологическое или метафизическое» обобщение оценивал как ложное [559, с. 38]. Не случайно, что Б. Дембинский, подчёркивая важность теоретических вопросов, отмечал недостаточное внимание к ним на Международном конгрессе в Риме [1010, s. 241, 264]. Кроме того, считалось, что по теоретическим вопросам имеет право высказываться только опытный учёный³⁸.

В России нежелание обществоведов заниматься теоретическими вопросами обуславливалось также и страхом обви-

---

идеологическим положением автора, в итоге невозможно указать на чисто позитивистскую наррацию автора» [1855, s. 10].

37 Такие же оценки высказывают и исследователи польского позитивизма. Е. Матерницкий указывает: «Часто и широко отвечали на эти [теоретико-методологические] темы не только историки или философы, а также и экономисты, социологи, писатели, публицисты, политики и т. д.» [1821, s. 121].

38 П. Барт в книге «Философия истории как социология» изложил устоявшуюся в международном научном сообществе точку зрения: «Лишь тот имеет право устанавливать общие принципы, кто в течении всей своей жизни подробно изучал отдельные исторические события» [250, с. V].

нения в политической неблагонадёжности. Как вспоминал уволенный из Московского университета по этой причине³⁹ М. М. Ковалевский, после введения Университетского устава 1884 г., существенно ограничившего автономию высшей школы, много университетских преподавателей, ожидая от изложения любой теории только неприятностей, «старательно исключали из своих лекций всё то, что не являлось простым изложением фактов» [568, с. 204–205].

Новые историко-социологические положения, как правило, формировались в рамках распространённых на то время философских взглядов. Часто они провозглашались не непосредственно (т. е. не акцентировались текстом), а излагались как мировоззренческие постулаты, применявшиеся к фактическому историческому материалу. Достаточно часто позитивистские идеи, признанные в научной среде, настолько поддавались интерпретациям, что иногда меняли свою сущность. Позитивистская теория исторического процесса не всегда была явно формализована в научном наследии учёных, живших на украинских землях в 60-х гг. XIX — 20-х гг. XX вв.

При всей разнице подходов процесс переосмысления традиционных теоретических установок характеризовался общностью теоретико-методологических основ творчества историков-позитивистов.

Мы далеки от намерения представлять историографическую ситуацию на Украине того времени как победное распространение позитивизма или «закономерную» смену романтической модели историописания позитивистским вариантом. Процесс восприятия и распространения позитивизма в исторической науке не был однозначным. Нельзя говорить об однолинейности рецепции позитивизма, учитывая её временную и пространственную разницу. Также этот процесс нельзя назвать завершённым даже в период доминирования позитивистской доктрины, поскольку старые научные tradi-

---

39 Информаторы сообщали, что на занятиях М. М. Ковалевский обсуждал со студентами юридического факультета Московского университета защиту личных прав граждан по британским законам и критиковал в связи с этим российское законодательство [1738, с. 388].

ции – романтизма и гегельянства – были частично сохранены. Кроме того, в самой исторической науке на Украине, как в 1860-х – 1880-х годах, так и в более поздние времена, существовало антипозитивистское течение.

Характерное для современного состояния мировой историографии сосуществование конкурирующих парадигм предусматривает разнообразие интерпретаций истории историографии, полидисциплинарный подход к её изучению, использованию не только историографических категорий, а и теоретического арсенала истории философии и философии истории, социологии, науковедения и т. п.

В условиях постмодернистских вызовов главные методологические принципы и сама методика историографических исследований подверглись изменениям. Наряду с традиционными науковедческими методиками для изучения научного творчества в этом помогут приёмы психоистории, культурной антропологии и других новейших методик изучения науки и интеллектуальной культуры вообще. Последние, как правило, не были присущи модернистским гранднарративам (позитивистскому, марксистскому, частично неокантианскому). Тексты модернистов, в т. ч. позитивистов, ориентировались на классические каноны научного исследования (подобность исследовательской модели естественнонаучной, культ исторического факта и т. п.). Тексты позитивистов, в отличие от романтического нарратива, содержали немного примеров умышленного или непреднамеренного использования эзотеризма, аллегорий, мифологем и т. п. Считаю необходимым использовать постмодернистские подходы только в отдельных случаях, когда суть изучаемых текстов не отвечает высказыванию. Итак, в дискуссии между сторонниками классических принципов исторического познания и постмодернистами [см. статью Л. П. Репиной: 1617, с. 22–23] автор относит своё исследование к интегральному неоклассическому типу.

Методология позитивистской историографии на Украине изучаемого периода приобретала элементы определённой универсальной целостности. Системный подход предусматривает поиск всех элементов системы и их анализ в совокупности всех связей и отношений исследуемой структуры (в данном случае

методологии позитивистской историографии на Украине). Отдельные компоненты структуры пребывают между собой в относительном единстве, приобретая новые интегративные качества. Принципиально новыми являются некоторые составляющие исследуемой структуры, например интеллектуальное поведение учёного как элемент культуры общества.

Историографический процесс изменялся в соответствии с конкретной в пространственно-временных и национально-государственных измерениях социокультурной средой и, в свою очередь, имел большое влияние на неё. Для принятия новейших на то время позитивистских идей имело большое значение личное общение (переписка, лекции, кружки и т. п.). Характерным признаком интеллектуальной культуры считается также сциентический характер мышления учёных. Сциентический подход, позволяющий проанализировать внутреннюю логику развития самой позитивистской историографии, не противоречит социокультурному, а только дополняет его. Оба подхода способствуют выяснению роли научных и культурных традиций в становлении, развитии и ускоренном с помощью административно-командных методов в СССР упадке позитивистской модели историописания.

В исследовании применён принцип историзма, согласно которому расположенные в хронологической последовательности исторические факты изучаются в развитии и анализируются в контексте конкретных общественно-политических условий. Следование данному принципу предусматривает установление причин возникновения явлений, выявление их качественных изменений на разных этапах.

Мы пытались придерживаться принципа объективности, который предусматривает политическую, национальную и религиозную незаангажированность в процессе анализа исторических (в нашем случае преимущественно историографических) фактов, максимальную взвешенность в оценках.

В монографии использованы и специально-исторические методы: историко-генетический, биографический, историко-сравнительный, проблемно-историографический. Изучение с помощью проблемно-историографического и историко-сравнительного методов научных достижений историков-позитивистов, работавших на украинских землях, в сравнении

между собой и общепризнанными идеями европейской и российской исторической науки исследуемого периода даёт возможность глубже определить общие и специфические черты позитивистского историописания в разных национальных историографиях. Также проблемно-историографический метод позволяет выяснить концептуальные основы творчества учёных-позитивистов украинских земель. Кроме того, использование проблемно-историографического метода связано с характеристикой историографического процесса, а биографического – с оценкой уровня интеллектуальной культуры и с анализом социокультурной среды, в которой творил учёный, реконструкцией психического состава личности, мотивации деятельности того или иного учёного.

Позитивистская социология⁴⁰ и позитивистская историография⁴¹ на сегодня недостаточно изучены и потому являются предметом повышенного интереса со стороны исследователей.

Наше внимание сосредоточено на рецепции позитивизма в исторической науке на украинских землях и анализе главных элементов позитивистской модели историописания. Кроме того, мы рассматриваем взаимовлияние позитивистской социологии и позитивистской историографии, а также рефлексии учёных Украины относительно онтологических и частично гносеологических вопросов.

Особую сложность составляет национальная идентификация учёных исследуемого периода, учитывая то, что саморефлексия историков часто не была ими идентифицирована

---

40 В XIX в. социология времён своего формирования и первых десятилетий развития была именно позитивистской и не могла быть иной, поскольку её теоретико-методологические принципы основывались на идеях фундаторов позитивизма. Поэтому для характеристики данного развития общественных наук термины «позитивистский» и «социологический» часто выступают синонимами. Антипозитивисты иногда отрицали влияние идей О. Конта на дисциплинарное оформление социологии как науки. С. С. Гогоцкий считал ошибкой называть доктрину О. Конта дефиницией «социология» [341, с. 99].

41 Доминирующее направление в исторической науке 1860-х – первых десятилетий XX в., представители которого в основном придерживались позитивистской модели историописания.

с национальных позиций. Преимущественную часть историков Украины современные учёные безоговорочно относят только к украинской историографии. Однако большая часть историков, чья судьба была связана с Украиной, не относилась к этническим украинцам, т. е. была по происхождению поляками, русскими и представителями других национальностей: В. К. Надлер и В. Е. Круссман происходили из православных немцев, В. П. Бузескул — из молдаван, М. Н. Петров — из мордвин. Этническое происхождение, бесспорно, не является главным критерием национальной идентификации, однако вряд ли стоит его недооценивать.

Кроме того, наблюдался переход историков от одной к другой национальной, а иногда и конфессиональной принадлежности. Ярким примером смены польской принадлежности на украинскую стало публичное провозглашение служения украинскому народу польскими шляхтичами В. Б. Антоновичем, Б. С. Познанским, Т. Р. Рыльским с переходом части киевских гминовцев в 1860-х годах в православие [1638]. Однако они (как позже и В. К. Липинский) не могли полностью избавиться от родной этнической принадлежности⁴². Б. С. Познанский вспоминал, что для этнических поляков даже их «украинофильство это было польское, да ведь оно и не могло быть иным» [796, № 2, с. 17].

В 1909 г. В. К. Липинский основал в Киеве журнал «Przegląd krajowy» с целью пропаганды украинской идеи среди поляков Правобережной Украины. Он считал задачей своей публицистической и научной деятельности «обратить внимание польского общества на Украине на необходимость ясного осознания себе своего положения относительно освободительного движения украинского народа» [1073, s. 3]. Сам В. К. Липинский характеризовал себя как «украинца польской культуры» [1726, с. 124]. О такой самоидентификации свидетельствуют и его псевдонимы: Правобережець, Nobilis Ruthenus, Ukrainiec.

Национально-ориентированный характер творчества учёных можно проследить при анализе их общественно-политических убеждений, проблематики научных студий, специфики

---

⁴² Об особенностях ментальности поляков украинских губерний Российской империи см. детальнее статью Я. Кеневича [1801].

подходов к исследованию истории своей нации. В то же время в трудах по всемирной истории национальные (украинские или другие) мотивы в большинстве случаев найти трудно.

Кроме того, украинская историческая наука рассматривалась частью учёных как отрасль российской и польской историографий. По этому поводу М. С. Грушевский так высказывался об историографической ситуации конца XIX – начала XX вв.: «Современные польские учёные трактуют Украину-Русь, Белорусь, Литву как домены польской науки, что ex officio должны входить в круг польских исследований, так же как учёные общероссийского направления втягивают... предметы в круг российской науки как её интегральные составляющие» [396, с. 16].

Такая ситуация обуславливалась и неблагоприятными для развития украинской историографии общественно-политическими условиями. В Российской империи в связи с запретами 1863 г. и 1876 г. публичного использования украинского языка и в печати преимущественное большинство трудов историков подросийской Украины до 1905 года было написано и/или напечатано на русском языке. Кроме того, часть русских и польских учёных не воспринимала историю Украины как историю отдельного народа. С. А. Ефремов осуждал политику российского правительства и соответственно университетских корпораций в распространении украиноведческих знаний: «Университеты на Украине просто гнушались наукою о родном крае, совершая ту самую миссию, которой всё служило в централизованной России» [474, с. 4].

Подобная ситуация наблюдалась, например, и в подавстрийской Буковине. Как вспоминал депутат австрийского парламента А. Г. Барвинский, немецкоязычный Черновицкий университет и другие «научные институции» «не могли воспитать сознательной украинской интеллигенции, которая полюбила бы свой край и народ, и позаботилась об его культурном развитии» [248, с. 107].

Половина историков подросийской Украины училась в университетах за её пределами (главным образом в Санкт-Петербургском и Московском)⁴³. Сравнение творческого пути

---

43 В научной литературе распространена точка зрения об отличиях между Московской и Петербургской историческими школами. По мнению

историков подроссийской Украины XIX–XX вв. с деятельностью представителей Московской и Петербургской исторических школ свидетельствует о кадровой близости профессорско-преподавательского состава особенно Харьковского университета с Московским, подобие методологических подходов Московской исторической школы и Киевской школы историков-документалистов⁴⁴, методологии работ медиевистов и специалистов по новой истории из Петербургского и Киевского университетов.

Значительная часть учёных украинского происхождения Галиции, Волыни, Буковины, Закарпатья имела польско-австрийское образование [248, с. 106–109; 1654, с. 566, 574–575, 617, 626, 636–637 и др.] и была австрийскими (с 1918 г. – польскими, чешскими и румынскими) чиновниками. Характерно, что В. Б. Антонович объяснял «тройную» лояльность профессора австрийской истории Львовского университета И. И. Шараневича именно его служебным положением [99, л. 3 об.]. Сам И. И. Шараневич на II съезде польских историков во Львове (1890 г.) назвал себя «счастливым», указывая: «Я являюсь польским научным высокопоставленным должностным лицом и это положение полностью согласуется с моими убеждениями» [1092, т. 2, с. 107] Такой пассаж является не столько примером вежливости, сколько вызван глубоким влиянием польской научной среды.

А. Е. Преснякова, для школы С. М. Соловьёва «данные первоисточников стали, собственно, не основой построения, а запасом иллюстраций к положениям защищаемой историко-социологической доктрины» [799, с. 5]. А. Е. Пресняков считал такой подход «самообманом» и предлагал современным и будущим историкам отказаться от него [799, с. 5]. Характерной чертой Петербургской исторической школы, по мнению того же автора, был «научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции» [799, с. 6]. П. Н. Милюков [716] и С. Н. Валк [1205] также подчёркивали разницу в мировоззрении московских и петербургских историков. Современное видение этой дискуссионной проблемы изложено в трудах В. Б. Ананьича, В. М. Панеях [1150], А. Н. Шаханова [1743].

44 Это признавали и учёные исследуемого времени. А. Е. Пресняков, например, считал подобными методологические подходы школы С. М. Соловьёва и М. С. Грушевского и других представителей Киевской школы, занимавшихся изучением отдельных регионов [799, с. 6].

Дискуссия современных учёных о национальной принадлежности историков является немного условной⁴⁵. Концепция «двойного» или «тройного» лоялизма (лояльности) историков Украины, изложенная в трудах П. Магочия [1462; 1811], З. Когута [1802] и других авторов, окончательно не решает проблему их национальной идентификации.

Длительное пребывание украинских земель в составе Российской и Австро-Венгерской империй, многонациональная структура населения способствовали распространению «двойной» (иногда «тройной») лояльности мировоззрения части историков [1356, с. 117; 1462, с. 102–103; 1811 и др.]. Выступая на заседании Общества славянской культуры 29 апреля 1909 г., Б. А. Кистяковский отстаивал точку зрения относительно возможности «быть одновременно и русским, и украинцем» [743, с. 121]. А. Я. Ефименко на примере Н. В. Гоголя отмечала характерную для многих украинцев «раздвоенность и противоречивость» мировоззрения, что, по её мнению, было «естественным и психологическим результатом того обстоятельства, что Гоголь оторвался от своей национальной почвы для службы российскому государству, но не избавился и не мог избавиться от исключительности своих национальных симпатий» [1878, с. 98].

Типичным примером «двойной» лояльности является творчество и культурно-просветительская деятельность сделавшего успешную карьеру Д. И. Багалея. Умеренный и лояльный к власти характер деятельности профессора и ректо-

---

45 Современные учёные показали ограниченность традиционного подхода к национальной идентификации учёных. В частности, А. В. Портнов подчёркивает неуместность и ошибочность применения только критериев этнического происхождения и языка при определении национальной принадлежности и самосознания отдельных исторических деятелей украинской истории [1593]. И. Б. Гирич и А. Л. Рыбалко предлагают украинскими учёными признавать тех, «кто признавал себя украинцем и способствовал национальному возрождению» [1239, с. 168]. Э. Смит более широко определил концепт национальной идентификации: «Поддержание и постоянная репродукция паттернов ценностей, символов, памяти, мифов и традиций, являющихся составляющими памяти наций, и одновременно идентификацией личностей с этим особым наследием и этими ценностями, символами, памятью, мифами и традициями» [цит. по ст.: 1273, с. 86].

ра Харьковского университета в конце XIX — в начале XX вв. воспринимался как украинофильский и вызвал критику со стороны, например, С. Н. Щеголева [975, с. 73, 362, 438–439]. Несмотря на изучение проблем в основном украинской истории и культуры, в сочинениях Д. И. Багалея до 1918 года чётко не прослеживается желание доказать на концептуальном уровне обособленность русского и украинского исторических процессов [1178, с. 93 и др.].

В монографии изучается научное наследие и тех украинских историков, живших некоторое время за пределами этнических украинских земель. Несколько историков работали в Санкт-Петербурге и Москве (среди них Ф. К. Волков (Вовк), П. А. Кулиш, Н. И. Костомаров), в Варшаве (П. А. Кулиш) и других городах Российской империи. Ряд украинских учёных российского гражданства долгое время жили за пределами Российской империи: П. А. Кулиш (1867–1871 гг.) и М. С. Грушевский (1894–1913 гг.) — в Галиции, Ф. К. Волков (Вовк) с 1879 по 1905 гг. — во Франции, М. П. Драгоманов в 1875–1895 гг. — в основном в Вене, а также в Женеве и Софии. Представитель старинного казаческо-старшинского рода Д. И. Дорошенко жил на протяжении длительного времени (1920–1951 гг.) в Вене, Праге, Мюнхене.

Учёные активно печатались в столичных журналах и издательствах, вместе работали в общеимперских научных и учебных институциях, участвовали в разных общегосударственных научных мероприятиях (наиболее яркие примеры — Археологические съезды, проводившиеся с 1869 года в России⁴⁶, с 1880 года — съезды польских историков в Австро-Венгрии⁴⁷, с 1900 года — Международные конгрессы историков [1662; 1683 и др.], с 1894 года — Социологические конгрессы⁴⁸). На этих научных

---

46 Из 15 Всероссийских археологических съездов (1869–1911 гг.) 6 прошли в украинских городах: Киеве (1874 г., 1889 г.), Одессе (1884 г.), Харькове (1902 г.), Екатеринославе (1905 г.), Чернигове (1908 г.) [1290, т. 1, с. 133].

47 Из 153 участников второго съезда польских историков во Львове 76 были из Восточной Галиции. В работе съезда участвовали и украинские историки: И. Я. Франко и И. И. Шараневич [1092, t. 2, s. I–VIII].

48 На первом социологическом конгрессе в Париже (октябрь 1894 г.) М. М. Ковалевский председательствовал и выступил с докладом «О доисторическом времени в России» [701, с. 84–85].

собраниях учёные Украины общались с известными европейскими и американскими учёными, что способствовало расширению круга их научных связей.

Вопросы национальной идентичности М. М. Ковалевского вызывали разные оценки современников⁴⁹. Историк, социолог и правовед, выходец из слободского казацко-старшинского рода М. М. Ковалевский большую часть своей жизни прожил в Западной Европе. С отведённых ему судьбой неполных 65 лет жизни М. М. Ковалевский прожил 21 год в Харьковской губернии и Харькове и позже в основном за границей (за исключением 18 лет в Москве и Петербурге). Сначала он после окончания Харьковского университета учился в Берлинском университете и Школе хартий в Париже (1872–1877 гг.). Потом, после увольнения из Московского университета⁵⁰, М. М. Ковалевский преподавал в Стокгольмском, Оксфордском и других европейских университетах. Работы М. М. Ковалевского иногда печатались сначала на французском, а потом на русском языке [553; 566; 568; 581; 583; 1049–1052 и др.].

---

49 Среди всех перечисленных П. Я. Стебницким примеров участия М. М. Ковалевского в украинском национальном движении выделяем его приглашение для М. С. Грушевского в 1903 г. читать лекции в Русской высшей школе общественных наук в Париже [832, с. 66]. Поэтому ошибочным является и утверждение И. Майстренко о том, что «жизненные пути этих учёных не пересекались» [1465, с. 136]. Позже курс М. С. Грушевского по истории Украины неоднократно издавался как «Очерк истории украинского народа». Поэтому полностью логичный и правильный вывод П. Я. Стебницкого: М. М. Ковалевский «признавал себя украинцем не только по одному происхождению, но и по сочувствию к культурным стремлениям украинства» [832, с. 69]. Однако М. П. Драгоманов, который был лично знаком с М. М. Ковалевским, отрицал украинофильство последнего: «Украинец из рода, но не украинофил» [450, с. 492]. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, который также хорошо знал М. М. Ковалевского, оценивал его мировоззрение так: «Истый европеец, которому чуждо многое специфически русское в нашей духовной культуре» [738, с. 458].

50 Министр народного просвещения Российской империи в 1882–1897 гг. И. Д. Делянов так объяснял увольнение профессора М. М. Ковалевского из Московского университета в 1887 г.: «Лучше иметь преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою учёность, действует на умы молодёжи растлевающе» [цит. по кн.: 465, с. 28].

В Париже в 1901 г. М. М. Ковалевский организовал Русскую высшую школу общественных наук, в которой преподавали Э. Вандервельде, Р. Вормс, Ю. С. Гамбаров, Э. Дюркгейм, Н. И. Кареев, С. А. Муромцев, Г. В. Плеханов, Е.-В. Де-Роберти, Ш. Сеньобос, П. Б. Струве, Г. Тард, М. И. Туган-Барановский, В. И. Ульянов (Ленин), В. М. Чернов [1265; 1505, с. 40]. М. М. Ковалевский дружил или был знаком с К. Марксом (даже называл себя его учеником [556, с. 67]), Ф. Энгельсом, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, В. С. Соловьёвым, Н. И. Кареевым, В. О. Ключевским, И. И. Мечниковым, П. Н. Милюковым, С. А. Муромцевым, К. А. Тимирязевым, П. Б. Струве [1290, т. 4, с. 377], А. В. Луначарским [418, с. 517].

Мы далеки от намерения представлять научные успехи М. М. Ковалевского только его общением с другими выдающимися учёными. Между тем сам М. М. Ковалевский признавал такое влияние. В предисловии к одной из своих книг он писал: «Самая мысль об историко-сравнительном изучении процесса развития поземельной собственности возникла... под непосредственным влиянием как чтения, так и разговоров с Мэнном» [563, с. VI]. В то же время М. М. Ковалевский подчёркивал, что Г. Мэн, которого он, как и К. Маркса, называл своим учителем, недооценивал роль правительственной политики в разложении общинного землевладения [563, с. VI]. М. М. Ковалевский также считал, что его личное общение с К. Марксом⁵¹, начатое зимой 1873/74 гг. в Лондоне

---

51 М. М. Ковалевского поражало в К. Марксе «его страстное отношение ко всем вопросам политики» [539, № 7, с. 13], что мешало его научной работе [539, № 7, с. 15]. М. М. Ковалевский называл К. Маркса настоящим европейцем [539, № 7, с. 22]. Российский учёный также подчёркивал «начитанность автора „Капитала“» [539, № 7, с. 15], работоспособность К. Маркса, вспомнил о его смерти за письменным столом [539, № 7, с. 20 и др.] М. М. Ковалевский чрезвычайно высоко ценил К. Маркса, называя последнего одним из «умственных и нравственных вождей человечества», «самым крупным выразителем прогрессивных течений общественности» [539, № 7, с. 22]. Отметим неконъюнктурность этой оценки, напечатанной за 8 лет до захвата власти большевиками, поднявшими личности К. Маркса и Ф. Энгельса до уровня небожителей. М. М. Ковалевский подчёркивал те черты К. Маркса, которые были присущи и ему самому. Известно основательное знание М. М. Ковалевским современной ему европейской научной литературы. П. А. Сорокин

[1611, с. 85], придадо «новый стимул к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского Запада» [539, № 7, с. 19] и далее подчёркивал: «Без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы своё внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений» [539, № 7, с. 19].

Другим учёным Украины мирового уровня, удачно интегрированным в систему европейской науки и образования, был профессор Киевского университета И. В. Лучицкий. Он работал в архивах Франции, Испании, Италии, Германии и других стран [517, с. 166, 168, 170; 876, с. 50–52]. В Париже в 1872 г. И. В. Лучицкий читал лекции по новейшей истории Франции и об учении О. Конта [876, с. 51; 1320, с. 179; 1576, с. 179]. Киевский профессор дружил с В. И. Герье, Ф. Гизо, Н. И. Кареевым, М. М. Ковалевским, П. Л. Лавровым, Э. Литтре, А. Мори, Г. Моно [517, с. 166–170; 876, с. 50–52; 1576, с. 179]. Труды И. В. Лучицкого по истории Франции, в т. ч. на французском языке, были одобрительно приняты европейским сообществом [1334, с. 287–294; 1507, с. 255; 1576, с. 179–180].

Украинская и частично польская историографии второй половины XIX – начала XX веков, в первую очередь её проблематика, национальная историческая парадигма и категориальный аппарат, пребывали в стадии формирования [1178, с. 92–93].

М. М. Ковалевский

вспоминал как М. М. Ковалевский часто работал за письменным столом по 8–10 часов в сутки. Личный секретарь также писал о последних годах своего учителя, что даже свою болезнь М. М. Ковалевский использовал как возможность отойти от общественных дел и посвятить чтению новых научных трудов [1894, с. 107].

В процессе изучения позитивистской историографии на Украине мы расширили объект исследования за счёт работ репрезентантов разных национальных историографий, что позволяет основательнее исследовать выбранную тему. Такой подход является важным для осмысления отдельных национальных историографий как неотъемлемых элементов общеевропейского и мирового историографического процесса. Тем более методологические основы работ представителей российской, украинской, польской и других национальных историографий, живших в исследуемое время на украинских землях, были подобными между собой, в отличие от тематики их трудов и общественно-политических взглядов. Поэтому есть основание рассматривать позитивистский вариант историописания как главную концептуальную схему исторического процесса и в некоторой мере системосоздающую модель исторических исследований указанного периода независимо от национальной идентификации учёных.

И. В. Лучицкий

Кроме того, в монографии исследуются ранние научные труды (и другие историографические источники) тех русских и польских учёных, становление которых как учёных происходило на землях Украины. Они, по крайней мере в первые годы своей самостоятельной научной и преподавательской деятельности за пределами украинских земель, сохраняли такое понимание исторического процесса, которое было сформировано на раннем этапе их профессиональной деятельности. Например, профессора Московского университета Е. В. Тарле и Д. М. Петрушевский, профессор Казанского университета В. К. Пискорский в основном придерживались теоретико-методологических принципов своего учителя И. В. Лучицкого. Поэтому те их работы, которые были продолжением научных проектов, начатых во время пребывания на украинских землях, также можно рассматривать в контексте развития исторической науки на Украине. В то же время мы пытаемся

избегать анализировать те труды, которые были написаны до переезда на Украину (для учёбы и/или работы в учебных заведениях и научных обществах) тех или других учёных.

Таким образом, в историографии проблемы можно условно выделить три этапа:

1) 1860-е – 1920-е годы – период распространения позитивистской модели историописания в историографии и первых попыток её анализа непосредственно участниками историографического процесса (труды Н. М. Бубнова, Г. Н. Вырубова, Р. Ю. Виппера, Л. Гумпловича, Е. -В. Де-Роберти, Н. И. Кареева, В. О. Ключевского, М. О. Кояловича, М. М. Ковалевского, А. С. Лаппо-Данилевского, В. В. Лесевича, В. С. Соловьёва, П. А. Сорокина).

2) конец 1920-х – 1980-е гг. – время критического восприятия учёными советских времён позитивистского варианта историописания. С конца 1920-х годов на землях СССР позитивистский вариант историописания подвергался критике, поскольку изучение немарксистских теорий имело целью доказать ошибочность подходов их последователей в объяснении разных общественных проблем и «истинную» научность только теории исторического материализма. В оценке позитивизма учёные СССР (О. Л. Вайнштейн, П. Ф. Лаптин, П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев и другие) руководствовались критическими высказываниями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Одновременно некоторые исследователи акцентировали внимание на отдельных достижениях позитивистской историографии (Е. В. Гутнова, И. С. Кон, Б. Г. Могильницкий и др.). Определённые элементы позитивистской модели историописания были предметом научных исследований В. Т. Зонова, П. Ф. Лаптина, Б. Г. Могильницкого, А. Н. Нечухрина, Б. Г. Сафронова, Л. Н. Хмылёва, П. С. Шкуринова и других авторов советских времён. Трудам учёных указанного времени недоставало чёткого понимания специфики рецепции позитивизма и развития позитивистской историографии. Учёные чётко не определили особенности позитивистского мировоззрения историков.

Зато национальная специфика рецепции позитивизма в польской культуре и науке, в частности в историографии, получила намного детальное освещение в научной литературе. В трудах польских учёных (среди них М. Жмигродзка, Г. Коз-

ловская-Сабатовская, Б. Скарга, Я. Скарбек и др.) признавалось большое влияние позитивистской теории на развитие национальной науки и художественной литературы, а сам «польский позитивизм» трактовался чрезвычайно широко — как общественно-политическое движение и доминирующее течение в науке и культуре польской нации изучаемого периода.

3) современный период (1991–2012 гг.) — начало перехода от изучения отдельных компонентов позитивистской парадигмы или историософских взглядов отдельных учёных к системному анализу позитивизма в исторической науке исследуемого времени. Общие аспекты проблемы позитивистской модели историописания частично исследованы в теоретико-историографических трудах Я. С. Калакуры, И. И. Колесник, Т. Н. Поповой, В. А. Потульницкого, С. П. Стельмаха, Л. А. Запшильняка, К. М. Колесникова, В. В. Масненко, И. П. Куцого, Л. В. Таран, Л. Н. Хмылёва, А. Н. Нечухрина, В. Д. Жигунина, Г. П. Мягкова и других учёных. Современная польская историография (Б. Оляшек, Е. Матерницкий) продолжает придерживаться широкой трактовки позитивизма.

Источниковая база исследования сложна, большая по объёму и разнообразна. Большой комплекс источников по избранной теме можно поделить на семь групп: 1) научные труды: монографии, диссертационные исследования, статьи, рецензии и отзывы, доклады на заседаниях научных обществ исторического профиля и на различных собраниях; 2) курсы лекций и учебные пособия; 3) студенческие научные работы; 4) публичные лекции, торжественные актовые речи, научно-популярные издания; 5) археографические легенды; 6) источники личного происхождения (дневники, воспоминания, автобиографии, переписка); 7) актовые материалы. Источниковая база позволяет выявить особенности рецепции позитивизма в общественной, в частности исторической, мысли; проанализировать отдельные элементы позитивистской модели историописания.

В монографии использованы системный и социокультурный подходы; принципы историзма, объективности; специально-исторические методы: историко-генетический, биографический, историко-сравнительный, проблемно-историографический.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

РЕЦЕПЦИЯ ПОЗИТИВИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ НА УКРАИНЕ

1.1. Сущность «раннего» позитивизма и его влияние на становление позитивистской историографии на Украине. Роль разных мировоззренческих и научных традиций в распространении позитивизма

Распространение позитивизма в общественных науках прошло несколько этапов. В частности, время с 1842 г. до начала 1860-х гг. можно характеризовать как период предпозитивизма⁵². Для него характерно доминирование романтизма и объективного идеализма в национальных историографиях с постепенным распространением идей фундаторов позитивизма О. Конта, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера и их последователей.

Первая польскоязычная публикация А. Кжижановского об О. Конте относится к 1842 году [1810, s. 8; 1813, s. 1].

В 1843 г. в популярном среди образованной публики Российской империи журнале «Отечественные записки» публицист В. А. Милютин несколько страниц рецензии на книгу А. К. Бутовского посвятил изложению положений позитивной философии [717; в т. ч. с. 391–395 об О. Конте]. А. И. Герцен сначала раскритиковал новейшие «дилетантские» идеи, к которым отнёс и теорию О. Конта [334–335]. Позже (в 1867 г.)

---

⁵² Я. Мациевский выделял 1858–1863 гг. как переходной период между романтизмом и позитивизмом в польской общественной мысли [1810, с. 8].

он поддерживал высокую оценку Г. Н. Вырубовым учения О. Конта, которое исключает «всё теологическое и метафизическое, оно идёт... навстречу общественному обновлению, обосновывая это обновление исключительно на действительном знании законов мира, человека и истории» [336].

Во времена правления Николая I, особенно после европейских революций 1848–1849 гг., в России были приняты правительственные меры по ограничению «вольнодумства» в университетских корпорациях: запрет в 1850 году преподавания философии (за исключением семинарий и духовных академий)⁵³, упразднение заграничных научных командировок, жёсткая регламентация содержания программ всех учебных курсов. Последние по инструкции 1849 года должны утверждаться сначала факультетскими собраниями и ректором [63, л. 47, 53; 64, л. 1–7; 66, л. 1, 14–23 и др.].

До конца 1850-х годов доктрина основателя социологии была мало распространена как среди учёных, так и в целом в обществе. Этому способствовали цензурные ограничения российским правительством печатного слова, в частности запрет ввоза из-за границы и печати трудов О. Конта и другой социологической литературы [515, с. 353].

С конца 50-х годов XIX в. университетские преподаватели в лекциях по истории начали популяризировать идеи и труды основателей и последователей позитивизма (в Киевском университете: В. Я. Шульгин [815, с. 476], П. В. Павлов; в Харьковском университете: Д. И. Каченовский [413, № 2, с. 570; 551, с. 29 и др.; 864, с. 12; 1326, с. 138], М. Н. Петров [13–16, 160, 760–764] и др.).

Распространению идей позитивизма способствовали разные предыдущие мировоззренческие и научные традиции. Позитивистская теория развила и обосновала несколько идей, высказанных древнегреческими философами (об обществе как организме), Д. Юмом и Ф. Бэконом (принципы рационализма, индуктивизма и сциентизма), французскими просветителями (вера в общественный прогресс, идеология либерализма, анти-

---

⁵³ Постановлением Министерства народного просвещения (февраль 1860 г.) возобновлялось преподавание в университетах и Ришельевском лицее истории философии, логики и психологии [1892, с. 443–446].

клерикальные настроения и т. п.), А. Сен-Симоном (закон трёх стадий) [1149, с. 64–67, 84–85; 1470, с. 15–17 и др.]. Требования основателей позитивизма только исследовательским путём достигать научных результатов были продолжением, как признавал сам Г. Спенсер, идей Ф. Бэкона [849, с. 40]. Таким образом, некоторые элементы позитивного учения были известны и раньше, но благодаря позитивизму они получили своё дальнейшее развитие и обоснование [1507, с. 110 прим.].

Наибольшую же роль в возникновении и распространении позитивного учения сыграла идеология Просвещения⁵⁴. Её влияние признавали сами позитивисты⁵⁵.

Идеологи Просвещения считали человеческий разум способным познавать мир и называли научное знание необходимым для лучшего развития общества. Основатели и последователи «первого» позитивизма также верили в способность науки к бесконечному развитию и неограниченному расширению поля исследований, в которых могут быть применены научные методы. Г. Спенсер был убеждён, что социология в будущем станет необходимой каждому образованному человеку [857, с. 4–7, 14–24].

Просветительский и позитивистский виды рационализма определяли основой бытия и критерием познания разум. Просветительская и позитивистская теории познания с характерным особенно для позитивизма культом факта выдвигали

---

54 В данном исследовании мы анализируем прежде всего элементы французской и частично немецкой просветительской идеологии. Хотя мы соглашаемся с Р. Г. Эймонтовой, считавшей просвещение более широким (в т. ч. относительно хронологических рамок) и многоплановым понятием. В её понимании просвещение – «идейно-культурное течение общеевропейского типа, выражавшееся в приверженности антифеодальным и антикрепостническим идеям, провозглашении достоинства человека, в отрицании непререкаемого авторитета церкви и власти, в веротерпимости, рационализме, культе науки и разума» [1755, с. 8].

55 М. М. Ковалевский и другие составители сборников «Родоначальники позитивизма» популяризировали труды французских просветителей (А. Р. Ж. Тюрго, Ж. Л. Д'Аламбер) именно как основателей позитивизма [408; 907–908]. По мнению Е. Г. Кагарова, Вольтер «в своих социологических взглядах» опередил идеи Э. Тэйлора, Г. Спенсера и других учёных [500, с. 24].

критерием познания не теоретические конструкции, а эмпирическую проверку последних опытным путём. Позднепросветительский рационализм стал основой позитивистского.

Оба направления также объединяли убеждение в великой силе знания для развития человечества. Сциентистический подход применялся просветителями и позитивистами к объяснению всех явлений общества. Считалось, как подчёркивает Л. А. Маркова, что научные идеи обуславливают развитие общества несколькими путями: распространение методов позитивного учения на все области знаний, в т. ч. на историю и социологию; применение законов механики и биологии для создания моделей общественного развития. Постепенный и прогрессивный путь развития научных идей провозглашался основными характеристиками общества [1474, с. 19]. По её оценке позитивизм представлял собой «предельное выражение упорядоченности рационализма» [1474, с. 18]. Свою оценку Л. А. Маркова объясняет так: «Вся история общества рассматривалась как элемент истории науки, специфика науки распространялась на другие сферы общества» [1474, с. 18].

Одним из результатов распространения просветительского, а потом и позитивистского рационализма стала частичная секуляризация общественной жизни, в первую очередь гуманитарных наук, и более широкое восприятие в обществе идей человеческого равенства и свободы личности.

Подобно просветителям многие позитивисты были дуалистами. Основной вопрос философии О. Конт объявил псевдонаучной проблемой [592, с. 23 и др.]. Творцы позитивизма и большинство историков-позитивистов пробывали подняться выше материализма и идеализма и даже отрицать деление обществоведов на материалистов и идеалистов [1507, с. 123]. Позитивисты, по В. Т. Зонову, пытались создать теорию исторического развития, примиряющую «„крайности” идеалистического и материалистического миропонимания. Неприемлемость к научному компромиссу рассматривается в позитивистских научных кругах как свидетельство научной односторонности и ограниченности, как архаизм, не отвечающий духу времени. Эклектизм становится важнейшим принципом теоретического системосозидания» [1326, с. 144].

Тем временем идеализм постоянно фигурировал в польских журналах позитивистского направления в роли главного научного противника [1287, с. 74]. Я. Скарбек пишет, что в духе времени «название „материализм” стало как будто синонимом „явного безбожничества”» [1844, с. 69].

Несмотря на постоянные попытки объявить себя вне рамок дискуссии между идеалистами и материалистами об основном вопросе философии, позитивисты часто обвинялись своими критиками в скрытом материализме. По мнению Д. Ф. Щеглова, «позитивизм есть переодетый материализм» [968, с. 799]. Это утверждение является только частично правильным, ибо опытное познание невозможно без элементов материализма.

О. Конт [591, с. 142–152; 592, с. 24 и др.] и Дж. Ст. Милль [713, с. 842–843] были убеждены, что только опытным путём можно достигать научных результатов. Г. Спенсер также высказывался за путь опытов [854, с. 11 и др.; 849, с. 40]. Научное объяснение общественного развития должно основываться не на априорно заданных схемах, как у Г. В. Ф. Гегеля, а происходить с помощью индукции. Основатели «первого» позитивизма допускали возможность объяснить любой факт индуктивным путём. Требование поставить историческую науку на почву опытного знания не было новым или оригинальным, но оно настолько отвечало общим настроениям, что имело немного открытых оппонентов.

Французские и немецкие просветители XVIII столетия критиковали проявления идеалистической схоластики и метафизики. Эту традицию продолжили и фундатеры и последователи позитивизма. Они рассматривали всякую дедукцию⁵⁶ как метафизику и схоластику. О. Конт отрицал значение философии и метафизики, о чём свидетельствуют негативные оценки философии вообще [593, с. 60, 79, 82] и метафизики в частности («неблагодарные софизмы современной метафизики» [593, с. 82], «метафизические утопии» и «преступные хитрости» [593, с. 60]). Презрение О. Конта, как указывал Дж. Льюис, к метафизике «безгранично» [707, с. 27]. Между

---

⁵⁶ Между тем дедуктивный путь более свойственен общественным наукам.

тем Г. Спенсер не отрицал философию как науку, оценивая её как знание наивысшей общности [854, с. 4].

Отношение О. Конта к философии одобряло большинство учёных и интеллигенции России и Австро-Венгрии, в состав которых входили украинские земли. «Наша интеллигенция, – писал об особенностях восприятия идей позитивизма образованными кругами Российской империи публицист В. Л. Кигн, – с радостью ухватилась за позитивизм, который давал высшую, прикрытую авторитетом науки санкцию пренебрежительному отношению к философии и метафизике» [315, с. 10]. Как вспоминал Н. Д. Кондратьев, М. М. Ковалевский в разговорах «нередко смеялся над ... туманностью и бесплодием» философии [1885, с. 185].

В. Пилат усматривал главное значение учения О. Конта в том, что благодаря позитивизму произошёл «перелом в мышлении, философском и научном от индивидуализма и рационализма XVII-го и XVIII-го веков к историко-генетическому мышлению столетия XIX-го» [1094, s. 17].

Созданная О. Контом классификация наук [592, с. 24–47] была также продолжением идей энциклопедистов. Между тем Г. Спенсер не соглашался с этой классификацией именно из-за её линейного характера [848, с. 9–12; 849, с. 1].

По другим мотивам критиковали классификацию наук О. Конта философы – за отрицание важности философии и метафизики.

В 1860-х – 1890-х годах классификация наук О. Конта была настолько популярной среди учёных, что лиц, не признававших контовские классификации наук и закон трёх стадий, В. В. Лесевич обозвал глухонемыми [651, т. 2, с. 148].

Даже учёные, публично не признавшие позитивизм, частично принимали его идеи. В лекциях по всемирной истории в Киевском университете В. А. Бильбасов, не принадлежавший к симпатикам позитивистской доктрины, называл контовскую классификацию «удачным образчиком классификации наук» [169, л. 4 об.].

Среди учёных Галиции классификация наук О. Конта продолжала быть популярной до конца исследуемого периода. Бывший позитивист, а на 1919 г. – идеолог польского социалистического движения Б. Лимановский продолжал придерживаться классификации наук О. Конта [1069, cz. 1, s. 16–17].

О. Конт создал новую науку – социологию, которой отвёл роль метанауки, так как она будет изучать и решать теоретические вопросы исторических и других общественных наук. Социологию он определил как науку о порядке и прогрессе человеческого общества [590, с. 21]. Сам О. Конт, Дж. Ст. Милль и их последователи использовали и другие термины: «социальная физика», «социальная наука», «позитивная наука». Под термином «позитивный» О. Конт понимал достоверные и доказанные фактами знания без метафизических конструкций [590, с. 16–17]. Он определял позитивную философию как «особый способ философского мышления, который признаёт, что все теории, к какой-либо области идей они не принадлежали, имеют целью согласование наблюдаемых фактов» [592, с. 2]. В. В. Лесевич практически повторял О. Конта: «Положительная философия» есть «миросозерцание, слагающееся из всей совокупности положительного знания» [650, с. 372]. Тем временем Г. Спенсер отдавал предпочтение одному термину – «социология», и благодаря в первую очередь его трудам слово «социология» стало наиболее употребительным названием новой науки.

Одной из задач общественных наук О. Конт объявил исследование структуры общества и её эволюции, в частности изучение исторических фактов в хронологической последовательности [592, с. 32 и др.]. Вслед за ним Дж. Ст. Милль называл основной задачей «социальной науки» поиск «законов, согласно которым всякое данное состояние общества вызывает другое, следующее за ним и замещающее его» [713, с. 830].

Позитивисты подчёркивали некоторую предвзятость к прошлому, а поэтому ошибочность некоторых оценок средневековья и даже подтасовку фактов западноевропейскими просветителями. Приват-доцент Харьковского университета В. К. Надлер, например, указывал на то, что «средние века были для них [просветителей – Б. Е.] временем глубочайшего упадка человечества, феодализм – организованною системою варварства и насилия; римская церковь и её учреждения – грубым обманом, придуманным хитрою сектою попов для обирания суеверных и глупых народов; крестовые походы и рыцарство – верхом человеческого безумия, торжеством

фанатизма и грязного суеверия» [730, с. 8]. Учёный считал, что просветители исполнили свою историческую задачу «по преимуществу разрушительного свойства» «по отношению к истории, освободив её от оков схоластического и богословского авторитета», но «вновь дали ей одностороннее направление» [730, с. 9].

Ряд мыслителей эпохи Возрождения и Просвещения, как известно, резко критиковали религиозный фанатизм и церковную политику. Деятельность церкви они оценивали как искажение настоящих основ христианства. Однако позднейшие исследователи показали ошибочность некоторых упрощённых утверждений просветителей. В лекции «Визионеры в истории» М. Н. Петров, например, убедительно раскритиковал подход Вольтера и других просветителей к религии. Профессор Харьковского университета подчёркивал, что не все чудеса можно объяснить обманом, суевериями, невежеством. Для изучения этих явлений, по его мнению, необходимо объединить методы истории, психологии, естествознания [160, л. 3–3 об.].

Позитивисты, отрицая религию как главную ценность, признавали науку наибольшей, но не единственной культурной ценностью человечества. О. Конт считал несовместимыми науку и христианскую религию и теологию [590, с. 29–30]. Г. Спенсер называл науку «высшим развитием обыденного сознания» [858, т. 5, вып. 7, с. 19]. В то же время он считал, что наука не противоречит религии из-за разницы сфер применения [858, т. 5, вып. 7, с. 21–23]. Более того, по его мнению, позитивная наука в её «истинном смысле» «содействовала движению религии» [858, т. 5, вып. 7, с. 110].

Признание религии, иногда религиозной веры соединялись у них с глубоким убеждением в больших познавательных возможностях науки. Позитивисты разграничивали сферы действия науки и религиозной веры и во многих случаях отрицали возможность научной критики религии⁵⁷. Позити-

---

⁵⁷ Отношение историков-позитивистов к религии разделяло их ближайшее окружение. А. Л. Иконникова, например, в докладе на Высших женских курсах в Киеве назвала возникновение религии закономерным явлением

вистскому мировоззрению ряда историков было присуще негармоничное соединение идеи божественного начала человечества с теорией Ч. Дарвина о естественном отборе.

Фундаторы и большинство приверженцев позитивистской доктрины подходили к изучению религии и церкви с принципиально новых позиций – в первую очередь как к социокультурному и полифункциональному явлению, а не с библейской точки зрения. Попытка О. Конта создать новую светскую религию [594, с. 200] вызвала крайне негативную реакцию богословов. Ещё более резкими в адрес церкви были высказывания Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля и Г. Т. Бокля. Поэтому взгляды этих трёх учёных, а позже Э. Маха, воспринимались именно как атеистические, хотя не были такими⁵⁸.

На самом деле, позитивисты в большинстве случаев были деистами, как и французские и американские (Т. Джефферсон, Б. Франклин) просветители, а также И. Кант. Подобно просветителям, позитивисты признавали существование Бога, но отрицали необходимость церкви или выступали за ограничение её вмешательства в мирские дела. Историкам-позитивистам была присуща умеренная религиозность, а иногда и плохо спрятанный просветительский скепсис к ней.

Вопросы культа и вероучения мало интересовали позитивистов. Именно по критерию полезности для народа профессор Киевского университета В. Б. Антонович, например, оценивал Брестскую церковную унию 1596 г.: «Для народа она была ненавистна не своими догмами, ибо народ не оставливается на рассуждениях по богословским вопросам, не

(«для удовлетворения подлинных и вечных потребностей» человечества). Поэтому спенсеровские объяснения причин возникновения религиозных верований она характеризовала как наивные [133, л. 9 об.–10]. Критику учёными религиозных догматов, руководствуясь именно позитивистскими исследовательскими принципами, А. Л. Иконникова считала неправильной: «Вопросы, составляющие сущность религии, не подлежат научному исследованию, ибо не могут быть подвергнуты опыту и наблюдению» [133, л. 18].

⁵⁸ Известно, что Г. Спенсер завещал сжечь своё тело после смерти [539, № 6, с. 520; 575, т. 1, с. 252; 845, с. 6]. Подобное решение на рубеже XIX–XX вв. мог принять только маловерующий в христианское вероучение человек или атеист.

обрядами; украинский народ всегда относился к ним индифферентно. Она была ненавистна тем, что поменяла мирское устройство церкви на автократическое. Народ ненавидел... унию за её иерархический абсолютизм, за то, что её принудительно насаждал в крае вражеский польско-шляхетский элемент» [218, с. 67].

Историки-позитивисты отмечали в целом положительное влияние церкви в определённые исторические периоды или в отдельных сферах человеческой жизни. П. Н. Ардашев, например, подчёркивал определяющую роль церкви в росте культуры: «Церковь была единственною носительницею цивилизации среди варварского общества начала средних веков; и ещё долго после того она продолжала оставаться единственною культурной силой» [106, л. 1]. М. Н. Петров связывал становление цивилизации во всех европейских странах [757, с. 27], в частности «широкое развитие гражданственности» [757, с. 23], принятие человечеством «коренных понятий о добре, правде, справедливости и законе» [757, с. 28], с распространением христианства.

Большинство позитивистов связывало прогресс европейских народов с прекращением доминирования христианской церкви в европейской общественной жизни. Профессор права Харьковского университета А. Н. Стоянов указывал, что «свобода совести была необходимою ступенью для развития европейского прогресса» [865, с. 71].

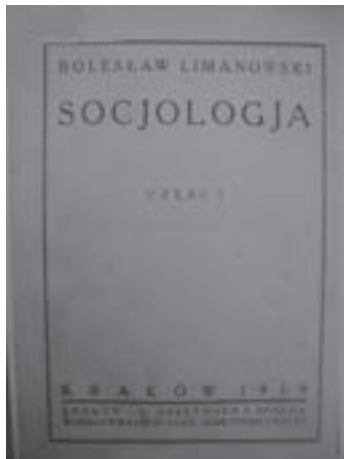
В силу своих либерально-просветительских убеждений приват-доцент Киевского университета М. П. Драгоманов признавал неоднозначными последствия подчинения церкви государству: «Самая идея подчинения церкви государству, хотя и представляла более условий для прогресса, чем духовное господство, но всё же поработала личную нравственную жизнь представителям политики, особенно если она, как было сначала, осуществилась не столько в подчинении церкви государству, сколько государям» [431, т. 219, № 3, с. 75]. Он настойчиво выступал за отделение церкви от государства [442, с. 52] и проведение государственной политики веротерпимости к представителям всех конфессий. По его убеждению эта политика и отделение церкви от государства «имеет

свойство смягчать религиозные разделения и устанавливает мало-помалу связь между членами одного государства, хотя бы разных религий» [431, т. 219, № 3, с. 81].

В эмиграции М. П. Драгоманов стал более умеренным в оценке религиозной веры, считая это личным делом каждого человека: «Наука о прогрессе среди людей на земле собственно не противоречит и вере в царство небесное. О том, что будет с душой человеческой после смерти тела, никто детально не знает и, может, и не узнает. Поэтому лучше всего оставить каждому думать об этом и верить, как ему нравится. Всё дело только в том, чтобы мысль о том мире, о царстве небесном не мешала людям устраивать жизнь на этом свете, на земле» [445, с. 63].

Дальнейшим шагом историков-позитивистов на пути исследования места религии в обществе стало признание внутренних потребностей человека в религиозной вере. Выпускник Киевского университета Е. В. Тарле подчёркивал психологическую и этическую основу религиозной веры: «Потребность веры есть одна из могущественных сил человеческой души» [879, № 9, с. 82]. Свою мысль учёный конкретизировал следующим образом: «Социально-политические реформаторы придавали религиозный колорит своим учениям тем в большей степени, чем труднее и отдалённее казалось им или могло казаться прозелитам осуществление этих учений» [879, № 9, с. 85]. В деятельности реформаторов, по оценке Е. В. Тарле, не было «мелкого лукавства, пропагандистской хитрости, одного только желания подтвердить в чужих глазах особою санкцией свои теоретические построения» [879, № 9, с. 85]. Реформаторам (в т. ч. Маццини, сенсимонистам, польским мессианистам), по оценке историка, были присущи «упорная привязанность к своему обществен-

Б. Лимановский. Социология

ному идеалу, потребность религиозно в него уверовать и других убедить в его истинности, трудность обосновать слишком грандиозную, а иногда прямо фантастическую схему на логически доказуемой философской или научной теории» [879, № 9, с. 85].

Н. П. Василенко также выделял именно этическую функцию религии, которая «связывает людей между собою», «создаёт общий нравственный кодекс», «даёт удовлетворение умственным запросам отдельных верующих поколений» [300, кн. 12, с. 405–406].

М. П. Драгоманов

Некоторые историки-позитивисты с целью достижения межконфессионального взаимопонимания предложили реформы. М. П. Драгоманов, например, разработал план реформирования общества по примеру протестантских стран. Этот план детально освещён в монографии А. М. Круглашова [1422, с. 204–211]. М. П. Драгоманов обосновывал возможность подобного реформирования примерами по истории XVI–XVII веков. По его мнению, энергичное «меньшинство

среди украинского простонародья» тяготело к «религиозной реформации, на которую было начала выходить Украина в XVI ст.» [446, т. 2, с. 610]. Однако ей это не удалось из-за принятия Брестской церковной унии, «политических смут XVII ст.», культурной отсталости большинства украинского народа, которое «вздыхает о старинных церковных порядках, о церкви, менее панской и чиновнической, более дешёвой, громадской церкви с выборным духовенством, той церкви, которой идеал поставлен был на Украине братствами» [446, т. 2, с. 610–611]. Учёный предложил реформировать христианские конфессии по примеру протестантской: «Дешёвой громадской церкви не может дать массам не православие, не уния, не католицизм» ибо «громадскую церковь мог дать украинцам протестантизм» [446, т. 2, с. 611].

Историки-позитивисты подросийской Украины считали необходимой секуляризацию общественной жизни. М. М. Ковалевский активно выступал за «отказ светской власти от тесного общения с духовной» [570, с. 239–240].

Большинство из них относилось более позитивно к православию, чем к католицизму. Показательно сдержанной как для историка-позитивиста является оценка И. В. Лучицким кальвинизма как типичного проявления средневекового мировоззрения и непрогрессивного явления [685, № 3, с. 104]. Бывший католик В. Б. Антонович критически относился к католицизму. Учёный был убеждён, что «шляхетский порядок и иезуитизм противны духу нашего народа и вредны для его жизни» [206, с. 86].

Критическое отношение позитивистов к католической церкви, как подчёркивает Б. Г. Могильницкий, обуславливалось отношением к папству как главному тормозу общественного прогресса [1508, с. 225]. По его оценке в исторической науке Российской империи данного периода «побеждает новое представление об истории средних веков как об эпохе, главным содержанием которой является борьба человеческой мысли за освобождение от религиозных оков, в чём и усматривался прогресс в истории» [1508, с. 225].

Вопреки общей историографической традиции в трудах историков подросийской Украины встречаем единичные высокие оценки роли католицизма. В. К. Пискорский, например, позитивно оценивал роль католической церкви в объединении Испании [784, с. 17].

Особенное внимание учёных Галиции, где были распространены несколько конфессий, привлекла проблема отношений государственной и церковной организаций.

Значительное внимание этому вопросу уделял М. С. Грушевский. С просветительских позиций он рассматривал последствия

Е. В. Тарле

принятия христианского вероучения: «ограничение свободы в брачных отношениях и вообще в сексуальных»; «облегчение положения челяди» и ликвидация этого института; «устранение острейших форм ростовщичества»; «борьба с пережитками язычества» [381, т. 3, с. 405]. Кроме того, «проповедь гуманности и любви должна влиять также и на семейные отношения» [381, т. 3, с. 405]. М. С. Грушевский акцентировал внимание не на религиозной вере и догматике, а и на этических аспектах христианства⁵⁹. Главным последствием принятия христианской религии он называл «понятие нравственной ответственности», «нравственного баланса человеческой жизни, посмертной кары или заслуги в соответствии с нравственной суммой его» [377, с. 31]. Поэтому распространение в обществе этических норм учёный называл «большим подарком христианства» [377, с. 31–32].

Историк подчёркивал важную роль православной церкви в сохранении украинской национальной идентичности: «Духовенство как сторож интересов русской веры и проповедник их в народных массах, являлось заодно сторожем украинской национальной жизни, национальных традиций, национального сознания, патриотизма» [381, т. 6, с. 263]. Поэтому учёный был убеждён в необходимости соединения морали с религией. В рукописных заметках он подчёркивал религиозно-этическую составляющую деятельности на благо народа, считая: «Народовец может быть только в идеалистической, или то набожной громаде... Религия... приказывает всегда... любить свой народ» [28, л. 63 об.–64].

М. С. Грушевский рассматривал религию и «с культурно-исторической точки зрения» [398, с. 147]. Учёный считал христианство самым важным фактором эволюции средневековой культуры [381, т. 3, с. 300, 401; т. 5, с. 385]. Он оценивал Библию и как «необычный источник для генетической социологии», и как «литературный памятник», «спрятавший в такой выразительной, документальной форме такие богатые следы примитивного, родового, пастушьего, низко-культурного быта» [398, с. 147].

---

⁵⁹ Ср. с мыслью И. Г. Гердера: «Человек создан, чтобы усвоить дух гуманности и религии» [330, с. 107].

Просветительские и либеральные убеждения М. С. Грушевского чётко прослеживаются в его рассуждениях о соблюдении свободы вероисповедования и равноправии конфессий. Последнее, по мнению учёного, было «единственным средством иммунизации религиозных различий, устранения религиозных раздоров и вредного влияния их на общественные и политические отношения» [364, с. 72]. Противостояние между украинским и польским народами в религиозном деле М. С. Грушевский тоже характеризовал и с этических позиций как личное дело, поскольку «культ, религия – это же для всякого человека вещь наиболее деликатная, наиболее чувствительная на всякое пренебрежение, презрение, насилие» [381, т. 6, с. 300].

И. Я. Франко также неоднократно высказывался за свободу в делах религии и церкви, за отделение последней от государства и школы от церкви [922, с. 114–115]. Украинский мыслитель считал процесс секуляризации длительным и сложным: «Освобождение человечества от той, самими людьми созданной власти – это процесс очень долгий и тяжёлый» [924, с. 124]. И. Я. Франко оценивал секуляризацию как «борьбу правдивого знания, науки с мнимым знанием, с верой, религией» [924, с. 124]. Учёный выводил обратную зависимость религии и науки, обусловленность их распространения разнообразными экономическими и политическими факторами: «Чем больше науки, тем меньше веры, ... чем больше веры, тем меньше науки... отношение это в большой мере зависит от данных экономических и политических обстоятельств» [924, с. 124–125]. И далее объяснял: «Чем экономические и политические обстоятельства тяжелее, борьба за существование труднее, тем наука слабее, а вера крепче – народы, ослабевшие материально и духовно возвращаются... ко временам анимизма и фетишизма... Чем лучше складываются экономические и политические обстоятельства, тем больше сумма политической воли и экономического благосостояния в обществе, тем сильнее и прямее развивается наука, тем больше бледнет и слабнет вера, религия» [924, с. 125].

Позже И. Я. Франко высказывал более сдержанные оценки о религии и церкви. Он был убеждён, что религия должна остаться только как «вещь личного убеждения» [934, с. 128]. Одновре-

менно учёный отмечал, что на основе религиозной ортодоксальности никакой общественной консенсус невозможен, «ибо на поле догм никакое объединение невозможно» [934, с. 128].

В то же время известно критическое мнение И. Я. Франко о роли католицизма в истории славян. По его оценке католицизм был всегда «рьяным врагом Славянщины», который принёс славянам «больше вреда от всех кровавых войн с венграми, немцами и татарами» [921, с. 69]. По мнению И. Я. Франко, именно «лицемерная политика пап и интриги иезуитов» «привели к злосчастной унии религиозной, к преследованию русского люда сразу за его веру, а далее за народность, довели его до крайней руины и до больших и кровавых войн казацких» [921, с. 69].

М. С. Грушевский

И. И. Раковский резко выступил против того, чтоб вообще науку «дополнять христианскими или скорее католическими догмами» [805, кн. 5, с. 298–299].

Не все украинские историки Галиции, где были сильны позиции католической и униатской церкви, придерживались таких подходов.

И. И. Шараневич, например, позитивно оценивал патронат польского короля над православной церковью и последствия Брестской церковной унии [1124, с. 9].

Польские учёные Восточной Галиции в большинстве случаев пытались соединить религиозную веру, просветительские и позитивистские идеи. В. Абрахам, например, при всех своих просветительско-позитивистских убеждениях поддерживал первую статью Конституции 3 мая 1791 года о римско-католической церкви как государственной [983, с. 112].

В защиту католической религии и церкви выступили антипозитивисты. Т. Жулинский, например, прямо указывал, что науки о человеке не должны противоречить религиозным постулатам [1144]. Свою позицию он обосновывал ссылкой на божественное происхождение жизни, поскольку жизнь «на-

чинается с мысли о Боге, носит на себе след помазания божьего» [1145, с. 5]. Т. Жулинский даже существование отдельных народов считал Божьим разрешением [1145, с. 6].

С просветительских позиций учёные-позитивисты подходили и к анализу демонологических явлений. Учёные (среди них В. Б. Антонович [224, с. 4–5] и Ф. К. Волков (Вовк) [318, с. 180–182]) считали эти факты проявлением предрассудков и невежества, пережитком отсталых народов.

Характерной для рационалистического мировоззрения является ремарка В. Б. Антоновича о причинах народных предрассудков: «Каждый непонятное, невыясненное, странное или редкое проявление, хотя бы и невинное, приписывается злему духу. При слабом развитии реального знания чёрт становится гипотетической причиной всех проявлений, невыясненных строгим опытом и научной критикой» [224, с. 5].

С позиций исторического оптимизма и веры в разум Н. Ф. Сумцов оценивал «историю колдовства в Европе» как одну «из самых красноречивых страниц в истории победы разума и гуманизма над невежеством и жестокостью» [870, с. 230].

По убеждению профессора Нежинского историко-филологического института имени кн. Безбородько М. Н. Бережкова, для этнографов важнее «распространять здравые научные понятия о мире и жизни», «чем обличать предрассудки и суеверия простонародные» [122, л. 2].

Схожего мнения придерживался и немецкий историк Р. Ф. Кайндль, характеризующий суеверия гуцулов [502, с. 11–13, 111–126]. Профессор Черновицкого университета объяснял, в частности, большую распространённость знахарства, чем врачебной практики не большими расстояниями или стоимостью лечения, а тем, что «в большинстве случаев решающее значение имеет недоверие к новым и вера в древние способы» [502, с. 126].

И. Я. Франко

Однако, в отличие от просветителей, позитивисты считали эти факты не только проявлениями предрассудков и невежества, а и остатками первобытного коллективного сознания. Известный этнограф из Харьковского университета Н. Ф. Сумцов оценивал народные верования в ведьм как «яркие остатки древнего религиозно-мифического мирозерцания» [870, с. 230].

Ссылаясь на Г. Спенсера, В. П. Милорадович считал демонологические верования украинского народа важным историческим источником, поскольку они «открывают любопытные черты древнейшего мирозерцания человечества: веру в оборотничество, основанную, по мнению Спенсера, на постоянных изменениях растительных и животных форм в самой природе; веру в двойственное существование, т. е. в деятельность души, отдельную от тела, основанную на представлении о реальности сновидений; веру в возможность произвольно управлять стихиями и похищать звёзды, основанную на незнании законов природы и величины небесных тел» [714, с. 232–233].

Таким образом, историки-позитивисты украинских земель подходили к изучению религии и церкви с принципиально новых позиций, прежде всего как к социокультурному и полифункциональному явлению. Поэтому вопросы культа и вероучения почти не были объектом внимания исследователей. Учёные в большинстве случаев связывали успехи общественного прогресса и цивилизационного развития с ограничением роли религии и церкви в общественной жизни. При этом учёные (за некоторыми исключениями) не выступали против религии и церкви как общественного явления. Преимущественное большинство историков достаточно высоко оценивало роль религии в обществе и лояльно относилось к церкви. В то же время в трудах историков-позитивистов отсутствует идеализация религиозной веры, христианского учения, деятельности церковных институций. Роль религии и церкви в истории, даже в средневековой, была уменьшена до реальных масштабов. Их труды по истории религиозных и антирелигиозных движений способствовали общей секуляризации общества.

Учёные больше верили в силу позитивного знания, которое должно, по их мнению, привести к общественным изме-

нениям. Они изменили объект исследования – не сама христианская церковь, а «свободная от всякой религиозной исключительности человеческая мысль была объявлена главным деятелем средневекового развития» [1507, с. 120].

Между тем в трудах романтиков и неоромантиков содержались более высокие оценки религии и церкви. В. К. Липинский, например, считал, что развитие человека происходит в сторону «большого приближения к Богу» [667, с. 197]. «Самими же людьми, – утверждал он, – карает вечный Бог-Творец людей за грех против закона творчества и труда» [667, с. 207]. Частые ссылки на Бога в текстах его трудов свидетельствуют о глубокой религиозности В. К. Липинского, которая усиливала его неоромантические настроения.

Историки-позитивисты подросийской Украины относились в большинстве случаев более положительно к православию, чем к католицизму. Учёные подавстрийских украинских земель преимущественно занимали противоположную позицию. Такая разница объясняется государственным статусом соответствующих конфессий. Отношение позитивистов к религии и церкви отличалось сдержанностью и прагматизмом. По крайней мере фундаторы и наиболее известные последователи позитивистской доктрины к историческим проблемам подходили не с библейской точки зрения.

Французские просветители распространяли и другие идеи: усовершенствование отдельного человека и общества в целом путём распространения образования и развития науки, критика негативных черт феодального общества, в частности проявлений деспотизма правящей власти, религиозного и национального гнёта. Просветители по-новому понимали государство, отождествляя его не с правящей династией, а со всей нацией [1338].

Позитивисты в целом поддержали эти идеи. Однако они достаточно критически отнеслись к идеи Ж.-Ж. Руссо о возникновении государства в результате заключения общественного договора (за исключением В. Б. Антоновича, частично признававшего эту просветительскую концепцию [143, л. 5–6]). Большинство позитивистов поддержало критику О. Контом и Г. Спенсером теории общественного

договора. Главной заслугой спенсеровской «органической теории» М. М. Ковалевский считал то, что «она доказала неправильность представления о государстве как о чём-то возникающем путём договора, путём свободного соглашения людей» [538, с. 128; подобное суждение: 537, с. 302]. Учёный признавал договорную теорию только частично правильной, поскольку считал общественный договор «одной и далеко не первичной формой общежительного союза» [537, с. 306]. М. П. Драгоманов также считал ошибочной идею Ж.-Ж. Руссо

о происхождении государства путём заключения общественного договора [432, с. 389 прим.].

Р. Ф. Кайндль

Историки-позитивисты традиционно высоко оценивали просветительскую идеологию и её влияние на дальнейшее историческое развитие. А. С. Трачевский, например, сравнивал французское Просвещение с культурной революцией: «Просвещение произвело небывалый после христианства и гуманизма переворот в умах» [895, с. 21].

Однако некоторые специалисты по новейшей истории в силу основательной осведомленности с темой более рассудительно, чем другие учёные, оценивали идеи просвещения и лозунги буржуазных революций во Франции и Северной Америке конца XVIII в. Свой сдержанный подход к демократическим лозунгам М. М. Ковалевский, например, объяснял таким образом: «Это стремление к равенству не заключало в себе ничего метафизического. Речь шла не столько о признании человеческого достоинства и прав личности, сколько об имущественной обеспеченности и защите от произвольного или неравномерного распределения общественных тяготей — всё равно были ли то вотчинные ренты и помещичьи сборы или государственные налоги» [582, т. 2, с. 526].

Для обеспечения настоящей политической свободы М. М. Ковалевский предложил поставить государственную власть в такие условия, которые бы сделали невозможным для

неё «отнять у личности её прирожденные права» [571, т. 2, с. 67]. Кроме «соблюдения норм права» и политических свобод, учёный считал важным соблюдение «требований общественной солидарности» не только со стороны власти, а и всеми гражданами [535, с. 88]. В связи с этим он не поддерживал сугубо негативную оценку Г. Спенсером государства. М. М. Ковалевский подчёркивал, что «государство даже не всегда исполняло ту роль полицейского комиссара, заботящегося о сохранении общественного порядка, к которой английский философ хотел бы свести всю его деятельность» [1884, с. 61].

Необходимость обеспечения реальных, а не только юридически провозглашённых конституционных свобод для народа подчёркивал доцент Харьковского университета В. К. Надлер: «Свобода необходима для каждого народа, – подчёркивал он, – но свобода действительная, а не бумажно-конституционная» [728, с. XI].

Просвещение оказало значительное влияние и на становление «польского позитивизма». Позитивно оценивал идеи и деятельность французских энциклопедистов и утопистов конца XVIII в., например, Ш. Ашкенази [985, s. 1–121]. Близость идей западноевропейских философов XVIII в. и польских позитивистов подчёркивал также П. Хмелёвский. По его оценке в обоих случаях «выступление во имя света против обскурантизма, во имя терпимости убеждений против слепого догматизма, во имя прогресса против застоя. Как тогда, так и сейчас новые, реформаторские взгляды появлялись постепенно... как тогда, так и сейчас, а у нас то было самым раздражающим всегда – вопрос религиозный – остался в споре,... а явная, открытая критика касалась не догматов, а внутренних обрядов и духовенства» [1006, s. 23].

О. Конт, Дж. Ст. Милль и Г. Спенсер поддерживали и развили линейно-стадиальную концепцию цивилизации французских просветителей, которая была наиболее разработана в сочинениях А. Тюрго «Рассуждения о всемирной истории» (1750 г.) и Ж. А. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1793–1794 гг.).

Фундатеры позитивизма также развили высказанные французскими просветителями (в первую очередь

Ш. Л. Монтескье⁶⁰ и Ж. А. Кондорсе⁶¹) идеи о закономерном и прогрессивном характере общественного развития.

Позитивисты в частности поддержали и развили просветительское понимание общественного прогресса. Характерно типичное просветительское утверждение М. С. Грушевского (с ссылкой на А. Р. Ж. Тюрго и Вольтера): «Человечество непрерывно прогрессирует» [8, л. 2 об.]. Выдающийся украинский историк, сравнивая теологические и просветительские теории прогресса, отмечал важность демократических лозунгов Великой французской буржуазной революции для правильной разработки теории прогресса: «Разноречивость же и противоречия определения прогресса (социальное равенство, духовное развитие, политическая свобода etc.) лишают научной опоры и кредита и саму теорию прогресса» [8, л. 3].

Признание закономерного характера общественного развития в историографии происходило также под влиянием идей немецких просветителей, в частности идеи И. Г. Гердера об естественных законах человечества⁶².

Ссылаясь на Ч. Дарвина, Ш. Л. Монтескье, Ж. А. Кондорсе, Г. Спенсера [1071, s. 651, 667–670], Б. Лимановский тракто-

60 Ш. Л. Монтескье в работе «О духе законов» подчёркивал: «Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собою подчинялись им, что истории всех народов вытекали из них как следствие, и всякий частный закон входил в связь с другим законом или становился в зависимость от другого, более общего закона» [724, с. 1]. Он привёл классическое для XVIII в. определение законов – «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей» [724, с. 5]. Показательно, что М. М. Ковалевский неоднократно цитировал и позитивно оценивал это суждение Ш. Л. Монтескье [573, с. 340; 575, т. 1, с. 31; 576, с. 1].

61 Ж. А. Кондорсе объяснял прогресс общества именно закономерным характером его развития. Общественный прогресс, по убеждению Ж. А. Кондорсе, «подчинён тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших личных способностей, ибо он является результатом этого развития, наблюдаемого одновременно у большей группы индивидов, соединённых в общество» [587, с. 2]. Важным Ж. А. Кондорсе также считал способность человечества к совершенствованию [587, с. 2].

62 И. Г. Гердер в книге «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791 гг.) характеризовал общество как организм, способный к саморазвитию, в котором действует «мягкий бальзам естественных законов человечества» «даже против воли людей» [330, с. 435].

вал историю как основу социодинамики (по Э. Литтре) [1071, s. 649] и подчёркивал неслучайный и естественноисторический характер общественного прогресса именно для развития цивилизации [1071, s. 667].

Таким образом, идеи просветителей нашли своё дальнейшее продолжение в трудах фундаторов и последователей позитивизма. Последние (в сравнении с предшественниками на более высоком концептуальном уровне) считали исторический процесс независимым от божьего промысла, закономерным, эволюционным, прогрессивным. О. Конт определил соотношение между общественным строем и социальным прогрессом так: «Порядок становится... неизменным условием прогресса, между тем как прогресс составляет непрерывную цель порядка» [593, с. 122]. Для О. Конта прогресс – основа социальной эволюции. Закон общественного прогресса он сформулировал как последовательную смену одних и тех же этапов развития разных народов [593, с. 122]. Мыслитель подчёркивал, что результатом эволюции является не только улучшение материального положения человека, а и развитие высших способностей [844, с. 94]. Именно умственную эволюцию он признавал основой всего развития человечества [844, с. 99]. Наиболее ярко, по мнению О. Конта, общественный прогресс проявлялся в смене мировоззрения от теологического к позитивному [595]. По убеждению О. Конта, позитивная философия поможет выйти из кризиса современной цивилизации [844, с. 26].

Вслед за О. Контом Дж. Ст. Милль и Г. Т. Бокль связывали общественный прогресс с развитием общественного сознания, распространением знаний и образования [269, т. 1, с. 136, 169–170; 713, с. 844]. «Прогресс промышленности, – подчёркивал Дж. Ст. Милль, – должен следовать за прогрессом знаний и зависеть от него» [713, с. 843]. Г. Т. Бокль признавал влияние человеческого духа на исторический процесс [269, т. 1, с. 9].

Дальнейшее развитие теория общественного прогресса получила в сочинениях Г. Спенсера. Г. Спенсер, в отличие от О. Конта, считал развитие общества продолжением биологической эволюции. «Закон органического прогресса, – писал он, – есть закон всякого прогресса» [858, т. 1, вып. 1, с. 3]. Дифференциацию и интеграцию (консолидацию) он опре-

делял как две главные тенденции эволюции [913, с. 26–27]. Английский учёный отстаивал идею о полном цикле развития цивилизации, которая должна пройти три стадии: прогрессивного развития (дифференциации), стабильности (адаптации) и регресса [860, с. 279 и др.; 854, с. 209–210]. Регресс Г. Спенсер считал возможным только для отдельных народов [853, т. 1, с. 276 и др.]. Г. Спенсер, в отличие от О. Конта и Дж. Ст. Милля, признавал, что «мир управляется и изменяется через чувства, для которых идеи служат только руководителями»⁶³ [852, с. 234; подобное суждение: 860, с. 33], а главным критерием общественного прогресса называл не рост знаний, а уровень морали [853, т. 1, с. 78]. Однако учёный называл человеческое счастье теологическим критерием прогресса [858, т. 1, вып. 1, с. 2–3].

Сформулированная О. Контом, Дж. Ст. Миллем и Г. Спенсером позитивистская интерпретация общественного прогресса отличалась от просветительской. Основатели и последователи позитивизма отрицали безусловный характер общественного прогресса, не преувеличивали значения просветительских критериев прогресса и обосновывали прогресс общества наличием исторических закономерностей. Вместе с тем они не поддерживали идею романтиков об особой исторической миссии каждой нации. М. П. Драгоманов, например, критиковал «фаталистические теории безусловного прогресса и миссии народов в общеевропейской культуре» [433, с. 19 прим.].

О. Конт, Г. Спенсер и Дж. Ст. Милль считали необходимым сформулировать законы истории. Сам основатель позитивизма называл главной целью своих исследований поиск законов явлений [592, с. 6]. Закономерный характер исторического процесса наиболее ярко проявляется в его учении о трёх стадиях общественного развития: теологической, метафизической и по-

---

63 Учёные Украины поддержали эту, высказанную Г. Спенсером неоднократно, идею. Сохранилась выписка П. А. Кулиша этой фразы Г. Спенсера: «Не идеи управляют миром и ниспровергают его: мир управляется и ниспровергается чувствами, которым идеи служат только руководителями» [107, л. 67] (почти точная цитата с русскоязычного издания 1866 г. «Классификации наук» [849, с. 48]).

зитивной. Развивая концепцию своего учителя А. Сен-Симона, О. Конт разработал этот закон трёх стадий исторического процесса [591, с. 105; 592, с. 4]. На самом деле, как признавал сам О. Конт, этот закон можно назвать законом трёх этапов интеллектуальной эволюции человечества [590, с. 11].

Г. Спенсер не согласился с периодизацией общественного развития А. Сен-Симона и О. Конта и разделил историю человечества на два этапа: первобытности, который делился ещё на два подэтапа: дикости и варварства, и цивилизации (соответственно два подэтапа: деспотически-милитарный и индустриальный). Переход от дикости к варварству он связывал с обрядами и освящёнными авторитетом предков нормами и запретами, способными регулировать отношения между людьми. Начало цивилизации Г. Спенсер относил ко времени формирования органов власти.

О. Конт считал, что законы общества не отличаются от законов природы [592, с. 4–6]. Г. Спенсер подчёркивал, что независимо от О. Конта [849, с. 56–57] пришёл к такому же выводу о подобности законов природы и общества. «Прогресс науки, – утверждал английский учёный, – в группировании частных отношений явлений в законы, а этих специальных законов в законы всё более и более общие» [913, с. 9]. Г. Спенсер подчёркивал универсальность и общность законов. Последние учёный характеризовал как «единообразие отношений между явлениями» [848, с. 113; то же: 849, с. 42]. Мыслитель призывал изобрести общественные законы и был убеждён, что «только одна слабость наших способностей помешала нам их открыть» [848, с. 133]. Сам он пытался вывести эволюционные законы (размножения сил и нестойкости однородного) [860, с. 208 и др.]. Дифференциация и интеграция, как утверждал Г. Спенсер, присущи любой сложной системе [860, с. 289–293 и др.]. Именно эти положения Г. Спенсера вызвали наибольшую критику неокантианца Б. А. Кистяковского. Эволюционизм, по мнению последнего, состоит не в установлении законов природы и общества, а только констатации самого факта развития. К тому же выведенный Г. Спенсером закон превращения однородного в простое и разнородное не может быть доказан, поскольку не установлены причинные отношения [1881, с. 91–93].

Свои утверждения Г. Спенсер всегда обосновывал этнографическими материалами разных этносов. Кроме того, английский учёный был хорошо знаком со многими трудами европейских специалистов по истории первобытного общества. Характерно, что он считал критерием «правоверности» позитивиста признание социологических законов [852, с. 219].

Дж. Ст. Милль, в отличие от О. Конта и Г. Спенсера, выступил против отождествления законов природы и общества [713, с. 438–441, 832, 842]. В популярной среди учёных Российской и Австро-Венгерской империй, в т. ч. и на украинских землях, книге «A System of Logic, Ratiocinative and Inductive» (1843 г.) [русский, не совсем точный перевод названия: «Система логики силлогистической и индуктивной» – Б. Е.] Дж. Ст. Милль доказал уязвимость сформулированных О. Контом исторических законов. Последние, по его убеждению, требуют дополнительных исследований [713, с. 845–846]. Как отмечал Дж. Ст. Милль, эти законы не доказывают, что фактический

О. Конт

ход истории был единственно возможным. В то же время закон трёх стадий О. Конта он высоко оценил как обобщение с «высокой степенью научной доказательности» [713, с. 845]. Методологическую функцию общественных законов английский учёный усматривал в том, что они выступают критерием отбора существующих исторических фактов и правильности научных обобщений [713, с. 816]. Он объяснял: «Какие бы не были всеобщие законы социального развития, они не могут быть более всеобщими или более строгими, чем законы» физики [713, с. 853]. «Исторические факты, – писал в другой книге Дж. Ст. Милль, – подчиняются точно так научным законам, как и факты мира естественного» [711, с. 77]. По его мнению, «действия людей представляют совокупный результат общих законов и условий человеческой природы и собственного индивидуального характера данного человека» [713, с. 848–849]. Учёный считал, что

прогресс цивилизации не может быть законом природы, а является простым эмпирическим законом [713, с. 832]. Сам эмпирический закон Дж. Ст. Милль определял как «единообразия, на существование которых указывает наблюдение или опыт» [713, с. 469].

Влиятельной в обществоведении второй половины XIX в. была органическая теория Г. Спенсера. Последний признавал не только дарвиновский, а и ламарковский эволюционизм [860, с. 2–3]. Эволюция, по мнению Г. Спенсера, часто происходит в сторону усложнения [860, с. 2–3, 279, 287], а согласно дарвиновской теории, как справедливо указывал Г. В. Плеханов, – большей приспособляемости, даже путём упрощения [253, с. 350–351].

Г. Спенсер постоянно приводил аналогии неживой и живой природы, общества и биологических организмов. В его органической концепции органы власти, промышленность, банки имели соответствующие аналоги в человеческом организме [860, с. 297, 341 и др.].

Г. Спенсер

Органицизм Г. Спенсера в целом позитивно повлиял на дальнейшее развитие обществоведения. Труды английского учёного доказали преемственность исторического процесса, его закономерный характер. Рассматривая общество как развивающую систему с определёнными функциями, он обозначил социальную эволюцию как продолжение (на более высоком уровне) биологической. Исследования Г. Спенсера, как и труды Ч. Дарвина, дали значительный толчок развитию эволюционной теории во второй половине XIX в. Более того, сам текст его «Оснований биологии» перегружен естественноисторическими фактами с попыткой обобщить картину мира и доказать, что общество является частью природы. Активное использование Г. Спенсером и его последователями

(А. Э. Шеффле, П. Ф. Лилиенфельдом, Р. Вормсом) терминов естествознания в общественных науках было данью времени. Биологический редукционизм обществоведов как отрицание идеализма и провиденциализма предшественников в целом был прогрессивным явлением в науке второй половины XIX в.⁶⁴.

Линейно-стадиальная схема исторического прогресса получила общее признание в европейской позитивистской историографии XIX в. Для основателя позитивизма О. Конта «цивилизация» была одной из основных категорий социологии. Главным законом «социальной статики» мыслитель называл соответствие между характером государственных учреждений и состоянием цивилизации. Под последним учёный понимал развитие ремесел и духовной жизни общества, которое выражается в религии, философии, науке. Кроме того, цивилизацию он интерпретировал как постоянно возрастающее влияние человека на природу. В основу социальной динамики основатель социологии положил историю человеческого духа [595].

Одним из основных структурных элементов методологии позитивистской историографии была идея многофакторности общественного развития. Г. Спенсер разделял факторы на два вида: внешние и внутренние, которые, в свою очередь, разделял на первичные и вторичные. Он выделял первичные внешние (природные условия) и внутренние (биологические и психологические) факторы развития общества. Первичные факторы, по убеждению английского учёного, продуцируют вторичные: изменение внешней (природной и социальной) среды, рост населения и изменение свойств и потребностей индивидов, другие материальные и духовные результаты общественного развития [853, т. 1, с. 8–13 и др.; 860, с. 5]. Географические, экономические, политико-правовые, культурные и другие факторы признавались движущими силами общественного развития (динамика, по О. Конту) и/или неотъемлемыми элементами

---

64 Ср. с оценкой Н. И. Кареева биологического редукционизма Г. Спенсера: «Логическое последствие уподобления общества организмом, составляющего основу этой теории, заключается в отрицании самостоятельного значения личности» [519, с. 52].

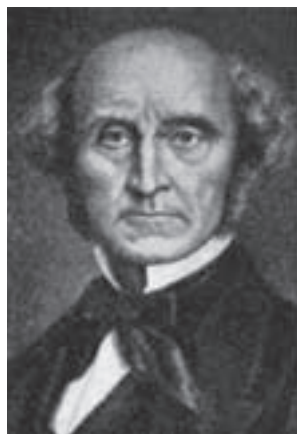
исторического процесса (статика, по О. Конту). Таким образом, впервые социально-экономические и биологические факторы стали полноправным объектом исследования. Благодаря выделению разных сторон исторического процесса многофакторный подход способствовал его лучшему познанию.

Особое значение фундаторы позитивизма придавали демографическому фактору. О. Конт, например, рассматривал увеличение плотности населения как важный фактор ускорения социального развития [595]. Г. Спенсер также называл рост населения одним из факторов общественного развития [860, с. 5–6].

Г. Спенсер высказал несколько плодотворных мыслей об особенностях времени и пространства в историческом измерении. Английский учёный выступил против характеристики исторического процесса как только прямолинейного развития без колебаний: «Бесконечность немислима... Ритм есть необходимая характеристика всякого движения» [913, с. 25]. Историки-позитивисты украинских земель, как показано нами в следующем разделе, развили далее высказанные прежде всего Г. Спенсером идеи: многофакторности общественного развития, временных и пространственных ритмов.

Для фундаторов и последователей позитивизма характерен европоцентризм. Г. Т. Бокль противопоставил два типа цивилизаций: европейский и неевропейский. Первый, по убеждению английского историка, развивается под влиянием разума, второй – по законам природы [269, т. 1, с. 58–64, 98, 169 и др.].

Просветительские убеждения способствовали распространению в обществе идей либерализма⁶⁵, который стал

Дж. Ст. Милль

---

⁶⁵ В данном исследовании термин «либерализм» преимущественно используется не в широком (общественно-политическое движение), а в

иной предтечей позитивизма. Как подчёркивал М. П. Драгоманов в лекциях по новой истории для студентов Киевского университета, позитивистская доктрина способствовала всё большей популяризации среди интеллигенции таких «принципов новой науки», как «свобода исследования», «свобода совести», «свобода труда», «свобода политическая» и «равенство всех перед законом» [111, л. 1–10б.].

Либерально-демократическая интеллигенция пыталась найти в позитивизме ответы на насущные проблемы общественного развития, в т. ч. и аргументы для реформирования общества⁶⁶.

Д. И. Каченовский публично критиковал политику российского правительства, высказываясь за демократические реформы: расширение избирательного права и местного самоуправления, провозглашение политической свободы и конституционную монархию по типу английской. Его ученик М. М. Ковалевский постоянно в лекциях и научных трудах высоко оценивал государственное и политическое устройство Великобритании, в частности систему местного самоуправления и уровень демократических свобод [532; 546; 552 и др.]. В Рос-

---

узком понимании этого слова – идеология, которая выступает за демократические реформы, парламентское устройство, настоящие политические права и свободы граждан и т. п. Заслуживает внимания также данная Т. И. Сидиенко характеристика либерализма как системы мировоззрения, типа сознания, программы и политической практики [1641, с. 23, 27 и др.]. По её оценке либерализм в России в последние десятилетия XIX в. превратился из теории в социальное и интеллектуальное явление, способствовал «созданию новой (по отношению к государственной школе) историографической концепции, отвечавшей представлениям русской либеральной интеллигенции последних десятилетий XIX в.» [1641, с. 52]. Т. И. Сидиенко подчёркивает: «Опираясь на позитивистскую методологию, либеральные историки сформулировали принципы исторической социологии, предложив решение проблемы соотношения общества и государства. Оно имело практическое выражение – участие интеллигенции в государственном управлении с целью преодоления социально-экономической отсталости страны» [1641, с. 52].

66 Российский публицист Е. А. Соловьёв, например, указывал, что в России борьба за отмену крепостного права «была лишь частным случаем и частным проявлением другой, большей борьбы за освобождение личности» [195, с. 15].

сии же, в отличие от европейских стран, указывает М. М. Ковалевский, сохранялось всесилье «самодержавной бюрократии», особенно политической полиции [568, с. 193–196].

Либерализм повлиял на мировоззрение и научные студии позитивистов – представителей разных национальных историографий. Представители безгосударственных историографий (особенно украинской и польской) пытались найти решение проблемы национального самоопределения своих народов. Историки – представители российской историографии – преимущественно выступали за реформирование государства. Либерализм учёных Российской империи, по мнению Б. Г. Могильницкого, проявлялся в их научной, общественной и педагогической деятельности и сводился к двум главным пунктам: «1. Признание настоятельной необходимости изменения существовавшего тогда общественного и государственного строя России в направлении конституционного ограничения самодержавия и ликвидации политического и экономического всемогущества полуфеодалного дворянства, сочетавшееся с сознанием важности улучшения материальных условий жизни широких народных масс, в особенности крестьянства. 2. Твёрдое убеждение, что такое изменение должно быть достигнуто мирным путём, в результате реформаторской деятельности царского правительства, опирающегося на поддержку и активное сотрудничество либерального общества» [1507, с. 38]. Поэтому, по его оценке, в трудах либеральных историков центральное место занимает «проблема взаимоотношения государства и общества, рассматривавшаяся под углом зрения определения оптимальных условий, обеспечивающих мирный социальный прогресс» [1507, с. 38].

Взгляды фундаторов «первого» позитивизма на ряд актуальных в XIX в. общественно-политических проблем, в т. ч. и на т. наз. женский вопрос, революционное движение, немало отличались.

Наиболее существенная разница во взглядах основателей и последователей позитивизма наблюдалась в подходе к решению «женского вопроса». О. Конт, в отличие от других позитивистов, называл главной сферой деятельности женщин семью и выступал против равноправия мужчин и жен-

щин [594, с. 78, 81, 88; 710, 2-е изд., с. XLIV, XLIX, LIX–LXI]. Дж. Ст. Милль считал необходимым сделать свободным доступ женщин к высшему образованию и науке, привлечь их к общественной деятельности [710]. Как депутат английского парламента он был инициатором биллей о расширении прав, в том числе избирательных, женщин [706, с. 322]. Г. Т. Бокль считал женщин склонными к научному мышлению и высоко оценивал влияние женщин на общественную мораль [267–268]. Среди историков-позитивистов украинских земель наиболее активно публично ратовал за высшее женское образование М. М. Ковалевский [536; 1896, № 94, с. 1–2 и др.]. Женский вопрос, отразившийся в исторической мысли на Украине, способствовал и зарождению отечественной исторической феминологии [детальнее см. монографию Л. И. Буряк: 1202; в т. ч. с. 67–68 о восприятии идей Дж. Ст. Милля].

О. Конт вполне позитивно относился к революциям, которые считал исторически обусловленными неправильным политическим развитием стран [594, с. 7]. Дж. Ст. Милль поддерживал эту точку зрения своего предшественника, как и сформулированный О. Контом закон необходимого соотношения между формой правления и «свойствами данного народа и данной эпохи» [713, с. 825].

Основатели (особенно Г. Спенсер) и последователи «первого» позитивизма негативно относились к активному вмешательству государства в общественные дела. Признавая государство необходимым органом общества как организма [860, с. 278, 287; 913, с. 22, 313–314, 465–469], Г. Спенсер неоднократно выступал за уменьшение до минимума вмешательства государства в дела общества [847, с. 36–37, 49; 848, с. 98; 850; 860, с. 278]. Английский учёный подчёркивал, что большинство граждан принимают всевластие государства и церкви: «Страх перед живыми становится корнем политического контроля, а страх перед мёртвыми становится корнем религиозного контроля» [853, т. 1, с. 457]. М. М. Ковалевский согласился с его идеями и отметил, что идея «подчинения» власти как «психологического мотива» поведения граждан изменяется «параллельно с ростом знаний и соответствующим упадком суеверий» [570, с. 238].

Итак, высказывания Дж. Ст. Милля и Г. Т. Бокля по т. наз. женскому вопросу, позитивное в целом отношение О. Конта к революциям, предложения Г. Спенсера и Дж. Ст. Милля ограничить государственное регулирование общественной жизни были указаниями для их последователей в отношении к важным общественно-политическим проблемам.

Эти подходы в разных вариантах развивались в трудах их приверженцев. Позитивисты украинских земель, как правило, придерживались либерально-реформаторских взглядов. Хорошо знакомый с трудами О. Конта и Дж. Ст. Милля профессор права Харьковского университета Д. И. Каченовский был убеждён, что кроме реальных благ должны обеспечиваться справедливость и свобода [525, с. 56]. Поэтому учёный настаивал на политическом просвещении, которое является «потребностью свободного народа» [525, с. 141].

Его ученик М. М. Ковалевский выдвигал типичные либеральные лозунги: принцип равновесия разных ветвей власти [554, с. 175 и др.], двухпалатный парламент [554, с. 188 и др.], настоящие демократические права и свободы [540]. Учёный отмечал недостаточность провозглашения демократических прав и свобод. По его убеждению «народные вольности, или, точнее, блага», «не исчерпываются гарантируемыми декларацией правами» [540, с. 474]. Развивая взгляды Г. Спенсера, М. М. Ковалевский раскритиковал усиление государственности и ограничение прав граждан после начала мировой войны в 1914 г. [555, с. 9].

В. К. Надлер не считал распространение либеральных идей главной причиной революционных потрясений: «Первоначальными виновниками революций, пострясавших периодически Европу, были вовсе не либералы-теоретики. Народ, – отмечал он, – никогда бы не увлёкся ими и их учениями, если бы правительства, призванные охранять общество, поняли сколько-нибудь верно свою задачу. Охранять не значит задерживать естественное развитие или даже идти назад, а руководить движением, регулировать его» [728, с. XII].

Фактически повторяя европейских просветителей, А. Я. Ефименко подчёркивала важность демократических свобод для общественного прогресса: «Свобода личности,

возможно большая её индивидуализация – вот одна из формул человеческого прогресса. Чем больше общество допускает индивидуальности в своих членах, тем выше это общество; наоборот, чем ниже спускаешься по лестнице цивилизации, тем более стадный, безличный характер принимает общество» [468, с. 51].

Позитивисты более серьёзно обосновывали либеральные идеи историческими фактами, чем просветители.

Одним из условий лучшего развития цивилизации признавалось распространение либеральных и демократических идей. По этому поводу М. П. Драгоманов в письме к И. Я. Франко 20 марта 1885 года писал: «Принципы современной всемирной цивилизации наиболее соответствующие такому прогрессу: либерализм в его самой konsekвентной форме – федерализма – в делах государственных, демократизм в делах социальных с его самой твёрдой гарантией – ассоциацией в делах экономических, рационализм в делах писательских, научных и умелостях» [439, с. 83–84].

Наравне с политическими свободами историки-позитивисты высоко ценили академическую свободу. В торжественной речи в Нежинском историко-филологическом институте 30 августа 1899 года В. К. Пискорский характеризовал академическую свободу как «организацию научной деятельности и преподавания, которая определяется существованием учёного сословия, регулирующего свои отношения и деятельность независимо от внешних авторитетов и исключительно подчиняющего свою деятельность интересам знания, требованиям научной истины» [788, с. 3].

Более резко по поводу чиновничьего вмешательства в работу научных учреждений высказался В. Б. Антонович: «Административная опека над учёными учреждениями и обществами принижает достоинство и авторитет последних и сильно умаляет привлекательность работы в них. А вмешательство администрации, вообще совершенно некомпетентной, в разрешение научных задач и направлений научных работ, в деятельность специальных обществ и властное притязание руководить нею крайне удручает искренно преданных делу членов...обществ» [7, л. 1–10б.].

Было бы неправильно ограничивать позитивистский либерализм только политико-правовыми категориями. Либеральные лозунги, в первую очередь идеи свободы и общественного равенства, имели большой резерв для обоснования разных общественных либеральных реформ «сверху», в частности установления конституционной монархии.

Большинство учёных исследуемого времени склонялось к идеи конституционной монархии как наиболее эффективной формы государственного устройства сравнительно с республикой. М. М. Ковалевский считал для многих государств лучшей формой правления на рубеже XIX–XX вв. именно конституционную монархию, в которой монарх выступает «верховным посредником между классами и защитником интересов народных масс» [571, т. 2, с. VII]. Он подчёркивал, что общественный прогресс не предусматривает обязательного перехода от монархии к республике [570, с. 238] и не все государства пройдут стадию конституционного устройства [1883, с. 17].

Как отмечал Б. Г. Могильницкий, было бы «ошибочным рассматривать наших историков как твердолобых монархистов – принципиальных противников иных форм государственного устройства. Их монархизм не исключал высокой оценки республиканской формы правления» [1507, с. 77]. Показателен интерес активных деятелей российской партии кадетов И. В. Лучицкого и М. М. Ковалевского к вопросам конституционного строя [532; 545; 552; 554; 885]. Тот же М. М. Ковалевский неоднократно в редактированной им газете «Страна» (1906 г.) [1896, № 7, с. 1–2; № 57, с. 5–6; № 64, с. 2; № 65, с. 2; № 70, с. 1–2; № 73, с. 1; № 78, с. 1–2; № 82, с. 1–2; № 91, с. 1 и др.] и в других трудах [например: 570, с. 237, 239–240, 249–252 и др.] выступал за чёткое распределение законодательной и исполнительной ветвей власти, за солидарную ответственность министерств перед парламентом, за секуляризацию власти, за общедоступную народную школу, а в необходимых случаях – за народные референдумы и федеративное государственное устройство. Постоянно он в печати и на заседаниях I Государственной Думы выступал за отмену смертной казни [1893, с. 20; 1896, № 2, с. 1; № 61, с. 1; № 141, с. 1 и др.]

Характерно, что в первую очередь специалисты по новой истории (Д. И. Каченовский [525, с. 94, 152, 167; 551, с. 25],

М. М. Ковалевский [532 и др.], Д. М. Петрушевский) высоко оценивали английскую конституционную монархию. Англию Д. М. Петрушевский называл «образцом для всех цивилизованных и стремящихся к цивилизации государств» [769, ч. 1, с. 318].

Ряд учёных, прежде всего предпозитивисты, выступали за сохранение сильной самодержавной власти. М. Н. Петров публично провозглашал, что своим величием и могуществом Россия обязана самодержавию [759, с. 433], поскольку «государь, наравне со своими подданными, служит своему государству, благо и счастье которого и есть верховный интерес государя, страны и народа» [759, с. 433]. Самодержавие он считал для России «единственно возможным» в условиях «разбросанности славяно-русского населения... и при вечной борьбе его с ...инородцами [разрядка текста автора – Б. Е.]» [763, с. 146]. В то же время монархические убеждения соединялись с признанием необходимости постепенных реформ и введения политических свобод. «Идеи свободы, равенства, *народного* [курсив наш – Б. Е.] самодержавия, – подчёркивал М. Н. Петров, – были во все времена сильными рычагами общественного развития» [765, с. 52–53]. Харьковский профессор позитивно оценивал роль монархической власти для становления средневековых государств. Он характеризовал монархию Франции XV в. как «олицетворение закона, противостоявшего бесправию, как верховную нейтральную силу и прибежище слабых, преследуемых произволом сильнейшего» [766, с. 44]. Подобные рассуждения другого учёного из Харьковского университета Н. С. Гольдина о Древнем Египте: «Создание *национальной* [курсив наш – Б. Е.] монархии знаменовало торжество порядка, законности и внутреннего мира» [345, с. 53].

Значительная часть историков-позитивистов выступала за превращение абсолютной монархии Романовых в конституционную. К задачам монархической власти они относили регулирование экономических, социальных и других отношений, что должно стать залогом развития общества без революций.

Позитивисты считали правильную правительственную политику важным фактором прогрессивного развития общества.

По И. В. Лучицкому, правительство – «та сила, которая при нормальном состоянии общественного организма и даже в случаях кризиса должна была бы сдерживать проявления неправильной деятельности общественных сил и элементов, давать им направление и сохранять материальный порядок в стране» [677, с. 248]. По его убеждению правительство не должно быть представителем интересов «только части населения» [677, с. 12], а должно быть воплощением всей нации, самым лучшим выражением всех её возможностей [677, с. 458–459].

По этому же поводу М. П. Драгоманов писал, что «всякая государственная система представляет себе в обязанности известные заботы об общественных потребностях» [433, с. 2]. В то же время учёный неоднозначно высказывался о роли государства и правящих слоёв общества. Последние, по

его оценке, «не всегда обуславливают силу цивилизации народа и внутреннее его благосостояние» [432, с. 378].

Среди основных задач государства М. М. Ковалевский выделял «заботы о благосостоянии в смысле обеспечения каждому возможности зарабатывать на жизнь и приобретать общее образование» [570, с. 249]. Он выступал за реальное разделение ветвей власти, её секуляризацию, солидарную ответственность министерств перед парламентом, широкое самоуправление, возможность федерации и проведения народных референдумов [570, с. 252].

В отдельных случаях позитивисты признавали прогрессивность самого государства. Тот же М. М. Ковалевский, например, указывал, что «прогресс может быть отмечен и в истории государства» [564, т. 1, с. V].

*Записки Наукового товариства
імені Шевченка*

Представители народническо-позитивистской историографии высоко оценивали только те государственные учреждения, работа которых приносила пользу простому народу. Д. П. Миллер, например, придавал большое значение народному характеру судов Гетманщины: «Судоустройство в Гетманщине вырабатывалось самою жизнью, естественными потребностями самого народа» [705, с. 87]. Оно, по оценке харьковского историка, удовлетворяло народ до тех пор, «пока оно оставалось народным, пока сам народ участвовал в его создании, пока он принимал активное участие в отправлении правосудия» [705, с. 87].

Молодой М. С. Грушевский в исследовании «Громадський рух на Україні-Руси в XIII віці» признал главным критерием оценки прогресса того или иного общественного движения «интересы громады». По его мнению, государство является прогрессивным, «когда оно помогает духовно-нравственному, экономическому и политическому развитию громады» [827, с. 27]. Он оценивал, например, движение болоховцев⁶⁷ не как исторический регресс, а называл его исторически оправданным и полезным движением [827, с. 27–28]. Историк считал лучшим путём общественного развития постепенное реформирование тогдашнего устройства и сохранение самоуправления. В ином случае «силы народные должны бы погибать напрасно в пустяковой потасовке, общество – прозябать в апатии, народная жизнь должна бы идти на регресс» [827, с. 27–28].

Лидер украинской народническо-позитивистской историографии В. Б. Антонович считал, что украинская народность «совершенно лишена государственного инстинкта, она не только не составляла отдельного государства, но и добровольно отклонила образование такового даже в тот момент, когда исторические обстоятельства давали на то возможность (в половине XVII ст.)» [201, с. 38]. Учёный был убеждён, что украинский народ «всегда готов был примкнуть к готовому государству, искренне подчиниться его власти, поддерживать и дорожить её авторитетом» [223, с. 102]. Поэтому, по его оценке, украинцам

---

67 Население Болоховской земли вместе с местными князьями признало верховенство монголо-татар и, опираясь на их поддержку, воевало против галицко-волынского князя Данила Романовича.

и другим негосударственным и малокультурным нациям достаточно национально-культурной автономии в составе другого государства. Такой подход В. Б. Антонович обосновывал тем, что «безгосударственные национальности в огромном большинстве случаев не мечтают об образовании отдельных государств, но дорожат сохранением своего природного национального типа и вправе рассчитывать на то, что государство, в состав которого они входят, в пользу которого несут государственные повинности и с которым разделяют историческую судьбу и гражданский быт, даст им возможность сохранить свой тип и развивать его по пути культуры» [201, с. 38]⁶⁸. Лидер Старой Киевской громады активно выступал за обеспечение «народу права культурно-национальной жизни» [218, с. 211].

Историки-позитивисты связывали благополучную жизнь простого народа не столько с правильной работой органов власти, сколько с общей ликвидацией экономической и культурной отсталости народных масс. «Общественное самоуправление, – считал В. Б. Антонович, – это постоянная цель, к которой стремился украинский народ» [206, с. 88]. Учёный с типично просветительских позиций чрезвычайно высоко оценивал значение общего уровня культуры для общественного развития нации: «Чтобы принцип демократизма приобрел преимущественную силу и значение, надо, чтобы общественная масса достигла высокой степени культурного развития и искренне убедилась в правдивости идеи... При низкой степени культуры, когда над общественными интересами господствует преимущественно личная выгода отдельных людей и сословий, демократия не имеет способа развиться и взять вверх» [218, с. 19–20]. В подтверждение этого тезиса В. Б. Антонович приводит пример Хмельниччины, «когда исторические обстоятельства способствовали лучше всего, однако же ввести в жизнь ведущую идею украинского наро-

---

68 Историк-государственник С. Томашевский раскритиковал В. Б. Антоновича: «Как можно задержать основные признаки своей общественной жизни в чужом государстве, основанном на других принципах... Без сомнения, самое большое историческое несчастье Украины – это те „готовые“ чужие государства» [891, кн. 3, с. 476].

да не пришлось, ибо на то не хватило культурного развития, убеждений и стойкости» [218, с. 20].

Украинцев В. Б. Антонович считал малокультурной нацией, ибо украинский народ «никогда не мог выработать ни основательной цивилизации, ни крепкой собственной дисциплины; ибо те, которые становились во главе его, брались заботиться о народной судьбе, имели в себе весьма недостаточный запас культуры» [218, с. 21]. Учёный называл действенным средством улучшения жизни народа разные формы и направления культурно-просветительской работы среди населения. По его мнению, «чем более вносится в него [народное самопознание – Б. Е.] ... правды и науки, тем выше, нравственнее, а следовательно, и могущественнее становится данный народ» [204, с. XXXIII].

Подобную точку зрения высказывала Е. М. Грушевская, характеризовавшая украинский народ как нацию «без героев, почти без больших индивидуальностей, которая громадой несёт своё самосознание на протяжении стольких тяжёлых столетий» [358, с. 202].

Позитивисты понимали значение подготовленности общественности к реформам. О неготовности галичан к либеральным реформам в Австрийской империи в 60-х гг. XIX в. предупреждал В. Б. Антонович: «Если в известной стране нет гражданской подготовки, а законы ей даются либеральные, то результаты или вовсе не получаются, или получаются очень вредные» [99, л. 145].

Критика российскими эсерами столыпинской аграрной реформы, по мнению В. Б. Антоновича, была «неправильной». В разговоре с В. М. Щербаковским он объяснял, что эсеры «вроде берут в защиту московского крестьянина, но одновременно они являются и апологетами его бесправия в форме общинного...землепользования» [86, к. 11; опубл. 973, с. 208]. В. Б. Антонович выступал за утверждение частной собственности и против пережитков, какими «являются общины» [86, к. 11; опубл. 973, с. 208]. Попытки эсеров «делать же революции в пользу этих пережитков» учёный называл бессмыслицей [86, к. 11; опубл. 973, с. 208].

Вера большинства либеральной интеллигенции в необходимость постепенного демократического реформирования

общества соединялась с программой культурно-просветительской работы среди простого народа. «Мы верим, – писал Т. Р. Рыльский в письме к В. П. Маслову в 1862 г., – только в те результаты общественного развития, к которым доходит масса народная посредством постепенного, систематического саморазвития» [177, л. 1–1 об.].

Позитивисты, будучи либералами по идейным убеждениям, не принимали революционного террора. М. П. Драгоманов решительно осудил убийство Александра II [446, т. 2, с. 341–346]. Признавая некоторую вину царизма в активизации революционного движения, М. М. Ковалевский не одобрял террористической деятельности российских революционных народников [568, с. 193–194].

Участие учёных в революционном движении было скорее исключением, чем правилом. Молодой Е. В. Тарле, по сообщениям полиции, со времён студенчества «близко интересуется революционным делом», участвовал в собраниях революционеров [80, л. 1 об.]. В мае 1900 г. ему, на то время приват-доценту Киевского университета, приостановлена заграничная командировка по указанию товарища министра народного просвещения. Поводом стал арест вместе с другими участниками студенческой сходки в апреле 1900 г. [1332, с. 240–241]. Е. В. Тарле в лекциях по российской истории, читанных им в кадетском корпусе, сосредотачивал внимание на «изложении событий французской революции и других государственных переворотов» [80, л. 1 об.].

Польские позитивисты, кроме отдельных случаев (К. Лиске, Т. Войцеховский), не участвовали в революционной деятельности.

Позитивисты в большинстве случаев негативно оценивали приход к власти радикальных сил, особенно большевиков. В одной из харьковских газет в конце 1917 г. профессор университета В. П. Бузескул подчёркивал вредность коммунистических лозунгов: «Установление имущественного равенства не спасёт от внутренней борьбы. Люди будут всё таки домогаться власти, почестей или денег» [290]. В одной из рукописей, датированной маем 1920 г., он пытался уяснить [возможно, в первую очередь для себя – Б. Е.] причины победы больше-

виков. С этой целью В. П. Бузескул сравнил разные факты из истории древних Греции и Рима, Французской и Английской буржуазных революций, а также политику Наполеона I и Наполеона III. Учёный пришёл к выводу, что «анархия, гражданская война, опасность со стороны внутреннего или внешнего врага создают необходимость сосредоточения власти – Диктатуры, которая может быть Диктатурой отдельных лиц или целых групп, партий, классов» [85, л. 3]. По его убеждению большевики успешно использовали в свою пользу сложные политические обстоятельства, в т. ч. и потому что они «опирались на инстинкты и стремления массы, на военную силу, на чрезвычайные меры, ...удовлетворяли потребности в сильной власти» [85, л. 8–9]. В. П. Бузескул одобряет новую власть за сохранение России. В условиях полной анархии, «крайнего раздробления, принимавшего подчас даже комические формы», «сознательно или бессознательно» большевики «явились во многих отношениях государственниками и борцами за объединение» России [85, л. 9]. В то же время он осуждал большевистский террор, надеясь на его свёртывание после окончания гражданской войны [85, л. 17].

Оценивая революционные события 1917–1921 гг., И. А. Линниченко резко критиковал политику революционных правительств, сравнивая последних с служителями церкви. По мнению профессора Таврийского университета, при новой власти (как и в церкви) «народослужение точно также состоит из сценических действий: манифестации и молитвы-речей, а последние состоят из славословия, нового бога – революции и требований вместо прошений» [33, л. 1]. И. А. Линниченко подчёркивал особый характер поведения революционеров: «В народослужении, как и в богослужении, львиная доля жертв достаётся жрецам-лидерам господствующих партий. В особо торжественных случаях, в эпоху народных бедствований, от верующих требуют жертвы» [33, л. 1]. Учёный выступил против главных социалистических лозунгов: «Социализм враг капитала, враг конкуренции, враг тех стимулов, которые играют такую важную роль в деле прогресса» [34, л. 13]. По его оценке социализм представлял собой новую форму рабовладения [34, л. 13–14]. «Социализм

изгонит из жизни не только богатство, но и красоту жизни, её поэзию, потому что он враждебен славе, успеху..., – писал он. – Всеобщее равенство – миф, иллюзия» [34, л. 14].

Подобные подходы были присущи и общественной и исторической мысли украинских земель, входивших в состав Австро-Венгрии [1066]. В. Пилат подчёркивал большую роль идей либерализма в развитии общественных наук [1094, с. 20].

Интерес историков-позитивистов любой национальности в Галиции к вопросам конституционного строя [983; 990; 1011; 1019; 1058; 1074; 1118; 1125 и др.] был естественным, учитывая их либеральные убеждения. За установление в Австро-Венгерской империи полного конституционализма, реальное соблюдение демократических принципов свободы, равенства, братства выступал И. Я. Франко [924, с. 132–135].

Украинские историки подчёркивали демократические традиции политической жизни своего народа в прошлом. Высказывая общую для украинской народническо-позитивистской историографии точку зрения, М. С. Грушевский подчёркивал приоритет интересов народа и громады над государственными. «Строй государственный, – утверждал он, – на все времена интересен нам преимущественно тем, поскольку он влиял на состояние народа, поскольку сам попал под влияние громады и поскольку отвечал её желаниям и борьбе» [374, с. 149]. «Невыносимо тяжёлое положение, в каком очутилась украинская народность, – считал историк, – является прежде всего результатом её экономической и культурной отсталости – этого наследия исторической Польши, тщательно снимавшей с неё за время своего четырёхвекового господства всё, что только могло считаться сливками нации, оставившей её в состоянии забитости и беспомощности и в лице своих потомков тщательно консервирующей её в этом положении» [368, с. 170]. Начало украинского конституционализма и автономии М. С. Грушевский датировал Хмельниччиною [405, с. 28].

Кроме идей просвещения и либерализма, успехов естествознания, на рецепцию позитивизма на украинских землях влияла и объективная идеалистическая философия, которая являлась антиподом позитивизма.

Влияние немецкого идеализма можно частично объяснить преподаванием в университетах Российской и Австрийской империй немецких профессоров, последователей Г. В. Ф. Гегеля, Ф. В. Шеллинга, И. Канта. Некоторому сохранению традиции гегельянства способствовало дидактическое и персональное влияние Л. фон Ранке и его учеников, у которых преимущественно стажировались молодые историки из российских и австрийских университетов. Кроме того, сам позитивизм в Германии и Австрии пребывал под влиянием немецкого романтизма, а главное – немецкой классической философии.

Для Г. В. Ф. Гегеля история была «разумным, необходимым обнаружением мирового духа» [327, с. 11], а разум представлял собой «познание божественного творения» [327, с. 35]. Подобно главному представителю немецкой классической философии высказывался А. В. Романович-Славатинский, утверждавший о «великом историческом назначении сильной государственной власти» особенно в период реформ [812, с. 6], хотя при этом признавал, что «в основании права всегда лежит начало народное» [812, с. 14]. Ссылаясь на И. Г. Гердера, М. Н. Петров называл одним из факторов исторического развития «наравне с силами природы» «творческие силы народного духа» [765, с. 16 прим.].

В научной литературе гегельянцами называют А. П. Рославского-Петровского, М. Н. Петрова, М. А. Максимовича [1604, с. 271, 274; 1677, с. 158–159, 163–164 и др.]. Действительно, объективный идеализм, прежде всего гегелевская теория о всемирной истории как успешном развитии сознания, был более свойственен творчеству предпозитивистов (см., например, утверждение А. П. Рославского-Петровского: «Осуществление этого сознания [мирового духа – Б. Е.] в практической жизни народов») [816, с. XXIX]. Однако их взгляды на протяжении жизни постоянно эволюционировали. Идеи, изложенные в магистерской диссертации А. П. Рославского-Петровского «Об истинном значении прагматической истории и ответственному тому способу обработки» (1839 г.), существенно отличались от написанного намного позже «Введения в курс истории цивилизации» (1865 г.), содержащего, кроме гегелевских идей, положения «первого» позитивизма. Также представляется вполне

логичным призыв А. П. Рославского-Петровского в 1865 году к учёным о примирении разных исторических теорий [817, с. 7]⁶⁹.

Термин «предпозитивисты» получил некоторое распространение в научной литературе⁷⁰ для характеристики учёных, последние десятилетия жизни и творчества которых относятся к периоду доминирования позитивистской модели исторического описания в исторической науке. М. Н. Петрова⁷¹, по нашему мнению, можно характеризовать не только как предпозитивиста, а и как «раннего» позитивиста. Об этом свидетельствует, в частности, и его признание исторической науки «как бы продолжения естествознания» [760, с. 31], поиск им исторических законов и т. п.

Влияние позитивистских идей на мировоззрение Д. И. Каченовского, М. Н. Петрова и других не ограничилось знакомством с сочинениями фундаторов и последователей позитивизма: состоялась довольно специфическая рецепция части положений позитивизма.

Предпозитивисты действительно пытались усвоить и применить в научном творчестве отдельные позитивистские постулаты. Последние воспринимались как более перспективные в сравнении с идеями идеалистической философии (прежде всего с гегельянством). Свои идеи предпозитивисты начали излагать в терминах, присущих «первому позитивизму», ссылаясь при этом на труды О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, Г. Т. Бокля, Э. Литтре. Ссылаясь на О. Конта и Г. Т. Бокля, П. В. Павлов определял исторический процесс как историю цивилизации и общественную динамику [746, с. 282]. Благодаря

---

69 В воспоминаниях В. С. Иконникова записано впечатление от знакомства осенью того же 1865 г. с ректором Харьковского университета А. П. Рославским-Петровским, который «удобно примирял Бокля с Макарием» [цит. по: 1714, с. 24].

70 В. В. Тельвак, например, называет предпозитивистами Н. И. Костомарова и М. А. Максимовича [1696, с. 59]. Е. Топольский польских историков 1850-х – 1860-х годов считает предпозитивистами [1855, s. 11].

71 М. К. Кеда пишет об общности исторической концепции М. Н. Петрова с позитивизмом, но признаёт, что «частично ещё чувствуется влияние романтической историографии» [1363, с. 132].

трудам О. Конта и Г. Т. Бокля, по его оценке, теория исторического процесса стала научной – «учением об естественных законах развития образованности» [746, с. 282].

Молодые учёные в 1860-х – 1870-х годах уже формировались именно как позитивисты под сильным влиянием идей «первого» позитивизма, который определил их общественно-политические, исторические и методологические взгляды.

Историков, чётко придерживавшихся позитивистской модели историописания, было относительно немного. Для их характеристики мы чаще всего пользуемся словами «настоящий», «правоверный»⁷², «последовательный».

Взгляды большинства историков создавали своеобразный симбиоз позитивизма с другими теориями, в т. ч. с гегельянством. Особенно сказалось на старшем поколении позитивистов усвоение гегелевских идей ещё во время учёбы в гимназиях и университетах в 1840-х – 1850-х годах. В воспоминаниях М. П. Драгоманов отмечал влияние гегелевской философии истории на горячего последователя учения О. Конта А. И. Стронина: «Стронин думал писать свои труды как позитивность, а тем временем все привычки, его мысли воспитывались в старой идеалистической школе гегельянства и, кроме того, соответственно той школе, подбирали он себе исторический материал, истолковывал все его детали» [434, с. 602].

Немецкую философию, в частности популярное в 1830-х – 1850-х гг. гегельянство, позитивисты считали устаревшими теориями, неспособными научно объяснить исторический процесс. Слова Г. В. Ф. Гегеля, что «Бог правит миром, содержание его правления, осуществление его плана есть всемирная история. Философия хочет понять этот план»

---

72 Заметим условность применения термина «правоверный» к учёным, поскольку он больше подходит для характеристики глубоко верующего человека. Использованием в данном исследовании слова «правоверный» нами подчёркивается безоговорочная вера (подобная религиозной) учёных (особенно в 1860-е – 1870-е гг.) в учение О. Конта. В научной литературе приводится также определение «ортодоксальные», ставшее общепринятым для тех позитивистов, взгляды которых были наиболее близки к доктрине «раннего» позитивизма [1507, с. 178; 1747, с. 170 и др.].

[327, с. 35], не отвечали общему настроению передовой интеллигенции. Гегелевская система философии, как справедливо писал Р. Гайм, была вытеснена не иной системой, даже не упадком философской мысли, а «поступательным движением мира, живой историей» [323, с. 6].

И. В. Лучицкий подчёркивал несостоятельность немецких историков мыслить за пределами метафизических теорий: «Метафизический дух» «неспособный создать науку» [679, с. 73]. Другой киевский учёный М. В. Довнар-Запольский отмечал общепринятый среди учёных факт: «Абсолют Гегеля... перестал удовлетворять историческую мысль» [424, с. 264].

Гегелевскую теорию всемирно-исторического процесса Д. М. Петрушевский оценивал как прошедшую эпоху в развитии европейской мысли [777, с. 80–81], ибо «исторические воззрения, лежащие в основе всемирно-исторической концепции, разрабатывавшейся в гегельянской философии, представляют собою, помимо всего прочего, крайнее упрощение научной проблемы, вполне понятное и естественное в то время, но совершенно недопустимое теперь» [773, с. 96]. Для Д. М. Петрушевского была более приемлемой другая концепция, «представляющая культурное развитие человечества в виде ряда соприкасающихся процессов нередко друг с другом, но по существу автономных» в процессе «эволюции хозяйственных, социальных и политических форм и отношений» [776, с. 12]. По его мнению, «ограничиваться одним критическим анализом исторических свидетельств и простым пересказом событий история не может. Она необходимо должна изучать самый общественный процесс в конкретной форме отдельных обществ, имея своей конечной целью выяснение законов развития человеческого общества» [777, с. 77].

Отрицая гегелевскую метафизику, позитивизм фактически критиковал методологическую основу предыдущих общественно-политических и исторических концепций, в частности уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность» и монархическую историческую концепцию. М. С. Грушевский одобрил тех специалистов по всемирной истории, которые удачно раскритиковали эти идеи [961].

Новая генерация историков украинских земель критиковала идеи западноевропейского (прежде всего немецкого и польского), а также российского и украинского романтизма, универсальные идеалистические конструкции немецких философов, но частично приняла их. Фактически применялся подход Г. В. Ф. Гегеля к изучению общества как определённой системы, способной к развитию. Гегелевская диалектика, от которой так старательно отказывались позитивисты, частично присутствует в социологии (например, в теории трёх стадий О. Конта). Позитивисты принимали и другую гегелевскую идею о несоответствии задач и результатов человеческой деятельности. Влияние гегельянства на позитивизм выражался и в признании последователями обеих доктрин объективного и закономерного характера исторического процесса, прогрессивного и эволюционного развития человечества. Позитивисты отмечали как сильную сторону немецкой общественной мысли дедуктивные построения теории познания и вкладывали в эти понятия более конкретное, дополненное социологическими и экономическими фактами содержание.

Проявления прежнего доминирования гегельянства в общественных науках Российской империи наблюдались и позже. Таким рецидивом можно считать утверждение Н. И. Хлебникова о прогрессе, который «может быть произведением лишь развивающего духа» [956, с. 167]. Подобная трактовка исторического процесса была бы более приемлемой, например, для Л. фон Ранке и большинства немецких историков, но чужой для большинства позитивистов.

Главными идеями современной ему историософии М. Н. Бережков признавал такие: «Идея об единстве рода человеческого [подчёркнуто автором – Б. Е.] (т. е. единство его происхождения и единство духовно-телесной природы человека); идея провиденциальная (т. е. религиозно-церковная идея о [божьем] промысле в истории человечества); идея... о прогрессе рода человеческого...; идея о смене культурных типов и народов одних другими; идея о государстве как необходимой форме жизни всякого культурного народа» [119, л. 3]. В приведённой цитате ярко отразился эклектический характер взглядов учёного – соединение понятий истори-

ческой эволюции и общественного прогресса с идеей государственности и божьим промыслом.

Идея Г. В. Ф. Гегеля о миссии отдельных народов иногда соединялась с чисто просветительскими утверждениями. В. Андреев писал: «Народы, представляющие застой – неисторические народы. Народы образованные – созданы историей. История народов является историей человеческого прогресса. Она – история взаимной помощи народов» [194, с. 134]. Сам термин «неисторические народы», как известно, стал распространённым именно благодаря Г. В. Ф. Гегелю.

Одновременно преимущественная часть позитивистов критиковала некоторые положения гегельянства. Учёным Украины были хорошо известны слова Г. В. Ф. Гегеля об общественном прогрессе как осознании духом его свободы [327, с. 54]. Против такой идеалистической интерпретации прогресса выступил М. П. Драгоманов. Он критиковал циклическую теорию исторического развития Дж. Вико, которую, по убеждению М. П. Драгоманова, ещё более «испортили» [дословно: «усилили невыгодные стороны этого неполного рационализма» – Б. Е.] немецкие мыслители (очевидно, имелся в виду Г. В. Ф. Гегель и др.) [443, с. 168–169]. М. П. Драгоманов называл главной ошибкой немецкой философии истории поиск «той законосообразности во внешних отношениях народов, которая может быть только во внутренней их жизни» [432, с. 325 прим.].

П. Н. Ардашев выступал против использования понятий «историческая (неисторическая) жизнь», «исторические (неисторические) народы». Он считал эти идеи устаревшими (идеями, «подлежащими сдаче в архив») и научными предрассудками, которые «тормозят научный прогресс» [235, с. 54]. Киевский исследователь подчёркивал: «Современная историческая наука хочет исследовать и изучать *всю доступную ей человеческую действительность и „все племена земные“* включить в сферу своего познания. *Историческая жизнь и исторические народы* для неё всюду, куда простирается историческое знание; *жизни неисторической*, качественно отличной от *жизни исторической*, для неё также нет, как нет *исторических народов*, качественно отличных от *народов неисторических* [курсив автора – Б. Е.]» [235, с. 55].

Тем временем учёные Западной Украины также критиковали термин «исторические (неисторические) народы». М. М. Кордуба называл определение «неисторические народы и эпохи» ненаучным [38, л. 2 об.].

Характеризуя гегелевскую и марксистскую теории общественного прогресса, М. В. Довнар-Запольский отмечал, что «конечная формула прогресса⁷³ ещё ждёт своего разрешения. Теперь ясно одно: важное и даже преобладающее значение экономического фактора [разрядка текста автора — Б. Е.] в истории и формула исторического процесса..., без сомнения, будет обоснована» [424, с. 266].

Негативное отношение к философии способствовало падению популярности в России славянофильства и гегельянства. Уже часть предпозитивистов не соглашалась с гегелевскими и богословскими идеями. Попытки других историков теологически объяснять историю Российского государства и преувеличивать влияние внешних факторов раскритиковал М. Н. Петров: «Нечего нам отыскивать в нынешних... явлениях какую-то незримо руководящую руку или утешаться мыслью об иностранных интригах» [760, с. 26]. М. Н. Петров признавал, что философия обогатила «историю многими светлыми и широкими взглядами», однако имела на историю и «некоторое вредное влияние», поскольку «ввела в моду искусственные, априористические конструкции в историю, страсть навязывать факты на какую-нибудь предвзятую идею, втискивать их в какие-нибудь заранее придуманные рамки» [761, с. VIII].

Точка зрения антипозитивистов на соотношение идеи общественного прогресса и божественного начала была иной. Профессор Киевского университета А. А. Козлов был убежден: «Вообще понятие прогресса всегда явно или скрыто проникнуто теологией» [585, 1893, кн. 16, с. 58 прим.].

Позитивисты не только критиковали, а и полностью отрицали основные постулаты гегельянства и других теорий объективного идеализма. Одним из исключений является точка

---

⁷³ Термин «формула прогресса» вошёл в широкий научный оборот в России благодаря Н. К. Михайловскому и другим представителям «субъективной социологии».

зрения Е. В. Тарле, признававшего недооценку обществоведами гегелевских идей, ибо «слишком мелкой и узкой была бы оценка Гегеля как апологета прусской реакции» [874, с. 145]. В этой характеристике историк ближе к К. Марксу, который очень высоко оценивал гегельянство, чем к «отцам» позитивизма О. Конту, Г. Спенсеру, Дж. Ст. Миллю, которые крайне негативно относились к немецкому объективному идеализму.

Романтическая визия исторического процесса соединялась у представителей предпозитивизма с идеями европейского просвещения и попытками усвоить идеи отцов позитивизма. П. А. Кулиш, например, отказывал казакам в патриотизме, ибо последним не хватало культуры [622, т. 2, с. 139]. Он считал, что «всё то зло и плохое, что сделала нам когда-то несчастливая Ляхва, а тепер последними временами опрометчивая Москва, случилось из-за политической темноты, из-за того, что политика не спрашивала дороги у науки, а наука не опиралась на единственную философию, достойную своего имени, на философию естествознания... бескрайний и безмерный космос... даёт нам закон гражданской жизни и умственного следования» [627, с. 135]. Эти эмоционально окрашенные оценки по стилю изложения характерны для романтика и писателя, в сущности – типично просветительские.

Историки-позитивисты пытались отказаться от таких присущих романтизму черт, как философский идеализм, идеализация средневековой старины, культ героев, религиозно-мистическая символика, признание исторических фактов как проявлений «народного духа». Кроме того, они стремились отказаться от национального мифотворчества, в котором активно участвовали романтики. Характерной является просветительская оценка М. П. Драгомановым теологических, романтических и народнических взглядов как иллюзий и его требование объективно изучать исторический процесс [435, с. 91].

Скептическое отношение большинства историков-позитивистов к романтизму было не всегда оправданным. Позитивизм был не только отрицанием романтизма, а в некоторых аспектах и его продолжением. Триумф историзма и распространение национальной идеи в XIX в. также является заслугой в первую очередь романтиков. За идеализацию вооружённых восстаний

польские (в т. ч. львовские) романтики критиковались консерваторами и позитивистами. Последние, как отмечал Г. Маркевич, впервые провозгласили «собственную вину» поляков в своих бедах: анархический характер народа, недостатки политического устройства, невозможность деятельности сильного правительства, эксплуатация шляхтой нешляхетских слоёв населения [1814, s. 397].

Позитивизм, в отличие от гегельянства, больше ориентировался на поиск генетических связей между отдельными историческими фактами, отказавшись от теологической первоосновы развития общества. Позитивисты занимались изучением массовых явлений, показывая исторический процесс как историю народов, социальных групп, а не выдающихся лиц, в деятельности которых воплотилась воля «мирового духа». Позитивисты, в отличие от гегельянцев, активно использовали достижения естественных наук, новейшие на то время методы (статистический, историко-сравнительный), предпочитая индукцию гегелевской диалектике.

Влияние идей французского и частично немецкого просвещения на становление и развитие позитивистской исторической науки на Украине было большим. Вместе с тем в изучаемый период определённую роль сыграла мощная романтическая традиция в исторической науке, которая была тесно связана с идеями немецкой идеалистической философии. Методология исторической науки Европы и Российской империи первой половины XIX в. пребывала под большим влиянием немецких философов Г. В. Ф. Гегеля и И. Г. Гердера. В целом для позитивистской историографии было характерно негативное отношение к провиденциализму, а также к немецкой идеалистической философии (особенно гегельянству) и романтизму.

М. М. Ковалевский резко критиковал «представителей и последователей исторической школы правоведения в Германии» за признание определяющим влияния «сводолюбивого германского духа» на историческое развитие, поскольку учреждения «не более, как продукты известной степени общественного развития» [547, с. III]. Кроме немецких историков права, он раскритиковал славянофилов за возвеличивание «славянского духа» [560, с. 5–6].

Идея национального возрождения негосударственных наций, как известно, возникла и развивалась на почве романтизма. Один из лидеров украинского национально-освободительного движения 1917–1921 гг. М. С. Грушевский особо подчёркивал, что с конца первой четверти XIX в., с появлением романтического национализма, который «имел характер неглубокий, чисто формальный, сильно наивный», «начинается культ народа» [385, кн. 4, с. 111]. Особенности трактовки народа, культуры и традиций лучше всего прослеживаются в историко-этнографических трудах исследуемого периода. Наиболее типичные для романтизма подходы сохранились именно в трудах по этнографии.

М. Н. Петров, который был ярким представителем «раннего» позитивизма в историографии, отмечал позитивные (большое внимание к филологии) и негативные черты романтизма. К последним харьковский исследователь относил отрицание романтиками общественного прогресса, доведённый ими «до крайности и злоупотребления философский элемент в истории» [761, с. IX].

Романтизм повлиял на стиль изложения исторического материала перед позитивистами. «История, – писал М. Н. Петров, – есть научное и вместе художественное изложение прошедшей жизни человеческого рода [разрядка текста автора – Б. Е.]» [762, с. 9]. Такой художественный стиль, по мнению А. В. Яся [1761–1763 и др.], был более присущий и трудам П. А. Кулиша. Художественный стиль изложения исторического материала был характерным и для других учёных старшего поколения (М. Н. Петрова, Н. И. Костомарова, Ф. Равиты-Гавронского, А. Прохаски), творчество которых ещё оставалось под влиянием романтизма в 1860-е – 1880-е годы. Историки-позитивисты (например, И. Л. Смоленский [831, с. 82]), в отличие от романтиков, часто считали существенным недостатком исторических сочинений злоупотребление литературным стилем.

Общими для романтического и позитивистского историописания стало их общественное назначение, поскольку обе модели способствовали созданию и распространению разных общественно-политических и культурнических программ, выступали как средство сохранения исторических традиций.

Главным объектом как романтического, так и позитивистского историописания был народ (нация). В. Б. Антонович, молодой М. С. Грушевский⁷⁴ были последователями идей кирилло-мефодеевцев и «позднего» романтика Н. И. Костомарова, что проявилось в их рационально-позитивистском по характеру творчестве рецидивами романтизма, прежде всего в переосмыслении этнографических категорий («народ», «фольклор» и т. п.).

Подобное отношение к романтизму и объективному идеализму прослеживалось и в польской общественной мысли. Львовский идеолог позитивизма Ю. Супинский резко критиковал метафизику, которая для него олицетворялась в немецкой идеалистической философии и польском романтизме. Метафизическим идеям он противопоставил факты, какими только и должна заниматься позитивная наука [1120, s. 82–85].

Тем временем распространение среди поляков новых трудов и идей вызвало негативную реакцию со стороны сторонников романтизма. В письме к К. Либельту 9 февраля 1871 г. Г. Шмитт прямо писал о вредности для польского народа трудов Г. Т. Бокля, Ч. Дарвина, Я. Молешотта, К. Фохта, Л. Бюхнера и называл борьбу с позитивизмом и материализмом своим патриотическим долгом [164, к. 209–212].

Наряду с просвещением распространению идей позитивизма в общественной мысли России 1860-х – 1870-х годов способствовало западничество. Западники сохранили просветительские традиции и выступали за секуляризацию духовной культуры. Они, как отмечал В. Щукин, пробуждали в образованных кругах критическое отношение к современности, влияли на распространение либерально-демократических идей в художественной литературе и публицистике, заложили основы как российского либерализма, так и более радикальных обществен-

---

74 Известно признание М. С. Грушевского, воспитанного «в строгих традициях радикального украинского народничества, которое начинало свою идеологию от кирилло-мефодеевских братчиков и твёрдо стояло на том, что в конфликтах народа и власти вина лежит на стороне власти, ибо интересы трудового народа – это наивысший закон всякой общественной организации, и когда в государстве... народу нехорошо, это его право почитаться с ней» [403, с. 12].

ных идей [1754, с. 216, 220–222]. Западники 1840-х – 1850-х годов были мало знакомы с идеями О. Конта, а тем более Г. Спенсера, труды которого стали печататься только с 1851 года. Тем временем именно к идеям западников склонялись историки-позитивисты. Особенно представителей двух течений сближали либерально-демократические ценности и признание России частью общеевропейской цивилизации. Позитивисты поддерживали призыв западников ко внедрению достижений европейской цивилизации в российском обществе. Либеральные и частично антицерковные убеждения лидеров российского западничества и приверженцев позитивизма были между собой более близкими сравнительно с идеями славянофильства и панславизма, теоретические основы которых в большинстве случаев противоречили главным принципам позитивизма.

Историков-позитивистов мало беспокоила дискуссия западников и славянофилов о роли и месте России в общем цивилизационном процессе. Они не могли поддержать идеализацию старины славянофилами и их надежды на сохранение старого строя, в первую очередь сильной самодержавной власти и влияния православия на общество. Позитивисты со своим либерально-прогрессивным мировоззрением не принимали и идеи радикально настроенных славянофилов об объединении всех славян в границах Российской империи, и призыв к поиску «настоящего христианства».

Идею «славянской взаимности» [1707, с. 101] в общественной мысли многих славянских народов Е. Г. Аркуша, М. М. Мудрый, Я. Хлебовчик считают «первым проявлением национальной идеи» [1154, с. 235; 1773, с. 302]. Укажем только, что дискуссии западников и славянофилов до конца 1850-х годов утратили свою остроту и (частично) актуальность. Особенно это было характерным, по мнению С. И. Лимана, для подросийских украинских земель, где с середины 1860-х гг. активно велась санкционированная царским правительством борьба с польским национальным движением, вообще «с польским влиянием... в контексте противостояния православия и римско-католической Церкви, а, значит, Руси и Запада в широком понимании этого слова» [1447, с. 205].

Славянофильское и панславистское движение имело последователей среди интеллигенции всей России и позже.

Среди предпозитивистов наиболее близким к славянофилам был Н. И. Костомаров, пропагандировавший идею славянской федерации. Сам историк весьма благосклонно относился к славянофильской идеологии, о чём свидетельствует, в частности, его статья о творчестве К. С. Аксакова [612]. Однако позже Н. И. Костомаров более критически относился к трудам славянофилов, в частности к книге М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884 г.), подчёркивая в рецензии тенденциозность и неприязнь автора к немцам, полякам и «вообще ко всему иностранному» [613, с. 874–876].

Интересным является тот факт, что в 1869 году по инициативе доцента Киевского университета В. А. Бильбасова в Киеве был открыт отдел Славянского благотворительного комитета [1661, с. 71]. Неслучайно, что лидером славянофилов в Киеве был критик учения О. Конта.

Известно, что славянофилы считали общину лучшей формой организации сельского хозяйства и ремесёл. Народники называли крестьянскую общину зародышем социалистического общества. В обоих случаях общинный строй провозглашался исконной особенностью исторического развития России. Коллективистские иллюзии идеологов российского народничества и славянофильства о будущем общины не принимались позитивистами, которые на широком историческом материале показали ненужность сохранения общины, хотя признавали её распространённость в разных странах мира вплоть до утверждения капиталистических отношений.

Проблема общины в исторической науке России более детально рассмотрена в трудах Л. Н. Вдовиной [1212] и П. Ф. Лапина [1437]. В данной монографии мы только укажем на подходы известных киевских учёных Н. И. Зибера и И. В. Лучицкого. Н. И. Зибер был убеждён, что «общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности на ранних ступенях развития» [484, с. 1]. Подобного мнения придерживался И. В. Лучицкий, рассматривавший общинную собственность как форму исторического развития, свойственную всем народам. В частности, он утверждал, что «в своих многообразных проявлениях общи-

на составляет одну из фаз или вернее ряда фазисов» развития общества [686, т. 265, № 9, с. 57–58]. По его убеждению через эти этапы исторического развития «неизбежно и необходимо проходят все народы, причём у одних сохраняются лишь одни первобытные формы общины, у других в силу неблагоприятных, главным образом, внешних условий исчезает почти всецело общинное владение, и только у немногих оно развивается и успевает удержаться» [686, т. 265, № 9, с. 58].

Большинство учёных украинских земель выступало именно против крайностей славянофильства и панславизма. М. П. Драгоманов, например, не отрицал будущее славянского единства, но обращал внимание на использование идеологии панславизма российским правительством в политических целях [446, т. 2, с. 96 и др.].

Общую для большинства историков-позитивистов точку зрения высказал М. В. Довнар-Запольский: «Славянофилы мало сделали для развития русской исторической науки, ненаучность их объяснений была слишком очевидной; но их критика подточила многие выводы юридической школы и поставила ряд серьёзных вопросов в той же области правовых отношений; они выдвинули капитальную сторону исторического изучения – изучение народной жизни и её психологии» [424, с. 262]. Особенно учёный критиковал славянофилов за отсутствие любимой позитивистами идеи общественного прогресса [424, с. 260].

Позитивисты, жившие на западноукраинских землях, также критиковали идеи славянофильства. М. С. Грушевский критиковал труды Н. Я. Данилевского и других неославянофилов за перенесение национальных признаков русского народа (православие, община, феодально-патриархальная монархия) на другие нации [961].

Большинство славянофилов критиковало западноевропейские политические институты, образование и культуру, новейшие идеи вообще. Такая критика противоречила взглядам позитивистов, но была созвучной взглядам других антипозитивистов – богословов. Профессор Киевской духовной академии В. З. Завитневич поддерживал критику славянофилов односторонности европейского образования, а именно чрезвычайного развития рационализма во вред религиозной

вере и формально-юридического подхода во вред морали [476, с. 43–45]. Он подвергнул критике немецких идеалистов и других учёных, в т. ч. за соблюдение только культурнического критерия в определении прогресса человечества [478, с. 2–3], а также за «зазнавшийся национальный эгоизм» и «аморализм» новейшей немецкой теории права [476, с. 53].

Таким образом, славянофильство из всех рассматриваемых теорий меньше всего повлияло на позитивистскую историографию.

Однако в Восточной Галиции панславизм и славянофильство имели сравнительно большее влияние на развитие общественно-политической мысли и исторической науки. Разные виды панславизма (пророссийский и австрославизм), по оценке И. П. Куцого, «соединясь и взаимодействуя между собой, и определяли в значительной мере парадигму развития общественно-политической и научно-исторической мысли в Галиции» [1430, с. 32]. Влияние панславизма И. П. Куцый усматривает и в том, что «в синтетических исторических студиях и изложениях древней истории не замечаем попыток отделить этногенез русинов от других славянских народов. Древнюю эпоху русской истории учёные Галиции рассматривали только в контексте истории славянских народов в целом. „Славянскость” отдельных исторических явлений или процессов была для галицких учёных критерием оценок и мерилom ценностей» [1430, с. 33].

Учёные Восточной Галиции принимали только отдельные компоненты славянофильской доктрины. Тезисы о «предательстве Польшей идеалов Славянщины» и особом цивилизационно-историческом развитии славянства с противопоставлением его западноевропейскому миру получили значительное распространение в исторических трудах галичан [1430, с. 33].

Более активно воспринимали славянофильство и панславизм москвофилы. Ф. И. Свистун, например, характеризовал славянофильство как «сознание племенного родства всех славян и в дальнейшем...стремление к теснейшему духовному их сближению» [825, с. 73]. Именно с славянофильством он связывал возникновение рутенства в Галиции [825, с. 104]. От имени москвофилов Ф. И. Свистун заявлял о «природной необходимости и целесообразности просвещать русское население в Галичине на его собственном галицко-русском на-

речи, не отказываясь однако от помощи, какую для русского народа в Австрии может дать и даёт общерусский язык и общерусская литература», культура «всего русского народа» [825, с. 126]. Поэтому, по его мнению, желательны «исторические исследования по русской образованности» [824, с. 338].

Часть украинских историков Восточной Галиции 40-х – 70-х гг. XIX в., как указывают Е. Г. Аркуша [1154], А. С. Киричук [1367–1368], И. П. Куцый [1430], С. А. Макарчук [1466], О. В. Середица [1639], придерживалась русофильской ориентации, что, безусловно, сказалось на их исследовательской проблематике, прежде всего на оценках многих исторических событий, общих для истории польской, русской и украинской наций. А. С. Петрушевич крайне негативно оценивал «властолюбивого» И. С. Мазепу и П. С. Орлика за их борьбу против российского государства. Учёный критиковал первого гетмана в эмиграции за его обещания иезуитам окрестить украинцев в соответствии с католическим обрядом [768, с. 11 и др.]. Старорусин С. Качала изложил введение христианства византийского обряда крайне идеализировано в сравнении с распространением католицизма на древнерусских землях [523, с. 1–2]. Д. И. Зубрицкий, который также не был позитивистом, написал политическую историю в духе Н. М. Карамзина. В книге грекокатолического священника украинский народ представлен как ответвление русского, а история Галицко-Волынского княжества как неотъемлемая часть общероссийской истории [489]. Москвофилы необъективно исследовали исторический процесс, нарушая тем самым один из главных принципов позитивизма. Украинские (но не польские) историки Восточной Галиции 60-х – 80-х гг. XIX в. в основном сохраняли устаревшие теоретико-методологические основы, а поэтому их взгляды нельзя считать позитивистскими.

Именно по культурно-просветительским мотивам часть учёных подросийской Украины считала необходимым изучение и популяризацию пророссийской точки зрения на историю. Профессор Харьковского университета М. Н. Петров считал, что самостоятельность его научных исследований состоит «не в открытии каких-нибудь новых сторон и явлений минувшей жизни, не в оригинальности исследования уже известных, но главным образом в русской точке зре-

ния [разрядка текста автора – Б. Е.] на целое течение всемирной истории и согласной с этим русским взглядом [в] классификации, выборе, планировке и оценке событий» [762, с. 24]. Отстаивание некоторыми учёными пророссийской точки зрения на историю противоречило принципу объективности, которого пытались достичь позитивисты. Поэтому логично, что идею изложения пророссийского взгляда на исторические явления выдвигали исследователи, которых нельзя назвать последовательными позитивистами. Вероятно, что М. Н. Петров, как и большинство историков Российской империи, под «русской историей» понимал не только историю русского народа, а и многонационального российского государства⁷⁵.

Таким образом, усвоение идей основоположников позитивизма на землях Украины происходило на основе разных мировоззренческих и научных традиций.

Распространение идей французского и английского позитивизма на украинских землях, их влияние на становление и дальнейшее развитие позитивистской исторической науки на Украине были подготовлены мощными просветительскими и либеральными традициями в обществе в целом и в общественных науках в частности.

Подход к историческому процессу с учётом интересов человека и человечества в целом был обоснован Вольтером (рост образованности), И. Г. Гердером (рост гуманности), Ж. А. Кондорсе (идея общественного прогресса и защиты естественных прав человека), И. Кантом (моральное развитие). Последователи позитивизма углубили классические идеи просветительского рационализма. Они не признавали философию как науку и крайне критически относились к метафизике.

Преимущественное большинство историков-позитивистов украинских земель выступало за постепенные реформы и общую демократизацию общества. Просвещение и либеральная идеология были главными предвестниками, способ-

---

⁷⁵ Д. И. Багалеј прямо указывал, что под термином «русская история» необходимо понимать историю всех восточных славян: русских, «малороссиян», белоруссов, называя русскую историю «важной составной частью политической всеобщей истории» [241, с. 17].

ствовавшими рецепции позитивизма в исторической науке на землях Украины.

Последователи «первого» позитивизма пытались соединить идеалистические и материалистические идеи. Полуматериалистический характер новой доктрины вступал в противоречие с гегельянством, романтизмом, славянофильством и богословием. Историки-позитивисты критиковали немецкую идеалистическую философию, поскольку считали её устаревшей, метафизической и схоластической. Присущие романтизму идеализация национальной истории и некритическое использование исторических источников противоречили главным принципам позитивистского историописания. Среди прочих течений славянофильство и богословие оказали наименьшее влияние на рецепцию позитивизма в общественной мысли украинских земель.

1.2. Особенности восприятия идей позитивизма учёными украинских земель в 60-е – 90-е гг. XIX в.

Общественно-политические условия и культурно-научные традиции оказали значительное влияние на восприятие большинством учёных украинских земель идей позитивизма в 60-е – 90-е гг. XIX в. Реформы середины и второй половины XIX в., в т. ч. ликвидация крепостного права, привели к кардинальным изменениям во всех сферах общественной жизни. В результате реформ существенно изменились экономический строй и социальная структура общества. Некоторые специфические черты пореформенного развития общества в Российской и Австро-Венгерской империях были общими: национальный (в т. ч. украинский и польский) вопрос, остатки старых отношений в экономическом и политическом устройстве обоих государств, образовании, культуре, идеологии.

Польское восстание 1863–1864 гг., движение станчиков в Галиции и движение органичников на Правобережье Украины,

украинофильское движение на Надднепрянской Украине, народовское движение среди украинцев Восточной Галиции показали рост не только национального самосознания, а и общественной активности двух негосударственных на то время наций. Польское восстание и украинофильство стали причиной репрессивных мер со стороны российских правительственных кругов, активизировавших борьбу с полонизацией «Юго-Западного края», польским и украинским национальными движениями. Валуевский циркуляр 1863 г. об ограничении украинского слова и другие правительственные меры противоречили начатой великими реформами общей либерализации российского общества, но не ликвидировали её.

Движение российского революционного народничества совпало по времени с активизацией национальных движений. Слова А. И. Желябова на суде о царской реакции, которая вынудила революционное народничество «перейти в позитивизм» [497, с. 339], следует понимать не в философском, а именно в общем общественно-политическом контексте 1860-х – начала 1880-х годов – как известное в революционных кругах словосочетание.

Позитивизм воспринимался именно как руководство к действию не только народниками, а и сторонниками других революционных или либеральных теорий, которые в нём пытались найти ответ на существующие проблемы общественного развития.

Объективно позитивистские идеи, как отмечал Б. Г. Могильницкий, приводили читателей к выводам, которые теоретически обосновывали необходимость реформ [1508, с. 182]. Исследования прошлого были актуальными и затребованными пореформенными реалиями. По мнению Д. М. Петрушевского, общественные идеи в таких условиях обязательно должны приобретать общественное звучание: «Юридическая, политическая и всякая иная общественная идея только в тех случаях может оказаться реальной общественной силой, когда она является живой формулой или символом уже сложившихся в данном обществе в той или другой мере фактических отношений; в противном случае она представляет собою мёртвый капитал...книжной учёности» [773, с. 97–98]. Среди проблем исторической и других

общественных наук, важность которых увеличивалась благодаря реалиям тогдашней действительности, были эволюционная теория, концепция непрерывного линейного прогресса, марксовая теория в Западной Европе, проблема новых форм государственного управления, вопросы общины, перспективы капиталистического развития и другие [1508, с. 181].

Новые общественные движения продемонстрировали изменение своей социальной базы. Ведущей силой популяризации позитивизма стала разночинная интеллигенция. П. Н. Ардашев, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. С. Грушевский, И. В. Лашнюков, Ф. И. Леонтович происходили из духовенства, Н. М. Бубнов – из купцов, Д. И. Багалей – из мещан, И. Я. Франко – из крестьян. Часть учёных подроссийской Украины (М. П. Драгоманов, В. С. Иконников, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, В. К. Пискорский и другие) происходила из дворянства и часто была потомками казацкой старшины. В. Б. Антонович, Т. Р. Рыльский, В. К. Липинский, большинство польских историков происходили из польской шляхты.

Общая либерализация общественной жизни ускорила распространение идей позитивизма среди разночинной интеллигенции, особенно среди студенчества. Этому способствовала введённая Уставом 1863 года широкая университетская автономия.

Кроме того, большая часть преподавателей и учёных публично поддержала появление новой гуманитарной дисциплины – социологии, которая была провозглашена мета-наукой для исторической и всех других общественных наук [515, с. 151]. Сам Н. И. Кареев позже откровенно признавал, что в 1860-х годах часть историков «относилась к проблеме социологии с большим или меньшим равнодушием, даже совершенно её игнорируя, а иногда и с прямым недоверием к её притязаниям» [515, с. 151]. Однако, по авторитетному свидетельству того же автора, «в печати такое резкое отношение к социологии появлялось, правда, очень редко», а только «в частных беседах „чистых историков”» [515, с. 151]. Между тем приват-доцент, потом профессор Киевского университета И. В. Лучицкий увлечённо пропагандировал идеи О. Конта, утверждая, что «вся историческая наука должна была све-

стись к оправданию социологических построений Конта» [515, с. 157].

Значительную роль в популяризации новых позитивистских идей в начале 1860-х гг., в т. ч. на украинских землях, сыграли труды английского историка Г. Т. Бокля. Автор в начале «Истории цивилизации в Англии» высоко оценивал идеи «Курса позитивной философии» О. Конта [269, т. 1, с. 4 прим.]. При этом Г. Т. Бокль воспринимался частью учёных как самостоятельный мыслитель-новатор, а не как ретранслятор идей О. Конта. Позитивизм, по оценке А. Сидоренко, в трактовке Г. Т. Бокля распространялся в профессиональной среде историков быстрее, чем учение О. Конта в целом в обществе [1642, с. 44]. Блестящим представителем позитивизма в исторической науке называли Г. Т. Бокля профессор Харьковского университета М. Н. Петров [761, с. XI] и приват-доцент Киевского университета В. Г. Авсеенко [189, т. 148, № 5, с. 1]. М. Н. Петров считал несостоятельным «применение индуктивного метода, сделанное Боклем к истории» [761, с. XIII].

Между тем П. В. Павлов высказывал более сдержанные оценки главного труда Г. Т. Бокля. Он выделил три главных недостатка «Истории цивилизации в Англии»: 1) автор не всегда придерживался объективности; 2) не все элементы цивилизации рассмотрены Г. Т. Боклем; 3) его историческая теория не всегда «строго научна» [746, с. 281]. П. В. Павлов признавал, что заслуга Г. Т. Бокля для развития исторической науки является значительной, поскольку «он впервые потребовал от истории, чтобы она не довольствовалась критикой собранных данных всякого рода и сведением их в фактическую систему, но подобно естественным наукам старалась вывести на основании сравнительного изучения всевозможных исторических систем культуры, теорию развития человека, т. е. исторические законы человеческой жизни в их естественной органической связи [курсив автора – Б. Е.]» [746, с. 281].

Работа Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» в 1860-х годах была очень популярной и в подавстрийской Украине. В научной литературе она имела один из наибольших коэффициентов цитирования (в сравнении с другими

европейскими историками-позитивистами того времени). Польские последователи Г. Т. Бокля даже имели собственное название «боклисты» [1792; 1794]⁷⁶. Во вступительной статье ко львовскому изданию «Истории цивилизации в Англии» переводчик В. Завадский подчёркивал: «Мало какое сочинение оказывало такое большое впечатление не только в научном мире, но и в широких кругах общественности всех цивилизованных стран» [1143, s. III]. В. Завадский объяснял свою оценку смелостью замыслов Г. Т. Бокля, его широким взглядом на историю человечества, чудесной эрудицией и «духом свободы» [1143, s. III].

Влияние западноевропейского (прежде всего английского и французского) позитивизма на развитие общественной, в частности исторической, мысли было как прямым⁷⁷, так и опосредованным. Под прямым влиянием мы понимаем непосредственное использование идей О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, Г. Т. Бокля⁷⁸ и других известных представи-

---

76 О «настоящей моде на Бокля» писал А. Ф. Грабский [1792, s. 110]. Последний убедительно показал значительную роль трудов английского историка в принятии польскими интеллигентами идей позитивизма [1792, s. 161–175 о рецепции идей Г. Т. Бокля галицкой молодёжью; 1794].

77 Между тем В. И. Шувалов, например, отрицает «прямое заимствование теоретических установок позитивизма (в частности, идей Бокля)» в России [1752, с. 32]. Идеи «первого» позитивизма, по оценке В. И. Шувалова, «включались в концепцию исторического процесса русской либеральной историографии рубежа XIX – XX ст... лишь как исходные пункты, входящие в теоретические построения более высокого уровня обобщения научного материала» [1752, с. 32]. Такая оценка требует больших дополнений и обоснований. В научной, в первую очередь исторической, литературе 1860-х – 1920-х гг. содержится много прямых ссылок на идеи фундаторов позитивизма.

78 Учёные украинских земель, конечно, были знакомы не только с книгами О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля и Г. Т. Бокля, а также с научными и публицистическими трудами других позитивистов. Однако их труды из работ западноевропейских учёных оказали наибольшее влияние на распространение идей позитивизма на украинских землях. В одном из примечаний статьи «Положение и задачи науки древней истории» (1874 г.) М. П. Драгоманов указывал, что идеи именно этих авторов «нашли себе большое распространение в России» [443, с. 173 прим.]. В разговоре с П. А. Сорокиным М. М. Ковалевский двумя главными «китами

телей позитивизма учёными как методологическую модель в общественных науках. Подобной точки зрения придерживаются И. А. Голосенко [1243–1244], В. М. Зверев [1320, с. 178 и др.], Г. Маркевич [1814, с. 56–57].

Опосредованная рецепция позитивизма происходила путём знакомства с работами историков и социологов, придерживавшихся доктрины позитивизма, а также путём чтения рецензий и откликов на них. Кроме того, следует учитывать и достаточно распространённые в общественной мысли и науке случаи, «когда идеям предшественника систематически противопоставляются идеи последователя, иногда выступающие в качестве их своеобразного симметрического отражения. При этом стимулирующее воздействие предшествующих идей может быть не меньшим, чем в случае прямого „положительного“ влияния, они могут задавать и проблематику, и теоретические рамки, в которых эта проблематика ставится и решается» [1256, с. 538–539].

Именно о таком опосредованном ознакомлении с идеями «первого» позитивизма путём чтения трудов других авторов писал известный немецкий методолог Э. Бернгейм: «Можно быть позитивистом, не имея прямого знакомства с Контом, подобно тому, как бесчисленное множество людей являются дарвинистами, не прочитав ни одной строки из сочинений Дарвина. Дух позитивизма проник в европейскую литературу» [260, с. 56].

Наряду с внешними обстоятельствами, в частности цензурными преградами, скорость распространения идей вышеназванных учёных была неравномерной в исторической науке на Украине. Английский позитивизм, по наблюдению М. М. Ковалевского, имел преимущество над французским в плане влияния на общественную мысль в России [579, с. 158]. Теории Г. Спенсера, Г. Т. Бокля, Дж. Ст. Милля воспринимались учёными и читающей публикой, как правило, лучше, чем идеи О. Конта. Последние на время их распространения

социологии» называл О. Конта и Г. Спенсера, подчёркивая: «Большинство социологов и до сих пор занимаются лишь повторением того, что было сказано ими» [1895].

на украинских землях воспринимались как уже немного устаревшие. Кроме того, сложный текст «Курса» О. Конта был перегружен математическими и биологическими примерами.

Поэтому часть учёных усваивала идеи «первого» позитивизма путём чтения не О. Конта, а Дж. Ст. Милля или/и Г. Спенсера. Д. И. Каченовский признавал, что благодаря не трудам О. Конта, а «Логике» Дж. Ст. Милля и Дж. Льюиса обучился «положительным приёмам мышления в области обществоведения» [551, с. 30]. Учение Г. Спенсера, по мнению Л. И. Мечникова, в сравнении с теорией О. Конта лучше и детальнее объясняет главные принципы доктрины позитивизма [704, № 4, с. 61; № 5, с. 40] и «строго изгоняет всякую теологию... из своих исследований» [704, № 4, с. 61].

Как подсчитал И. А. Голосенко, соотношение количества рецензий, статей, монографий, посвящённых наиболее известным западным социологам тех лет с количеством трудов, переведённых на русский язык, было следующим: О. Конт – 43 / 7, Г. Спенсер – 36 / 40, Л. Уорд – 19 / 5, Г. Тард – 36 / 18, Г. Зиммель – 22 / 29, Э. Дюркгейм – 30 / 7 [1243, с. 103; 1244, с. 146]. В. М. Зверев приводит немного другие данные: О. Конт – 36 / 7, Г. Спенсер – 36 / 38, Л. Уорд – 19 / 3, Г. Тард – 36 / 16, Г. Зиммель – 22 / 21, Э. Дюркгейм – 30 / 9 [1320, с. 178 и др.]. Приведённые В. М. Зверевым цифры, по крайней мере относительно О. Конта и Э. Дюркгейма, являются более точными. Итак, О. Конт занимал первое место по количеству откликов и последнее – по напечатанным переводам в Российской империи. Данное обстоятельство объясняется и действовавшим вплоть до 1897 г. запретом печатать русскоязычные переводы его трудов.

Несколько правительственных указов 1856–1865 гг. существенно ослабили цензурное давление в Российской империи. Научные труды, издаваемые университетами и Академией наук, перестали подлежать общей цензуре [45, л. 2–2 об.]. Однако отмена запрета цензуры на обсуждение в прессе касалась не всех общественно-политических вопросов [643]. Российские цензоры запретили в 1864 г. ввозить в империю издания О. Конта [78, л. 7], а в 1866 г. [76, л. 3], 1867 г. [78, л. 1–7] и 1886 г. [79, л. 93–95] печатать труды основателя социологии.

Своё решение чиновники объясняли вредностью для общества идей позитивизма, ибо, по их мнению, доктрина О. Конта служит только «пропаганде материализма» [78, л. 23] и «отрицает основы общества, берущие своё начало в религии» [78, л. 21]. Чиновники объясняли запрет печати и ввоза трудов О. Конта также «устарелостью» его взглядов, которые «не представляют [собой] последних результатов науки» [78, л. 22 об.].

Единственный известный пропущенный цензурой (до 1897 г.) опубликованный русскоязычный перевод трудов О. Конта – его письма к Дж. Ст. Миллю 1843 г. [710, 1869, с. XXIX–LX; 2-е изд., 1870, с. XXXVII–LXVII]. «Позитивистский катехизис. 1852. Введение, содержащее две беседы об общей теории религии и теории человечества» О. Конта в 1881 году был напечатан на гектографе с рукописного текста без разрешения цензурного комитета [1542, с. 308].

С 1897 г. в России было разрешено печатать труды О. Конта. В изложении Ж. Риголажа были напечатаны фрагменты «Курса позитивной философии». Из 6 томов полного текста «Курса» в русском переводе вышло только два тома. В серии «Родоначальники позитивизма» на протяжении 1910–1913 гг. М. М. Ковалевский издал фрагментами некоторые труды основателя социологии, а также отдельной книгой «Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении» (1910 г.).

Несмотря на цензурные ограничения, труды О. Конта, изданные большей частью в Париже, даже попадали в библиотеки российских университетов. Студенты и преподаватели могли познакомиться с трудами основателей и последователей позитивизма в университетских библиотеках⁷⁹. Обучаясь на втором курсе историко-филологического факультета Киев-

---

79 До нынешнего времени в библиотеках Киевского, Одесского, Харьковского университетов хранятся труды О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, изданные в XIX – первой четверти XX св. в основном на французском, английском, немецком, русском языках. В библиотеке Черновицкого университета преобладают сочинения фундаторов позитивизма, напечатанные на немецком языке в Австро-Венгерской и Германской империях, а также хранятся отдельные оригиналы и переводы другими языками. Научная библиотека Львовского университета содержит большей частью польскоязычные издания.

ского университета, И. В. Лучицкий в 1863 г. случайно нашёл «Cours de philosophie positive» О. Конта в университетской библиотеке [876, с. 48]. Попутно можем отметить большую заинтересованность И. В. Лучицкого в распространении идей не только О. Конта, а и Г. Спенсера, о чём свидетельствует участие киевского учёного в подготовке издания двух больших по объёму трудов Г. Спенсера: «Описательная социология или группы социальных факторов, классифицированные и распределённые Г. Спенсером» (1878 г.) и «Начала социологии (Обрядовые учреждения)» (1880 г.). И. В. Лучицкий вместе с женой перевёл с английского языка на русский и отредактировал около 800 страниц текста, а также написал предисловия к обоим изданиям [687; 851, с. I–IV]. В предисловии к книге «Описательная социология...» И. В. Лучицкий писал о важности этого издания «одного из талантливейших деятелей в области социальной науки» «для проверки и изучения тех общих и пока ещё эмпирических формул развития общества» [687, с. I]. После получения письма от И. В. Лучицкого с сообщением о переводе всех его сочинений на русский язык Г. Спенсер назвал народ России передовым⁸⁰ [845, с. 122–123].

Среди читающей публики России 1860-х – 1880-х годов сочинения Г. Спенсера были очень популярными. В. В. Лесевич писал в 1884 г.: «Спенсер пользуется у нас такую обширную популярность, какая редко достаётся писателям... Спенсера читали все, начиная с учёных и оканчивая самыми обыкновеннейшими читателями» [651, т. 2, с. 602]. Молодые поляки в Российской империи чаще читали труды Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля и других позитивистов в русском, чем в польском переводе, а тем более в оригинале [1801, s. 110].

Сочинения Г. Спенсера печатались большими, как для научных книг, тиражами. Его труды разрешалось печатать с изъятием отдельных частей текста, которые, по мнению цензоров, содержали революционные и антицерковные призывы [77, л. 3–5, 27 об.], а тираж уже изданной его «Социальной статистики» (1872 г.) почти полностью был уничтожен

---

⁸⁰ В письме Г. Спенсера дословно «a go-ahead people» – народ, идущий впереди.

[1278, с. 83–84]. Цензурный комитет объяснял своё решение Главному управлению по делам печати тем, что «вся книга посвящена изложению крайне радикального учения, клонящегося... к разрушению всего существующего государственного строя и оправдывавшего... самые насильственные средства» [1278, с. 84]. Чиновники были уверены, что «распространение такой книги в массе русских читателей произвело бы на них самое вредное и опасное впечатление. Уничтожая достоинство верховной власти, объясняя авторитет ...дикостью нравов, внушая враждебное настроение..., оправдывая противодействие распоряжениям правительства, книга Спенсера послужила бы опорой всем анархическим стремлениям, оправданием самых преступных увлечений» [1278, с. 84].

По распоряжению местной власти периодически в библиотеках и публичных читальнях подросийской Украины изымались напечатанные на русском языке труды Г. Спенсера: собрание сочинений под редакцией Н. Л. Тиблена, «Описательная социология или группы социальных фактов» (1878 г.) и «Начала социологии (Обрядовые учреждения)» (1880 г.) (оба издания под редакцией И. В. Лучицкого), «Изучение социологии» (1874 г.), «Основания науки о нравственности» (1880 г.) [2, л. 24, 61].

Цензура запрещала издавать также и сочинения Дж. Ст. Милля: в 1862 г. – «Размышления о представительном правлении», в 1863 г. – «Утилитарианизм» в переводе П. Н. Ткачёва; в 1870-х годах арестовано второе издание под редакцией П. Л. Лаврова «Системы логики» [1744, с. 115]. Как утверждал М. И. Туган-Барановский, все труды Дж. Ст. Милля (кроме «*Chapters of Socialism*») были переведены на русский язык [903, с. 308].

Из четырёх главных трудов Э. Дюркгейма три сравнительно быстро в русскоязычном переводе были напечатаны в России: «Метод социологии»⁸¹ (1899 г.) [459], «О разделении общественного труда: Этюд об организации высших обществ» (1900 г.) [460] и «Самоубийство» (1912 г.) [462]. Кроме того,

---

81 Неточный перевод названия «*Les règles de la méthode sociologique*» («Правила социологического метода»).

К. Трилёвский в журнале «Наша школа» (1909 г.) напечатал в собственном переводе на украинском языке фрагменты первой книги [420].

До 1881 года был запрещён ввоз в Российскую империю французского социологического журнала «La philosophie positive» («Позитивная философия») [1424, с. 10], издававшегося в 1867–1883 годах в Париже.

В 1900 г. начал выходить «Revue de syntèse historique» («Журнал исторического синтеза»), на страницах которого Анри Берр и его единомышленники пытались модернизировать ряд положений позитивизма. П. Н. Ардашев положительно оценил выход первых номеров [1870].

В то же время в Австро-Венгерской империи не было таких ограничений по поводу печати или ввоза из-за границы трудов позитивистов [58]. Львовский литературовед П. Хмелёвский, вспоминая восприятие молодёжью 1860-х – 1870-х гг. в Галиции новейших на то время западноевропейских идей, отмечал её интуитивное стремление к европейским идеям как к более прогрессивным: «Детального о том понимания молодёжь не могла иметь; но понимала только, что за границей давно известны и распространены такие истины и теории, которые прежние лидеры нашего мышления не понимали или мало понимали; что за границей разбираются религиозные, философские, общественные, экономические вопросы большой важности, когда в то же время у нас тихо шумели устаревшими оценками; что за границей все мнения и все человеческие отношения подвергнуты сжато анализу, суровой критике, когда у нас постоянно сдерживалось с традиционной серьёзностью; что, словом, за границей наука, искусство поддерживались скипетром разумного властителя, когда у нас сопровождалось плаксивым мечтательным настроением или страстным и слепым взрывом» [1006, с. 22].

Кроме пропаганды идей позитивизма в лекциях университетских преподавателей и в позитивных журнальных откликах, а также путём публикации трудов основателей и последователей нового учения, другими каналами коммуникаций, способствовавшими распространению позитивного учения, были обсуждение их на заседаниях научных обществ, личная переписка и общение учёных.

Многоплановое явление позитивизма нельзя сводить к факту влияния, а тем более простого заимствования идей фундаторов позитивизма. Уже в первом опубликованном в Российской империи отклике на теорию О. Конта В. Н. Майков подчёркивал, что будущее социологии зависит от «строгого критического разбора» западноевропейских общественных наук [692, с. 2]. Потом подобное утверждение высказал М. М. Ковалевский [574, с. 210–211] и Д. И. Багалей. Последний подчёркивал необходимость «не механического перенесения чужих форм с запада», а «выработку своих форм на общеевропейской основе» [241, с. 18].

Однако большинству научных трудов, особенно 1860-х – 1870-х годов, был присущ некритический подход и, как правило, более-менее точное научно-популярное изложение идей фундаторов позитивизма. И. В. Лучицкий высоко оценивал учение О. Конта, считая его последним словом в науке и критерием для оценки любой исторической теории: «Только следуя этому методу, мы доходим до правильных и чисто научных мнений» [690, 1868, № 11, с. 37].

Уже только известные фамилии переводчиков популяризировали имена английских учёных среди читающей публики. Ведь часть первых русскоязычных переводов трудов Дж. Ст. Милля была сделана Н. Г. Чернышевским («Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии» [709]), П. Л. Лавровым («Система логики» [712]), Н. К. Михайловским («Подчинённость женщины» [710, 1-е изд.]). П. Н. Ткачёв перевёл на русский язык несколько статей Г. Т. Бокля и написал комментарий к его статье «Влияние женщины на успехи знания» [274, с. 207–239].

Кроме того, популяризации позитивистских идей на подросийских украинских землях способствовали публицистические и научные работы П. Л. Лаврова [630–631; 791 и др.], Н. К. Михайловского [720, с. 1–148; 721 и др.], П. Н. Ткачёва [889–890 и др.] и других «властителей дум» молодёжи 1860-х – 1870-х гг.

Важным путём распространения идей «первого» позитивизма было и чтение откликов и рецензий (в большин-

стве случаев похвальных) на работы О. Конта [301; 736 и др.], Г. Спенсера [237 и др.] и Дж. Ст. Милля [270 и др.]. При этом рецензенты и интерпретаторы часто демонстрировали своё, иногда далекое от сути, понимание идей творцов «первого» позитивизма. «С самого начала отношение нашей литературы к Конту, – вспоминал Н. И. Кареев об особенностях восприятия идей О. Конта в России, – выразилось, при общем сочувствии к его основным идеям, в критическом изучении этих идей и в научном синтезе их с теми новыми идеями, которые развились уже после Конта, но в духе того же научного понимания жизни, какого требовал основатель социологии» [512, с. 338].

Подобно оценке Н. И. Кареева высказался А. С. Трачевский в предисловии к книге Р. Вормса: «Со Спенсером случилось то же, что случается обыкновенно с вожжами мысли. Его слепые последователи понаписали груды плохих книг, пользуясь лишь внешним механизмом его метода... При этом возрождалась манера ...метафизиков – взять один какой-нибудь винтик в целой машине мироздания, или измыслить его, или даже сочинить новое словечко для давно известной вещи – и подгонять сюда всё бывшее, сущее и будущее» [322, с. IV–V].

Усвоение позитивистской теории происходило также благодаря чтению научных и публицистических трудов западноевропейских (Г. Т. Бокля, И. Тэна, Г. фон Зибеля, Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса⁸² и др.), российских (Н. И. Кареева и др.), польских (М. Бобжинского, Т. Войцеховского, Т. Корзона, А. Павинского, С. Смольки) историков-позитивистов, различных трудов по социологии, а также соответствующих разделов обобщающих трудов по истории философии⁸³ и т. п.

Историки-позитивисты, жившие на украинских землях, были знакомы с новой литературой как в переводе, так

---

82 Высокая оценка пособия французских преподавателей содержится, например, в рецензии Е. В. Тарле на русскоязычное издание [880].

83 Труды по истории философии А. Фулье [948, с. 307–310 посвящены доктрине О. Конта, с. 347–354 – трудам Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера] и А. Вебера [304, с. 396–402 – об О. Конте и др.].

и в оригинале⁸⁴. При этом они, как и другие позитивисты Российской империи, сохраняли «известную идейную самостоятельность, стремясь выработать собственные теоретические принципы в освещении истории» [1507, с. 167], а в некоторых случаях в разработке некоторых методологических проблем опережали европейскую науку. Об основательной осведомленности польских историков с западноевропейской новейшей литературой по философии и методологии истории свидетельствует, по мнению Е. Матерницкого, и бурная дискуссия на III съезде польских историков в Кракове (1900 г.) [1820].

Ряд учёных (среди них Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, М. А. Максимович, Г. Шмитт) в основном придерживались романтической модели историописания. Однако ознакомление их с новейшей социологической литературой⁸⁵ не привело к принятию позитивистских идей. В полемике между сторонниками и противниками позитивизма на страницах различных научных (изданий университетов и научных обществ) и научно-популярных журналов учёные и публицисты демонстрировали широкий диапазон оценок позитивизма — от полного неприятия до восхищения.

---

84 Н. И. Кареев вспоминал об И. В. Лучицком: «В Западную Европу он ездил часто, посещал разные страны, был хорошо знаком всегда с современностью... Из западных культурных влияний он более всего отразил... французское с некоторым даже предубеждением к немецкому» [517, с. 165–166]. Б. Г. Могильницкий подчёркивал хорошее знание М. М. Ковалевским и И. В. Лучицким «современной европейской историко-философской, социологической и экономической литературы. Они свободно оперируют десятками теорий, сотнями имён» [1507, с. 106].

85 Сохранились выписки П. А. Кулиша из трудов О. Конта, Г. Спенсера, Г. Т. Бокля, американских позитивистов [107, л. 6–7, 60, 66 и др.; 108, л. 75, 85, 192 и др.]. В написанной в 1862 г. статье «Украинофилам» П. А. Кулиш ссылается на Г. Т. Бокля [626, с. 71]. Однако в своих трудах П. А. Кулиш, как и другие «поздние» романтики, продолжал в основном придерживаться романтического варианта историописания. Е. К. Нахлик пишет о значительном влиянии позитивизма на творчество П. А. Кулиша [1521 и др.] и характеризует его мировоззрение как «своеобразный синтез религиозных, просветительских, романтических и со временем позитивистских представлений [курсив автора – Б. Е.]» [1519, с. 10].

Попутно укажем, что во второй половине XIX в. значительно выросло количество периодических изданий⁸⁶. На польских землях в составе трёх империй в 1864 г. выходили, по подсчётам Г. Маркевича, 83 польскоязычных периодических издания, в 1884 г. – 230, в 1896 г. – 355 [1814, с. 43]. В России прослеживалась ещё более значительная динамика: 1855 г. – 139, 1881 г. – 531, 1895 г. – 841, 1900 г. – 1002 [8 1, с. 16–17, 21–22, 24]. Наряду с увеличением выпуска популярной и научно-популярной периодики увеличивается количество профессиональных журналов. Оба эти явления свидетельствовали об общих общеевропейских тенденциях развития общественных наук исследуемого времени⁸⁷.

Мода в гимназических и студенческих кругах на чтение литературы, в т. ч. запрещённой, также была характерной

---

86 Статьи по позитивистской проблематике печатали главным образом такие журналы Российской империи: «Вестник Европы» (издавался в 1866–1918 гг.), «Вестник знания» (1903–1918 гг.), «Вопросы психологии и философии» (1889–1918 гг.), «Дело» (1866–1888 гг.), «Знание» (1870–1877 гг.), «Научное обозрение» (1894–1903 гг.), «Отечественные записки» (1820–1884 гг.), «Русская мысль» (1880–1918 гг.), «Русское богатство» (1879–1918 гг.). В Галиции распространялись львовские: «Літературно-науковий вістник» (1899–1914 гг.), «Dziennik Literacki» (1852–1870 гг.), «Kwartalnik Historyczny» (с 1887 г.), «Przewodnik Naukowy i Literacki» (1872–1921 гг.) «Tygodnik Naukowy» (1865–1866 гг.); варшавские: «Ateneum» (с 1876 г.), «Biblioteka Warszawska» (с 1841 г.), «Niwa» (с 1872 г.), «Przegląd Tygodniowy» (с 1866 г.) и другие журналы позитивистской направленности.

87 Главными европейскими историческими журналами исследуемого периода были немецкие: «Historische Zeitschrift» («Исторический журнал») (издавался с 1859 г.), «Archiv für Österreichische Geschichte» («Архив австрийской истории») (с 1855 г.), «Jahresberichte der Geschichtswissenschaft» («Годовые итоги исторической науки») (с 1878 г.); французские: «Revue Historique» («Исторический журнал») (с 1876 г.), «Revue de synthèse historique» («Журнал исторического синтеза») (с 1900 г.); итальянский – «Rivista Storica Italiana» («Журнал итальянской истории») (с 1883 г.), английский – «English Historical Review» («Английский исторический обзор») (с 1886 г.). Отдельно следует отметить выход социологических журналов, среди них: английский «Positivism» (с 1893 г.) и французские: «La philosophie positive» («Позитивная философия») (1867–1883 гг.), «Revue Internationale de Sociologie» («Международный журнал социологии») (с 1892 г.).

чертой интеллектуального поведения исследуемого времени. Гимназист Д. И. Багaley вместе со своим одноклассником, будущим революционером Л. Г. Дейчем читал разнообразную (иногда запрещённую) литературу [243, с. 35]. В «Автобиографии» Д. И. Багaley приводит перечень книг, которые он читал в гимназические и университетские годы. Среди авторов: В. Г. Белинский, Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, П. Л. Лавров, В. В. Берви-Флеровский, Г. Спенсер, П. Ж. Прудон, Л. Бюхнер, К. Маркс и т. п. [243, с. 26, 29, 35]⁸⁸.

В. П. Бузескул вспоминал о своей молодости 1870-х годов, когда студенты Харьковского университета «считали обязательным прочесть Бокля, Д. С. Милля, Спенсера» [288, с. 13]. Д. Н. Овсяннико-Куликовский советовал читать сочинения Дж. Ст. Милля, К. Маркса и других современников каждому мыслящему человеку как «для общего образования», так и с «учётом настойчивых требований... жизни» [738, с. 325]. Студенческая молодёжь 1870-х годов, как вспоминал Н. Я. Грот, не принимала книгу В. С. Соловьёва «Кризис западной философии (против позитивистов)» именно за критику идей О. Конта [354, с. 149].

Выпускник Харьковского университета М. М. Ковалевский⁸⁹ подчёркивал большой интерес студентов 60-х – 70-х го-

---

88 Характерно, что Л. Г. Дейч приводит большинство этих же авторов в воспоминаниях [412, с. 17]. Среди революционной молодёжи Российской империи 60-х – начала 80-х гг. XIX в. были наиболее популярны такие писатели: Д. И. Писарев, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов [979, вып. 5 – 6, стб. 172, 191; вып. 7–8, стб. 390]. Среди рекомендованной для изучения в революционных кружках литературы, как вспоминал Н. А. Чарушин, были русскоязычные издания 1860-х годов: «История цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, «Основания политической экономии» Дж. Ст. Милля, «Происхождение видов» Ч. Дарвина, первый том «Капитала» К. Маркса [963, с. 346].

89 М. М. Ковалевский высоко оценивал роль Харьковского университета в формировании своего мировоззрения: «Университету я обязан... прежде всего и главным образом моим общим развитием. Он вызвал во мне известные запросы, породил определённые научные воззрения, дал направление моей не только теоретической, но и практической деятельности, оказал на меня не только образовательное, но и воспитательное влияние. И всего этого он достиг не одними лекциями и практическими

дов XIX в. к позитивизму [556, с. 66]. За первые студенческие годы учёбы в Харьковском университете М. М. Ковалевский прочитал огромное количество научной литературы, в т. ч. работы Ф. Гизо, Г. Т. Бокля, О. Конта, Дж. Ст. Милля, К. Маркса, П. Ж. Прудона, А. Токвиля [557, с. 267–268, 272–273, 276–277]. Трудом О. Конта и Дж. Ст. Милля М. М. Ковалевский заинтересовался благодаря доценту О. О. Потебни, который в лекциях по истории русского языка высоко оценивал идеи фундаторов позитивизма, и доценту П. П. Цитовичу, который дал способному студенту томы «Cours de philosophie positive» О. Конта. О чтении этих томов М. М. Ковалевский в мемуарах вспоминал так: «Я набросился на них с жадностью, так как знал наперёд, что найду в них ответ на всего более волновавший меня вопрос о поступательном ходе развития человечества» [557, с. 268].

Особой чертой исследуемого периода было значительное влияние публицистики на развитие гуманитарных наук. Она, как подчёркивает Б. Г. Могильницкий, пропагандировала мысль о высоком общественном назначении исторической науки, критиковала официальную историографию [1508, с. 182]. Анализ социальных проблем⁹⁰, пропаганда новых идей прессой либерально-демократического направления безусловно способствовали формированию позитивистского мировоззрения.

Как подчёркивал Н. И. Кареев, главным органом пропаганды позитивистской социологии была журналистика

занятиями, а и открытием мне возможности тесного товарищеского общения, возможности кружковой работы с людьми, для которых не менее меня было дорого выработать себе определённое миросозерцание с помощью чтения и живого обмена мыслей» [557, с. 287]. В завещании он распорядился внести пункт о дарении 15 тысяч книг библиотеке alma mater (всего в библиотеке М. М. Ковалевского насчитывалось около 50 тысяч экземпляров) [1505, с. 81].

90 Один из активных деятелей народнического движения О. В. Аптектман объяснял чрезвычайную популярность теории общественного прогресса среди молодёжи именно наличием «боевой» обстановки [225, с. 39–40]. Идеолог анархистского течения революционного народничества Российской империи М. А. Бакунин подчёркивал общественно-политическую обусловленность философских проблем, ибо «вопросы метафизики и теологии... не могут быть отделены от вопросов социальных и политических» [247, с. 97].

[515, с. 353–354]⁹¹. Неоднократно о тесной связи между общественными науками и общественной жизнью высказывались,

например, ученики И. В. Лучицкого Д. М. Петрушевский [774, с. 9–10; 777, с. 73] и Е. В. Тарле [873, с. 34–36; 884, с. 741]. Е. В. Тарле отмечал связь общественных наук с общественной жизнью и «близкий интерес для публицистики» общественных наук [873, с. 35].

Таким образом, борьба вокруг идей позитивизма в публицистике (особенно 1860-х – 1870-х годов) отражалась на развитии общественных наук.

М. С. Грушевский в «Споминах» особенно подчёркивал, что «журнал как дискуссионная трибуна, где к некоторым тезисам подходят с разных обсервационных пунктов, из разных

сфер жизни и науки берётся материал для их обоснования, делается постоянный выбор созвучного из бегущей литературной жизни и ведётся полемика с угрожающим и враждебным, имеет огромное значение для формирования и уяснения мировоззрения, для ориентации в жизни и культурном или научном материале» [399, 1988, № 12, с. 121].

Влияние публицистики на формирование своих просветительских убеждений отмечал Д. И. Багалей: «Твёрдое же принципиальное обоснование идеи о необходимости для всякого образованного человека так или иначе уплатить свой долг родному народу мне, как и современникам моим – укра-

Записки Харьковского университета

91 Такая ситуация была характерной в тот период не только для России, а и для других европейских стран. В предисловии к первому тому «Historische Zeitschrift» главной задачей нового журнала Г. фон Зибель назвал борьбу как с феодализмом, так и с радикализмом [1121, s. III].

инской молодёжи 70-х годов, – дала тогдашняя освободительная литература, критика и публицистика» [800, с. 24].

Определённую роль в распространении новых идей сыграла и художественная литература. Ряд известных писателей критически относились к действительности, иногда призывали к активным действиям против правящего режима (в России Т. Г. Шевченко, Д. И. Писарев, Н. Г. Чернышевский и др.; в Австро-Венгрии И. Я. Франко, Э. Ожешкова, Б. Прус и др.). В художественных сочинениях изображалась отличная от обычной модель поведения «новых людей»⁹². Благодаря творчеству Б. Пруса, Э. Ожешковой и других известных писателей – представителей польского позитивизма – последний был значительным явлением в польской художественной литературе. Таким образом, популярность позитивизма была настолько большой, что это отразилось в художественной литературе того времени.

Молодёжь, особенно эпохи «великих реформ» 1860-х – 1870-х годов, желала принести пользу человечеству [792, с. 256]. Идея служения простому народу, как известно, была распространённой среди разночинной интеллигенции, особенно среди участников российского народнического и украинского национальных движений. Особенная миссия

---

92 Хрестоматийный тип русского нигилиста, распространявшего идеи вульгарного материализма, из «Отцов и детей» И. С. Тургенева известен всем со школы. Герой «Чорних хмар» И. И. Нечуя-Левицкого П. Радюк – «хлопоман» и украинофил (сам герой себя называет «народовцем») – в начале 1860-х гг. участвует в организации воскресной школы в Киеве и т. п. Героиня романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Вера Павловна организовала швейную мастерскую для женщин, где швеи участвуют в распределении прибыли. Герои этого романа во время загородной прогулки занимаются «строго логическим разбором непоследовательностей Конта», поскольку у последнего «очень много верного, но слишком много непоследовательной примеси средневековых понятий, что уже совершенно непростительно Конту, идущему от математических принципов и начинающему с понятий, выработанных естествознанием» [966, с. 467]. Тип русского позитивиста выведен в повести П. Д. Боборыкина [263]. Конфликт «отцов» и «сыновей» показан в повести Д. Мордовца «Знаменья времени», где отец не поддерживает «дорогие» сыну идеи Г. Т. Бокля и Г. Спенсера [726, с. 48, 132].

интеллигенции как «мыслящего пролетариата» (известное название статьи Д. И. Писарева [780]) стала одной из ценностных установок сознания образованных кругов во многих европейских странах, в т. ч. в Российской империи исследуемого времени. Достаточно вспомнить, что подобные идеи изложены в «Исторических письмах» П. Л. Лаврова, в статьях «Моя исповедь» В. Б. Антоновича и «Dwie drogi» («Две дороги») В. К. Липинского.

Харьковский университет

В популярных среди учёных и широкой общественности России⁹³, в т. ч. на подросийских украинских землях, «Исторических письмах» П. Л. Лаврова дальнейший прогресс цивилизации связывался с активной культурно-просветительской дея-

тельностью интеллигенции [718, с. 95, 108–138 и др.].

В «Моей исповеди» В. Б. Антонович предложил польским шляхтичам подросийской Украины выбирать два пути: «Поллюбить народ, среди которого они живут, проникнуться его интересами... и неусыпным трудом и любовью по мере сил вознаградить всё зло, причинённое ими народу» или «переселиться в землю польскую» [206, с. 94]. Он считал реальные дела лучшей помощью интеллигенции простому народу: «Истинные друзья народа не ломают себе голову над далеким будущим, но если они люди дела и если имеют средства, то стараются о народном просвещении, об улучшении материального быта крестьян» [206, с. 88].

В заявлении 1862 года, подписанном 21 киевским громадцем (среди них В. Б. Антонович, П. П. Чубинский, П. Г. Житец-

⁹³ О влиянии журнальной публикации этих писем на радикальную молодёжь свидетельствует эмоциональное упоминание О. В. Аптекмана о многоразовом чтении «Исторических писем» П. Л. Лаврова в период учёбы на медицинском факультете Харьковского университета: «Книга овладела мной как... св[ятое] писание или Коран верующим» [418, с. 17].

кий, Т. Р. Рыльский, Б. С. Познанский), культурно-просветительская работа для простого народа провозглашалась «единственной обязанностью людей, успевших приобрести высшее образование» [699, с. 39–40]. Культурничество, по их убеждению, должно быть прежде всего практическим и состоять в том, чтобы «употребить всевозможные усилия с целью доставить народу возможность образовываться, сознать себя, свои нужды, уметь заявить их... Пока... напрасно будут придумывать для него, да при том и без него, дальнейшие пути прогресса; всякая теория от парламентарной английской системы до самых ярких социалистических толков, по нашему убеждению, лишь пустая мечта...; пока народ смутно сознаёт настоящие свои потребности или даже почти не сознаёт их, какой прок в той или другой теории, да притом взятой не из народной жизни, не по складу народной логики?» [699, с. 40].

В статье «Две дороги» В. К. Липинского содержались подобные изложенным В. Б. Антоновичем призывы к культурно-просветительской работе польской шляхты среди простого народа. Он, будучи редактором киевского польскоязычного журнала «Przegląd krajowy», критиковал «народный эгоизм» поляков: «Чётко видим перед собой путь осознания потребностей Украины... и украинского народа..., путь согласия, основанный на трудах для добра края, для достижения лучшего для него будущего, невозможного без всестороннего развития украинского народа» [1007, s. 3].

Подобные настроения были распространены и среди украинцев, живших в Восточной Галиции. «Национальная справедливость, – писал М. С. Грушевский, – налагает на поляков освобождённой России нелёгкую, но благодарную задачу – воспользоваться теми материальными средствами, которые собрали в их руках предки..., для возрождения экономического и культурного подъёма тех народов, за счёт которых создалась сила, значение и привилегированное положение народности польской» [362, с. 71].

В духе «Исторических писем» П. Л. Лаврова и «Моей исповеди» В. Б. Антоновича И. Я. Франко призывал к просветительской работе среди простого народа [928, с. 317]. «Первая и главная основа развития народного, – писал И. Я. Фран-

ко, – осознание и пробуждение масс, работа над их просвещением в каждом направлении, таким образом, не только хозяйственным и исторически-национальным, но прежде всего политическим и общественным» [925, с. 224]. При этом он высоко оценивал роль науки и литературы, которые должны «предоставить арсенал мыслей, фактов и взглядов для популяризаторов», «среди интеллигенции укреплять веру в родную почву, в силу нашей нации», «возобновлять все лучшие традиции нашего прошлого и прививать к ним все лучшие достижения общечеловеческой цивилизации» [925, с. 224]. В то же время И. Я. Франко не отрицал роли теории: «Интересы к абстрактным вопросам преобладают над интересом к конкретным делам. Или то вопросы общечеловеческие, или специально-украинские подкапываются прежде всего с абстрактно-теоретической стороны» [925, с. 225].

Появление новых книг и новых номеров прогрессивных журналов быстро становилось достоянием образованных кругов общества и в Галиции. Польскоязычная литература пропагандировала идеи позитивизма и дарвинизма, а также материализма (часто в трактовке т. наз. вульгарных материалов).

Главные работы львовского экономиста и социолога Ю. Супинского, автора труда «Польская школа общественно-го хозяйства», были напечатаны в первой половине 1860-х гг. в Галиции и оказали большое влияние на распространение позитивизма на западноукраинских землях.

В 1860-х гг. приблизительно в одно время во Львове вышли в польском переводе сочинения лидеров позитивизма («История цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля и «О свободе» Дж. Ст. Милля) и т. наз. вульгарного материализма («Сила и материя» Л. Бюхнера) [999; 1083; 1143 и др.]. В связи с этим интересным (и характерным для конца 1860-х годов) является определение переводчиком и издателем Л. Микульским цели издания книги Л. Бюхнера: «Если эта книга сумела хотя бы небольшое количество членов польского общества вырвать из страны успокоения и мечтаний и поставить под флаг настоящей позитивной философии» [1083, s. VII]. Итак, по мнению Л. Микульского, издание трудов известного т. наз.

вульгарного материалиста должно способствовать распространению и идей позитивизма.

Начало распространения позитивизма совпало с модой на идеи так называемого вульгарного материализма⁹⁴, чему способствовали успехи естествознания [1157]. Натурализм позитивного знания основывался на уверенности, что человеческое общество может и должно изучаться с помощью методов, подобных методам естественных наук. Близость предмета естественных и исторических наук, их методов и законов позволяет, по мнению О. Конта, считать историческую науку подобной естествознанию.

В Галиции пользовались популярностью главные периодические издания польских позитивистов: варшавский «Przegląd Tygodniowy» (см. детальнее работу Дж. Маркевича [1812]) и львовские «Dziennik Literacki» и «Tygodnik Naukowy» («Tygodnik Naukowy i Literacki»). Сами редакции журналов временами занимались популяризацией и распространением новейшей литературы⁹⁵.

---

94 В трудах 1860-х – 1870-х годов часто не выделяли разные течения материализма, характеризуя преимущественно взгляды вульгарных материалистов (см., например, статью о материализме в «Философском лексиконе» С. С. Гогоцкого [340, т. 3, с. 390–404]). Позднее материализм связывали в первую очередь с дарвинизмом и марксизмом. Характерное для обществоведения конца XIX в. понимание материалистических теорий продемонстрировал М. Ф. Владимирский-Буданов, связавший исторический материализм с теорией Ч. Дарвина, а экономический – с учением К. Маркса [134, л. 1]. И. В. Луцицкий относил к представителям исторического материализма К. Маркса, Дж. С. Роджерса, К. Лампрехта, Г. Шмоллера, Дж. Конрада и других европейских учёных [689, с. 172]. Д. М. Петрушевский связывал материалистическое понимание истории не только с учением К. Маркса, а с «общим подъёмом научного сознания на западе Европы» [771, с. 308].

95 Руководство журнала «Przegląd Tygodniowy» в своей типографии издавало книги Л. Бюхнера, Дж. Ст. Спенсера, Ч. Дарвина и других авторов. При этом редакция предлагала подписчикам журнала эти книги по сниженной цене. См., например, объявление редакции, в котором предлагалась книга Ч. Дарвина «Pochodzenie szlōwieka i dobór p̄ciowy» за 5 российских рублей (и за пересылку 50 коп.), а не за установленную цену 7 рублей ([1098, 1881, nr. 11, s. 1]). «Dziennik Literacki» печатал позитивные отклики на польскоязычные издания книг Г. Т. Бокля [1015, 1863,

В 1863–1869 гг. вокруг редакции львовского ежедневника «*Dziennik Literacki*» сгруппировалась группа молодых публицистов (Т. Романович, Ю. Старкел, Л. Татомир, К. Чишевский, Ю. Шуйский, А. Щепанский), которая считала своей задачей популяризацию идей позитивизма и «органического труда» среди населения Галиции [1805, s. 541–543]. А редактор ежедневника «*Dziennik Literacki*» Л. Повидай назвал образование, поднятие национального сознания и материальное богатство трёма условиями развития польской нации [1015, 1864, nr. 53, s. 787–789; nr. 56, s. 833–835]. Журнал предлагал: «С помощью материального труда... увеличим капитал научных обществ, будем иметь возможности за бесценок среди народа распространять соответствующие книжки, тогда и библиотеки увеличатся, литературно-журналистское предпринимательство найдёт помощь» [1015, 1865, nr. 8, s. 63].

Первые номера львовского журнала «*Tygodnik Naukowy*» (1865 г.) призывали поляков к спокойной и длительной работе, которая «станет бальзамом на свежие раны»⁹⁶ [1137, 1865, nr. 2, s. 22]. Во «Вступительном слове» редакция огласила главной задачей журнала поощрение молодёжи к научной работе с дальнейшим использованием достижений науки в практической жизни [1137, 1865, nr. 1, s. 2].

В серии статей в обоих львовских журналах с ссылкой на Дж. Ст. Милля [1015, 1866, nr. 43, s. 685–687] Т. Романович подчёркивал, что именно образование народа является основой материального благосостояния и будущей политической независимости поляков [1015, 1866, nr. 12–16, 43; 1137, 1865, nr. 46–48].

Итак, редакционная политика львовских журналов «*Dziennik Literacki*» и «*Tygodnik Naukowy*» проводилась в русле «польского позитивизма». В частности, журналы определяли развитие образования и науки главным двигателем общественного прогресса, что вполне отвечало теории «органического труда».

---

nr. 51–53; 1866, nr. 73–78], Л. Бюхнера [1015, 1866, nr. 41–42], Ч. Дарвина [1015, 1866, nr. 8–11, 34–39], Дж. Ст. Милля [1015, 1866, nr. 43] и т. п. На страницах «*Tygodnika Naukowego*» Я. Велиховский в одобрительной рецензии рекомендовал всем прочитать «Польскую школу общественного хозяйства» Ю. Супинского [1137, 1865, nr. 36].

96 Имеется в виду неудача польского восстания 1863 г.

Идеи позитивизма и программа «органического труда» совпадали во многих пунктах⁹⁷. Польские позитивисты, как отмечал К. В. Душенко, до 1876 года поднимали проблему нации или в плане содержания национальной культуры, или в связи с программой «органического труда» (проблематика «общества-организма») [1287, с. 96]. Идеи органичников о служении своему народу отличались от ожидания польскими романтиками «культурного возрождения» негосударственных наций или призывов к революционной смене власти.

С 1870-х годов в польских журналах дискуссия велась не между позитивистами и романтиками, а в середине «польского позитивизма» – между представителями старой и молодой генерации. В периодике Восточной Галиции, как указывал С. Д. Гелей, развернулась в это же время и полемика между тремя течениями западноукраинского политического движения: москвофилами, народовцами, позже и радикалами [1234, с. 78–102]. Наиболее известные представители последних двух течений имели, как правило, позитивистское мировоззрение⁹⁸ и считали москвофильское движение вредным для идеологии и практики украинства, развития национальной культуры. Такую оценку, например, чётко высказал К. Трилёвский в рецензии на брошюру Д. И. Донцова «Модерне москвофильство» [481, с. 360, 362].

Распространение идей позитивизма и дарвинизма, а также материализма происходило, правда в меньшей мере, в Буковине. Р. Ф. Кайндль, например, ссылается на идеи Ч. Дарвина опосредованно – путём цитирования трудов немецкого этнографа А. Бастиана [1036, с. 2 и др.].

Общей характерной чертой научных и научно-популярных журналов России и Австро-Венгрии были разнообразное содержание и значительный объём напечатанных ими материалов по позитивистской тематике. Количественное увеличение таких публикаций способствовало утверждению высо-

---

97 «Не все „органичники“, – указывал А. Ф. Грабский, – были у нас позитивистами... однако эти последние были с уверенностью первыми» [1792, с. 111].

98 О. В. Середа также относит поздних народовцев к сторонникам позитивизма и программы «органического труда» [1639, с. 209].

кого статуса социологии и других общественных наук среди учёных и образованных кругов общества вообще.

Среди части демократической интеллигенции в подростковой Украине, как и в Восточной Галиции, кроме позитивистской доктрины, были достаточно популярны идеи марксизма, дарвинизма и «вульгарного» материализма. Активное восприятие обществом новомодных, свободных от идеализма и метафизики идей в 1860-х – 1870-х годах происходило почти синхронно. В общественном сознании, особенно среди молодёжи, новые идеи часто создавали своеобразное сочетание. Д. Н. Овсянико-Куликовский характеризовал вторую половину 1860-х – 1880-е гг. как «эру господства позитивной философии» в соединении «с идеями дарвинизма и с социализмом Карла Маркса» [739, с. 211]. По мнению учёного, «этот синтез, куда вошли и народнические, демократические и освободительные идеи образует господствовавшую в 70-х годах идеологию, в которой многое осталось бы непонятным, напр. Дарвину или Дж. Ст. Миллю, и заставило бы Ог. Конта перевернуться в гробу... Дарвина, Конта и Маркса брали не по существу, не *an sich*, а идеологически» [739, с. 211]. О влиянии идей позитивизма на формирование своего мировоззрения в студенческие годы Д. Н. Овсянико-Куликовский вспоминал: «Я успел ознакомиться с идеями Огюста Конта (по статьям Писарева, Лесевича, Михайловского, Вырубова и других, по книге Литтре⁹⁹, а также по Спенсеру) и стал горячим приверженцем позитивной философии (и, разумеется, ненавистником всякой „метафизики“, как оно и полагалось тогда)» [738, с. 322].

Львовский литературовед П. Хмелёвский подобно описывал интеллектуальную обстановку 1860-х – 1870-х годов в Восточной Галиции: «Тогда теория Дарвина, общественная экономика, практические устремления к повышению благосостояния края, занятия естественными и техническими науками приводили к принципам, которые составляли элементы позитивизма, и были теми предметами, какими наиболее

---

⁹⁹ Д. Н. Овсянико-Куликовский, очевидно, имел в виду один из двух русскоязычных переводов трудов Э. Литтре [670–671].

радостно занималась молодёжь, пытаясь потянуть за собой лучшую часть общественности» [1006, с. 68].

Новейшими идеями интересовалось и старшее поколение историков, живших в Восточной Галиции и не принимавших доктрины позитивизма. В книжном собрании греко-католического священника А. С. Петрушевича, которое сегодня хранится в отделе редких изданий Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника, встречаем издания на разных (русском, немецком, польском) языках трудов Г. Спенсера, Г. Т. Бокля, Э. Литтре и других известных позитивистов.

В обществе заметно изменилось отношение и к другим старым, в т. ч. и научным, традициям. Ярким примером был нигилизм молодёжи Российской и Австро-Венгерской империй 1860-х – 1870-х годов к старому культурному наследию.

О настроениях среди революционно-настроенной молодёжи России свидетельствует категорическое заявление одного из идеологов революционного народничества П. Н. Ткачёва: «Философия потеряла свой кредит в глазах каждого здравомыслящего человека. Никто уже теперь не верит в её шарлатанские обещания... Серьёзно заниматься философией может теперь или человек полупомешанный, или человек дурно развитый, или крайне невежественный» [890, с. 171]. Идеи Г. В. Ф. Гегеля он объявил чепухой [890, с. 171].

«Властитель дум» передовой молодёжи России 1860-х годов Д. И. Писарев называл философию «схоластикой XIX в.», которая «не находит себе читателей и ценителей вне пределов известной касты» [783, с. 124]. Идеолог нигилизма считал философию бесполезной, а значит, и ненужной наукой, «пустой тратой умственных сил, бесцельной роскошью, ... непонятною для толпы, нуждающейся в насущном хлебе» [782, с. 325]. Он требовал от философии «осязательных результатов» [783, с. 130], которые «можно рассмотреть глазами и ощупать руками» [783, с. 128]. Итак, прагматический подход ко всем наукам приводил молодёжь к выводу о бесполезности и даже вредности философии.

«Почти вся печать наша (периодическая) в 70-ые, 80-ые, 90-ые годы, да и в значительной степени ещё и сейчас, – признавал В. В. Розанов в 1904 году, – захвачена была позитивным направлением; философией без философии и даже с ненавистью к философии» [733, с. 386].

Идеалистическая философия, особенно философия истории Г. В. Ф. Гегеля, не всегда справедливо критиковалась позитивистами. Для основателя государственной школы в российской историографии К. Д. Кавелина безапелляционная критика философии была неприемлемой: «Философия в полном упадке. Ею пренебрегают, над ней глумятся. Она решительно никому не нужна... Философия... просто отброшена как ненужная вещь» [499, с. 3].

Эту мысль К. Д. Кавелина прокомментировал антипозитивист, преподаватель, будущий ректор Киевской духовной академии Д. И. Богдашевский: «Метафизическая же философия, т. е. философия в собственном смысле слова, отбрасывается как ненужный, даже вредный балласт... Такой взгляд на философию очевидно основывается на неправильном понимании взаимного отношения философии и естествознания или знания, опирающегося на научном опыте» [264, с. 2]. Другой антипозитивист Ф. А. Зеленогорский считал, что философия должна влиять на развитие общества [483, с. 150].

Борьба с «метафизикой» была определяющей чертой мировоззрения и учёных-позитивистов украинских земель. «Позитивизм, – признавался В. В. Лесевич, – без противоположения метафизике немислим» [647, с. 151]. Позитивизм, как подчёркивал С. Н. Булгаков, отказывал метафизике и религиозной вере в самостоятельных правах [297, с. 6]. Итак, антипозитивисты, в первую очередь богословы (среди них П. И. Линицкий [658]), выступали в защиту метафизики.

Под «метафизикой» позитивисты понимали и способ мышления, и немецкий идеализм (прежде всего Г. В. Ф. Гегеля), и даже французский материализм XVIII в. При этом, по едкому замечанию А. А. Козлова: «Позитивизм отрицает метафизику как науку, никогда однако не определяя строго и ясно, что он под ней понимает» [585, 1892, кн. 15, с. 55].

Раскритикованная позитивистами метафизика рассматривалась, в соответствии с учением О. Конта о трёх стадиях умственного развития, как промежуточное звено между теологией и позитивным знанием. Последователи «первого» позитивизма в большинстве случаев разделяли эти подходы.

Характерный пример интерпретации метафизики как устаревшего способа мышления и второй стадии обществен-

ного развития содержится в статье В. В. Лесевича «Философия истории на научной почве» [652]. Ссылаясь на О. Конта, В. В. Лесевич относил к метафизике общую совокупность взглядов, разрабатываемых метафизическим методом и все собственно философские вопросы, которые в понимании позитивистов были по своей сущности в основном метафизические [656, с. 293]. Исследователь метко заметил, что О. Конт смешал философию с метафизикой и как отдельную науку отклонил её вместе с методом [656, с. 294].

В. В. Лесевич называл такие «недостатки» метафизического познания:

«Метафизика покоится всецело на психологическом основании, а именно на положении, что всё, согласующееся с требованиями разума, действительно существует. Метафизика субъективна и чужда наблюдения и опыта» [652, с. 187].

Нежинский историко-филологический институт

Рассматривая развитие идей по трём определённым О. Контом периодам, В. В. Лесевич подчёркивал важность этапа господства метафизических теорий для дальнейшего развития науки: «Заслуга метафизики заключается в том, что она заменила представление о прихотливых божествах представлением об *отвлечённых сущностях* [курсив автора – Б. Е.], образ действия которых она признала *неизменным*. В этой неизменности кроется зародыш науки» [652, с. 188].

Будучи одним из активных пропагандистов позитивистских идей, В. В. Лесевич разделял оценку метафизики, высказанную Г. Т. Боклем: «По метафизическому методу, как заметил Бокль, не было сделано никакого открытия ни в одной отрасли наук» [652, с. 190]. В 1860-е – 1870-е годы, когда позитивисты пророчили метафизике быстрый конец, В. В. Лесевич был уверен, что «метафизика вступала в последний фазис своего

существования» [652, с. 189]. Одновременно он признавал, что «вопросы, которые до тех пор были решаемы метафизически, не были перерешены позитивизмом научно, а просто-напросто были обойдены, устранены, упразднены» [649, с. 198].

Прогрессивность новой социологической науки состояла, по мнению В. В. Лесевича, именно в отказе от старых идей [652, с. 169] и попытке очистить не только науку, а и общественное сознание от идеалистической метафизики [647, с. 151]. Подобные настроения особенно были распространены среди молодёжи [979, вып. 7–8, стб. 337]. Позже В. В. Лесевич (возможно, имея в виду и себя в молодости) вспоминал, что в 1860-х – 1870-х годах последователи О. Конта «придали позитивизму дух какого-то сектантства» [656, с. 294]. В рукописной заметке «Позитивизм как теория» В. В. Лесевич признавал некоторую ограниченность этой теории [147, л. 1].

Подчёркнуто негативное отношение к идеализму как метафизике характерно для преимущественного большинства учёных 60-х – 90-х гг. XIX в. во всей Российской империи¹⁰⁰. Именно критика немецкой философии как метафизической в 1860-х – 1870-х годах заметно снизила уровень увлечения, особенно молодых учёных, её идеями и способствовала более активному распространению идей позитивизма.

Б. Г. Могильницкий метко охарактеризовал готовность образованных кругов общества России 1860-х – 1870-х гг. к восприятию позитивизма: «В позитивизме видели прежде всего философскую систему, решительно порывавшую со всякой теологической и метафизической интерпретацией общественного развития, научный метод, утверждавший необходимость для учёного в исследовании мира общественных явлений исходить в своих выводах из реальных „положительных“ фактов, дававший необходимые основания для превращения обществоведения в такую же точную науку, как естествознание, данные

---

100 Позитивизм, по свидетельству В. Л. Кигна, «давал право своим адептам одинаково отрицательно относиться и к догматически-религиозному мирозерцанию,... и к идеалистической философии» [315, с. 10]. Негативное отношение к метафизике, по оценке Г. В. Плеханова, «заходит иногда слишком далеко» [253, с. 389]. Такой была одна из ценностных установок интеллигенции исследуемого времени.

которого осноположники позитивизма широко использовали в своих построениях, создавая тем самым представление о том, что их философия является последним словом науки, построенным на достижении всех её областей» [1507, с. 113].

Увлечение позитивистскими идеями интеллигенции, особенно молодёжи, В. Л. Кигн объяснял так: «На Западе позитивизм... имел и исторические, и философские основания... Философское основание позитивизму давал эмпиризм и отчасти критическая школа Канта. Переходя на русскую почву, позитивная философия как антиметафизическое направление должна была получить несколько догматический характер» [315, с. 15]. Он подчёркивал, что в России общественная мысль «не хотела видеть догматизма основных положений позитивной философии» [315, с. 10].

Популяризатор идей позитивизма В. В. Лесевич писал об увлечении идеями позитивизма в Российской империи в 1860-х – 1870-х годах так: «Учение это стало распространяться с поразительным успехом. Взгляды и понятия позитивной школы проникли повсюду, даже туда, где не слыхали о Конте и его системе: отрицание метафизики, необходимость связи науки и философии, различение абстрактных и конкретных наук, соотношение между науками, законосообразность в области явлений нравственных и общественных, само слово социология... всё это стало такою необходимою принадлежностью мысленного строя... образованного человека... Позитивизм поэтому есть более дело времени, чем личности» [648, с. 530]. Рецепцию позитивизма среди образованных кругов в России В. В. Лесевич описывал так: «Трактат, статья, лекция всегда излагаются в настоящее время так, как будто курс позитивной философии составляет неотъемлемую часть нашего обязательного образования» [651, т. 2, с. 148].

Другие исследователи также вспоминали о 1860-х – 1870-х годах как о времени существенного влияния позитивизма на общественную мысль. «Ни одна историческая система, – писал в 1868 году об успешном распространении доктрины О. Конта И. В. Лучицкий, – не оказывала такого могущественного влияния на умы, ни одна не вызывала внимания, подобного тому, с каким относятся к системе Конта... В течение

последних десяти лет приобрела такое значение, что сделалась знаменем целой исторической школы» [690, 1868, № 11, с. 8]. «Влияние позитивизма было громадно», – признавал профессор Нежинского историко-филологического института имени кн. Безбородько В. В. Новодворский [735, с. 10].

Мода на позитивизм часто приводила к поверхностному его восприятию. Вслед за О. Контом и Г. Спенсером, по наблюдению В. К. Пискорского, стали изучать общественные явления «не только серьёзные исследователи, но и масса дилетантов» [789, с. 2]. Такая же ситуация, по оценке А. Ф. Грабского, наблюдалась и в польской историографии [1791, s. 289–290].

В. В. Лесевич

П. Н. Ткачёв вспоминал о безоговорочном увлечении разночинной интеллигенции позитивизмом в 1860-х – 1870-х годах саркастически: «Носились с Контом и позитивизмом, как с писаной торбой» [731, № 10, с. 16]. «Наше развитие..., – по авторитетному свидетельству автора, – совершалось под вечным гнётом того или друго-

го умственного авторитета. Освобождаясь от одного идола, от одного авторитета, мы сейчас же подпадали под иго другого; познакомились мы с Боклем – и мы стали клясться им и всякое несогласие с ним казалось нам несомненным признаком крайнего невежества и даже ретроградства; прочли мы Милля – и Милль стал нашим „учителем“; усомниться в доброкачественности этого учителя – значило прослыть за человека не только глупого, но просто даже недобросовестного» [731, № 10, с. 14].

Большинство учёных отводила созданной О. Контом новой науке роль метанауки, изучающей теоретические вопросы исторических и других общественных наук. Фактически социология объявлялась новой философией истории. Как метко подметил профессор Киевского университета А. А. Козлов, «у философов-метафизиков наука, соответствующая позитивистской социологии, называется философией истории» [585, 1893, кн. 16, с. 55 прим.].

Однако большинство приверженцев нового учения часто делало некоторые оговорки об отдельных положениях О. Конта и/или Г. Спенсера, ибо не принимало безусловно все положения «раннего» позитивизма в контовской или спенсеровской редакции.

Важность знаний и образования признавали и предыдущие мыслители, придавая им определённую самодостаточность. Позитивисты же (особенно нигилисты конца 1850-х – 1860-х годов)¹⁰¹ ценили прежде всего практические знания, необходимые для дальнейшего развития общества.

Вполне логично, что позитивисты именно в развитии сознания, распространении знаний и образования усматривали главное условие и критерий прогрессивного цивилизационного развития. В частности, В. В. Лесевич разделял распространённое в научной среде мнение, что наука должна стать руководителем в жизни [652, с. 168].

Д. Н. Овсяннико-Куликовский называл науку вообще и социологию в частности единственным спасителем мира. «Веру в Бога я потерял, – вспоминал он, – но веру в Науку сохранил нерушимо» [738, с. 322]. «Магическая сила» социологии, по его оценке, «не уступала могуществу таких вещей слов, каковы *Свобода, Прогресс, Идеал* [курсив автора – Б. Е.] и т. д.» [738, с. 323].

Именно под влиянием позитивизма становится распространённой и среди учёных подросийской Украины «безграничная вера в силу и даже спасительность просвещения и культуры как средства от всех зол» [339, с. 116]. В. П. Бузескул считал науку «мировой силой, которая должна возвышаться над разного рода перегородками, разделяющими человечество, которая должна объединять его», «нечто самодовлеющей» [294, с. 7]. Сциентический характер мышления большинства профессорско-преподавательской корпорации в России не был присущ православной культуре. В России, в отли-

---

101 Большинство радикальной разночинной интеллигенции России в 1860-х – 1870-х годах отождествляло позитивизм и нигилизм [1534, с. 40]. Мировоззрение российских нигилистов своеобразно соединяло идеи позитивизма и т. наз. вульгарного материализма. Отдельно отметим культ естествознания, которое, по мнению нигилистов, из всех наук наиболее необходимо для общества [1534, с. 40].

чие от протестантско-католической Европы, не признавалась самоценность науки. Последняя, по оценке Д. Г. Горина, рассматривалась скорее как государственное, а не общественное дело [1252, с. 43].

Итак, как утверждается в книге «Русский позитивизм: Лесевич, Юшкевич, Богданов», один тип веры (в бога) сменился другим – «во всемогущество человеческого разума, в безграничные возможности науки как высшей формы реализации этого разума» [1627, с. 11].

Для приверженцев позитивизма в подавстрийской Украине также был характерным культ науки, вера в её неограниченные возможности познания действительности. Львовский идеолог позитивизма Ю. Супинский, не отрицая роли религии в обществе, отмечал ведущую роль науки в обществе и выступал за светский характер образования [1120, s. 98]. Популярная и в Галиции Э. Ожешкова, анализируя идеи Г. Т. Бокля, также высказывала безоговорочную веру в возможности науки. Она, например, утверждала, что «из всех наук наиболее употребительной в нашей общественной деятельности является история», которая не должна быть только хронологическим изложением фактов, а должна стать ещё и «философией-историей» [1065, nr. 157, s. 1].

И. Я. Франко верил, что в будущем «наука станет верховным принципом истории, станет добром всех людей, руководителем их жизни, труда и борьбы за существование, а вера, религия сойдёт к нулю, т. е. как составляющая исторического развития перестанет существовать» [924, с. 125].

Среди научных кругов подавстрийской Украины также господствовало мнение, что научное объяснение общественного развития должно происходить не по априорно заданным схемам, как в философии истории Г. В. Ф. Гегеля, а опытным путём. Культ естествознания способствовал отрицанию преимущественной частью интеллигенции научной и практической ценности традиционной философии в силу невозможности использования её достижений в науке и обществе. Львовский публицист В. Л. Панейко реальную практику называл мерилем оценки явлений общественно-политической и культурной жизни [752, с. 509].

Философия в 1860-х – 1880-х годах имела низкий уровень признания и среди интеллигенции Галиции. Наряду с прин-

ципиальным непризнанием философии позитивисты критиковали диалектический метод познания за метафизичность. О недооценке позитивистами диалектического метода свидетельствует следующее выражение И. Я. Франко: «Наука, эта большая наука естественноисторическая со своими взглядами на эволюцию, трансформизм и монистический материализм, восстала и развивалась по индуктивному методу и все великие работники на поле науки отбрасывали диалектический метод, а то и выразительно осуждали его» [935, с. 271].

Распространению доктрины позитивизма на западноукраинских землях способствовали и общественно-политические реалии.

Мировоззрение польских учёных 1860-х – 1870-х годов пребывало под значительным влиянием восстания 1863–1864 гг.¹⁰². После его неудачи радикальная часть польского общества отказалась от революционных методов борьбы и выступила за соглашение с правительственными кругами¹⁰³.

Польская общественная мысль переориентировалась в сторону «тройного лоялизма» [1015, 1864, nr. 53, 56; 1865, nr. 1–3; 1065; 1814, s. 10, 18, 23]. В поисках новых путей решения национального дела стала популярной теория «органического труда», которая пропагандировала отказ от вооружённой и другой нелегальной национально-освободительной борьбы в пользу мирной творческой деятельности. В планах сторонников «органического труда» широкое распространение её принципов и форм среди поляков должно привести к резкому увеличению

---

102 В. Чаплинский и Г. Верещицкий подчёркивали влияние восстания 1863 года на творчество А. Шелонговского, принадлежавшего «к поколению, которое не только знало много участников январского восстания, а и к поколению, для которого проблема 1863 была одной из наиболее важных, учитывая политическую задачу данного момента. В то же время оценка восстания была равносильной в незначительной мере постановке актуальных политико-национальных проблем» [1774, s. 631]. Несколько известных львовских профессоров (К. Лиске, Т. Войцеховский) были участниками январского восстания [1790, s. 601].

103 Одним из исключений стала статья Ф. Богацкого «Позитивизм и критицизм» в главном журнале варшавских позитивистов «Przegląd Tygodniowy». Известный публицист допускал возможность возвращения поляков к революционной деятельности [995, s. 274].

экономического и культурного потенциала нации, распространению национального сознания среди широких масс, перестройке социальных структур общества [1540, с. 39].

А. Свентоховский, один из главных идеологов варшавского позитивизма, писал от имени «молодых»¹⁰⁴ о роли публицистики: «Позитивный дух времени приказывает нам двигаться не только по пути поэтического творчества, а и в направлении развития общественных представлений, для которых журнальная периодика должна быть путеводителем» [1134, s. 412].

Многонациональная социокультурная среда Восточной Галиции способствовала тому, что теория «органического труда» была популярной не только в польской общественной мысли¹⁰⁵. В. Л. Панейко, высказывая общее настроение западноукраинской интеллигенции, призывал к «ежедневному, мелкому, органическому труду», который должен стать основой стабильного прогресса Галиции, в частности развития национальных культур [751, с. 448].

Государственный аппарат Австро-Венгерской империи, как и Российской, во всех его звеньях (за исключением системы образования) пребывал вне влияния позитивистов. Польские позитивисты выступали против прямого вмешательства государства во все, в т. ч. в экономическую, сферы обществен-

---

104 Дискуссия между «молодыми» («поступовцами») и «консерваторами» («реалистами»), как подчёркивал приват-доцент Львовского университета Я. Охорович, велась за «настоящий» позитивизм [1087, s. 85]. Она наиболее ярко представлена в варшавской прессе. Варшавские журналы активно читались и интеллигенцией Восточной Галиции. Поэтому в некоторых случаях будут приводиться мысли А. Свентоховского, Э. Ожешковой, Б. Пруса и других представителей варшавского позитивизма, ставшие общепринятыми установками для польских позитивистов всех трёх государств, в состав которых входили в 1795–1918 гг. польские земли. Деление позитивизма в Галиции на два течения подобно варшавскому не было так ярко выражено.

105 В научной литературе группу вокруг А. Г. Барвинского называют «русскими станчиками». По мнению И. П. Чорновола, концепцию «органического труда» А. Г. Барвинского можно свести к таким лозунгам: «семья, церковь, рационализм, предприимчивость, частная собственность, национальная солидарность» [1868, s. 218].

ной жизни. Решение проблем польского общества они видели и в работе общественных организаций разных форм. Поэтому организовывались разного рода ассоциации: кооперативные, научные и благотворительные общества, страховые и акционерные кампании [1287, с. 88–91; 1540, с. 39–40].

Планы польских позитивистов об ассоциациях были похожи на высказанную в популярном романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и в статьях Д. И. Писарева [780, с. 26; 781, с. 228–230, 273–275] идею создания ремесленных мастерских.

Для поляков, живших на землях Австро-Венгерской империи, были созданы сравнительно благоприятные условия для культурного и научного развития (по оценке А. Л. Погодина [794, с. 96–97]). В подавстрийской Украине важным звеном в осуществлении плана «органического труда» были образование и наука [1098, 1872, нр. 48, s. 381]. В Кракове, в отличие от Варшавы, действовала с 1873 года Академия знаний, членами которой были и львовские учёные. Украинцы не имели высших учебных заведений со своим языком обучения в обеих империях, зато поляки – только в Российской империи. Лишь в 1917 г. организовано в Киеве польский университетский коллигиум [1866, s. 285–312]. В то же время поляки имели более многочисленные, чем украинцы, общественные и частные организации в трёх империях, частично решавшие проблему финансирования общественных наук. И. Я. Франко признавал, что именно «под влиянием польского позитивизма» сформировались как учёные В. Т. Будзиновский и Ю. А. Бачинский [938, с. 87]. С провозглашением «новоэровской политики» западноукраинские историки получили «больше возможности для становления современной украинской историографии, приложившей серьёзные усилия для того, чтобы порвать пута исторического романтизма и выйти на новый уровень исторического исследования, каким тогда считался позитивизм» [1317, с. 280–281]. Украинские учёные Австро-Венгерской империи, в отличие от польских историков, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств (о причинах такой ситуации см. детальнее работы С. Томашевского [893], И. П. Куцога [1430], В. А. Потульницкого [1602]) не смогли создать синтетических трудов евро-

пейского образца (за исключением И. Я. Франко, М. С. Грушевского и ряда представителей его львовской школы).

Позитивистская этика по-новому поставила вопрос о том, что моральность является понятием коллективным, а не делом отдельной личности. Г. Спенсер писал в предисловии к одной из своих книг: «Несходство людей, обусловленное долговременным господством одних классов и долговременным подчинением других, несовместимо с высшим и полным счастьем, которое составляет цель рациональной этики» [859, т. 1, с. VII]. В. В. Розанов вспоминал о 1860-х – начале 1880-х гг. как об эпохе «умственного цинизма» [811, с. 130]. Последнее утверждение нельзя понимать односторонне. Молодежь эпохи «великих» реформ, как правило, поддерживала теорию «разумного эгоизма» Н. Г. Чернышевского, согласно которой интересы общей пользы ставились выше личного эгоизма¹⁰⁶.

Смодернизированная Дж. Ст. Миллем и другими позитивистами этическая теория английского мыслителя И. Бентама стала, по оценке М. М. Ковалевского [574, с. 217], Б. Ф. Егорова [1289], Б. Оляшек [1546, с. 51–53], популярной и в России. Стронники позитивистских идей часто признавали существующие моральные нормы устаревшими. «Нравственные истины, – писал В. В. Лесевич, – уже не могут быть более принимаемы в их ортодоксальной форме» [652, с. 165]. Таким образом, позитивизм способствовал распространению новых моральных норм.

Однако новые этические нормы одобряли не все учёные. Харьковский учёный Ф. А. Зеленогорский их критиковал. Он писал: «Не удивительно, что, оставаясь в пределах исключительно положительной и утилитарной науки и знаний, молодые люди проникаются утилитарными целями в жизни и заглушают в себе стремление к высшим идеалам. То же оскудение стремления к высшим идеалам замечается и в нашем обществе и ещё в большей степени, чем в молодёжи» [483, с. 150].

Утверждение Г. Спенсера о морали как продукте естественноисторической эволюции вызвало резкое отрицание

---

106 Н. Г. Чернышевский писал: «Общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного» [1900, с. 244].

неокантианца Б. А. Кистяковского [1881, с. 113]. Последний раскритиковал утилитарную этику, особенно применение принципов необходимости и полезности к этическим и эстетическим явлениям [1881, с. 122–123].

По-новому польские публицисты и общественные деятели подходили и к женскому вопросу. Б. Калицкий поддерживал взгляд Дж. Ст. Милля относительно расширения участия женщин в общественной жизни [1042, s. 190]. В статье о двух известных женщинах пястовской эпохи (княгине Дубравке и святой Кинге) учёный сделал вывод, что эти «женщины имели большое серьёзное влияние на судьбу целого народа, ибо из их рук не раз принимал народ польский свою нравственную устремленность», и они способны были «полностью изменить целую общественную и политическую жизнь народа» [1040, s. 373]. Жизнь молодых женщин, по убеждению Т. Р. Рьльского [1106, s. 66] и польских позитивистов [1814, s. 54], не должна ограничиваться только семейными делами.

Польские позитивисты разработали основы социальной (национальной по форме) педагогики [1540, с. 41; 1814, s. 408–409, 523]. Они последовательно придерживались принципа необходимости образования (в частности высшего) для всех сословий и обоих полов [1287, с. 103]. Эти передовые идеи не соответствовали взглядам О. Конта, считавшего, в отличие от других творцов позитивизма, высшее образование ненужным для женщин.

Подобные идеям Дж. Ст. Милля и Г. Т. Бокля рассуждения о необходимости доступа женщин к высшему образованию и науке и привлечения их к общественной деятельности (с ссылкой на труды известных позитивистов) высказывались и в общероссийской периодике, правда в меньшем количестве [466; 616 и др.].

Позитивисты подросийской Украины также признавали важность женского образования и поддерживали идею равноправия женщин и мужчин. Они брали активное участие в создании и работе Высших женских курсов в Киеве (В. С. Иконников и Ф. Я. Фортинский), в Харькове (Д. И. Багалей) [1365, с. 18, 58–59 и др.; 1178, с. 97]¹⁰⁷. А. Я. Ефименко

---

107 В этом их поддерживали жёны. А. Л. Иконникова, например, считала возникновение женских обществ взаимопомощи запросом вре-

возглавляла Харьковское общество взаимопомощи трудящихся женщин [744, с. 7]. Общеизвестна большая роль университетской профессуры в создании и работе воскресных школ, обществ грамотности, публичных библиотек, архивов и музеев. М. М. Ковалевский активно выступал за расширение избирательных и других прав женщин, их доступ к высшему образованию, назначение их на административные должности «от службы в земском управлении и оканчивая исполнением обязанности депутата» [1896, № 94, с. 1–2].

Просветительский характер деятельности обуславливалась и либеральными убеждениями значительной части интеллигенции. Особенно активно либеральные идеи наряду с доктриной позитивизма воспринимала молодёжь. Б. С. Познанский вспоминал о своей студенческой молодости 1860-х годов: «Молодёжь того времени почти поголовно составляла передовую, либеральную часть общества» [796, № 2, с. 16]¹⁰⁸. Характерным признаком интеллектуального поведения преимущественного большинства последователей позитивизма указанного времени было активное участие в общественно-политическом движении (Киевская и другие громады, Киш, Просвита и разные культурнические организации, земства, городские думы, центристские и левые партии и т. п.)¹⁰⁹.

мени, сама активно участвовала в них и призывала других женщин [132, л. 1 и след.; 130, л. 5]. После открытия при участии В. С. Иконникова Высших женских курсов в Киеве его жена Алина Леопольдовна, выступавшая за «равноправие, в особенности в области знания и просвещения» [130, л. 8], «превратилась в настоящую студентку, усердно посещая лекции, составляя записки и конспекты и т. д.» [130, л. 5].

108 Позитивизм среди молодых поляков, живших в составе трёх империй, воспринимался прежде всего как молодёжное движение. Э. Ожешкова позже вспоминала в письме к Э. Бохвичу от 9 (22) апреля 1909 года о позитивизме как «взятой из общего заблуждения ошибку молодого разума» [1091, s. 179].

109 Роль Одесской громады в формировании его либеральных убеждений Д. Н. Овсяннико-Куликовский оценивал так: «Громада была для меня школою политического воспитания» [738, с. 321]. М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий и А. С. Вязигин были депутатами Государственной Думы, Д. И. Багалей – членом Государственного совета Российской империи. И. В. Лучицкий долгое время был гласным Золотоношского уездного земства, а потом Полтавского губернского земства.

Оправдывался афоризм английского учёного Э. Фримана: «История есть политика прошлого, а политика есть история настоящего» [946, с. 32]. Общественно-политическую актуальность истории признавали все историки-позитивисты.

Передовые идеи активно усваивались в гимназиях и университетах, где часть преподавателей пыталась пропагандировать новую доктрину позитивизма. По воспоминаниям Елены Пчилки (Е. П. Косач) её брат М. П. Драгоманов «ещё в гимназии...достаточно основательно познакомился с позитивными науками» [1876, с. 551]. Профессор Киевского университета П. В. Павлов оказал своей личностью и высказанными им идеями глубокое влияние на формирование взглядов многих студентов 1860-х годов (среди них: В. Б. Антонович, В. С. Иконников, И. В. Лашнюков, А. В. Романович-Славатинский)¹¹⁰.

---

110 А. В. Романович-Славатинский объяснял свою высокую оценку педагогической деятельности П. В. Павлова тем, что «во время всеобщей болезни молчания [курсив автора – Б. Е.] он имел гражданское мужество говорить свободное слово» [814, кн. 2, с. 620]. А. В. Романович-Славатинский вспоминал, что большинство знаний по философии истории (вопросы всемирной цивилизации и причинности общественного процесса) было получено им из курса русской истории П. В. Павлова [814, кн. 2, с. 620]. Именно преподавательская деятельность П. В. Павлова положила начало более активному распространению идей позитивизма среди студентов Киевского университета. Общение с П. В. Павловым, взгляды которого были симбиозом старых и новых идей, способствовало окончательному формированию взглядов его студента В. Б. Антоновича как позитивистских. Наша точка зрения не противоречит утверждению В. И. Ульяновского. По его мнению, В. Б. Антонович был «родоначальником позитивизма в украинской историографии» [1716, с. 56]. Между тем сам В. Б. Антонович называл осноположником украинской позитивистской историографии М. А. Максимовича, относя к его заслугам «введение положительного метода, создание нового течения в изучении местной истории» [95, л. 1а]. Последний в комментарии к одному из своих трудов достаточно осторожно писал о последствиях соединения методологических принципов философии с её «строительным систематизмом» и новыми идеями [1890, т. 1, с. 89]. С нашей точки зрения, предпозитивист М. А. Максимович, учитывая его биологическое образование, заинтересованность эволюционной теорией, постоянное отстаивание в публичных дискуссиях принципа документального подтверждения исторических фактов достоверными источниками, был лучше подготовлен воспринимать доктрину позитивизма, чем другие романтики, однако так её полностью и не усвоил.

Именно под влиянием профессора Д. И. Каченовского и других преподавателей Харьковского императорского университета студенты юридического факультета (среди них М. М. Ковалевский, А. Н. Стоянов [413, № 2, с. 570; 551, с. 29 и др.; 864, с. 12]¹¹¹) становились сторонниками идей О. Конта¹¹². Д. И. Каченовский подчёркивал, что новая, позитивная философия «вышла непосредственно из требований жизни, была подготовлена предшествующими событиями и явилась естественным, необходимым орудием гражданского прогресса» [524, с. 104]. Он цитировал труды О. Конта (с некоторой критикой «Курса позитивной философии»), Дж. Ст. Милля. В лекциях Д. И. Каченовского пропагандировались не только идеи О. Конта и Дж. Ст. Милля, но и общелиберальные идеи (критическое отношение к российскому самодержавию, идеи расширения избирательного права и местного самоуправления, конституционной монархии подобно английской), чётко прослеживались антипатия к немецкой метафизике и симпатия к украинофильству [525, с. 34, 40–41, 49–51, 56–59, 68–71; 551, с. 24–25, 27–30; 982, с. 10 и др.].

Распространение позитивистского историописания совпало по времени с реорганизацией научных исследований. Особенностью этого периода было активное издание исторических источников не только отдельными историками или аматорами, а специализированными научными учреждениями: Киевской комиссией для рассмотрения древних актов (1843–1921 гг.), которой было издано 69 сборников документов, из них 37 то-

---

111 Характерно признание М. М. Ковалевского о выборе юридического, а не историко-филологического факультета Харьковского университета: «Истории в это время легче было научиться на юридическом факультете, где тон преподавания давал незабвенный Дмитрий Иванович Каченовский... Его эрудиция была обширна и основательна, изложение талантливо и красноречиво. В России я не слыхал лучшего профессора» [556, с. 64]. М. М. Ковалевский вспоминал о Д. И. Каченовском: «Его разговоры столь же поучительны, как и его лекции» [551, с. 24].

112 В. Т. Зонов отметил роль Д. И. Каченовского в распространении новых идей: «Его симпатии к позитивизму очевидны. Своими трудами он в известной степени подготавливал научные круги России для широкого восприятия идей О. Конта, Д. С. Милля и других основоположников позитивизма» [1326, с. 138].

мов «Архива Юго-Западной России», Научным обществом им. Шевченко (г. Львов, организовано как Литературное общество в 1873 году), издававшим серию «Жерела до історії України-Руси» и другие сборники документов и т. п.¹¹³.

Кроме того, изменяется сама подготовка историков. Введённая во всех университетах в 1870-х – 1880-х годах система семинарских занятий повысила профессиональность исторического образования¹¹⁴.

Ряд семинаров (В. Б. Антоновича и М. В. Довнар-Запольского в Киевском университете, О. Бальцера и М. С. Грушевского во Львовском университете и др.) способствовали становлению научных школ этих учёных.

Научные школы в историографии стали в последнее время предметом серьёзного исследования И. В. Вербы и О. В. Юрковой [1215–1216, 1757], С. Г. Водотыки [1228–1229 и др.], А. И. Кияна [1373], Г. И. Мерникова [1490–1491], С. И. Михальченко [1500–1502; 1504], Г. П. Мягкова [1516; 1518], В. П. Педича [1558–1559] и других авторов. Отметим только несколько аспектов темы преимущественно на примере Киевской школы историков-документалистов. В лекционных курсах В. Б. Антонович поднимал разные вопросы философии истории, антропологии и т. д. [828, т. 1, с. 375; 1646, с. 172–173; 86, к. 1–23; опубл. 973]. Учёный иногда сам участвовал в поисках необходимых материалов для научных исследований своих учеников [1646, с. 173]. Профессор постоянно направлял их научную

---

113 Кроме вышеуказанных, другие учреждения, занимающиеся в т. ч. и публикацией документов, были созданы в Австро-Венгрии и России: Институт для исследования австрийской истории (Вена, с 1854 г.), Санкт-Петербургская (с 1834 г.), Кавказская (Тифлис) и Виленская (Вильнюс) (обе с 1864 г.) археографические комиссии.

114 Система семинарских занятий впервые была организована в Германии (Л. фон Ранке в Берлинском университете с 1833 г.). Популяризации этой системы в университетах России и Австро-Венгрии не в последнюю очередь способствовали стажировки молодых учёных из разных стран в немецких университетах. Как писал М. Серейский, «к немецким университетам обращались как к Мекке адепты истории из разных стран» [1849, s. 14]. Среди них были, например, Г. Моно и Э. Лависс из Франции, Дж. Банкрофт из США [1849, s. 14]. Позже в 1870 г. именно Г. Моно ввёл семинарские занятия в Парижской школе хартий [1517, с. 45 прим. 19].

работу: давал консультации и советы, собственные книги и архивные выписки [828, т. 1, с. 393–394]; писал своим ученикам расписки, согласно которым они могли брать книги в университетской библиотеке под его личную ответственность [828, т. 1, с. 387]. Наибольшую роль в становлении студентов В. Б. Антоновича как будущих учёных сыграла непосредственная передача мыслей и идей учителя путём общения с учениками – лекции, семинары, обычные беседы со студентами и диссертантами, а также письма, в которых профессор давал советы относительно научных исследований¹¹⁵. Кроме передачи и распространения знаний от учителя к ученику, происходит обучение умения работы с научной литературой и источниками, а также принятие определённых «правил игры»¹¹⁶, в т. ч. норм профессионального и социального поведения.

Конечно, В. Б. Антонович ещё и опосредованно влиял на своих студентов – благодаря собственным научным трудам¹¹⁷.

---

115 Тесные взаимоотношения между В. Б. Антоновичем и его студентами переросли в многолетнюю дружбу и научное сотрудничество. Можно говорить об определённом родстве ментальности и культуры учителя и учеников, несмотря на отдельные личные конфликты и отличия в характерах и взглядах. На защите магистерской диссертации М. С. Грушевского В. Б. Антонович выступил с такими словами: «Мы с Вами вместе работали, вместе искали научной правды, когда ошибались то тоже вместе. Мы с Вами – люди одних взглядов, одних научных выводов, поэтому и оппонировать Вам я по самой сути ...не могу» [672, с. 183]. Д. И. Багaley в одном из писем к В. Б. Антоновичу высоко оценивал его роль в своей жизни: «Вам я обязан своим нынешним положением [В. Б. Антонович рекомендовал Д. И. Багалея на кафедру русской истории Харьковского императорского университета – Б. Е.], которое составляет величайшее благо моей жизни. Вы внушили любовь к науке русской истории. Вы руководили моим чтением. Ваша библиотека была как бы моею собственною библиотекою. Вы сделали из меня библиомана» [699, с. 125].

116 Известно, как негативно В. Б. Антонович и его окружение отреагировали на публикацию разгромной рецензии И. А. Линниченко на компилятивную магистерскую диссертацию Д. И. Багалея. Однако в фактической научной изоляции от школы оказался не виновник Д. И. Багaley, а другой ученик В. Б. Антоновича – И. А. Линниченко [об обстоятельствах этой научной истории см. детальнее статью А. П. Толочко: 1709].

117 М. С. Грушевский подчёркивал склонность своего учителя к теоретическим вопросам: «Историк-философ с большой, даже чрезмерной

Именно педагогическая работа учёного в университете помогла ему создать прославленную научную школу¹¹⁸.

Киевская документальная школа не имела собственного научного журнала. Чаще всего её представители печатались в «Университетских известиях» и «Киевской старине». В главном университетском журнале, по подсчётам А. И. Кияна, В. Б. Антонович и его ученики напечатали около 50 иссле-

---

склонностью к синтезу и схематизации» [369, с. 6]. Между тем существует и другая точка зрения. Анализ лекционных курсов В. Б. Антоновича привёл А. И. Кияна к выводу, что «их сильной стороной является чёткий фактографизм, детализированная историческая информационная насыщенность, построенная на критическом изучении свидетельств... его научная добросовестность отождествлялась с безграничной скрупулезностью касательно всякого отдельного дела или факта» [1373, с. 376]. Характеристика А. И. Кияна, на наш взгляд, более созвучна нашей оценке фактографического стиля научного наследия В. Б. Антоновича.

118 Попутно отметим, что сам В. Б. Антонович свободно трактовал эту важную науковедческую категорию. Известно, что В. Б. Антонович выступил против оценки польским историком Т. Корзоном журнала «Киевская старина» как научной школы: «Единственная цель и задача нашего журнала состоит в том, чтобы, по мере возможности, разъяснить историю южной Руси и собрать для этой цели возможно больший научный материал. Особой тенденции, предвзятой а priori, особых рамок для разработки материала в том или другом направлении, особых обязательных взглядов на те или другие исторические события редакция никогда не имела и не высказывала» [207, с. 165]. А в письме к Н. И. Костомарову В. Б. Антонович, подчёркивая преемственность и подобность своих взглядов с федералистической теорией, относит себя к ученикам Н. И. Костомарова [90, л. 1 об.]. Интересная саморефлексия автора – в обычном понимании он был учеником Н. Д. Иванишева, а не Н. И. Костомарова. Речь шла, очевидно, только о близости взглядов на исторический процесс. В. Б. Антонович воспринял некоторые идеи Н. И. Костомарова (вечного устройства древней Руси, в целом негативное отношение к католицизму и норманской теории и т. п.). Ещё С. Т. Томашевский правильно подметил, что «методические стороны Антоновичевых исследований значительно отличны от Костомарова. У этого последнего решительное преимущество описывания (дескриптивный метод), любование т. ск. историческими эффектами, драматизирование рассказа, чрезмерное доверие к источникам и недостаток их анализа, переоценивание индивидуальностей, богатая фантазия в репродукции, поверхностная историческая обсервация и т. д. Вместо того у Антоновича выступает общее углубление предмета, значительно больше критики и анализа, объективизм, широкое понимание общественной жизни, а прежде всего освещение новых сторон и форм исторического процесса» [891, кн. 3, с. 482–483].

дований, а в «Киевской старине» – около 300 разноплановых очерков, статей, сообщений, рецензий и др. [1373, с. 429–430].

Контакты в системе «научных школ» и «невидимых колледжей» и в таком микронаучном социуме, как семья, были, как правило, благоприятными для научного творчества исто-

Киевский университет св. Владимира

риков, способствовали повышению профессиональности исследований, распространению стандартов позитивистского историописания. Большинство учёных исследуемого времени были сторонниками нового учения или

по меньшей мере частично принимали позитивистские нормы историописания. Все эти учёные жили в одних и тех же городах, часто общались между собой и работали в одних и тех же учебных, научных и общественных учреждениях, придерживались в преимущественном своём большинстве подобных позитивистских теоретико-методологических взглядов.

Повышению уровня подготовки учёных способствовала и практика зарубежных научных командировок. В России они полностью возобновились после принятия университетского устава 1863 г. и Особых правил Министерства народного просвещения 1867 г. Перспективные выпускники университетов (среди них П. Н. Ардашев, А. Г. Брикнер, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. П. Драгоманов, Н. И. Зибер, М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, В. К. Пискорский, Ф. Я. Фортинский [1543, с. 28; 1604, с. 280–294; 1674; 1679 и др.]) направлялись Министерством народного просвещения Российской империи на стажировку в европейские университеты (как правило – Германии и Франции)¹¹⁹. После окончания стажировки учёные по-

119 Финансирование зарубежных научных командировок происходило прежде всего как за счёт министерства (в размере «доцентского содержания», что составляло 1500–1600 руб. на год в 1870-х – 1890-х го-

давали отчёты, которые печатались в «Журнале Министерства народного просвещения» или в периодических изданиях своих университетов [см., например, отчёты И. В. Лучицкого: 676; 682]. Кроме того, деканы историко-филологических факультетов отчитывались о стажировке или научных командировках (заграничных или в пределах страны) сотрудников [43–44].

М. Н. Петров, А. В. Романович-Славатинский, М. П. Драгоманов проходили стажировку у основателя документализма в европейской историографии профессора Берлинского университета Леопольда фон Ранке и (или) в семинарах И. Г. Дройзена, Т. Моммзена, других известных немецких учёных [291–292; 767; 1679, с. 7 и др.]. Афоризм Л. фон Ранке «Изучать прошлое, как оно было на самом деле» («Wie es eigentlich gewesen» [1099, s. VII]) имел большой успех у трёх поколений европейских¹²⁰ историков [1770, р. 5]. На своих знаменитых семинарах, которые посещали молодые учёные со всей Европы и Российской империи, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук Л. фон Ранке показывал блестящий пример работы с письменными источниками [1664]¹²¹. Под руководством Г. Вайца¹²² проходил научную стажировку и будущий ректор Киевского университета Ф. Я. Фортинский, который, кроме того, ещё стажировался в Париже [915–916; 918].

В. К. Пискорский прослушал в 1896 г. в *École des hautes études* (Париж) лекции общепризнанного теоретика

дах), так и за счёт доплат из специального фонда университета (не более 400 руб. в год) [70, л. 322 об.–323 об.; 72, л. 128 об.].

120 О восприятии этого афоризма польскими историками см. работу А. Ф. Грабского [1791, s. 295].

121 На адъюнкта Харьковского университета М. Н. Петрова оказали яркое впечатление лекции по немецкой истории Л. фон Ранке: «Рассказ его мог бы служить образцом исторического преподавания. Профессор до такой степени близко знаком, проникнут своим предметом и принимает в нём такое душевное участие, что, слушая его, можно подумать, что повествователь сам был не только свидетелем, но и участником рассказываемых событий, и коротко, лично знал всех участвовавших в них деятелей» [767, с. 17]. С характеристикой М. Н. Петрова совпадают оценки Л. фон Ранке, данные А. Г. Брикнером [277] и В. П. Бузескулом [292].

122 Ф. Я. Фортинский вспоминал, что Г. Вайц определял главной целью научных исследований установление достоверных фактов с ссылкой на источники [916, № 3, с. 67].

методики источниковедения профессора Сорбонны Ш. В. Ланглуа [1539, с. 23].

После учёбы в Берлинском (у Г. Зиммеля) и Страсбургском университетах один из немногих неокантианцев подросийской Украины Б. А. Кистяковский почти ежегодно посещал Германию, где общался с руководителем своей диссертации В. Виндельбандом, а также с Г. Риккертом и М. Вебером [1726, с. 94–95].

Кроме повышения общего профессионального уровня своего образования, стажёры непосредственно познакомились с европейскими либеральными порядками и новейшими идеями. М. М. Ковалевский писал о позитивном влиянии пребывания в Западной Европе на мировоззрение учёных Российской империи: «Европейская мысль предлагала новые решения; вернувшиеся из двухлетних, а то многолетних официальных командировок или добровольных странствий на Западе, молодые профессора и преподаватели приступали к чтениям [лекций] с совершенно новыми заданиями, посеянными в них близким знакомством с европейской наукой и жизнью» [541, с. 427].

Учёные Австро-Венгрии также учились или стажировались за границей. Будущий польский историк С. Смолька в последнем классе львовской гимназии посещал как вольный слушатель университетские лекции К. Лиске. В 1871–1874 гг. С. Смолька учился в Геттингенском университете, где под научным руководством Г. Вайца получил докторат в 1873 году [1783, s. 119].

Преподаватели Львовского университета также осуществляли постоянные научные командировки за границу. На протяжении 1892–1905 гг. В. Абрахам, например, осуществил по разрешению министра образования Австро-Венгерской империи при соответствующем государственном финансировании ряд научных командировок в Италию (Рим), Германию (Берлин, Вроцлав, Гнезно, Познань) [88]. В 1883–1884 гг. ученики профессора К. Лиске (оба – будущие ректоры Львовского университета) пребывали в научной командировке в европейских университетах: Л. Финкель слушал лекции в Берлине и Париже [1783, s. 64–65], О. Бальцер – в Берлине (у И. Дройзена) [1783, s. 44].

Значительное влияние на развитие польской позитивистской историографии имели труды польских социологов, в первую очередь профессора Венского университета Л. Гумпловича [детальнее: 1775; 1780, s. 443–455], и личное общение с ними. Л. Гумплович в письмах из Вены к профессору Львовского университета Т. Войцеховскому, с которым подружился ещё в период учёбы в Краковской гимназии св. Анны [1780, s. 15], детально объяснял свои взгляды на исторический процесс [165, k. 52–64]. Закономерно, что ученик Ш. Ашкенази по Львовскому университету В. Дзвонковский, подчёркивая влияние Л. Гумпловича на польскую интеллектуальную элиту, называл его среди основателей социологии наряду с О. Контом и Г. Спенсером [87, k. 3].

Учитывая вышесказанное, не является преувеличением оценка Л. И. Мечниковым 1860-х – 1880-х годов как времени «почти невероятных успехов» европеизма в науке [702, с. 333].

Фактически в европейской исторической науке исследуемого времени сосуществовали два влиятельных течения: немецкое, соединявшее идеалистический подход к философии истории с позитивистскими принципами методики исследования исторического процесса¹²³ и классический англо-французский позитивизм с его дуализмом в объяснении общественных явлений. Руководящие идеи обоих течений присутствовали в творчестве учёных Украины 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв., больше всего проявляясь в стиле мышления, использовании общепринятых в исследуемое время категорий и частично в содержании научных трудов.

В России десятилетний запрет императором Николаем I преподавания философии в университетах способствовал сохранению научных традиций и кадров гегельянцев в духовных ака-

---

123 Методика польских историков, по оценке Е. Матерницкого, пребывала под существенным влиянием немецкой историографии. Высказывая это мнение [1821, s. 123], польский историограф не соглашается с утверждением А. Шелонговского о том, что польские учёные «были и являются до этого дня в прихожей немецкой науки» [1129, s. IX]. Наше положение не противоречит утверждению Е. Матерницкого о близких научных контактах польских учёных с учёными Германии, Франции, Италии [1821, s. 119].

демиях. Особенности конфессионального общения церковного сообщества обусловили особый статус богословско-академической философии. Преподавательские корпорации духовных академий и богословских кафедр университетов в период доминирования позитивизма в обществоведении 1860-х – 1880-х гг. стали организованным форпостом борьбы против крамольных, по мнению богословов, социологических идей. Даже известного главу немецкой идеалистической философии И. Канта преподаватели и выпускники Киевской духовной академии крити-

ковали за деизм [1355, с. 83–84]. Взгляды Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, Г. Т. Бокля, позже Э. Маха воспринимались служителями церкви именно как атеистические, хотя они не были такими.

Киевская старина

Преподаватели Киевской духовной академии, кафедр богословия и истории церкви классических университетов подросийской Украины придерживались в основном старых принципов историописания. В частности исторические явления они объясняли божьим промыслом. Профессор Харьковского университета А. С. Лебедев в лекциях по истории церкви рассматривал возникновение христианства («единственной истинной религии» [642, с. 39])

как типичный исторический факт, имевший «корни во всём предшествовавшем развитии человечества» [642, с. 1]. При этом он называл этот факт явлением «божественного происхождения» [642, с. 1].

Е. Н. Трубецкой в лекциях по истории политических учений в Киевском университете детально критиковал О. Конта за поиск исторических законов, «искусственную религию», призыв основателя социологии к «радикальному переустройству общества» путём «господства положительной философии над обществом» [18, л. 10–10 об.]. Для Е. Н. Трубецкого эти идеи были

полностью неприемлемыми, поскольку, по его убеждению, «в жизни...господствуют верования, религиозные и метафизические начала [подчёркнуто автором – Б. Е.]» [18, л. 10 об.]. Он также раскритиковал призывы и практическую деятельность Дж. Ст. Милля по предоставлению женщинам равных с мужчинами гражданских и политических прав: «Это равенство не более как идеальное требование, лишённое опоры в мире реальном [подчёркнуто автором – Б. Е.]» [18, л. 11 об.].

Философы, работавшие в Киевской духовной академии и на кафедрах богословия классических университетов подросийской Украины, в большинстве случаев резко критиковали новейшие идеи и поэтому воспринимались частью студенчества как схоласты [418, с. 296 и др.]. Показательно, что именно из выпускников семинарий и духовных академий вышло много известных революционеров [418, с. 24, 296, 474, 489, 698; 1217, с. 44–45, 51, 67, 83, 98, 110–112, 117, 123, 147, 156, 181, 203 и др.].

Сравнение программ по истории философии и другим предметам, преподававшихся во второй половине XIX – в начале XX вв. в двух высших учебных заведениях Киева – Киевском университете [65, л. 26–29, 35–36] и Киевской духовной академии [4–6], свидетельствует об отсутствии имён О. Конта, Г. Спенсера и других мыслителей позитивистского направления в учебных планах богословов. Однако идеи позитивизма были известны студенчеству семинарий и Киевской духовной академии¹²⁴. Трудам фундаторов позитивизма посвящено несколько выпускных трудов студентов Киевской духовной академии [148–149; 151; 153], что свидетельствовало, в частности, об интересе будущих священников к этой доктрине. Некоторые студенты довольно объективно характеризовали главные идеи О. Конта [150, л. 39–47] и Г. Спенсера [149, л. 1–3; 150, л. 48–51]. Единичные негативные оценки позитивизма в студенческих сочинениях были связаны большей частью с антихристианскими убеждениями О. Конта и Г. Спенсера [148, л. 1, 70–71 об.; 151, л. 16–17, 49–54, 121–256; 153]. Например, студент А. Кустов в курсовом исследовании, анализируя жизнь отдельных общин

---

124 Студенты Киевской духовной академии, например, могли читать в академической библиотеке книги основателей и многих последователей позитивизма, марксизма и неокантианства [829].

последователей О. Конта во Франции, Англии, США, Швеции, Испании, Турции, Бразилии, сделал вывод о вредности контовской религии для человечества [151, л. 16–17].

Процессу институционализации позитивистской социологии как научной и учебной дисциплины не способствовало негативное отношение и части университетской интеллигенции, в основном старой, воспитанной в гегелевском духе профессуры к новой гуманитарной науке, которое колебалось, как правило, от недостаточного понимания к жёсткой критике [1670, с. 20]. Старая профессура недоверчиво относилась к позитивизму, поскольку вторжение позитивистских идей в историческую науку означало разрушение её представлений о задачах, методах, проблематике историографии [1507, с. 114].

В последней четверти XIX в. в России курсы, посвящённые новейшим теориям и дисциплинам, часто преподавались неофициально, за пределами учебной программы. Домашние лекции профессоров были обычной практикой того времени. Н. И. Зибер читал лекции студентам Киевского университета об экономическом учении К. Маркса на квартире М. П. Драгоманова [1301, с. 222].

Между тем сам М. П. Драгоманов во вступительной лекции по истории Древнего Востока в Киевском университете, постоянно цитируя Г. Т. Бокля и О. Конта, изложил главные основы теории исторического процесса в соответствии с доктриной «первого» позитивизма [110, л. 1–6]. В частности он называл достижением 1860-х гг. попытки учёных «поднять историю» до уровня «положительной науки» [110, л. 10б.].

Ряд лекционных курсов, в т. ч. по антропологии, исторической топографии и философии истории, были прочитаны вне университетских аудиторий В. Б. Антоновичем [1373, с. 388–390]. И. В. Луцицкий стал первым из учёных России, который в 1877 г. у себя дома прочитал студентам Киевского университета курс об учении О. Конта и Г. Спенсера [876, с. 53]. Только в 1897/98 учебному году ему разрешено прочитать цикл публичных лекций по истории социологии в главном корпусе Киевского университета св. Владимира [139, л. 1]. В программе лекционного курса по новой истории, который И. В. Луцицкий много лет читал студентам Киевского университета, неодно-

кратно указываются имена О. Конта и его последователей, комментируются их идеи [65, л. 26–29].

В начале XX в. в подросийской Украине социология начала преподаваться как необязательный спецкурс в Харьковском университете и на Высших женских курсах в Одессе [971]. В лекциях по истории философии права в Харьковском университете А. Н. Фатеев популяризовал теорию позитивизма, эволюционную доктрину Г. Спенсера и утилитарную этику [1891, с. 58–59]. Кроме социологии, Е. Н. Щепкин читал лекции по философии истории, методологии истории [1543, с. 455]. В других городах Российской империи в это время социологию разрешили преподавать в университете и политехническом институте в Санкт-Петербурге и в Варшавском университете [1670, с. 22].

Группа учёных Российской империи во главе с И. И. Мечниковым и М. М. Ковалевским в Париже создала институцию, в которой преподавались социология, история и другие общественные дисциплины, – Русскую высшую школу общественных наук (1901–1905 гг.) [542]. Определяя задачи школы, М. М. Ковалевский среди прочих выделял необходимость предложить молодёжи из России учиться не только в немецких университетах¹²⁵ и овладевать позитивистской социологией¹²⁶. К тому же М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, А. С. Трачевский активно участвовали в издании основанного в 1893 г. Р. Вормсом «*Revue Internationale de Sociologie*» [490, с. 34].

Таким образом, социология не была достаточно интегрирована в систему образования России. Лишь в ряде российских высших учебных заведениях в начале XX в. читались спецкурсы по социологии. Чаще позитивистские идеи пропагандировались на частных курсах по методологии истории, антропологии,

---

125 По убеждению М. М. Ковалевского социологию лучше отправляться изучать «в ту страну, где она возникла, и в тот город, который по числу и разнообразию его высших образовательных учреждений представляет богатейший выбор преподавателей по общественным и философским наукам» [цит. по: 1738, с. 391].

126 М. М. Ковалевский подчёркивал, что большинство из основателей школы «примыкают к позитивной философии Огюста Конта и её широкому толкованию Ренаном, Тэном, Э. Литтре» [цит. по: 1738, с. 391].

историографии и истории политико-экономических учений. В это время социология в России также не была представлена специализированными научными организациями (кроме финансирувавшихся частным образом Психоневрологического института, Русской высшей школы общественных наук)¹²⁷.

В высших учебных заведениях на Западной Украине положение с преподаванием позитивистской социологии было немного лучшим. Ряд учёных Львовского университета, придерживавшихся модернизированного позитивизма, активно популяризировали его в своих лекциях. Цикл частных лекций по методологии истории Т. Войцеховского 1880-х годов [1138], отдельный большой курс по социологии (В. Пилат, В. Лясота) [1094] и небольшой спецкурс по методологии истории Я. Птасьника [167] содержали развернутую характеристику идей позитивизма. В Черновицком университете курс по социологии читал в 1920–1931 гг. приват-доцент Т. Брэилеану, издавший пособие по истории теоретической социологии [997].

Важным маркером принятия новейших идей было отношение к материализму. Как правило, учёные, не принимавшие позитивизм, не одобряли и материалистические идеи в любой форме.

Чрезвычайная критичность в оценке идей материализма была присуща историкам старшего поколения и богословам. Эта тенденция была характерной для общественной мысли как подросийской, так и подавстрийской Украины. В «Философских размышлениях» (1849 г.) Г. Шмитт отмечал, что спиритуализм и материализм не могут объяснить полностью общественных явлений [166, к. 21]. Н. И. Костомаров был уверен, что «народ с омерзением отвернётся от их [материалистов – Б. Е.] учения»

---

127 Первая в России научная организация социологов (общество им. М. М. Ковалевского во главе с президентом А. С. Лаппо-Данилевским) была основана только в 1916 г. Хотя научные общества социологического профиля в ведущих европейских странах были основаны раньше: во Франции – Позитивистское общество (1872 г.), в Англии – Лондонское социологическое общество (1903 г.), в США – Американское социологическое общество (1905 г.), в Германии – Немецкое социологическое общество (1909 г.) [1550, с. 182].

[610, с. 2]. Также он критиковал материалистов за непонимание ними души [605, с. 71]. Преподаватель логики и психологии, протоиерей университетской церкви Харьковского университета, антипозитивист В. И. Добротворский называл материализм и спиритуализм «крайностями» [421, с. 49].

Материализм (в 1860-х – 1870-х гг. преимущественно в форме «вульгарного») активно пропагандировался на страницах некоторых журналов России известными публицистами, в частности Д. И. Писаревым. Другой кумир молодёжи 1860-х – 1870-х годов П. Л. Лавров утверждал, что материализм «принимается без борьбы вследствие слабости всех прочих теорий» [629, с. 463]. Некоторые учёные пытались придерживаться материалистического объяснения исторических событий. Вслед за Г. Т. Боклем о первенстве материальных элементов над духовными писал А. И. Стронин [866, с. 70].

Зато теологи из Черновицкого университета критически относились к материализму и позитивизму (последний воспринимался как разновидность материализма) [994].

Тем временем большинство позитивистов Украины считало, что не принадлежат ни к одному из двух основных течений философии: не к материалистам, не к идеалистам. Основатель Харьковской историко-юридической школы Д. И. Каченовский обвинял материалистов и идеалистов в перекручивании фактов [525, с. 58], выступив против крайностей материализма и идеализма [525, с. 57–58]. Профессор критиковал прежнюю моду на немецкую философию Г. В. Ф. Гегеля и тогдашнее обожествление материализма («материи и силы»), считая ненужным создавать себе кумиров [525, с. 59]. Киевский исследователь В. Г. Авсеенко сформулировал кредо сторонников новых идей таким образом: «Мы не разделяем ни заблуждений материалистов, не крайних увлечений ультраидеалистов» [189, т. 148, № 5, с. 3–4].

Выпускник Киевского университета и ученик И. В. Луцицкого Д. М. Петрушевский в типично позитивистском духе писал, что «спор между историческим идеализмом и историческим или экономическим материализмом... не более как спор между двумя... метафизическими системами так называемой „философии истории“» [772, с. 4]. Обе доктрины он

считал «в одинаковой мере ненаучными, не основывающимися на строгом методическом и всестороннем изучении фактов», а борьбу между этими направлениями – «анахронизмом» [772, с. 4].

Мировоззрение преимущественного большинства учёных украинских земель исследуемого времени было осознанно дуалистическое¹²⁸. «Дуализм человеческой природы, – признавал П. Н. Ардашев, – есть краеугольный камень новейшей философии» [144, л. 2]. Такую оценку киевского профессора можно объяснить просто. Уже отмечалось, что в обществе позитивизм воспринимался как разновидность материализма, поскольку некоторые учёные стремились объединить материалистический и идеалистический подходы к объяснению исторических событий. И в данном случае П. Н. Ардашев настаивает на этом. Укажем также, что непризнание элементов материализма мешало бы успешному изучению социально-экономической истории.

Подобное отношение к основному вопросу философии демонстрировали и польские учёные Галиции. В одном из примечаний к напечатанному тексту лекций по социологии В. Пилат предложил избегать даже термина «материализм»: «Избегаем слова „материалистическое“, ибо материализм в философии имеет специальное постоянное значение... будем понимать общественные явления как философские и социологические, не присущие материалистам» [1094, s. 156 uw.].

Позитивизм с его рационализмом и некоторыми материалистическими элементами частично отвечал стихийному материализму, по крайней мере в то время сыграл такую же мировоззренческую роль во многих странах. Естественно, что позитивисты большей частью поддерживали эволюционную теорию Ч. Дарвина. Требования творцов «первого» позитивизма О. Конта и Дж. Ст. Милля только опытным путём достигать научных результатов и полной самостоятельности на-

---

128 Анализируя теоретико-методологические основы творчества Н. Д. Фюстеля де Куланжа, Е. В. Гутнова указывала, что в дуализме позитивистской историографии «со всей очевидностью обнаруживает позитивистский эклектизм..., его враждебность монизму» [1268, с. 259]. Однако преимущественная часть исследователей советского времени признавали позитивистов только идеалистами.

уки от любых внешних влияний противостояли принципам государственной политики, религии, некоторым постулатам идеализма (прежде всего наиболее распространённых гегельянства и кантианства). Рациональные методы познания признавались универсальными, т. е. такими, которые могут быть применены к анализу всех без исключения явлений общественной жизни. Главные постулаты позитивистской теории принимались как новый профессиональный стандарт в научном творчестве, как идеал научности.

Открытия естественных и точных наук, новые технические изобретения оказали большое влияние на развитие техники, культуры, образования, многих наук, в т. ч. гуманитарных. Триумф естественных наук способствовал распространению убеждения в огромнейшем значении науки для решения важных общественных проблем.

Значительный интерес к естественным наукам иногда приводил будущих историков к решению получить негуманитарное образование. В. Б. Антонович, например, по первой специальности был врачом [1290, т. 1, с. 105]. М. И. Туган-Барановский закончил физико-математический факультет Харьковского университета [1726, с. 195]. И. В. Лашнюков пытался поступить в Медико-хирургическую академию в Петербурге [1365, с. 31]. С. Закшевский сначала поступил на математический факультет Ягеллонского университета, а потом перешел на исторический [168, к. 5]. Своё первое решение он объяснял желанием «систематического усвоения науки» [168, к. 5].

Органицизм и эволюционизм были особенно присущи учёным с широкими знаниями в отрасли естествознания и точных наук. Заинтересованность естественными науками способствовало формированию у передовой молодёжи рационального состава мировоззрения. В. Б. Антонович, по наблюдению В. М. Щербаковского, имел «мировоззрение чисто естественнонаучное и на историю», а «простота изложения и точность высказываний была вполне математическая» [86, к. 7; опубл. 973, с. 207].

Типичной чертой интеллектуального поведения учёных исследуемого времени, особенно в 1860-х – 1870-х годах, было увлечение естественными науками. Среди образован-

ных кругов наравне с сочинениями фундаторов позитивизма (О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля) пользовались популярностью труды естествоведов: Ч. Дарвина, И. М. Сеченова, Л. Бюхнера, Я. Молешотта, К. Фохта, идеи которых считались последним словом в науке [979, вып. 7–8, стб. 207, 373–374, 461, 484, 516; 1045, т. 10, s. 1149].

Среди причин широкого распространения доктрины позитивизма киевский учёный Г. И. Челпанов выделял как главную именно успехи естественных наук: «Система Конта... выросла в момент развития точных наук, являлась протестом против метафизических теорий и в этом смысле отвечала общему настроению» [964, с. 248–249; то же: 965, с. 34].

Главную особенность развития науки исследуемого времени В. Г. Авсеенко тоже усматривал «в подавляющем преобладании естественно-исторических наук над всеми прочими отраслями человеческого знания – преобладании, грозящем поглотить со временем весь цикл наук математических, теологических, лингвистических и ограничить всю сферу умственной деятельности науками историческими, политическими и естественными – изучение человека, общества и природы, то есть реальной действительности» [189, т. 148, № 5, с. 2].

На всех украинских землях (особенно в 1860-е – 1880-е годы) наблюдалось параллельно с рецепцией идей «первого» позитивизма активное распространение идей Ч. Дарвина. Кроме того, распространённость «первого» позитивизма вызывала заинтересованность теорией эволюции Ч. Дарвина, и наоборот – эволюционная теория усиливала интерес к позитивизму. Одновременность и успешность распространения обеих теорий была неслучайной в виду общих благоприятных условий для перцепции образованными кругами общества новейших теорий: распространение нигилистических настроений касательно старых идей и ожидание реальных результатов от реформирования общества.

Польские позитивисты в целом благосклонно относились к концепции Ч. Дарвина и эволюционной теории вообще [1069, cz. 1, s. 186], которая способствовала утверждению сциентического взгляда на основы человеческого общества [1814, s. 56–57]. Она получила высокую оценку не только

среди польских, а и среди украинских учёных и публицистов подавстрийской Украины (кроме И. Я. Франко, позитивно оценивали дарвиновскую теорию происхождения человека от человекоподобной обезьяны, например, М. С. Грушевский [381, т. 1, с. 26], И. И. Раковский [806, т. 46, кн. 4, с. 140]).

Другим важным фактором, влиявшим на развитие общественной и научной мысли, был национально-политический фактор. Безгосударственность украинской и польской наций наложила отпечаток на условия эволюции позитивистской парадигмы общественно-политической (в т. ч. исторической) мысли¹²⁹.

На исторические исследования негативно влияли национальные мифы и стереотипы, присущие романтической традиции. Характерно, что польские учёные с сохранённым романтическим мировосприятием считали польской территорией большую часть украинских земель (*kresy wschodnie*), какие, по их убеждению, вследствие исторической несправедливости оказались в составе Российского государства. Ф. Равита-Гавронский возвышенно писал о своих ощущениях во время пребывания в Киеве: «В Киеве, на Украине, вне Украины видим всегда возвышенный дух Польши... История Руси была историей Польши» [1100, s. 202], «Украина была для меня частью польской отчины, частью Речи Посполитой» [1102, s. 6].

В то же время часть польских учёных, в том числе Б. Калицкий, допускала право русинов на национальную самостоятельность и административную обособленность от поляков в Восточной Галиции [1041].

Труды польских позитивистов, в отличие от работ позитивистов подросийской Украины, изобиловали патриотическим пафосом. Львовский историк А. Левицкий, высказывая общее мнение поляков, утверждал: «Раздел Польши был бесправием и несправедливостью» [1063, s. 3].

---

129 Распространение идей позитивизма в других странах с нерешённым национальным вопросам и засилием религии было похожим. В Италии, как отмечал П. Тольятти, «движение к позитивизму было в своём существе движением антиклерикальным» [1710, с. 69]. Как и на Украине и в Италии, позитивизм имел национально-освободительный и антиклерикальный характер в Японии, Бразилии, Мексике, Китае [1200, с. 21].

Позже польские претензии на украинские земли обосновывались более научно, с помощью фактов, а не эмоций. Авторы книги «*W obronie Galicji wschodniej*» (1919 г.), например, постоянно пытались доказать историческое, экономическое, религиозное преимущество поляков в Галиции. Э. Ромер подчёркивал более тесную связь Галицкой Руси с Польшей, чем с Надднепрянской Украиной [1104, s. 10]. Польский народ, по его оценке, является более культурным и более развитым в интеллектуальной и хозяйственной сферах, чем украинский. Поэтому, по его убеждению, нельзя отдавать другие народы «под государственную опеку незначительного большинства [украинцев – Б. Е.]..., которая так мало сделала с точки зрения культуры» [1104, s. 105].

Последовательные позитивисты иначе подходили к решению национального вопроса. Они пытались не использовать межнациональные споры прошлого для решения тогдашних политических вопросов. А. Шелонговский подчёркивал, что поскольку история «познает правду», то историки не должны заниматься «написанием рецепта для нации» [1126, s. 18].

Обосновывая разницу между самоидентификацией, национальностью и гражданством, доцент права Львовского университета С. Старжинский выступил против объявления любым человеком себя представителем определённой нации на основании самопровозглашения или гражданства (например, еврея немцем) без учёта духовной культуры, традиций и обычаев [1119, s. 22, 26].

Преимущественное большинство украинских исследователей из Галиции до 1890-х годов не имело специального исторического образования (за исключением В. С. Ильницкого, И. И. Шараневича, А. Г. Барвинского) и чётко не придерживалось канонов позитивистского историописания [1430, с. 38 и др.]. Их попытки показать украинский народ главным субъектом исторического процесса в Галиции приводили к идеализации образа собственного народа и демонизации образа «чужих», пропаганде негативных стереотипов и предубежденному отношению к другим нациям [1430, с. 38–39]. Национальное самоутверждение за счёт отмежевания от истории других народов было присуще романтическому варианту исто-

риописания. Западноукраинские же мыслители преимущественно с помощью исторических фактов доказывали существование отдельного от поляков народа русинов-украинцев, его исторических прав на собственное политическое и культурное развитие.

Конфронтация между польскими и украинскими учёными¹³⁰, как утверждают Л. А. Зашкильняк [1315, с. 232; 1317, с. 277], М. Яновский [1799, s. 63–93], имела одним из результатов в польской научной литературе преимущественное цитирование западноевропейских авторов сравнительно с украинскими и непринятие украинской общественной и научной мысли.

Однако единичные факты сотрудничества всё же имели место. Студенты-украинцы, в частности, участвовали в научных семинарах польских профессоров Львовского университета. С. Т. Томашевский, С. Л. Рудницкий, Е. И. Барвинский в 1895/1896 учебном году учились в семинаре по всемирной истории профессора Б. Дембинского; Е. И. Барвинский и другие студенты-украинцы участвовали в семинаре по австрийской истории профессора Л. Финкеля; среди прочих семинар по истории права и государственного устройства профессора О. Бальцера окончили С. Т. Томашевский (1898/1899 уч. г.) и Б. А. Барвинский (1901/1902 уч. г.) [1055, t. 1, s. 206, 209; t. 2, s. 317, 318, 514; 1317, с. 286–287]. В работе Исторического общества во Львове участвовали такие украинские учёные: И. Я. Франко, М. С. Грушевский, К. О. Студинский, А. М. Колесса, М. М. Кордуба, Ю. А. Целевич [1640, с. 138].

И. Я. Франко раскритиковал теорию польских учёных и публицистов относительно «превосходства» польской культуры в сравнении с украинской и «цивилизационной миссии» Польши для украинцев [931]. В то же время учёный не идеализировал будущее украинского языка и культуры и в Рос-

---

¹³⁰ Ср. с очень негативной оценкой М. Бобжинским деятельности М. С. Грушевского во Львове. Польский историк писал в воспоминаниях, в частности, о негативном влиянии украинского учёного на студенчество и профессорскую корпорацию университета, что привело к ухудшению отношений между украинцами и поляками [993, s. 302–305].

сийской империи, ибо украинское дело «чужое для великорусской общественности», которая к тому же «также ослеплена своим государственным положением, в делах государственных думает (за исключением немногих, высоких умом и сердцем единиц) так же, как бюрократия» [937, с. 279–280].

Противоречивую связь между национальными интересами и своими общественно-политическими убеждениями признавал в «Автобиографии» Р. Ф. Кайндль. Он писал, что своей деятельностью отстаивал прежде всего интересы прикарпатских немцев, но «сердечно» относился ко всем народам Буковины, особенно к украинцам [1039, с. 173–174].

Сложное отношение к национальной идее демонстрировали и учёные Российской империи. Российские позитивисты отстаивали либерально-реформаторские пути решения социальных проблем (среди них крестьянский и женский вопросы). Одновременно они придерживались официальной великодержавной позиции в решении национального (украинского, польского и т. п.) вопроса. Н.А. Гредескул критиковал сепаратизм в любых проявлениях, поскольку он снижает мощь государства [1873, с. 68]. Имперские амбиции противоречили либеральным лозунгам равноправия и свободы отдельных наций, в т. ч. праву безгосударственных наций на культурно-национальную автономию или самостоятельное государство.

Подобных оценок придерживались московские и петербургские публицисты и историки. Именно обязанностью защиты украинцев и белорусов, живших в древних русских областях, И. С. Аксаков [190, с. 7, 12], Н. Я. Данилевский [411, с. 30, 32], М. Н. Катков [522, с. 277] оправдывали участие Российской империи в разделах Польши¹³¹. О непонимании

---

131 «Мы должны держать Польшу не просто ради народного или государственного самолюбия ..., – утверждал славист и публицист А. Ф. Гильфердинг. – Всякому очевидно, что мы не можем отдать Польшу вследствие существующих притязаний поляков на обладание западною Русью» [338, с. 315]. Подобную точку зрения высказывали Н. И. Кареев [518, 1881, № 5, с. 55–56] и П. Б. Струве [869, с. 150–151]. Подчёркивая «экономическую прикреплённость Польши к России», П. Б. Струве призывал российское правительство сделать всё, чтобы польское население «было довольное своей судьбой» [869, с. 150–151]. Он считал, что «либеральная польская

причин и сущности украинофильства свидетельствует объявление его И. С. Аксаковым [190, с. 301], М. Н. Катковым [522, с. 277], М. О. Кояловичем [619, с. 18], С. Н. Щеголевым [975, с. 50] «польской интригой». Одновременно украинские и российские публицисты и историки обвиняли именно поляков в многовековой вражде польского народа с восточными славянами [516; 619; 625; 803].

Таким образом, общественно-политические условия второй половины XIX – начала XX веков выдвинули новые задачи для гуманитарных наук. Для украинской (как и польской) историографии такой задачей стала разработка новой концепции возрождения украинского (и соответственно польского) народа без создания отдельного национального государства. Кроме того, для украинской историографии новые концептуальные положения должны доказать обособленность украинцев от русских и поляков в истории, культуре и языке. С государственной самостоятельностью украинцев долгое время не связывалось решение украинского вопроса. Понятие «нация» («народ») у многих украинских и польских позитивистов согласуется с терминами «общество» и «цивилизация», а не с религией. Такой методологический подход, с философской точки зрения, снимал главную проблему для украинского и польского народов – отсутствие собственного государства. Украинские учёные доказывали обособленность украинской «неисторической» (по Г. В. Ф. Гегелю) от русской «исторической» нации также путём приведения фактов из исторического прошлого. Национально ориентированное изложение исторических событий часто являло собой, кроме благородных намерений авторов-патриотов, упрощенные примеры научных рефлексий. Особенно этим «грешили» учёные переходной (от романтического к позитивистскому народничеству) эпохи – Н. И. Костомаров и П. А. Кулиш. Последний с 1880-х годов пытался согласовать украинский «национальный миф» с польским. Показательно, что известный польский историк Т. Корзон в своём отзыве на «Отпадение

политика в огромной степени» поднимет престиж России в славянском мире [869, с. 150–151].

Малороссии от Польши» полностью согласился с высказанными П. А. Кулишем негативными оценками казачества и Хмельниччины и одобрением культуртрегерской миссии поляков на украинских землях [1047].

Позитивистская рефлексия национальной идентификации (в отличие от романтизма) меньше ориентировалась на мифологизированную историческую память. Легитимация национальной истории, в т. ч. защита прав данного народа на определённую территорию, вопросы древности происхождения и самого существования этноса, осуществлялась историками-позитивистами безгосударственных на то время наций (польской, украинской и других) по правилам дискурсивных практик государственных историографий (в нашем случае российской и австрийской). Понятие «нация» трактовалось позитивистами как продукт длительных социально-экономических и общественно-политических процессов, происходивших в рамках создания наций.

Этническое самоосознание образованных слоёв населения России и Австро-Венгрии приводит, в частности, к отказу в 90-х гг. XIX в. большинством национально-ориентированной интеллигенции от дефиниций: «русский», «малорусский», «малороссияне» в пользу терминов: «украинский», «украинцы» [473, с. 533]. Этнический поляк В. К. Липинский поддерживал украинских учёных в этом вопросе и считал термин «украинцы» лучшим, чем «русины» или «малороссияне» [1073, с. 7–8 *uw.*], подчёркивая обособленность украинцев от польского и русского народов [1073, s. 8 *uw.*].

Однако среди позитивистов подросийской Украины встречались случаи отрицания украинцев как нации. Профессор Новороссийского университета И. А. Линниченко продолжал утверждать, что украинцы являются частью русского народа. Он считал ненужным создание независимого украинского государства [665, с. 17].

Украинские историки Галиции предложили решать украинский вопрос в Австро-Венгрии разными путями. Учёные старшего поколения считали необходимым ограничиться только культурническими мероприятиями. Главным путём сопротивления полонизации Я. Ф. Головацкий считал использование

в быту разговорного русского языка, распространение русскоязычных книг и возрождение «русского писательства» в Галиции [159, л. 9, 15 об.]. А. С. Петрушевич призывал не только украинцев, а и поляков защитить украинский язык [29, л. 2].

Историки-позитивисты рассматривали возможность политического решения национального вопроса¹³². Они выступали за национально-культурную автономию безгосударственных наций в рамках другого государства (России, Польши, Австро-Венгрии)¹³³.

Идею украинской автономии поддерживал и М. П. Драгоманов, который писал по этому поводу: «Украинскому народу нужно всё то, что нужно и всем другим народам... Но нужно и признание его национальности и ограждение её развития» [449, с. 447–448].

Характерно, что впервые идея о государственной независимости Украины была провозглашена как программное требование одним из основателей Русско-украинской радикальной партии (а позднее Украинской социал-демократической партии) Ю. А. Бачинским, сторонником позитивистских, а потом социалистических идей [252].

Неоднозначно относились к решению национального вопроса левые и либеральные политические силы. Российские

---

132 Национальный вопрос западноукраинский публицист К. Трилёвский трактовал в статике и динамике (по О. Конту) как «национальное развитие отдельных народов с точки зрения культурного, экономического, политического, социального, формы национального гнёта и национальной борьбы, отношение между движением национальным и социально-политическим и т. д.» [480, с. 226].

133 И. Я. Франко верил, что в будущем польский и украинский народы сумеют выйти из под опеки «самолюбивых элементов, веками забрасывавших грязью взаимоотношения двух братских народов» и создать «основанный на взаимном уважении братский союз» [1024, с. 1]. В то же время он не отвергал в перспективе возможности вхождения украинских земель в состав демократической России на правах полноправного субъекта федерации. В отзыве на брошюру Ю. А. Бачинского он объяснял: «Конечно, термин „политическая самостоятельность“ не надо понимать сейчас как полный сепаратизм от России, как конечность создания отдельного украинского государства. Политическая самостоятельность возможна в связи с Россией при федеральном её устройстве» [945, с. 482–483].

либералы до 1905 года вообще не выдвигали в политических программах лозунг украинской автономии [818, с. 14–15]. Идеологи российских левых партий, за некоторыми исключениями, негативно относились к национальной автономии украинского народа. А. В. Луначарский, пребывавший определённое время под влиянием идей творца эмпириокритицизма Р. Авенариуса [418, с. 517], (в отличие от большинства российских социал-демократов) приветствовал процесс украинского национального возрождения, предостерегая об опасности «культурного сепаратизма» и «мелкобуржуазного национализма» [673, с. 11–12].

Рецепция позитивизма в подросийской Украине совпала по времени с окончательным формированием политического украинофильства¹³⁴.

Украинофильство (как и либерализм) было не только одной из черт мировоззрения, а и данью времени и доминирующей моделью интеллектуального поведения преимущественной части научной интеллигенции исследуемого периода. М. П. Драгоманов подчёркивал взаимосвязь либеральных идей с украинофильством: «Вообще на Украине только нелогичный народник может не стать украинофилом и наоборот» [449, с. 453]. Однако из данного правила существовали исключения: П. П. Цитович, например, был критиком позитивизма, Д. И. Яворницкий – сторонником неоромантических идей. Таким образом, не все позитивисты были украинофилами и не все украинофилы были позитивистами¹³⁵.

---

134 Под термином «политическое украинофильство» мы понимаем прежде всего общественно-политическое движение и идеологию 1860-х – 1890-х годов. Лидер движения В. Б. Антонович называл украинофилами «тех уроженцев Южнорусского края, которые настолько знакомы со своей родиной, что успели констатировать отличные черты её народонаселения; настолько развиты, что изложить могут и литературно свои убеждения; настолько любят свою родину и желают её развития и преуспевания, что считали бы делом греховным умалчивать о её особенностях..., нуждах и потребностях; настолько не исключительно поглощены заботой о личной карьере и благосостоянии, что по мере возможности в законных рамках готовы отстаивать свои убеждения...» [209, с. 144].

135 Исследователи выделяли и другие характерные черты интеллектуального поведения историков-позитивистов Украины. Хорошо знавший И. В. Лучицкого Н. И. Кареев подчёркивал неизменность его позитивист-

Часть учёных активно участвовала в украинофильском движении подроссийской Украины. Некоторые из них обвинялись в украинофильстве, что помешало их научной карьере¹³⁶.

Отношение к украинофильскому движению было различным даже среди его активных деятелей. Критически, даже с сарказмом М. С. Грушевский оценивал состояние движения после Эмского указа 1876 г. Будущий глава Центральной Рады называл украинофильство «спортом, которому эти украинофилы отдаются как потехе, стоя тем временем обеими ногами на почве русской культуры и временами деятельно ей помогая» [384, с. 83]. По его мнению, слабости украинофильского движения способствовали не только внешние факторы (правительственные репрессии), а и внутренние: «слабость национального инстинкта и исторической традиции, сильное (невольное и добровольное) обрусение, невыясненность самих национальных соревнований и недостаток серьёзной и konsekventной трактовки их со стороны самих предводителей этого движения» [384, с. 83].

Даже те историки, которые не были активными участниками украинского политического движения, разделяли в силу своих либеральных убеждений частично их позиции. Интересно, что А. Я. Ефименко, подчёркивая свою непринадлежность к украинофилам, раскритиковала авторов публикаций в газете «Киевлянин» и журнале «Русское богатство» за их негативное отношение к украинофильскому движению [470, с. 835–842]. А. Я. Ефименко критиковала позицию В. С. Соловьёва относительно национального самоотречения украинского народа

ских убеждений («Лучицкий навсегда оставался верным позитивизму») [517, с. 166] и украинский акцент произношения учёным иностранных слов [517, с. 165].

136 Например, общественная деятельность В. Б. Антоновича пребывала под постоянным присмотром полиции [3, л. 98, 210–215, 417, 485, 503, 536–542]. Преподавателям Новороссийского университета Ф. И. Лентовичу, П. П. Цитовичу, И. И. Патлаевскому были выдвинуты официальные обвинения в распространении «украинофильской пропаганды» [1, л. 65–69]. Обвинялись в украинофильстве и преподаватели (Д. И. Багaley, Н. Ф. Сумцов) и выпускники (наиболее известный Д. И. Яворницкий) Харьковского университета [243, с. 51; 1178, с. 93; 1415, с. 20–21; 1727, с. 14 прим.; 1750, с. 25–29 и др.].

[193]. Характеризуя движение украинофилов как движение национально-культурное и одновременно народническое [470, с. 841], она называла главным его недостатком отсутствие теории [470, с. 842].

Учёные высказывали разные оценки о настоящих задачах и возможных результатах украинского национального движения в России. Н. А. Гредескул, не принадлежавший к симпатикам украинофильского движения, раскритиковал «легального» марксиста П. Б. Струве за характеристику украинофильства как культурного сепаратизма [347, с. 2–5].

В общественной мысли различались понятия «национальная идея» и «национализм». Ещё на заре национального движения понятие «национализм» вызывало разную трактовку¹³⁷.

П. Н. Ардашев называл национализмом «все возможные проявления национального начала во всех областях политической, общественной и культурной жизни» [232, с. 8]. При этом киевский профессор подчёркивал, что «положительное отношение к национальному началу не исключает отрицательного отношения к тем извращениям, которым это начало нередко подвергается на практике, каковы: шовинизм, ксенофобия..., национальная исключительность» [232, с. 8].

В одной из публичных лекций (апрель 1915 г.) М. М. Ковалевский поддержал широкую трактовку национализма: «Единство веры, языка, исторического прошлого и общности интересов настоящего» [84, л. 5].

Относительно опасности воплощения идеи господства одной нации за счёт угнетения другой предупреждал М. П. Драгоманов: «Национальное единство в государстве не всегда может вести к большей свободе и... размышление о национальности может быть причиной и насилия людей и большой неправды» [450, с. 469].

Итак, когда речь шла о крайностях национальной идеи, учёные осуждали национализм как идеологию исключитель-

---

137 Идеология украинского национализма, разработанная Н. И. Михновским и Д. И. Донцовым, была распространена в конце исследуемого периода. Хотя некоторые их труды были напечатаны раньше. Относительно общественной мысли начала XX в., то речь идёт преимущественно о крайностях украинской национальной идеи, а не о национализме.

ности одной нации и проповедывания верховенства национальных интересов над общечеловеческими.

Однако даже либералам иногда были присущи полускрытые стереотипы о других этносах и конфессиях, а также других национальных и государственных историях. В трудах историков-позитивистов с их провозглашённым культом объективности наблюдалось более скрытое полонофобство и антисемитизм¹³⁸, чем, например, у поздних романтиков Н. И. Костомарова¹³⁹ или П. А. Кулиша.

Признание и применение позитивистской методологии и исследовательской методики (или отдельных её элементов) во многих случаях противоречило национальной идеи. Это, например, признавал С. М. Дубнов. Он поставил в качестве цели разработчикам еврейской идеи «осмыслить национальное чувство и дать ему духовную санкцию в глазах тех, которые одним бессознательным чувством не удовлетворяются» [455, с. 4]. По убеждению С. М. Дубнова, главным признаком безгосударственных наций является самоосознание своего сообщества как нации [456, с. 65].

Исследуя решение еврейского вопроса во Франции, Англии, Швейцарии, скандинавских государствах, М. М. Ковалевский

---

138 Антисемитизм, как подчёркивал В. Б. Антонович, не был случайным явлением. Учёный указывал такие социально-политические и религиозные факторы распространения антиеврейских настроений среди населения: 1) евреи, «оставаясь при своих эксклюзивных традициях», эксплуатируют другие нации; 2) исключительность еврейского народа, поддерживаемая иудаизмом [218, с. 119]. Другой пункт он объяснял так: «Не вера и национальность породили у нашего народа враждебные отношения к жидам. Наш народ по своему направлению совсем *толерантный*: он никогда не заглядывает в чужую совесть. Однако же, к несчастью, в жидовской традиции есть такой взгляд, что другие народы – враги божьи, а одни только жиды – народ, Богом обранный» [218, с. 118]. Одновременно, как подчёркивала А. Я. Ефименко, особые традиции еврейского народа могли сохранить нацию. Главным достижением евреев она справедливо называла сохранение народности, «единство языка и совсем независимо от территориальной связи» [467, с. 397].

139 Сравнивая взгляды русских и украинских историков XIX в., С. М. Дубнов называл украинофильские убеждения Н. И. Костомарова причиной его юдофобии [455, с. 29].

советовал политико-правовым путём уравнивать евреев в правах с гражданами других наций, в первую очередь через «признание конституциями основного начала всякого правового порядка – равенства граждан перед законом и судом» [550, с. 43]. Наряду с этим М. М. Ковалевский признавал сильными в большинстве государств «вековые предрассудки против евреев, созданные и поддерживаемые частью религиозным фанатизмом, частью желанием избежать экономической конкуренции» [550, с. 43]. Поэтому учёный предложил и другие пути решения еврейского вопроса в Российской империи: распространение научно-просветительской литературы «о действительной природе еврейского закона и проводимых ими началах гражданского общежития», распространение «в среде самого еврейства общеевропейской культуры» [550, с. 44].

За территориальную автономию в местах компактного проживания евреев выступали сами представители этого народа, в т. ч. М. Г. Моргулис [725, с. 458–482] и С. М. Дубнов [456, с. 47].

В Австро-Венгрии ряд учёных также выступали за демократическое решение еврейского вопроса. Л. Гумплович, например, отстаивал путь ассимиляции евреев [1780, s. 21–22]. Однако И. Я. Франко критиковал политику ассимиляции евреев¹⁴⁰ [934, с. 129]. По его мнению, существовали два пути решения еврейской проблемы: непринудительная ассимиляция «одной части жидов с местной людностью» и добровольная эмиграция «больших масс жидов за границу в такой край, где бы они могли жить и развиваться всесторонне как однородный и самостоятельный народ» [934, с. 119] [за 37 лет до создания государства Израиль – Б. Е.].

Ещё одним щепетильным вопросом в общественной мысли были межконфессиональные противоречия. Распространение

---

140 Свою позицию И. Я. Франко обосновывал особенным положением этого народа: «На многих полях общественной жизни они занимают привилегированное [разрядка текста автора – Б. Е.] положение против большой массы нежидовской людности, пользующееся в силу множества прав, свойственных только им самим, и ...их конфессионально-экономическая организация, а иногда даже сам состав их ума позволяет им даже равные права эксплуатировать в свою пользу» [934, с. 130].

идей Ч. Дарвина, «вульгарного» материализма и позитивизма способствовало уменьшению религиозности интеллигенции. Однако некоторые элементы религиозных верований сохранялись даже в мировоззрении тех, кто критиковал религию и церковь. Этому способствовали семейное религиозно-патриархальное воспитание [979, вып. 5–6, стб. 9; вып. 7–8, стб. 461, 507–508], мощное (сознательное и подсознательное) эмоционально-окрашенное влияние христианской морали. Религиозность учёных-позитивистов, в т. ч. М. М. Ковалевского¹⁴¹, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, часто приобретала формальный характер [1282, с. 44–55]. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, например, отрицал необходимость религиозной или философской санкции для передовых идей в связи с их самоценностью [739, с. 207]¹⁴².

Свой отход от ортодоксальных иудейских взглядов С. М. Дубнов объяснял в первую очередь влиянием прочитанных им трудов Дж. Ст. Милля и Дж. Льюиса [454, с. 99–101]. В мемуарах он вспоминал о своих предпочтениях молодости так: «Человечество имеет только одну святую Библию: цепь наук от математики и астрономии к биологии и социологии... Только позитивизм или научная философия владеет секретом освещения этого лабиринта электрическим солнцем науки. В этом был весь пафос моей новой религии, заменивший мой недавний промежуточный деизм» [454, с. 99]. Признание С. М. Дубнова свидетельствует о том, как усвоение идей «первого» позитивизма уменьшало религиозность.

Критика религии и церкви, как правило, не приводила к воинственному открытому проявлению атеизма учёных-позитивистов и большинства радикально настроенных студентов [979, вып. 5–6, стб. 9; вып. 7–8, стб. 388, 507].

---

141 М. М. Ковалевский, по воспоминаниям его племянника, с молодости не придерживался церковных обрядов. Однако перед смертью М. М. Ковалевский исповедался священнику только в память о матери, которая была «самой его чистой и глубокой привязанностью в жизни» [465, с. 46].

142 Подобные настроения были достаточно распространёнными среди революционной и либеральной интеллигенции. П. Л. Лавров вообще считал необходимым сознательное противопоставление «научной мысли мысли религиозной» [632, с. 509].

Подобно просветителям именно нравственный критерий применялся при оценке полезности православной церкви, которая учит уважению и покорности самодержавию. Несмотря на уменьшение личной религиозности, позитивисты, как и французские просветители, признавали необходимость религии и церкви как, в первую очередь, моральной основы общества. О. Т. Назарук фактически повторял Вольтера в оценке потребности общества в религии: «Народ должен держаться религии» [21, л. 2].

Сциентистический, прагматический характер провозглашённой О. Контом светской религии входил в противоречие с традиционными постулатами католической или православной веры. Позитивизм, как и рационализм, атеизм, пантеизм, материализм, официально объявлялся противником христианского вероучения в энциклике папы Пия IX «*Quanta sуга*» и в «*Syllabusie*» 1864 г., постановлениях I Ватиканского собора (1868–1870 гг.). Официальная позиция католической церкви отразилась в критике теологами идей позитивизма на страницах журнала «*Przegląd Katolicki*» и других польских журналов [1812; 1834]. Для поляков-католиков (особенно в преимущественно православной Российской империи) католицизм выступал средством сохранения национальности. Отсюда (на первый взгляд искусственное) соединение несоединимого: католической веры и позитивистского учения, рационального и антицерковного в сущности.

Прочными были позиции церкви (главным образом католической и греко-католической) и на западноукраинских землях. Т. Жулинский как глубоко верующий католик выступил против распространения среди учёных и молодёжи Галиции ввезённых из Франции, Англии, Германии брошюр по социологии, поскольку изложенные в них идеи, по его оценке, были антирелигиозными [1145, s. 26–27]. Кроме того, он резко критиковал «*Przegląd Tygodniowy*» и другие польские позитивистские журналы за пропаганду социологических идей [1145, s. 40].

Польские позитивисты пытались доказать, что позитивизм не отрицает католицизм. «Позитивизм не может быть рядом с атеизмом, — указывал популярный польский публицист Ф. Крупинский. — С позитивизмом...желаем, чтобы на-

ука не отказывалась от религии, ибо понимаем великое её значение в воспитании человеческого рода» [1056, s. 462]. Польские позитивисты признавали необходимость религии прежде всего как совокупности моральных правил, обязательных для всех сословий общества.

Влияние католицизма часто присутствует в студиях польских авторов. Первый вариант монографии А. Шелонговского «*Studia z dziejów rozwoju mitów i podań ludowych*» («Исследования по истории развития народных мифов и преданий») имел название «*Dzieje religii. Studia religioznawczo-socjologiczne*» («История религии. Религиозно-социологические исследования»), т. е. имел отчётливую социологическую составляющую. Характерно, что сам автор вычеркнул несколько абзацев машинописи, в которых излагались принципы эволюционной теории Ч. Дарвина [163, k. 6]. Также текст содержит значительное количество реверансов в адрес католицизма. А. Шелонговский позитивно оценил труды Э. Тэйлора, поскольку тот в своих исследованиях «опирается на веру в Бога и загробную жизнь» [163, k. 13 uw.].

Тем временем для большинства польских учёных Львова характерен другой подход. Его сформулировал С. Закшевский при оценке деятельности Т. Войцеховского: «Как историк и профессор всегда высоко подносил значение католицизма, зато не терпел клерикализма и всегда строго оценивал зависимость польского государства в средних веках от церковных факторов» [1141, s. IV].

Как и в Восточной Галиции, так и на землях подросийской Украины наиболее критично к позитивизму относились богословы и философы. Последние особенно критиковали позитивизм ввиду постулата О. Конта о философии как ненужной науке. Профессор философии Киевской духовной академии, а потом Киевского университета С. С. Гогоцкий резко раскритиковал позитивизм, назвав О. Конта «безумцем» за попытку создать светскую религию [707, с. XIV]. Религиозные взгляды фундатора позитивизма С. С. Гогоцкий охарактеризовал как «нелепость и нечестие сумасбродных выдумок Конта» [707, с. XIV], а его светскую религию – «воздушным замком или зданием на песке» [707, с. III].

По мнению А. А. Козлова, позитивизм «идолопоклонствует перед опытом, явлениями и фактами» [585, 1892, кн. 15, с. 57 прим.]. Одна из самых больших ошибок позитивистов, по его оценке, состояла в том, что «будто бы существуют сами по себе в отдельности явления и факты наподобие видимых вещей в пространстве» [585, 1892, кн. 15, с. 57 прим.]. Другими негативными чертами учения О. Конта А. А. Козлов называл догматизм, отсутствие теории познания, логики и психологии в контовской системе наук [585, 1892, кн. 15, с. 58–59].

Священник церкви при Харьковском университете В. И. Добротворский был убеждён, что «наука без веры ещё не наука» [421, с. 59], признавая: «Философское знание всегда неполно и ограничено» [421, с. 44].

Преподаватели духовных академий Российской империи и кафедр истории церкви и богословия классических университетов считали себя «хранителями вселенского православия... чистоты христианской истины» [755, с. 141]. Именно о таких преподавателях В. М. Щербаковский писал: «Это были какие-то боязливые люди в вицмундирчиках, как в футлярах, с мировоззрением деляновского типа, которое не выходило за рамки установленных министерством предписаний. С запоем они читали часословы, псалтыри в церквях и были твёрдо убеждены, что мир создан богом равно за 5508 лет перед рождением, что Дарвин, Спенсер и вообще все естественники есть безбожники, вольнодумцы и масоны... Нарушить катковскую трихостку, т. е. единоегосударствие, православие и народность (по-катковски), хотя бы и в мыслях, они даже не могли подумать» [86, к. 7; опубл. 973, с. 206–207].

Иногда среди воинствующих антипозитивистов встречались и преподаватели общественных дисциплин. Преподаватель права Новороссийского университета П. П. Цитович, критикуя распространение женской эмансипации в России, связывал последнее с увлечением молодёжью 1860-х – 1870-х годов социологией и естественными науками [962, с. 16–19, 30–33].

Характерные для большинства учёных-позитивистов либерально-реформаторские взгляды часто вызывали открытую враждебность со стороны представителей государственного

аппарата, который (кроме системы образования) был полностью вне сферы влияния позитивистов [1670, с. 20]. Власть, особенно в Российской империи, воспринимала позитивизм как подрыв традиционных основ общества [1247, с. 5]. Это отношение наблюдалось на протяжении всего исследуемого времени. К позитивистам, которые, как правило, не были революционно настроенными гражданами или воинствующими атеистами, часто применялись разные административные меры – цензурные ограничения, увольнения с работы, ссылки или вынужденная эмиграция [822; 1247, с. 5; 1340, т. 3, с. 395–396]. М. М. Ковалевский подчёркивал, что в России царская полиция «путала» социологов с революционерами. Однако, по убеждению учёного, социология «никогда не могла удовлетворить „ликвидаторов” самого общества, так как направлена к его сохранению и дальнейшему развитию» [577, с. 5]. Поэтому он призывал покончить с «недоразумением», которое существовало у министров к деятельности социологов в Российской империи [577, с. 4–5].

Подобные «недоразумения» возникали и в Галиции. Редакция журнала «Правда» (г. Львов) отказалась печатать статью и рецензию М. П. Драгоманова. По мнению редактора, статья о церковных вопросах имела провокационный характер; относительно рецензии же автора упрекали, что «нетактично было показывать симпатию к позитивизму» [430, с. 181].

Общественно-политические и исторические взгляды украинских учёных Австрийской империи были значительно запутанней. В начале исследуемого периода украинские историки были объединены вокруг Ставропигийского института. До 1867 г. официальной идеологической платформой Ставропигийского института было австрофильство. Как указывала А. С. Киричук, «проавстрийская ориентация Ставропигии шла в русле тогдашних настроений всего украинского галицкого общества... она также отвечала политической ориентации Греко-католической церкви в Галиции» [1367, с. 303]. Это обусловлено тем, что деятели Ставропигии «считали трон Габсбургов чуть не единственным защитником от колонизационных процессов» [1367, с. 303]. Идеологи австро-русинства, как указывал И. П. Куций, не создали отдельной

модели этнонациональной идентичности с соответствующей исторической концепцией [1430, с. 42].

Характерным примером подчёркнутой лояльности к императорской короне [1234, с. 87, 92] были верноподданные в связи с 60-летним юбилеем императора Франца-Иосифа (1908 г.) труды историков разных историографических течений, национальностей и конфессий Восточной Галиции (в т. ч. А. Г. Барвинского [249], Ф. И. Свистуна [823]). Вместе с тем подданные Австро-Венгерской империи сохраняли надежды на лучшее будущее собственного (польского или украинского) народа¹⁴³.

В условиях полонизации и онемечивания высшего образования украинская историческая наука подавстрийской Украины пребывала под влиянием неблагоприятных экстернальных и интернальных факторов в большей мере, чем польская и немецкая историографии. До учреждения в 1894 г. специализированной кафедры всемирной истории с отдельным обобщением истории Восточной Европы во главе с ординарным профессором М. С. Грушевским украинские учёные Австрийской империи, за некоторыми исключениями (И. И. Шараневич, Я. Ф. Головацкий), пребывали вне университетской корпорации. До открытия этой кафедры лекции по украиноведению в Львовском университете были единичными. Приезд М. С. Грушевского, как известно, активизировал в Восточной Галиции деятельность Научного общества им. Шевченко и украинского национального движения вообще [1220–1221; 1419 и др.].

В России после гибели Александра II¹⁴⁴ быстро изменилась общественно-политическая ситуация. С её изменением

---

143 С. Кричинский характеризовал львовскую интеллектуальную среду последних лет Австро-Венгерской империи как «атмосферу сервиллизма и иезуитства» [1057, s. 7]. В неопубликованном фрагменте содержится объяснение такой характеристики: «Атмосфера клерикализма и славословия, польскости, соединявшая остатки досады с народными платьями, обшитыми в чёрно-жёлтых цветах, и гайдновский гимн в день рождения старого и доброго нашего монарха Франца Иосифа I» [162, к. 1].

144 Смерть реформатора, по оценке Б. Оляшек, «стала началом конца тех благоприятных условий, которые способствовали укреплению стремления „действовать по-европейски“, внедрять основанную на позитивистских идеях модель развития» [1546, с. 18].

многих позитивистов перестала увлекать «популярная в те времена идея *неоплатного долга имущих классов и интеллигенции перед народом* [курсив автора – Б. Е.]» [738, с. 326], подталкивающая к активной культурно-просветительской или политической деятельности. Д. Н. Овсяннико-Куликовский вспоминал: «В связи с этой верой и догмой у меня намечалось некоторое отрицательное и, пожалуй, пренебрежительное отношение к общественному и политическому протесту, в особенности – к протесту активному в виде заговора, бунта, восстания, пропаганды в народе и т. д.» [738, с. 323]. М. С. Грушевского, по его собственному признанию, вообще в молодости мало интересовали революционные идеи [399, 1988, № 12, с. 121].

С начала 1880-х гг. позитивисты перестали считать позитивизм программой активных действий, но продолжали высоко оценивать позитивное учение как важный этап развития общественной мысли. В. В. Лесевич писал в 1898 г., что идеи О. Конта «останутся в истории славным памятником свободных поисков истины, вдохновлявшихся высшими интересами человечества» [653, с. 17].

Таким образом, позитивизм стал элементом общественной идеологии в преимущественном большинстве европейских стран исследуемого времени. Его популярности способствовал отказ значительной части разночинной интеллигенции от традиционных взглядов, новые стандарты интеллектуального поведения. Эти социокультурные традиции были подобными как на подросийских, так и на подавстрийских украинских землях.

Важное значение для восприятия интеллигенцией, особенно студенческой молодёжью, доктрины позитивизма имело корпоративное поведение большинства университетских преподавателей, в т. ч. чтение спецкурсов по социологии или исторических курсов с социологическим уклоном.

Значительную роль в принятии идей позитивизма сыграла журнальная публицистика, ставшая популяризатором трудов позитивистов.

Увлечение позитивизмом имело последствием формирование у многих его приверженцев подобных социокультурных

ценностей и личных идеалов, на формирование которых влияли, как правило, происхождение (преимущественно разночинское), образование, принадлежность к научным микрогруппам и макрогруппам и т. п.

Стимул для молодёжи заниматься именно общественными науками придавала новая теория об обществе, для которой был характерен отказ от идеологической, политической, национальной или религиозной заангажированности, пропаганда идеи общественного прогресса, поиск исторических закономерностей. В частности, распространённость идей позитивизма способствовала снижению влияния религии и церкви на жизнь интеллигенции, а также вступала в противоречие с национальными мифами и крайностями национальной идеи. Новой задачей гуманитарных наук (в т. ч. украинской (как и польской) историографии) второй половины XIX – начала XX веков стала разработка новой концепции возрождение украинского (и соответственно польского) народа без создания отдельного национального государства.

В рамках позитивистской модели историописания другой задачей общественной мысли, в т. ч. исторической науки, стало обоснование реформирования общества и поиски новых форм общественной организации. Широкая популярность новой доктрины свидетельствовала о наличии подобных общественно-политических явлений как на подросийских, так и на подавстрийских украинских землях.

1.3. Эволюция взглядов историков под влиянием новых направлений общественной мысли (90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.)

На рубеже XIX–XX вв. позитивизм продолжал быть популярным не только среди учёных, а и среди широких образованных кругов общества.

О сохранении позитивной издательской динамики публикаций по проблемам позитивизма свидетельствовало увеличение количества публикаций российских, украинских

и польских авторов, в частности, значительного числа переводов, обзоров, рецензий, появление сборников статей под редакцией М. М. Ковалевского «Новые идеи в социологии» и т. п. Социологи пытались создать собственный профессиональный журнал подобно «Revue Internationale de Sociologie» Р. Вормса, «L'Année Sociologique» («Социологического ежегодника») Э. Дюркгейма и других европейских социологических журналов. С. И. Гальперин издал в Екатеринославе два специальных ежегодника с обзором социологической литературы за 1901 и 1902 гг. [324; 326].

С переходом от этапа «первого» позитивизма к этапу «критического» позитивизма в 1890-х годах частично изменяется методология и методика исторических исследований. Такую тенденцию демонстрировали фундаментальные теоретические труды Н. И. Кареева, П. Барта, Э. Бернгейма, Г. Зибеля, Г. Зиммеля, Э. Фримана, П. Лакомба, К. Лампрехта, Г. Моно, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, позже Э. Дюркгейма. О важности этих теоретических работ свидетельствовала, в частности, их быстрая публикация в других европейских странах с соответствующими переводами на национальные языки.

Использование социологической теории в исторических науках считалось обязательным и после смены классической позитивистской модели её модернизированной версией в 1890-х годах. «Может быть и много грехов числится за позитивизмом семидесятых годов, – признавал Е. В. Тарле в 1914 г., – но умственные навыки – и именно историкам, хотя бы вовсе и не принявшим целиком этого мирозерцания, а только подвергшимся в той или иной мере его влиянию – он давал хорошие» [876, с. 61].

Сторонники позитивизма все чаще концентрировали своё внимание на отдельных его положениях: критиковали одни идеи и защищали другие. С 1890-х годов историографическая практика обрекала учёных всей Европы несколько по-новому трактовать каноны классического позитивизма. Французский учёный Э. Пикар, высказывая общее настроение, утверждал: «Упрощенный позитивизм Конта должен быть расширен более полным анализом» [779, с. 15].

Учёные постепенно отказывались от характерного для

«раннего» позитивизма естественнонаучного детерминизма исторических явлений. В лекциях по источниковедению в Новороссийском университете И. А. Линниченко подчёркивал «научную недостаточность» попыток О. Конта и Г. Спенсера сделать историческую науку подобной естествознанию [56, л. 14].

Изданные на рубеже XIX–XX вв. на разных европейских языках труды Р. Авенариуса «Человеческое понятие о мире», Э. Маха «Анализ ощущений и отношение физического к психическому», «Познание и заблуждение» и других представителей эмпириокритицизма широко цитировались в научных трудах.

В начале XX в. В. В. Лесевич называл эмпириокритицизм единственной научной точкой зрения [655]. В своих поздних трудах под влиянием А. Рилья и Р. Авенариуса он сосредоточил внимание на относительности познания и условности эпистемологических понятий. Исходя из позиций «второго» позитивизма, В. В. Лесевич подвергнул критике своего прежнего идола – О. Конта: «В системе Конта не существует критического исследования условий познания, ... в ней нет и критики понятий, а поэтому и не выяснено: соответствуют ли понятиям реальные объекты, или нет; если соответствуют, то каким образом – посредственно или непосредственно, и, наконец, соответствуют ли всем понятиям или только некоторым» [649, с. 193–194]. В. В. Лесевич высоко оценивал учение Р. Авенариуса, даже в сравнении с О. Контом [651, т. 2, с. 361]: «Эмпириокритицизм должен быть сочтён одним из величайших и блистательнейших приобретений только что минувшего века» [651, т. 2, с. 660].

Неокантианцы критиковали теорию эмпириокритицизма, но считали её положения важными для развития отдельных отраслей знаний. Е. Н. Щепкин, например, подчёркивал в лекциях, что он не поддерживает, но вынужден считаться с идеями Э. Маха, Р. Авенариуса, а также с трудами основателя прагматизма Ч. С. Пирса [970, с. 24–25].

Кроме теории эмпириокритицизма, среди историков Украины конца XIX – 20-х годов XX вв. приобрели популярность идеи Э. Дюркгейма. Известный французский социолог

не поддерживал подходы Г. Риккерта и В. Виндельбанда об «индивидуализирующей истории». Исторический процесс, по оценке Э. Дюркгейма, обусловлен многими факторами и не сводится к действиям отдельных выдающихся лиц. Он считал, что разные общественные явления («социальные факты») имеют принудительную власть над личностями, а не наоборот [459, с. 16]. Поэтому, в противовес Г. Риккерту, Э. Дюркгейм усматривал причины социального факта в серии предыдущих, а не в состоянии индивидуального сознания некоего выдающегося исторического деятеля [459, с. 97–98]. Французский учёный подчёркивал разницу изучения социальных фактов историками и социологами. Одновременно он считал неминуемым будущее сближение задач двух наук: «Социолог может приступить к своим сравнениям и индукциям лишь тогда, когда он, подобно историку, основательно овладеет теми частными фактами, на которые они опираются. С другой стороны, конкретная реальность, которой особенно внимательно занимается историк, может получить совсем новое освещение от результатов социологических индукций» [463, с. 243 прим.]. Более того – социология, по его мнению, представляет «в значительной части как бы историю, рассматриваемую известным способом» [463, с. 242]. Общество на известном этапе развития Э. Дюркгейм называл «цивилизацией». Это понятие он трактовал как совокупность социальных явлений: политики, религии, права, экономики, морали [420, с. 7].

Идеи Э. Дюркгейма не всегда вызывали единодушную поддержку. М. М. Ковалевский поддерживал тех английских учёных, которые считали, что «с точки зрения ортодоксального позитивизма... предложение Дюркгейма разорвать связь социологии с философией, очевидно, не выдерживает критики», поскольку невозможны «точные научные наблюдения без руководящей теории» [559, с. 38].

На развитие исторической науки исследуемого периода влияли также культурологические и экономические теории. В частности, оживлённая дискуссия в немецкой историографии вокруг идей К. Лампрехта [1620] и её отзвук в других историографиях, в т. ч. и в польской исторической науке

в 1894–1908 годах [1821], свидетельствовали о переходе от классической позитивистской модели историописания к её модернизированному варианту. Е. Матерницкий характеризовал рецепцию концепции К. Лампрехта в польской историографии следующим образом: «Мысли были разные, не всегда позитивные, временами просто негативные, однако Лампрехт интересовал всех; одних увлекал, других раздражал, но никто не проходил равнодушно мимо его трудов и идей. Лампрехт, очевидно, не достиг той популярности, как своего времени Бокль, однако сыграл, наверное, большую роль в дискуссии о современной сущности польской историографии, чем английский историософ» [1821, s. 123]. С высказанной Б. Дембинским оценкой взглядов Г. Т. Бокля и К. Лампрехта как априорных и односторонних открыто не согласились другие участники III съезда польских историков в Кракове (1900 г.) [1820]. Л. Финкель в обзоре новой научной литературы (1897 г.) называл главной заслугой К. Лампрехта изменение внимания исследователей с политической истории на историю экономики и культуры [1064, s. 208–209].

В результате научных дискуссий конца XIX в. историки в большинстве случаев отказываются от жёсткого детерминизма и натуралистического редуционизма в объяснении общественных явлений, в первую очередь от изучения исторического процесса с помощью методов естествознания. Большинство молодых учёных начали противопоставлять историческое знание естественнонаучному, требовать оценки исторических фактов, что избегали делать историки периода классического позитивизма. Однако позитивистский вариант историописания 60-х – 90-х годов XIX в. в немного изменённом варианте продолжал доминировать в историографии на рубеже XIX–XX веков. С 90-х годов XIX в. изучение исторического процесса Э. Махом [700, с. 13, 19, 23 и др.] и другими учёными всё чаще происходило путём нелинейного рассмотрения истории общества и отдельных его структур.

В рамках философской проблематики позитивисты в основном обсуждали вопросы онтологии, а не теорию познания в кантианско-юмовской трактовке. Онтологическая тематика, как известно, в период доминирования идей позитивизма

занимала большую часть проблемного поля теоретических разделов общественных, особенно исторической, наук. Эпистемологические, а тем более аксиологические категории сначала мало интересовали позитивистов. В позитивистской историографии они были подчинены онтологическим, всегда пребывая на втором месте в сравнении с последними. Характерное утверждение С. Бжровского: «Теория познания может быть познана единственно как часть общей теории человеческой деятельности и в связи с ней» [998, s. 163]. Такой подход приводил к некоторой ограниченности познавательных возможностей позитивистской концептуальной модели.

Рецепция позитивизма учёными украинских земель не сводилась к устоявшемуся набору утверждений¹⁴⁵ и имела свои особенности в разные промежутки времени. На рубеже XIX–XX вв. в общественной мысли наблюдалось переосмысление отношения к позитивизму: от увлечения до критики одних и тех же позитивистских идей. Идеи А. Сен-Симона, Ф. Лассаля, П. Ж. Прудона, П. Л. Лаврова, К. Маркса, И. Канта, объединяясь с позитивистской концепцией, часто создавали очень своеобразный мировоззренческий симбиоз. Поэтому в текстах части историков сосуществовали (иногда противореча друг другу) элементы разных философских систем: устоявшейся позитивистской традиции, исторического материализма, неоромантизма и т. п. Показательно, что сами позитивисты не считали такое положение вещей неправильным. М. М. Ковалевский, комментируя отношение Н. К. Михайловского к социологии Г. Спенсера, дарвинизму, экономическому материализму, неопозитивизму, подчёркивал, что все эти теории «не столько противоречащие, сколько взаимовосполняющие друг друга» [1882, с. 192].

Появившееся в 1870-х годах в Германии неокантианство

---

145 Вызывает удивление следующее, крайне упрощённое, утверждение К. В. Кислюка: «Собственно, позитивизм сводился в методологическом аспекте к простой идее „классифицировать все исторические факты, установленные анализом документов и путём умозаключений“, чтобы получить ясное представление о закономерностях структуры определённого общества, основных этапах его развития и факторах, влияющих на его развитие» [1371, с. 53].

постепенно распространилось в общественной мысли и других европейских стран, в т. ч. и на украинских землях. Обращает на себя внимание тот факт, что две статьи И. Канта были внесены составителями (среди них М. М. Ковалевский) в сборники «Родоначальники позитивизма» [504–505], т. е. составители считали кантианство предтечей позитивизма. Наряду с трудами И. Канта работы его последователей [см. библиографический указатель: 1354], в частности сочинения основателей Баденской школы неокантианства Г. Риккерта и В. Виндельбанда, в оригинале и в переводах были известны и на землях Украины.

В подросийской Украине неокантианство было представлено небольшим количеством учёных. Научное наследие И. Канта изучали в основном философы, а не историки, в т. ч. и потому, что в его трудах сравнительно с работами фундаторов позитивизма содержится меньше размышлений о теории исторического процесса. Взгляды И. Канта, как утверждает Н. В. Осенняя, разделяли преподаватели Киевской духовной академии (И. М. Скворцов, П. С. Авсенов, П. И. Линицкий, Д. И. Богдашевский, П. П. Кудрявцев) и Киевского университета (А. Н. Гиляров, А. А. Козлов, Г. И. Челпанов) [1551, с. 130]. Учёные нередко изменяли свои взгляды с позитивистских на неокантианские, и это было более характерно также для философов, чем для историков. Долгое время последовательным позитивистом, последователем идей О. Конта, Г. Спенсера и Э. Дюринга был философ Н. Я. Грот. Однако во второй половине 1880-х годов в его трудах появились неокантианские идеи [733, с. 100].

Среди историков редко встречалось радикальное изменение взглядов с позитивистских на неокантианские. Как правило, историки-позитивисты только частично воспринимали неокантианство. Это связано в первую очередь с тем, что они со своим рационально-естественнонаучным мировоззрением не принимали характерное для неокантианства иррациональное объяснение исторических событий. Самыми яркими фигурами среди историков Украины 1890-х – 1920-х годов, которые более-менее чётко придерживались неокантианской модели историописания, были профессора Киевского

(Н. М. Бубнов), Харьковского (В. И. Веретенников) и Новороссийского (Е. Н. Щепкин) университетов.

Под влиянием неокантианских идей состоялась определённая эволюция трактовки объекта, предмета, принципов и методов исторического исследования. В частности, Г. Риккерт называл историческую науку «индивидуализирующей наукой о культуре», а об исторических объектах писал, что они «либо сами суть явления культуры, либо находятся в каком-нибудь отношении к культурным ценностям» [810, с. 74]. Позитивисты считали подход к истории как науке только о культуре ограниченным. Анализируя идеи Г. Риккерта, Д. М. Петрушевский указывал, что «и государство, и право, и экономический строй» также относятся к предмету исторической науки. И это положение «едва ли нужно доказывать» [770, с. 75].

Главную задачу нового направления обществоведения Г. Риккерт видел в борьбе против «естественно-научного мирозерцания» в истории [808, с. 13]. Такой подход был поддержан правоведом Б. А. Кистяковским, который называл главной ошибкой О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса перенесение «в социальные науки основного методологического принципа естествознания, т. е. причинного объяснения явлений» и использование понятий естественных наук [528, с. 33].

Сторонники неокантианства распространяли свои мировоззренческие идеи и в научно-педагогической практике. В лекциях по русской истории начала XX в. для студентов Нежинского историко-филологического института М. И. Лилеев называл устаревшими попытки позитивистов применять исключительно естественнонаучной методологию и методику к общественным наукам. Кроме того, рассмотрев труды В. Виндельбанда, Г. Риккерта, А. Ксенополя, он поддерживал неокантианское деление наук на две группы – номотетические и идеографические [142, л. 13–22].

Рассуждения Г. Риккерта о противопоставлении естественных и гуманитарных наук [809, с. 147–151] и его утверждение об истории как науке о духе [810, с. 15] находили большую поддержку у философов, чем у историков. Среди последних неокантианскую классификацию наук безоговорочно поддерживал Е. Н. Щепкин [970, с. 1].

В конце XIX в. наблюдался отход позитивистов от биологического редукционизма. Для модернизированной позитивистской модели историописания характерно резкое уменьшение роли идей натурализма и органицизма и усиленное внимание к проблемам научного познания.

В конце XIX в. в Российской империи критика позитивизма и других, т. наз. «материалистических» течений вошла в активную фазу. Главным недостатком позитивизма киевский философ Г. И. Челпанов считал именно недостаточную разработанность теории познания, подчёркивая при этом, что если бы наука «отбрасывала всё, что Конт признавал метафизическим, то она, несомненно, остановилась бы в своём развитии» [964, с. 250].

Неокантианцы, по сравнению с позитивистами, демонстрировали принципиально иной подход к историческим фактам. Они считали их единичными, самостоятельными, несвязанными между собой явлениями. Неповторяемость общественных явлений, по мнению Г. Риккерта, свидетельствует о принципиальной невозможности научного изучения не имеющих законов исторических фактов [808, с. 131–132].

Одной из основных задач общественных наук неокантианство считало исследование коллективной психики, сознания и подсознания отдельных лиц. Важной задачей исторических исследований В. И. Веретенников называл реконструкцию психических процессов исторической обстановки путём совместного изучения норм психической деятельности человека и исторических фактов [310, с. 161–162]. Другой неокантианец Е. Н. Щепкин отмечал, что широко применяемый в немецкой историографии критический метод Л. фон Ранке «всецело основан на психическом опыте и психологических обобщениях» [969, с. 301 прим.].

Главные представители неокантианской парадигмы (среди них Е. Н. Щепкин) временами демонстрировали не только критическое, а иногда и пренебрежительное отношение к позитивистской теории, считая её догматической доктриной [971, с. 1]. Однако неокантианцы (в отличие от позитивистов) менее агрессивно, как правило, высказывали своё отрицательное отношение. «Каждая теория познания, – утверждал Е. Н. Щепкин, – остаётся... всё таки теорией, т. е. знанием

гипотетическим, условным, не обладающим абсолютной достоверностью, поэтому нам приходится стать по отношению теории познания на точку зрения плюрализма, множественности конкурирующих теорий» [970, с. 33]. Неокантианцы ссылались на классиков позитивизма и поддерживали разработанные позитивистами исследовательские методы¹⁴⁶.

Некоторые позитивисты разделяли отдельные идеи неокантианства. Одной из причин принятия неокантианских идей стало осознание частью учёных несоответствия между позитивистской методологией (прежде всего теорией познания) и новым уровнем развития историографии, который обуславливал новые подходы к объяснению исторических фактов. Этим объясняется и снижение критического модуса позитивистских трудов, посвящённых анализу новейших теорий.

Часть учёных воспринимала новейшие идеи как новый идеал научности. Распространение идей неокантианства в исторической науке привело к усилению релятивизма¹⁴⁷ и субъективности в исследованиях, частичному отказу от основных принципов позитивистского историописания. Наиболее яркое проявление это нашло в европейской историографии 1920-х – 1930-х годов (О. Шпенглер и другие).

Некоторые позитивисты, жившие на украинских землях, высоко оценивая неокантианство, пытались синтезировать принципы позитивизма и идеализма. Новое направление, по мнению В. В. Лесевича, не было, в отличие от позитивизма, гносеологически ограниченным [646, с. 28, 30]. О. Конт, по наблюдению В. В. Лесевича, во вступлении к «Курсу позитивной философии» неоднократно использовал понятие И. Канта «вещь в себе» и повторил его утверждение об относительном

---

146 В лекциях по методологии, которые читал Е. Н. Щепкин на Высших женских курсах в Одессе в 1904 г., больше всего ссылок на труды Г. Спенсера и Дж. Ст. Милля [970]. Е. Н. Щепкин высоко оценивал индуктивный подход позитивистов к общественным явлениям [970, с. 19–21], а также широкое применение ими статистического метода: «Жизнь в настоящем с математически приближительной точностью может [быть] изучена путём статистики» [970, с. 5].

147 Г. Зиммель считал, что «недоказуемость историко-философских утверждений ещё не обозначает их неверности» [488, с. 117].

характере знаний, причинности и закономерности исторических явлений [656, с. 293].

Эту точку зрения разделял М. М. Ковалевский, который подчёркивал, что О. Конт сам признавал влияние идей И. Канта на своё творчество. М. М. Ковалевский приводил признание самого О. Конта в опубликованном Э. Литтре письме 1824 г.: «Я всегда смотрел на Канта как на очень сильный ум, как на метафизика, всего ближе подошедшего к положительной философии» [567, с. 300; такая же цитата: 575, т. 1, с. 142].

Под влиянием неокантианских и спенсеровских идей М. М. Ковалевский расширил сформулированное О. Контом определение общества: «Длительный союз людей, занимающих определённое пространство, состоящих в психическом, по меньшей мере, взаимодействии между собою и подчиняющихся общему и принудительному руководству» [562, с. 175–176]. Одновременно учёный подчёркивал свою непричастность к психологическому направлению в науке, но признавал необходимость использования данных коллективной психологии в социологических исследованиях [575, т. 1, с. 25].

Другой представитель «Русско-украинской» исторической школы Д. М. Петрушевский также высоко оценивал влияние неокантианских идей на развитие теории исторического процесса. Он считал, что новые труды немецких учёных по теории исторического познания [очевидно, прежде всего Г. Риккерта и М. Вебера – Б. Е.] помогут избавиться от «наивного догматизма, который так тормозит исторический анализ» [777, с. 80].

Тем временем части позитивистов была близкой позиция Г. Спенсера, который называл утверждения И. Канта псевдоидеями [858, т. 5, вып. 7, с. 53]. П. Н. Ардашев, например, считал вредным сведение исторической эволюции к индивидуальным фактам («отдельным поступкам отдельных личностей») и подчёркивал коллективный характер исторического процесса [229, с. 8].

Неокантианство, по оценке А. Хочфелдовой, имело подобные условия и характер распространения в польской общественной мысли [1786]. «Постпозитивистская рефлексия, – по убеждению Е. Матерницкого, – тогда проходила прежде

всего под знаком отрицания и скептицизма относительно того, что утверждал или приписывал позитивизм истории. Одобрялись только достижения эпохи позитивизма в технике исследований. Зато был подорван миф об объективности исторической науки, опровергалась ценность индукционного нагромождения фактов, раскритикован упадок исторической мысли... отгораживания науки от жизни,... также часто скептически высказано на тему существования исторических законов и возможности их открытия с помощью историка» [1821, s. 121]. Общими тенденциями европейской историографии конца XIX – начала XX веков польский профессор назвал: «охват научными исследованиями всех сторон исторического процесса»; «тесное объединение истории с другими науками, прежде всего с социологией, психологией, антропологией, экономией и географией»; «подчинение монографических исследований и исследований, касающихся отдельных проблем, синтеза» [1821, s. 122].

Своеобразное соединение принципиально разных моделей историописания стало характерным для исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Молодое поколение польских учёных раскритиковало позитивистские принципы исторического познания, подчёркивая несоответствие исторической модели научного познания естественнонаучной. Против сохранения естественнонаучных исследовательских принципов в исторической науке выступал В. Козловский [1054]. В предисловии к одной из своих книг начала XX в. он указывал: «Естественноисторический догматизм, безусловно господствовавший на протяжении четверти столетия среди естествоиспытателей и образованного круга, сейчас уступает место также некритическому, как и его предшественнику, скептицизму. Атаки на знания..., споры и непоследовательности стали сейчас модой среди учёных, подобно тому как тридцать лет была такой же тактика в богословском лагере» [1054, s. 5].

Во вступительной лекции по социологии во Львовском университете В. Пилат подчёркивал, что «первые социологические школы обращались ещё к рационализму, ...даже материализму»; между тем новейшая социология обращается к И. Канту, поскольку «в нём находят теоретико-познавательные основания для своих исследований» [1094, s. 3].

В Восточной Галиции в результате научных дискуссий начала XX в. часть исследователей также признала отличие методов в исторической науке и естествознании (например, К. Трилёвский [482] и В. Л. Панейко [749]). Естественнонаучный подход к историческим законам раскритиковал и профессор Львовского университета Ш. Ашкенази [987, s. 304].

Таким образом, влияние неокантианства на позитивистскую историографию воплотилось в немногочисленных попытках иррационального объяснения исторических фактов. Важным результатом частичного восприятия неокантианства историками-позитивистами, как указывает А. Я. Гуревич, стало понимание инструментальной роли исторических понятий, получение исторической наукой статуса самостоятельной, независимой от естествознания отрасли знаний [1262, с. 111]. Идеи неокантианства отразились также в исследованиях психологии масс и отдельных личностей.

Среди историков на украинских землях идеи И. Канта и неокантианцев были менее популярны в сравнении с социологическими. Принятию этой концепции мешали натуралистический и рационалистический характер позитивистского мировоззрения, а также неприязнь позитивистов к идеалистической метафизике.

Влияние неокантианства на позитивистскую историографию на рубеже веков проявлялось также в новых подходах к гносеологическим и аксиологическим проблемам. Однако, если в первые два десятилетия XX в. интерес к проблемам эпистемологии и аксиологии значительно вырос, то в 1920-х годах – время активного введения идеологии марксизма в советском варианте – он почти исчез из-за ограничения применения принципов позитивизма и неокантианства в научных исследованиях.

Кроме распространения неокантианства, на рубеже XIX–XX вв. в польской и частично в других историографиях произошла реанимация идей романтизма. Польские неоромантики (в т. ч. львовские) раскритиковали основные концепции польского прошлого: «пессимистическую» краковских историков и «оптимистическую» Варшавской школы позитивистов (см. детальнее статьи Л. А. Зашкильняка [1313] и О. В. Рудой

[1625, с. 260]). Неоромантическая польская историография идеализировала и модернизировала прошлое в угоду тогдашним политическим задачам [1315, с. 232; 1818, s. 37–41 и др.]. В другой работе Л. А. Зашкильняк повторяет, что неоромантическая историография «под давлением политики и идеологии абсолютизировала своеобразные черты исторического развития каждой нации, противопоставила её другим» [1307, с. 19]. Распространение польского неоромантизма привело к актуализации этногенеалогических мифов с целью обоснования территориальных и государственных претензий поляков.

Возобновлённую романтизацию национальной истории молодой генерацией польских историков подвергнул критике М. С. Грушевский [396, с. 16–17]. Он призывал активно использовать общепризнанные исследовательские методы, поскольку тогда «вся историческая романтичность развеется как мечта» [395, с. 15]. Такой же подход продемонстрировал его ученик М. М. Кордуба, раскритиковавший румынского историка Н. Йоргу за идеализацию национальной истории [601].

В польской исторической науке неоромантизм имел большее распространение в сравнении с украинской историографией. Неоромантическую визию истории среди известных украинских учёных отстаивали В. К. Липинский и Д. И. Яворницкий.

Подобно романтизму первой половины XIX в. неоромантизм рубежа XIX–XX вв. приводил к частичной мифологизации истории. Типичными в этом плане являются идеи В. К. Липинского, в творчестве которого соединялись богословские и неоромантические традиции с позитивизмом. В частности, он рассматривал цивилизационное развитие с богословских позиций. «Вся человеческая цивилизация и вся человеческая культура, – писал историк, – зародилась и развивалась по линии борьбы со злом, по линии борьбы с первородным грехом человечества – его ленностью и инертностью – по линии самого большого сопротивления» [667, с. 197].

Кроме В. К. Липинского, среди украинских историков конца XIX – 30-х гг. XX вв., придерживавшихся неоромантической модели историописания, наиболее известным был Д. И. Яворницкий. Историки-позитивисты В. Б. Антонович,

Д. И. Багалей, А. М. Лазаревский как публично, так и в частной переписке критиковали труды Д. И. Яворницкого. Стронники документального изложения исторических событий не могли высоко оценивать «написанные хотя и художественным языком, но с многочисленными ошибками и неточными оценками студии своего коллеги» [1164, с. 67]. А. М. Лазаревский в своём отзыве привёл множество грубых ошибок в работах Д. И. Яворницкого. В частности, он считал, что во втором томе «Истории запорожских казаков» автор «совершенно пренебрёг приёмами учёной критики, последствием чего явилось полное отсутствие научности в его труде» [1886, с. 23]¹⁴⁸.

Таким образом, неоромантическое объяснение предмета, объекта, принципов и методов исторического исследования значительно отличалось от позитивистского. Неоромантизм подчёркивал неповторность духовно-культурных явлений. В понимании неоромантиков каждый народ (нация) был исключительным социально-культурным феноменом. Между тем позитивисты подчёркивали некоторые общие черты, присущие всем нациям. Кроме польской и украинской исторической науки, по Л. А. Зашкильняку, неоромантические тенденции были ощутимы также в венгерской, румынской, российской историографиях [1307, с. 19].

Влияние неоромантизма и неокантианства прослеживается и в единичных попытках иррационального объяснения

---

148 Более поздние исследователи творчества Д. И. Яворницкого не были так категоричны. По оценке М. М. Олейник-Шубравской, «собственные поиски и наблюдения над словесным фольклором, предметами народной культуры помогли глубже вникать в духовный мир героев прошлого, познавать их быт, нравы, интересы» [1545, с. 10]. По мнению В. И. Ульяновского, «преобладающий этнографический метод во всех трудах» Д. И. Яворницкого дал «возможность представить, познать и воссоздать стиль жизни, модели поведения и мышления казачества» [1715, с. 757]. Сам Д. И. Яворницкий считал свой подход наиболее целесообразным для изучения истории казачества, объясняя в предисловии к одной из своих ранних работ: «Я не мог довольствоваться изучением одних только военных подвигов запорожцев, а непременно хотел представить себе, в возможной полноте, и всю внутреннюю жизнь их» [1901, с. 1]. И далее: «Внутренняя жизнь народа даёт возможность познать его дух, его умственные и нравственные силы, его способность или неспособность к культуре» [1901, с. 1].

исторических фактов, использовании присущих романтизму терминов («народный дух» и другие), подчёркивании активной роли коллективного и индивидуального сознания в истории. Такие попытки не находили поддержки позитивистов. Ссылаясь на О. Конта и Л. Гумпловича, П. Н. Ардашев отстаивал необходимость изучения разных факторов исторического развития, которые не могут быть сведены к индивидуальной психологии [229, с. 8].

С восстановлением польской государственности часть польских неоромантиков (среди них известный львовский профессор О. Бальцер) выступила с критикой своих бывших взглядов [1625, с. 261 прим. 17]. Произошло, как указывает Л. А. Зашкильняк, возвращение польских историков «к позитивистским основам, но на более высоком уровне» [1313, с. 41].

Наряду с неоромантизмом и неокантианством в конце XIX – в начале XX вв. распространялись идеи религиозной философии. Особую популярность она приобрела в Российской империи, в т. ч. и в подросийской Украине.

Определённая популярность российской религиозной мысли на рубеже XIX–XX вв. была обусловлена, в частности, разочарованием части интеллигенции в просветительских идеалах, усилением религиозных и мистических настроений в обществе. Религиозные мыслители всегда критически оценивали идеи позитивизма. Резкий протест у религиозных мыслителей (например, у П. И. Линицкого [662, с. 57–58, 207]) вызвало объявление О. Контом социологии светской религией. Русский религиозный философ С. Н. Булгаков, который в 1901–1906 и 1918–1922 гг. жил на Украине, называл религию определяющей силой духовной жизни [296, с. 5]. Учёный был убеждён в наличии религиозной веры у всех людей, как «у религиозно-наивного, так и у сознательно отрицающего всякую определённую форму религиозности» [296, с. 5].

Типичным примером критической реакции на российскую богословскую литературу является статья М. Н. Бережкова «Несколько слов на тему “о национальном самоотречении”». Он доказал ошибочность, поверхностность и надуманность многих утверждений В. С. Соловьёва. Приводя из-

вестные факты из истории Новгородской земли конца IX в., нежинский исследователь подчёркивал, что «в призвании варяжских князей в IX-м веке нельзя видеть какого-то особого подвига русского народа, а тем более „самоотречения и бесстрашного патриотизма”» [255, с. 4]. Учёный объяснял, что со стороны новгородских словен было выгоднее и дешевле пригласить варягов, чем местных князей [255, с. 4]. М. Н. Бережков резко раскритиковал русского философа за его нетерпимость к католицизму [255, с. 5–6]. Он считал некорректной критику В. С. Соловьёвым деятельности Петра I и с позиций сохранения старых порядков и принудительного заимствования цивилизации и образованности из Западной Европы. Слова В. С. Соловьёва «пришлось искать чужой цивилизации и просвещения за неимением своих» М. Н. Бережков раскритиковал, считая, что цивилизация и просвещение на Руси существовали ещё до начала XVIII в. [255, с. 9]. Оценку цивилизационного влияния Западной Европы нежинский учёный свёл к прагматическому уровню: «Покупали произведения европейской промышленности и платили за учебу европейской науке, вводившейся в виде полезного ремесла» [255, с. 9]. При этом он указывал, что «заимствование цивилизации происходило без национального самоотречения от народной исключительности, реформа Петра была конечно подвигом с его стороны и всего народа, но подвигом нужным и полезным: это была экономическая операция, затрата огромного труда в целях будущего» [255, с. 9].

По мнению И. П. Печеранского, «религиозное возрождение» было реакцией на распространение позитивизма и материализма в России и на Украине, либерально-реформаторской формой «*духовно-академического философствования, в противовес синодально-догматическому и светско-публицистическому* [курсив авт. – Б. Е.]» [1563, с. 480]. Исследователь среди прочих отметил такие черты академической философии: критика идей материализма, атеизма, позитивизма, отказ от некоторых религиозных догм, использование достижений естествознания, психологии и исторической науки, отличный от ортодоксов-богословов категориальный аппарат, в гносеологии следование идеям немецкого идеализма

XVIII – XIX вв., отдалённость «академистов» от богословия [1563, с. 481–482].

Ярким представителем киевской академической философии второй половины XIX – начала XX веков был В. З. Завитневич. Он критиковал историков за типичный для позитивистского историописания естественно-исторический, антрополого-географический и социальный подход к изучению наций [478, с. 25]. В. З. Завитневич считал ограниченной трактовку термина «национальность» только с использованием социологических критериев [478, с. 27].

Под влиянием эмпириокритицизма в начале XX в. среди членов РСДРП (С. Н. Булгаков, А. В. Луначарский, А. А. Богданов (Малиновский)) распространяются идеи т. наз. «богоискательства» – поиска элементов христианства в социализме. Для С. Н. Булгакова это закончилось идеологическим и организационным разрывом с социал-демократическим движением. На первый киевский период жизни С. Н. Булгакова (1901–1906 годы) приходится его переход от марксизма к особой религиозной философии. Он ознаменовался принципиально новыми по мировоззренческим основам научными трудами и публичными лекциями, основанием первой в Киеве религиозно-философской газеты «Народ» (в 1906 г. при участии С. Н. Булгакова вышло 8 номеров), активным его участием в создании (Москва, 1905 г.) и работе Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва [1726, с. 24].

Фундаторы и последователи позитивизма и марксизма рассматривали общество как целостную систему (а сторонники эволюционного позитивизма ещё и как социальный организм). Повторяемость устоявшихся социально-экономических явлений доказывала, по мнению марксистов, существование исторических законов (по мнению позитивистов – закономерностей или устойчивых тенденций) (см. соответствующий раздел). Поэтому часть позитивистов достаточно высоко оценивала учение К. Маркса, в частности за формулировку законов общественного развития и основательное исследование социально-экономических явлений.

Идеи марксизма были известны общественности и учёным России и Австро-Венгрии благодаря русскоязычным

(хрестоматийный пример – первый разрешённый цензурой и напечатанный в 1872 году перевод первого тома «Капитала» К. Маркса – русскоязычный), украиноязычным и польскоязычным переводам работ К. Маркса, Ф. Энгельса, трудам представителей «легального» марксизма и других течений социал-демократического движения.

Показательно признание киевского экономиста М. И. Туган-Барановского относительно увлечения разночинной интеллигенцией марксизмом: Разночинец «становился социалистом без всякой внутренней борьбы с самим собой» [902, с. 242].

Подобные подходы были присущи всей общественной мысли в России. В начале XX в. С. Н. Булгаков называл марксизм «ясным до прозрачности», крайним выражением позитивистской социологии, «её откровенным и последним словом» [298, с. VIII]. Он считал, что «марксизм пришёл не разрушить, а исполнить заветы того догматического позитивизма, которому служила, но не сохраняла верности до конца субъективная социология» [298, с. 320]. Поэтому, по убеждению С. Н. Булгакова, марксисты легко получили победу над т. наз. субъективной школой в российской социологии [298, с. VIII–IX].

Прямое влияние марксизма в форме непосредственного заимствования отдельных положений исторического материализма прослеживается в творчестве немногих учёных (среди них прежде всего М. В. Довнар-Запольский, М. П. Драгоманов, Н. И. Зибер, Б. Лимановский, М. И. Туган-Барановский, И. Я. Франко). В разной мере в отдельные периоды своей жизни и творчества с идеями марксизма увлекались и другие учёные (среди них М. М. Ковалевский¹⁴⁹, Е. В. Тарле).

Хорошо знакомые с марксизмом Н. И. Зибер [486; 1304], М. М. Ковалевский [572, с. 287–297] и В. В. Новодворский [734] защищали его экономические идеи, но критиковали политические лозунги, высказанные в этом учении. Признание М. М. Ковалевским и некоторыми другими позитивистами ряда положений марксизма не означало принятие ими всей доктрины

---

149 Н. П. Рагозин утверждает, что схема магистерского исследования М. М. Ковалевского «несомненно позаимствована у Маркса» [1611, с. 95]. Наша точка зрения не так категорична, поскольку подобные подходы характерны и для позитивистов.

К. Маркса, особенно его теории социалистической революции и диктатуры пролетариата. В. В. Новодворский подвергал критике других исследователей за перекручивание идей марксизма. Он подчёркивал, что экономический материализм не отрицает влияния идеальных факторов даже на экономику, а только считает эти факторы второстепенными [735, с. 8].

М. М. Ковалевскому также не нравились некоторые методологические подходы марксизма. В письме от 15 октября 1875 г. он оценивал «Капитал» К. Маркса как «уклонение» от «позитивного метода» [980, с. 137 прим.]. По убеждению М. М. Ковалевского, положения марксизма написаны «на песке», ибо «Маркс был и остался гегельянцем» [980, с. 137 прим.]. В воспоминаниях российский учёный опять подчёркивал: «Что сам Маркс оставался до конца не допускающим компромисса последователем гегелевской философии, в этом я не раз имел возможность убедиться из собственных его заявлений» [556, с. 72].

Большинство исследователей творчества И. В. Лучицкого подчёркивают непринятие им идей марксизма (из-за отсутствия, наверное, соответствующих указаний в его трудах). Однако его ученик Е. В. Тарле ещё в 1914 г. утверждал иное: «Движение в исторической науке, связанное в Англии с именем Роджерса, в Германии с именами Маркса и Шмоллера, и приведшее к большему оживлению интереса к экономической истории, нашло в И. В. убеждённого сторонника и последователя» [876, с. 55]. Это противоречие можно объяснить тем, что И. В. Лучицкий как человек широкой научной эрудиции знакомился с огромнейшим количеством новейшей научной литературы, в т. ч. с сочинениями К. Маркса, Ф. Энгельса и их последователей, рецензиями и откликами на них, дискуссионными материалами о марксизме и т. п. Частичная рецепция положений материалистического понимания истории происходила и путём обсуждения и критики их положений. Поэтому И. В. Лучицкого как одного из главных представителей «социально-экономического направления» не могли не заинтересовать политэкономические идеи К. Маркса.

Возможно, имея в виду и своего научного руководителя И. В. Лучицкого, Е. В. Тарле писал в 1908 году: «Марксистские идеи влияли и продолжают влиять даже на тех лиц, кто

не подпишется под ними. Те историки, которые не согласны с Марксом, много времени и сил тратят именно на изучение экономического строя... эти взгляды повлияли даже на тех, кто отрицает... исходные пункты философского учения Маркса» [874, с. 149]. Более того, Е. В. Тарле называл новейшую социологию «производной влияния Маркса и Конта» [874, с. 151].

Характеризуя марксизм как «суррогат общественной науки» [777, с. 80], Д. М. Петрушевский одновременно признавал, что «несомненно исторический материализм сравнительно с историческим идеализмом является значительным шагом вперёд» [777, с. 79]. Свою оценку он объяснял тем, что, в отличие от идеализма, «исторический материализм отправляется от изучения вполне реальных фактов хозяйственной и социальной жизни данного общества и этим выдвигает на первый план такие стороны исторического процесса, которые до того времени не привлекали к себе надлежащего внимания историков, а между тем чрезвычайно важны для уразумения самого существа исторического процесса» [774, с. 11; то же: 773, с. 88].

Для общественных наук исследуемого времени было характерно не прямое влияние исторического материализма, а именно обсуждение позитивистами дискуссионных положений марксизма. Как и в отношении к позитивизму, так и к марксизму историки не «занимались простым повторением» их идей, а «пытались выработать собственную точку зрения» [1507, с. 106].

В. Б. Антонович, как вспоминал В. М. Щербаковский, считал А. Смита лучшим политэкономом, чем К. Маркса. Последний, по оценке В. Б. Антоновича, был больше публицистом, чем учёным [86, к. 9; опубл. 973, с. 207]. Киевский профессор называл марксизм «догматическим учением», «фикцией», подчёркивая при этом социальный запрос на такую теорию: «Чем примитивнее масса, тем абсурднее, но непреклоннее она принимает фикцию и её догмы» [86, к. 9; опубл. 973, с. 208]. В разговорах с молодёжью В. Б. Антонович относил время социалистического общества к далекому будущему: «Это дело „отдалённого“ будущего. Это идеал, к которому стремятся люди, а не программа „ближайшего“ времени» [114, л. 2].

Марксизм (за некоторыми исключениями), в отличие от позитивизма, пребывал до начала 1920-х годов вне ра-

мок академической и университетской науки. Использование марксизма идеологами революционных политических партий только мешало рецепции этих идей преимущественным большинством позитивистов. Противостояние между учёными – сторонниками позитивизма и марксизма – временами приобретало и форму конфликта (даже без личного знакомства)¹⁵⁰.

Марксизм, по оценке М. И. Туган-Барановского, не «является совершенным выражением истины» [904, с. 973]. Учёный был глубоко уверен, что «плодотворная критика Маркса может исходить только от его последователей» [904, с. 973]. Теория стоимости А. Смита и теория дополнительной стоимости К. Маркса, по его убеждению, требуют дальнейшего исследования и «как теории чисто социологические» имеют «для политической экономии преимущественно методологическое значение» [904, с. 984]. Последнее утверждение более характерно для позитивиста, чем для марксиста.

К. Маркс

Под влиянием марксизма в начале XX в. несколько историков пытались доказать примат экономических законов в историческом процессе. Профессор Киевского университета

---

150 В письме к редактору журнала «Голос минувшего» С. П. Мельгуну от 10 октября 1913 г. М. В. Довнар-Запольский удивлялся резкой рецензии историка-марксиста М. Н. Покровского [798] на работу «История русского народного хозяйства», в которой киевский профессор пытался соединить постулаты позитивизма и марксизма: «Я сам ожидал от г. Покровского более основательных возражений и я поражён слабостью их и недостаточным знакомством с предметом... я поражён резкостью тона, озлобленностью...какое-то сведение личных счётов. Мне почти не верят, что я с г. Покровским (кажется) даже не встречался. „Марксизм“ здесь не причём, ибо антимарксисты как раз меня упрекают в излишнем марксизме» [83, л. 20–20 об.].

М. В. Довнар-Запольский признавал, что «разработка экономических и финансовых вопросов составляет одну из самых важных сторон в изучении истории» [423, с. V]. В частности, он выступил за разработку отдельных экономических законов [425, с. 1]. Но при этом учёный предостерегал от преувеличения влияния производственных отношений на исторический

Ф. Энгельс

процесс [425, с. 1]. М. В. Довнар-Запольский также высоко оценивал политэкономические достижения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Сознание ...влияния производственных форм на исторический процесс составляет важный поворот в направлении исторической мысли» [424, с. 265]. В защиту «экономического материализма» выступил и Д. М. Петрушевский [771, с. 311–312], писавший о «реальном базисе», на котором надстроены другие общественные явления [772, с. 4].

Характеристика историками-позитивистами экономического строя была много в чём подобной марксистской. Значительная часть историков начала признавать социально-экономическую обусловленность общественно-политических изменений. «Политические колебания, изменения и перевороты, – писал В. Г. Ляскоронский, – происходят вслед за предшествовавшими... социально-экономическими изменениями в стране и переменами во взглядах, верованиях и идеалах её общества» [691, с. V].

Одновременно часть учёных начала XX в. критиковала марксизм. Профессор Харьковского университета В. П. Бузескул характеризовал марксизм как «грубое искажение истории» [282, с. 475; похожее суждение: 281, с. 461].

Другой преподаватель Харьковского университета А. С. Вязигин критиковал марксистов за то, что у последних «идеальные стремления низведены до совершенно ничтожной роли в теоретических построениях поборников преобладающего влияния экономики; творчество личности потонуло в окружающей

её среде. Самонадеянно затеянная переоценка ценностей свелась, однако, к попытке заменить одни верования другими, но не к уничтожению самой веры» [1872, с. IV–V].

П. Н. Ардашев выступил против экономического детерминизма, разработанного, по его оценке, наиболее основательно в трудах К. Маркса и Г. В. Плеханова [103, л. 214]. Он оценивал теорию исторического материализма как априорную, гипотетическую и устаревшую на начало XX в. («совершенный анахронизм в научном смысле») [228, с. 59–60]. П. Н. Ардашев считал, что монистический характер теории исторического материализма обуславливает научную несостоятельность марксистской теории [228, с. 60]. По мнению учёного, «диалектический метод как определённое содержание научных форм логического мышления, приправленный, кстати сказать, порядочной дозой опьяняющего идеала, дал возможность основателям марксизма, ревностно искавших в общественных формах типических отношений, прийти к констатированию... положений с характером более-менее утопических» [144, л. 4]. Ссылаясь на Г. В. Плеханова, П. Н. Ардашев считал развитие производительных сил не постоянной, а изменяющейся величиной. Эту точку зрения он обосновывал новыми научными открытиями и изобретениями [103, л. 214]. Термин «производительная сила» киевский исследователь считал только абстракцией [104, л. 21].

Придерживаясь многофакторности исторического процесса, позитивисты (например, И. А. Линниченко [53, л. 2]) категорически выступили против признания экономического фактора главным в общественном развитии. «Пустым вопросом» называл поиск в экономических явлениях главной первопричины исторического развития В. В. Новодворский [735, с. 8].

Д. И. Багaley считал преувеличением оценку К. Марксом и Ф. Энгельсом роли экономики в историческом процессе. По этому поводу харьковский профессор писал: «Сама по себе идея об огромном значении экономического фактора (но не единственного основного) в жизни человечества в высшей степени плодотворна. Мало того, заслуживает полного внимания и сочувствия попытки проследить влияние этого фак-

тора и на всё остальные сопредельные области человеческой жизни, в т. ч. на область идей» [241, с. 13]. Одновременно Д. И. Багалея назвал «предвзятой мыслью» и «априорной доктриной» рассуждения о том, что «основным фактором является экономика, а влияние идей будет уже фактором производным» [241, с. 13]. Он же квалифицировал экономический материализм как «новейший тип запоздалой метафизической по существу „философии истории“» [241, с. 13].

Большинство учёных исследуемого времени (например, Д. И. Багалея [241, с. 13]) воспринимало марксизм как метафизическое учение, поскольку К. Маркс использовал идеи Г. В. Ф. Гегеля. Однако ещё в рукописи «К критике гегелевской философии права» (1844 г.) К. Маркс раскритиковал идеалистическую основу гегелевской диалектики [697, с. 420, 428 и др.].

Подобно большинству позитивистов неокантианцы критически оценивали политическую програму «раннего» марксизма. Ссылаясь на Г. Спенсера, Е. Н. Щепкин, например, характеризовал социализм как «первобытный коммунизм (у американских индейцев), опирающийся на принципы семьи, т. е. поддержка наиболее слабых» [50, л. 141]. Он также подчёркивал, что сами К. Маркс и Ф. Энгельс «не настаивали на крайностях своего теоретического доктринёрства» [969, с. 277] и высказали «целый ряд оговорок и ограничений из учения об исключительном значении экономического фактора в истории» [969, с. 277]. Недостатком марксизма одесский историк считал игнорирование «разнообразия человеческих интересов» [50, л. 118].

Вслед за фундаторами позитивизма и французскими историками-медиевистами XIX в. историки-позитивисты украинских земель признавали классовую борьбу, но не считали её главной движущей силой общества, как провозгласили К. Маркс и Ф. Энгельс. Для большинства историков-позитивистов классовая борьба была, в лучшем случае, только одним из второстепенных факторов общественной эволюции. Этим обусловлена замена в некоторых научных трудах термина «классовая борьба» «борьбой интересов» (М. П. Драгоманов [432, с. 302], М. М. Ковалевский [572, с. 59] и др.) и огра-

ниченная трактовка самого словосочетания как борьбы определённых политических и социальных групп с целью защиты своих интересов. Наряду с словосочетанием «борьба классов» [например: 683, с. 649; 682, с. 294]. И. В. Лучицкий использовал «борьбу сословий» [например: 682, с. 294]. Характерным для того времени было утверждение А. С. Трачевского, согласно которому без классовой борьбы «не понять исторического развития» [894, № 1, с. 126]. Другой одесский исследователь Е. Н. Щепкин также был убеждён, что классовая борьба не является исключительной движущей силой общества [50, л. 118], считая её значение для истории преувеличением [970, с. 78].

В русле просветительской традиции Т. Р. Рылский называл природу и цивилизацию главными сторонами антагонизма общественного развития. Противоречия между природой и цивилизацией, по его мнению, составляют сущность общественной жизни [1106, с. 49].

Стойкое непринятие вызывал марксизм у представителей богословия. Преподаватель закона божьего в Нежинском историко-филологическом институте имени кн. Безбородько Н. М. Боголюбов резко раскритиковал труды К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского, Э. Вандервельде, считая социалистические идеи примером «душевной анархии» безбожников [266, с. 3].

В целом позитивизм и марксизм выражали характерные для этой эпохи общие тенденции в развитии науки об обществе. Специфической чертой развития общественных наук в России, в частности на подросийских украинских землях, 1870-х – 1890-х годов, по оценке Е. И. Кукушкиной, было «мирное сосуществование» обеих теорий, быших «одинаково привлекательных для образованной публики, которая связывала с ними свои надежды на успех социальных преобразований в стране» [1424, с. 8].

М. В. Довнар-Запольский

Подобное сосуществование (а с 1890-х годов конкурирование) идей марксизма и позитивизма наблюдалось и на западноукраинских землях.

Жившие в Восточной Галиции учёные неоднозначно относились к марксизму. М. С. Грушевский достаточно сдержанно относился к увлечению частью общества и некоторыми учёными идеями экономического детерминизма (прежде всего марксизма): «Было бы большой ошибкой подвергнуться искушению „упрощения“ исторического процесса и пытаться свести всю разнородность и разносторонность его к влиянию самих экономических причин. Такое чисто династическое событие, как брак Ягайла с Ядвигой, или такая клерикальная интрига, как церковная уния, имели на дальнейшее развитие украинской жизни не меньшее, может, влияние, чем развитие фольварочного хозяйства» [402, т. 38, кн. 5, с. 231]. Кроме того, М. С. Грушевский дал более глубокую оценку роли классовой борьбы в общественной эволюции: «Порабощение класса классом, таким образом, является одинаково результатом упадка солидарности и коллективности, или он завершается отвратительным насилием или экономическим индивидуализмом, дорогой бескровной и мирной» [389, с. 255].

И. Я. Франко сначала достаточно высоко оценивал социалистические идеи: «Социализм – великое культурное приобретение новейших времён» [935, с. 265]. Под влиянием М. П. Драгоманова учёный рассматривал громадковский социализм как будущее идеальное общество, в котором будет устранено «большое общественное неравенство, всякая эксплуатация и всякое убожество» [943, с. 44]. Вслед за К. Марксом И. Я. Франко признавал полезность (при определённых условиях) общественной собственности и считал необходимым в будущем обобществление частной собственности: «Общая работа и общая собственность [разрядка текста автора – Б. Е.] – это должны быть основания, на которых должен быть построен новый общественный строй» [942, с. 336]. Однако активная политическая деятельность немного скорректировала его взгляды. Настоящую сущность политики лидеров социалистического движения он характеризовал как или «фарисейство людей, которые интернациональными

идеалами рады бы прикрыть свои стремления к господству одной нации над другой, или болезненный сентиментализм фантастов, которые рады бы широкими „всечеловеческими” фразами прикрыть своё духовное отчуждение от родной нации [разрядка текста автора – Б. Е.]» [930, с. 284].

И. Я. Франко критически оценивал «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, считая этот документ программой построения тоталитарного государства: «Такая программа государственного социализма уж слишком часто пахнет государственным деспотизмом и униформизмом,... воплощённый на самом деле в жизнь мог бы стать большим тормозом развития или источником новых революций» [919, с. 151]. Учёный, который с середины 90-х годов XIX в. постепенно отошёл от марксизма и громадовского социализма, в чёрных красках изображал будущее социалистическое общество: «Всемогущая сила государства налегла бы страшным грузом на жизнь каждого отдельного человека. Собственная воля и собственное мнение каждого человека должна была бы исчезнуть, зачахнуть, ибо же государство признаёт её вредной, ненужной. Воспитание, имея целью воспитывать не свободных людей, но только состоятельных членов государства, сделалось бы мертвой духовной муштрой, казённой. Люди выросли бы и жили бы в такой зависимости, под таким присмотром государства, о котором теперь в самых абсолютных полицейских государствах нет и речи. Народное государство стало бы огромнейшей народной тюрьмой» [942, с. 341]. И. Я. Франко предвидел «всевластие руководителей» «над миллионами членов народного государства» [942, с. 342].

Д. И. Багалей

Критические оценки марксистской доктрины содержатся в рецензии И. Я. Франко на брошюру «Народники и марксисты» А. Фаресова (1899 г.). Мыслитель высказал сожаление,

что «марксистский социал-демократизм и с точки зрения на свои научные основы, и с точки зрения на свою политику как партия в Европе близкий к банкротству,... получает себе самих горячих сторонников в России» [933, с. 272]. Учёный высоко оценивал исследования К. Марксом начальной стадии развития капитализма [924, с. 83]. Поэтому И. Я. Франко делал оговорки, что «не имеет целью уменьшить научные заслуги и историческое значение Маркса и Энгельса. Но для современных и дальнейших поколений было хорошо, когда будет разбита легенда об их мессианстве и безошибочности, о том, что они почти из ничего создали „научный социализм” и дали в своих писаниях новое воззвание, новое евангелие рабочему народу всего мира» [919, с. 152].

В. Л. Панейко взвешено оценивал соотношение материалистических и идеалистических элементов в марксистской теории исторического процесса. «Материалистическое понимание истории, – объяснял галицкий публицист читателям, – означает отношение между идеальной и материальной стороной общественного процесса в тот способ, что признаёт материальный фактор условным или... решающим составляющим. Взгляд, вроде бы исторический материализм когда-нибудь заявлял, что материя, то есть экономические условия жизни, вызывает или же порождает духовные формы жизни, что идеи, обычаи, искусство и т. д., это только своего рода „отражение” материальных отношений, лишённое собственного, самостоятельного существования – тот взгляд не имеет никакой основы в писаниях Маркса и Энгельса» [748, с. 603].

В. Пилат критиковал подход некоторых последователей К. Маркса к праву и религии как к результату классовой борьбы, называя такие оценки абсурдом [1094, с. 43].

Будущий неоромантик, а в 1898 г. ещё сторонник идей О. Конта А. Шелонговский признавал, что антагонизмы между общественными группами приводят к социальным переворотам (революциям) [1126, с. 12–13]. Одновременно львовский исследователь оценивал классовую борьбу только как одну из движущих сил общественного развития в отдельные эпохи [1126, с. 12–13]. Он называл утопией возможность достичь гармонии экономических интересов [1126, с. 13].

Таким образом, историки-позитивисты оценивали большей частью марксизм как близкую к позитивизму теорию, одновременно критикуя её за монизм и метафизичность. Одновременно часть из них, например М. М. Ковалевский [572, с. III, 321], оценивала марксизм как новое слово европейской научной мысли, которое способствовало усилению внимания к экономической истории. Обе теории объединяли новая социально-экономическая проблематика исторических исследований, признание закономерного характера развития общества и классовой борьбы как движущей силы общественного развития, многофакторный подход. Марксисты, в отличие от позитивистов, выделяли экономический фактор как главный для всех периодов человечества, определяли как основную движущую силу общественного развития классовую борьбу. Для представителей позитивизма же классовая борьба была только одной среди прочих движущих сил. Кроме того, позитивисты не признавали существование исторических законов, только, в лучшем случае, допускали наличие некоторых закономерностей общественного развития. Оба общественных течения пользовались подобной исследовательской методикой. Отношение власти к обеим доктринам как революционным и поэтому вредным, как не странно, также способствовало и сочувственному отношению позитивистов к теории материалистического понимания истории.

Из сказанного выплывает вывод о том, что часть позитивистов, приняв отдельные положения исторического материализма, достаточно высоко оценивала учение К. Маркса за формулировку законов общественного развития и основательное исследование социально-экономических явлений. Марксистская трактовка исторического процесса воспринималась историками-позитивистами как метафизическая (подобно идеалистическим концепциям). Часть учёных вообще не приняла ни одной из марксистских идей. В исторической науке на Украине в 1860-х – 1880-х гг. наблюдается сосуществование, а с 1890-х годов конкурентное сосуществование идей марксизма и позитивизма.

В трудах историков старшего поколения, изданных в советской Украине в 1920-х годах, часто были сохранены все элементы позитивистской модели историописания. Например,

изложение материала в статьях А. М. Андрияшева по истории колонизации Сиверской [198] и Переяславской [197] земель по структуре, многофакторному подходу, характеру использования источниковой информации подобно магистерским работам других учеников В. Б. Антоновича.

Благодаря трудам Э. Дюркгейма и других представителей французской социологической школы в европейской историографии был сохранён модернизированный позитивизм как академический стандарт историописания. М. С. Грушевский давал общую установку своим сотрудникам на изучение и популяризацию европейских новейших социологических идей (главным образом Э. Дюркгейма и других представителей французской социологической школы). В последних историко-социологических статьях и рецензиях М. С. Грушевского и сотрудников его научно-исследовательских учреждений 1920-х гг. содержалась позитивная оценка идей европейских учёных, в первую очередь Э. Дюркгейма и его школы [355; 370 и др.]. Сам М. С. Грушевский продолжал высоко оценивать труды западноевропейских социологов [370, с. 117]. Он, например, характеризовал идеи Э. Дюркгейма, Л. Леви-Брюля, Дж. Дж. Фрэзера как «новые пути исследования предыстории разных явлений социальной и культурной жизни» [373, с. III].

Историко-социологические попытки М. Вебера и других немецких и французских учёных исследовать город и территорию во взаимосвязи П. В. Клименко называл «образцовыми» [530, с. 309, 343]. Он предложил, «учитывая высокую научную ценность этих трудов», использовать методологию немецких и французских учёных, которой «так недостаёт украинской историко-экономической научно-исследовательской работе» [530, с. 343].

Другие сотрудники возглавляемых в 1924–1929 годах М. С. Грушевским академических учреждений (научно-исследовательской кафедры истории Украины и комиссий при Всеукраинской академии наук) также ориентировались на идеи французской социологической школы¹⁵¹.

---

151 Е. Г. Кагаров в рецензии на сборник статей «З примітивної культури» (1924 г.) упрекал Е. М. Грушевскую в том, что она не выявила «ника-

При этом часть учёных, работавшая в академических учреждениях под руководством М. С. Грушевского, считала марксизм устаревшим учением.

П. В. Клименко основным недостатком многотомного труда М. Е. Слабченко «Организация хозяйства Украины от Хмельниччины до мировой войны» назвал неиспользование одесским исследователем концептуальных наставлений предшественников, а только «фактические указания» последних, что привело к «раздвоенности автора между старыми фактическими материальными основами и новыми идеологическими конструированиями» [530, с. 312 прим.]. Большое примечание в рецензии о работе М. Е. Слабченко П. В. Клименко закончил советом: «Находчивости и идеологичности для украинских историков-марксистов мало – надо садиться в архивы, музеи, собирать новый материал и на основании его потом делать новые конструкции и освещать древние фактические и литературные представления и „революционизировать” украинскую историческую мысль» [530, с. 312 прим.].

Е. М. Грушевская критиковала не только марксистские, а и неокантианские подходы к объектам исторических исследований. Главным правилом «разысканий о прошлом человеческой общественной жизни» Е. М. Грушевская называла признание социальности человека и его коллективных представлений [358, с. 202]. Посвящённые «коллективной реальности» фактологические исследования Э. Дюркгейма и его последователей она, цитируя предисловие Э. Дюркгейма к первому тому «L'Année Sociologique», оценивала их более высоко, «чем общие фразы всякого философского трактата» [355, с. 82].

В письме к кузену С. В. Шамраю 26 апреля 1923 г. Е. М. Грушевская откровенно писала из Вены: «Вообще самая слабая сторона марксизма, как политической теории, это то, что он претендует на научность, а эта научность совсем устаревшая и фальшивая. Я, конечно, не хочу влезать со своими „взглядами”,

---

кой самостоятельности, без всякой критики повторяя теории Дюркгейма, Ван-Генеппа и Леви Брюля – теории достаточно спорные» [501, с. 355]. Комментируя этот упрёк, Е. М. Грушевская признавала принятие некоторых положений французской социологии 1920-х гг. [358, с. 204].

но опираюсь на то, что знаю из новейшего социологического опыта. За последних каких-то 20 лет наука развернула такой сложный образ социального процесса, что перед ним марксизм производит впечатление какого-то грубого и наивного митингового клича... А марксисты и сейчас основывают своё понимание прошлого на такой наивной работе, как „Развитие человека” Энгельса. Вообще убежать от сложного и разветлённого детализированного образа социальной жизни, вырастающего из науки и политической практики последних лет и прятаться в „марксизм”, это в определённой мере избегать потребности думать» [9, л. 5; опубл. 1482, с. 193–196].

Не всё окружение М. С. Грушевского так категорично относилось к марксизму. О. Ю. Гермайзе позитивно оценивал влияние идей К. Маркса на украинскую революционную интеллигенцию [333]. Он одобрял и тот факт, что М. Вебер, по его мнению, «близко подходит к марксистским способам исследования и научного мышления» [332, с. 149].

С установлением большевистской власти на большей части украинских земель происходит сначала добровольный, а с конца 1920-х годов – принудительный, с помощью командно-административных рычагов, переход учёных на новые методологические основы, которые были провозглашены марксистскими.

В 1920-х годах часть учёных СССР, учитывая ситуацию в политической жизни вообще и научной в частности, делала попытку применять в своих научных трудах марксистскую методологию исторического познания.

Тематика (социально-экономическая история) и некоторые приёмы научного исследования были общие для позитивистского и марксистского вариантов историописания. Позитивисты и марксисты считали исторический источник не только продуктом человеческой деятельности, а и отражением определённых общественных отношений. Позитивистам с их многофакторной моделью исторического процесса признать примат экономического фактора в историческом развитии было легче, чем представителям других философских течений. Кроме того, идеи прогресса и закономерности исторического развития, необходимости общественных реформ поддерживались и позитивистами, и марксистами.

Для части учёных (например, для М. Е. Слабченко) провозглашение в 1920-х годах перехода на позиции марксизма было попыткой действительно овладеть новой методологией, для других – скорее научной и политической мимикрией (например, для Д. И. Багалея). Под давлением внешних обстоятельств Д. И. Багалея в 1929 г. публично отказался «от своей старой буржуазной исторической идеологии» и признал марксизм-ленинизм единственной научной методологией [244, с. 169]. Более того – учёный согласился на проведение в Харьковском научно-исследовательском институте истории украинской культуры кампании критики и самокритики сотрудников института [детальнее: 1166, с. 91–96]. Преимущественное большинство сотрудников возглавляемого им института (в основном в 1927–1929 годах) провозгласило себя марксистами [1166, с. 26–27, 91–95, 106–107 и др.]. Взгляды большинства сотрудников кафедры представляли собой «своеобразное соединение позитивизма и марксизма (теория факторов, признание решающей роли географической среды в истории, и, отсюда, интерес к колонизации Слобожанщины и Южной Украины, характеристика истории как эволюционного и прогрессивного развития общества, использование терминологии, общепотребительной в исторической литературе 1920-х – 1930-х годов)» [1166, с. 106].

По мнению профессора Харьковского института народного образования и заведующего этнолого-краеведческой секцией Харьковской научно-исследовательской кафедры истории украинской культуры А. В. Ветухова, сущностью новой методологии был «принцип непрерывной переменчивости всего существующего», закономерный характер исторического развития, представлявший собою «непрерывную цепь» причинно-следственных связей между разными элементами базиса и надстройки [311, с. 24]. Понятия базиса и надстройки А. В. Ветухов трактовал по К. Марксу.

Теоретико-методологические основы позитивистской историографии ещё сохранялись в творчестве многих историков УССР 1920-х гг. (особенно в методике работы с историческими источниками) [1166, с. 104–110, 141].

В то же время часть учёных УССР (среди них А. П. Оглоблин, М. Е. Слабченко со своими учениками) в 1920-х годах активно

использовала в исследованиях новую терминологию¹⁵². Вслед за М. Н. Покровским и М. И. Яворским научная молодёжь 1920-х годов трактовала исторические события как результат действия торгового, промышленного и других капиталов. Причиной крестьянской войны в Германии, по мнению А. Киктёва, были не только религиозные и политические факторы, а и экономический. Исследователь делал замечание, что торговый капитал ликвидировал натуральный характер и замкнутость сельской экономики, «усиливал гнёт и эксплуатацию деревни» [527, с. 88].

Таким образом, на развитие позитивистской историографии на рубеже XIX–XX вв. на украинских землях влияли разные концепции исторического процесса. В общественных науках классическая позитивистская модель сменилась её модернизированной версией. В 1920-х годах в советской Украине позитивизм и неокантианство теряют своё влияние в общественных науках, поскольку большинство учёных (в первую очередь из-за новых общественно-политических реалий) провозгласило марксистскую методологию основой своих исторических исследований. В то же время на западноукраинских землях позитивистская модель историописания осталась доминирующей в исторической мысли, приняв ряд положений неоромантизма. Часть польских неоромантиков, в т. ч. из Восточной Галиции, возвратилась к позитивистскому варианту историописания.

Таким образом, можно выделить такую периодизацию позитивистского историописания на украинских землях:

- 1) первый переходной период 40-е – начало 60-х годов XIX в. – время перехода части учёных от романтической к позитивистской модели историописания, распространения англоязычных и франкоязычных изданий фундаторов доктрины позитивизма и появление первых откликов на их труды;
- 2) 1860-е – 1870-е годы – период «раннего» позитивизма, для которого характерно не критическое восприятие пози-

---

152 А. П. Оглоблин в одном из писем 1982 года писал о взглядах М. Е. Слабченко: «Подчёркивание „марксизма“... это, с одной стороны, „дань времени“, а с другой стороны, глубокое убеждение самого Слабченко (и не только его), что он создаёт *новую* [курсив авт. – Б. Е.] марксистскую школу в украинской историографии... школу революционную» [1218, с. 25].

тивизма и мощное влияние его идей на общество; превращение «польского позитивизма», в т. ч. на западноукраинских землях, из научной теории на выдающееся общественно-политическое явление;

3) 1880-е – 1890-е годы – период модернизированного позитивизма, для которого характерно несколько критическое отношение к этой доктрине, частичное соединение последней с идеями неокантианства, марксизма, а на западноукраинских землях ещё и неоромантизма. Второй и третий периоды позитивистского историописания – время признания позитивизма в качестве главной концептуальной модели в исторической науке подроссийских и подавстрийских украинских земель;

4) первые два десятилетия XX в. – период кризиса классической модели позитивистского историописания, её критического переосмысления и поиска новых вариантов со стороны сторонников других парадигм; мода на неоромантизм, преимущественно среди польских историков, на западноукраинских землях. Неоромантизм привёл к частичному возобновлению мифологизации истории. На рубеже XIX–XX вв. на первый план выдвигаются не вопросы онтологии, а теория познания в кантианско-юмистской трактовке. В это время идеи Р. Авенариуса, Э. Маха, А. Рилия, Э. Геринга становятся общеупотребительными в науке;

5) 1920-е годы – период ограниченной пропаганды позитивистских идей (чаще всего в виде позитивных рецензий) в журналах УССР, частичное возвращение представителей разных национальных историографий Западной Украины (в т. ч. части польских неоромантиков) к позитивистским принципам и методам историописания. В синтезе с другими теориями, прежде всего с польским неоромантизмом, позитивистские идеи оставались руководящими в научных трудах западноукраинских историков и учёных украинской эмиграции до начала Второй мировой войны.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЗИТИВИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НА УКРАИНЕ (60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.)

2.1. Позитивистская трактовка объекта, предмета и задач исторической науки, её междисциплинарных связей

Определяющей чертой как европейской историографии вообще, так и национальных в частности, во второй половине XIX – в начале XX вв. стала под влиянием позитивизма эволюция предмета самой исторической науки и её междисциплинарных связей. Одним из главных объектов исторических разысканий становится социальная и (частично) экономическая тематика. Внимание научных кругов было сосредоточено на деятельности не отдельных выдающихся личностей, а народа вообще как социальной общности. Кроме того, новым предметом исследования стал феномен социальных движений.

Конечно, некоторые учёные продолжали печатать и описательные работы по политической истории, которая, будучи главным объектом исследований предыдущей историографии, была историей событий, которые, как правило, не повторялись. Позитивисты же не ограничивались изучением проблем только политической истории.

В научной литературе, особенно в 1860-х гг., сохранялись единичные попытки рассматривать проблемное поле исто-

рической науки с позиций, характерных для романтического периода народнической историографии.

Романтик Н. И. Костомаров задачей исторической науки называл «исследование развития народной духовной жизни», поскольку «тут поверка и суд всякого учреждения и закона» [607, с. 11]. Он призывал учёных основательно исследовать внутреннюю жизнь народа, изучать «не только его законы, учреждения, обычаи, но также его понятия, верования, содержание характера, симпатии и антипатии, способ взгляда на разные условия жизни» [603, с. 237]. К предмету исторической науки историк относил не только историю законодательства, учреждений, но и «уразумение народного духа». И далее уточнял: «Жизнь народная заключается в движении его духовно-нравственного бытия: в его понятиях, верованиях, чувствованиях, надеждах, страданиях» [607, с. 10–11].

Новым требованием исторической науки Н. И. Костомаров считал изменение её предмета: «История, занимаясь народом, имеет целью изложить движение жизни народа; следовательно, предметом её должны быть способы и приёмы развития сил народной деятельности во всех сферах, в которых является жизненный процесс человеческих обществ» [604, с. 721].

Тем временем А. П. Рославский-Петровский с гегелевских позиций называл предметом истории «явления духовной жизни рода человеческого» [816, с. I].

Историки времён доминирования позитивистской модели историописания скоррелировали романтическую визию предмета исторической науки. Позитивисты ставили целью изучать не только историю, быт и культуру народа, а и его экономическую историю. Впервые в определениях предмета исторической науки появляются понятия «цивилизация», «закономерность», «эволюция».

Обновлённые задачи перед историками выдвигал В. Б. Антонович: «Проследить моменты, переживаемые народными массами в их политической, экономической и нравственной жизни, подметить идеалы народа в различные периоды жизни его, проследить развитие культуры и цивилизации у народа» [98, л. 1 об.; опубл. 1376, с. 67]. «Не может быть история народа, – категорично утверждал учёный, – и изложением истории государства» [98, л. 3; опубл. 1376, с. 68]. Во вступительной

лекции в Киевском университете В. Б. Антонович определил самой важной целью науки изучение «народного самопознания» [828, т. 1, с. 383].

Другой представитель украинской народническо-позитивистской историографии О. И. Левицкий выделял народную жизнь как предмет исторической науки: «В истории каждого народа нет более важного и интересного предмета, как жизнь этого народа – одинаково, проявляется ли она в формах блестящего массового движения, или тянется хило, бесцветно, в мелких будничных хлопотах и беспорядках» [109, л. 5]. И далее он подчёркивал: «Народная жизнь и в пору проявления наивысшей силы, и при её упадке должна иметь одинаковый интерес для историка» [109, л. 5]. «История Украины, – уточнял учёный, – более, чем какая-то другая, есть преимущественно история народная» [109, л. 7].

Такой же устоявшейся для народническо-позитивистской историографии точки зрения об её проблемном поле придерживался и В. Г. Ляскоронский: «История народа – это изображение его краткой жизни в её эволюционных стадиях; с древнейших времён и до настоящего момента. Все более или менее характерные черты, присущие этому или другому народу, есть изменения, которым он подвергался на пути своего развития; светлые и тёмные стороны его общественного, политического, социально-экономического и религиозного быта, – всё это составляет предмет истории» [187, л. 1].

Подобную точку зрения на предмет исторической науки изложил и другой ученик В. Б. Антоновича Д. И. Багалея. Он подчёркивал в своём обобщающем исследовании «Русская история...» (1914 г.), что выдвигает «на первый план и государственный, социальный и экономический строй, и культуру, материальную, нравственную и умственную» [241, с. 18].

Большее отличие подходов к проблемному полю исторической науки было присуще исследователям европейской истории, которые продолжали изучать и историю государства. М. П. Драгоманов, в отличие от В. Б. Антоновича, продолжал считать историю государства важной составляющей истории. Предмет исторической науки (историю народа) М. П. Драгоманов разделял на три части: историю государства, историю цивилизации и историю распространения идей [432, с. 316].

Предпозитивисты и позитивисты называли предметом исторической науки не только политическую историю как деятельность в основном выдающихся личностей, а и развитие всех сфер человеческого общества: «Вся жизнь человечества – общественная, религиозно-нравственная, умственная и экономическая» (М. Н. Петров) [762, с. 9]; «общество и индивидуум в их взаимодействии» или «жизнь и развитие народных масс,... деятельность отдельных личностей, одарённых властной волей, сильным умом, творческим гением» (В. К. Пискорский) [789, с. 5]. Объектом всемирной истории В. К. Пискорский называл «человеческое общество, а задачей – изучение тех законов, по которым совершается... историческое развитие» [178, л. 9 об.].

Кроме того, увеличивается интерес позитивистов к истории конкретной личности. Н. И. Хлебников, например, считал, что «история народа есть вместе с тем и история развития личности» [957, с. 165]. Другой киевский учёный П. Н. Ардашев в заметках подчёркивал, что исторический процесс должен рассматриваться антропоцентрически [103, л. 21]. В качестве предмета исторической науки П. Н. Ардашев выделял «человечество в его последовательном развитии культурном и общественном, т. е. во всём многообразии проявлений своей деятельности, на протяжении целых десятков столетий... история имеет дело со всею совокупностью, со всеми сторонами человеческой деятельности» [233, с. 28–29].

Также возросло внимание учёных к истории первобытного строя. М. Н. Петров очертил предмет всемирной истории на начальных стадиях как «достоверное изложение прошедшей судьбы человеческого рода», которое «имеет целью показать, каким образом люди вышли из первоначального грубого или естественного состояния, и вследствие каких причин, событий и обстоятельств значительная часть их достигла теперешней образованности, между тем как другая и донныне ещё осталась на нижних ступенях общественного умственного и нравственного развития» [14, л. 1–1 об.]. Он сформулировал ещё одно (культурологическое) определение: «Всеобщая история изображает происхождение, развитие и распространение по земле всемирной образованности, иначе цивилизации или культуры» [14, л. 2 об.; подобное суждение: 14, л. 1; 16, л. 1]. Руководствуясь просветительскими критериями, М. Н. Петров определял историю

человечества как «усовершенствование всемирной образованности» [762, с. 18]. При этом он признавал важным двигателем общественного прогресса сугубо материальный фактор – труд человека [762, с. 18].

Смену проблемного поля исторической науки В. П. Бузескул объяснял изменениями её методологии. Ссылаясь на К. Лампрехта, харьковский профессор подчёркивал, что принцип причинности может быть «применён лишь в истории быта, состояния масс [разрядка текста автора – Б. Е.]» [281, с. 460].

Успешная рецепция позитивизма в общественной мысли на землях подросийской Украины во второй половине XIX – в начале XX вв. способствовала распространению социально-экономической проблематики в исторической науке. Наиболее последовательно отстаивали этот подход представители «Русско-украинской» исторической школы¹⁵³ М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий и его ученики. В частности, И. В. Лучицкий считал экономическую историю «существенным и важнейшим основанием для установления научных законов истории» [678, с. 45], поскольку эволюционный и закономерный характер исторического процесса наиболее ярко можно проследить на примерах экономики.

---

153 Использование термина «Русско-украинская историческая школа» – дань историографической традиции. Фактически М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий, Н. И. Кареев были объединены в микрогруппу иного типа – «незримый колледж». Понятие «invisible college» («незримый колледж»), а тем более «направление» является более широкими и аморфными понятиями, чем «школа». М. М. Ковалевский, например, был учеником Д. И. Каченовского, т. е. представителем Харьковской историко-юридической школы и одновременно представителем «социально-экономического» направления в медиевистике и новистике, которое в новейшем европейском науковедении назвали бы «незримым колледжем». М. М. Ковалевского, И. В. Лучицкого, Д. М. Петрушевского, В. К. Пискорского, Н. И. Кареева, Р. Ю. Вишпера относят к «социально-экономическому» направлению российской историографии. И. В. Лучицкий отнёс себя «к последователям того направления в науке, которое ставит на первом плане историю общественного строя, учреждений, экономических отношений и т. д.» [495, с. II]. Для этого направления характерно длительное научное общение, относительное единство общественно-политических взглядов и методологии научных трудов вышеназванных учёных. Поэтому нами для подтверждения общности теории и методологии их творчества чаще будут цитироваться высказывания Н. И. Кареева, чем других представителей российской историографии.

Представители «Русско-украинской» исторической школы отстаивали принцип поиска главных причин исторических явлений в социально-экономических отношениях. Д. М. Петрушевский в предисловии ко второй части исследования о восстании У. Тайлера прямо указывал, что в отличие от предыдущих исследователей он ставит в качестве главной задачи изучить «лишь социальную сторону восстания 1381-го года, оставляя без рассмотрения его политическую сторону» [769, ч. 2, с. VII–VIII].

В случае отхода от главных основ «социально-экономического» направления работа подвергалась критике. В отзыве на магистерскую работу В. К. Пискорского И. В. Лучицкий и Ф. Я. Фортинский считали недостаточными перечисленные автором причины (усиление королевской власти, рецепция римского права, недостатки в организации кортесов). «Все указываемые им явления, – отмечали рецензенты, – суть скорее симптомы происходящих изменений, чем действительные коренные причины, вызывавшие эти изменения» [1889, с. 4].

В. П. Бузескул критиковал Л. фон Ранке за невнимание к социально-экономической проблематике: «Великий историк обращает внимание на явления умственной жизни народов, напр., есть прекрасные страницы, посвящённые греческой поэзии и философии. Но, к сожалению, у Ранке оставлена совершенно без внимания экономическая и социальная сторона, и это пренебрежение заходит иногда слишком уж далеко. Особенно чувствителен такой пробел там, где идёт речь о падении Западной Римской империи. Смешно, конечно, объяснять это падение истощением почвы, как это делают некоторые естественники (Либих). Но не менее ошибочно объяснять подобное событие и одними лишь внешними причинами» [293, с. 33].

Подобные взгляды на предмет исторической науки были присущи и учёным подавстрийской Украины, в частности польским историкам Галиции. Т. Войцеховский к предмету относил не только народ (*lud*), а и нацию (*naród*)¹⁵⁴ и общество (*spółczeństwo*) [1784, s. 246], в частности «деяния миллионов

---

154 В польском языке «нация» переводится как «*naród*», а «народ» как «*lud*». О путанице касательно терминов «нация»-«народ» в текстах В. Б. Антоновича см. статью А. И. Кияна [1375, с. 114].

людей для поддержания жизни» [1784, s. 249]. Т. Войцеховский называл историю «способом видения мира в том смысле, чтобы понять генезис» исторических явлений [1784, s. 245].

На III съезде польских историков в Кракове (1900 г.) Б. Дембинский приоритетной темой исторических исследований назвал эволюцию общества («развитие человечества») [1012, s. 9]. Историк подчёркивал, что единственным путём к научной правде является анализ разных проявлений общественного развития в связях [1012, s. 12].

Показательно, что профессор Львовского университета Л. Финкель назвал оценку Б. Кроче исторической науки как только описательной «старой и давно откинутой» [1064, s. 209]. Он определял задачи истории прежде всего как изучение исторических явлений и причинных связей между ними [1016, s. 283].

Украинские историки Галиции второй половины XIX – начала XX вв. также объявляли народ главным предметом истории. Проблемным полем исторической науки И. Я. Франко называл «историю народных масс и тех социальных, экономических и духовных течений, которые с непобедимой, элементарной силой проявляются в их жизни» [920, с. 416]. В другом труде учёный указывал: «Цари, князья и попы уходят с первого плана, перестают быть двигателями истории, – на их место стаёт сам народ, его экономические отношения, его работа и развитие» [924, с. 78].

В открытой лекции во Львовском университете 30 сентября 1894 г. М. С. Грушевский привёл подобное определение: «Народ, масса народная... есть, и должен быть альфой и омегой исторического исследования. Он – со своими идеалами и стремлениями, со своей борьбой, поспешностью и ошибками – есть единственный герой истории» [374, с. 149].

М. С. Грушевский расширил проблемное поле украинской исторической науки и за счёт психологии [381, т. 9, кн. 1, с. 6]. Он также указывал важность учёта психологических и эстетических аспектов изучения духовной культуры: «Поэтическое творчество и традиционная память народа не прекращается сколько-нибудь полно и ровно на его исторических переживаниях, и их большая или меньшая сила или яркость совсем не дают степени интенсивности прежнего впечатления или

заинтересованности этих масс той или иной личностью или событием. Тут, очевидно, имеют влияние очень сложные психологические и эстетические факторы» [391, с. 102].

К традиционной части предмета исторической науки – политической истории народа – кроме истории культуры, М. С. Грушевский добавил экономическую историю. Учёный подчёркивал, что не «внешние политические и государственные отношения», а «экономическая, общественная и культурная история украинского населения для некоторых периодов – единственно возможная история украинского народа» [366, с. 18].

Наряду с распространёнными в исторической науке народническими определениями её предмета встречались и формулировки, которые больше характерны для государственного течения. Позитивист в начале научной и политической карьеры, а позже – известный идеолог польского социалистического движения Б. Лимановский относил к предмету общественных наук два больших понятия: нацию и государство [1071, s. 448]. Профессор Львовского университета Л. Финкель называл основной задачей исторической науки изучение в главных чертах истории общества (человечества, стран, отдельных лиц) [36, л. 3].

Польские историки Восточной Галиции демонстрировали также значительный интерес и к социально-экономической проблематике. По убеждению Ф. Буяка, лучше всего проследить закономерности исторического развития можно в процессе изучения экономической истории [1005, s. 16–17]. Он признавал влияние экономических факторов на государство, право, обычаи, но не считал экономические факторы единственной причиной общественно-политических изменений [1784, s. 502–506]. Одновременно львовский историк подчёркивал и обратное влияние политического устройства, деятельности правительства, межгосударственных отношений на развитие промышленности и торговли [1784, s. 506]. Особенно Ф. Буяк подчёркивал зависимость экономического развития от географического положения, климата, плодородности земель, месторождений [1784, s. 506].

Украинские учёные подавстрийской Украины И. Я. Франко и М. М. Кордуба называли наличие законов главным критерием выделения истории как отдельной науки.

И. Я. Франко подчёркивал, что «наукой можно назвать только познание законов и сил природы» [927, с. 32]. М. М. Кордуба призывал «поднять историю из-за познания общ[их] законов до высоты позит[ивной] науки (социолог[ии])» [38, л. 3]. Он обосновывал расширение предмета исторической науки за счёт социально-экономической проблематики, поскольку именно при исследовании экономики легче доказать закономерный характер её развития. Поэтому М. М. Кордуба считал целесообразным применение идей социологии и политэкономии для анализа исторического процесса [38, л. 1].

В процессе расширения предмета исторической науки изменялся и её объект. Главными объектами исследований историков-позитивистов, в т. ч. благодаря социологии, становятся массовые явления и общности.

К. Гожицкий отнёс историю к «настоящим» наукам, когда она начала изучать массовые явления. Свою позицию львовский исследователь обосновывал так: «Поскольку объяснение факта [происходит] с точки зрения массового развития, а индивидуальная деятельность подчиняется этому развитию» [1028, s. 3].

Опираясь на примеры из точных наук, П. Н. Ардашев подчёркивал важность рассмотрения индивидуальных явлений: «На примере астрономии и геологии можно видеть, что единичное и индивидуальное являются не только *средством*, но также и *целью* научного познания, что значение конкретного элемента не ограничивается *служебную ролью*, но что он представляет и *самостоятельный научный интерес* [курсив автора – Б. Е.]» [229, с. 19].

Во вступительной лекции по криминальному праву в Киевском университете профессор Н. А. Оболонский подчёркивал, что общим объектом исследований многих наук является сам человек: «Несмотря на крайне разнообразную фрагментацию биологических и абстрактных наук, изучающих человека, идея, мысль, в них заложенная, одна – благо индивида и совокупности индивидов. Эта идея потому является объединяющим звеном для всех этих наук» [737, с. 1].

Афоризм Н. И. Костомарова о взаимосвязи истории и этнографии («Этнограф должен быть современным историком, как историк своим трудом излагает старую этнографию»)

[604, с. 722] был одной из ценностных установок народнической историографии (скорее романтического, чем позитивистского периода её развития – Б. Е.). «Историк должен быть этнографом уже потому, что он историк, и наоборот – этнограф делается в некотором смысле историком, насколько он этнограф», – так учёный объяснял взаимосвязь двух научных дисциплин [604, с. 722]. В определённой степени продолжая романтические научные традиции, представители украинской позитивистско-народнической историографии сохранили интерес к истории народной культуры и быта.

Рассматривать историческую науку не только в онтологическом, а и в методологическом ракурсе пытался М. Н. Бережков: «История есть наука. 1. в смысле положительного знания; 2. наука в смысле критики и 3. практически важная наука общественного и народного самосознания, иначе сказать – коллективного убеждения» [115, л. 12]. В присущей народнической историографии манере М. Н. Бережков признал подобным проблемное поле этнографической и исторической наук: «Этнография подобно истории есть наука народного самопознания и народного (национального) самосознания» [122, л. 2]. В другом, опубликованном, труде учёный подобным образом изложил определение проблемного поля исторической науки: «История есть та наука, которая через самопознание приводит к развитию и укреплению народного самосознания» [256, с. 1]. Такое определение было распространено среди учёных Российской империи (сравнить, например, с подобными формулировками предмета исторической науки С. М. Соловьёва [837, 1868, № 12, с. 676] или М. О. Кояловича)¹⁵⁵.

Подобные определения приводили и западноукраинские историки. М. С. Грушевский изучал украинскую историографию в контексте национального познания. Об этом

---

155 На первой странице обобщающего труда «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» М. О. Кояловича приводится два определения историографии («история науки» и «история научного сознания») [618, с. 1]. Как свидетельствует название труда, автор придерживался и широкой трактовки предмета исторической науки – как истории национального самосознания.

свидетельствуют такие термины: «история политической украинской мысли», «идеология» [1874, с. 17]. Библиотекарь Научного общества им. Шевченко во Львове Н. Г. Андрусак писал в очерке по украинской историографии, что она является «показателем развития нашего национального самосознания» [27, л. 288].

Историки исследуемого периода признавали определяющую роль позитивизма в изменении проблемного поля и задач исторической науки во второй половине XIX в. Приват-доцент кафедры греческой словесности Киевского университета П. И. Аландский связывал с появлением главной книги О. Конта начало настоящей научной историографии [192, 1884, № 9, с. 11]. Профессор Нежинского историко-филологического института Н. Я. Аристов также подчёркивал, что под влиянием трудов О. Конта и английских позитивистов более глубокими стали исследования «внутреннего склада прошлой жизни» [236, с. 666].

Благодаря позитивизму историческая наука освоила новые категории, провозгласила лозунг поиска законов (закономерностей) развития общества. С помощью позитивистской социологии, как указывает А. Н. Нечухрин, историческая наука «усвоила целый ряд основополагающих онтологических и гносеологических понятий, была сориентирована на познание законов общественного развития» [1531, с. 20].

Историки нуждались в социологии, которая должна, по замыслу О. Конта, открыть законы исторического процесса. Главной задачей именно социолога, а не историка провозглашался поиск исторических законов. К предмету социологии В. В. Лесевич относил «изучение общественных явлений в смысле неизбежной подчинённости их естественным законам» [652, с. 172]. Подобные рассуждения высказывал также В. В. Новодворский [735, с. 20].

Значительная часть историков (среди них И. В. Лучицкий [681, с. 2–5], Е. В. Тарле [873, с. 35], М. П. Драгоманов, Н. М. Бубнов) рассматривала социологию как главную общественную дисциплину, а историю, право, этнографию, психологию как вспомогательные науки к ней. Поэтому М. П. Драгоманов оценивал социологию как науку, в «которой многие из существовавших до сих пор самостоятельных наук должны

быть отделами» [443, с. 173]. Для открытия исторических законов было необходимо большое количество исторических фактов, а соответственно, и возрастающее количество источников, особенно архивных.

Историческая наука, по убеждению большинства историков-позитивистов, должна предоставлять фактический материал для социологических обобщений. В этом смысле можно трактовать реакцию П. Н. Ардашева на название русского перевода книги П. Ж. Лакомба 1895 г. «Социологические основы истории»¹⁵⁶: «Можно говорить об исторических основах социологии, но уж никак не о „социологических основах истории”» [229, с. 3 прим.].

Подобного подхода придерживался А. С. Трачевский. Считая, что социология «не устраняет истории» [900, с. 154], он предложил историкам «перейти к социологическому объяснению нашего прошлого» [899, ч. 1, с. 1]. Поэтому очень часто историки становились «социологизирующими» историками, а в некоторых случаях (М. М. Ковалевский¹⁵⁷) были историками и социологами одновременно.

Существовало мнение, что историки должны собирать факты для их дальнейшего обобщения социологами. Декан историко-филологического факультета Киевского университета Н. М. Бубнов также был убеждён, что «историк должен знать социологию, а социолог должен обращаться к историку для получения материала» [279, с. 54]. И. В. Лучицкий вообще главной задачей исторической науки считал создание фактического комментария к V и VI томам «Курса позитивной философии» О. Конта [517, с. 166–167].

Процесс социологизации исторических исследований поддерживал и его ученик Д. М. Петрушевский. «Без общих, социологических понятий, – утверждал он, – совершенно невозможно и немислима историческая наука [разрядка текста авто-

---

156 Точный перевод «De L'histoire considérée comme science» – «История как наука». Однако переводчик решил дать другое название.

157 Н. И. Кареев писал о своём друге: «Если в своих социологических исканиях Ковалевский был преимущественно историком... то, с другой стороны, и в исторических своих работах он был прежде всего социологом» [511, с. 171].

ра – Б. Е.]» [775, с. 10]. Учёный признавал весомую роль социологии для развития исторической науки: «История получила от социологии весьма плодотворный импульс» [772, с. 6]. При этом Д. М. Петрушевский подчёркивал близость предмета и объекта истории и социологии. Предмет исторической науки, как отмечал он, развивается в направлении изучения общественной жизни в целом, что составляет предмет целого комплекса дисциплин [771, с. 309]. В развитии всех общественных наук, по мнению учёного, существенная роль принадлежит социологии. По этому поводу Д. М. Петрушевский писал: «Социология есть наука будущего; к ней верный путь – путь строго методического изучения конкретных исторических фактов и явлений, и все те, кто думают создать социологию каким-либо иным путём, игнорируя историю, обрекают свою науку на роль суррогата» [772, с. 6].

Итак, основные теоретические вопросы исторической науки объявлялись предметом социологии согласно принципам «первого» позитивизма¹⁵⁸.

М. М. Ковалевский привёл два определения предмета социологии (по О. Конту, в статике и динамике). Он называл предметом социологии человечество и общественные институты. Под последними М. М. Ковалевский понимал языки, верования, мораль и право, гражданские, общественные и политические учреждения, художественное творчество, литературу и науку [565, с. 55]. Вслед за О. Контом учёный считал социологию наукой «о порядке и прогрессе человеческого общества» [575, т. 1, с. 3]. Второе определение М. М. Ковалевским предмета социологии свидетельствует о том, насколько важным элементом позитивистской модели историописания была идея общественного прогресса.

О внимании именно к концепту общественного прогресса свидетельствуют и формулировки Н. Я. Грота. Профессор Новороссийского университета Н. Я. Грот считал основной

---

158 О. Конт, как уже отмечалось, провозгласил социологию метанаукой для исторической и других общественных наук. Г. Спенсер скептически относился к истории – как к науке более низкого ряда, чем социологии, о чём свидетельствует такое его признание: «Я не люблю того, что называют историей, и предпочитаю социологию, которая относится к ней, как обширное здание относится к грудам камней и брикета, сваленным у его основания» [846, с. 68].

задачей именно социологии, а не других общественных наук точное определение прогресса, регресса и ингресса [352, с. 3]. Одесский философ развил идею динамики О. Конта в концепцию трёх стадий (прогресса, регресса и ингресса) развития общества [352].

М. М. Ковалевский развил сформулированное О. Контом определение предмета социологии, опираясь на работы преимущественно французских социологов¹⁵⁹. Под генетической социологией учёные понимали дисциплину, изучающую историю о происхождении и эволюции разных институтов общества. К генетической социологии М. М. Ковалевский относил ту «часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право» [575, т. 2, с. 1]. Вслед за Г. Тардом он с определёнными оговорками назвал частью социологии коллективную психологию [575, т. 1, с. 27], выделяя в качестве предмета эволюционной социологии психологию масс, а как главную задачу – изучение «всей совокупности их верований, учреждений,... обычаев» [575, т. 1, с. 26].

Одновременно исследователями отмечалась недостаточная разработанность категориального аппарата и методики социологии. «В нынешнем своём виде, – признавал Е. В. Тарле, – социология есть груда описательных материалов,... схем, гипотез, теорий» [873, с. 34]. Такая характеристика была созвучна оценкам других выдающихся учёных этого времени¹⁶⁰.

Ещё более категорическим в оценке уровня разработки категориального аппарата общественных наук был Е. Н. Щепкин. Характерной чертой развития обществоведения второй

---

159 Поэтому несколько упрощенной выглядит попытка И. Майстренко представить генетическую социологию отраслью, «предложенную М. Ковалевским и М. Грушевским» [1465, с. 137].

160 Несколько выдающихся российских теоретиков (среди них Г. В. Плеханов [253, с. 385], Н. И. Кареев [507, с. 385–387]) также подчёркивали неразработанность социологической терминологии. «Наука не может успешно идти вперёд, – писал Н. И. Кареев, – если у неё нет своего общепринятого и всем одинаково понятного языка» [507, с. 385].

половины XIX в. он признал смешанность понятий разных общественных наук: «Юридические, экономические и социологические понятия становились историческими категориями» [969, с. 276]. Между тем подобный терминологический «хаос» был закономерным явлением развития всех наук времён их дисциплинарного оформления.

Рецепция идей позитивистской социологии в 1860-х – 1890-х годах привела к частичной социологизации истории и других общественных наук, что, в свою очередь, привело к научной дискуссии о том, какую из гуманитарных наук (историю или социологию) считать главной. Дискуссия породила немало радикальных мыслей и резких высказываний. Например, Д. М. Петрушевский, обращая внимание на «большой разброд общих понятий», утверждал, что все общественные науки являются составными частями истории [778, с. 110]. Об эмоциональном градусе дискуссии также свидетельствуют слова В. К. Пискорского. Он писал, что в этом споре «победу должна одержать история. По-видимому, уже теперь социологи готовы признать за историей самостоятельное значение как науки об индивидуальном и конкретном, которое должно служить основанием для отвлечённых социологических построений» [789, с. 5].

Дискуссия о приоритете социологии или истории для изучения истории общества отразилась и в общественной мысли на западных землях Украины. На III съезде польских историков в Кракове (1900 г.) будущий ректор Львовского университета Б. Дембинский пытался убедить других участников, что ни философия истории, ни социология не решит тех теоретических задач, которые стоят перед исторической наукой [1012, s. 15]. Свою позицию он тогда и позже обосновывал особыми задачами, стоящими перед каждой из перечисленных наук [1012, s. 15; 1013, s. 46].

А. Шелонговский признавал большую зависимость истории от социологии, чем в обратном направлении. Он писал: «Историк в своих исследованиях должен пользоваться указаниями социологии» [1126, s. 7]. А. Шелонговский выделял две группы исторических явлений: общественные и культурные, которые являются предметом исследования истории и социологии. «Вся разница, – утверждал львовский учёный, – состоит в том, что история изучает вещь *in concreto*, а социология

же *in abstracto* [курсив автора – Б. Е.]» [1126, s. 11].

Различные суждения о проблемном поле и задачах отдельных, связанных с историей наук высказывались другие польские учёные Галиции. В. Пилат называл социологию наиболее обобщающей среди гуманитарных наук, изучающих человеческий общественный быт и его проявления [1094, s. 2]. Главной наукой об обществе львовский идеолог позитивизма Ю. Супинский называл политэкономия в широком понимании этого слова. К её предмету он относил не только производство и обмен, а и вопросы истории, этики, политики, отношение человека к природе и другим людям [1120, s. 35]. Последнее фактически и составляет предмет социологии, истории и других общественных наук в наше время.

Под влиянием новой немецкой историософии Я. Птасьник в лекциях по методологии истории в Львовском университете главным предметом исторической науки называл историю культуры [167, к. 5]. Другой преподаватель Львовского университета Л. Финкель, анализируя взгляды К. Лампрехта, акцентировал внимание на перспективности синтеза обоих подходов к предмету исторической науки: старого (истории государства) и новейшего (истории культуры) [1021, s. 366]. Историю культуры он трактовал как исследование истории трёх сфер культуры: материальной, общественной и государственной [1016, s. 286]. Л. Финкель признавал важность для исторических исследований «не только социологии в самом широком понимании этого термина», но и «специальной общественной психологии» [1064, s. 203–204; подобное мнение: 1016, s. 286]. Итак, польские историки-позитивисты, кроме социологии, считали важным применять для изучения исторических явлений общественную психологию.

М. М. Кордуба также выступал за обязательное изучение общественной психологии [38, л. 3]. Подобно К. Лампрехту¹⁶¹ он трактовал всемирно-исторический процесс прежде всего как историю культуры, а не политическую историю [38, л. 2]. Поэтому именно в анализе К. Лампрехтом историко-культурных

---

161 В личном фонде М. М. Кордубы (Государственный архив Львовской области) сохранились детальные его выписки из трудов К. Лампрехта [41].

типов¹⁶² состояла, по мнению М. М. Кордубы, главная заслуга немецкого учёного [598, с. 2].

Ссылаясь на того же К. Лампрехта¹⁶³, другой украинский учёный О. Т. Назарук привёл несколько определений исторической науки: история общества, история народа, история территории (на примере Галиции), история цивилизации, история культуры [20, л. 1, 5, 6, 7].

И. Я. Франко разделял историческую науку на две отрасли: 1) историографию, изучающую общественные и политические отношения, действия, выполненные как народными массами, так и выдающимися личностями; 2) «традиционалистику» или фольклор, рассматривающие «соблюдение народных традиций в самых разных формах, то есть следование изображению прошлой жизни, отношений, верований и фантазийных творений разных поколений, сохранённых при помощи или того устного предания, или писаного или печатного слова» [940, с. 13]. Историческая наука, по убеждению исследователя, должна подчиняться более широкому комплексу знаний – народоведению [926, с. 254].

В своём пособии по народоведению (1903 г.) [1036] и инаугурационной речи нового ректора Черновицкого университета (1912 г.) [1038] Р. Ф. Кайндль назвал именно народоведение, а не социологию важной, вспомогательной к истории наукой. Если на начало XX в. такое деление только казалось перспективным, то в наше время народоведение стало самостоятельной исторической дисциплиной.

---

162 К. Лампрехт в немецкой историографии, Н. Я. Данилевский в российской исторической науке с разными обоснованиями содержания и деления выдвинули идею смены культурно-исторических типов, т. е., как считал русский историк, «самостоятельных, своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом исторического развития» [411, с. 88].

163 В предисловии к одному из главных своих трудов К. Лампрехт утверждал: «Вопросы культуры признаются автором равнозначительными, если не более важными, с вопросами политическими. Он делает попытку уяснить взаимодействие материальных и духовных сил развития в истории Германии и изложить общее развитие основ и ступеней прогресса как в материальной, так и в духовной культуре страны» [636, т. 1, ч. 1–2, с. III].

Вслед за О. Контом и Дж. Ст. Миллем историки-позитивисты скептически относились к философии как науке. П. И. Аландский, цитируя мнение О. Конта по книге Дж. Ст. Милля, вообще считал философию ненужной наукой [191, № 2, с. 142]. Как и преимущественное большинство историков-позитивистов, П. Н. Ардашев критически относился к самим терминам «философия», «метафизика» и «философия истории» [104, л. 27], подчёркивая: «Нет дисциплины, которая была бы универсальным знанием исторического процесса» [104, л. 27]. Екатеринославский исследователь С. И. Гальперин считал, что философия истории должна уступить социологии¹⁶⁴ [324, с. 17].

Одновременно высказывалась точка зрения, что история должна присоединить к себе проблемное поле и задачи философии. Сохранились заметки М. Н. Бережкова перед встречей со студентами Нежинского историко-филологического института в сентябре 1896 года. В них он статус исторической науки подносил на уровень наиболее обобщающей науки – философии. Учёный подчёркивал, что историческая «наука в сущности есть мировоззрение, мирозерцание», «приём мышления» [119, л. 1–1 об.].

Наряду с названием «социология» для определения науки, которая должна исследовать теоретические вопросы исторического процесса, учёные украинских земель использовали другие термины. В. К. Пискорский различал такие теоретические исторические дисциплины, которые имели разный предмет и задачи исследования: философия истории, философия исторического процесса, философская теория исторической науки [185, л. 51].

Профессор всемирной истории Новороссийского университета А. Г. Брикнер обращал внимание на переход историографии с практического уровня на теоретический [276, с. 3]. Он выделял три составляющие истории исторической науки: теорию, историю, энциклопедию науки [276, с. 4].

---

164 Э. Л. Радлов отмечал, что в общественных науках сложилась своеобразная ситуация: «Самая философия истории постепенно превращается в социологию и подпадает под влияние позитивизма» [804, с. 89].

Декан исторического факультета Киевского университета Н. М. Бубнов отдельно выделял в роли элемента исторического знания «методологию истории» – «учение об особенностях, о самой сущности метода» [279, с. 4].

К задачам истории философии доцент Киевского университета И. В. Лашнюков относил «разъяснение начал и законов, определяющих ход исторической жизни» народов [641, 1869, № 8, с. 1]. Задачи «народных» историков он усматривал в «изображении исторической жизни известного народа во всём её разнообразии» [641, 1869, № 8, с. 1].

И. В. Лучицкий считал невозможным создание социологии без изучения законов человеческой природы, поскольку законы природы «должны быть и законами самого общества» [681, с. 21].

Жившие в Восточной Галиции украинские учёные высказывали подобные взгляды. Вместо термина «философия истории» М. С. Грушевский чаще всего использовал термин «историософия», подчёркивая его устарелость, [381, т. 1, с. 20], или «генетическая социология» [389].

С начала XX ст. М. С. Грушевский считал, что теорией исторического процесса должна заниматься генетическая социология. Проблемное поле генетической социологии в эмиграции учёный определял как «выяснение основ социальной жизни человечества и его развития считается делом социологии, а именно той части её, которая зовётся социологией генетической, или динамической, а могла бы зваться и просто социологией исторической» [389, с. 9].

Учёный считал, что, кроме генетической социологии, теоретическими вопросами исторического процесса должна заниматься новая теоретическая дисциплина – методология исторического познания, которую в 1918 г. учёный трактовал в узком значении этого слова как «методическую, формальную сторону разработки исторического мышления» [380, с. 61].

Ученик М. С. Грушевского М. М. Кордуба пытался расширить проблемное поле историографии за счёт историко-философских вопросов: «Суть и задачи исторической науки... это область философии истории» [38, л. 4 об.].

Польские позитивисты Галиции использовали термин «философия» с добавлением прилагательного «позитив-

ная». Доцент Львовского университета Ю. Охорович определял позитивную философию как совокупность основных мировоззренческих правил, которые должны управлять миром [1088, с. 94].

Итак, большинство учёных отводили созданной О. Контом новой науке роль метанауки, которая, по их оценке, должна быть теоретическим синтезом всех других общественных наук. Философии же отводилась второстепенная роль в осмыслении исторического процесса. Трактовка соотношения между историей, социологией, философией истории, историософией и методологией истории в понимании приверженцев позитивизма отличалась от предыдущей научной традиции, которой была присуща высокая оценка философии как главной общественной науки.

Подобные оценки содержатся и в трудах известных европейских учёных. Л. Гумплович признавал, что социология исследует те проблемы, которыми раньше занималась философия истории [407, с. 23]. П. Барт подчёркивал, что «существует только одна наука о судьбах человеческого рода, как бы её не называли – социологией, философией общества, или... философией истории» [250, с. 10]. Историю он называл конкретной социологией, а теорию истории – абстрактной социологией [250, с. VI]. П. Ж. Лакомб предложил вообще заменить название «история» термином «социология» [635, с. 1–2].

Неокантианцы скорректировали позитивистское определение проблемного поля исторической науки. Главной задачей исторической науки Н. М. Бубнов считал изображение деяний всего человечества, поскольку одной из самых величайших идей, овладевавших когда-нибудь человеческим сознанием, является идея единства человечества. Эту идею

*А. Шелонговский.
О социологической
трактовке истории*

учёный трактовал следующим образом: «Признание за всеми людьми, без различия языка, национальности, веры и расы, одинаковых человеческих прав и общей цели существования» [278, с. 1]. «Предметом истории, – указывал Н. М. Бубнов, – есть развитие человека вообще, человека как единой сущности» [279, с. 10].

Определяя предмет своей науки, историки права больше подчёркивали не статические элементы (объект и предмет), а динамические (закономерности, стадии, факторы развития). Ф. И. Леонтович в лекциях по истории русского права в русле доминирующего позитивистского течения связывал задачи исторической науки с поиском исторических законов и факторов: «Раскрыть законы... [человеческой] солидарности, показать последовательные стадии в исторической жизни народа, проанализировать исторические факторы, действовавшие на различных стадиях развития народной жизни» [645, с. 11]. Таким определением главной задачи дисциплины, лежащей на рубеже исторической науки и права, учёный продублировал одну из основных задач позитивистской историографии.

М. В. Довнар-Запольский, например, вообще считал общим проблемное поле исторических и юридических дисциплин. По его мнению, «история превратилась в право, с прибавлением биографий, а сама история клином вошла в юриспруденцию» [424, с. 264].

Одновременно сама историческая наука дала большой толчок развитию и другим наукам: социологии, политической экономии, демографии, статистике, исторической антропологии, и, в свою очередь, испытала влияние других общественных наук. В. Б. Антонович писал о географии, этнографии, антропологии, геологии, ботанике, зоологии, филологии, статистике как о необходимых для исторического познания научных дисциплинах [93, л. 88].

П. Н. Ардашев отмечал взаимное сближение истории с историей литературы, историей права, историей экономических отношений [1870, с. 52].

Среди новых общественных наук XIX в., которые имеют большое значение для исследования истории, И. Я. Франко выделял историческую антропологию и социологию

[924, с. 79], М. П. Драгоманов – антропологию, этнографию, социологию [112, л. 1].

Эволюция проблематики научных исследований и предмета самой исторической науки обусловила новый характер междисциплинарных связей между отдельными науками и отраслями знаний. Особенно это замечание касается социологии, исторической науки и естественных наук.

В 1860-х – 1880-х годах не только в европейской общественной мысли было распространено мнение, что успехи естествознания позитивно влияют на развитие обществоведения. Считалось, что в результате интеграции обществоведения и естествознания станут более близкими их предмет и методы. Характеризуя влияние открытий естествознания на развитие общественных наук, В. К. Пискорский позже отмечал, что успехи естествознания и сам позитивизм отвечали «потребностям времени создать из истории точную науку, науку об обществе, социологию» [789, с. 3–4].

Историки-позитивисты большей частью разделяли общее увлечение интеллигенции естествознанием¹⁶⁵. А. С. Травчевский считал, что из всех общественных наук история является наиболее близкой к естествознанию. Более того, по его оценке, историческая наука способствовала естествознанию в борьбе с метафизикой [900, с. 153].

Фундатеры «первого» позитивизма считали, что общественные науки, методы и явления, которые изучаются, принципиально похожи на естественные. Таких же установок придерживались и позитивисты Украины. Преподаватель Харьковского университета В. В. Лапин, например, проводил аналогии с природой: «Прогресс развития мировой цивилизации совершается постоянно и до известной степени аналогично с подобным же процессом в мире физическом (теория

---

165 Однако, как справедливо указывал С. А. Котляревский, «было бы в высшей степени близоруко судить об этом воздействии по некоторым легкомысленным и торопливым приёмам перенесения в науку о человеке естественно-научных категорий и естественно-научных систем. Несравненно важнее была та атмосфера научного детерминизма, которая утвердилась более всего под влиянием роста естествознания в современном цивилизованном мире» [617, с. 2].

постепенного развития видов), то, как и все явления духовной жизни, он в тысячу раз сложнее, разнообразнее и потому труднее для изучения» [638, с. 6].

В статье Т. Р. Рыльского «*Idealy wobec pozytywizmu*» («Идеалы относительно позитивизма») перенесение принципа причинности явлений из естественных наук в гуманитарные оценивалось как одно из достижений позитивизма [1106, с. 48–49].

Даже поздний романтик П. А. Кулиш, который интересовался идеями «раннего» позитивизма, признавал возможность использования естественнонаучной методик: «Прошедшее наше требует от нас такого полного во всех подробностях изучения, какое усвоено методом естествоиспытателей; и что наше будущее только тогда перестанет быть для нашего ума непонятною игрою случайностей, когда наука истории, призвав на помощь полный контингент человеческих знаний, поставит перед ним факты нашего прошедшего в такой определённости, в какой математика ставит свои теоремы» [622, т. 2, с. 371]. Сам он мало использовал естественнонаучные подходы в исторических исследованиях¹⁶⁶.

В 1860-х – 1870-х годах в исторических исследованиях особенно активно применялись данные и методы точных наук. Эти попытки перенести методы естествознания в исторические исследования большей частью были не очень удачными. Самый яркий пример такой попытки – работа «История и метод» А. И. Стронина [1677, с. 242–249]. Эта книга, по оценке Б. Г. Могильницкого, содержала «развёрнутый план реформы исторической науки на позитивистской основе» [1508, с. 222].

А. И. Стронин безапелляционно заявлял: «История или вообще науки нравственные должны ожидать своего возрождения от естествознания... историк должен быть вместе с тем и естествоиспытатель» [866, с. 20]. По его убеждению количе-

---

166 Однако в научной литературе существуют другие оценки. Более оптимистической является оценка А. В. Яся «о существенных вкраплениях позитивизма» в «позднеромантическом мировидении» П. А. Кулиша, что обусловлено и «руссоистскими влияниями на мировосприятие и исторические взгляды П. Кулиша» [1763, с. 492].

ство законов в естествознании и в обществоведении должно быть одинаково [866, с. 135]. Исследователь сравнивал исторические факты с данными механики и биологии [868, с. 14–16], а разные части общества с человеческими органами [868, с. 31, 45]. Обоснование нового на то время принципа методологического единства естественных и общественных наук, по оценке А. И. Стронина, имело позитивное значение [866, с. 19–20]. В то же время биологический редукционизм А. И. Стронина доводил до абсурда органическую концепцию Г. Спенсера и его последователей.

Для написания исторических разысканий считались пригодными даже математические знания. Характерна их высокая оценка М. Н. Бережковым [115, л. 12–12 об.]. Математику М. П. Драгоманов называл самой совершенной из наук [110, л. 1 об.].

Вера в лишь позитивное влияние естествознания на развитие общественных, в том числе и исторической, наук – характерная черта и интеллектуальной среды Восточной Галиции второй половины XIX в.

И. Я. Франко связывал развитие исторической и других общественных наук в XIX столетии с достижениями естествознания. «Науки общественные, – писал учёный, – никоим образом не могут отрываться от почвы общего естествознания, ибо только на этой почве и возможен их рост» [924, с. 83]. Развитие науки не должно, по его убеждению, зависеть от религиозных постулатов: «Настоящая наука не имеет ничего общего с никакими сверхестественными силами, с никакими врождёнными идеями, с никакими внутренними мирами, управляющими внешним миром. Она имеет только дело с миром внешним, с природой, – понимая эту природу как можно шире, т. е. включая в неё всё, что только подпадает под наше познание; также и люди с их движением вперёд, историей, религиями, и все те бесчисленные миры, заполняющие пространство. Сам человек является только одним из бесчисленных созданий природы... вне природы нет познания, нет истины» [927, с. 32]. Хотя сегодня эти слова выглядят банальными, однако в то время такие утверждения мог высказывать не каждый образованный человек.

Большинство польских историков-позитивистов также подчёркивали взаимосвязь развития исторической науки и естествознания. Т. Войцеховский отмечал значение естествознания для исторической науки, ибо оно «влияет на ход мышления» и является «необходимым в образовании историка» [цит. по кн.: 1790, s. 590]. Б. Лимановский призывал для изучения исторических фактов пользоваться теми же методами, что и в естественных науках (физике, химии, биологии) [1069, cz. 1, s. 174].

Однако некоторые учёные, жившие на украинских землях, сдержанно отзывались о роли естествознания для развития исторической и других общественных наук. «Философия и науки богословские, правоведение и общественные науки, даже языкознание, – объяснял М. Н. Петров, – мало-помалу входят в сферу истории и являются уже как бы частями одного огромного целого, обнимающего всю область человеческой мысли и деятельности. Так что в строгом смысле в настоящее время [есть] только две науки – естествоведение и история» [762, с. I]. Харьковский учёный отмечал двойное влияние естествознания на историческую науку: «Это было с одной стороны весьма благотельно, возбуждая соревнование историков и приучая их следовать верным путём опыта и фактов, но зато нередко влекло за собою и вредные последствия, внося в науку о нравственном мире чуждые ей понятия и приёмы» [762, с. VIII].

В. Г. Авсеенко объяснял отсутствие научного метода в философии истории именно привнесением в историческую науку «чуждых, посторонних элементов, занесённых из других отраслей человеческих знаний» [189, т. 148, № 5, с. 16–17].

В. А. Бильбасов подвергнул критике несколько идей О. Конта. Он, в частности, отрицал близость предмета естественных и исторических наук, одинаковость их методов [169, л. 3–5] и законов [169, л. 4 об.].

Оценивая разницу между методами общественных и естественных наук, А. П. Рославский-Петровский раскритиковал Г. Т. Бокля за неудовлетворительную попытку применять методы естествознания к исследованию истории. А. П. Рославский-Петровский признал, что «в отдельных случаях и с успе-

хом может пользоваться ими, но не исключительно и не обязательно» [816, с. XX].

С распространением на рубеже XIX–XX вв. идей неокантианства учёные всё чаще отрицали необходимость использования методологии естествознания для исследования общественных явлений. М. Н. Бережков, считая методы «существенным признаком зрелости науки», подчёркивал их разницу в точных, естественных и гуманитарных дисциплинах: в математике – анализ, в естествознании – индукция, в исторических науках – статистический и историко-сравнительный [115, л. 10 об.].

Однако существовала и протиположная точка зрения. Например, В. Лясота был убеждён, что не все можно свести к психобиологическим явлениям. Поэтому он критиковал «определение общественных явлений как отдельной категории психических явлений» [1094, s. 67]. Его соавтор В. Пилат отделял «духовные причины от чисто естественных» в общественных явлениях [1094, s. 157 uw.].

На конец XIX ст. история исторической науки выделилась в отдельную научную и учебную дисциплину. В работе Р. А. Киреевой приведён соответствующий материал о выделении историографии из общего проблемного поля исторической науки, а также о научном творчестве таких историографов Украины, как В. С. Иконников, Д. И. Багалея, И. В. Лашнюков, Н. И. Костомаров, М. А. Максимович и т. п. [1365, с. 4–5, 7–8, 10–11, 13, 18, 21, 28, 30–37, 39, 41, 45–47, 50–60, 65, 67–68, 70–72, 75–78, 82–97, 99, 108–117, 120, 124–126, 129, 135–136, 143, 153, 155, 157–160, 163–165, 169–174, 176, 180, 185–189, 193, 195–196, 199–200, 206–209, 211].

Вслед за Р. А. Киреевой приведём определение предмета историографии профессора Киевского университета В. С. Иконникова: «Критическое изучение источников и литературы в их постепенном развитии составляет предмет *историографии* [курсив автора – Б.Е.]» [492, т. 1, кн. 1, с. 258*]; и профессора Харьковского университета Д. И. Багалея. Последний начинал лекции такой формулировкой предмета историографической науки: «Историографией называется вспомогательная научная дисциплина, занимающаяся, с одной стороны, обзором

различного вида источников, т. е. летописей, хронографов, житий святых, актов, грамот, сказаний иностранцев, писем, мемуаров и проч., а с другой стороны, дающая очерк постепенной разработки и роста русской истории как науки» [239, с. 1]. В обоих вышеприведённых определениях имеется только практический уровень историографии. Библиографический характер изложения В. С. Иконниковым историографического материала свидетельствует и о неокончателной разделённости исторической библиографии и историографии. Д. И. Багaley сначала подавал обзор источников (летописей, житий святых и других церковных источников, записок иностранцев, частично актовых материалов и т. п.), а потом освещал историю развития исторической науки. В таком делении лекций отразился взгляд учёного на историографию как научную и учебную дисциплину, занимающуюся как изучением разных групп источников, так и историей развития исторических знаний. Таким образом, историография и источниковедение были выделены как вспомогательные к исторической науке.

Сам термин «вспомогательные исторические науки» во второй половине XIX в. имел разночтения. Н. М. Бубнов разделял общественные науки на научные дисциплины, вспомогательные к истории в широком понимании этого слова (филология, государственное право, социология, искусствоведение, антропология, этнография, этнология), и науки, вспомогательные к истории в узком понимании этого слова (дипломатика, геральдика, генеалогия, нумизматика, палеография) [279, с. 43–44]. А. Г. Брикнер был убеждён, что «почти все науки могут сделаться вспомогательными науками истории». К таким наукам он относил астрономию, анатомию, химию, географию [276, с. 14–15].

Активная дифференциация общественных наук в исследуемый период привела к официальному оформлению как отдельных учебных курсов в университетах истории государства и права, истории городов, историографии, философии истории, методологии истории, источниковедения, этнографии.

Учёные инициировали попытки чтения и других новых учебных дисциплин. Ф. К. Волков (Вовк) считал, что необходимо сделать обязательными для студентов-историков курсы доисторической антропологии и сравнительной этнографии

[320, с. 100, 106–107]. Он предложил доисторическую антропологию, этнологию и социологию объединить в единую науку о человеке – антропологию [317, с. VI].

Объединить историю, этнографию, частично антропологию и ряд других исторических наук в единую науку под новым названием «социография», которая наряду с социологией изучала бы общество, предложил Н. Я. Грот [350, с. 3].

Вместе с тем В. В. Новодворский во вступительной лекции в Киевском университете отметил, что не только успехи естествознания, а и политической экономии, права, психологии и других наук положительно повлияли на развитие исторической науки [735, с. 2].

М. М. Ковалевский считал, что историку необходимо учитывать формы производства и коллективную психологию. Учёный подчёркивал в своих лекциях в Русской высшей школе общественных наук (Париж), что этнограф должен быть одновременно «историком, психологом, фольклористом, воспитывать свой ум изучением точных наук и социологии» [584, с. 64–65].

Подобные идеи выдвигали и учёные западноукраинских земель 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв.

Л. Финкель связывал развитие исторической науки с влиянием других гуманитарных дисциплин: «С возникновением и широким разветвлением экономических и общественных наук история обратила внимание также на мощное влияние условий материальной и социальной природы» [1064, с. 203–204]. Кроме того, по мнению львовского профессора, для развития историографии большое значение имело улучшение исследовательской методики [1064, с. 203].

В лекциях по методологии истории во Львовском университете Я. Птасьник предложил для изучения исторических явлений использовать данные палеонтологии, антропологии, этнологии, археологии, сравнительного языковедения, религиоведения, права, истории искусства и литературы, экономики, техники, а также социологии и психологии народов [167, к. 7].

Такое же мнение высказал И. И. Раковский, призывавший привлечь факты палеонтологии, эмбриологии и физиологии к изучению эволюции человечества [805, кн. 4, с. 64–66].

М. С. Грушевский считал, что в университетах Украины нужно преподавать такие дисциплины: украинский язык и литературу, фольклористику, историю украинского народа и территории, специальные («вспомогательные») исторические дисциплины, историю украинского искусства, археологию, этнологию и антропологию Украины, украинское право, географию, экономику и статистику Украины [400, т. 37, кн. 3, с. 414–415].

Неокантианство способствовало более активному использованию историками данных психологии. Цитируя Г. Тарда, М. М. Ковалевский писал, что «социология, если не вполне, то в значительной степени сливается с психологией» [575, т. 1, с. 14]. Учёный утверждал возможность для социологии заимствования идей общественной психологии, в частности её законов (например для понимания роли личности в истории, генезиса общественных структур) [572, с. 9]. Одновременно он считал такой подход недостаточным [580, с. 9–10].

Призыв использовать методы и данные психологии в исторических исследованиях не был новым. Ещё в 1865 году во время защиты докторской диссертации «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» М. Н. Петров поддержал идеи М. Лацаруса, доказывавшего, что в историческом процессе законам подчиняется не ход событий, а только психологические процессы [419, с. 293]. Однако в 1860-х – 1870-х годах, т. е. в период безоговорочного принятия большинством учёных идей «первого» позитивизма, подход М. Н. Петрова составлял скорее исключение, чем правило.

Исследователи западноукраинских земель большей частью также выступали за использование данных человеческой биологии и психологии в исторических исследованиях.

С точки зрения М. С. Грушевского, социологические науки «ставили задачей освещение психологических функций человека в общей эволюции её социальной жизни» [382, т. I, с. 54]. Интересным является тот факт, что М. М. Кордуба дал высокую оценку творчества французских учёных конца XIX в. И. Тэна, П. Ж. Лакомба, К. Климара именно за использование ими данных, методов и принципов психологии в исторических исследованиях [598, с. 1–2; 599, с. 1].

Таким образом, определяющей чертой развития проанализированных национальных историографий 60-х годов

XIX – 20-х годов XX вв. была эволюция под влиянием позитивизма проблематики научных исследований, предмета самой исторической науки и её междисциплинарных связей. Главными темами исторических исследований стали социально-экономические явления и история народных масс. В процессе развития исторической науки были существенно изменены, в частности, её методологические основы и формы связей с другими науками. Наибольшее влияние на историческую науку оказала социология, которая была провозглашена «метанаукой» для общественных наук. В рамках позитивистской историографии сформировался круг онтологических проблем, которые были общим предметом исследования историков и социологов. Благодаря изменению проблематики и междисциплинарным связям произошли качественный прирост исторических знаний и изменение методологии научных исследований.

На период доминирования позитивизма в исторической науке приходится процесс окончательного дисциплинарного оформления таких отдельных научных дисциплин, как историография, историческое источниковедение, методология историографии со своим предметом исследования, методами, историей и логикой развития, что в целом отвечало общеевропейским научным тенденциям.

2.2. Эволюция принципов и методов историописания

Новые идеи изменили не только тематику и объект научных исследований, а и методику и стиль историописания. История, которая до середины XIX в. была большей частью наукой об единичных фактах, подобно естествознанию начала изучать массовые явления, имеющие устойчивые тенденции развития.

Во второй половине XIX в. в исторических трудах исследователи активно пользовались категориями, методами, идеями естественных и точных наук. Д. И. Каченовский объяснял эту тенденцию подобностью физического мира и общества. «Мир физический и нравственный, – по его мнению, – устроены по

одному плану, другими словами – составляют стройное, гармоническое целое» [525, с. 20].

Преимущественное большинство историков подросийской Украины (особенно в 1860-х – 1890-х годах) считало, что общество подобно природе. Поэтому большая часть учёных сравнивала общество с биологическим организмом и соглашалась с Г. Спенсером, который показывал исторический процесс как постепенный переход от молодости к старости биологического организма. Типичным примером биологического редуционизма служит такое утверждение М. Н. Петрова: «Общество человеческое есть живой организм, развивающийся подобно всякому организму по законам ему присущим, ... рост его совершается как постепенным усовершенствованием его внутреннего состава, так и расширением внешнего объёма» [760, с. 11].

В. С. Иконников. *Опыт русской историографии*

Однако не все учёные на украинских землях поддерживали аналогии природы с обществом и эволюционную теорию Г. Спенсера. М. П. Драгоманов в трактовке исторического развития считал более правильными подходы Дж. Ст. Милля, чем Г. Спенсера

[443, с. 166]. М. П. Драгоманов называл сравнение общества с организмом «более метафорой, чем мыслью» [432, с. 377]. А. Л. И. Мечников заметил, что утверждение «общество есть организм», которое часто использовали О. Конт и Г. Спенсер, было известно ещё с античных времён [703, с. 11].

Против отождествления двух видов эволюции (общественной и биологической) выступил и В. К. Пискорский. «В эволюции общественной, – писал он, – кроме физиологических факторов действуют и психологические, которые отсутствуют в биологических процессах: так, например, явления наследственности и полового подбора в животном царстве

обуславливаются лишь физиологическими факторами, тем временем как в общественной жизни они регулируются юридическими и религиозными условиями» [178, л. 13–13 об.].

Значительная часть учёных выступала против безусловного применения методов естествознания в исторических науках (например, А. Г. Брикнер [276, с. 7], П. Н. Ардашев, М. М. Ковалевский, Е. В. Тарле). Главной ошибкой Г. Т. Бокля, по мнению П. Н. Ардашева, было то, что английский историк «хотел к истории, науке существенно гуманитарной, приложить целиком и без всяких оговорок метод естественных наук» [229, с. 5].

Против тотального использования терминов естествознания в общественных науках выступал и М. М. Ковалевский [575, т. 1, с. 208], делавший замечание, что «данные биологии не могут быть целиком перенесены в сферу обществоведения» [576, с. 3].

Такой подход противоречил господствующему в общественных науках Запада, прежде всего англо-американской социологии и историографии, мнению о применении естественнонаучной методики к изучению общества. М. М. Ковалевский критиковал аналогии между общественными и биологическими явлениями и отрицал наличие законов, одинаковых в природе и обществе. Учёный считал недопустимым активное использование Г. Спенсером и его последователями терминов естественных наук в общественных исследованиях [575, т. 1, с. 208]. Одним из предрассудков «органической теории» М. М. Ковалевский называл уподобление государства или общества биологическому организму, а функций государства жизненным потребностям биологического организма [538, с. 127]. М. М. Ковалевский раскритиковал органический подход Г. Спенсера к государству, подчёркивая при этом: «Говорить о путях сообщения как о нервах, о бирже, как о сердце, и т. д., и т. д., очевидно, приём, который не может быть оправдан и не заслуживает квалификации „научного“» [537, с. 301; подобное суждение: 538, с. 127]¹⁶⁷.

---

167 М. М. Ковалевский в данном случае не совсем точен, поскольку Г. Спенсер называл пути сообщения кровеносными и лимфатическими сосудами, а банки – сердечно-сосудистой системой [860, с. 297, 341].

По мнению С. И. Гальперина, «органицисты поступают совершенно неправильно, сравнивая человеческое общество, помещаемое ими же на самой вершине зоологической лестницы, с существами самого низшего порядка» [325, с. 104]. Кроме того, он раскритиковал предложенные Г. Спенсером законы эволюции. «Условная верность закона размножения сил, – уверял С. И. Гальперин, – не может дать оснований ни для бесспорной формулы эволюции, ни в особенности – для перенесения её в социологию» [325, с. 43]. Вслед за Г. Тардом, он также критиковал спенсеровский второй закон эволюции о неустойчивости однородного [325, с. 43–44].

Характеризуя развитие общества, Е. В. Тарле подчёркивал неправильность аналогий с природой: «Всякий общественный строй, всякая совокупность хозяйственных и экономических учреждений – не есть нечто стационарное» [883, с. 431]. Учёный писал, что общественное развитие нельзя сравнивать с тем, как «фагоциты и бактерии» борются «в живом организме на жизнь и смерть», и подчёркивал: «Всякие такие метафизические и биологические обозначения и уподобления будут здесь совсем не у места» [883, с. 431].

Естественнонаучные категории и аналогии с природой активно использовали и учёные, жившие в Восточной Галиции. Начало Хмельниччины М. С. Грушевский, например, сравнивал с действием электрического тока [405, с. 28]. «Народность, – указывал М. С. Грушевский, – является не простым механическим конгломератом, а известным организмом, связанным общественными потребностями, соревнованиями и целями независимо от государственных границ» [376, с. 68]. Для характеристики украинского народа как организма М. С. Грушевский несколько раз использовал выражение «национальная смерть» во время описания сложных периодов его истории¹⁶⁸.

Позже, в эмиграции, М. С. Грушевский уже не так безоговорочно использовал категории естествознания. Социальные

---

168 Например, М. С. Грушевский писал, что украинский народ несколько раз был «на краю национальной смерти» [384, с. 78]; и в другом месте: «Пробуждение отпорной энергии национальной самоохраны перед опасностью видимой национальной смерти» [381, т. 1, с. 19].

отношения, отмечал учёный в «Генетичній соціології», не сводятся к простым формулам, как в естественных и точных науках [389, с. 36].

Б. Лимановский времён увлечения идеями О. Конта и Г. Спенсера сравнивал общество с биологическим организмом [1071, s. 442, 447–448, 175]. Также он выступал за сравнительное изучение нации и государства, поскольку они «представляют собой два высших общественных организма» [1071, s. 442, 448].

Молодой А. Шелонговский сравнивал общество с молекулой, «состоящей из определённого количества атомов или общественных групп». Последние подобно атомам в молекуле связаны между собой [1126, s. 12]. Правда, он считал недостаточным сравнение развития общества с жизнью организма [1126, s. 10–11].

М. М. Кордуба писал об отказе обществоведов от естественнонаучной методологии: «Социологическая школа теряет своё значение, ибо метод естественных наук оказывается непрактичным и почти невозможно применить его к истории» [599, с. 1].

Итак, часть историков Украины признала ограниченность «органической концепции» Г. Спенсера, выступила с критикой сформулированных им законов эволюции и широко использованных им аналогий природы и общества.

Историки считали обязательным использование индуктивного метода. О попытках учёных исследуемого времени отойти от старых концепций свидетельствовало, в частности, и постоянное подчёркивание позитивистами эмпиризма.

Следует признать, что не только последовательными позитивистами признавались «эмпирические» (по Дж. Ст. Миллю) методы исследования. Полезность индукции не только для естествознания подчёркивал уже Д. И. Каченовский, который одним из первых ознакомился с трудами Дж. Ст. Милля: «Науки политические также от неё немало выиграли: под её влиянием выработан в них элемент положительный или описательный» [525, с. 50]. Д. И. Каченовский убеждал, что рекомендованный Дж. Ст. Миллем индуктивный метод нужно использовать не только в естествознании, а и в исторической науке [525, с. 50]. Он предложил «наблюдение жизни, сравнение исторических

фактов» [525, с. 68]. Его ученик М. М. Ковалевский, например, одобрял использование О. Контом наблюдения в качестве одного из главных исследовательских принципов социологии [575, т. 1, с. 195]. Он подчёркивал: «Факты для нас обязательны, и рассуждать несогласно с фактами мы не можем, желая оставаться на научной почве» [1883, с. 75]. Дедуктивный метод во второй половине XIX в. большинством учёных считался метафизическим.

Методологию социологии В. В. Лесевич ограничивал тремя методами: наблюдение, опыт, сравнение [652, с. 172–173]. Он отрицал важность дедуктивного познания: «Наука не менее метафизики ревностно ищет единства и связанности между познаниями, но она не увлекается ни аналогиями, ни непроверяемыми гипотезами, а потому и может утверждать единство между вещами лишь постольку, поскольку открывает их фактически и устанавливает экспериментально» [654, 1888, № 12, с. 21–22].

Однако не все учёные считали, что всё можно объяснить индуктивным путём. Такой точки зрения придерживался, например, М. Н. Петров [761, с. XIII].

Ссылаясь на О. Конта и Дж. Ст. Милля, И. В. Луцицкий обосновывал необходимость найти законы истории именно с помощью дедуктивного метода из «биологической теории человека» [теории Дарвина? – Б. Е.] [690, 1868, № 11, с. 35]. Киевский историк выдвинул такую последовательность исследования исторических фактов: их группировка и классификация; выявление связи между фактами; сравнение исследуемой эпохи с предыдущими; рассмотрение того, что может явиться результатом деятельности исследуемой эпохи в ближайшем будущем, чем частично проверяется правильность сделанных выводов [681, с. 12–13]. Задачи историка И. В. Луцицкий определил как «исследование конкретных фактов, отдельных видов или подвидов, разновидностей, явлений общественной жизни и общественного развития» [681, с. 18].

Культ исторического факта был присущий не только немецкой, а и всей европейской позитивистской историографии. В предисловии к первому тому основатели журнала «English Historical Review» усматривали задачи историков «в открытии и демонстрации фактов» [1096, р. 5].

Подобного подхода придерживались и учёные на Украине. В. К. Надлер подчёркивал, что «всякому научному выводу должен предшествовать научный факт» [730, с. 13].

Историки-позитивисты провозглашали факты единственной основой научных исследований и критиковали предшественников за догадки, неподтверждённые фактами из источников, и произвольную трактовку фактов. М. Н. Петров, например, критиковал французского историка Ф. О. Минье за манипуляцию историческими фактами «с заранее подготовленными рамками, в которые ложатся события, – с выбором фактов, подходящих под составленную программу, и с помещением в тени неподходящих» [765, с. 283].

Д. М. Петрушевский негативно оценивал дискуссию между германистами и романистами, в первую очередь по причине неправильного использования ими источников и искажения исторических фактов: «Постоянные натяжки, насилдование текстов и искажение фактов в силу стремления подогнать их под заранее составленные рубрики, вполне неизбежный результат внесения в научную работу совершенно постороннего элемента, сильно вредят научной ценности исследований представителей названных школ» [771, с. 315].

В классическом позитивистском понимании В. В. Новодворский провозглашал культ исторического факта: исторические события – более показатели известного общественного состояния, чем факторы исторического развития [735, с. 16].

Особый интерес историков-позитивистов к вопросу исторического факта также объясняется преимущественно онтологической проблематикой трудов исследуемого времени. Кроме того, фактографический характер исторических трудов исследуемого времени был обусловлен эмпиризмом позитивистского историописания¹⁶⁹ и скрупулёзным отношением

---

169 Ср. с утверждением П. А. Кулиша: «Для истории событий всего важнее достоверность события. Для истории мнений, от которых зависит самый ход и характер событий, важна не столько фактическая сторона явления, сколько то, как это явление подействовало на образование известных убеждений. Отсюда многое, чего нельзя доказать или что можно опровергать умственно, делается неопровержимым нравственно, и влияет на общество могущественнее достоверного» [622, т. 3, с. 97].

к источникам. Последнее, в частности, объясняется недостаточным на середину XIX в. введением в научный оборот архивных источников. Поэтому характерной особенностью развития исторической науки исследуемого периода стало более активное их использование. Именно использование архивных актовых материалов как наиболее достоверных исторических источников, по оценке В. П. Бузескула, является главным достижением немецкой историографии XIX в. [287, с. 1123].

Убеждение позитивистов в том, что архивные акты являются большей частью «наиболее достоверным материалом» в сравнении с напечатанными повествовательными, было настолько распространено, что, например, Д. И. Багалея излагает это в рецензии на книгу А. М. Лазаревского попутно, как всем известную аксиому [1871, с. 2].

Проводить правильный отбор и анализ исторических фактов призывал коллег М. С. Грушевский: 1) «нужно выбирать только то, что непосредственно служит пониманию эволюции народной жизни» [381, т. 5, с. VI]; 2) «проследить явления наиболее типичные, наиболее общие, независимо от тех модификаций» [381, т. 5, с. 3]. При этом М. С. Грушевский подчёркивал необходимость использования принципов историзма и системности. Факт или явление, по убеждению учёного, нужно «взять... в обстановке исторической эволюции и в целости его... факт этот представляется совсем понятным» [403, с. 33].

На страницах книги «История как наука и как предмет преподавания» И. Л. Смоленский отстаивал фактологический как единственно научный подход к изучению исторического процесса, называя ошибочным трактовку тех исторических фактов, которые обязаны своим происхождением догадке [831, с. 3]. В качестве одной из задач исторической критики им предложено «придать каждому историческому факту присущую ему степень вероятности» [831, с. 27].

В своих интерпретациях исторических фактов позитивисты опирались в первую очередь на источниковую информацию, считая свои размышления второстепенными, только обобщением найденных фактов. Исторический факт, – подчёркивал В. К. Пискорский, – «воспроизвести... нельзя, а изучается он по тому следу, который он оставил после себя в виде вещественного или письменного документа» [178, л. 14].

Сам термин «исторический факт», по мнению позитивистов, понятен и не требует концептуальной разработки как научное понятие.

Однако с конца XIX в. подход к понятию «исторический факт» изменяется, что обусловлено распространением идей как модернизированного позитивизма, так и неокантианства. Представители «второго» позитивизма в европейской историографии (среди них Ш. Сеньобос [826, с. 63]) определяли исторический факт как утверждение, vyplывающее из впечатлений, отвечающих внешней реальности. Подобные утверждения высказывали ранее другие известные французские историки. Ещё Ф. Гизо писал: «Человеческому языку свойственно преувеличивать; слова передают не столько сами факты, сколько впечатление их на человека, ... а впечатление никогда не бывает верным и полным отображением факта» [337, с. 147].

В конце XIX в. такой подход был раскритикован неокантианцами [808, с. 119–137; 912; 1014, s. 81 ff и др.]. В результате анализа А. Бергсоном, В. Дильтеем, Г. Зиммелем, В. Виндельбаном, Г. Риккертом разных научных понятий произошло общее признание уникальности природы исторического факта, его знаковости [808, с. 121; 809, с. 127–131; 810, с. 27–28, 55–56; 912; 1014, s. 9, 25, 41 ff и др.].

Новейшие на то время идеи повлияли и на развитие теории познания исторического процесса на Украине. На рубеже XIX–XX вв. историки-позитивисты на Украине стали уделять внимание не столько проблеме сбора исторических фактов, сколько их интерпретации не только исследователем, а и автором исторического источника. «В высшей степени важно, – подчёркивал В. Е. Круссман, – не только, как в действительности разыгралось то или иное событие, а и также каким оно представлялось современникам или ближайшим поколениям» [621, с. 6].

Б. Лимановский

По этому поводу Д. И. Багaley писал, что историк имеет дело «не с чистым материалом, а с отсветом его в чувствах наблюдателя: таким образом, он видит не сам факт, а только переломный (отсвеченный) луч от него» [245, с. 8]. В другом труде Д. И. Багaley подчёркивает невозможность «устранить совершенно субъективный элемент из истории», поскольку «образ прошедшего дважды преломляется: во-1-х, в самих свидетельствах, а во-2-х, в личности историка» [241, с. 15]. На последнего влияет «национальность, характер эпохи, религиозные и политические воззрения и т. п.» [241, с. 15]. Одновременно Д. И. Багaley призывал историков пытаться быть объективными. Для этого он предложил всесторонне исследовать явления и учитывать специфику мировоззрения людей исследуемого времени, а не современных историков взглядов [241, с. 15].

Подобное утверждение высказал и М. С. Грушевский: «Историк в конце концов не меньше, а иногда даже и более важно знать не только то, как именно проходили события (в деталях большей частью их и нельзя воссоздать) – а как они были восприняты и почувствованы современниками, как преломились в их сознании и какие впечатления и настроения среди них вызвали. Особенно же се ценное тогда, когда можем встретиться с настроениями широких низов, схватить зависимость сих настроений с экономическими и социальными обстоятельствами их жизни и т. д.» [381, т. 9, кн. 1, с. 6].

Подобной точки зрения придерживался П. И. Аландский. «Факты недоступны историку, – подчёркивал киевский учёный, – он имеет дело лишь с отражением их в сознании свидетелей-очевидцев или свидетелей-посредников» [192, 1884, № 10, с. 49].

Позитивисты, безусловно, понимали сложность и синтетичность многих исторических фактов. М. Н. Бережков отмечал такие характерные черты исторических фактов: 1) «Исторические явления...весьма сложны»; 2) «Исторические факты дошли до нас в особенном свете с особенным смыслом, который им придан повествователем»; 3) «Факты исторические с трудом поддаются точному измерению и точному учёту»; 4) «Множество фактов навсегда забыты, утрачены и погибли для истории» [256, с. 4].

Такую же заинтересованность историческими источниками демонстрировали и польские историки Восточной Галиции. Они также придерживались точки зрения, что исторические события должны быть подтверждены документальными свидетельствами. С. Закшевский признавал, что без подкрепления источниками «исторический факт перестает быть вопросом действия, угрожает опуститься... до роли механической дедукции» [1140, s. 46]. Одновременно он одним из первых среди львовских историков подчёркивал значимость интуитивного способа познания исторического процесса [1142, t. 1, s.11–12 i in.].

Проблема классификации исторических фактов также становилась предметом обсуждения среди историков-позитивистов. Важность классификации в процессе анализа исторических явлений обосновывал М. П. Драгоманов: «Чтобы добыть какие бы то ни было обобщения из исторических явлений и чтобы придать практическое значение науке об этих явлениях, необходимо прежде всего расклассифицировать исторические явления по родам и видам» [443, с. 175]. При этом учёный подчёркивал, что классификации необходимо делать «по одному роду признаков» [448, с. 9].

Большинство учёных считало возможным, как и в естествознании, с помощью метода типизации выяснить главные исторические факты, которые свидетельствуют о характерных для всей эпохи тенденциях общественного развития. Факты, противоречившие выявленным тенденциям, считались нетипичными.

Позитивисты продолжали использовать деление исторических фактов на экономические, политические, культурные, а также на массовые и единичные.

Наиболее понятной и приемлемой была классификация В. Е. Данилевича. Киевский учёный группировал исторические явления по содержанию: на экономические, социальные, политические, культурные и религиозные [126, л. 60].

Д. М. Петрушевский также разделял все исторические факты на экономические, социальные, политические, явления духовной жизни [772, с. 7].

Е. В. Тарле, характеризуя общее, по его мнению, проблемное поле исторической науки и социологии, разделял общественные

факты на четыре группы: а) «хозяйственный строй общества»; б) «политические учреждения»; с) «поступки членов данной социальной единицы»; д) «все проявления психической деятельности людей, обнаруживающиеся в устном и писаном слове, в деятельности литературы, искусства, произведениях отвлечённой и конкретизирующей мысли» [883, с. 430–431]. Итак, учёный выделил в четвертой группе «факт-источник».

Ф. И. Шмит предложил несколько подходов к классификации исторических фактов: 1) по принадлежности к истории: политической, социальной, истории религий, философии, права, литературы, искусства; 2) по хронологии; 3) по географическим признакам [967, с. 4].

Кроме классификации исторических фактов по содержанию, историки-позитивисты также разделяли факты на массовые и единичные. Главным объектом своих исторических исследований, в отличие от предыдущей историографии, позитивисты выбирали коллективные объекты: народ, нацию, социальные слои. И. В. Лучицкий писал по этому поводу: «Историю сверху» можно создать лишь путём детального и серьёзного изучения «истории снизу», т. е. изучением «истории каждой социальной группы в каждой отдельной стране... главным образом экономических условий их существования и развития» [1888, кн. 5, с. 313].

Одновременно позитивисты продолжали изучать и индивидуальные исторические факты. «Не одна отвлечённая закономерность, – записывал П. Н. Ардашев, – предмет человеческих знаний (Rsp – любознательности), но и живая (индивидуальная) конкретность» [103, л. 171].

Именно позитивистская историография разработала понятия простого и сложного исторического факта. Подтверждённые источниками единичные исторические факты становились частью более сложных.

В качестве простых исторических фактов учёные выделяли конкретные события, произошедшие в прошлом. М. Н. Бережков считал наиболее удачной формулировку простого исторического факта как «точного, действительного события» [115, л. 13 об.]. Одновременно исторические явления он относил к сложным фактам [256, с. 4].

Т. Р. Рыльский по сложности выделял простые и сложные факты, отнеся к последним цивилизационные явления [1106, с. 48].

Процесс научного познания часто приобретал характер объяснения совокупности простых исторических фактов с дальнейшим синтезом этих комментариев и прихода исследователей к более широким обобщениям.

Культовое отношение к историческому факту приводило к недооценке разработки теорий. «Никакой исследователь не может и не должен идти в своих утверждениях дальше того, что говорят источники, – отмечал М. М. Ковалевский. – Лучше признать известные вопросы невыясненными, нежели взамен ответа приводить не опирающиеся на факты гипотезы» [582, т. 1, с. 306]. Он признавался в письме к В. Ф. Миллеру: «Я всё более и более начинаю пристращаться к чисто монографической работе по историческим вопросам. Или я поглупел, но синтез в последнее время мне что-то не даётся, скептицизм начинает заедать, каждый раз как влезешь по горло в сырьё» [цит. по кн.: 1352, с. 182].

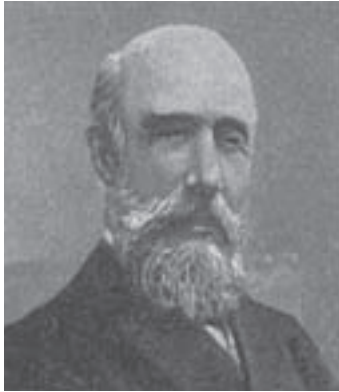
Скептическое отношение к гипотезам в исторической науке, которая признавалась наиболее релятивным знанием, было характерно для многих историков-позитивистов. Д. И. Багалей призывал историков осторожно пользоваться гипотезами [245, с. 9]. «Пристрастие к логическим формулам и отвлечённым схемам, – был уверен П. Н. Ардашев, – далёко не всегда в ладу с исторической действительностью» [227, с. 1780].

Позитивисты полностью отрицали возможность предвидения будущего. Е. В. Тарле, например, подчёркивал, что каждый добросовестный учёный «признаёт почти полное бессилие, подавляющую ограниченность пределов предвидения, сводящую почти к нулю практическое значение социальных предсказаний» [875, с. 56].

Невозможность в исторической науке, в отличие от естествознания, эмпирических обобщений подчёркивал и В. К. Надлер. «Материал историка, – писал он, – не подлежит ни личному наблюдению, ни опыту; он состоит из такого рода фактов, которые оставили по себе лишь известный след, известное воспоминание в исторической традиции»

[729, с. 1]. Эти идеи были сформулированы ещё до известного определения Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньбоса.

О недооценке логики исторического познания свидетельствует замечание В. С. Иконникова: «Всё почти развитие философии истории происходило под сильным влиянием метафизических систем и взглядов». И далее в этом же примечании он ссылается на «Историю цивилизации в Европе» Ф. П. Г. Гизо: «Ничто так не искажает историю, как логика» [492, т. 1, кн.1, с. 176 прим.].

В. С. Иконников

Следует признать, что позитивисты никогда полностью не отказывались от обобщений и выводов. Например, В. С. Иконников не отрицал роли теории в научных исследованиях: «И если даже естествознание имеет право гордиться тем, что оно обязано со времени воскресения философии столь великими и блестящими успехами, то и история обязана признать внесение в её разработку общих руководящих начал за философским движением нового времени» [492, т. 1, кн. 1, с. 176]. Одновременно учёный подчёркивал неспособность какой-либо философской идеи объяснить «всё разнообразие её [истории – Б. Е.] содержания» [492, т. 1, кн. 1, с. 29].

Не все историки-позитивисты считали главным принцип документализма и игнорировали философские аспекты исторического процесса. Рассматривая деятельность Л. фон Ранке и его учеников, А. Г. Брикнер отмечал то, что они сосредотачивали главное внимание на методах исследования исторических источников, а не на теории. Одесский историк считал такой подход неправильным: «Ограничивая необходимость для историка занятия изложением, толкованием общей связи между фактами, они [Л. фон Ранке и его ученики – Б. Е.] забывают о том, что историк должен быть философом истории, между тем как философ никак не может быть филосо-

фом истории, не будучи историком, т. е. специалистом в области исторической науки» [276, с. 5].

Учёные искали принципиально отличные сравнительно с точными науками методы и принципы познания. Сами историки (например, М. И. Лилеев) публично признавали, что изучение истории почти до конца XIX в. носило характер поверхностного эмпиризма и сводилось большей частью к установлению исторических фактов и причинных связей между ними [142, л. 11].

Разработанную позитивистами концепцию простых и сложных исторических фактов развили неокантианцы. Выше уже приводились положения Г. Риккерта и В. Виндельбанда об единичных и сложных исторических фактах. Б. А. Кистяковский оценивал эволюцию как сложный факт, который является результатом многих причинно-следственных явлений [529, с. 147].

Вслед за своим учителем А. С. Лаппо-Данилевским и другими неокантианцами В. И. Веретенников «даже самый простой исторический факт» называл «сложным до бесконечности» [308, с. 107]. При этом харьковский профессор считал, что в центре исторических исследований должны быть индивидуальные факты [306, с. 349]. Ссылаясь на А. С. Лаппо-Данилевского, он формулировал сложный исторический факт как идеографическое обобщение простых [307, с. 38; 310, с. 148].

Каждый исторический факт В. И. Веретенников оценивал как «сублимирование ряда зарегистрированных внешних восприятий (конечно, дошедших до исследователя только в их передаче) путём пользования теми или другими общими понятиями, взятыми из сферы общезначимого человеческого знания данной эпохи» [308, с. 107]. Он выделял четыре этапа «исторического конструирования»: 1) отбор «исторического материала» и его классификация; 2) соответственно содержанию отобранных исторических фактов конструирование общего понятия о них; 3) сопоставление «такого понятия с понятием, являющимся обычно готовым результатом учёной мысли»; 4) общий вывод [310, с. 150].

Ссылаясь на Дж. Ст. Милля, П. С. Лапласа и Ж. А. Пуанкаре, В. И. Веретенников подчёркивал, что для наиболее полного изучения исторических фактов необходимо знать не только

все факты, их причинно-следственные связи, а и ситуацию, предшествовавшую изучаемым событиям [306, с. 340–342].

В середине 1920-х годов Е. М. Грушевская поддержала подходы французской социологической школы к изучению доисторических форм общественного бытия. Она считала общим правилом начинать исследование фольклора и любых других «социальных фактов» «от самых примитивных форм, а не от более развитых» [359, с. 111].

Преимущественное большинство учёных украинских земель, входивших в состав Австро-Венгрии, также делало акцент на изучении истории, подтверждённого источниковыми фактами, и пыталось избегать разработки теорий.

Одним из первых дал определение сложного исторического факта И. Я. Франко: «Историк-эволюционист знает хорошо, что никаких простых фактов нет, что каждый факт – это результат неопределённого количества других фактов, и любой вклад из прошедших фактов в будущие факты является выводом из мало известного менее известного» [945, с. 481].

Подобно своему учителю В. Б. Антоновичу, М. С. Грушевский избегал теоретизирований. Он писал в предисловии к одной из первых своих монографий, что для успешного исследования «необходимы новые запасы фактов, проверенных, очищенных, систематизированных для более широких обобщений» [360, с. I].

Молодой М. С. Грушевский считал, что неполностью собранные источники не позволяют делать обобщения при изучении прошлого. «Мои исследования, – подчёркивал он в предисловии к одному сборнику документов, – служат живым протестом против таких преждевременных генерализаций... Спешить с такими общими выводами, имея под руками огромнейший материал, который каждой цифрой протестует против таких генерализаций... было бы ненаучно» [375, с. 2 прим.].

Данная ремарка вызвана упрёками В. И. Щербини. Последний в рецензии на второй том сборника «Жерела до історії України-Руси» под редакцией М. С. Грушевского подчеркнул как позитивные стороны работы автора с источниками («точность в исследовании материала», «умение воспользоваться малейшими указаниями исследуемого»), так и не-

достатки археографической работы («отсутствие обобщений, иногда вызывающее... недоумение») [1899, с. 26].

М. С. Грушевский признавал, что «всякая гипотеза имеет право на существование, раз для неё есть основания, раз она в состоянии объяснить что-нибудь и не противоречит неоспоримым данным науки,... никакая гипотеза не повредит успеху исследования, если предлагается лишь как гипотеза» [365, с. VI], но считал залогом достоверного исследования исторических фактов только источники. М. С. Грушевский продемонстрировал типичный для историка-позитивиста подход, называя главным препятствием исследования украинской истории до середины XVI в. недостаток источников [381, т. 7, с. 3].

Одновременно М. С. Грушевский подвергнул критике попытки В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова использовать фольклор из сборников народных песен без надлежащего анализа: «Надежда подать полную историю нашего народа в его собственных песнях была преувеличена... Желание его составителей взять от них всё для исторического толкования – должны быть признаны за преувеличенные» [391, с. 102].

Избегание теоретизирований считалось среди позитивистов залогом объективности и правдивости исследований. Поэтому вполне логично, что в магистерской диссертации П. А. Иванова М. С. Грушевский высоко оценил именно фактографический стиль. П. А. Иванов, по оценке рецензента, «держится почвы ясных и бесспорных фактов»; не высказывает гипотез; «не очень останавливается и над синтезом фактов, сведением их к широким выводам; временами, указывая спорные вопросы, оставляет их нерешёнными и обходит неясные точки в истории» [394, с. 6].

«Всякий, – подчёркивал учёный в другой рецензии, – в труде научном должен выразительно отличать факт от догадки или сведения, недоказанного фактами; фактический вывод может восстать только на основе фактов; на догадках и спорных сведениях можно построить только гипотезу, которую можно ставить только как гипотезу, с резервом и которая только через полную проверку новыми датами может иметь себе веру» [392, с. 10]. «Неосторожность в выводах, – продолжал М. С. Грушевский, – дискредитирует целую работу..., ставя

неоправданные гипотезы, учёный теряет веру и к своим позитивным выводам» [392, с. 10].

М. С. Грушевский подчёркивал возможность искажения источниковой информации самим автором документов. «Перипетии событий в источниках, – признавал учёный, – часто не мотивированы, или мотивированы недостаточно, фальшиво» [361, кн. 4, с. 33].

Историк понимал необходимость использования сведений из других отраслей знаний. Он призывал учёных «не упускать из вида тех самых общих проблем, которые должны быть исходными и ориентирующими пунктами в исследовании самых специальных вопросов нашей истории, словесности, экономики, краеведения» [397, с. 145].

Сам М. С. Грушевский признал, что фактографический подход лишает «возможности дать новые, оригинальные выводы и комбинации» [394, с. 6].

Учёные избегали давать определения наиболее общих понятий. Одним из исключений является рукопись И. П. Крипякевича. В лекциях в начале 1920-х гг. он определял метод как «продвижение вперёд, способ, которым... достраиваем знания» [158, л. 4].

Такой же культ исторического факта и избегание теоретизирования были присущи польским и немецким историкам подавстрийской Украины.

А. Шелонговский подчёркивал, что научное исследование должно основываться только на фактах из исторических источников: «История черпает свои сведения или факты из источников» [1126, s. 1]. Он подчёркивал, ссылаясь на авторитет Л. фон Ранке, на важность именно архивных источников [1126, s. 2].

Именно с обнаружением огромного количества новых исторических источников О. Бальцер связывал необходимость создания новой теории исторического процесса [1784, s. 380]. Появление новых исторических фактов, по его убеждению, приведёт историков к принятию «лозунга правды». Поэтому учёный обращался с призывом к коллегам: «Стремимся к этой правде в меру наших сил и талантов» [1784, s. 380].

Главной задачей академической историографии О. Бальцер провозглашал «наиболее детальный анализ источников,

детальную регистрацию каждого факта» [989, s. 469]. Только после окончания общей подготовительной работы по сбору фактов, по его убеждению, станет «возможным формулирование обобщающих выводов, синтез» [989, s. 469].

Лишь исторические факты Ф. Буяк признавал объектом изучения историков [1003, s. 342]. Он выделял в качестве критериев научного изложения исторического материала «краткий обзор фактов и непреклонную логику в подведении выводов» [1002, s. 72]. Учёный также выступал за чёткое отделение позитивного знания от переживаний и помыслов [1002, s. 72].

Основными задачами научных исследований В. Татаркевич называл «установление фактов, выяснение фактов и упорядочение [т. е. их классификацию – Б. Е.] фактов» [1135, s. 1]. Саму классификационную работу львовский учёный называл существенной составляющей частью труда историка [1135, s. 10].

В начале своего исследования о гуцулах Р. Ф. Кайндль высказался так о преимуществе фактов из исторических источников над научной литературой: «Моим основным правилом было не брать во внимание печатный материал» [502, с. 5].

Общим для общественных наук исследуемого периода было отрицание важности разработанных Г. В. Ф. Гегелем законов и категорий диалектики. Позитивисты недостаточно оценивали диалектический метод, ставя ему в упрёк метафизичность. Смена теорий, как подчёркивал И. А. Линниченко, может происходить только на основе новых фактов [663, с. 1]. По его оценке «разрушение старой системы может произойти двумя путями: или найдены новые факты, резко противоречащие предыдущему синтезу; или же факты остаются те же, но изменяется взгляд на их значение, на их соотношение. В опытных науках чаще первый случай, в общественных – второй» [663, с. 1].

Д. М. Петрушевский писал об одной из исследовательских задач историка: «Изучение данной конкретной комбинации в её индивидуальности состоит в изучении игры вечных, постоянных отношений между явлениями в определённых индивидуальных условиях места и времени» [770, с. 69].

Сами исторические факты (явления и события) рассматривались не только в статике – как предмет, а и в динамике

– как поступательный и обусловленный совокупностью факторов многовековой процесс развития общества. Причём последний впервые был подан эволюционно. Как указывала Н. М. Дорошенко, последствием широкого использования принципа эволюции стало новое понимание принципа историзма: «На смену событиям пришли процессы, на смену фактам – идея законосообразности, на смену разобщённости – исторические связи» [1284, с. 12–13].

Прогрессивные изменения в обществе позитивисты трактовали как социальную динамику; общественный строй, условия существования человеческого общества вообще относили к социальной статике. В предисловии к докторской диссертации И. В. Лучицкий определял главные теоретические задачи своего исследования в русле идей О. Конта: «Исследовать *структуру* общества в данный период времени, описать *изменения*, происшедшие в ней в течение этого времени, указать на *соотношение* [курсив авт. – Б. О.], существующее между структурой и событием, другими словами, описать строй общества и его функции в статическом и в динамическом отношении» [677, с. 1]. Таким образом, он подчёркнул, что исторические факты будут им рассматриваться в статике и динамике (по О. Конту).

Важным признаком позитивистской доктрины считается признание невозможности познания сущности вещей, а только отдельных их элементов. Сам О. Конт утверждал, что позитивное мышление «отказывается от исследования происхождения и назначения существующего мира и от познания внутренних причин явлений и стремится, правильно комбинируя рассуждения и наблюдения, к познанию действительных законов явлений, т. е. их неизменных отношений последовательности и подобия» [592, с. 4].

Последователи О. Конта понимали некоторую ограниченность позитивистских принципов изучения истории. «Природная ограниченность наших познавательных способностей, – писал М. М. Ковалевский в предисловии к одному из трудов О. Конта, – не позволяет нам проникать в сущность предметов, знакомиться с первопричинами и конечными целями. Отсюда одинаково отрицательное отношение и к богословским, и к метафизическим или онтологическим объяс-

нениям природы вещей. Отсюда же необходимость считать задачей научного исследования восхождение в конечном результате к какому-нибудь определённом факту, с которым стоит в причинной связи, непосредственной или посредственной, изучаемое нами явление» [590, с. 7].

М. С. Грушевский в 1924 году продолжал считать позитивистские исследовательские принципы необходимыми для изучения исторического процесса. Одновременно он признавал важность применения неокантианских и других подходов. Такое соединение теоретико-методологических основ разных теорий, по его мнению, приведёт к более глубокому и всестороннему исследованию исторического процесса, особенно сферы духовной культуры и быта. В таком случае «на место начатого Кантом трансцендентального анализа должен прийти социологический разбор содержания нашего познания. Глубокие и всесторонние расследования психологические, культурно-исторические, этнографические, исследования старой религии и права должны выяснить внутреннюю зависимость познания и общественности, факта и индивида и дать начало социологической критике человеческого интеллекта» [397, с. 153]. Учёный подчёркивал: «На место интерпретации социологических фактов дорогой априорных выводов из вечных и неизменных принципов человеческого познания и мышления (выдвинутой особенно английскими социологами второй половины XIX в.) ...становится освещение эволюции самого познания и мышления из фактов социального развития дорогой индуктивной: студиями условий социальной жизни, трактовка интеллектуальных функций как социальных явлений, которые могут осветить и выяснить только из социальных таки фактов» [397, с. 153].

Историки-позитивисты использовали разнообразные принципы и методы исследования. Они придавали культовое значение принципу объективности научных исследований, хотя он и не был новым к началу распространения идей позитивизма. Ещё П. В. Павлов основным требованием тогдашней исторической науки признавал «историческую истину» [746, с. 289].

М. Н. Бережков считал задачей историка «объективировать самого себя,... постоянно отбрасывать всё субъективное, всё случайное, а доискиваться существенного,...

объективно-достоверного. Точная истина и правда – превыше всего» [116, л. 9]. Для М. Н. Бережкова был оправдан скорее субъективизм автора, чем его тенденциозность: «Тенденциозность достойна всякого порицания как вредное и дурное дело, замедляющее успех науки» [115, л. 18].

Подобные предложения об устранении в интересах научности субъективизма изложены и другими учёными, например в лекциях по источниковедению И. А. Линниченко, которые он читал в Новороссийском университете в 1886–1892 гг. [55, л. 1]. Одесский учёный объяснял студентам необходимость применения принципов объективности и разносторонности [55, л. 1].

П. Н. Ардашев критиковал французских историков времён Реформации О. Тьерри и Ф. О. Минье за недостаток объективности в трудах, оценивая их следующим образом: «Не столько научно-исторические произведения, сколько политические памфлеты – только в исторической оболочке» [231, с. 14].

Главный редактор и вице-председатель Киевской комиссии для рассмотрения древних актов (Киевской археографической комиссии) Н. Д. Иванишев опровергал полонофобство в её деятельности: «Комиссия предвидела, что, издавая акты, изображающие политическую и религиозную борьбу двух национальностей, она может обнаружить такие факты, которые покажутся странными и даже невероятными людям, состарившимся в ложных исторических преданиях о золотом веке древней Польши и о том блаженстве, каким наслаждались народы, входившие в состав Речи Посполитой» [1880, с. 420]. Для «устранения упрёка в пристрастии и односторонности» комиссия просила «сообщать ей исторические материалы» [1880, с. 420]. Учёный был убеждён, что источники сами, лучше, чем историки, расскажут о прошлом. В предисловии к одному из сборников документов он писал: «При изложении содержания издаваемых нами актов мы заставим говорить западнорусское дворянство, воздерживаясь от собственных наших воззрений. Пусть сами дворяне скажут нам, к какому народу они причислили себя, как они смотрели на устройство и состояние Речи Посполитой и чего они желали для общественного благосостояния» [1880, с. 374].

И. В. Лучицкий предлагал отказаться от оценки исторических фактов «раз и навсегда», т. е. не исследовать, «были они дурны или нет», а только констатировать их [685, № 1, с. 67].

Правдивое изложение исторических фактов, по убеждению историков-позитивистов (среди них В. К. Надлер [729, с. 26]), имеет огромное образовательное и нравственное значение не только для развития науки.

Отрицание принципа объективности было очень редким. М. В. Довнар-Запольский считал лозунг полной объективности надуманным. «Полный объективизм в истории, – по его убеждению, – это призрак, за которым напрасно гоняется методология науки» [424, с. 263].

Одновременно историки-позитивисты никогда не отрицали социальный характер исторической науки. В. С. Иконников, например, отмечал, что на исторических трудах «всегда отражались взгляды времени и лиц, посвятивших себя её служению» [128, л. 1–1 об.].

Влияние внешних факторов на историографию признавал и М. П. Драгоманов: «Историческая наука по своему свойству не может не отражать на себе борьбы интересов национальных, религиозных и политических» [432, с. 33–34]. Учёный подчёркивал зависимость доминирующей модели философии истории от многих факторов: «Философия истории всегда находилась в тесной зависимости не только от самих идеалов, которые признавало данное время, но и от понятия о степени их осуществимости, от помещения этих идеалов во времени и месте» [432, с. 35]. «Усиленное желание учёных быть беспристрастными..., – признавал учёный, – приводит их весьма часто только к противоречивому и непоследовательному эклектизму, который ещё более затемняет вопрос, чем самая тенденциозная односторонность» [432, с. 34].

«Импульсы современности направляют научную работу историка», – красноречиво отмечал Д. М. Петрушевский. Поэтому, по его оценке, «как бы энергично он [историк – Б. Е.] не отрицал сатаны субъективизма, но его работа будет представлять собою зеркало его эпохи, её умственных запросов и её общественных стремлений, её исторических и социологических

представлений и идей» [773, с. 86–87; 774, с. 9–10]. Он считал, что понять историю науки без истории общества невозможно [777, с. 73]. Другой ученик И. В. Лучицкого В. К. Пискорский подчёркивал: «История вовсе не служит оправданием настоящего, она лишь объясняет его» [790, с. 2].

Однако историки-позитивисты считали возможным свети к минимуму влияние внешних обстоятельств на творчество учёного. По убеждению В. П. Бузескула, каждый учёный должен искать объективную истину, ибо «соединение истории и политики может привести к крайней субъективности и тенденциозности, к извращению и подтасовке фактов, к суждению о далёком прошлом с точки зрения нынешнего времени» [286, с. 232]. Свои убеждения о служении науки истине и правде, соблюдение ею объективности он публично повторил в 1928 году: «Изменяя своему назначению, наука становится бесполезной и даже приносит иногда вред» [294, с. 8].

Одновременно, призывая учёных к объективности, В. П. Бузескул подчёркивал социальный характер исторической науки: «Дух и запросы времени, различные течения в сфере философской и политической мысли, настроение и идеалы общества, личные взгляды и симпатии автора нигде не отражаются так ярко и не влияют так могущественно, как в области изучения явлений прошлого, даже такого отдалённого от нас, как история Греции» [281, с. 298]. Об общественно-политической обусловленности научного творчества харьковский профессор неоднократно писал, характеризуя труды Л. фон Ранке, И. Г. Дройзена, Г. Зибеля и других немецких историков XIX – начала XX вв. [281, с. 321, 326, 459–462, 478–479; 284; 286, с. 201–202, 231 и др.; 292, с. 58 и др.; 293, с. 33; 295 и др.].

Харьковский историограф подчёркивал именно объективность Л. фон Ранке, которая «во многих случаях» «действительно удивительная. Протестант, он дал беспристрастную „Историю пап“ нового времени, беспристрастную настолько, что, когда она появилась, распространился слух, будто Ранке перешёл в католичество» [295, с. 28]. Поэтому вполне логично, что наибольшей похвалы у В. П. Бузескула заслуживает строгая беспристрастность Л. фон Ранке: «Насколько вообще можно историку отрешиться от своих симпа-

тий и антипатий при изложении явлений прошлого, настолько сделал это Ранке» [292, с. 58].

Подобную оценку получило творчество Л. фон Ранке и от польских учёных. Главная заслуга Л. фон Ранке, по оценке А. Шелонговского, состоит в том, что он направлял историков в «архивы как сокровищницы бесценных свидетельств прошлой жизни» и на изучение собраний документов по истории городов, судов, отдельных семей [1126, с. 2].

Тем временем несколько польских историков Львова высказывали противоположные оценки трудов Л. фон Ранке. В частности, Ш. Ашкенази обвинял его в том, что немецкий историк в определённый период жизни «вступил в компромисс с политикой», правда «не без внутреннего с собой спора» [987, с. 300]. Ещё более критически высказался львовский профессор о политической тенденциозности в творчестве Г. Зибеля, которого назвал «маленьким представителем Пруссии» [987, с. 366]. Г. Зибель, по оценке Ш. Ашкенази, не мог стать «великим историком великого народа» из-за принадлежности к «пруссской партии» [987, с. 366].

Ученик Ш. Ашкенази по Львовскому университету К. М. Моравский ставил в упрёк немецкой историографии описание жизни человечества в «мёртвых канонах по образцу и модели естествознания» [1082, с. 12–13]. К. М. Моравский, в частности, не верил в полный объективизм Л. фон Ранке [1082, с. 12–13]. Свою точку зрения молодой польский неоромантик обосновывал не только влиянием окружения на историков, а и индивидуальностью каждого из них [1082, с. 11].

Историки-позитивисты подавстрийских украинских земель также никогда не отрицали факта обусловленности

Архив Юго-Западной России

позиции автора его положением в обществе. Характеризуя польскую литературу XVII в., Б. Калицкий подчёркивал, что «были тяжёлыми в древние времена задачи и положение беспристрастного историка» [1043, s. 12–13].

Чётко отличал «правдивую» историю от псевдоистории Ш. Ашкенази. По его мнению, более распространёнными являются псевдоисторические сочинения, созданные или «с ремесленным педантизмом, или с тривиальным дилетантизмом, или с корыстной тенденциозностью» [987, s. 368–369]. Примером настоящего учёного для Ш. Ашкенази был французский историк А. Сорель, соединявший в своём творчестве «обстоятельность исследования» с «искусством писателя» и «независимой этико-исторической мыслью» [987, s. 368–369]. Одновременно Ш. Ашкенази признавал, что историк должен быть «слугой народа» [986, s. 313].

Полемизируя с Ю. Шуйским и М. Бобжинским на II съезде польских историков во Львове (1890 г.), О. Бальцер признал ограниченность «человеческого познания правды», но призывал исследователей к наибольшему приближению к истине [1784, s. 378].

Л. Финкель был убеждён, что историческая наука не должна служить политике [1016, s. 289]. Он объяснял задачи исторической науки так: «„Воспитательное значение“ истории состоит прежде всего в том, что благодаря ей ученик приобретает познание современности... История завещает нам всё созданное человечеством в генетическом развитии... ученик познаёт ценность труда предыдущих поколений... Учит уважать традиции... [История], которая является примером жизни предыдущих поколений, указывает, как решались человеческие дела с помощью героизма и подвижничества, с помощью труда и усилий... очень влияет на молодые головы» [1016, s. 288–289].

Украинские историки Галиции (за некоторыми исключениями), в отличие от польских, не воспринимали доктрину позитивизма до 1890-х гг. Они открыто идеализировали украинскую историю. Последнее, по оценке И. П. Куцого, проявлялось в признании русинов главным субъектом исторического процесса в Галиции, в замалчивании или негативной оценке участия иноэтнических и инокультурных элементов в украинской

истории, идеализации образа собственного народа и демонизации образа «чужих», «врагов» [1430, с. 38–39].

Творцами национальных мифов выступили и польские историки с сохранённой романтической традицией. Одним из лидеров польской национальной идеи на Украине был К. Шайноха. Он высоко оценивал усилия поляков по колонизации украинских земель и привлечению украинцев благодаря польской культуре к западноевропейской цивилизации [1122, t. 8, s. 133–147, 150–153 и др.]. Подобные оценки сохранились и в дальнейшем. С. Т. Томашевский в рецензии отмечал, что собранный в книге С. Зеленского «*Jezuici w Polsce*» («Иезуиты в Польше») материал о деятельности ордена противоречит оценкам и выводам автора. Последний рассматривает борьбу украинских казаков с польской шляхтой исключительно как битву цивилизованного запада с восточным варварством [892, с. 34].

Идея культурной миссии поляков среди украинцев популяризовалась в трудах польских историков и писателей, в т. ч. и в романах идеолога «польского позитивизма» Г. Сенкевича. Именно на его популярный роман «*Ogniem i mieczem*» («Огнём и мечом»), как и на сочинения Марьяна Дубецкого, обычно сдержанный В. Б. Антонович дал резко негативные отклики [210; 802]. В. Б. Антонович неоднократно критиковал Г. Сенкевича за умышленное перекручивание исторических фактов, неправильно понятый патриотизм, тенденциозность [210, с. 53–54, 77]. Последний изображал Польшу XVII в. как символ цивилизации, а Южную Русь – дикости. В. Б. Антонович, который по матери происходил из польской шляхты, доказывал, что «ни особенной дикости с одной стороны, ни особой гражданственности и цивилизации с другой в фактах этих незаметно» [210, с. 51]. При этом В. Б. Антонович обосновывал ошибочность выводов польских авторов недостаточным количеством исторических источников. По его оценке «пробелом исторических сведений» воспользовались М. Грабовский, К. Шайноха и другие польские писатели и историки [203, с. 2]. Они отстаивали мнение «мнимого запустения края, колонизовали его польскими выходцами, забывая при этом пояснить почему эти выходцы... представ-

ляют в XVI веке сплошную массу с характером русской, а не польской народности» [203, с. 2]. В. Б. Антонович подчёркивал заполитизированный подход польских авторов к общим вопросам польско-украинской истории – «узкость взгляда и тенденциозность при решении политических вопросов» [102, л. 2]. Таким образом, киевский профессор противопоставлял тенденциозные подходы сторонников польской национальной идеи главному исследовательскому принципу позитивистов – объективности¹⁷⁰.

Взамен польские историки нашли в трудах самого В. Б. Антоновича некоторые неточности. А. Яблоновский [1031, t. 1, s. 91–170] вполне убедительно показал неопределённость теории В. Б. Антоновича о прарусской общине как основном начале государственного строительства на южноукраинских землях до XVII в. [202, с. 140–141; 208, с. 3, 18–19; 221, с. I–VI, XVIII–XXIII, XXV и др.]. А. Яблоновский подчёркивал, что возникновение классовой структуры общества является общеевропейским процессом, в котором украинский народ не был исключением [1031, t. 1, s. 145].

Анализируя публикации «Киевской старины» по истории гайдамаччины, Т. Корзон критиковал авторов за некритическое отношение к источникам и идеализацию тех событий [1046]. В. Б. Антонович стал полемизировать с Т. Корзоном, а его тираду по поводу инспирирования украинскими историками Колиивщины в XIX в. назвал «выходкой», выходящей за рамки научной полемики [207, с. 161, 166].

---

170 Сам В. Б. Антонович, между прочим, эволюционировал во взглядах от увлечения национальной (польской, со времён студенчества – украинской) историей до более критического отношения к национальным приоритетам. Во вступительной лекции в Киевском университете он подчёркивал: «Историк должен быть патриотом, но его патриотизм не имеет права оставаться слепым побуждением естественного чувства» [91, л. 3]. Можно сравнить критику подходов Г. Сенкевича пятидесятилетним В. Б. Антоновичем с его гимназическим сочинением «Любовь к отечеству»: «Из всех чувств, хранящихся в душе человека, любовь к отечеству, по общему человеческому мнению, есть самое благородное, потому что не принося никаких материальных выгод, есть выражение чисто духовное» [94, л. 4–4 об.; опубл.: 828, т. 1, с. 209].

Хотя исследования польской истории русскими и украинскими историками также в большинстве случаев носили характер политической конъюнктуры. Главную вину за развал Речи Посполитой они, в отличие от польских авторов, возлагали не на казачество, а обосновывали слабость королевской власти внутренними проблемами польского общества.

Противоречия в подходах между польскими, с одной стороны, и украинскими и русскими историками – с другой, очевидны и в других рецензиях. Известную монографию по истории Украины А. Яблоновского К. Трилёвский оценил как попытку обоснования с помощью исторического материала «как будто на научном основании прав польского элемента на украинские земли» [479, с. 199]. Он раскритиковал известного польского исследователя за «огромнейшее искривление исторической перспективы и исторических фактов» [479, с. 199], прежде всего за то, что у А. Яблоновского украинский народ «со стихийной силой ненавидел и разрушал всякую культуру; ...разные украинские деятели выступают у него как куклы» [479, с. 199]. По убеждению рецензента, польские историки преувеличивают культуртрегерскую роль своего народа для украинцев, ибо не польская шляхта, а «украинская рабочая людность была настоящим колонизатором широких просторов Украины. Шляхта была только эксплуататором её труда» [479, с. 210].

Уже неоднократно нами отмечалось, что преимущественная часть ученых того времени считала позитивистский вариант историописания стандартом профессиональности, общепризнанным в научном сообществе¹⁷¹. Позитивистская модель историописания включала ряд обязательных исследовательских принципов и методов.

---

171 Подобные идеи выдвигались и в европейской, в частности французской, исторической науке. Г. Моно в первом томе «Revue historique» (1876 г.) призывал не принимать никаких стандартов, не признавать любых догматов, а «открывать постоянные отношения и зависимости между явлениями» [1081, р. 36]. В этой же статье «Развитие исторических исследований во Франции» он писал, что именно благодаря индуктивному методу познания можно двигаться вперёд, от единичного к общему, от частично к целому и «на группах твёрдо установленных фактов выводить общие идеи, которые бы поддавались испытанию и проверке» [1081, р. 34].

Одним из основных принципов историки-позитивисты украинских земель выдвигали принцип системности. М. М. Ковалевский, в частности, подчёркивал необходимость системного подхода так: «Для позитивиста немыслимо изучение одной лишь стороны быта народа, т. к. ему ясна связь всех и каждой из них, и определение характера одною суммою тех влияний, какие обнаруживают другие» [544, с. 70]. Как последователь доктрины О. Конта М. М. Ковалевский считал очень плодотворной для исследования общества идею основателя позитивизма о социальной статике и динамике: «Независимо от признания или непризнания контовского закона трёх стадий есть основание...говорить о социальной статике или динамике, т. е. об изучении суммы тех явлений, из которых слагается общественная солидарность то в состоянии покоя, то в состоянии движения» [576, с. 4–5].

Более глубоко к проблеме соединения статических и динамических явлений подошёл И. В. Лучицкий: «Необходимо соединить статическое рассмотрение социальных явлений с динамическим и брать во внимание не только прогрессивные изменения различных элементов, но и единовременные состояния каждого из них» [690, 1868, № 11, с. 36].

За соблюдение системного принципа в исторических исследованиях выступали и его ученики. Д. М. Петрушевский настаивал, что должно происходить «изучение исторического процесса во всей полноте и каждое отдельное явление рассматривая как производную всех сил, действующих в обществе» [772, с. 7]. «Всякое явление, подлежащее изучению историка, – объяснял свою мысль учёный, – есть общественный продукт, результат взаимодействия всех общественных сил... нужно, следовательно, принимать во внимание все факторы, как материальные, так и культурные» [771, с. 312–313].

П. Н. Ардашев также предложил применять системный подход для изучения общественной эволюции: «Познать каждое из конкретных явлений данного процесса... или один из фазисов как в геологии» [104, л. 9].

Системный подход поддержали и украинские учёные подавстрийской Украины, и те, которые жили за пределами украинских этнических земель.

Ф. К. Волков (Вовк) обосновывал необходимость учёта всего комплекса данных о каждом народе с его анатомическими, физиологическими, этническими, культурными и бытовыми отличиями [317, с. VI].

И. Я. Франко определял такие задачи исследования любого народа: «Познать людей, живших на определённой территории, а также познать их нынешнее и прошлое положение, их физические и умственные особенности, их институты и экономическое положение, их торговые отношения и интеллектуальные связи с другими народами» [926, с. 254].

Подобную мысль высказал М. С. Грушевский, который называл главной задачей исторической науки исследование всех сфер (экономической, культурной, духовной) истории украинского народа и украинской территории с самых древних времён [400, т. 37, кн. 3, с. 414]. Среди прочих принципов исторической науки учёный выделял принцип историзма, который, по его убеждению, позволит показывать

Ш. Ашкенази

исторические события и явления в более широком историческом контексте: «Принципы исторической методологии приказывают, между прочим, каждое событие, каждый поступок оценивать на фоне его окружения» [396, с. 15].

Самое большое распространение в позитивистской историографии имел историко-сравнительный метод. Сравнение применяли ещё Плутарх, Платон и другие древние мыслители (это подчёркивал М. М. Ковалевский [1884, с. 58] и В. Пилат [1094, s. 3]). Французские (среди них Ш. Л. Монтескье) и немецкие просветители также пропагандировали необходимость использования сравнительной методики для научных исследований. Сравнительная методика для трудов по истории, социологии и другим общественным наукам активно разрабатывалась английскими учёными. Английской историографии давал высокую оценку М. Н. Петров,

отмечая результативное применение историко-сравнительного метода английскими учёными [765, с. 132].

Широко пользовались историко-сравнительным методом и учёные на украинских землях. Профессор права Д. И. Каченовский подчёркивал «важность положительных и сравнительно-описательных исследований в политических науках» [525, с. 52; подобное более позднее суждение Д. М. Петрушевского: 771, с. 308].

На Украине историко-сравнительный метод особенно широко использовали историки права (Д. И. Каченовский, М. М. Ковалевский, М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. А. Максимейко, Ф. В. Тарановский) и исследователи экономической истории (М. М. Ковалевский, И. В. Лучицкий и его ученики), поскольку нормы права и законодательства, статистические данные экономики более пригодны для сравнения, чем другие общественные явления.

Не всё учёные, особенно старшего возраста, признавали историко-сравнительный метод. Поскольку, как подчёркивал М. М. Ковалевский, применение этого метода доказывает научную несостоятельность объяснения истории с помощью теории о влиянии духа народа на характер его общественных и политических институтов [560, с. 2–5]. Интересным является тот факт, что при публикации лекции М. П. Драгоманова «Положение и задачи науки древней истории» (1874 г.) редактор «Журнала Министерства народного просвещения» заявил о несогласии с новым методом изучения, который «только что возник, не получил права господства и представляет много сомнительного» [443, с. 181 прим.]. На Всероссийском археологическом съезде в Одессе (1884 г.), по свидетельству М. П. Драгоманова, несколько учёных раскритиковали «космополитическое, сравнительное направление в науке», которое отстаивал М. М. Ковалевский [450, с. 492].

Распространение эволюционной теории на изучение общества также способствовало более широкому использованию историко-сравнительного метода для изучения истории разных государств и этносов. М. М. Ковалевский связывал распространение историко-сравнительного метода именно с успехами его применения в биологии [541, с. 428]. Историки-позитиви-

сты были уверены в том, что исторический процесс является единым, т. е. подобным для всех (по Г. Т. Боклю, европейских) народов в своих главных закономерностях. М. Н. Петров [без указания конкретной фамилии английского историка – Б. Е.] положительно характеризовал позитивистский стиль английской историографии: «Вместо того, чтобы углубиться в философские спекуляции над фактом, он поставит его в параллель с подобными явлениями в истории других народов, или же отдалённое событие объяснит аналогией с отношениями всем известной современности» [765, с. 131–132].

Историко-сравнительный метод на многочисленных примерах доказывал похожесть развития отдельных народов в древние времена. Профессор Новороссийского университета Ф. И. Леонтович в лекциях по истории русского права указывал как на один из результатов историко-сравнительного изучения права признание того, что «между бытом дикаря и цивилизованного человека нет глубокой пропасти – это звенья одной и той же цепи» [645, с. 4].

М. П. Драгоманов в 1869–1874 гг. публично выступал именно за сравнительное изучение исторических событий [432, с. 91; 443, с. 174–180]. По его убеждению использование историко-сравнительного метода показывает, что «ступени общечеловеческого развития существуют действительно, но только не народы представляют ступени развития жизни общего организма, называемого человечеством, но каждый народ проходит известные более или менее общие ступени развития» [432, с. 227].

В. П. Бузескул позитивно оценивал результаты применения историко-сравнительного метода в исторических исследованиях. Результаты применения метода, по оценке харьковского профессора, доказывают правильность эволюционной теории. «Открываются промежуточные звенья между периодами и явлениями, не имеющими, казалось бы, ничего общего между собой...», – писал В. П. Бузескул, – устанавливается неразрывная связь там, где её прежде и не подозревали» [282, с. 558].

Использование историко-сравнительного метода, по убеждению позитивистов, служило и доказательством наличия исторических закономерностей. Последние, по мнению молодого

М. М. Ковалевского, свидетельствовали о подобии многих общественных институтов и обычаев, особенно в древние времена [544, с. 19]. Учёный объяснял эту подобность одинаковостью исторических условий их возникновения, подчёркивая при этом, что причина этой одинаковости лежит «не в повторемости одних и тех же событий на расстоянии веков и тысячелетий, так как таких повторений не знает история, а в прохождении разными народами одинаковых стадий общественного развития» [544, с. 19]. Результаты применения историко-сравнительного метода, по убеждению Н. И. Зибера, доказывают «существование исторической связи» между «большим количеством» подобных исторических фактов [485, № 5, с. 6–7].

Горячий сторонник историко-сравнительного метода М. М. Ковалевский признавал возможным применение этого метода не только к европейским народам. «Всякая новая попытка установить социологические истины, – писал он, – будет иметь научное значение в том лишь случае, если в поле наших изысканий будет включён Восток и, в особенности, мир славянских народов» [566, с. 12]. Он считал ошибкой О. Конта изучение только римско-католического мира [566, с. 12]. По мнению М. М. Ковалевского, сущность историко-сравнительного метода состоит «в параллельном изучении развития форм общежития у различных древних и современных народов, ... должно дать... общую формулу социальной эволюции» [566, с. 13]. Позже А. И. Неусыхин критиковал широкое использование М. М. Ковалевским историко-сравнительного метода при изучении, например, общины в Германии, Франции и Англии XII–XIII вв. и России XVI–XIX вв. [1526, с. 42].

М. М. Ковалевский определял такие задачи историко-сравнительного исследования: 1) выделить «в особую группу сходные у разных народов на сходных ступенях их развития обычаи и учреждения»; 2) дать «материал для построения истории прогрессивного развития форм общежития и их внешнего выражения – права»; 3) выяснить «причины постепенной замены одних форм человеческого общежития и одних норм права другими» [544, с. 19–20].

Позже М. М. Ковалевский более сдержанно оценивал возможность применения историко-сравнительного метода. Учёный, например, признал ошибочным взгляд, что рано или

поздно все государства пройдут стадию конституционного устройства с парламентом и солидарным, ответственным перед народом правительством [537, с. 298]. Он признавал нецелесообразность использования историко-сравнительного метода из-за недостаточной источниковой базы: «Молчание источников не даёт, однако, права восполнять недостаток фактических данных историческими аналогиями» [582, т. 1, с. 335].

В 1880-х – 1920-х гг. только отдельные историки Украины осторожно пытались выступить против общего увлечения обществоведами историко-сравнительным методом. В. П. Бузескул детально объяснял свою осторожность в применении этого метода. По его наблюдениям в процессе сравнения древнего мира и нового времени происходит модернизация античности, что ведёт «к крайностям, к натяжкам, к старанию установить сходство даже там, где его в сущности нет, и где оно только кажущееся» [285, с. 5]. Далее он уточнял: «При всём параллелизме и аналогии между древностью и новым временем нет и не может быть полного тождества: каждое историческое явление само по себе индивидуально... прошлое не исчезает совершенно бесследно: в наследие от него остаётся многое, что переживает века и влияет на последующее развитие – идеи, учреждения, культура» [285, с. 6]. Историк признавал, что нельзя «совершенно отвергать существование аналогии в историческом развитии древнего и нового мира», но подчёркивал условный характер исторических аналогий [285, с. 7; его подобное суждение: 280, с. 208; 282, с. 560].

Подобно В. П. Бузескулу А. С. Травчевский предостерегал сторонников историко-сравнительного метода относительно широкого его применения, которое он оценивал как самоубийство исследователя [900, с. 154].

М. Н. Бережков придерживался подобных оценок. Он подчёркивал, что историко-сравнительный метод нужно использовать только вместе с другими, поскольку важно не только сравнивать и обобщать, а иногда важно различать явления [115, л. 11 об.]. Нежинский историк призывал «пользоваться с крайней осторожностью» сравнениями и аналогиями [115, л. 11].

Историко-сравнительный метод при условии правильного использования давал существенные позитивные результаты.

Одновременно в некоторых работах историки иногда некорректно использовали этот метод. В. Б. Антонович критиковал Д. И. Зубрицкого за то, что последний «фальшиво перенёс римскую терминологию на различные явления жизни жителей Львова» [99, л. 2 об.].

Е. М. Грушевская признавала, что «культурные достижения распространяются от народа к народу, но не всё то, что является подобным в разных культурах, объясняется заимствованием» [358, с. 200]. Главным путём культурного развития киевская исследовательница считала самостоятельный прогресс цивилизации, который, по её оценке, «не удалось опровергнуть» сторонникам теории влияний и заимствований [358, с. 200].

Кроме историко-сравнительного метода, историки-позитивисты использовали статистический метод. Данные статистики начали использоваться в исторической науке до распространения в ней идей позитивизма. Ещё Д. И. Каченовский высоко оценивал статистические данные для научных исследований: «Статистика есть неистощимый родник живого опыта; она даёт драгоценное пособие для проверки господствующих понятий и теорий» [525, с. 49].

Переориентация исторической науки в последней трети XIX в. на социально-экономическую тематику обусловила, в частности, широкое использование статистического метода. И. В. Лучицкий подчеркивал важность этого метода «для более важного понимания прошлого и настоящего», особенно для изучения «связи и соотношения между различными сторонами экономической жизни» [1887, С. 205–206].

Только несколько историков-позитивистов признавали невозможность его активного использования по причине недостаточной разработанности методик. Поэтому М. Н. Березков, например, считал, что от статистического метода мало пользы [117, л. 14 об.].

Высокая оценка статистического метода присутствует и в трудах 1920-х годов. Этот метод, по оценке О. Ю. Гермайзе, «даёт самые точные вычисления и создает самые верные знания» «там особенно, где исследуется социально-экономическое явление» [331, с. 209]. Одновременно он признавал, что историк по причине фрагментарности источниковой базы часто «лишён

возможности выбирать себе цифровой материал» и «пользуется случайными уцелевшими цифрами» [331, с. 209].

Подобное позитивное отношение к статистическому методу демонстрировали и учёные Западной Украины. В напечатанной в журнале «Kwartalnik Historyczny» рецензии Я. Рутковского на «Аграрную историю» М. Блока одобряется последовательное и грамотное применение статистического метода при разработке массовых источников по аграрной истории Франции [1105, s. 157].

Другой метод, который активно использовали историки-позитивисты, был историко-генетический. С точки зрения представителей позитивизма историкам в своей профессиональной деятельности необходимо установить, собрать, классифицировать и исследовать всю доступную совокупность фактов для выяснения причинных связей и формулировки исторических закономерностей (тенденций). М. М. Ковалевский подчёркивал необходимость исследования причин исторических фактов. Он в одной из лекций, прочитанной на французском языке в Париже, объяснял слушателям: «Недостаточно собрать большое число свидетельств в пользу гипотезы, которую желательно поддержать: надо ещё связать изучаемое явление со всею совокупностью условий, в которых оно должно было впервые возникнуть» [584, с. 53]. Характеризуя исторический процесс как «известный вид мировой эволюции», В. В. Новодворский считал, что его «изучение должно быть, конечно, генетическим» [735, с. 17].

В публичной лекции В. К. Пискорский подчёркивал, что «без установления причин, которые связывали бы исторические факты в одно стройное целое, невозможна научная история» [789, с. 5–6]. Задачи учёных, по его убеждению, не сводятся к ранкеанскому лозунгу. Историк, считал он, должен ответить не только на «wie es gewesen ist» («как это было»), а и на «wie es geworden ist» («как это происходило») [789, с. 7]. К задачам историков В. К. Пискорский отнёс описание исторических фактов и выяснение генезиса исторических явлений [789, с. 7].

Важность применения именно генетического метода в исторических исследованиях признавали и украинские учёные, жившие в Галиции. «Современная наука, – подчёркивал М. С. Грушевский, – ищет генетической связи» [379, с. 299].

Таким образом, более активное использование статистического, историко-сравнительного, генетического методов исследования отличают позитивистскую модель историописания от предыдущих.

Позитивистские стандарты историописания влияли на специфику изложения исторических фактов. Позитивистский нарратив отличался формальными признаками «великого» текста. Характерными чертами большинства трудов историков-позитивистов были широкое цитирование источников (преимущественно актовых материалов), фактографическое изложение материала, сложный аппарат примечаний, археографические приложения.

Д. М. Петрушевский, например, считал необходимым изъятие из научного оборота «целой массы метафор и других чисто стилистических украшений, играющих роль серьёзных научных объяснений и формул» [771, с. 309]. Как пример учёный приводил дефиниции, характерные для романтизма: «жизненная сила», «народный дух», «национальный характер» [771, с. 310]. Кроме того, Д. М. Петрушевский выступал за использование историками методов всех общественных наук: «Задачи и методы истории и других общественных наук становятся в сущности тождественными. Слово «история» как будто начинает указывать скорее на метод, чем на объект изучения. Открывается поле для контрверз, весьма аналогичных с теми, какие имели и имеют место в отношении к философии» [771, с. 308].

Позитивистскому стилю историописания было присуще усиленное цитирование и ссылки на других авторов. Труды В. С. Иконникова (особенно «Опыт русской историографии»), например, содержат большие по количеству и объёму библиографические комментарии¹⁷².

---

172 Сам учёный во вступлении к четырёхтомному историографическому обзору подчёркивал, что постоянно следил «с интересом библиографа» за новой литературой [492, т. 1, кн. 1, с. V]. В научной литературе существуют разные классификации типов учёных. А. И. Неусыхин выделял четыре типа учёных, относя героя своей статьи Д. М. Петрушевского одновременно к первому и второму типу историков: 1) историк-аналитик, 2) историк-синтетик, 3) деструктор (учёный, разрушающий «своим разъедающим скептицизмом устаревшие концепции,... но не создавая новых построений»), 4) историк-художник [1527, с. 12]. М. М. Богословский разделял историков на мыслите-

Укажем, что типичными историками-художниками были историки старшего поколения, пребывавшие под влиянием романтизма (среди них Н. И. Костомаров и П. А. Кулиш). В. П. Бузескул называл своего учителя М. Н. Петрова «историком-художником», указывая в некрологе: «Внешней форме Михаил Назарович всегда придавал большое значение, тщательно отделял свои лекции и труды, которые действительно являлись образцом изящного, художественного изложения» [291, с. 44–45].

Позитивистский идеал научности способствовал преобладанию среди учёных историков-позитивистов таких типов учёных: практик-эмпирик, учёный-исследователь, учёный-сциентист, транслятор-комментатор, критик (а не историк-художник – тип, распространённый в эпоху романтизма). Этому способствовали и задачи модерации новых дидактических образцов исторической науки и демистификации истории, ставшие особо актуальными для историков исследуемого периода.

Методология исторической науки трактовалась ими не только в гносеологическом аспекте как система принципов и методов научного познания, а в онтологическом плане как теория исторического процесса. Эмпирический в сущности позитивистский вариант историописания предусматривал прежде всего анализ научных фактов общественного бытия, а не формулирование сложных умозаключений. Поэтому позитивисты мало рассматривали гносеологические

лей, художников и исследователей [1186, с. 98]. И. И. Колесник считает, что в украинской историографии представлены преимущественно «историк-библиограф», «историк-источниковед», «историк-археограф», а не «историк-критик», «историк-систематик», «историк-аналитик» [1391, с. 12]. Т. Н. Попова предлагала определять тип учёного по содержанию, направленности и мотивации его научной деятельности: 1) теоретик – практик-эмпирик; 2) учёный-исследователь – учёный-педагог; 3) учёный-философ – учёный-поэт – учёный-сциентист; 4) генератор идей – глоссатор – транслятор-комментатор; 5) критик – «догматик-конструктивист» – догматик [1583, с. 502]. Более перспективной для данного исследования является предложенная Т. Н. Поповой классификация учёных по категориальному профилю: приверженность к определённым философским системам (с указанием временного диапазона и эволюции взглядов), онтологические, гносеологические, методологические и логико-аксиологические категории [1583, с. 501–502].

и аксиологические вопросы, которые считались метафизическими и схоластическими. Эти сферы философского знания изучались в то время сравнительно больше историками-неокантианцами, философами-идеалистами и богословами.

Можно говорить об особенном стиле исторического мышления (как индивидуального, так и, особенно, группового¹⁷³) приверженцев позитивизма, который существенно отличался от предыдущих романтических мифологем не только другими теоретико-методологическими подходами, а и новыми ценностными предпочтениями и большей социальной направленностью вообще.

Работам историков-позитивистов было присуще широкое применение в процессе анализа общественных явлений математически-естественных принципов и таких методов исследования, как статистический, историко-сравнительный, генетический. Широкое использование историко-сравнительного метода в процессе изучения истории разных государств и этносов, как и аналогий с природой в объяснении фактов, доказывали, по мнению учёных, правильность теории общественной эволюции.

Методы историко-сравнительный, статистический и реконструкции, распространённые в исторической науке имен-

---

173 Я. С. Калакура даёт следующее определение этого термина, выделяя стили индивидуального и группового мышления: «Под стилем исторического мышления понимают систему физиологическо-психологических, логических, теоретических и ценностных ориентиров того или иного историка. Совокупность наиболее характерных признаков стиля историков определённой научной школы или представителей определённого направления, течения может применяться для групповой оценки стиля их исторического мышления» [1350, с. 102–103]. И. И. Колесник выделяет научную и социокультурную составляющую стиля мышления учёных: «Научная составляющая стиля содержит: картину мира, научную парадигму конкретной эпохи, предметно-дисциплинарный инструментарий (понятийный аппарат, руководящие идеи, техники, методики исследования). Социокультурная (аксиологическая) составляющая стиля научного мышления имеет свою иерархию: общекультурные ценности (социальные, эстетические, нравственные, идеологические, художественные, экономические); личные ценности, такие как происхождение, характер, семья, окружение, образование, культура вкуса, мотивация профессионального выбора (аналитические способности, склонность к теоретизированию, рефлексии, концептуализации) и т. п.» [1393, с. 47].

но в это время, свидетельствуют о высоком уровне абстрагирования от конкретных исторических фактов, о возможном преувеличивании в оценке исторических студий многих историков-позитивистов только как фактографических.

Последние два десятилетия XIX в. – время перехода от полного и искреннего увлечения идеями «раннего» позитивизма до более-менее критического отношения к отдельным положениям его теории при признании позитивистской парадигмы основой научного познания мира. Период классического позитивизма отмечен повышением профессиональности исторических исследований. Использование значительного количества актовых документов (самые яркие примеры – Киевская школа историков-документалистов и «Русско-украинская» историческая школа) приводит к значительному снижению мифологизации всех национальных дискурсов на украинских землях. Распространение национальных мифов опять становится системным явлением с распространением неоромантизма.

2.3. Влияние позитивизма на развитие теории и методики исторического источниковедения

Идеи позитивизма оказали существенное влияние на развитие теории и методики исторического источниковедения, в частности на разработку понятия исторического источника. Одной из особенностей развития историографии исследуемого времени было корпоративное (групповое) признание позитивистской модели историописания как основы научного исследования. Наиболее яркий пример – Киевская школа историков-документалистов, в основу методологии и методики научных исследований которой были положены именно позитивистские принципы. Главной составляющей идеала научности стала традиция документализма¹⁷⁴. А. Я. Ефименко, которая

---

174 Убеждение историков-позитивистов в том, что археографические публикации оказывают более глубокое и длительное влияние на историографию, чем научные труды, чётко прослеживается, например, в разгово-

сама, однако, чётко не придерживалась позитивистской модели историописания, одобряла именно фактографический стиль работ В. Б. Антоновича, ибо в них «всегда сохраняется полное равновесие и гармония между идеей и фактом» [471, т. 2, с. 310].

Е. В. Тарле придерживался типичного для позитивистского варианта историописания фактографизма, считая оценки и выводы результатом обобщения фактов: «Схема первичная, в сущности, форма систематизации материала» [878, с. 6] и выделял такие этапы исторического исследования: «От схемы – через частную теорию – к общему историко-философскому построению – вот прямой путь исторического мышления, вот обобщающая работа, начинающаяся после собирания, установления и проверки фактического материала» [878, с. 6].

До начала XX в. большинство историков под понятием «исторические источники» имели в виду памятники прошлого. М. Н. Петров называл историческими источниками «свидетельства и памятники прошедшего», как вещественные, так и письменные [762, с. 10]¹⁷⁵.

В популярном среди учёных многих стран учебнике Ш. Сеньбоса и Ш.-В. Ланглуа «Introduction aux études historiques» (русский перевод 1899 г., польский перевод 1912 г.) для определения «источник» использовался термин «документ»¹⁷⁶.

ре руководителя Киевской археографической комиссии Н. Д. Иванишева с П. В. Павловым: «Вот ваш Гизо – великий историк, а что станет с его взглядами лет через 20–30? А мои издания [«Архив Юго-Западной России» и другие редактированные Н. Д. Иванишевым и сотрудниками Киевской археографической комиссии сборники документов – Б. Е.] будут иметь вечное значение для исторической науки» [813, с. 239]. Распространение этой традиции стимулировало интерес учёных к проблемам теоретического источниковедения.

175 Подобное определение исторических источников содержится также в лекциях по источниковедению В. О. Ключевского. Московский профессор называл историческими источниками «письменные или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ» [531, т. 6, с. 475].

176 Ш. Сеньбос и Ш.-В. Ланглуа писали следующее: «История пишется по документах. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями людей, некогда живших людей. Лишь очень немногие из человеческих мыслей и поступков оставляют после себя заметные следы; к тому же следы

Во вступительной лекции по русской истории Г. И. Перетякович (задолго до классических формулировок Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, немецкого историка Э. Бернгейма) дал позитивистское определение исторических источников как остатков (материальных и духовных следов) каждого народа [756, с. 309]. Он трактовал исторический источник как «источник-факт»: «Факты, выражающие собой народную деятельность и служащие для воспроизведения народной жизни в её объективности, называются историческим материалом» [756, с. 310].

В украинском и общероссийском источниковедении конца XIX – 20-х годов XX вв. под «остатками» понимали то, что непосредственно осталось от прошлого, а не было специально создано для того, чтобы сохранить это прошлое в памяти следующих поколений. Таким образом, любой акт или вещественный памятник назывался остатком, а любой повествовательный письменный источник – традицией¹⁷⁷.

Историки и источниковеды Украины (прежде всего Киевская школа историков-документалистов в лице В. Б. Антоновича, В. С. Иконникова и их учеников) в лекционных курсах и

эти редко бывают долговечными: чтобы стереть их, достаточно простой случайности. Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда и не существовал. За неимением документов история обширных периодов прошлого человечества останется навсегда неизвестной. Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории» [637, с. 13]. Французские учёные трактовали широко термин «документ»: «Можно различать два рода документов. Иногда факт прошлого оставляет вещественный след (памятник или какой-либо вещественный предмет). Иногда, и более часто, след, оставленный событием, бывает психологического порядка: описание или повествование» [637, с. 50].

177 Ещё А. С. Лаппо-Данилевский считал искусственной такую трактовку. По его мнению, термин «остаток прошлого» хорошо выражает природу источника, потому что большинство источников осталось нам от предыдущих поколений. Но не все исторические источники (современный фольклор и данные современного языка, современные обычаи, личные наблюдения историка) можно назвать «остатками прошлого». На это обстоятельство указывал А. С. Лаппо-Данилевский во втором выпуске «Методологии истории» [639, вып. 2, с. 368–369]. Понятие «след» он также считал неоднозначным [639, вып. 2, с. 369–371].

разысканиях придерживались точки зрения как Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса, так и Э. Бернгейма об исторических источниках как оставленных человеком остатках своей деятельности. В. С. Иконников называл источниками «исторические материалы» [492, т. 1, кн. 1, с. 166; т. 2, кн. 1, с. IV–IX]. В. Е. Данилевич относил к историческим источникам «все те материалы, из которых историк черпает сведения о прошлой жизни человечества, всё то, что сохранило на себе какой-либо след старины, что устанавливает какой-либо факт минувшего» [410, с. 1].

Приблизительно одинаковое содержание вкладывал в термины «источники», «памятники», «материалы» М. Н. Бережков. Нежинский учёный называл источниками только первоисточники: «Источник – всё то, что даёт впервые исторические сведения. Отсюда выражение: первые, первоначальные источники или „источники первой руки“» [118, л. 3].

Неокантианское определение исторического источника А. С. Лаппо-Данилевского как «реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением» [639, вып. 2, с. 375; подобное выражение с. 374] среди историков Украины повторил М. М. Кордуба в лекциях по методологии истории [596, с. 3]. Однако в трудах историков-позитивистов украинских земель исследуемого периода определение А. С. Лаппо-Данилевского использовалось сравнительно меньше, чем формулировки Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма.

В 1920-х годах распространяется марксистское определение исторического источника. В исторических, особенно историко-партийных, работах 1920-х годов часто подчёркивалось, что исторические источники являются продуктом общественных отношений и классовой борьбы. В частности, такой узкий, заидеологизированный подход продемонстрировал историк-марксист М. Н. Покровский, писавший о научных трудах «буржуазных» историков так: «Не только сами эти книжки являются продуктом классовой борьбы, но и те материалы, на которых эти книжки основаны, тоже являются продуктом классовой борьбы» [797, с. 11–12].

С точки зрения философии науки, позитивистский и марксистский подходы к определению понятия историче-

ского источника тяготеют к онтологии, а неокантианский – к гносеологии. Однако для определения любого понятия наиболее целесообразным является системный подход, который учитывает всю разноплановость, разноаспектность источников [1165, с. 66].

Развитие как исторической науки в целом, так и источниковедения в частности, привело к необходимости разработки новых классификаций исторических источников. Классификация объектов исследования является важным средством организации любой познавательной деятельности. Для источниковедов проблема классификации исторических источников особенно важна в связи со сложностью определения объектов, которые постоянно развиваются и изменяются, с возможностью разных подходов к классификационной работе. Разработка классификационных приёмов и принципов, создание разных классификаций имеет огромное значение, поскольку, во-первых, классификация углубляет представление о природе исторического источника, во-вторых, способствует дальнейшей разработке теоретических проблем источниковедческой практики (общей и видовой), в-третьих, помогает лучшему изъятию исторической информации, содержащейся в однотипных источниках. Историк-источниковед использует своё представление об общих свойствах данного вида или типа источников для того, чтобы глубже изучить конкретный исторический источник [1165, с. 72]. Классификация исторических источников до сих пор остаётся наиболее дискуссионным вопросом теории источниковедения.

На территории подросийской Украины первые попытки классификации исторических источников содержатся в обобщающих трудах по русской истории, изданных в XVIII–XIX вв. [1165, с. 70–73; 1610, с. 137–150].

Историки-позитивисты создали свои классификации исторических источников.

В. Б. Антонович разделял письменные источники от XIII до конца XVIII в. на три группы: 1) летописи; 2) юридические документы; 3) литературные (записки современников и путешественников и т. п.) [205, с. 17].

В. С. Иконников предложил делить исторические источники на устные, вещественные и письменные

[492, т. 1, кн. 1, с. 38]. Последние, в свою очередь, делились на прямые свидетельства (актовые материалы, летописи, хроники, созданные вскоре после описанных событий) и непрямые (другие повествовательные источники). К тому же после детального обзора предыдущих классификаций он предложил ещё одно деление источников: 1) памятники, служащие выражением частной деятельности (летописи, литературные сочинения); 2) памятники, служащие выражением общественной деятельности (акты дипломатические и юридические); 3) материалы, сообщаемые вспомогательными знаниями (географические, этнографические данные, вещественные памятники) [492, т. 2, кн. 1, с. IX].

В. Е. Данилевич выделял такие источники: литературные, вещественные и юридические [410, с. 2]. Кроме того, учёный выдвинул ещё одну классификацию: 1) письменные сочинения (рукописные, печатные, эпиграфические); 2) сочинения народного творчества (сказки, былины, песни и т. п.); 3) пережитки старины в языке и обычаях; 4) вещественные [410, с. 2].

В. Е. Круссман, кроме традиционных видов, относил к историческим источникам сочинения искусства, фото, карты и планы [621, с. 8–13].

В источниковедении была долгое время популярной классификация Э. Бернгейма¹⁷⁸ [1165, с. 75–76].

Разнообразие исторических источников подчёркивал М. М. Кордуба. Кроме письменных источников, он выделял надписи, монеты, предметы искусства, язык, обычаи, правовые нормы, религиозные верования и т. п. [596, с. 4].

Новые философские (в основном неокантианские) подходы к историческим источникам (за исключением трудов харьковского историка В. И. Веретенникова) не были приня-

---

178 В популярном среди учёных конца XIX – начала XX вв. пособии «Вступление к исторической науке» Э. Бернгейм к исторической традиции отнёс такие группы источников: 1) устная традиция (песни и рассказы, саги, легенды, анекдоты, крылатые выражения, пословицы); 2) письменная традиция (исторические надписи, генеалогические таблицы, летописи, биографии, мемуары, брошюры и газеты); 3) изобразительная традиция. Остатки учёный разделял на: 1) остатки людей; 2) в языке; 3) обычаи; 4) сочинения науки и искусства, изделия ремесел; 5) акты [258, с. 70–90].

ты в исторической науке на Украине исследуемого времени. Более того, позитивистские классификации исторических источников частично сохранились и в источниковедении советского периода [1165, с. 76].

Характерной чертой источниковедения позитивистского этапа является уменьшение значения фольклорных источников. Историки-позитивисты, в отличие от романтиков, не расценивали фольклор как главный источник исторических исследований, подчёркивая важность разных видов источников. М. М. Ковалевский считал, что «единственное средство познать духовное состояние народа состоит в изучении всей совокупности его верований, учреждений, частного обихода, привычек и обычаев. Тот, кто стремится раскрыть нам психологию той или другой нации, не должен ничем пренебрегать – ни народными сказками, ни былинами, ни пословицами, ни поговорками, ни юридическими формулами, ни законами, как писаными, так и неписаными» [580, с. 14].

Таким образом, большинство историков-позитивистов историческими источниками называли памятники прошлого, которые содержат информацию об исторических событиях и явлениях. Их подход был более близок к марксистскому, где исторические источники трактовались в первую очередь как продукты определённых общественных отношений. Историки-позитивисты пытались избегать характеризовать исторические источники как прежде всего продукты индивидуальной человеческой психики (последнее более характерно для неокантианцев).

Приведённые классификации исторических источников при всём их разнообразии свидетельствовали о некоторых общих критериях деления исторических источников на группы и виды. Труды учёных Украины способствовали дальнейшей разработке теоретических проблем источниковедения, в частности углубили представление о природе исторического источника.

В XIX в. украинские, русские и западноевропейские учёные продолжали разрабатывать методы критики источников (её часто ещё называли исторической критикой, сам термин «источниковедческая критика» появляется на рубеже XIX–

XX вв.). Ещё в 1824 году Л. фон Ранке объявил принцип документализма в научных исследованиях и необходимость критики исторических источников¹⁷⁹. Историки-позитивисты развили далее его идеи и источниковедческую методiku.

М. Н. Петров, который в своё время учился у самого Л. фон Ранке, определил такие этапы исторического познания: 1) «собрание и восстановление всех памятников и документов, могущих с разных сторон объяснить минувшую жизнь нации»; 2) «критическая оценка и разработка этого материала» для оценки достоверности источников, «очистка известий и свидетельств от всей субъективной примеси» и «извлечение из них... реальной „объективной“ истины»; 3) восстановление «разрушенной анализом связи между отдельными атомами очищенного критикой материала» [765, с. 58–59].

Значительное дидактическое влияние имели ряд немецких и французских профессоров. Выше уже отмечалась их роль для развития исторической науки, в т. ч. в России и Австро-Венгрии. Сущность разработанного Л. фон Ранке «критического метода» В. П. Бузескул охарактеризовал следующим образом: «Надо обращаться к наиболее достоверным, подлинным источникам, разобраться в них, установить их генеалогию, их зависимость друг от друга, дойти до первоисточника, определить степень достоверности автора, место и время его жизни, составления им своего труда, выяснить его отношения, возможность и желание сообщить истину, выяснить его физиономию, его индивидуальность» [287, с. 1125].

Фактически таких исследовательских принципов придерживался и сам В. П. Бузескул и другие историки-позитивисты, взяв на вооружение афоризм Н. Д. Фюстеля де Куланжа «Только точное исследование фактов, всех фактов» [950, с. XVI].

---

179 Об особенностях источниковедческой методик Л. фон Ранке см. детальнее статью Н. И. Смоленского [1664]. Вообще термин «quellenkunde» широко употреблялся в немецкой историографии с 1830-х годов. В XIX в. много раз переиздавалась составленная Ф. К. Дальманом библиография «Источниковедение немецкой истории». Потому термин «источниковедение» в исторической науке сначала означал не отдельную науку, а обзор источников [261, с. 95].

Труды И. Г. Дройзена, у которого стажировались учёные из Киевского и других университетов России, печатались в ведущих журналах страны. Они не только содержали указания, как работать с историческими источниками, а были новым этапом разработки методов исследования. Известный афоризм И. Г. Дройзена «Методы – это рычаги в области науки; отдельные же знания – это масса, которую они приводят в движение» [453, с. 84] стал лозунгом для научной интеллигенции. А. Г. Брикнер, например, выбрал это выражение в качестве эпиграфа к своему отчёту о стажировке в Германии [277, с. 147].

Историки-позитивисты уделяли много внимания разработке методики работы с источниками. М. Н. Бережков выделял три вида критики: критика источников, критика текста, критика фактов или философская критика [115, л. 13 об.]. Он одним из первых указал, что необходимо критиковать не только исторические, а и историографические источники: «В области исторического введения критика есть оценка источников, а затем оценка, разбор и исправление воззрений исторических, высказанных в источниках или в научных трудах по истории» [115, л. 12 об.–13].

Большинство историков Украины выделяло нижнюю (филологическую) и высшую (историческую) источниковедческую критику, вкладывая в эти термины разное содержание. Они считали, что для остатков прошлого необходимо доказать их подлинность, а для повествовательной группы источников («преданий») необходима как внешняя (критика текстов), так и внутренняя (критика содержания) критика.

Подобные подходы были присущи и трудам русских учёных. Профессор Московского университета В. О. Ключевский разделял источниковедческую критику на два главных этапа: 1) филологическая критика, направленная на установление настоящего текста памятки; 2) историческая критика, оценивающая отклонение авторской мысли от действительности [531, т. 6, с. 476].

В источниковедческой критике киевский источниковед В. С. Иконников, как и В. О. Ключевский, выделял два уровня: 1) нижний – дипломатическая (внешняя) критика; 2) высший – текстологическая (внутренняя) критика [492, т. 1, кн. 1, с. 24–25].

А. И. Маркевич вообще называл частью историографии историческую критику, которую он трактовал как «способ определить достоверность источника» [696, с. 1].

Показательно, что изменение исследовательской методологии и методики П. И. Аландский связывал именно с появлением позитивизма [192, 1884, № 9, с. 11]. Он выделял четыре этапа научного исследования: а) извлечение материала из источников; в) «очищение материала»; с) «воссоздание (в представлении) отдельных исторических фактов»; d) «открытие и определение связи между ними» [192, 1884, № 9, с. 48]. Под «очищением материала» киевский учёный, очевидно, имел в виду историко-ведческую критику. Также он выделял генеалогическую и причинную связь между фактами [192, 1884, № 10, с. 56].

Главная источниковедческая задача историков-позитивистов состояла в том, что они должны только правильно извлечь из документов исторические факты. Считалось, что исторические факты содержатся в источниках в неизменном виде¹⁸⁰.

Благодаря работам Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса¹⁸¹, Э. Бернгейма конца XIX в. в источниковедении долгое время было принято деление научной критики исторических источников на два этапа: внешняя и внутренняя критика. В. И. Веретенников,

---

180 Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобос подчёркивали: «Науки, черпающие свои сведения из документов, получают готовые факты из рук авторов документов» [637, с. 170]. Документы имели ценность только в том случае, если содержали исторические факты. Ш. Сеньобос подчёркивал: «Документ имеет ценность лишь постольку, поскольку он связан известным соотношением с фактом, о котором мы хотим приобрести сведения» [826, с. 22]. Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос выдвигали чисто позитивистское утверждение о том, что «на практике редко встречается надобность знать, что думал автор... Цель критики – выяснить, точно ли передал эти факты» [637, с. 132]. Э. Бернгейм так формулировал «фундаментальную задачу исторической критики»: «Устанавливать факты, как они есть, на основании возможно полного знания и возможно тщательной оценки материала, освободив факты от разных неясностей и искажений, воспринятых ими в потоке передачи» [258, с. 61].

181 Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос обосновывали необходимость двух этапов научной критики любых источников: внешняя критика – анализ внешних особенностей источника (бумага, форма, особенности языка и т. п.); внутренняя критика – анализ путём аналогии правдивости изложенных исторических фактов [637, с. 51].

например, в статье 1914 г., посвящённой критике исторических источников, с ссылкой на Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньбоса характеризовал два этапа источниковедческой критики как всем известную аксиому [308, с. 112–113].

Изучение исторических источников по двум этапам (внешняя и внутренняя критика) стало научной традицией и в советском источниковедении до 60-х годов XX в.¹⁸²

Учёные фактически разработали некоторые элементы интерпретации текста исторических источников. Это было связано с тем, что для историка-позитивиста познание исторического процесса – это изучение источниковой информации, оценка изложенных в источниках исторических фактов с точки зрения критериев правдивости, объективности, полноты¹⁸³. Любое додумывание за авторов источников (черта, характерная для романтиков) осуждалось и считалось ненаучным подходом.

В рецензии на первый том «Истории общественного строя древней Франции» Н. Д. Фюстеля де-Куланжа Е. В. Тарле среди положительных черт исследования французского историка отмечал документализм: «Научная выдержка, умение подчинить самые заманчивые свои догадки и презумпции объективным фактам, исчерпывающая начитанность в источниках, логичность выводов – всему этому очень недурно поучиться у Фюстель де-Куланжа, в устах которого слова: „для одного дня синтеза нужны годы анализа“¹⁸⁴ не были только фразою» [881, с. 65].

---

182 Об этом писал в начале 1960-х годов В. И. Стрельский: «Задача заключается не в механическом унаследовании достижений буржуазного источниковедения, а в их критической переработке, в дальнейшей разработке содержания внешней и внутренней критики источников, во внесении ряда принципиально новых моментов в разработанные буржуазной наукой приёмы критики источников» [1686, с. 52–53].

183 Подобные идеи неоднократно высказывались в европейской историографии. Н. Д. Фюстель де-Куланж называл главным путём достижения научной истины свободный от предвзятости анализ источников: «Изучать исключительно и непосредственно тексты в самых мельчайших подробностях, верить лишь тому, что они показывают, и решительным образом удалять из истории прошлого современные идеи, занесённые туда ложною методою» [950, с. XVI].

184 Е. В. Тарле не совсем точен, поскольку в русском издании 1901 г., которое он рецензировал, напечатано: «Целые годы анализа подготавливают один день синтеза» [949, с. XXXV].

Верификация данных могла происходить только при условии критического изучения источников. Поэтому одним из главных методов исследования провозглашался «критический метод» (на самом деле не метод, а методика работы с источниками – Б. Е.). Характеризуя исторические труды Н. А. Рожкова, И. А. Линниченко называл главными недостатками исследовательской методики историка-марксиста «отсутствие правильной научной обработки собранного материала» и «значительную небрежность в пользовании источниками» [53, л. 11, 16].

Историки-позитивисты были убеждены, что актовые источники являются наиболее правдивыми и объективными, а поэтому лучше всего пригодными для установления исторических фактов. Традиция документализма, под которой имели в виду прежде всего широкое использование исторических (в первую очередь актовых) источников, стала каноном исторической науки.

Позитивистские принципы работы с историческими источниками разрабатывали и польские учёные Галиции.

Как показал В. В. Тельвак в одной из статей, редакционная политика «Kwartalnika Historycznego» была направлена на повышение научного уровня исторических трудов, в частности «путём придирчивой научной критики исторических сочинений» и поддержки «кардинального профессионального правила»: «Каждое сведение брать из первоисточника» [1697, s. 96]. Кроме того, большинство корреспондентов журнала критиковало мифотворчество и тенденциозность трудов отдельных (не только польских) авторов [1697, s. 97 и др.]. Авторы статей «Kwartalnika Historycznego» активно использовали принцип историзма, сравнительно-исторический и исторический методы [1697, s. 98–99 и др.]. По убеждению В. В. Тельвака, на понимание основных теоретико-методологических основ исследований, напечатанных в главном историческом журнале Львова, «повлияли, очевидно, увлечение польскими учёными позитивистской методологией и немецким историзмом» [1697, s. 98].

Как убедительно показал В. В. Тельвак, кроме многочисленных публикаций на страницах «Kwartalnika Historycznego», теоретико-методологическая проблематика была также «предметом оживлённого обсуждения» на заседаниях Историческо-

го общества, о чём со временем сообщал этот журнал [1697, s. 105]. В докладе В. Охенковского 1 февраля 1901 г. «Несколько слов о социологии Конта» признавалось значительное влияние доктрины «первого» позитивизма на развитие европейской исторической науки [1117, s. 178].

Б. Дембинский был уверен, что благодаря правильно проработанным историческим источникам можно достичь научной правды, лишённой субъективности [1012, s. 6–8].

Т. Войцеховский выдвигал такие критерии оценки исторической информации: аутентичность, полнота, достоверность [1784, s. 272]. Для оценки аутентичности и достоверности львовский историк предложил сравнивать исследуемое с другими свидетельствами [1784, s. 272]. Т. Войцеховский подчёркивал, что каждая идея должна опираться на факты [1784, s. 241]. Одновременно, выступая дважды в дискуссии по реферату В. Черняка на III съезде польских историков в Кракове (1900 г.), Т. Войцеховский признавал невозможность полностью избежать «суда истории» из-за самого характера известных исторических фактов [1093, t. 2, s. 31]. Главным критерием оценки Реформации, религиозных войн, гуманизма, например, он называл «общественную полезность» [1093, t. 2, s. 33].

Принципа объективности пытался придерживаться и Л. Финкель. Во время дискуссии на II съезде польских историков во Львове ученый отмечал, что в исторической науке нет места индивидуальному суду историков, ибо «последствия сами предоставляют нам оценку фактов» [1018, s. 8–9]. До конца жизни он был убеждён, что историк «обязан придерживаться действительности, несвободен изменить, даже трактовать, является связанным настоящими фактами. Целью истории есть правда, беспощадная правда» [1020, s. 13].

Ш. Ашкенази подчёркивал такое важное условие эффективной работы с историческими источниками, как профессиональный уровень исследователя, а именно: хорошее знание иностранных языков, способность к анализу «огромного материала» и дальнейшему синтезу изъятых исторической информации [984, s. 178]. Поэтому он историческую науку оценивал как искусство, поскольку она является «одной из самых тяжелых, самых широких, самых утончённых» сфер человеческой деятельности [984, s. 178].

Главным принципом работы с историческими источниками Ф. Буяк называл прагматическое представление об историческом процессе [1005, s. 4].

Одновременно некоторые львовские историки демонстрировали и другие подходы. Один из основателей неоромантического направления в польской историографии С. Закшевский считал, что историк должен учитывать интуицию как иррациональное чувство: «Интуиция – это способность человеческого ума чувствовать связь между современностью и прошедшим» [1142, t. 1, s. 11–12]. По его мнению, интуиция приводит «иногда даже при отсутствии исторических знаний – к восстановлению черт прошлого, часто наперекор результатам исторических знаний, но отвечающих правде» [1142, t. 1, s.12]. Показательно, что А. Шелонговский оценил такие утверждения С. Закшевского как спекулятивные [1132, s.711]. К. М. Моравский также призывал историков пользоваться интуицией, а не только эрудицией при изучении исторических фактов [1082, s. 15].

Влияние марксизма, неокантианства и неоромантизма было наименее ощутимо именно в теории и практике источниковедения.

Единственный учёный Российской империи, выступивший в начале XX в. против разработанного позитивистами деления источниковедческой критики, был А. С. Лаппо-Данилевский. Русский учёный различал «критику, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта, и критику, устанавливающую научно-историческую ценность показаний источника о факте» [639, вып. 2, с. 526]. Признавая в основном внешнюю и внутреннюю критику как два этапа научной критики источников, учёный выделил ещё два вида критики: моральную и эстетическую. Критериями трёх видов исторической критики А. С. Лаппо-Данилевский назвал соответственно *истину* (для научной критики), *добро* (для моральной критики), *красоту* (для эстетической критики) [639, вып. 2, с. 518–519]. Однако историки украинских земель не принимали эти идеи А. С. Лаппо-Данилевского. Их поддержали только В. И. Веретенников [306–310] и частично М. М. Кордуба [40; 596].

О сохранении старой источниковедческой методики в украинской историографии 1920-х годов свидетельствует и крити-

ка П. К. Федоренко многотомного труда М. Е. Слабченко «Организация хозяйства Украины от Хмельниччины до мировой войны». Среди прочих замечаний рецензент ставит в упрек М. Е. Слабченко отсутствие критики исторических источников, в частности, оценки их правдивости, ценности, а также неумелое использование статистических данных [911, с. 11].

Таким образом, главными приоритетами теоретико-методологических поисков историков-позитивистов были: разработка общих теоретических положений об историческом источнике; упорядочение понятийно-терминологического аппарата исторического источниковедения; дальнейшее развитие методики поиска, разработки и использования исторических источников; определение главных онтологических, в меньшей мере гносеологических и аксиологических проблем исторического процесса и их исследования.

Кроме того, позитивизм во второй половине XIX в. оказал большое влияние на дисциплинарное оформление специальных (по терминологии исследуемого времени «вспомогательных») исторических дисциплин. Позитивизм обусловил поднятие специальных исторических дисциплин на более высокий уровень, способствовал научной разработке теории и методики специальных исторических дисциплин. Изучение в большом количестве источников историками-позитивистами в значительной мере привело к существенному расширению источниковой базы. Исследования проблемы определения исторических источников, дискуссии об их классификации, разработка позитивистами методов источниковедческой критики способствовали поднятию источниковедческой методики и методологии на новый концептуальный и профессиональный уровень. Позитивистские принципы научной работы (особенно в методике работы с историческими источниками) сохранились и в творчестве многих историков советского и современного периодов.

Таким образом, одной из особенностей позитивистского историописания были своеобразный документализм и предоставление приоритета источниковому обеспечению исторического познания.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

3.1. Общественный прогресс и критерии его оценки

Самое большое влияние на общественную мысль, в т. ч. и на европейскую и российскую историографию второй половины XIX в., имела позитивистская теория прогресса, которая была продолжением просветительской традиции.

В оценке этой теории ярко выявился эклектизм взглядов некоторых приверженцев «первого позитивизма» на исторический процесс. М. Н. Петров для каждой исторической эпохи выделял определённый народ в роли носителя общественного прогресса. Такие народы он, как и Г. В. Ф. Гегель, называл историческими. Харьковский профессор представлял историческую эволюцию как последовательную смену цивилизаций таких народов: египтяне, семиты, греки, македоняне, римляне, германцы, славяне [16, л. 1–1 об., 8–9]. Вслед за Ш. Л. Монтескье, главной причиной (фактором) общественного прогресса М. Н. Петров называл влияние географического положения, почвы, климата. Развитие древних цивилизаций он ставил в зависимость от благоприятных географических условий [16, л. 1]. Трудам М. Н. Петрова присуще характерное для просветителей и позитивистов некоторое отождествление понятий «цивилизация» и «образованность» [14, л. 1]. Сравнивая восточную и западную цивилизации, он отмечал, что, в отличие от Западной Европы, арабскому миру «идея прогресса, составляющая вечный стимул движения

и перемен в европейской жизни» «вовсе незнакома и чужда» [759, с. 116].

О частичном сохранении предыдущих научных традиций в обществоведении конца 1850-х – 1860-х годов может свидетельствовать следующее утверждение другого позитивиста – Д. И. Каченовского. Известный юрист называл «внутренней причиной» изменений политической жизни «врождённое разумным существам стремление к прогрессу» [524, с. 22].

Существенно отличалось понимание общественного прогресса историками-позитивистами и сторонниками других теорий. Лидер государственной школы в российской историографии, профессор Московского университета С. М. Соловьёв в гегелевском духе характеризовал сущность исторического развития как смену одних «исторических» народов другими и выступил против позитивистского принципа безусловности общественного прогресса: «Мы должны признавать ненаучным вывод о бесконечном прогрессе» [837, 1871, № 12, с. 743–744].

Большинство историков-позитивистов (среди них М. М. Ковалевский [575, т. 1, с. 10], М. С. Грушевский [8, л. 3], И. Я. Франко [924, с. 76–139], М. Н. Бережков [115, л. 5–6]) полемизировали в первую очередь с гегелевской трактовкой общественного прогресса как прогресса духа в сознании свободы [327, с. 54], формулируя собственное понимание этого концепта. М. М. Ковалевский критиковал теологические и метафизические¹⁸⁵ теории общественного прогресса [575, т. 1, с. 10]. М. С. Грушевский также выступил против абсолютизации теологической или идеалистической трактовки объективных исторических закономерностей, ибо не воспринимал обращения «к причинам провиденциальным» [393, с. 27].

Историки-позитивисты называли общественный прогресс социальной динамикой, которая касается не только человеческого разума, но и проявляется в разных сферах человеческой жизни: экономике, политике, морали (М. М. Ко-

---

185 Под последними в первую очередь понимали теории представителей немецкой классической философии.

валевский [565, с. 78–79]). Сама социология позитивистами трактовалась прежде всего как наука о порядке и прогрессе, т. е. об организации и развитии человеческого общества. Поэтому для общественной мысли второй половины XIX столетия было настолько важным понятие «прогресс».

Признание существования исторических законов должно бы подтвердить прогрессивность общественного развития. Теорию общественного прогресса М. П. Драгоманов связывал с необходимостью формулировки законов общества. «Идея о прогрессе, – писал он, – не только разбила идеализацию прошлого и дала возможность спокойнее относиться к настоящему, но заставила исследователей истории развития народа и человечества вникать во внутренние причины исторических явлений и перемен – культурные, экономические, социальные, политические, и ослабила таким образом понятие о случайности в истории или приписывание личностям большего значения, чем они имели в действительности. Только с признанием идеи прогресса признание известной правильности и законосообразности в исторических явлениях нашло себе твёрдую основу» [432, с. 37]. М. М. Ковалевский также признавал, что «идея прогресса – только одно из проявлений более общего учения о закономерности общественных явлений» [567, с. 293]. Подобное суждение высказал М. С. Грушевский [389, с. 39, 43]. А. И. Стронин среди исторических законов признавал главным именно закон общественного прогресса [866, с. 160].

Учёные подчёркивали важность самой теории общественного прогресса для обществоведения. Вслед за О. Контом М. М. Ковалевский писал, что без идеи прогресса не может быть и социологии [573, с. 351; подобное суждение: 567, с. 293]. М. М. Ковалевский называл общественный прогресс главным социологическим законом и выводил общую формулу прогресса как рост человеческой солидарности¹⁸⁶ [578, с. 8]. Он

---

186 Подобной точки зрения придерживались и Н. И. Кареев, П. Л. Лавров и другие представители т. наз. субъективной школы в социологии. Н. И. Кареев утверждал: «Общество есть всегда известная организация, в основе которой необходимо лежит принцип солидарности между отдельными индивидуумами, т. е. нечто такое, что устраняет или, по крайней мере, ограничивает борьбу между ними» [507, с. 71–72].

пытался графически изобразить прогресс в форме «концентрических кругов, выражающих собою все большее и большее расширение человеческой солидарности» [572, с. 82]. Подобно Г. Спенсеру и другим англо-американским учёным своего времени он выделял такие этапы роста человеческой солидарности: 1) «союз бродячих орд»; 2) образование родовой общины; 3) «федерация племён и территорий»; 3) создание благодаря завоеваниям государства [575, т. 1, с. 64].

Подобной точки зрения придерживался и М. П. Драгоманов: «Собственно в вариациях роста и понимания индивидуализма и аккомодации индивидуума и коллективности, которая всё больше расширяется от рода к людности и есть прогресс общественный» [448, с. 9].

Среди социологических законов исторического процесса Д. И. Багалея в «Русской истории» (1914 г.) назвал общественный прогресс [241, с. 15]. Комментируя это утверждение, А. Н. Нечухрин указывает: «Убежденность в защите идеи прогресса Багалея в 1914 г., когда она подвергалась решительной критике, показатель важности её как структурного элемента позитивистского понимания истории» [1531, с. 22].

Как и просветители, позитивисты ставили идею прогресса в зависимость от развития общественного сознания. Преимущественная часть учёных-позитивистов на землях Украины рассматривала уровень знаний и общественного сознания как главный критерий общественного прогресса: «развитие знания, улучшение нравов и учреждений, их законов» (В. Б. Антонович) [93, л. 5]; в первую очередь развитие науки: научные открытия, методы, научное самосознание (П. Н. Ардашев) [103, л. 59]; уровень «развития умственной деятельности» и её характер (В. В. Лесевич) [652, с. 178]; «развитие и распространение по земле всемирной образованности» (М. Н. Петров) [14, л. 2 об.; подобное суждение: 16, л. 1]; развитие личности (В. К. Пискорский) [186, л. 28]; прогресс сознания (А. И. Стронин) [866, с. 70]; «развитие высоких сторон и высоких идей данной эпохи» (Н. И. Хлебников) [957, с. 166]; рост знаний (С. М. Дубнов) [455, с. 2], «накопление человеческих знаний» и «изменение техники производства» (М. М. Ковалевский) [1882, с. 211].

А. И. Стронин подчёркивал, что одним из больших достижений Г. Т. Бокля (как и О. Конта и Дж. Ст. Милля – Б. Е.) стало признание знаний главным фактором общественного прогресса [866, с. 15–16, 70]. В. В. Лесевич также подчёркивал, что «прогресс промышленности, искусства, нравственности и политики существенно определяется уровнем развития умственной деятельности и характером её направления» [652, с. 178].

Главным критерием общественного прогресса И. В. Луцицкий также выделял «состояние умозрительных способностей людей» [690, 1868, № 11, с. 37]. При этом он уточнял: «Порядок человеческого прогресса зависит от прогресса в умственных убеждениях человечества, т. е. от закона порядка последовательных превращений человеческих мнений» [690, 1868, № 11, с. 37]. Об идеях, которые «коренятся в сознании или потребностях народных масс», писал его магистрант В. К. Пискорский [785, с. 106].

М. П. Драгоманов объяснял общественный прогресс развитием идей либерализма, демократизма, социализма [439, с. 83–84; 451, с. 381]. Он углубил теорию прогресса О. Конта: «Хотя знание и есть основа для рационального политического и нравственного устройства общества, но полное, безошибочное знание во многих отношениях есть дело будущего. В прошедшем же главный стимул прогресса состоял не столько в безошибочном знании, сколько в напряжении ума над известными вопросами, – в сознании. Так, напр., ложная в научном отношении идея о золотом веке однако же двигала нравственное развитие, указывая людям известный идеал (мир, равенство, нравственную чистоту). Так, в XVIII в. не менее ошибочная идея о происхождении общества из договора и о представительном правлении в лесах Германии двигала однако же политическое развитие европейских государств и т. д.» [432, с. 389 прим.]. М. П. Драгоманов критиковал положения Г. Спенсера о прогрессе как «теории о процветании и упадке народов как молодости и старости организмов», «которая крепка и до сих пор даже у людей, принадлежащих к позитивной школе» [443, с. 166]. Учёный усматривал в идее прогресса гуманистическое значение, поскольку «только вера в прогресс при всей строгости идеала, спасает человека от

пессимизма и отчаяния, от гуманной мизантропии и научает мерять времена и людей меркой относительного совершенства, свойственно исторической» [432, с. 36–37]. Нравственный идеал¹⁸⁷, по его убеждению, выступает «исходной точкой для оценки настоящего, прошедшего и будущего, т. е. зародышем и философии истории» [432, с. 35].

М. П. Драгоманов полемизировал с молодым М. С. Грушевским, поскольку последний в статье «Громадський рух на Україні-Руси в XIII віці» не выделил уровень сознания как главный критерий оценки прогрессивности исторических явлений [435, с. 88, 91]. Другим критерием прогресса М. П. Драгоманов называл человеческую самореализацию – достижение «возможного счастья жизни для каждого лица» [436, с. 36].

М. П. Драгоманов определял такие положения позитивистской теории прогресса: «Прогресс жизни человеческой

---

187 Подобный этический подход был характерным для других историков и публицистов России. Общеизвестный в Российской империи теоретик исторического процесса Н. И. Кареев писал: «Цель прогресса [курсив автора – Б. Е.] – развитие личности» [514, т. 2, с. 399]. Общий закон прогресса он трактовал таким образом: «Естественная, бессознательная надорганическая эволюция создаёт такую среду (культура, социальная организация), которая имеет тенденцию лишить личность самобытности (оригинальности) и самостоятельности (автоделии), но в то же время перерабатывается личностью, вносящей в жизнь...свои цели и этим постепенно заставляющей надорганическую среду служить своему развитию» [514, т. 2, с. 399]. В «Исторических письмах» П. Л. Лаврова прогресс в образовании народа, науке, искусстве связывался с деятельностью интеллигенции [718, с. 95, 108–138]. При этом сам прогресс трактовался (с многочисленными ссылками на Г. Спенсера [718, с. 43–45]) прежде всего как «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости» [718, с. 51]. П. Л. Лавров считал, что общественный прогресс и развитие цивилизации происходит благодаря «критически мыслящим личностям» [718, с. 95]. Его идеи поддерживались большинством учёных Российской империи. Однако киевский антипозитивист А. А. Козлов критиковал лавровскую формулу прогресса за её неоднозначность: «В силу субъективности понятия о прогрессе всякий под терминами: умственное, нравственное, физическое развитие, истина и справедливость – разумеет или может разумеет своё нечто особенное от того, что разумеют другие» [498, с. 175].

совершается законосообразно по эпохам, ... органически и логически вытекающая одна из другой»; «прогресс этот зависит от непрерывного хода умственного развития»; «прогресс цивилизации выражается и в свою очередь обуславливается главным образом силой *сознания* [курсив авт. – Б. О.] научного, политического и нравственного» [432, с. 388–389]. По его оценке «способность к прогрессу» является «свойством преимущественно мысли человеческой» [432, с. 325 прим.]. Поэтому М. П. Драгоманов связывал развитие общественной мысли с «внутренней историей народа» [432, с. 325 прим.].

Одновременно роль знаний в общественном развитии признавали также учёные, которые не были последовательными позитивистами. Е. Н. Щепкин был убеждён, что «истинный непрерывный прогресс» «возможен только в отрасли знания, теоретического и технического, в сфере человеческого разума» [972, с. 320].

Тем временем А. П. Рославский-Петровский ещё в 1865 г., комментируя идеи Г. Т. Бокля, указывал, что общественный прогресс связан не только с распространением знаний и образования [817, с. 19].

Под влиянием идей Г. Спенсера и других представителей англо-американского позитивизма учёные Украины выдвигали одним из критериев общественного прогресса человеческое счастье. В записной книге П. А. Кулиш приводит определение человеческого счастья американскими позитивистами: «Живи для других и будущего» соответственно «законам природы» [107, л. 66 об.]. В. В. Лесевич охарактеризовал общественный прогресс как стремление к идеалу («человечности»), а главной движущей силой прогресса назвал умственную деятельность [652, с. 168].

Главным критерием общественного прогресса М. Н. Бережков определял мораль [120, л. 3]. Учёный считал термин «прогресс» скорее нравственным, чем логическим суждением [117, л. 13 об.]. Поэтому он был убеждён, что методика оценки прогресса ещё не разработана [117, л. 14 об.].

Профессор кафедры истории русского права Киевского университета М. Ф. Владимирский-Буданов называл слабой стороной и логической ошибкой экономического матери-

ализма сосредоточение внимания на усовершенствовании орудий труда как условия прогресса. По его убеждению главным критерием должно стать не усовершенствование орудий труда, а полное изменение человека, его духовной природы [134, л. 10б.–2]. С этой позиции киевский учёный критиковал К. Маркса за недооценку духовной природы человека.

Зато М. Н. Петров считал нравственный критерий условным. По его мнению, идея прогресса – это определённое идеальное представление эпохи, каким «измеряется отчасти уровень моральной развитости общества» [759, с. 174].

Одновременно обоснование морального критерия общественного прогресса по другим основаниям поддерживали главные противники позитивизма – представители академической богословской науки. Богослов П. В. Тихомиров утверждал: «Исторический прогресс [курсив автора – Б. Е.] [заключается] в осуществлении нравственного закона» [888, с. 709].

Некоторые историки-позитивисты пытались соединить моральный и образовательный критерии общественного прогресса. В. Б. Антонович выдвинул такие критерии: свободное развитие знаний, отделение науки от религии, свободу критики, а также улучшение обычаев и учреждений, их законов, удовлетворение других человеческих потребностей [92, л. 17 об.; 93, л. 5, 8; 98, л. 2].

Кроме двух вышеназванных главных критериев исторического прогресса, работавшие на украинских землях позитивисты выделяли экономические и социально-правовые критерии. Ещё М. Н. Петров называл главным благом общественной жизни, кроме свободы, благосостояние [760, с. 13].

Прогрессивное развитие общества М. П. Драгоманов рассматривал как равнодействие экономических, политических и культурных факторов. Он призывал «обратить внимание на рост или упадок людности, хозяйства, порядков и мыслей общественных и государственных, образование, прямое или косвенное участие украинцев всяких классов или культур в истории и культуре европейской» [450, с. 490]. Учёный, оценивая общественный прогресс, подчёркивал необходимость учёта общественных потребностей: «Такое или иное понятие о потребностях, такие или иные обстоятельства, завещанные

прошедшим, дают такой или иной состав общественной жизни. У каждого народа в отдельности происходят колебания при стремлении к прогрессу. При этом, если известный порядок держится, то потому только, что соответствует известным потребностям общества, хотя бы с некоторых сторон он был и хуже прошедшего, и был односторонен, сравнительно с нормальным порядком» [436, с. 36]. М. П. Драгоманов под понятием «прогресс» понимал «естественный *неостанавливающийся прогресс* [курсив автора – Б. Е.] общественный вперёд, ... прогресс в хозяйстве, в общественных порядках, в науках и знаниях» [451, с. 375].

Л. И. Мечников выделял такие критерии общественного прогресса: технические усовершенствования, «возрождение общечеловеческой солидарности» и степень человеческой свободы [703, с. 4, 26]. Учёный также отмечал, что правильнее будет применять термин «прогресс» к биологическим, чем к общественным явлениям [703, с. 8].

Философ Н. Я. Грот относил дальнейшую разработку теории прогресса к задачам социологии, а не исторической науки. Он сводил задачи социологии «к определению того, что такое прогресс, регресс, ингресс в развитии человечества как высшего в природе целого или индивидуума» [349, с. 5]. Социология, по его убеждению, «должна найти такие формулы для указанных типов развития человеческого общества, которые бы не противоречили бы аналогичным фактам развития природы» [349, с. 5]. Н. Я. Грот описывал общественный прогресс как «ряд затрат энергии природы и человека, который ведёт к увеличению этих энергий, к увеличению сознательности и свободы дальнейших затрат их, и, чрез это, к увеличению счастья живых элементов природы и человеческих существ в особенности» [353, с. 3]. «Прогресс в жизни вселенной, – убеждал Н. Я. Грот, – есть увеличение нравственной ценности этой жизни, происходящее от роста в ней самосознания, которое зависит от превращения мировых энергий из низших форм в высшие чрез их экономизацию и накопление» [351, с. 3].

Подобные трактовки общественного прогресса и его критериев выдвигали и учёные украинских земель, входивших в состав Австро-Венгерской империи.

Польские учёные Галиции в оценке исторического процесса широко пользовались понятием прогресса. При этом, как правило, главными критериями общественного прогресса выступали интеллектуальные и нравственные, а только потом экономические и социально-правовые факторы. В. Завадзкий повторял Г. Т. Бокля: «Развитие знаний является единственным критерием человеческого прогресса» [1143, s. XIII]. Ф. Буяк советовал искать основу общественной жизни в «духовных явлениях» [1004, s. 448], считая «экономическую жизнь руководимой в такой же самой мере идеями, как и политическую жизнь» [1004, s. 379].

Подобные оценки высказывали и украинские историки. Подобно другим учёным исследуемого времени, Н. И. Антонович считал, что прогресс в сфере образования и культуры является более быстрым, чем в промышленности, торговле, сельском хозяйстве [199, ч. 1, с. VI–VIII]. Одновременно львовский профессор выдвигал другим критерием общественного прогресса этический – стремление к удовольствию и счастью [199, ч. 1, с. VII].

Главной целью общественной эволюции И. Я. Франко выдвигал именно этический идеал: «Человек испокон веков стремится к одной цели – к счастью... Человечество от самого начала своего развития по сути постоянно и непрестанно направляется к этой цели» [927, с. 33].

Широко трактовал этический критерий общественного прогресса М. С. Грушевский. «Цель рода человеческого, человеческого существования, – утверждал украинский учёный, – есть как можно более широкое и более полное развитие заложенных в нём духовных сил, и в силу этого развития... введение в жизнь принципов правды, добра и красоты» [28, л. 61 об.]. Он также подчёркивал непрерывность прогресса человечества [8, л. 2 об.]. «Эти национальные движения и потребности оказались для поступательных течений жизни общечеловеческой, – писал учёный, – не ломкой и разрывом, а культурной эволюцией в неразрывном контакте с поступательным ходом человечества» [387, с. 97].

Идея нелинейности общественного прогресса высказывалась в европейской исторической мысли и раньше.

Л. фон Ранке, например, подчёркивал, что прогресс («известное движение человеческого духа» [807, с. 4]) происходит не по прямой линии, не во все времена и не во всех сферах [807, с. 3–5, 9–10]. Историки-позитивисты поддержали этот тезис и на широком фактическом материале доказали его правильность. Они критиковали упрощенное понимание прогресса как исторического кругооборота или беспрестанного развития по прямой, только восходящей, линии, доказывая, что общественное развитие может ускоряться или замедляться, а в некоторые периоды истории – регрессировать. М. П. Драгоманов был убеждён, что «прогресс одной стороны может сопровождаться задержкой или упадком другой» [432, с. 325]. Подобного мнения придерживались и другие учёные (например, А. И. Маркевич [46, л. 1]).

М. Н. Бережков подчёркивал, что «прогресс не по прямой линии совершается, а по кривой, очень сложной линии – с изгибами, заворотами, отступлениями и т. п.» [120, л. 9]. В другой рукописи он писал, что истина между двумя крайними суждениями: оптимистическим (прогресс прямолинейный) и пессимистическим (отрицание самой идеи прогресса). По мнению М. Н. Бережкова, «прогресс действительно существует, но только медленный, иногда с отступлениями и отклонениями в сторону, он идёт по линии кривой, а не по прямой» [115, л. 50б.–6]. Учёный выступил против отождествления терминов «прогресс» и «эволюция» [117, л. 7].

По мнению В. В. Лапина, прогресс развития цивилизации происходит не по прямой линии, а представляет собой «чрезвычайно изламанную линию со многими боковыми, соединяющимися с разных сторон с главной» [638, с. 6].

Понятия «эволюция», «прогресс», «регресс» Н. Я. Грот вообще считал относительными [349, с. 3]. Учёный пытался доказать, что наряду с прогрессивным и регрессивным путями общественного развития возможен третий путь: «Известные общества ...ингрессируют, т. е. в течение веков не обнаруживают ни повышения, ни понижения своих сил и способностей к действию» [352, с. 2].

Подобные утверждения о нелинейности общественного развития высказывали другие учёные подроссийских и под-

австрийских украинских земель: И. П. Сокальский (развитие «зигзагами») [833, с. 119], И. Я. Франко [924, с. 81–82 и др.] и другие учёные.

Этап доминирования «первого» позитивизма в общественных науках совпал по времени с периодом «великих реформ» и активизации революционного движения в России и Австро-Венгрии. Во всех девяти украинских губерниях Российской империи в 1860-х – в начале 1880-х гг. действовали кружки российских народников, в частности в 1873–1874 годах происходило «хождение в народ». Позже развернули свою, преимущественно нелегальную, деятельность анархисты и социалисты разных течений.

После неудачи восстания 1863–1864 гг. радикально настроенная часть поляков отказалась от революционных методов борьбы и выступила за соглашение с правительствами трёх государств. Теория «органического труда», как уже указывалось, предложила отказаться от вооружённой и другой нелегальной борьбы в пользу мирной деятельности.

В таких условиях проблема выбора путей усовершенствования общественного устройства приобрела широкое общественно-политическое значение, и таким образом, вызывала усиленный интерес учёных, особенно историков. Историкопозитивисты украинских земель имели подобные не только теоретико-методологические, а и общественно-политические взгляды, пребывавшие, за некоторыми исключениями, в рамках либерально-народнического направления. Часто их научные исследования давали теоретическую основу общественно-политической борьбе против устаревших форм общественной жизни, обосновывая необходимость либеральных реформ. Поэтому логичным был интерес деятелей позитивистского направления к понятию «политическая революция» и его существенным характеристикам, а именно причинам, характеру и результатам европейских революций XVIII–XIX вв.

В большей мере революционная тематика была объектом внимания специалистов по истории Великой французской и других революций. Однако также известен их интерес и к революционным событиям своего времени (например,

факт присутствия И. В. Лучицкого на заседаниях Национальных сборов в Версале и личное знакомство с коммунарами [876, с. 51]). Специалисты по европейской истории чаще выезжали в заграничные научные командировки, поэтому они лучше, чем исследователи национальной истории, были ознакомлены с идеями и трудами западноевропейских философов и историков.

Учёные частично разделяли негативные оценки французских просветителей о революционной борьбе, особенно её методов и результатов. Историки-позитивисты, в отличие от романтиков, не идеализировали революционную деятельность, а одной из причин выступлений народных масс называли слабость правительства и неправильную его политику.

В позитивистской историографии отсутствует чёткое понимание термина «революция». Под этим понятием, как правило, историки понимали насильственную смену существующей власти, иногда и кардинальное изменение общественных отношений. М. С. Грушевский оценивал Хмельниччину как «общественную революцию XVII в.» [372, с. I] из-за её широкомасштабных последствий. Чаще под революцией понимали общественный переворот с захватом политической власти, что приводит к смене основ общественного строя, а иногда и все значительные изменения и события в обществе. М. П. Драгоманов резко выступал против «хитрых заговоров», «столичных восстаний», «диктатур временных правительств», диктатур «всего городского рабочего класса, хотя бы и всей страны» [446, т. 1, с. 349]. Даже смена древнеримской республики империей характеризовалась М. П. Драгомановым и другими исследователями как революция.

Кроме того, позитивисты вкладывали другое, чем марксисты, содержание в понятие «всемирная революция». Для И. Я. Франко, например, исторический процесс со времён Великой французской революции конца XVIII в. представлялся чередой коренных изменений в разных сферах общества в большинстве европейских государств [922, с. 111].

Либеральные историки представляли общественный прогресс как поступательное развитие всех сторон общества. И. В. Лучицкий характеризовал исторический процесс как по-

степенную и медленную замену одних явлений другими без существенных, как правило, преобразований [681, с. 35–39].

Большинство историков-позитивистов украинских земель сдержанно подходили к вопросу необходимости революций. Показательно близкими были взгляды сторонников эволюционного пути исторического развития на целесообразность революционных общественных изменений. По мнению М. С. Грушевского, быстрые, кардинальные изменения государственного устройства – «не самая лучшая, не самая прямая дорожка общественно-политического прогресса. Гораздо более полезным было бы поступательное реформирование шаг за шагом тогдашнего устройства, что понемногу улучшало бы общественно-политические отношения и приводило их к нормальному положению» [827, с. 28].

Другие позитивисты также отдавали предпочтение мирному, а не революционному пути общественного развития. «Эволюцию, – подчёркивал М. М. Ковалевский, – надо предпочитать революции или, выражаясь языком Конта, ...прогресс желателен только под условием сохранения порядка» [572, с. 86]. Учёный характеризовал прогресс как «непрерывное и самопроизвольное развитие плодотворных начал, искони положенных нашими предками. Мысль разом переделать чтобы то не было, в один миг создать новый порядок вещей, новую религию или новую мораль не имеет ничего общего с нашими взглядами» [566, с. 12].

М. П. Драгоманов был убеждён в предпочтении эволюционного пути развития человеческого общества, в частности и в том, что «все порядки в человеческих обществах растут, а не делаются сразу и что государственные или то антигосударственные мероприятия и восстания – только часть тех поводов, какими продвигаются изменения в человеческой жизни» [441, с. 70]. Он признавал преимущественно разрушительную результативность некоторых революционных движений: «Восстания могут начинать будить общественный разум, могут закончить старые порядки» [441, с. 70–71]. Одновременно мыслитель подчёркивал сложность построения нового общества («создать новые порядки, и ещё и громадные и хозяйственные»), поскольку «даже поваленные старые

порядки» «возвращаются непременно „на второй день восстания”, когда их ничем заменить» [441, с. 71].

В. Б. Антонович сдержанно относился к высказанной российскими народниками и другими революционерами разного сорта идеи быстрой подготовки простого народа к революции: «Не нужно думать, что всякие притеснения сейчас же вызывают реакцию в народной массе... Революционное движение растёт очень постепенно, ибо каждая народная масса по самой своей природе инертна, а то тем более, насколько она менее организована, менее развита и приспособлена к политической жизни, насколько естественные инстинкты народа проникались принципами самосознания» [218, с. 68].

К тому же В. Б. Антонович предупреждал молодёжь о нежелательности искусственного создания революционных ситуаций: «Народные движения по приказу не делаются, народ можно только готовить к ним, а как обстоятельства созреют, то и наименьшей зацепки достаточно будет, чтобы вспыхнула революция» [257, с. 209]. Такое осторожное отношение к активизации социальных движений типично для либерала.

Свою мысль о целесообразности разрушения старого политического строя киевский профессор объяснял так: «Революция происходит тогда, когда формы правления, господствующие в данной стране, не отвечают содержанию жизни. До конца развитое право частной собственности требует демократических форм правления, т. е. парламентских» [86, к. 11; опубли. 973, с. 208]. Таким образом, под термином «политическая революция» В. Б. Антонович, как и преобладающее большинство позитивистов, понимал кардинальное изменение политического устройства.

Социальные движения В. Б. Антонович объяснял не только имеющимися социальными конфликтами, а и недостатком культуры широких масс: «Все народные реакции... *идут от необразованных людей* [курсив автора – Б. Е.], которые не умеют формулировать свои инстинкты» [218, с. 183]. Он писал подобное о Руине: «Так обычно всегда бывает в *малоразвитых громадах*: вместо борьбы за принципы ведётся *борьба за личные интересы* [курсив автора – Б. Е.]» [218, с. 144]. Учёный был убеждён в необходимости длительной подготовки

общества к реформам и/или революциям, поскольку «для революции необходима культурная подготовка, иначе её возьмёт в руки лучше подготовленный» [86, к. 17; опубли. 973, с. 210].

Характерно, что оценки лидера украинской народнической историографии совпали с наблюдением другой представительницы этого течения. А. Я. Ефименко считала гайдамачину малороссийским явлением, которое отличается от пугачёвщины или разинщины «так же, как хроническое течение болезни отличается от острого. Гайдамачина – это хроническое брожение, которым страдал организм польского государства почти в течение целого столетия» [471, т. 2, с. 28]. Она привела иное, естественнонаучное в сущности определение гайдамачины: «Ровное и систематическое движение, повторяющееся с правильностью естественного явления» [471, т. 2, с. 29]. Одной из заслуг А. Я. Ефименко было выделение социально-экономических причин гайдамачины наряду с национальными и религиозными [471, т. 2, с. 23–24, 27, 39, 88]. Кроме того, автор показала, что «гайдамацкое движение в целом совсем не было так кроваво, как привыкли его представлять» [471, т. 2, с. 61]. Исследовательница социальных движений, в целом не оправдывая, расценивала действия гайдамаков как ответ на зверства шляхты, которая должна расплачиваться за свои «социальные грехи» [471, т. 2, с. 110; подобное суждение: с. 125]. Как типичный народник А. Я. Ефименко объясняла длительность гайдамацкого движения слабостью польской государственности. По её оценке «только при той государственной дезорганизации, которую поляки называли государственным устройством», гайдамачество действовало так долго [471, т. 2, с. 29]. Низкий культурный уровень гайдамаков и их предводителей учёная оценивала как весомую составляющую их поражения: «Масса оказалась легковерна и легкомысленна, как всегда; у неё не нашлось вождей, которые стояли бы выше её. Не было Хмельницкого, и движение осталось в глазах современников и истории гайдамацким бунтом, а не народной войной, какую оно могло бы сделаться при данной интенсивности народного настроения» [471, т. 2, с. 110].

Подобного мнения придерживался В. Б. Антонович, который оценивал это движение как «общественное брожение»

в обществе [216, с. 3]. Он объяснял размах гайдамацкого движения «низкой степенью развития народа» и «отсутствием распорядительной власти в государстве» [216, с. 5]. Учёный подчёркивал, что причины гайдамащины «лежали, с одной стороны, в исключительности сословных, национальных и религиозных убеждений господствующего в Польше сословия, а с другой – в анархическом устройстве Речи Посполитой» [216, с. 128].

Его ученик М. С. Грушевский признавал закономерность некоторых общественных движений и реформ, ибо они «сами по себе были проявлением времени и его потребностей» [381, т. 6, с. 528]. Кроме национального, учёный выделял социально-экономические факторы социальных движений, подчёркивая неосознанность их народом: «Социально-экономические мотивы, лежавшие в основе движения, не были выяснены, не вошли в сознание и остались в форме нечётких инстинктов народных масс» [404, с. 77].

Другие историки, полностью или частично придерживавшиеся позитивистской модели историописания, также подчёркивали важность экономических причин социальных движений. Наиболее отчётливо по этому поводу высказался М. Н. Петров: «Массы никогда не поднимаются из-за одних идей, и книги, какие бы они не были, редко производят революции. Только тяжкая материальная нужда, голод, мор, невыносимые притеснения, словом, – экономические условия и причины в состоянии вызвать народный мятеж» [759, с. 388]. Эту же идею подчёркивал М. М. Ковалевский: «Движениями классов управляют сколько-нибудь продолжительно не отвлечённые идеалы, а экономические и политические интересы» [543, с. 90]. Е. В. Тарле высказывал подобную мысль [883, с. 442].

Д. М. Петрушевский объяснял популярность пропагандистской и эффективность организаторской деятельности проповедников накануне восстания У. Тайлера проблемами «в сфере материальных отношений». По его оценке, если определённая доктрина является «формулировкой жизненных интересов» человека или общественной группы, «очень конкретных их потребностей и стремлений», то «злобы современной общественной действительности превращают часто

до тех пор мёртвую букву учения в живое слово, поднимающее на борьбу, и оно оказывается на знамёнах общественного движения, становится лозунгом и паролем» [769, ч. 2, с. 348].

М. П. Драгоманов в отдельных случаях признавал за революциями прогрессивность, но предостерегал против их отождествления со стихийным бунтом. Учёный разделял революционные движения на бунты (восстания) и на революции [451, с. 375–376]. Он предложил рассматривать революции с разных сторон, ибо «Перевороты совершаются не так, как хотелось бы историкам. Не говоря о пролитии часто невинной крови, очень часто и много хорошего из старого порядка гибнет при установлении нового. Но для оценки этого нового нельзя становиться на точку зрения старого порядка, а надо смотреть на то, достигнуто ли что-нибудь при перевороте такого, чего не доставало старому порядку и что было однако ж существенно необходимо для общественного организма» [432, с. 12].

М. П. Драгоманов также акцентировал внимание на недостижении целей, которые провозглашали идеологи революций: «Революции восставали более от чувств, чем от мысли,... более были консервативные, классовые, чем прогрессивные,... более поднимались против самых острых фактов, чем против системы... и из-за того все были более бунтами, чем революциями, и очень редко добивались того, чего им было нужно» [451, с. 380]. По его убеждению сознательная деятельность настоящих революционеров способствовала историческому прогрессу. Учёный признавал наличие у революционеров определённых идеалов: «Слово „революция“ предполагает более или менее сознательное стремление к осуществлению известного идеала гражданского строя, которому не соответствовал старый строй» [432, с. 13].

С присущим ему публицистическим даром М. П. Драгоманов пророчески предостерегал радикальную молодёжь от подготовки революций. Учёный расценивал возникновение «всякого нового порядка» как результат «*борьбы интересов*» [курсив автора – Б. Е.] [432, с. 302]. М. П. Драгоманов выделял два пути развития революционной борьбы. В первом случае при условии «ясного сознания идеалов», «во главе борющихся партий станут идеалисты, *люди с прямо и честно*» [курсив авто-

ра – Б. Е.] поставленными знамёнами» [432, с. 302]. При других обстоятельствах политическая борьба приобретала неприглядный вид: «Если же борьба интересов идёт в обществе малопросвещённом и грубом, если классы подавленные имеют мало общего с классами господствующими, если между ними существует национальная разница, причём иногда побеждённые национальности умственно выше победителей, если прошлое господствующих классов есть только эгоистическая эксплуатация каждого слабейшего, если поэтому всякий поступ вперёд будет резко подрывать эгоистические интересы господствующих [слоёв], а низкий уровень их развития усиливает консерватизм стародумством» [432, с. 302]. В таком случае «борьба приобретает характер *гражданских*, а то и *национальных войн*, движение вперёд совершается не посредством широких реформ, а посредством отрывочных *уступок* [курсив автора – Б. Е.] частным интересам» [432, с. 302], а политическую борьбу возглавят «*честолюбцы, бесчестно эксплуатирующие* [курсив автора – Б. Е.] в свою пользу нужду классов» [432, с. 302].

При сравнении понятий «революция» и «реформа» А. И. Маркевич называл реформы лучшим путём осуществления идеалов [47, л. 1–1 об.]. Одесский учёный значение Великой французской революции видел в том, что она завершила период новой истории победой третьего сословия над абсолютизмом, свободой слова, парламентаризмом, свободой промышленности и торговли [47, л. 1].

С просветительских позиций М. Н. Петров подчёркивал другое нежелательное последствие революций – часто насильственное и кровавое возвращение к старым порядкам [759, с. 318 и др.]. «Перевороты эти, – признавал он, – нередко вносят в жизнь вдруг такую массу новых понятий и отношений, что от этого нормальный ход народного развития получает быстрый и резкий толчок, влияние которого не проходит бесследно и которое, однако ж, нельзя назвать неисторическим» [765, с. 45].

М. М. Ковалевский усматривал в крестьянских восстаниях прежде всего кризис существующего строя: «Движения следует считать не причинами, а простыми показателями начавшегося задолго до них упадка и разложения средневековых порядков»

[582, т. 2, с. 525]. Кроме объективных причин, учёный выдвигал преимущественно субъективные факторы: «Народные восстания редко когда бывают последствием одной причины; они отражают на себе неудовольство существующим [положением], частью сознательное, частью бессознательное стремление положить немедленный конец всему, что в глазах мятежников представляется вопиюще неправдой и ближайшим источником их бедствий» [533, № 5, с. 1]. М. М. Ковалевский вообще считал революционные диктатуры временными явлениями. Для него цезаризм и диктатура пролетариата может быть «только временной и преходящей формой» [правления – Б. Е.] [535, с. 88]. Крестьянские восстания Уота Тайлера в Англии и Жакерия во Франции, по оценке учёного, не приблизили, а задержали процесс освобождения крестьянства от крепостничества [561, с. 105; 582, т. 2, с. 550, 701].

Историки-позитивисты лучшим путём развития общества называли реформы, которые осуществляются дальновидными политиками. Учёные признавали революцию крайним случаем, если другие пути выхода из экономического и/или политического кризиса невозможны. Анализируя крестьянские выступления второй половины XVI в. во Франции, И. В. Лучицкий признавал, что у крестьян «оставался единственный выход – восстание» [677, с. 518]. В другом месте диссертации, приводя яркие факты падения авторитета королевской власти, историк прямо указывал, что разрыв между правительством и народом привёл к революции [677, с. 544]. Фактически И. В. Лучицкий признал революцию единственным выходом из политического кризиса во Франции 70-х гг. XVI в.: «Страна... разорялась всё более и более, и при существующей системе правления для неё не существовало иного выхода, кроме разрушения установленного порядка» [677, с. 455].

Последний период правления Людовика XVI М. М. Ковалевский характеризовал как «торжество реакции и бездарности в лице сменивших Тюрго министров сделало революцию неизбежной» [534; см. также: 571, т. 1, с. 258]. По его оценке попытки А. Р. Ж. Тюрго осуществить программу реформ были тщетными [571, т. 1, с. 258]. Подобная оценка учёным и попыток министра финансов Ж. Неккера, который «отступил в конце концов перед

страхом восстановить против себя могущественные интересы, задеть исторически сложившиеся и торжественно признанные права. Реформа становилась невозможной; необходим был переворот в корне, переворот, который смысл бы как различие провинций, так и различие сословий, создал бы гражданское единство Франции в такой же мере, в какой политикой Ришелье и Людовика XIV создано было её политическое единство» [571, т. 1, с. 195]. Учёный признавал неминуемую ограниченность реформаторов в действиях. Подобное суждение о тщетности попыток французских реформаторов конца XVIII в. высказано и В. К. Надлером [727, с. 30].

В. К. Надлер с просветительско-рациональных позиций пытался объяснить взрыв революционных событий: «Революция была прямым последствием того ненормального порядка вещей, который удержался в Европе и во Франции, несмотря на все реформы и преобразования ещё со времён средних веков» [727, с. 10].

Политическую невозможность установления во Франции конституционной монархии в последний год правления Людовика XVI М. М. Ковалевский объяснял «не пристрастием короля к абсолютизму и не республиканскими устремлениями народного представительства» [571, т. 1, с. 655], а интригами промонархических сил [571, т. 1, с. 655–657]. Подчёркивая субъективную составляющую провозглашения республики в ходе Английской буржуазной революции середины XVII в., М. М. Ковалевский писал по этому поводу: «Для деятелей первой английской революции вопрос о республиканской форме правления было не столько вопросом принципа, сколько вопросом политического удобства» [549, № 8, с. 157].

Учёные часто критически оценивали феномен революций из-за человеческих страданий, которые они причиняли. Любую революцию приват-доцент Киевского университета А. В. Романович-Славатинский называл аморальной, потому что «не только не решаются политические и общества вопросы... льётся кровь неповинная, страдают честные граждане, на первый план выдвигаются интриганы и демагоги» [812, с. 6–7].

Последствия революций также негативно оценивал М. Н. Петров: «Насильственное ускорение и без того неиз-

бежной развязки не окупило тех страшных жертв, которых оно стоило» [760, с. 13]. Учёный подчёркивал «почти повальную бесплодность всех насильственных переворотов в Европе» [760, с. 12].

М. Н. Петров объяснял, что «в общественных катаклизмах... обыкновенно достигалось прочно лишь то, что и без них было достигнуто нормальным, т. е. более спокойным движением жизни» путём труда и образования [760, с. 12–13]. Поэтому харьковский профессор негативно оценивал хождение в народ российских народников в 1873–1874 гг.: «Если бы эти апостолы хотя сколько-нибудь правильно [были] знакомы с историей... они бы знали, что народные массы никогда ещё не поднимались из-за одних идей... только тяжкие экономические бедствия – голод, мор, нашествия чужеземцев, невыносимый гнёт эксплуататоров народного труда – заставляли массы участвовать во всех революциях» [760, с. 15].

Подобные суждения высказывали и учёные, жившие в Галиции. Негативные стороны событий середины XVII в. отмечал М. С. Грушевский: «Хмельниччина имела много своих тёмных и очень досадных сторон. Реки крови, обоюдное озверение, в результате – опустошение целых земель; бесконечные жертвы и в результате – полное разочарование народа... материальная и моральная руина» [405, с. 29].

Таким образом, идея исторического прогресса была одним из самых весомых достижений общественной мысли XIX в. Историки-позитивисты украинских земель активно пользовались категориями социальной статики и динамики, предложенными О. Контом. Одно из главных понятий в позитивистской интерпретации исторического процесса – общественный прогресс – трактовалось большей частью в онтологическом плане. Однако иногда оно выступало и в гносеологическом ракурсе – как реально существующий и научно объективный критерий познания исторического процесса. Понятие «общественный прогресс» широко использовалось при оценке исторических факторов и для поиска исторических закономерностей.

Преобладающему большинству учёных были присущи исторический оптимизм и глубокая вера в необратимость общественного прогресса. Поэтому вполне логично, что

позитивистская трактовка теории прогресса получила наиболее широкое распространение среди либеральных историков, которые представляли его как поступательное развитие всех составляющих общества. Одновременно позитивисты признавали сложный и противоречивый характер идеи общественного прогресса.

Интерес к теме революции и реформ был вызван и общественно-политическими реалиями исследуемого времени. Провозглашение эволюции нормальным путём исторического развития давало теоретическое обоснование целесообразности постепенных реформ, а не революций. Позитивистская трактовка общественного прогресса была также объективно направлена против революционных лозунгов. Историки-позитивисты признавали революцию крайним путём выхода из экономического и/или политического кризиса. При этом обращалось внимание на кровавый характер хода событий, частую нереализацию задач революций и преимущественно негативные последствия переворотов.

3.2. Проблема общественной эволюции

Способ осмысления общественной жизни с помощью параллели между обществом и природой известен ещё со времён Платона и Аристотеля. До О. Конта исторический процесс (по меньшей мере для европейских, т. е. «исторических», народов) признавался целостным и постепенным, в т. ч. и немецкими мыслителями (Г. В. Ф. Гегель и др.) и государственной школой в российской историографии (С. М. Соловьёв, К. Д. Кавелин и др.). Уже предпозитивист М. Н. Петров характеризовал в 1861 г. развитие общества как «процесс естественного развития» [765, с. 51].

Эволюционной теории, особенно в 1860-х – 1870-х гг., был присущий органицизм (аналогии с биологическим организмом). Последователи позитивизма воспринимали общество как целостную систему в форме социального организма, развивающуюся по определённым, подобным биологическим, историческим законам. Эволюционизм стал основой теории

общественного развития. Характерное признание Д. М. Петрушевского: «Эволюционная историческая точка зрения проникла во все общественные науки» [777, с. 73]. М. М. Ковалевский называл эволюцию единственно закономерным путём развития общества [566, с. 12]. Д. И. Багалея оценивал идеи органического развития как важное достижение исторической науки исследуемого времени [241, с. 5, 16].

Разработка эволюционной теории в позитивистской трактовке совпала по времени с появлением книг Ч. Дарвина и других естествоведов¹⁸⁸.

Хотя эволюционная теория была связана с достижениями естествознания и теорией Ч. Дарвина, однако не была результатом только последней. По этому поводу М. М. Ковалевский указывал, что органическая теория не является порождением только дарвинизма [538, с. 117]. Наиболее влиятельной стала органическая теория Г. Спенсера, который был больше последователем идей ламарковского, а не дарвиновского эволюционизма¹⁸⁹.

Основой «органической концепции» Г. Спенсера была структурная и генетическая аналогия между обществом и биологическим организмом. Такая аналогия возможна только при условии отсутствия существенных качественных отличий между социальными и биологическими явлениями. Из-за этого доказательство отличия явлений общественных от биологических, обоснование принципиального сведения социального к биологическому иногда приводило к отрицанию самой «органической концепции» Г. Спенсера и его последователей.

---

188 Популярными в 1860-х – 1880-х гг. в переводах разными языками были труды Ч. Дарвина «О происхождении видов путём естественного подбора, или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование» (1859 г., рус. перевод 1864 г.), «Происхождение человека и половой подбор» (1871 г., рус. перевод 1871 г.), «О выражении ощущений у человека и животных» (1872 г., рус. перевод 1872 г.), а также Т. Гексли «О месте человека в ряду органических существ» (1863 г., рус. перевод 1864 г.) и Э. Геккеля. Среди наиболее известных напечатанных русскоязычных и украиноязычных переводов последнего укажем на два, сделанные не менее известными учёными И. И. Мечниковым и И. Я. Франко [328–329].

189 Сам Г. Спенсер в предисловии к одной из своих книг подчёркивал, что изложил свои взгляды на биологическую и социальную эволюцию до появления трудов Ч. Дарвина [859, т. 1, с. V].

Эволюционная теория, по свидетельству С. А. Подолинского, в трактовке Ч. Дарвина воспринималась передовой интеллигенцией как довольно удачная научная гипотеза замены борьбы за существование в будущем обществе солидарностью и кооперацией [795, с. 20–26].

В целом учёные к термину «борьба за существование» относились неоднозначно. И. Я. Франко широко употреблял дарвиновский термин «борьба за существование», хотя признавал его неудачность даже для характеристики природы [924, с. 84, 85 прим.]. М. М. Ковалевский считал неправильными попытки дарвинистов свести «все причины поступательного хода развития человечества к одной борьбе за существование» [538, с. 133], как и попытки марксистов рассматривать классовую борьбу как «проявление той самой борьбы за существование» в обществе [538, с. 153].

Л. И. Мечников поддерживал использование в обществоведении термина «борьба за существование» [703, с. 10], но наиболее характерной чертой организации социальной жизни считал кооперацию [703, с. 11]. Одновременно он трактовал кооперацию в духе Г. Спенсера и Э. Дюркгейма: «Социальная эволюция всюду подчинена органической необходимости. Следовательно, эта последняя, со своей стороны, влияет на строй кооперации, внушает отдельным лицам единовременные усилия, направляя при этом их не к личной их цели, а к такой, которая интересуется общественной группой» [703, с. 26].

Учёные по-разному трактовали термин «эволюция»: «развитие» (М. Н. Бережков [115, л. 6]), «перемена», «движение (динамика)» (М. П. Драгоманов [450, с. 558]) и т. п. Ряд учёных Украины (среди них позитивист М. Н. Бережков [115, л. 6] и критик позитивизма П. И. Линицкий [657, с. 384]) вообще считали ненужным термин «эволюция», предлагая заменить его словом «развитие».

Эволюционная теория у позитивистов соединялась с глубокой верой в прогресс и закономерность исторического развития, необходимость общественных реформ. Просветительские убеждения и исторический оптимизм демонстрировал М. М. Ковалевский. Он писал, что «современная теория эволюции не допускает крутых переворотов в общественной жизни» [566, с. 12].

Одновременно, по его оценке, эволюционная теория «одинаково отрицает возможность и устойчивого порядка вещей. Настоящее кажется ей лишь условием для наступления будущего, которое должно в значительной мере изменить все стороны нашего общежития. Облегчить переход к лучшему строю – вот великая задача, которую ставит себе эволюционистская философия по отношению к практической жизни. Что касается её теоретических стремлений, то она изучает прошлое и настоящее, чтобы предвидеть будущее» [566, с. 12–13].

В. Б. Антонович сформулировал положение, символизирующее народническую сущность украинской позитивистской историографии: «Только развитие, исходящее из своеобразных народных начал... даёт полное развитие всем сторонам народного духа и ускоряет это развитие, ведя его по пути, предначертанному самой природой» [211, с. 57–58]. Его точку зрения поддерживал В. Г. Ляскоронский: «Задача историка состоит главным образом в возможно более полном изображении этого прогресса, в изображении эволюции народной жизни» [187, л. 29 об.].

А. И. Маркевич рассматривал исторический процесс с позиций народника и эволюциониста: «История есть ряд перемен, которые произошли в жизни народа, в его „цивилизации“. Слово „цивилизация“ переведённое... есть „быт“. Обыкновенно перемены в цивилизации известны под именем прогресс. Что такое прогресс? Прогресс означает развитие народа... к лучшему» [48, л. 77–77 об.]. И далее историк уточнял: «Поэтому нельзя назвать развитие народа прогрессом, т. е. переменной к лучшему, но скорее эволюцией, т. е. переменной от простого к сложному» [48, л. 78].

Н. Я. Грот объяснял эволюцию как ряд закономерных изменений в природе и обществе. Идею развития он трактовал как «бесконечно-сложную и органически-связную цепь законосообразных перемен, происходящих во всех сферах существования природы» [352, с. 1]. «Единственную общую причину всех этих органически связанных одна с другой перемен в природе» Н. Я. Грот назвал «взаимодействие всех элементов её между собою», а «конечным результатом этого взаимодействия» признал их «приспособление... друг к другу» [352, с. 1].

Учёные украинских земель не просто заимствовали идеи Ч. Дарвина, Г. Спенсера и других сторонников эволюционной теории, а и творчески их переосмысливали. Это выявилось, в частности, в изучении пережитков первобытного строя у разных народов (дохристианских форм религиозной веры, обычного права и т. п.).

Вслед за Г. Спенсером и другими английскими эволюционистами В. К. Пискорский признавал наличие малоисследованных ранних этапов развития человечества: «Между современным и первобытным состоянием общества существует целый ряд промежуточных состояний, последовательная смена которых и составляет содержание исторического процесса или эволюции» [178, л. 9, 11–11 об.].

Учёные изучали древнейший период с учётом новейших на то время трудов исследователей первобытной культуры Э. Тэйлора, И. Я. Бахофена. А. С. Трачевский повторял популярный тезис западноевропейских и американских учёных: «Роль орудия [труда – Б. Е.] в эволюции человечества видна уже из того, что некоторые учёные называют человека животным, делающим орудия [труда – Б. Е.]¹⁹⁰» [898, с. 5]. Одесский историк, ссылаясь на Э. Тэйлора, подчёркивал в докладе на VI Всероссийском археологическом съезде в Одессе, что в археологии основы эволюционизма являются даже более очевидными, чем в естествознании [898, с. 2].

Подобные подходы к эволюционной теории демонстрировали и учёные Восточной Галиции.

Ярким примером использования эволюционной теории в духе Г. Спенсера, частично Ч. Дарвина и их последователей были труды И. Я. Франко. Наряду с другими идеями в исследовании «Мысли об эволюции в истории человечества» выдвинуты такие положения: эволюция имеет два фактора: главный – поступь (прогресс, т. е. «движение вперёд») и посторонний – дегенерация (регресс, т. е. «движение назад») [924, с. 81–82]. Украинский учёный, ссылаясь на Г. Спенсера, дал такую оценку обоим процессам в эволюции: «Движение вперёд есть проявлением первичным, преобладающим и нормальным; движение

---

190 А. С. Трачевский не совсем точно перевёл «tool making animal». Можно перевести английское слово «tool» именно как орудие труда.

назад – проявлением позднейшим и болезненным» [924, с. 82]. Т. е. И. Я. Франко с присущим ему историческим оптимизмом оценивал общественный прогресс как начальный и главный путь развития общества (в отличие от регресса).

Учёный главной движущей силой («движущей причиной») эволюции (вслед за Ч. Дарвином) объявил борьбу за существование, которая, по оценке И. Я. Франко, более всего себя проявила на начальном этапе существования человечества [924, с. 82, 89]. Он писал, что между всеми произведениями природы дольше всего живут и размножаются те, которые лучше всего приспособлены к внешним обстоятельствам [924, с. 85]. Первыми результатами «борьбы за существование» И. Я. Франко называл выделение человека из царства животных и возникновение общества [924, с. 91–92]. Но при этом учёный подчёркивал, что такая форма «единичной борьбы за существование совсем не закон, не вечная и не общая, и этой формой не могли бы мы выяснить ни начала истории, ни развития культуры человеческой» [924, с. 94]. Попытки дарвинистов механически применять к изучению общества биологическую форму борьбы И. Я. Франко охарактеризовал как «более или менее ошибочные» [924, с. 95]. Приведённое утверждение ещё раз доказывает, что украинский мыслитель не был сторонником идей социал-дарвинизма.

Исследователь считал главными формами борьбы за существование (вслед за Г. Спенсером) «разделение (дифференциацию) однородных частей» и «скупчивание (интеграцию) разнородных частей» [924, с. 82]. Позже, по мнению И. Я. Франко, борьба за существование происходила в форме дружественной, ассоциативной (союзы), кооперативной (общая работа). Жизнь в общине, по его убеждению, способствовала возникновению духовных способностей человека (языка, мышления, памяти и др.). Учёный считал неучитывание этих обстоятельств наибольшей ошибкой Ч. Дарвина¹⁹¹.

С началом эпохи господства «церемоний и обрядов» (определение Г. Спенсера) борьба за существование, по

---

191 Подобный подход к дарвиновской теории продемонстрировал и Ф. Энгельс, считавший термин «борьба за существование» ограниченным и односторонним даже для характеристики природы [977, с. 622].

И. Я. Франко, выступает в двух формах: борьбы каждого человека с окружающей природой и борьбы групп между собой за своё существование, за свои формы общественного устройства. Первая форма борьбы, как повторял Г. Спенсера И. Я. Франко, толкает человечество к усовершенствованию экономических отношений (переход от охоты к земледелию, осушение болотистых мест, приручение диких животных и др.), вторая – вызывает войны [924].

Ошибочным считал И. Я. Франко изложение истории как череды войн, революций, деяний выдающихся лиц. Главной целью исследования исторического процесса учёный называл «исследование внутренней связи между фактами, т. е. такую группировку единичных, важнейших и мельчайших фактов, чтобы от них исходил какой-то смысл, т. е. чтобы видно было определённые основные законы естественнo-исторические, управляющие этими фактами и вызывающие их» [924, с. 77]. Мыслитель усматривал основу общественного развития в «эволюции экономического и социального быта масс народных», а не в «больших единицах, в духовных репрезентантах и проводырях масс» [944, с. 381].

М. С. Грушевский подчёркивал именно непрерывность украинской истории, отмечая: «Органическая связанность и преемственность народной жизни не прерывается полностью ни при каких изменениях и переломах, пока живёт данный народ» [381, т. 7, с. VIII]. Он определял «явления экономической и культурной эволюции» как «основание народной жизни, которое проводит нас чрез все стадии существования украинского народа и связывает в одно органическое целое его историю» [366, с. 18].

М. С. Грушевский также поддерживал спенсеровскую идею о дифференциации и интеграции. Учёный развил далее сформулированную Г. Спенсером идею о равновесии сил в обществе с целью устранения «исторических несправедливостей» [376, с. 104].

Одновременно М. С. Грушевский показал диалектический характер взаимосвязи двух стадий эволюции государства как общественного организма: «На смену периода внешнего, механического единства... наступает период внешнего разложения и распада, под поверхностью которого идёт

более глубокий процесс внутреннего объединения, в противоположность предшествующему процессу механического объединения процессом химического превращения» [363, с. 81].

Взгляды О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса и Ф. Энгельса на общественную эволюцию М. С. Грушевский считал подобными. Учёный подчёркивал, что для О. Конта главным фактором был психологический, духовный фактор, для Г. Спенсера – биологический, для К. Маркса – экономический. Все подходы, по оценке М. С. Грушевского, не учитывали всей сложности общественной жизни. В частности, исследователь приводит точку зрения Ф. Энгельса об экономической («производство жизненных средств») и биологической («продолжение рода») задачах эволюции [389, с. 38].

Ссылаясь на Г. Спенсера, М. С. Грушевский характеризовал закон эволюции следующим образом: «Это закон мировой жизни, неорганической и органической... Закон этот вытекает из общей тенденции постоянного принорования (приспособливания) внутренних отношений к внешним, а оказывается в неустанной дифференциации и интеграции, или иначе – в постоянном прогрессе необъединённой солидарности в направлении к внутренне объединённой и связанной разнородности» [389, с. 20]. Он показал на разных примерах как процесс имущественной и социальной дифференциации населения привёл к классообразованию [389, с. 182–193, 286].

М. С. Грушевский неоднократно писал о разных вариантах формирования человеческого общества: «Нельзя с категоричностью говорить об единственном и тождественном начале социальной человеческой жизни, а только о приблизительно подобном» [389, с. 33]. Учёный подчёркивал, что исторический процесс эволюционирует в направлении равновесия всех тенденций и сил, в сторону наименьшего сопротивления [371, ч. 2, с. 54; ч. 3, с. 5]. Кроме того, он разделял общественную эволюцию на государственную [381, т. 4, с. 99], экономическую [381, т. 6, с. 2], культурную [381, т. 6, с. 422].

Польские учёные Галиции также различали разные направления общественной эволюции. К. Гожицкий поделил историческое развитие на такие направления: «общественно-политическую эволюцию, общественно-цивилизационную, семейную, правовую и хозяйственную» эволюцию [1028, s. 3].

Учёные подроссийской Украины (например, М. М. Ковалевский) также выделяли разные направления общественной эволюции: в науке, искусстве, литературе, морали, праве, государственном управлении, промышленности и других сферах экономики [553, с. 3–4].

Д. И. Дорошенко характеризовал взаимовлияние разных видов общественной эволюции таким образом: «Главное содержание истории кочевого народа составляет его культурное развитие и тесно соединённое с ним – экономическое, которое составляет основу всякой культурной эволюции и чрезвычайно на неё влияет» [154, л. 1]. Он считал, что «политическая история носит более формальный характер», «но своего влияния не утратит, можно сказать, никогда» [154, л. 1]. Итак, чаще всего учёные признавали полифакторную модель общественной эволюции.

Эволюцию и солидарность И. В. Лучицкий считал двумя главными сторонами исторического процесса [681, с. 39–40]. Новая история (с XIV в.) есть «именно история такого процесса; она, следовательно, определяется как изучение и описание последовательного разрушения и разложения элементов старого строя, последовательного возрастания и прогресса новых элементов и, наконец, развития той временной, неустойчивой и вечно изменяющей свой центр доктрины» [681, с. 41].

Идеи И. В. Лучицкого получили продолжение в трудах его учеников. Д. М. Петрушевский объяснял общественный процесс как «единое целое, как живой синтез целого ряда переплетающихся эволюций» [773, с. 83]. В лекциях по экономической истории в Нежинском историко-филологическом институте В. К. Пискорский определял прогресс как усовершенствование общества, а эволюцию трактовал как развитие общества [186, л. 1].

Одной из попыток улучшить теорию эволюции в позитивистской трактовке была концепция М. М. Ковалевского. В соответствии с нею катаклизмы и явления регресса – результат влияния внешних факторов (политическая власть, войны, насилия, стихийные бедствия и т. п.), которые нарушают нормальный ход истории. Поэтому учёный критиковал европейскую колонизацию Нового Света, поскольку она противоречила естественному развитию традиционных местных порядков. Колонизация, по

оценке исследователя, искусственно ускорила распад общинного землевладения [563, с. 47–71, 156–209]. «Насильственная замена одного начала жизни другим, – уточнял М. М. Ковалевский, – не обходится без опасных потрясений и во всяком случае вызывает в среде населения продолжительное и вполне законное недовольство» [563, с. 231].

П. Н. Ардашев в то же время признавал, что исторический процесс не является самопроизвольной системой, поскольку связан с физиологическими и биологическими процессами [103, л. 49].

О влиянии биологической эволюции на общественную писал также М. П. Драгоманов: «Всякая естественная систематика или статика явлений необходимо покроем собою и историю или динамику их, потому что явления переходят от простейших форм к сложнейшим в известной последовательности. Так, в биологии статика и динамика уже почти слились в теории эволюционной» [443, с. 176].

Ф. К. Волков (Вовк) считал, что открытые сначала в биологии и применённые впоследствии в общественных науках законы эволюции доказывают, что все общественные явления и формы появились не вследствие вмешательства внешних сил, а являются результатом медленного ступенчатого развития зародков физической природы человека. Полная одинаковость физической природы людей обуславливала, по его мнению, большее или меньшее однообразие явлений, а разные условия окружающей среды обуславливали их разнообразие [319; 321].

Раньше от Ф. К. Волкова В. В. Лесевич пришёл к выводу о необходимости учёта в исторических исследованиях данных об эволюции самого человека. Он считал, что для цивилизационного развития важны не только материальные блага, а и развитие «самых высших способностей человеческой природы» [652, с. 174].

Идею М. М. Ковалевского о значительном влиянии на историческое развитие роста населения¹⁹² можно считать

---

192 Б. Г. Сафронов считал ошибкой отнесение М. М. Ковалевского к сторонникам выделения демографического фактора как главного [1634, с. 195–196]. Подобное суждение С. С. Лукичёва [1461, с. 210].

продолжением идей творцов «первого» позитивизма О. Конта и Г. Спенсера. «Формы народного хозяйства не следуют... в произвольном порядке, но подчинены известному закону преемства, – писал М. М. Ковалевский. – Важнейшим фактором их эволюции является в каждый данный момент и в каждой данной стране рост населения, большая или меньшая его густота, а во всех вместе обусловленная тем же ростом большая или меньшая зависимость отдельных национальных хозяйств в деле производства и потребления» [582, т. 1, с. VII] и далее: «Обилие пустопорожных земель обуславливает смену форм народного хозяйства» [582, т. 1, с. VIII]. В другом месте учёный опять утверждал, что «главным фактором всех изменений экономического строя является не что иное, как рост населения» [569, с. 2 прим.]. Причиной быстрой (уже в XIII в.) ликвидации крепостного права в Нормандии учёный считал её густозаселённость (в отличие от других районов Франции) [548, с. 247]. Заслуга М. М. Ковалевского состояла в том, чтобы он обратил внимание учёных на влияние демографического фактора на разные сферы общественной жизни и особенно на экономику.

В соответствии с идеей Г. Спенсера предпозитивисты и позитивисты признавали войны важным и не только негативным фактором общественной жизни, отмечая, в частности, их существенную роль в создании государств.

Для удовлетворения «естественных потребностей и стремлений, – по убеждению М. Н. Петрова, – происходят все почти враждебные столкновения и войны между народами, путём которых им приходится взаимно ограничивать, уравновешивать свои растущие силы» [760, с. 11].

Ссылаясь на П. Ж. Прудона, А. П. Рославский-Петровский называл экономические отношения настоящей причиной «многих внешних войн и внутренних междоусобиц», «колониализации древнего и нового мира» [817, с. 15].

Неоднозначно оценивал последствия войн для общества М. В. Довнар-Запольский. Учёный характеризовал войны как «фактор экономического характера», поскольку они вызывают «важные социальные и правовые последствия» [423, с. 8]. Среди последних он выделял «постройку населением укреплений, содержание стражи, военную службу и, наконец, де-

нежные или натуральные сборы для поддержания оборонительных сил» [423, с. 8].

В. В. Лапин также писал о постороннем позитивном результате войн, стимулирующем взаимодействие разных цивилизаций. Без такого взаимодействия, по его оценке, «в сущности невозможно историческое движение вообще» [638, с. 9].

М. С. Грушевский объяснял тезис Г. Спенсера о существенной роли войн в создании государства на примере древнерусской истории: «По аналогии с историей других племён и народов нужно думать, что появление дружинного элемента вызвано было нападениями иноплеменников и необходимостью обороны... Иноземная власть, естественно, вызвала реакцию, и для систематической борьбы с нею и для обеспечения племени от завоеваний и вторжений в будущем необходимо было создать институт князей-военноначальников» [365, с. 290–291]. Позже (в эмиграции) М. С. Грушевский прямо указывал, что войны ускоряют распад родово-племенного устройства и формирование государственности [389, с. 251–252]. Н. А. Гредескул также высоко оценивал роль войн в создании государства [1873, с. 8–9].

Важным доказательством эволюционной теории служила для позитивистов экономическая история. В трудах представителей разных научных школ рубежа XIX–XX вв. прослеживаются попытки доказать непрерывный характер исторического развития путём анализа экономических фактов.

Ученики В. Б. Антоновича считали экономическую историю убедительным доказательством постоянной эволюции общества в целом.

Для директора Киевского центрального архива древних актов И. М. Каманина экономические отношения служили «главной основой общественной жизни» [503, с. 1].

Ссылаясь на К. Каутского, В. Г. Ляскоронский подчёркивал большую роль торговли. По его мнению, «централизация торговли ведёт к централизации всей экономической жизни страны. Вся страна в большей или меньшей степени прямо или косвенно становится в экономическую зависимость от главного города, также как и от класса капиталистов... За экономической централизацией следует централизация полити-

ческая и центральный пункт торговли становится центральным пунктом управления» [691, с. 461–462].

Поиск законов общественной эволюции именно в экономической сфере считал возможным и М. В. Довнар-Запольский: «Законы развития, когда они будут выработаны, покажут нам, что известная сумма явлений может быть причиной известного состояния, стадии в истории хозяйства; они объясняют нам причинность явлений, совокупность которых переносит хозяйство страны в новую стадию развития или задерживает это развитие. Эта причинность... будет заключаться в изменении производительных сил страны» [425, с. 37].

Детально ознакомившись с экономическими идеями К. Маркса и Ф. Энгельса, Б. Гильденбрандта, К. Бюхера, В. О. Ключевского, Н. А. Рожкова, М. В. Довнар-Запольский пытался сформулировать собственную концепцию экономического развития России. Он считал бортничество и охоту на пушного зверя ведущими отраслями древнерусского хозяйства (до XII в.). По его концепции истощение природных богатств, сокращение потребностей западных стран в продуктах питания, утрата восточного рынка обусловили перемещение экономической жизни с юга на северо-восток. Новый («ойкосный», т. е. замкнутый) период в истории страны характеризовался двумя чертами: прикреплением крестьян к земле и превращением Руси из торговой страны в земледельческую. Третий период (со второй половины XVI в.), как утверждал М. В. Довнар-Запольский, начался экономическим кризисом, который привёл к нарушению замкнутости, уменьшению обрабатываемой площади пашни и увеличению торговли сельскохозяйственными продуктами. Последнее явление обусловило повторное закрепощение крестьян. В конце XVIII в., по мнению учёного, произошёл переход к капитализму [426, с. 161–176]. Киевский историк под влиянием концепции торгового капитала В. О. Ключевского называл торговлю (особенно для ранних периодов истории) главным элементом экономики.

Итак, сущность концепции М. В. Довнар-Запольского сводилась к смене этапов торгового и натурального («ойкосного») типов хозяйства [425, с. 38–363; 426, с. 167]. Учёный связывал рост экономики и переход к капиталистическим от-

ношениям с торговлей. Увеличение потребностей населения и развитие экономики, по его мнению, привели к расширению внутреннего и внешнего рынка и росту промышленности [426, с. 167–175].

Нами уже подчёркивался значительный интерес к экономической истории И. В. Лучицкого и его учеников. «Хозяйственный строй данного общества, – утверждал В. К. Пискорский, – не представляется историку чем-то неизменным, предопределённым свыше или подчинённым незыблемым естественным законам» [180, л. 2]. Он настаивал на «известной последовательности различных стадий хозяйственно-правового уклада» [180, л. 2]. Последнее утверждение В. К. Пискорский обосновывал тем, что «современному капиталистическому строю предшествовало мелкое производство с ограниченным рынком», а «мелкому производству предшествовало замкнутое натуральное хозяйство» [180, л. 2].

Польские учёные также считали, что именно экономические факты доказывают причинно-следственный характер общественного развития. Несмотря на критику доктрины позитивизма на III съезде польских историков в Кракове (1900 г.), Б. Дембинский подчёркивал существование глубокой причинной связи между экономическими явлениями [1012, с. 15]. Ф. Буюк подчёркивал, что в экономической истории лучше всего прослеживается причинная связь между отдельными историческими фактами и эволюционный характер общественного развития [1784, с. 503].

Позитивисты подчёркивали важность поиска причинно-следственных связей между отдельными историческими событиями и явлениями. Молодой М. П. Драгоманов считал главной задачей историка раскрытие внутренних причинно-следственных связей между историческими фактами [432, с. 37]. Анализируя причинно-следственные связи между разными историческими явлениями, он противопоставил народ и государство: «Развитие народа очень часто не только не прекращалось с ослаблением государства, а даже шло успешнее» [432, с. 317]. Учёный в качестве примера приводил историю еврейского и греческого народов, римлян, достигших пика своего развития в период упадка государственности [432, с. 317].

Кроме того, исследователь подчёркивал интересную деталь: идеи человечности «впервые появились не только у слабых народов, а именно у народов побеждённых» [432, с. 317].

С позиций биологического редуционизма М. С. Грушевский характеризовал эволюцию государственного организма – как смену «механического» и «химического». «Механическая» эволюция, по его мнению, носила формальный и принудительный характер, по форме это внешнее объединение в единый государственный механизм разных этнографических и культурно-экономических единиц. Древнерусское государство времён Владимира Великого, по оценке историка, было «кульминационным пунктом во внешнем процессе образования Киевского... государства» [366, с. 58]. «Химическую» эволюцию учёный объяснял как «процесс проникновения и углубления в жизнь провинций этого государства, выработанных им политических, общественных, правовых и культурных форм» [366, с. 58]. Историк подчёркивал тщетность попыток князей, правивших после Владимира Святителя, приостановить распад Древнерусского государства на отдельные княжества: «Как вообще не удаются такие попытки повернуть назад колесо исторической эволюции» [366, с. 58].

Более того, в соответствии со стандартами тогдашнего историописания М. С. Грушевский пытался антропоморфизировать историю наций и государств. Учёный пытался сравнить историю украинского народа с человеческой жизнью: «Разбив его [украинского народа – Б. Е.] политическую жизнь,... эти неблагоприятные исторические обстоятельства затемнили светлые и славные моменты его жизни, проявления его активности, его творческой энергии и на долгие века кинули его на раздорожье политической жизни, как без обороны, беззащитную добычу для захватнических appetitов его соседей, как этнографическую массу без национальной физиономии, без традиций, даже без имени» [381, т. 1, с. 3].

Хорошо знакомые со многими идеями европейской общественной мысли М. П. Драгоманов, М. Н. Петров, И. Я. Франко и М. С. Грушевский разрабатывали далее концепцию Г. Спенсера о присущих общественной эволюции исторических ритмах.

Интересные мысли о разнице скорости общественной жизни высказал, например, М. Н. Петров. Он признал скорость общественного развития как непостоянную величину: «Каждый народ имеет свою особую норму развития, а стало быть и культуры движения» [13, л. 6]. Учёный верил, что «скорость движения увеличивается с каждым столетием, с каждым годом, месяцем, днём» [13, л. 6].

М. С. Грушевский развил концепцию ритмов и циклов социального развития, отмечая «большую силу ритма вообще», его «универсальную власть над миром» [382, т. 1, с. 64]. Изучение ритмов социального развития учёный объявил одной из главных задач социологии, истории и других общественных наук: «Откидая случайное и выбирая основное и постоянное, выбрать то, что составляет свойственную основу этого ритма, то, что стремится к повторению, к постоянству» [389, с. 43]. К ритму, по его оценке, обращаются «как к необычно сильному, известному, безошибочному влиянию на окружающую жизнь, для вызова в ней явлений и ситуаций желательных и уклонения от вредных и неприятных» [382, т. 1, с. 64]. Историк подчёркивал временную неравномерность исторического процесса: «События происходят не одинаковым темпом и энергия жизни не равна» [386, с. 150]. В социальной жизни, по его мнению, действуют только эмпирические (биологические, психологические, экономические) закономерности, которые показывают «тот ритм, ту общность, которая решительно выводит социологию за рамки чисто описательных задач и делает её также действительной наукой об известных общих и постоянных тенденциях и формах социального развития» [389, с. 43].

Также М. С. Грушевский отмечал разные темпы развития отдельных сфер хозяйства: «В нормальных обстоятельствах, с более густым заселением и лучшим обустройством края, торговля и промысел должны были бы развиваться всё больше, торгово-промышленный характер городов расти, а их хлебоделческая окраска – спадать» [402, т. 38, кн. 6, с. 427]. Но спрос сельскохозяйственной продукции в Западной Европе, по мнению историка, стимулировал развитие сельского хозяйства. Поэтому со второй половины XVI в. торговля и промысел приходит в упадок [402, т. 38, кн. 6, с. 427].

При характеристике исторических явлений М. П. Драгоманов главными называл не пространство и время, а условия и последовательность [443, с. 176]. «Как в жизни природы, так и в жизни общественной, – подчёркивал он, – в одно время, на одной территории могут происходить явления разного порядка, между которыми внутренней связи может и не быть» [443, с. 175]. «Споры между учёными о причинах появления и колебаний в известных политических и религиозных движениях, военных успехов и неудач разных стран, падений царств и т. п.» он объяснял тем, что учёные «не условятся в классификации фактов и представляют себе синхронистически происходящие явления жизни военной, политической, социальной, культурной, моральной гораздо более перекрещивающимися в причинной связи между собою, чем это может существовать на самом деле» [443, с. 176].

О волноподобном характере прогресса также писали В. Б. Антонович [143, л. 5] и И. Я. Франко. Последний писал о времени, пространстве и ритмах следующее: «То движение не идёт ровно, а какими-то волнами: бывают волны высокого подъёма, а после них наступают волны упадка» [942, с. 309].

М. М. Ковалевский не считал «универсальными» идеи Г. Спенсера о ритмах исторического процесса, особенно в религии и морали [572, с. 84]. Более того, он отказывался принять утверждение о ритмах в социальной жизни даже как эмпирическое обобщение [572, с. 84]. Учёный с оговорками признавал возможность ритмического развития науки: «Идея ритма в приложении к науке выражает разве чередование периодов быстрого и медленного её развития, но то и другое обыкновенно обуславливается влиянием нового открытия на ряд смежных с ним областей; когда известная научная истина или только гипотеза более или менее использована во всех направлениях, тогда замедляется на время движение научной мысли впрямь до нового открытия» [572, с. 85]. Характерно, что при этом М. М. Ковалевский развил тезис О. Конта: «Прогресс не совершается скачками: он представляет собою не безостановочное, а медленное развитие, при чём переверт в сознании на целые века предшествует проведению в жизнь намеченных в теории схем» [555, с. 54].

Среди непозитивистов эволюционная теория Г. Спенсера была воспринята негативно. Киевский неокантианец Б. А. Кистяковский отрицал «формулу эволюции» Г. Спенсера, потому что «она устанавливает не причинное, а теологическое соотношение» [529, с. 148].

Эволюционная теория вызвала резкий протест и у религиозных мыслителей, которые в своём преобладающем большинстве негативно относились и к учению О. Конта. Преподаватель Киевской духовной академии П. И. Линицкий считал ошибкой признание общества как организма. Г. Спенсер и другие эволюционисты, по его оценке, вообще пренебрегали логикой: «По важнейшему формальному признаку – единство, цельность, индивидуальность – общество» не является организмом [657, с. 394].

Итак, в 1860-х годах на украинских землях концепция биологической (Ч. Дарвин) и социальной (Г. Спенсер и его школа) эволюции утвердилась в общественной, в т. ч. в исторической, мысли. Книга Ч. Дарвина поставила под большое сомнение теологическую концепцию создания мира и человека.

Некоторые положения эволюционной теории второй половины XIX в. на сегодня устарели. Сведение эволюции человеческого сообщества к развитию биологического организма было определённым отходом назад сравнительно с предыдущей научной традицией. Однако разработка теории эволюции исторического развития позитивно влияла на развитие самой исторической науки, в частности, помогла отказаться от устаревших догм и серьёзно поднять уровень систематизации и обобщения конкретного материала. Одновременно биологический редуционизм лишал общественную мысль идей божественного провидения и народного духа. Теория общественной эволюции противоречила и романтическому видению истории как серии катаклизмов. Эта теория также резко уменьшала значение отдельных выдающихся лиц в истории. Концепция социальной эволюции по другим, чем в просветительстве, позициям показала желательное (как правило нерволюционное) направление общественного прогресса.

Кроме того, эволюционная теория способствовала развитию этнологии и археологии и более активному изучению

начальных этапов мировой цивилизации. Труды эволюционистов составляли необходимый этап развития исследований истории первобытного общества, способствовали разработке общей схемы исторического процесса. Поэтому они имели положительное влияние на развитие общественных наук.

Эволюционная теория опиралась на общепринятые среди учёных-позитивистов представления об единстве законов природы и общества и веру в общественный прогресс. Такой рациональный подход был объективно направлен против религии и метафизики. Принципиально с других методологических позиций решался вопрос о выделении одних и тех же этапов развития в разных обществах.

Учёные украинских земель большей частью поддерживали и развивали «органическую концепцию» Г. Спенсера и его последователей, сформулировав несколько новых перспективных идей: о специфическом характере общественных явлений, о соотношении биологических и общественных законов, о широком использовании оценочных характеристик, а не только исторических фактов в процессе анализа истории общества.

Убеждение большинства историков в том, что эволюционный есть единственно закономерный путь развития общества, – определяющая черта исторической науки исследуемого времени. Это прежде всего было обусловлено устоявшимися материалистическими научными традициями в разных отраслях знаний и успехами естествознания в XIX в.

Эволюционный подход более чётко прослеживается в работах по всемирной истории, в т. ч. по истории Древней Греции (исследования В. П. Бузескула и др.), Древнего Рима (труды М. П. Драгоманова и др.), Западной Европы средневековья и новейшего времени (труды И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского и др.).

Пропаганда идеи эволюции и вера в общественный прогресс у учёных часто соединялись с поисками путей преодоления социально-экономического, политического и национального гнёта. Кроме того, эволюционная теория стимулировала использование историко-сравнительного метода для изучения истории разных государств и этносов.

3.3. Сущность цивилизационного подхода

Позитивизм с его акцентом на эволюционном развитии стал основой цивилизационного понимания исторического процесса.

До появления идей позитивизма концепция цивилизации разрабатывалась двумя путями. Дж. Вико в «Основах новой науки об общей природе наций» (1725 г.) и И. Г. Гердер в «Идеях к философии истории человечества» (1784–1791 гг.) предложили циклическую схему исторического процесса. Взамен фундатеры позитивизма (О. Конт, Дж. Ст. Милль и Г. Спенсер) развили линейно-стадиальную концепцию цивилизации французских просветителей. Существенными были отличия в понимании цивилизации позитивистами и сторонниками гегелевских идей. Вслед за Г. В. Ф. Гегелем, С. М. Соловьёв сущность цивилизационного развития представлял как смену одних «исторических» народов другими, пребывающими в более благоприятных условиях [837, 1871, № 12, с. 743–744]. Однако цивилизационные идеи историков-позитивистов украинских земель были продолжением скорее западноевропейской (просветительской), чем общероссийской научной традиции.

Взгляды историков-позитивистов на понятие «цивилизация» мало отличались между собой. Л. И. Мечников, ссылаясь на П. Мужолля, называл цивилизацией совокупность идей, степень развития науки, культуры и промышленности [703, с. 3–4]. Н. С. Гольдин определял цивилизацию как определённый уровень культуры: «Культура или цивилизация, т. е. достигнутое известным народом состояние его материальной (внешней), общественной и духовной (умственной и нравственной) жизни» [346, с. 10].

Вслед за Г. Т. Боклем, В. Г. Авсеенко давал следующее определение: «Совокупность всех подобных фактов, названных нами внутренними или нематериальными, мы обозначаем обыкновенно словом цивилизация» [189, т. 149, № 7, с. 16]. И далее продолжал: «История цивилизации... должна развиваться органически; а где есть органическая жизнь, там, естественно, должны быть и известные законы, ею управляющие» [189, т. 149, № 7, с. 16].

В. В. Лапин сравнивал процесс развития мировой цивилизации с постепенным развитием видов в природе [638, с. 6]. Деление цивилизаций на западную и восточную он считал формальным и ошибочным, подчёркивая при этом недооценку позитивного влияния Востока на античный мир: «Началами своей цивилизации эллины обязаны древневосточным народам» [638, с. 1]. Учёный не поддерживал идею отделения одной от другой цивилизаций. «В истории мира, – писал он по этому поводу, – нет никаких совершенно обособленных, вполне самостоятельных и непрерывных цивилизаций» [638, с. 1]. Одновременно, отмечая обусловленными завоеваниями «диких народов» временные задержки цивилизационного развития, В. В. Лапин подчёркивал, что «новые народы, воспользовавшиеся плодами разрушенной ими же цивилизации, приносили и новые элементы в общую сокровищницу мировой цивилизации» [638, с. 5–6].

Наряду с развитием образования и науки другим главным критерием общественного прогресса и развития цивилизации учёные-позитивисты украинских земель называли этический. В. В. Лесевич оценивал триумф позитивной философии как важный этап развития цивилизации и прогресса именно в социальных отношениях: жизнь «становится человечнее, светлее и всё более и более устраняются из неё явления, оскорбляющие справедливость, препятствующие успехам цивилизации» [652, с. 169].

Как и большинство учёных, В. Б. Антонович связывал развитие цивилизации с развитием культуры и морали [98, л. 2; опубл. 1376, с. 68]. Для лидера Киевской школы историков-документалистов оба процесса были неотделимы друг от друга: «Развитие у народа средств по удовлетворению этих потребностей и составляет культуру. С другой стороны, чем более народ живёт, тем сознательнее и с большей настойчивостью он проводит во взаимоотношения своих членов и в свои отношения к другим народам идею справедливости. Развитие общественных отношений на основаниях справедливости составляет цивилизацию. Таким образом, полнее историю можно определить как развитие цивилизации и культуры у известного человеческого общества» [98, л. 2; опубл. 1376, с. 68].

Триада Г. В. Ф. Гегеля и учение О. Конта о трёх стадиях умственного развития активно применялись к периодизации исторического процесса. М. С. Грушевский выделил три круга украинской истории: 1) «от первых начал его [украинского народа – Б. Е.] исторической жизни до упадка его государственности»; 2) история «распада и упадка украинской жизни»; 3) история «национального возрождения с помощью... казаччины» [381, т. 7, с. VII]. Схема М. С. Грушевского напоминает известную гегелевскую триаду (тезис – антитезис – синтез).

Л. И. Мечников в основу периодизации цивилизационного развития положил географический критерий. Он выделил три этапа развития мировой цивилизации. Первый этап учёный назвал временем речных цивилизаций, поделив начальный этап на эпоху изолированных цивилизаций и эпоху первых отношений между отдельными народами. Во втором периоде (время средиземноморских цивилизаций) он также выделил две эпохи: эпоху городских олигархий и эпоху феодализма или земских олигархий. Третий этап (время океанических цивилизаций) Л. И. Мечников разделил на эпоху атлантическую (середина XVI – середина XIX ст.) и начало всемирной эпохи [702, с. 361–362]. Эта периодизация не была поддержана другими учёными.

Историки-позитивисты пытались (хотя бы частично) придерживаться периодизации О. Конта и Г. Спенсера. Учёные выделяли, пользуясь иногда разными терминами, три стадии: начальный период (первобытного варварства и дикости), средневековья (не всегда совпадало с феодализмом, часто приводились разные хронологические рамки), новейшую эпоху. Например, И. В. Луцицкий пытался показать средневековье как военный период (вторая стадия исторического развития, по О. Конту) [685, № 3, с. 127].

М. М. Ковалевский в основу периодизации всемирной истории положил экономические критерии, выделив две эпохи: хозяйства непосредственного потребления и менового хозяйства [553, с. 28].

Часть учёных Украины (например, И. Я. Франко [924]) поддержала периодизацию англо-американских позитивистов. Г. Спенсер, Л. Г. Морган, Э. Б. Тэйлор, Дж. Дж. Фрэнсер,

Г. Чайльд, Л. Уайт, Дж. Стюард в противовес О. Конту разработали собственную периодизацию исторического процесса с делением на два этапа: первобытности и цивилизации.

В последней трети XIX в. позитивистская трактовка начального этапа цивилизаций была близкой марксистской¹⁹³, поскольку сторонники обеих доктрин в своих рассуждениях часто шли за идеями Л. Моргана, И. Я. Бахофена и Э. Б. Тэйлора и, кроме того, особое внимание обращали на экономические критерии.

Среди учёных Украины самое большое внимание цивилизационной концепции уделил приват-доцент Киевского университета Н. И. Хлебников. Именно он подал самое большое количество определений цивилизации среди историков-позитивистов украинских земель, сформулировал этапы развития цивилизации и обосновал собственную классификацию.

Н. И. Хлебников развил далее цивилизационную концепцию О. Конта и Г. Т. Бокля. Учёный считал, что Г. Т. Бокль в «Истории цивилизации в Англии» подал трактовку цивилизации как простого накопления и передачи знаний [956, с. 59; 958, № 8, с. 575; ср.: 269, т. 1, с. 136, 169–170]. Отталкиваясь от идеи О. Конта, Н. И. Хлебников расширил понятие цивилизации. Для него цивилизация – «известный общественный строй, известное состояние ...общества в его движении» [956, с. 59]. Эти формулировки цивилизации как конкретного типа общества какого-то периода остались почти незамеченными другими учёными.

Цивилизация в трактовке Н. И. Хлебникова является прежде всего явлением духовного мира («особый духовный мир, в котором живёт человек»), а потому не зависит от внешних природных или материальных условий [958, № 8, с. 569]. Он фактически характеризовал цивилизацию как определённый идеальный конструкт: «Идеальный мир, создаваемый свободно человеком над реальным миром, под влиянием кото-

---

193 Ф. Энгельс определял цивилизацию как степень развития общества после дикости и варварства. Он называл такие признаки цивилизации: появление купцов и ростовщичества, частная собственность на землю, работа рабов как господствующая форма производства, моногамия и противоположность между городом и селом [978, с. 173, 175–176].

рого сам реальный мир изменяет свои формы, делаясь служителем и выразителем идеального мира» [958, № 8, с. 568]. По его убеждению развитие любой цивилизации не зависит от особенностей расы или племени, потому что «она есть произведение гениальных индивидов, сообщающееся через воспитание и самовоспитание инертной массе, живущей плодами деятельности гениев» [958, № 8, с. 573].

Иногда категория «цивилизация» Н. И. Хлебниковым трактовалась как национальное (народное) объединение [959, с. 210], международное сообщество, общее объединение народных цивилизаций [959, с. 210]. Историк чётко разделял понятия «народная» и «мировая» цивилизации, называя мировую цивилизацию общим понятием цивилизаций разных народов [959, с. 210].

Представители позитивистской историографии на Украине (в отличие от доминирующей в российской исторической науке государственной школы) не всегда поддерживали распространённую в то время европоцентристскую модель цивилизации. Они считали, что понятие «цивилизация» касается как «исторических» народов, так и варваров.

Сам термин «исторические» народы позитивисты трактовали по-другому, чем Г. В. Ф. Гегель, связывая его с понятием «народность». По убеждению Н. И. Хлебникова, «цивилизация может развиваться лишь в народе, и в этом смысле она всегда национальна, народная» [959, с. 210]. Он указывал, что «истинно цивилизованными могут быть лишь исторические народы, т. е. народы, долго передающие из поколения в поколение плоды своей духовной деятельности; отсюда же вытекает и народность самой цивилизации» [958, № 8, с. 570]. Вообще Н. И. Хлебников считал необходимым условием существования цивилизации её народный характер, подчёркивая, что «народность есть необходимое орудие для бытия цивилизации» [958, № 8, с. 570]. Цивилизационное развитие народа, по его мнению, «выражается в развитии религиозного мировоззрения; в изменении форм экономического устройства; в открытии законов, управляющих природою, и применении их к потребностям и пользе ежедневной жизни; в умственной культуре»; в искусстве; «в нравственной культуре, в гуманизации, в развитии человечности»; «в передаче чрез

...общественное и частное воспитание результатов мысли одного поколения другим поколениям; наконец, в развитии государства, т. е. в стремлении самым прочнейшим образом посредством закона и власти обеспечить за каждым лицом возможность свободной умственной, нравственной и экономической деятельности, поскольку эта свобода согласна с общим благом, а не выражается в произволе и эксплуатации» [959, с. 214]. Отметим, что Н. И. Хлебников именно интересы человека, условия его человеческого существования выдвигал главным критерием оценки любой цивилизации.

Оригинальной новацией Н. И. Хлебникова стало обоснование деления цивилизаций на три типа: чувственные, утилитарно-реалистические, идеалистически-религиозные [958, № 9, с. 613]. Историк, опираясь на идеи О. Конта, разработал собственную классификацию цивилизаций и её критерии.

Основным признаком чувственных цивилизаций учёный называл «чувственные потребности человека», когда «чувственную любовь возводят к божеству» [958, № 9, с. 613]. Учёный выделял такие чувственные цивилизации: ассириовавилонская, финикийская, карфагенская в древнем мире; магометанская и мормонская в новое время [958, № 9, с. 613–615].

Характерными чертами утилитарно-реалистических цивилизаций, по мнению Н. И. Хлебникова, были «свобода наслаждения, регулирующаяся... государственной пользой» и деспотическая форма государственного устройства [958, № 9, с. 615]. К этому типу цивилизаций он относил древнегреческую (в отдельные периоды своего существования), финикийскую, карфагенскую, монгольскую, китайскую [958, № 9, с. 616–618].

Идеалистически-религиозным цивилизациям, с точки зрения Н. И. Хлебникова, были свойственны «более или менее сильное или глубокое отрицание чувственности и узко практических жизненных интересов во имя духовных, идеальных понятий» [958, № 9, с. 623]. К идеалистически-религиозным цивилизациям учёный относил такие, как зороастрийская, индусская, еврейская, христианская [958, № 9, с. 623–630].

Под влиянием закона трёх стадий О. Конта Н. И. Хлебников выделял три этапа развития народной цивилизации: эпический, лирический и драматический [957, с. 166]. Эпический пе-

риод историк определял как «период господства обычая» и при этом «индивид ещё всецело погружен в общенародную жизнь, не имеет личного нравственного сознания» [957, с. 165]. Для второго периода развития народной цивилизации характерна «самобытная критика условий», хотя ещё отсутствует «сила воли и решимость сознательно противопоставить ему своё личное убеждение» [957, с. 165]. В драматический период развития народной цивилизации, по мнению историка, «индивид свою волю и своё мнение открыто противопоставляет народной культуре, народному убеждению, опираясь на партию единомышленников, или даже одиноко уверенный в силе и истине своего индивидуального нравственного сознания» [957, с. 165–166].

Н. И. Хлебников показал развитие цивилизаций как диалектический, исторически обусловленный процесс замены одного типа цивилизации другим: «Падение цивилизации выражается в том, что высшая по существу цивилизация принимает формы низшей цивилизации» [958, № 9, с. 632]. По его мнению, «свободная, идеалистическая цивилизация при своём падении принимает формы утилитарно-реалистической цивилизации»; а утилитарно-реалистическая цивилизация в период слабости государственной власти и законов «может принять формы чувственной цивилизации» [958, № 9, с. 632]. Идеалистическая цивилизация Древнего Рима со времён правления Цезаря и первых императоров, например, стала утилитарно-реалистической [958, № 9, с. 632].

Цивилизация в понимании позитивистов была прежде всего явлением духовного мира, а потому мало зависела от внешних природных или материальных условий. Часть историков Украины исследуемого времени (среди них М. Н. Петров [16, л. 10б.–2, 4], В. Г. Ляскоронский [187, л. 1–10б.; 691, с. 168–169, 202]) поддерживала Г. Т. Бокля и других сторонников географического детерминизма в признании географического главным или одним из ведущих факторов цивилизационного развития. М. Н. Петров критерием успешного развития цивилизации считал такое состояние вещей, когда «человек не покоряется уже безусловно силам внешней природы, как бывало некогда, но начинает всё более и более подчинять их себе и господствовать над ними» [16, л. 4]. Между тем другие историки (среди них М. М. Ковалевский [567, с. 294]) считала

ошибкой и преувеличением попытки Г. Т. Бокля объяснить специфику исторического развития Англии главным образом влиянием климата и других факторов природы.

В исторических трудах учёных-позитивистов украинских земель приводились многочисленные примеры того, как особенности географической среды или воля законодателя влияли на развитие общества. А. С. Трачевский, в частности, считал, что самые лучшие (географические, демографические, производственные) условия для прогрессивного развития страны созданы в США [896, кн. 11, с. 131].

Другие историки-позитивисты (среди них В. Е. Данилевич [124, л. 10; 126, л. 7–9]) выступали против преувеличения влияния географических факторов на развитие цивилизации.

Попытки объявить материальные факторы цивилизационными критериями были немногочисленными. В частности, М. И. Туган-Барановский считал, что «прогресс цивилизации может вполне измеряться успехами материальной культуры» [901, с. 114].

Под влиянием идей социализма, но с ссылкой на «позитивную историческую науку» М. П. Драгоманов определял цивилизацию как «процесс интернациональный и интерклассовый, хотя она и закончится определённо тем, что не будет классов, а может и национальности» [447, с. 264].

Подобные оценки цивилизации поддерживали и польские учёные. «Образование, – по словам Л. Финкеля и С. Глабинского, – является мерой морального и материального прогресса общества. Образование в общественной жизни является не только духовной потребностью человека, а и одновременно настоящим источником для получения материального благосостояния. Образование является также конечным политическим условием зрелости народа» [1017, с. 52].

Противопоставление цивилизационного Запада и варварского Востока (в частности России) наблюдаем и в труде «О социологической трактовке истории» А. Шелонговского [1126, с. 15]. Конфликт «русинов» с поляками в Галиции он объяснял именно разницей культур [1126, с. 15].

Теория кругооборота локальных цивилизаций была выдвинута английским историком и социологом А. Дж. Тойнби позже (три первых тома «A Study of History» опубликованы

в 1934 году) и потому не могла по понятным причинам оказать влияние на развитие цивилизационных теорий на Украине в отмеченное время.

Таким образом, линейно-стадиальная концепция цивилизационного развития, разработанная историками-позитивистами Украины, составляла новый этап развития цивилизационной теории. Содержание позитивистской трактовки цивилизации было обусловлено эволюционным подходом.

Учёные определили условия, сущность и критерии оценки развития цивилизаций, осуществили их классификации и сформулировали периоды развития народной цивилизации. Позитивистская концепция цивилизации приобрела популярность в кругу либеральных историков, которые трактовали исторический процесс как поступательное развитие народной (национальной) или мировой цивилизации или как необходимую и последовательную смену одних видов цивилизации другими. Цивилизационный подход ориентировал учёных на изучение в первую очередь духовной культуры. Цивилизация в трактовке историков-позитивистов была прежде всего развитием знаний и морали.

Наиболее яркий след в разработке цивилизационных концепций оставил Н. И. Хлебников. Основой классификации цивилизаций и периодизации их развития он выбрал преимущественно идеалистические критерии, в первую очередь развитие сознания. Историк показал мировой исторический процесс как необходимую и последовательную смену одних типов цивилизации другими. Кроме того, он объявил развитие народности главным условием и критерием развития цивилизации.

3.4. Новое понимание закономерностей исторического процесса

Проблема законов и закономерностей исторического процесса была и оставалась важной теоретической составляющей исторических исследований. Теологами и объективными идеалистами общественные законы рассматривались, как правило, в контексте осуществления божьего провидения.

Фундатеры позитивизма показали отличный от теологов

и философов-идеалистов подход к пониманию общественных законов и закономерностей. В основу позитивистского понимания были положены не сверхъестественные силы, а факторы человеческой жизни. Преобладающее большинство исследователей Украины 1860-х – 1920-х годов, за исключением представителей богословия, искало в противовес религиозно-мистическим рациональные факторы общественного развития.

Хотя определённые элементы объективной философии сохранялись в трудах предпозитивистов. Именно о частичной рецепции идей позитивизма свидетельствует утверждение А. П. Рославского-Петровского о существовании законов, «управляющих судьбами человеческих обществ» [817, с. 1]. Он отрицал возможность влияния на общественные законы даже со стороны выдающихся лиц. Последние, по его мнению, «не в силах изменить законы истории», но от них зависит «дать сим законам наиболее выгодное для себя направление» [816, с. XLVI]. Учёный уточнял: «Индивидуальная деятельность только тогда может быть плодотворной и прочной, когда она находится в гармонии с этими законами, и... всякое отступление от них отзывается болезненно в обществе, составляя зло, вызывающее соответствующую ему реакцию» [816, с. XLVII]. В другой книге он делает комментарий в гегелевском духе: «В истории, где царствует свобода, не все явления могут быть подведены под общие законы... некоторые из них поражают наблюдателя своей прихотливой своеобразностью» [817, с. 6].

Предпозитивисты отрицали наличие исторических законов, которые отстаивал Г. Т. Бокль. Лидер Харьковской историко-юридической школы Д. И. Каченовский в 1862 году признавал, что в обществе действуют «правильность и последовательность», а не законы [525, с. 59].

М. Н. Петров считал, что точных и общих исторических законов, «которые способны были бы сделать человека господином своей будущности» не существует, «если не считать таким неизбежную логическую связь и сцепление событий» [761, с. XIV]. К законам общественного развития харьковский историк относил социологические и психологические за-

коны [762, с. 8], а историческим назвал только закон общественного прогресса [761, с. XV; 762, с. 9]. Кроме того, открытые Г. Т. Боклем на примерах по истории Франции, Англии и Шотландии исторические законы М. Н. Петров считал не общими для всей всемирной истории, а только принятыми для отдельных её периодов [761, с. XIII–XIV; подобное суждение: 762, с. 6–8]. Тезис Г. Т. Бокля об «отрицании свободной воли» М. Н. Петров считал «одним из самых трудных и спорных положений» английского исследователя [761, с. XIII].

Относительно методологии поиска общественных законов он указывал, что «законы нравственного мира существенно отличаются от законов физических своею свободою и не имеют характера строгой необходимости и точности, а следовательно, и индуктивный метод не может быть с успехом приложен при их исследовании» [762, с. 8].

М. Н. Петров неоднократно критиковал тех историков, которые характеризовали исторический процесс как совпадение случайностей [762, с. 6]. Поэтому он уважал попытки позитивистов «открыть законы, управляющие ходом истории, законы, без которых история всегда останется сборником полезных и интересных сведений, но никак не наукой» [762, с. 6; такое же суждение: 761, с. XI].

Специалисты смежных с историей наук также пытались найти исторические законы. Киевский историк государства и права М. Ф. Владимирский-Буданов выделял такие «законы исторической жизни»: последовательности явлений, усовершенствования (прогресса), неповторяемости явлений, сходства явлений [316, с. 3–4]. Харьковский историк искусства Ф. И. Шмит называл законом «неразрывную связь между явлениями» [967, с. 3].

Хотя позитивисты украинских земель давали разную трактовку понятия «закон», но в своём большинстве они подчёркивали причинно-следственную составляющую и повторяемость исторических фактов.

М. П. Драгоманов считал, что главный признак законов истории состоит в том, что «известные явления исторические повторяются при известных условиях» [443, с. 174]. При этом он допускал возможность прекращения действия того

или другого исторического закона: «Известные явления повторяются с меньшей силой или совсем перестают повторяться, потому что известные условия для них ослабевают или перестают существовать» [443, с. 174–175]. Подобную мысль встречаем и у М. В. Довнар-Запольского [425, с. 1].

Одновременно позитивисты высказывали определённые замечания о предложенных О. Контом и Дж. Ст. Миллем законах. Самое большое внимание учёных вызвал сформулированный О. Контом закон трёх стадий общественного развития. В. Б. Антонович его полностью поддержал: «Прогресс – знание: теология, метафизика, позитивы» [143, л. 6]. А М. М. Ковалевский отрицал универсальность закона трёх стадий [570, с. 238]. Сформулированный Дж. Ст. Миллем закон противодействия причин М. М. Ковалевский считал недостаточно доказанным: «В силу этого закона известный общественный результат не может быть объяснён указанием на одновременно встречаемые причины, так как эти последние могут действовать не согласно, а наперекор друг другу. Последствия могут быть таким образом результатом столько же разности, сколько и суммы данных воздействий» [572, с. X].

Более критические комментарии о контовском законе трёх стадий высказывали учёные с другими мировоззренческими позициями. Богослов П. И. Линицкий считал социологические законы выдумкой, поскольку «в глазах мало образованных невежественных людей» они «получили значение действительных законов, научно установленных» [662, с. 207]. Философ А. А. Козлов также считал сформулированный О. Контом закон необоснованным [585, 1893, кн. 16, с. 45]. Неокантианец Е. Н. Щепкин характеризовал закон О. Конта о трёх стадиях, как «не закон, а схему того, что совершалось единожды» [969, с. 294]. По его мнению, «схема О. Конта не предполагает повторяемости тождественных явлений» [969, с. 294].

Позитивисты пытались доказать именно причинно-следственный характер исторического процесса. В. С. Иконников подчёркивал казуальный характер исторических законов: «Законы исторического развития одинаковы; потому что одинаковые причины производят одинаковые следствия. Но применение их может быть различное, а это зависит уже

от условий страны, на которые поэтому и следует обратить внимание» [491, с. 22]. В. К. Пискорский подчёркивал, что при анализе исторических явлений обобщения проводятся с целью «установления не законов, а причинной зависимости и типичных форм общественного развития» [789, с. 7]. Н. А. Оболонский высказал типично позитивистский тезис о «безусловном господстве закона причинности» [737, с. 5].

При этом позитивисты делали оговорки. П. Н. Ардашев писал, что «случайность, не противоречащая причинности», «относительная, а не абсолютная» [103, л. 148]. В. В. Новодворский подчёркивал отличие исторической причинности от природной [735, с. 15]. На относительности деления явлений на причины и последствия настаивал И. В. Лучицкий: «В жизни народов происходит постоянное взаимодействие как причин и следствий, так и всех элементов общественной и умственной жизни» [690, 1868, № 12, с. 1].

Наиболее ярко новые подходы к изучению истории как закономерного процесса воплотились в исследованиях европейской истории. Последовательными сторонниками идеи исторических закономерностей и отдельных социологических законов были профессор Киевского университета И. В. Лучицкий [678, с. 45] и его ученики (в т. ч. Е. В. Тарле [883, с. 432]).

Однако повторяемость исторических фактов (событий и явлений) не является достаточным доказательством существования исторических законов. Нужно доказать взаимосвязь локализованных в пространстве и времени исторических фактов.

Значительная часть учёных, живших в то время на украинских землях (среди них В. Г. Авсеенко [189, т. 148, № 5, с. 12], Н. С. Гольдин [346, с. 7], М. П. Драгоманов [443, с. 173], В. С. Иконников [491, с. 22], А. И. Стронин [866, с. 70], А. С. Трачевский [896, кн. 11, с. 128], Ф. И. Успенский [909, с. 1–2], И. Я. Франко [924, с. 94 и др.], Ф. И. Шмит [967, с. 1]) признавала существование исторических законов или закономерностей, часто подчёркивая при этом важность их поиска. В. Г. Авсеенко, например, признавал «известного рода последовательность», которая доказывает «присутствие известных социальных и исторических законов» [189, т. 148, № 5, с. 12].

О важности поиска законов также свидетельствует следующее определение науки И. П. Житецкого: «С более узкой точки зрения задача науки – открытие законов сущего, с более широкой – систематическое знание» [113, л. 1].

С. М. Дубнов главную задачу историков усматривал «в уяснении (путём изучения фактов и впечатлений прошлого) общих законов развития данной личности или данного народа. Основное начало здесь – законосообразность (психологическая – в развитии личности, историческая – в развитии народа); конечная цель – самопознание» [455, с. 3].

Убеждение преобладающего большинства учёных в существовании законов общественного развития – характерный признак мировой исторической науки исследуемого времени. Как справедливо указывал А. Н. Нечухрин, «историки-позитивисты могли спорить о характере этих законов, о том, выявлены ли они, либо это дело будущего, о том, какая конкретно наука их открывает – история, социология или психология; само же существование законов было священным принципом, догматом веры, из которого исходил всякий исследователь» [1531, с. 20].

Критическое (иногда скептическое) отношение историков-позитивистов к возможности установления общественных законов, поиск именно закономерностей исторического процесса было характерным признаком историографии на Украине исследуемого времени, более того – одним из главных элементов позитивистской модели историописания. Существование закономерностей общественного развития признавал И. А. Линниченко, подчёркивая при этом свободу воли и выступая против жёсткого детерминизма в исторических исследованиях [32, л. 7–8 об.]. Признавая только закономерности исторического развития, Н. С. Гольдин считал, что «исторические законы и не будут открыты вследствие их... сложности» [346, с. 7]. В. К. Пискорский признавал только известную закономерность общественного развития [789, с. 7]. Закономерный характер исторического развития Ф. И. Успенский обосновывал тем, что «в области безмерно накопившихся фактов и наблюдений над жизнью человеческих обществ, существуют известного рода последователь-

ность и закономерность, которая заставляет думать об общих законах, управляющих всемирной историей» [909, с. 1–2].

Историки-позитивисты давали разные определения понятия «закономерность». Закономерность исторического процесса, по убеждению И. В. Лучицкого, состоит в том, что историки наталкиваются «на одни и те же, уже давно нам знакомые факты», «неизменно и неизбежно повторяющиеся» [679, с. 59]. В качестве исторических он предложил использовать психологические законы [690, 1868, № 11, с. 35; сравнить: 681, с. 5, 17].

Д. И. Багaley, как и другие представители модернизированного позитивизма, отрицал существование исторических законов. Свою позицию он обосновывал так: «Закон есть выражение постоянного отношения между двумя одновременными или последовательными явлениями; для того, чтобы открыть его, необходимо иметь ряд повторяющихся в неизменной связи однородных явлений» [241, с. 14]. Считая исторический процесс последовательной сменой «явлений, которые даются нам в данной совокупности только один раз», он утверждал, что «исторические законы – это химера» [241, с. 14]. Поэтому, по мнению учёного, в истории действуют только закономерности социологические и психологические, а потому «можно и нужно говорить о законах социологии, но не истории» [241, с. 14]¹⁹⁴. Д. И. Багaley выделял такие признаки законов: причинность исторических явлений; их неповторность; прогресс; единство истории [241, с. 15; подобное суждение: 245, с. 13]¹⁹⁵.

Д. М. Петрушевский под понятием «закономерность» понимал «сходство основных процессов, происходящих в отдельных человеческих обществах в их историческом развитии, и общественных форм, которые этими процессами вырабатываются» [773, с. 82].

Путаница характерна для пособия Л. П. Крутлюкова: «Существует известная закономерность исторических явлений...

---

194 Характерно, что этот фрагмент практически полностью повторен в его книге советских времён [245, с. 12].

195 Фактически речь идёт о закономерностях общественного развития, ибо Д. И. Багaley, как отмечалось выше, отрицал существование исторических законов.

Жизнью человеческих обществ всегда управляли и управляют определённые законы, причинные (в области событий) и эволюционные (в области форм)» [620, с. 4]. Однако, как считал автор, эти законы ещё точно не установлены [620, с. 4], что свидетельствует о признании незаконченности поиска исторических законов (и/или закономерностей). Как видно из приведённой цитаты, Л. П. Кругликов разделял исторические законы (закономерности) на казуальные и эволюционные. Подобный подход продемонстрировал Ф. И. Шмит [967, с. 3].

Одновременно в научной литературе встречается отрицание существования эволюционных общественных законов. Вслед за Г. Тардом С. И. Гальперин считал эволюционные законы Г. Спенсера (размножения сил и неустойчивости однородного) условными и недоказанными [325, с. 43–44].

О. Конт и Г. Спенсер, как уже отмечалось, выступали за формулировки исторических законов, которые были бы подобными законам в естествознании. В исторической науке Украины исследуемого периода общепринятым стало сравнение, а иногда и использование законов естествознания. Молодой И. В. Лучицкий, например, видел задачи биологов в открытии общих законов жизни, а социологов – в открытии законов всех видов социальной деятельности [681, с. 18].

Основой прогресса и регресса в обществе А. И. Стронин считал биологический закон скрещивания [868, с. 164], а общим политическим законом называл закон «впечатления и рефлекса» [868, с. 164, 203]. Полтавский учёный главным законом (не только экономическим, а и социологическим) называл закон соединения и распределения труда. Он дополнил этот закон понятиями из физико-математических и естественных наук: акции и реакции, действия и противодействия, силы и сопротивления [868, с. 136–164]. А. И. Стронин разработал собственную схему исторических законов [866, с. 160–168]. При этом он графически показал вертикальными, диагональными и горизонтальными линиями родство этих законов [866, с. 160–166].

Одновременно часть историков выступила против отождествления законов природы и общества. Учёные, особенно в конце XIX – в начале XX вв., критиковали позицию О. Кон-

та и Г. Спенсера, подчёркивая, что история не является механической системой законов подобно ситуации в естественных науках. В. К. Пискорский отрицал подобность законов природы и истории. «Закон, – объяснял он, – есть обобщение целого ряда тождественных явлений; он выражается в свойстве данного явления повторяться бесконечное число раз. Но в истории тождественных явлений не бывает» [789, с. 7].

Лишь закономерности исторического процесса признавал Е. В. Тарле, подчёркивая, что законы действуют только в естествознании [872, с. 1–2].

За перенесение законов природы на общество критиковал Г. Т. Бокля П. Н. Ардашев. Он подчёркивал, что исторические явления не подобны химическим или физическим [233, с. 15–16]. Кроме того, историк считал формулировки исторических законов Г. Т. Боклем в общем неудачными [233, с. 15]. Как и преобладающее большинство других историков-позитивистов украинских земель начала XX в., П. Н. Ардашев подчёркивал, что в обществе действуют не исторические законы, а исторические закономерности [233, с. 17]. Такую позицию он обосновывал тем, что в истории не действуют два главных признака научного закона: безусловность (нет исключений); закон объясняет единичные явления. Отсюда учёный делает логичный вывод в духе Дж. Ст. Милля: «Эмпирических законов, т. е. обобщений известных фактов, можно сделать в истории сколько душе угодно, но эти quasi-законы не имеют ничего общего с научными законами и с понятием закономерности» [233, с. 17].

Такого же мнения придерживался и М. Н. Бережков: «Исторические законы, – подчёркивал он, – суть, так сказать, приблизительные только обобщения, и далеко не похожи на точные законы наук естественных» [256, с. 4].

Учёные, проживавшие в подавстрийской Украине, также не пришли к согласию о понятиях «исторический закон» и «закономерность». М. С. Грушевский, например, больше использовал термины «закономерность», «тенденция», «аналогия», чем «закон». Позже, в эмиграции он пытался избегать даже слова «закономерность», используя в труде «Початки громадянства (генетична соціологія)» термины: «тенденция», «солидарность», «общность», «ритм». Учёный

подчёркивал, что «солидарность» «всегда и везде, во всех краях и у всех народов» [389, с. 29 и др.]. Поиск общественных законов или закономерностей М. С. Грушевский считал неоконченным, ибо «сколько бы не представлялось таких „социальных законов” в абстракции, в какой-то алгебраической формуле, всё таки в реальных обстоятельствах жизни, в непрерывной прогрессии сложности и скомплектованности его факторов всегда будет оставаться сомнение: все ли данные, участвовавшие в данном социальном моменте, действительно взяты на учёт? Или какой-то фактор, оставшись вне учёта, не изменит ли своим влиянием результата наиболее неожиданным способом?» [389, с. 39].

Одновременно историки-позитивисты, как правило, выступали против жёсткой обусловленности развития общества законами и закономерностями. М. С. Грушевский заявлял по этому поводу: «Я не поклонник идей исторического фатализма и не думаю, чтобы определённые влияния исторического процесса неизменно, как первородный грех, влияли потом до окончания века на жизнь данного народа, как его фатум. Я верю в большую силу самоопределения коллективного человека, человеческого общества и в широкую сферу делания его самоопределения» [387, с. 63]. Позже он опять подчёркнул большую роль отдельных социальных групп и лиц в историческом процессе. В «Початках громадянства» учёный писал об «автоматичности и механичности социального процесса, его независимости от человеческой воли» [389, с. 36].

М. С. Грушевский развил идеи Г. Спенсера, Ч. Дарвина, Г. Тарда об общественных закономерностях. «Постоянные повторения определённых взаимоотношений между явлениями» он называл «тенденциями определённой единой эволюции» [389, с. 42]. При этом эволюционные виды закономерностей учёный повышал до статуса эмпирических законов. «В человеческом обществе, – писал он, – работают такие биологические законы, как самозащиты рода, постоянной дифференциации, наследственности, выживание наиболее приспособленных и т. д. Можно указать аналогичные с ними „законы психологические” – скажем, „наследования” и выбора, „законы экономические”, как зависимость спроса и пред-

ложения, разделение труда, и т. д. Они творят причинность и внутреннюю необходимость в границах каждой из этих функций, которая даёт возможность конструировать действительную науку» [389, с. 42–43]. Таким образом, он развил распространённые в европейской, прежде всего немецкой, науке исследуемого времени идеи объяснения исторических явлений с помощью закона психологии.

М. С. Грушевский считал, что недостаточно математическими законами объяснять общественные явления. Вслед за П. Л. Лавровым он разделял казуальные законы в физике, эмпирические законы в биологии. По убеждению М. С. Грушевского, казуальные законы не могут действовать в социологии. Учёный отличал понятие закона в социологии и правоведении. Историк считал, что при перенесении понятия «закон» из юридической науки в другие выпали такие элементы, как воля, цель и нравственная обязанность [389, с. 36–37]. М. С. Грушевский чётко отделял общественные закономерности от законов природы [389, с. 36]. Он поддерживал точку зрения Дж. Ст. Милля, который выступил против отождествления законов природы и общества.

Однако часть украинских историков Галиции поддержала использование законов естествознания в исторической науке. В частности, И. Я. Франко разделял мнение о подобии законов природы и общества, подчёркивая возможность применения законов природы к организации человеческой жизни: «Выражая везде единство природы, единство её законов во всех самых разнородных проявлениях, науки естественные подтянули и человека, и общность человеческую под те самые законы, научили его считаться заодно с природой, её прямым сочинением, фазой в развитии общеприродной жизни» [924, с. 79]. И. Я. Франко также выступил за то, чтобы «те самые законы биологические, открытые в зоологии, смело применены и к человеку, к общности человеческой со всеми её материальными и духовными достижениями» [924, с. 82].

Достижением позитивистской историографии И. Я. Франко называл признание ею закономерностей исторического прогресса: «Вместо того, чтобы признавать двигателями исторического прогресса человечества отдельных завоевателей

и монархов, показали, что тот прогресс и монархи, и завоеватели вместе с ним зависят от предыдущих и современных экономическо-политических отношений, что также всё человечество в своём историческом развитии подчиняется определённым естественным устойчивым законам, а не капризам и прихотям отдельных людей» [927, с. 25].

Более того, И. Я. Франко считал недостаточным утверждение об историческом процессе как «однотяглом и непрерывном прогрессе», лучше «стать на высшую точку зрения – общей эволюции» [924, с. 81]. Учёный выделял разные виды общественного прогресса: «развитие народности» (язык, обычаи, быт), экономический, общественный, образовательный [939, с. 356].

Историки-позитивисты, отрицая действие законов природы в обществе и существование отдельных исторических законов, были убеждены в существовании социологических и/или психологических законов.

П. Н. Ардашев писал, что в обществе действуют только законы психологии и биологии. Он исторические закономерности сводил к законам психологическим, считая, что «только законы, лежащие в основе этих процессов, могут служить и объяснению исторического процесса» и что «всякая же попытка формулировать исторические законы как особые, самодовлеющие законы, неизбежно всегда будет разрешаться формулировкой более или менее произвольных обобщений, которые, ничего не объясняя, сами будут нуждаться в объяснении» [233, с. 27].

По убеждению Д. М. Петрушевского, не исторические, а только социологические законы выступают как «постоянные, безусловно необходимые, вневременные и внепространственные соотношения между явлениями» [775, с. 15].

В. В. Лесевич также отрицал существование исторических законов вообще [647, с. 170–172]. Исследователь выступил за то, чтобы историю общества изучали с помощью только социологических и биологических законов [650, с. 379]. Поиск законов он провозглашал главной задачей социолога, а не историка [652, с. 172].

Уже открытым социологическим законом Е. В. Тарле признавал общественную эволюцию. Последнюю он тракто-

вал как «закон движения, общей всей органической и неорганической жизни» [883, с. 432].

С 1880-х годов всё чаще историки-позитивисты украинских земель стали избегать использовать термин «закон». Более характерным для исторической науки на Украине стало использование термина «закономерность» вместо «закон».

Учёные-неокантианцы, работавшие на украинских землях, отрицали существование исторических законов, считая, что в обществе действуют только законы психологические. Б. А. Кистяковский считал доказательством отсутствия исторических законов эволюционный характер исторического процесса: «Эволюция всегда предполагает ряд явлений или процесс, протекающий в более или менее продолжительном времени, а следовательно, и в пространстве. Между тем закон есть безусловно необходимое соотношение между явлениями [разрядка текста автора – Б. Е.]» [529, с. 149].

В связи с тем, что историки «не могут произвести опыт», Е. Н. Щепкин пришёл к такому выводу: «Историческая жизнь и историческая наука не имеют никаких особых законов, индуктивных по методу их установления» при «отсутствии вполне тождественно повторяющихся событий» [969, с. 278]. Е. Н. Щепкин уверен, что «историк не в состоянии ничего предсказать с достоверностью», а «цель интерпретации – не искание исторических законов и следов их влияния, а прослеживание в событиях действия психологических законов» [969, с. 278–279].

На рубеже XIX–XX веков отрицание существования исторических законов и признание биологических и психологических законов законами человеческого общества стало характерной чертой не только исторической науки Украины, а и в российской¹⁹⁶ и европейской историографии.

---

196 Только закономерности общественного развития признавали и другие учёные России (В. П. Воронцов [302, с. 138]; Н. И. Кареев [514, т. 1, с. 105–106, 113, 125; т. 2, с. 396]; В. О. Ключевский [531, т. 1, с. 380]). Н. И. Кареев был убеждён, что историей мы называем «изменяющуюся во времени совокупность явлений духовной и общественной жизни человека; а эти явления управляются законами, которые должны исследовать психология и социология. Поэтому для научного объяснения истории достаточно законов психологических и социологических, и нет надобности прибегать к открытию специально- исторических законов» [514, т. 1, с. 113].

Учёные, пребывавшие больше под влиянием неоромантизма, чем позитивизма, преимущественно отрицали закономерный характер развития общества. В. К. Липинский усматривал в неоднородности общественной жизни и всех его составляющих свидетельства его случайности (в сравнении с математической определенностью движения небесных светил) [667, с. 361].

Подобная тенденция с 1880-х годов была присуща и польской историографии. А. Шелонговский, например, считал, что «ни единства, ни типичности в исторических явлениях никто до этого времени не начертил, как и формулы для развития общества не открыл» [1126, с. 10].

М. В. Довнар-Запольский выступил за разработку отдельных экономических законов, «закономерное повторение коих мы можем встретить в истории каждого народа» [425, с. 1]. Между тем другие учёные, например Н. И. Хлебников [956, с. 166], отрицали существование отдельных экономических законов.

Таким образом, после 1880-х годов – особенно в начале XX вв., когда среди обществоведов становится более критическим отношение к учению родоначальников позитивизма – характерной чертой трудов историков-позитивистов украинских земель становится использование термина «закономерность» вместо термина «закон».

Под влиянием французской социологической школы в исторической науке на Украине стал популярным разработанный Э. Дюркгеймом и его школой социологический закон солидарности (в трудах М. М. Ковалевского, М. С. Грушевского и его школы).

Таким образом, в исследуемое время украинские учёные работали в русле европейской науки. В частности, следует отметить не просто использование украинскими учёными её идей, а и их дальнейшую разработку, что проявилось, в частности, в признании историческими биологических и психологических законов. Формулирование общественных законов и закономерностей происходило в исследуемый период в основном не дедуктивным (как раньше), а индуктивным методом – путём обобщения конкретного исторического материала. Некоторые учёные Украины пытались сформулировать новые (которых

не знали или не признавали фундаторы позитивизма) законы. Эти попытки (при всей их дискуссионности) способствовали дальнейшему развитию теории исторического процесса.

Исследование подтверждает, что учёные Украины, последователи новых для XIX в. позитивистских идей, активно разрабатывали теорию закономерностей исторического процесса. Они не пришли к согласию об общем определении понятий исторического закона и закономерностей исторического процесса.

Среди позитивистов не было согласия относительно подтверждения самого факта существования специфических исторических законов. Их признавали даже не все «правовверные» позитивисты, считая, что историю общества необходимо изучать с помощью социологических и биологических законов. Выдвижение на первый план в общественном развитии биологических и психологических законов свидетельствовало о признании эволюционного и полифакторного характера исторического процесса.

Поиск закономерностей исторического процесса положительно способствовал развитию исторической науки, в т. ч. отказу от устаревших положений и серьёзному поднятию уровня систематизации и обобщения конкретного материала.

3.5. Взгляды позитивистов на соотношение факторов общественного развития

Историки-позитивисты украинских земель активно разрабатывали теорию факторов общественного развития. Они, как правило, выделяли две группы факторов исторического процесса: внешние (географическое расположение народа, влияние природы, геополитическое положение) и внутренние (экономический, политический, культурный, этнопсихологический) факторы. Позитивисты большей частью считали эти факторы равноправными, хотя признавали отдельные факторы более значимыми в отдельные исторические периоды.

Теория факторов исторического процесса стала важным элементом позитивистской модели историописания. М. П. Драгоманов считал теорию многофакторности одним из

достижений позитивизма: «Жизнь человеческая слишком сложна, чтобы её объяснить только одним элементом» [251, с. 7]. Признание экономики главным фактором общественного развития он называл метафизическим подходом [251, с. 7].

Ярко факторный подход проявился в исследованиях по древнерусской истории. Значительная часть украинских историков поддерживала идею Н. И. Костомарова и В. Б. Антоновича о борьбе в «русской истории» (истории «Юго-Западной Руси») – самодержавного и федеративного (княжеско-дружинного и громадского (вечевого) для удельно-вечевого периода) начал. По мнению В. Б. Антоновича, три элемента¹⁹⁷ (община, дружина, княжеская власть) были между собой в некотором противостоянии: «Власть княжеская относится к двум первым, враждующим силам различно, смотря по месту, времени и обстоятельствам» [221, с. III]. Он считал, что во время монголо-татарского нашествия князь и дружинники разбежались, а община спасла людность и позже создала казачество [221, с. X–XI, XXI–XXIII].

По этому поводу М. В. Довнар-Запольский делал замечание, что В. Б. Антонович исходил «из представления о действии в историческом процессе определённых начал, одни из которых коренятся в основе народной психики, свойственной данной национальности, другие являются привходящими факторами, оказывающими своё могущественное влияние на дальнейшее развитие процесса, даже являющимися причиной коренных изменений народной жизни. Факторы последнего порядка могут возникать из условий внешних, географических или психических... Исторический процесс есть борьба этих начал, создающая в результате новые формы жизни, например, социальный строй, формы государственного строя и т. п., и своё внимание каждый историк обязан фиксировать на изучении этой борьбы и истекающих из неё последствий» [424, с. 275–276].

---

197 На протяжении второй половины XIX в. прослеживается эволюция не только в выборе приоритетных факторов, а и в понимании самого термина. Сначала позитивисты трактовали исторический фактор как общественную силу («фактор-силу», «стихию», «начало», «силу народа»), выступающую то причиной, то последствием событий. Использование этих терминов было общепринятым для учёных того периода [1525, с. 255].

Позже идея В. Б. Антоновича о трёх главных факторах (элементах) древнерусской истории была развита в трудах его учеников. Многофакторный (чаще всего трифакторный¹⁹⁸) подход, с учётом определённых особенностей, присущих отдельным землям, был продемонстрирован во всех магистерских диссертациях учеников В. Б. Антоновича. П. В. Голубовский в диссертации по истории Сиверской земли называл те же три фактора: вече, князь, дружина. Он писал: «Брожение основных элементов русской жизни – вече, князя и дружины – не могло... прекратиться и должно было идти своим историческим путём, пока не одержал бы окончательно один из них победу или, что крайне сомнительно, обессиленные, они слились бы во что-нибудь гармоническое целое» [342, с. 189].

Ещё в студенческой работе М. С. Грушевского «Отношение вече к княжеской власти в удельный период русской истории» прослежено борьбу этих трёх начал древнерусской истории [68, л. 8–10].

В другой работе «Очерк истории Киевской земли» М. С. Грушевский связывал политическое единство земли с появлением дружинного элемента. Учёный объяснял отсутствие проявлений социальной борьбы после смерти князя Ярослава Мудрого лёгкой победой княжеско-дружинного фактора над общинным самоуправлением [365, с. 290]. Ограничение прав громады и вече прошло, по его мнению, без борьбы, ибо «дружинный элемент не пришёл здесь извне, но развился на месте, из исторических условий жизни самой полянской общины» [365, с. 292]. С постепенным отчуждением княжеско-дружинного элемента от общественно-го «население окраинных областей задумало воспользоваться им [татарским игом – Б. Е.] для того, чтобы освободиться от дружинного строя, от княжеской централизации и в непосредственной зависимости от татар восстановить первоначальный строй мелких автономных общин» [365, с. 450].

---

198 Трёхфакторная модель применялась и представителями государственной школы. «В развитии народа, – утверждал лидер этой школы [на самом деле направления – Б. Е.] С. М. Соловьёв, – могущественно участвуют три условия – природа страны, природа племени и воспитание» [837, 1871, № 12, с. 743; подобное суждение: 838, с. 1].

Позднее М. С. Грушевский даёт более сложное понимание факторов исторического процесса. В «Исторії України-Руси» он выдвигал другую фундаментальную триаду «территория – государство – народ», в которой основным элементом был народ. С эволюцией взглядов учёного от народнических к государственно-общественным роль народа в его исторической концепции изменяется. Учёный всё больше подчёркивал пользу государственных институций.

Часто М. С. Грушевский при анализе конкретных исторических фактов не придерживался трёхфакторной модели историописания, отмечая большое количество факторов общественной жизни: «Факторы жизни выступают в необычном разнообразии и численности, и нелегко выбрать в соответствующей полноте моменты, нужные для понимания нам эволюции жизни и представить их в соответствующей пропорции их влияний и значения» [381, т. 5, с. VI]. Применение полифакторной модели историописания позволяло более объемно исследовать исторический процесс.

Как и большинство историков-позитивистов, М. С. Грушевский фактически придерживался не трифакторной, а полифакторной модели исторического процесса. Особое внимание он уделял религиозному фактору, отмечая его значимость не только в украинской истории XVI–XVII веков, а и для более ранних периодов. Учёный подчёркивал «огромнейшее значение религиозной мысли – этой психологической надстройки жизни», для разработки «предзаконного права», или «племенного обычая – предшественника позднейшего права классового государства» [389, с. 137]. Анализируя обстоятельства принятия Брестской унии 1596 года, М. С. Грушевский писал о религиозном факторе так: «Церковные отношения на переломе XVI и XVII вв. (а моментами и скорее) стают тем фокусом, в котором собираются политические, национальные, а даже и общественные соревнования украинско-русской народности, и церковными лозунгами прикрываются потом соревнования и течения в основе предмета совсем далекие от чисто церковных интересов» [381, т. 5, с. 385].

В лекциях М. С. Грушевский рассматривал и спенсеровскую классификацию факторов. Он поддерживал деление исторических факторов на внешние и внутренние, которые,

в свою очередь, вслед за Г. Спенсером разделял на первичные и вторичные [8, л. 97]. Однако эта классификация опосредованно присутствует в его трудах.

Разномерность влияния факторов на общественную жизнь учёный связывал с разнообразием исторических обстоятельств. Для истории Украины XIV–XVI вв. М. С. Грушевский признавал преимущество политических факторов в сравнении с другими: «При той преимущественно вполне пассивной роли, которую играл украинский народ в этих столетиях (XIV–XVI), и общественно-политические отношения, а даже и уклад экономической жизни в большей мере зависел от влияний политических событий, развивавшихся вне Украины, от общественно-политических форм чужих, украинскому народу навязанных» [381, т. 6, с. 1].

Г. А. Максимович считал, что в процессе изучения конкретной эпохи можно было выделить «те факторы, которые были более или менее доминирующими в данной эпохе. Таким образом, получится не одна какая-либо причина, а *целый комплекс* [курсив автора – Б. Е.] причин взаимно действующих и переплетающихся» [695, с. 6].

Руководящая идея сочинений М. М. Ковалевского состояла в невозможности выделить какой-либо из факторов центральным для всего процесса развития человечества [572, с. VII–VIII, XIII–XIV, 288; 575, т. 1, с. 114; т. 2, с. 19]. Он одобрял мысль О. Конта о ненужности «обособленного изучения одной какой-либо стороны народного быта» и называл её установленной истиной [578, с. 28–29]. Вслед за О. Контом М. М. Ковалевский считал метафизической (т. е., с точки зрения любого непреклонного историка-позитивиста, устаревшей и ошибочной – Б. Е.) постановку вопроса о выделении одного фактора как ведущего [572, с. VIII]. Вместе с тем учёный признавал преимущество того или другого фактора (религии, экономики, политики, науки, морали, права) в отдельные исторические периоды. Критерием выделения ведущего фактора он считал поточные потребности общества в отдельный исторический период [564, т. 3, с. 245].

М. М. Ковалевский (как он сам подчёркивал – вслед за О. Контом) дал такую классификацию факторов: «Феномены

экономические, затем генезические [семейные – Б. Е.], эстетические, нравственные, религиозные, научные и... юридико-политические» [572, с. VIII]. М. М. Ковалевский также указывал, что «следует говорить не об одностороннем влиянии, а о воздействиях, взаимно оказываемых друг на друга всеми явлениями, из которых слагается общественная жизнь, и не о руководящих факторах – экономическом, правовом, государственном, научном, художественном и т. д., а о стоящих в тесном общении фактах и явлениях общежития» [575, т. 1, с. 115].

М. В. Довнар-Запольский определял многофакторный подход как главный принцип методологии исторических исследований [428, с. 28]. Он выделял такие ведущие факторы: государство, право, религия, мораль, литература, народная психика [424, с. 264].

А. И. Стронин называл элементами общественной жизни веру, знания, промышленность, политическую жизнь, искусство [866, с. 33].

Н. С. Гольдин различал такие факторы: природа, движение населения, сам человек, хозяйственное устройство, рост уровня знаний, деятельность выдающихся лиц [346, с. 7–9].

Идеи французских и российских учёных оказали огромное влияние на выделение географического фактора как одного из главных элементов исторического процесса. Ещё до доминирования идей позитивизма в исторической науке большинство учёных считало украинские земли географическим рубежом между Востоком и Западом, что серьёзно повлияло на обстоятельства жизни местного населения. В русле западноевропейской (Ш. Л. Монтескье) и общероссийской (М. М. Лунин, А. П. Рославский-Петровский) научной традиции географического детерминизма некоторые историки считали именно географический фактор определяющим (особенно для первобытного строя).

Среди историков некоторые учёные придерживались географического детерминизма в объяснении всех исторических явлений, другие же считали географический фактор важным только для древних времён. М. Н. Петров определял географический фактор ведущим для раннего периода всемирной истории. Он считал, что умеренный климат больше способ-

ствуует развитию культуры, чем полярный или тропический [762, с. 19].

Н. И. Костомаров считал географические условия важным фактором обособления отдельных народностей: «Географическое положение было первым поводом различия народностей вообще» [605, с. 34].

М. П. Драгоманов признавал также важность географических условий для древней истории славян: «История каждого народа обуславливается географией страны, какую он занимает» [437, с. 14]. По его оценке не лучшие земли «достались почти всем славянам, в т. ч.... полякам, белоруссам, украинцам и великоруссам. Равнинный характер страны манит её жителей к распространению вширь. Нитями собирательными служат только реки... рубежи народов, их населяющих, перепутываются между собою» [437, с. 14–15].

В. Б. Антонович не признавал географический фактор ключевым, однако не отрицал «влияния природы на характер народа, его промыслы, деятельность, направление колонизации, торговые пути, влияние на государственность» [93, л. 3 об.].

Ученики В. Б. Антоновича пребывали под влиянием концепции С. М. Соловьёва. М. В. Довнар-Запольский утверждал, что «равнинность страны и речные пути делали возможным непрерывную колонизационную деятельность» [425, с. 53] и способствовали «разделению, как этнографическому, так и политическому, а не соединению русских племён» [422, с. 320]. Ссылаясь также на С. М. Соловьёва, В. Е. Данилевич признавал влияние природы на исторический процесс, правда с оговорками о его значимости для ранней истории [126, л. 7–9], считая, что «чрезмерное увлечение роли географического фактора в историческом процессе превращает последний в подобие биологического процесса и на долю человеческой деятельности тогда ничего не остаётся» [124, л. 10].

О значительном влиянии географического фактора в начальной истории украинского народа говорил М. С. Грушевский. «Географические признаки края и данные ими отношения соседства, – по его мнению, – фатально легли на всю политическую судьбу украинского народа и тяжело отразились

на его культурной и национальной жизни» [381, т. 1, с. 15–16; подобное суждение о неблагоприятных геополитических обстоятельствах см.: 381, т. 1, с. 3 и др.].

Подобно другим историкам-позитивистам, М. С. Грушевский пытался избегать абсолютизации влияния географического фактора на исторический процесс. «Не только физические обстоятельства данной территории, – писал он, – а и те политические и культурные влияния, отношения соседства, культурные вложения в землю предыдущих переселенцев и остатки их, которые примешиваются к новой колонизации, – всё это значительные стороны, какими территория могущественно влияет на дальнейшую историю народа» [381, т. 1, с. 8].

Молодой М. С. Грушевский ставил задачи изучения комбинаций разных факторов и их связей между собой: «Наблюдать те конкретные отношения, в какие вступали меж собою при встрече различные исторические факторы, их взаимодействие и связь, между тем как в других случаях они изучаются более или менее *in abstracto*» [360, с. I].

Позже учёный выделял три главных фактора общественного развития: биологический, экономический и психологический. Сложность исторического процесса М. С. Грушевский усматривал в постоянном нарушении единства его факторов: «Влияния разных функций социальной жизни перекрещиваются, нейтрализуются, вызывают регрессивные движения или передвижения в формах социальной эволюции» [389, с. 42].

Подобного мнения придерживался и другой ученик В. Б. Антоновича И. А. Линниченко. Он отводил географическому фактору («совокупности местных условий») доминирующее «место в истории народов» [664, с. 7].

В. Г. Ляскоронский также признавал географический фактор одним из основных. Он считал: «Человек, поставленный в тесную связь с окружающей природой, поневоле тесно сливается с последней, приспосаблиется к ней и ...становится по своему образу жизни и по своему умственному кругозору и нравственным воззрениям только тем лишь, к чему давно уже готовила его окружающая природа» [691, с. 202]. Отмечая «стихийно-доминирующую роль» природы страны и её

географического положения в истории, он утверждал, что они «всегда оказывают огромное влияние на... население, способствуя последнему в выборе его занятий, в выработке типичных черт, нравов, характера, обычаев, равно как и основ его умственного и нравственного развития» [691, с. 202].

Н. М. Бубнов в «Методологии истории» среди главных факторов исторического процесса определил такие: деятельность выдающихся людей; коллективные действия масс; внешние условия развития страны [279, с. 11–15]. Кроме того, учёный считал, что «многовековой процесс всемирной истории» «может быть изображён графически как равнодействующая многих переменных и действующих по изменяющимся направлениям сил, среди которых с особенной энергией работают две великие силы – центробежная и центростремительная» [278, с. 1–2].

Положение Г. Спенсера о центробежных и центростремительных силах [858, т. 1, вып. 1, с. 33] также разделял М. С. Грушевский [8, л. 3 об.]. Характерно, что М. С. Грушевский в более позднем труде «Початки громадянства (генетична соціологія)» (1921 г.) продолжал развивать положение Г. Спенсера о дифференциации и интеграции (консолидации) как двух главных тенденциях общественной эволюции [389, с. 107, 111, 194, 292 и др.].

С. М. Дубнов развил положение Г. Спенсера о центробежных и центростремительных силах исторического развития на примере еврейского народа. Центробежными силами он называл национальные процессы, центростремительные силы обозначил общим термином – «гуманизация» [457, с. 31].

Е. Н. Щепкин, пребывавший под влиянием больше неокантианских, чем позитивистских идей, также выделял природную среду как важный фактор истории [969, с. 295].

Поскольку историки-позитивисты считали значительным влияние географических обстоятельств на историческое развитие на ранних стадиях человеческой цивилизации, то значительное внимание в своих работах уделяли истории колонизации. Так, М. П. Драгоманов отмечал важность географических условий для колонизации славянами и другими народами восточной части Европы [437, с. 14–15]. В. Е. Данилевич подчёркивал неодинаковый характер колонизации

в разные времена [126, л. 51 об.], называя одним из последствий ранней колонизации образование племён [126, л. 57].

Физическими условиями, корригировавшими направления колонизации и определявшими экономическую и культурную жизнь страны, по мнению М. С. Грушевского, были такие: ландшафт, флора и фауна, особенности почвы [363, с. 39]. Кроме географических условий, он называл колонизацию важным фактором истории украинского народа, подчёркивая её «большое влияние на украинскую этнику» [381, т. 1, с. 14]. Учёный подчёркивал, что «колонизационные обстоятельства» забирали энергию украинского народа и его высших слоёв. «Огромнейшая масса народа, – писал историк, – не могла веками подняться над примитивными хлопотами по охране своего существования и созданию самых элементарных основ экономической жизни. Целая народность не могла собрать свободных имуществ и сил для удовлетворения высших культурных потребностей» [381, т. 1, с. 15].

Конечно, для современной украинской историографии такие высказывания кажутся немного примитивными, однако для науки исследуемого времени это были перспективные идеи, которые были новым шагом в изучении исторического процесса.

Итак, географический фактор как внешний фактор признавали все историки-позитивисты украинских земель.

Одновременно некоторые учёные конца XIX – 20-х гг. XX вв. больше внимания стали уделять экономическому фактору. Н. И. Хлебников считал главными наряду с географическими экономические факторы для первобытного общества: «Всем политическим изменениям в устройстве общества всегда предшествуют изменения в способах приобретения и разделения богатств, которые даёт человеку окружающая его природа. Эта зависимость ещё резче видна на первоначальных ступенях быта. Три первобытные способа потребления – охота, скотоводство и земледелие, сопровождают три различные политические устройства» [955, с. II–III].

Ссылаясь на труды В. О. Ключевского, М. С. Грушевский писал о значительной роли финансов и торговли в древнерусской истории: «Обладание капиталом ставило в зависимость от

них [богатых людей] массы как сельского, так ещё больше – городского населения, мелких купцов, промышленников и землевладельцев, и создавало им в обществе влиятельное, руководящее положение» [365, с. 352]. М. С. Грушевский называл торговлю «движущей силой», что «в тех обстоятельствах мелкого натурального хозяйства одна собирала средства, капиталы в их тогдашних формах и давала импульс к созданию новых форм общественного строя, новых отношений общественных и политических» [381, т. 1, с. 397]. Торговля, по его оценке, служила «целью для правительства и дружины, управляла этой системой и жила с её доходов» [381, т. 1, с. 397].

М. В. Довнар-Запольский предостерегал других исследователей от преувеличения роли экономического фактора. Подчёркивая взаимовлияние разных факторов, он призывал «искать именно взаимодействия, а не априорно устанавливать исключительное господство» материалистических факторов [424, с. 265]. Производительные силы, – писал М. В. Довнар-Запольский, – пребывают «в непосредственной связи с физическими и географическими условиями страны», открытиями науки и техники [425, с. 37]. Такая же совокупность факторов исторического процесса рассматривалась в трудах М. И. Туган-Барановского [905, с. 3–5 и др.].

А. С. Вязигин оценивал идеи и экономику как факторы, «влияние которых сказывается не всегда одинаково» [1872, с. 2].

«Против исключительного господства той или иной стороны жизни в общем историческом изложении» высказывался Д. И. Багалей [241, с. 11]. Учёный считал «односторонними» и требования «теоретиков экономического материализма» о признании экономики основным фактором общественного развития [241, с. 11]. Главным фактором (особенно для ранних периодов истории человечества) Д. И. Багалей, подобно большинству историков исследуемого времени, считал географический: «Природа всегда играла выдающуюся роль в жизни человечества. Вся эволюция в истории человечества... заключается в постоянном увеличении власти человека над природой» [240, с. 68]. Экономический фактор учёный оценивал достаточно сдержанно. Он признавал «огромное значение

экономического фактора» в жизни человечества, но критиковал марксизм за преувеличивание его роли [241, с. 13]. Кроме того, Д. И. Багалей подчёркивал большую роль культурного фактора, который считал недостаточно оценённым [241, с. 10]. Он утверждал, что «идеи с таким же основанием могут быть признаны основой исторического процесса, как и хозяйственные отношения» [241, с. 13]. Под давлением новых общественно-политических реалий 1920-х годов Д. И. Багалей относился более благосклонно к экономическому фактору: «Задачи истории как науки изучать и признавать этот основной (экономический) фактор в каждом явлении, хотя бы даже чисто идейного характера» [245, с. 11; ср.: 241, с. 13].

Один из учеников М. С. Грушевского И. П. Крипякевич выделял такие факторы, влияющие на «государственную историю»: «территория государства – её географическое положение, коммуникационные пути, природные богатства... и др.»; экономический («хозяйство страны»); демографический («популяционные отношения»); расовый («вопросы расы и влияний смешивания разных племён»); социальный («слои и классы»); культурный (духовная культура, идеология, религия); «государственные формы» [494, с. 2–3]. Особенно учёный подчёркивал принцип равноценности всех факторов: «При рассмотрении государственного устройства никакая сфера жизни не является пассивной. Все возможные вопросы являются важными и все могут способствовать развязке дела» [494, с. 2–3]. Но основное внимание в сочинениях И. П. Крипякевича (как и у большинства других представителей Львовской школы М. С. Грушевского) сосредоточено на главном для историков-государственников факторе – государстве.

В лекциях по истории русского права Ф. И. Леонтович показывал исторический процесс как взаимодействие разных факторов: «исторические законы человеческой природы, социальные условия человеческого общежития (семьи, племена, расы и пр.) и условия физической природы (климат, свойства почвы и т. д.)» [645, с. 10]. Он отдельно подчёркивал роль сознательной человеческой деятельности, называя её «одним из деятельных исторических факторов» [645, с. 12]. При этом

одесский учёный активно защищал принцип полифакторности: «Исторические явления представляют результат самой разнообразной комбинации исторических факторов и потому попытка объяснить исторические явления одним фактором будет односторонней и не всегда научной» [645, с. 13].

Методическое значение теории факторов состоит и в том, что историк изучает отдельные исторические факты (события и явления) в системе. Поэтому использование многофакторности облегчает изучение исторических явлений. Уже М. П. Драгоманов начал рассматривать факторы как элементы системы. К первой группе он относил «материал, из которого составляются общества» – индивидуумов и народности; ко второй – «общества» и их формы: семью, класс, союз государственный, союз межгосударственный; к третьей – «продукты общественной деятельности: материальные и нравственные» [443, с. 176].

От упрощённого понимания факторов предостерегал М. М. Ковалевский. Учёный называл факторами причинно-следственные связи исторических событий и объяснял фактор как «фактор-факт»: «В действительности мы имеем дело не с факторами, а с фактами, из которых каждый так или иначе связан с массой остальных, ими обуславливается и их обуславливает» [572, с. VIII]. Такая трактовка более глубоко отражает сущность исторического процесса. На первый план выходит «фактор-факт» как соединяемое с другими «факторами-фактами» звено определённой системы. При таком подходе вопрос о количестве и значимости главных и второстепенных факторов теряет актуальность.

Польские историки подавстрийских украинских земель также придерживались многофакторного подхода. «История каждого народа и каждого времени была, – писал А. Шелонговский, – последствием разных составных частей» [1131, s. 10]. Львовский историк считал главными географический и экономический факторы [1131, s. VIII]. Он был убеждён, что экономический фактор позволит лучше понять другие стороны исторического процесса: «Экономические проблемы были неразрывными с государственной политикой на каждой ступеньке развития данного народа» [1131, s. 9–10].

Молодой Б. Лимановский разделял исторические факторы на факторы материальные (географическое положение, климат, флора и фауна, антропологические), психологические (умственные, эмоциональные) и собственно общественные [1071, s. 457].

Итак, для историков-позитивистов украинских земель исторический процесс был результатом действия многих факторов как комбинации разных общественных сил и других исторических фактов. Многофакторный подход позволил системно проанализировать исторический процесс как набор отдельных элементов сложной системы. Трактовка фактора не только как причины-следствия, а и как фактора-элемента, момента взаимодействия единой системы существенно расширяло познавательные возможности научного исследования. Движущими силами общественного развития (динамика, по О. Конту) или/и неотъемлемыми элементами исторического процесса (статика, по О. Конту) признавались географические, экономические, политико-правовые, культурные и другие факторы. Многофакторный подход благодаря выделению разных сторон исторического процесса способствовал их лучшему познанию. Теория факторов способствовала изменению предмета исторических исследований от изучения индивидуальных объектов (отдельных исторических лиц) к преобладающему изучению коллективных объектов (государство, народ, общество и отдельные его группы). В некоторых трудах историков-позитивистов фактор не стал элементом структуры или/и двигателем общественной эволюции. В таких случаях можно говорить о механическом соединении факторов или/и отсутствии системной целостности научного исследования¹⁹⁹.

---

199 Один из лидеров субъективной школы в социологии Н. К. Михайловский призывал именно к одновременному изучению отдельных факторов для успешного изучения законов: «Чтобы уловить законы социальной динамики, т. е. общественного прогресса, мы должны одновременно следить за движением всех общественных элементов сразу... Мы ищем законов, управляющих единовременным движением всех этих элементов» [720, с. 62]. Однако эти требования к исследованию исторического процесса, который признавался всеми историками-позитивистами полифакторным и законосообразным, не всегда применялись.

Новый, плюралистический подход на основе категории «фактор», кроме дальнейшего развития методологии и методики исследований, привёл к определённой смене проблематики. Впервые (кроме марксизма) именно в позитивистской историографии значительное внимание стало уделяться социально-экономической истории. Многофакторный подход позволил не только более глубоко исследовать исторические факты (явления и события), а и по-новому подойти к проблемам характера человеческой эволюции и поиска закономерностей (тенденций) исторического процесса (историки-позитивисты избегали использовать термин «закон»).

В научной литературе данного времени встречались единичные попытки классификации факторов. О неустойчивости теории факторов (даже в терминологии) свидетельствовали и их различные классификации историками-позитивистами украинских земель. Общепринятой классификации факторов так и не сложилось. Преимущественно историки-позитивисты украинских земель выделяли две группы факторов исторического процесса: внешние (географическое местонахождение народа, влияние природы, геополитическое положение) и внутренние (экономический, политический, культурный, этнопсихологический). Как правило, они считали эти факторы равноправными. Часть позитивистов считала ошибочным определение одного фактора как ведущего в историческом процессе. Они считали отдельные факторы более значимыми в отдельные исторические периоды.

Теория факторов была ответом на реальную потребность общественных наук, в т. ч. отечественной историографии, в новом, дифференцированном подходе к разным аспектам общественной жизни. Она выступила против абсолютизации представителями разных идеалистических и материалистических течений принципа причинности и их попыток свести разнообразие исторического процесса к проявлению единственного действующего начала: географического, экономического или духовного. Теорию факторов использовали не только историки – представители классического позитивизма, а и последователи других философско-исторических концепций. На развитие теории факторов повлияли идеи

исторической социологии, экономического материализма и географического детерминизма.

Как уже подчёркивалось, представители «первого» позитивизма считали, что общественные науки по методам исследования принципиально подобны естественным. В результате научных дискуссий конца XIX в. большинство молодых учёных открыто противопоставляет историческое знание естественнонаучному. Эта научная ситуация повлияла на популярную среди позитивистов теорию факторов. В трудах конца XIX – 20-х годов XX вв. подчёркивалась, как и раньше, полифакторность, однопорядковость, условная равноценность отдельных элементов исторического процесса. Одновременно увеличивается количество факторов (с двух-трёх до десятка). Всё чаще признаётся большая ценность одного из факторов в сравнении с другими для отдельных периодов истории. Также большее значение приобретает этический фактор и индивидуальное и групповое сознание. Учёные на рубеже XIX–XX вв. оценивали тот или иной элемент общественной жизни с точки зрения полезности для человека. Антропогенные, этические, праксиологические подходы стали главными критериями в процессе анализа исторических фактов. Новации повышали субъективность анализа исторического процесса, в частности произвольность избрания главных факторов общественной жизни.

Историки-позитивисты представляли исторический процесс как взаимодействие равноправных факторов. Сам термин «фактор» получил статус методологической категории. Последнее могло произойти благодаря признанию общества как сложной системы, действующей благодаря взаимодействию разных её элементов (факторов). Более того, многофакторный подход к изучению исторических фактов получил одобрение и дальнейшую разработку в украинской исторической науке не только на уровне эмпирических обобщений конкретных исторических явлений с помощью категории «фактор», а и путём разработки определённых теоретических конструкций, в т. ч. выделения исторических закономерностей.

3.6. Оценка субъектов исторического процесса

Позитивистская многофакторная модель историописания способствовала анализу отдельных институтов общества как взаимосвязанных и сравнительно одинаково ценных элементов единой системы. Среди разных институций больше всего внимания учёные уделяли государству и народу.

Известно, что категория «государство», в частности его отношения с обществом, получили разные, временами совсем противоположные, оценки в европейской общественной мысли. Ж. Ж. Руссо усматривал в создании государства реализацию общественного договора, а Г. В. Ф. Гегель считал государство осуществлением «божественной идеи» на земле [327, с. 38]. Г. Спенсер называл общество организмом, а государство – его необходимым органом [860, с. 278, 287; 913, с. 22, 313–314, 465–469]. Для С. М. Соловьёва государство также составляло необходимую форму жизни народа [837, 1868, № 12, с. 686]. Более того, для него «правительство, какая бы не была его форма, представляет свой народ, в нём народ олицетворяется, и потому оно [государство] было, есть и будет всегда на первом плане для историка» [837, 1868, № 12, с. 682]. Творцы марксизма трактовали государство в основном как классовую организацию и «машину для подавления угнетённого, эксплуатируемого класса» [978, с. 176].

Позитивисты лишь частично поддерживали просветителей в трактовке государства. Одной из заслуг органической теории М. М. Ковалевский считал то, что она «доказала неправильность представления о государстве как о чём-то возникающем путём договора» [1883, с. 20]. Он приводил единственный известный историкам пример подписания договора при создании голландцами и англичанами колонии в бухте Массачусетс [1883, с. 21]. В то же время учёный не отрицал возникновение государства путём соглашения между отдельными племенами и социальными группами. Как пример М. М. Ковалевский приводил договорённость этрусков и латинских племён при создании древнеримского государства [1883, с. 20–21].

Позитивисты критиковали и гегельянцев, поскольку отрицали божественное происхождение государства.

М. М. Ковалевский прокомментировал положение Г. В. Ф. Гегеля о государстве как осуществлении нравственного закона следующим образом: «Это скорее пожелание, чем определение действительного существа государства» [1883, с. 14].

Позитивисты полностью не принимали узкое понимание марксистами сущности государства и выдвигали на первый план принцип солидарности. По М. М. Ковалевскому, государство – «организованный общежительный союз», где народ «сидя на определённой территории, подчиняется руководству общей политической власти» [1883, с. 28].

Преобладающее большинство историков-позитивистов на украинских землях исследуемого времени принадлежало к народническо-позитивистской историографии. В связи с этим отношение народников к государству и её полезности для общества было более критическим. Позитивистская, как и романтическая, народническая историография считали первоочередными интересы народа, а не государства. В этом позиции представителей народнического направления и фундаторов позитивизма были подобными. Однако основатели позитивизма, особенно Г. Спенсер, как уже нами подчёркивалось, выступали против вмешательства государства в дела общества вообще, а историки-народники – только в дела простого народа. Идеалом отношений между народом и государственной властью Н. И. Костомаров называл отделение и невмешательство последней в дела местной громады: «Государство обособилось от народа» [611, с. 103]; «государство не станет мешать свободе местной народной жизни, потому что оно крепко и сильно; а последняя не будет бояться государства, находя в нём покровительство своему развитию» [611, с. 104–105]. Об отношении народа и общества Н. И. Костомаров высказался так: «Всякое политическое общество с его движениями и изменениями относится к народу, как явление к его сущности, как внешность к внутреннему содержанию» [607, с. 8]. Историк противопоставил интересы простого народа и элиты, показывая несоответствие и разницу между двумя слоями [615, 1862, № 6, с. 3].

В характерной для большинства представителей украинской народническо-позитивистской историографии манере

В. Б. Антонович на примере Б. Хмельницкого подчёркивал несоответствие интересов народа и планов его вождей [223]. Одновременно учёный пытался на исторических примерах показать неоднозначность демократизации общества и ограничения государственной власти в отдельные периоды. В частности, В. Б. Антонович отмечал малую результативность и обратный эффект демократизации шляхетского устройства Речи Посполитой. «Приспособливание равноправных мирских начал к сословному быту шляхты, – писал он, – не имело влияния на смягчение аристократической исключительности этого слоя, наоборот оно придавало ещё большую силу исключительности» [219, с. 117].

Историки-позитивисты противостояние народа и власти считали виной не только правящего слоя. Простой народ, по оценке М. С. Грушевского, равнодушно относился к процессу создания государства. «Княжеско-дружинный порядок, – указывал он, – не прошёл глубоко в массу народную, не принял её целой системой, как феодализм западный, не пустил глубоких корней в самую почву, он остался чем то поверхностным, достаточно зыбко привязанным к народу» [374, с. 146; подобное суждение В. Е. Данилевича: 125, л. 9]. Более того, М. С. Грушевский к заслугам князей, дружинников, боярства отнёс «политическую и культурную работу в древней Руси», поскольку «они держат в своих руках ту широкую торговлю и дают движение промыслам и искусству» [374, с. 145]. Кроме того, правящие круги способствовали введению христианства; брали под «опёку церковь, литературу, духовную культуру»; в их среде «выросла идея национального и культурного единства русского народа» [374, с. 145]. При этом учёный подчёркивал, что «народная же масса большей частью оставалась чужой для этого движения, для этих задач. Политические соревнования дружины и боярства были ей большей частью несимпатичны, создание обширного государства наложило на него только большие тяготы налоговые и укрепляло тот княжеско-дружинный слой, тяготевший над ним; заграничная торговля, искусство, новые промыслы были не для народа: он удовлетворялся почти исключительно местными изделиями; христианство и его обряды долгое время народ

считал религией князей и бояр» [374, с. 145]. Историк приводил факты о противостоянии громады и господствующей верхушки и в более поздние периоды украинской истории [374, с. 146, 149]. В частности, М. С. Грушевский отмечал пассивное отношение народных масс к борьбе между Свидригайлом и Сигизмундом в Великом Княжестве Литовском: «Народным массам эта борьба осталась чуждой. Она была делом князей и бояр, борьбою двух аристократий. Народ был только пассивным участником её» [366, с. 108 прим.].

Подобное несоответствие интересов народа и господствующих слоёв отмечали и другие ученики В. Б. Антоновича. М. В. Довнар-Запольский противопоставлял традиции народовластия государственному строю России и Польши: «Польское начало вносило в Белоруссию шляхетскую аристократическую республику, московское начало – боярскую олигархию;... тогда как белорусский народ был прежде всего по своим историческим и народно-бытовым традициям в высшей мере демократичен» [422, с. 334–335].

Таким образом, в украинской народнической историографии как романтического, так и позитивистского её этапов государство чаще всего рассматривалось в противопоставлении народа. Однако представители украинской народническо-позитивистской историографии не отрицали роль государства в общественной жизни в целом. Её лидер В. Б. Антонович признавал, что «государство представляет одну из высших форм человеческого общежития, и идея государства тем дороже для всякого развитого человека, чем более сознательно он к ней относится» [210, с. 48].

В трудах же Д. И. Багалея отсутствует критика княжеской или старшинской элиты. Его оценка государственных институтов зависела от их полезности для общества в целом, а не для отдельных слоёв [1178, с. 95].

Историки, которые частично придерживались позитивистской модели историописания, часто признавали только один путь образования государства. Такие учёные, как правило, делали акцент на внешних обстоятельствах в создании государства. А. Я. Ефименко, например, считала, что «государственная политическая жизнь почти никогда не начинается

самопроизвольно, без толчка извне. Чаще всего государства складываются посредством завоевания или, вообще, насилия, принуждения» [469, с. 10].

Большинство историков-позитивистов выделяли разные пути образования государства. Н. П. Василенко делал упор на трёх путях возникновения государства: 1) «путём естественного роста, когда из ячейки – будь-то семья или род – ...развивается постепенно общество...по мере дифференциации общественных отношений»; 2) «под влиянием завоевания одного народа другим»; 3) «способ обособления частей от целого или даже отделения их» [300, кн. 12, с. 402–403]. Он был убеждён в отдельном историческом пути Украины, которая, отсоединившись от Польши и присоединившись к России, положила в основу общественного устройства казаческую организацию, а не порядки Польши или России [300, кн. 12, с. 404–414].

Глубокое понимание причин создания государства показал М. С. Грушевский. Он считал, что государства «в большинстве своём развивались не из завоевания, а из организации обороны и из внутреннего социально-экономического процесса» [389, с. 254]. В связи с этим М. С. Грушевский определял такие факторы распада родово-племенного устройства и формирования государственности: внутренние (экономическая дифференциация «с помощью развития продукции»; рост социальных авторитетов; развитие хлебоделания и «территориализация жизни», изменения в мировоззрении) и внешние (войны и организация военного слоя; «появление невольников и невольнического труда со всеми влияниями этого на экономические и социальные отношения, как нагромождение богатства, неуважение труда»; «влияние путешествий») [389, с. 251–252].

В соответствии с теорией Г. Спенсера, И. Я. Бахофена и Э. Б. Тэйлора М. С. Грушевский подал схему формирования социальной структуры племени полян как объединение семей «в мелкие общины», которые, в свою очередь, объединялись в земские округа [365, с. 290].

Вслед за Н. И. Костомаровым М. С. Грушевский называл Киевскую Русь федерацией, в которой автономия соединялась «с общностью русского народа, отмеченной в общности языка, культуры, религии, общественного устройства» [374,

с. 144]. М. С. Грушевский доказывал, что древнерусские земли имели разный уровень самоуправления и подчинения Киеву (даже до фактической независимости Полоцкого княжества) [381, т. 1, с. 426–427]. Он признавал, что «автономность княжеств» имеет только «определённую аналогию с федерацией», поскольку «вся политическая система древней Руси не разработала определённых скристаллизованных форм, не выйдя из состояния формирования и борьбы разнообразных факторов политических отношений» [381, т. 3, с. 207].

Против упрощённой трактовки процесса формирования Московского государства выступал М. Н. Бережков, указывая: «Было бы очень неверно представлять, что оно сложилось... благодаря каким-то внешним случайностям, например татарскому игу, или необыкновенной ловкости государей московских. Пусть великие князья московские были гениальные правители, обратившие в свою пользу само татарское иго, но не они одни создали государство. Бояре, духовенство и весь народ из всех сил помогали строиться государству ... Благодаря сильному инстинкту государственности в народе, объединение всей русской земли должно было так или иначе совершиться» [256, с. 9].

Идею федерации как формы государственного союза, которая лучше учитывает интересы народных масс, поддерживали ещё последователи романтизма. Доктрине народничества отвечала больше идея федерации, чем единовластного государства. Поэтому ряд учёных-романтиков оценивали федеративный и вечевой характер Древнерусского государства как позитивное явление. Предпозитивист Н. И. Костомаров считал, что в древней Руси сосуществовали федеративные и вечевые принципы: «Русь стремилась к федерации и федерация была формой, в которую она начинала облекаться. Вся история Руси удельного уклада есть постепенное развитие федеративного начала, но вместе с тем и борьбы его с началом единодержавия» [609, с. 158]. По его мнению, в древней Руси не было единого государства, а была федерация отдельных народностей [609, с. 158].

Благодаря М. И. Костомарову традиция считать государственный строй Киевской Руси федерацией была весьма рас-

пространённой в историографии. В частности, её развивали В. Б. Антонович и его ученики. О Киевской Руси как федерации земель писали П. В. Голубовский [342, с. 44], В. Г. Ляско-ронский [691, с. 452].

И. А. Линниченко признавал лучшим государственным устройством средневековья «автономию общины, управляемой выборными старейшинами с земским князем, зависевшим от верховной власти» [663, с. 8].

М. В. Довнар-Запольский подчёркивал ведущую роль вече в Древнерусском государстве: «Развитие самостоятельности какой-либо из русских земель шло параллельно с развитием вечевого порядка. В развитии вечевого порядка выражалось развитие общественного самосознания племени. Как только вече принимало более или менее устойчивое положение, оно немедленно требовало себе князя, не желая подчиняться княжеским чиновникам. Но и получив князя, вече некоторых городов, где оно получило особенное развитие, старалось ограничить самый институт княжеской власти, т. е. заставить князя править на договорном начале» [422, с. 322]. Вече, по оценке учёного, «оказывало на умственную политическую жизнь страны самое благоприятное воздействие и могло повести к самым блестящим результатам» [422, с. 323]. М. В. Довнар-Запольский верил, что при более благоприятных условиях древнерусские племена пришли бы «к соединению Руси на чисто федеративных основах, с полной областной самостоятельностью» [422, с. 324]. По его мнению, областная самостоятельность «не мешала бы каждой составной части государства развиваться самостоятельно» [422, с. 324]. Историк также считал, что в процессе собирания земель вокруг Московского княжества «народ принимал только пассивное участие» [422, с. 332].

Д. И. Багалей характеризовал начальный этап создания государства как процесс ограничения автономии: «Первоначально все племена пользовались автономией и составляли из себя федерацию, потом они подчинились киевским князьям, хоть и не на одинаковых условиях» [238, с. 2]. Через год он немного изменил оценку автономии древнерусских земель с федерации на областничество [242, с. 317], выступив против целесообразности использования этого термина для

древнерусской истории. В отклике на статью Д. И. Багалея Н. И. Костомаров настаивал на своей оценке государственно-го устройства древнерусских земель как федеративного начала, а не федерации [614].

В основном украинские историки (В. Б. Антонович [100, л. 73 об.–74, 122 об.; 218, с. 139, 228]; Н. И. Костомаров [605, с. 63]; Д. И. Багалея [238, с. 1–2]; П. В. Голубовский [342, с. 36]; М. В. Довнар-Запольский [423, с. 13]; В. Г. Ляско-ронский [691, с. 269]) позитивно оценивали федерацию как форму государственного устройства (на примере Древнерусского государства и Великого Княжества Литовского, Переяславского соглашения 1654 г.).

М. С. Грушевский высказывался за возможность образования разных федераций: Черноморско-Балтийской (1909 г.), мировой (1918 г.), Соединённых Штатов Украины как федерации «фактических республиканских громад» (1920 г.) [1726, с. 49]. В таких случаях М. С. Грушевский не смог научно обосновать свои идеи.

В среде учёных преобладала точка зрения о том, что интересы народов могут быть лучше учтены в федерации. В. Б. Антонович был уверен, что «южно-русский народ вследствие особенностей этнографического склада своего народного характера не обладал способностью создать независимое государство» [223, с. 102; подобное суждение: 209, с. 149]. Поэтому, по его мнению, негосударственные нации «могут не только жить совместно в одном государстве, но и в равной мере дорожить его прочностью, его законами и учреждениями, если эти учреждения гарантируют их общие права и равно всем оказывают покровительство и защиту» [209, с. 151]. По убеждению В. Б. Антоновича, в ряде современных ему европейских государств государственные учреждения могут гарантировать «и материальную безопасность общества и благосостояние общества, и удовлетворение их высших нравственных потребностей: свободу совести, возможность умственного развития и т. д.» [210, с. 48–49]. Поэтому он высоко оценивал либеральные реформы в Австро-Венгерской империи, считая, что государственная система, устроенная по западному образцу, имеет много преимуществ и позитивно влияет на внутреннюю жизнь Галиции [97, л. 3–6].

Кроме представителей Киевской документальной школы, идею федерации поддерживали и другие украинские учёные. М. П. Драгоманов высказывался за предоставление автономии Украине в составе России [450, с. 540]. Учёный считал, что в определённых случаях бывает эффективным централизованное государство, а не федерация [439, с. 138]. Однако народам, входящим в состав такого государства, должны быть предоставлены такие элементы автономии: образование, суд и администрация на национальном языке, выходцы из этой местности в госаппарате [439, с. 138]. Образцовыми он называл федеративное устройство Швейцарии [452, с. 30–31; 448, с. 15] и конституционный строй Англии [438, с. 382].

Такие же мысли высказывали и учёные подавстрийских украинских земель. Б. Лимановский, например, называл самой лучшей формой государства для славянских народов федерацию [1071, s. 448, 455]. Р. Ф. Кайндль также выступал за будущую федерацию средней и южно-восточной Европы [1039, s. 196].

Другим важным субъектом исторического процесса наряду с государством признавался народ. Для украинской народнической историографии было характерно усиленное внимание к категории «народ» и, в частности, понятие «украинский народ». В определении понятия «народ» больше всего проявлялось влияние романтической традиции. Одним из разработчиков концепта «украинский народ» был Н. И. Костомаров, который отстаивал особый тип украинской нации («южно-русской народности») [605, с. 36]. Её характерной чертой он называл способность «упорно выстоять и отстоять для себя против всех напоров враждебно-разрушительных причин» [605, с. 38]. Учёный (как потом и преобладающее большинство позитивистов) подчёркивал близость государственного и культурно-религиозного происхождения трёх восточнославянских народов: происхождение, быт и язык; единый княжеский род; христианская вера и единая церковь [609, с. 136].

Понятие «национальность» М. П. Драгоманов определял как «совокупность признаков индивидуумов, населяющих известное отечество» [449, с. 448], т. е. выделял территориальный критерий.

Между тем другие учёные в большинстве случаев выделяли антропологические, этнографические и ментальные признаки. Именно с таких позиций В. Б. Антонович формулировал определение нации как «совокупности антропологических, этнографических и духовных признаков, которыми отличается одна группа человечества от другой; признаки эти выработались самой природою под влиянием весьма сложных природных факторов: смешения рас, климата, занятия, пережитой исторической судьбы и т. д.; как всё, созданное природою, признаки эти отличаются большою устойчивостью» [201, с. 37]. Можем допустить, что В. Б. Антонович делал акцент именно на физической составляющей в силу первой своей специальности – врач.

В разговорах с В. М. Щербаковским В. Б. Антонович, который уже на то время преподавал частным образом лекции по антропологии, детально охарактеризировал антропологические (особенности скелета и черепа, жировой ткани) и психологические (разница темперамента и реактивности) отличия поляков, русских, украинцев.

По убеждению В. Б. Антоновича, нравственная деятельность человека состоит из 3 элементов: 1) атавизм, «наследственность», полученная от предков – 75 %; 2) воспитание – 5–10 %; 3) собственная инициатива – до 15 % [200, с. 3–4]. Он объяснял запоздалый характер стихийных выступлений украинцев против несправедливости именно особенной реакцией на обиды: «Украинец на обиду сразу же не ответит, а из-за этого сама обида страшно его мучит... и потом маленькая искра, даже не обида вызовет страшный ответ за все случаи сразу и совсем непропорционально силе последней обиде» [86, к. 13; опубл. 973, с. 209]. Учёный неоднократно в разговорах подчёркивал необходимость найти «некоторые постоянные отношения или особенности» каждого этноса, ибо был убеждён, что «характер народа...не зависит от времени и находится в определённом отношении к развитию истории, к историческим событиям» [86, к. 15; опубл. 973, с. 209].

В. Б. Антонович подчёркивал больше психолого-культурологические, а не политико-государственные или другие признаки нации: «Нация – это группа людей родных

и близких между собой натурой, умением, нравом, остроумием, удачливостью, темпераментом» [222, с. 91]. «Каждый народ, – считал лидер отечественной народнической историографии, – в своей политической жизни имеет свойственную ему ведущую идею, а она зависит частично от антропологических расовых причин, частично от разных условий и влияния территориальных обстоятельств, от исторической жизни, от культурного развития и т. д.» [218, с. 17]. Учёный выделил главные принципы жизни трёх народов: русский – «абсолютизм», «принцип авторитета государственной власти»; польский – принцип демократической аристократии; украинский – «принцип *вечевой*, принцип *широкого демократизма* [курсив автора – Б. Е.] и признание равного политического права для каждой единицы общества» [218, с. 18–19]. Именно высокой общественной самоорганизацией украинцев исследователь объяснял нежелание украинского народа организовывать собственное государство.

В. Б. Антонович выделял такие факторы идентификации украинского народа: «географический», ибо «если бы допустить совершенное исчезновение нынешнего южнорусского народа и колонизацию занятой им территории великороссами, то под влиянием географических и климатических условий через несколько столетий поселившиеся на юге великороссы образовали бы отличную от оставшихся на севере родичей этнографическую особь, подобно тому, как переселившиеся на север в X–XII столетиях южнороссы выделились в тип нынешнего великоросса» и «антропологический» (большое влияние тюрков на формирование антропологических признаков украинцев подобно влиянию финских племён на русских) [209, с. 145].

Под влиянием идей европейских просветителей и фундаментаторов позитивизма В. Б. Антонович пытался разработать новую концептуальную модель изучения этносов. В рамках этой идеи он разработал такие формулировки понятия народности: «Под именем народности разумеется группа людей, выделяющаяся и из других подобных групп известными антропологическими и культурными признаками» [98, л. 3 об.; опубл. 1376, с. 68]. Для характеристики этносов учёный использовал четыре группы признаков: антропологические;

филологические; психологические; культурно-исторические [209, с. 144]. Кроме того, В. Б. Антонович выделял два типа особенностей («примет»), отличающих один народ от другого: «прирожденные людям, наследственные» и те, что «приобретаются воспитанием» [222, с. 90].

В. Б. Антонович считал нужным учитывать специфику психологии отдельных народов. По этому поводу учёный писал: «Группа психологических явлений, которую обыкновенно называют народным характером; язык есть не более как внешний признак духовной жизни народа» [209, с. 147]. Однако главное различие одной группы населения от другой состояло «в психологическом складе ощущений, понятий и сложившихся воззрений и идей» [209, с. 147; подобное суждение: 218, с. 212]. Он считал, что ментальность («народный характер») украинцев мешают им создать собственное государство: «Народ должен владеть значительной долей самообладания, уметь воздерживаться в каждую данную минуту от действий, истекающих под влиянием непосредственных впечатлений, в виду будущих общих выгод; должен уметь жертвовать долею, иногда довольно значительною, личной воли и личных пожеланий в пользу власти, призванной к организации общества и руководству государственными целями. Этими качествами южно-русский народ никогда не обладал и сам глубоко сознавал их отсутствие» [223, с. 102]. Правда все эти характеристики киевского профессора касались в большинстве случаев украинцев, живших на территории Российской империи.

Ф. К. Волков (Вовк) высказал подобное мнение в духе французской антропологической школы. Он, в частности, писал, что успехи антропологии выявили полную непригодность языкового признака и «заставили искать других признаков, более устойчивых, какими являются особенности чисто физические: цвет кости, волос и глаз, пропорции и формы разных частей тела и, главным образом, его скелета» [321, с. 418]. В своих трудах Ф. К. Волков показывал антропологические отличия украинцев и великороссов [319, с. 452–453 и др.].

Дефиницию «народность» М. С. Грушевский определял как системную категорию: «Народность есть сумма атрибу-

тов, которыми очерчиваем мы идеей общего, характеризуя какой-нибудь народ, суммой признаков» [28, л. 59]. Учёный характеризовал народ «как известную коллективную индивидуальность, существующую независимо от территориальных, политических или конфессиональных делений, объединённой известными общими чертами в настоящем, общностью пережитого в минувшем и стремлений в будущем» [367, с. 1]. На примере украинского народа он конкретизировал дефиницию: «Его территорию и жизнь в современном и прошлом и те этнографически-политические группы, организации, формы, в которых организовывалась современная украинская жизнь» [381, т. 1, с. 2].

М. С. Грушевский подчёркивал существенную разницу между украинским и русским народами. С целью различения этносов историк выделял такую совокупность признаков: язык, «физическое устройство тела», черты психофизические, проявляющиеся «в народном характере, психологии, складе семейных и общественных отношений» [366, с. 14]. По его мнению, украинцы «объединены одним языком, а главное – одним сознанием народным или национальным» [406, с. 114]. Учёный выделял антропологические, психические и ментальные особенности народов: «Эти отличия народа есть очень разные, одни принадлежат к физическому его составу, как череп, рост, структура тела, вторые – к его характеру, поведению, быта, третьи – к его духу, идеям, мировоззрению. Все эти признаки входят в идею народа» [28, л. 59 об.]. Эти признаки, как отмечал М. С. Грушевский, проявляются «в составе индивидуального характера, в отношениях семейных и общественных, в быту и культуре материальной и духовной» [381, т. 1, с. 6]. «Сам народ, – уточнял учёный, – не представляет собой ничего единого, объединяя разные социальные и профессиональные слои, с различными традициями, мировоззрением и моралью» [401, с. 8]. Он сравнивал народ с «живым организмом», который «легко испытывает влияние в начале, во времена своего детского и молодого возраста и чем дальше, то становится более упрямым и крепким» [28, л. 60 об.–61]. Последняя цитата доказывает знакомство М. С. Грушевского с трудами Г. Спенсера.

М. С. Грушевский не считал вопрос общности происхождения и близости отдельных черт украинского и русского народов научно актуальным: «Украинская этническая индивидуальность не станет ни менее, ни более способной к самостоятельному культурному развитию от того, научные студии покажут ли большую или меньшую антропологическую или лингвистическую близость её к великороссийской. Внутренние потребности к реализации своих оригинальных этнических признаков в писательстве, нации, общественной жизни, что управляют тем развитием, из-за того ни увеличатся, ни уменьшатся» [388, с. 87–88]. Характер русского народа, по его мнению, был «глубоко отличным от европейского» [406, с. 147]. Для обоснования этого тезиса историк перечисляет следующие, присущие по его мнению русским, черты: «недостаток собственного человеческого достоинства и неуважение достоинства другого человека»; «недостаток воли к организованной общественной и политической жизни, склонность к анархизму и даже разрушению социальному и культурному»; «пренебрежение к культурным и общественным ценностям и хвастовство своей некультурностью и неорганизованностью»; «вечное метание между общественным и моральным максимализмом и полным нигилизмом, которое приводит часто к полной утрате нравственных критериев» [406, с. 147]. Украинский же народ с некоторой идеализацией М. С. Грушевский относил к европейским народам «с их высоким развитием достоинства своего, уважением достоинства чужого, любовью к определённым, устоявшимся высшим формам, “законным вещам”, этикету и добрым манерам, любовью к чистоте, порядку, красоте жизни, привязыванием к культурным и общественным ценностям жизни и т. д.» [406, с. 147–148]. Учёный признавал ориенталистские влияния на украинский народ, но считал его всегда «народом западной культуры» подобно болгарам, сербам, испанцам [406, с. 147, 150]. Более того, исследователь расширил хронологические рамки формирования украинской народности до времён Древнерусского государства [366, с. 77 прим.]. Временем формирования украинского народа он определил период «обособления и формирования народности в отдельную географическо-этнографическую, а затем национальную особь» [366, с. 15].

Как и В. Б. Антонович, М. С. Грушевский называл народ главным объектом исторических исследований в XIX в.: «Народ-масса [разрядка текста автора – Б. Е.] становится героем украинской истории, украинской культуры, украинского творчества» [383, с. 2].

Учёные на многих примерах из экономической, политической и культурной истории показывали неоднозначность влияния геополитического фактора на судьбу украинского народа. М. С. Грушевский подчёркивал влияние географических условий на психологию и мировоззрение народа, выделяя особенности его менталитета в разных регионах: «Историческая судьба Галиции веками влияла на снижение в здешней украинской людности элементов инициативы, смелости, активности, и заменяла их признаками пассивной стойкости, пассивного рвения, упрямства» [387, с. 58–59]. Тем временем на востоке Украины «опасность жизни воспитывала в людях смелость, риск, склонность к широким перспективам, способность ценить достижение поставленной цели выше всяких материальных расчётов» [387, с. 60–61].

Его ученик М. М. Кордуба, в т. ч. и после ознакомления с трудами К. Лампрехта, главными факторами процесса создания нации признавал не язык (как романтики), не географические условия (подобно сторонникам географического детерминизма), а политические отношения, историческое прошлое и национальные традиции, религиозно-церковные дела и культурные влияния других народов и государств [597, с. 544–546].

М. В. Довнар-Запольский в своих оценках о существовании отдельной нации и истории у белорусов поддерживал положения других учеников В. Б. Антоновича. Учёный пришёл к выводу о существовании отдельной от русских белорусской нации. «Белорусский народ до конца XIV в. ..., – указывал он, – жил самостоятельной жизнью, управлялся прежними вечевыми порядками, и как культурно-господствующая национальность имел огромное влияние на внутренние и внешние дела страны» [422, с. 333].

Большинство учёных подчёркивали национальное единство украинского народа, жившего на землях Российской и Австро-Венгерской империй. Признавая некоторые противоречия

между западными и восточными группами украинского населения, С. Л. Рудницкий считал необходимым сначала объединить нацию в границах чужого государства, а потом добывать в борьбе свободу и независимость Украины [819, с. 113].

Наиболее существенная разница взглядов между украинскими учёными наблюдалась при оценке языкового критерия. В. Б. Антонович не считал язык главным признаком нации и в качестве примера приводил ирландский народ, который почти утратил собственный язык [222, с. 90]. А. Н. П. Василенко выделял язык и религию как главные признаки народа [300, кн. 12, с. 405]. А. Я. Ефименко делала ударение на единство языка и территориальных связей [467, с. 397]. Кроме этих признаков, харьковская исследовательница обращала внимание на особенности психики, мировоззрения, антропологические данные [470, с. 840].

М. Н. Бережков считал, что «язык есть самый яркий признак народности, другие признаки не столь характерны» [256, с. 5–6]. Среди иных признаков нежинский учёный называл религию, государственный и общественный строй [256, с. 7, 9]. Взамен М. П. Драгоманов отрицал религиозный признак как критерий идентичности, подчёркивая в письме к И. Я. Франко (март 1886 г.): «Идентификация какой бы то не было национальности с религией и есть абсурд принципиальный и практический» [439, с. 188]. С. М. Дубнов на примере еврейского народа, у которого отсутствовали такие признаки нации, как государство и территория, выдвигал другие: общность исторической судьбы, историческое сознание, культурная и духовная самобытность [455, с. 6–7].

Более широкие критерии признаков национальности определял М. М. Ковалевский: осознание принадлежности отдельного члена к обществу («чувство национальности»); сходство языка; принадлежность к одному племени; общее историческое прошлое; общность интересов в современный период [558, с. 679]. При этом учёный указывал, что не все признаки должны обязательно присутствовать [558, с. 680].

Таким образом, главные репрезентанты народническо-позитивистской историографии национальными признаками народа считали антропологические признаки, особенности менталитета, культуры и языка, общность исторического прошлого.

Подобные подходы к категории «народ» наблюдались и в польской общественно-политической и исторической мысли Восточной Галиции. Ю. Супинский не считал понятие «нация» центральной категорией. Поэтому он, как и большинство польских учёных, чаще всего использовал слово «*lud*», а не «*naród*» [1120, s. 217–255]. Более чётко о соотношении понятий «народ» и «государство» высказался бывший позитивист и лидер польского социалистического движения в Восточной Галиции Б. Лимановский: «Народ является... общностью... органической; государство... есть прежде всего взятое в границах земное пространство с его творениями и людностью..., а потом всякого вида учреждениями, служащими для управления и хозяйствования» [1068, s. 80]. И далее он уточнял: «В социологии называем человеческой общностью те естественные связи, которые были последствием развития, обусловленного самой человеческой природой... и на возникновение которых человеческая воля не имела до этого времени никакого, по меньшей мере известного, влияния» [1068, s. 80].

Во вступлении к одной из своих книг львовский учёный А. Шелонговский указывал, что учёные при «оценке истории данного народа» должны считаться между прочим с «индивидуальными свойствами, с характером, типом или расой определённого народа, так как никакое общественно-историческое развитие не обуславливает эти последние черты» [1130, s. 1–2].

Историки по-разному подходили к изучению и оценке отдельных исторических лиц и общественных групп. Для представителей народнического направления (как романтического, так и позитивистского этапов) интересы простого народа всегда стояли выше, чем интересы властной верхушки или отдельных выдающихся лиц. Правящую элиту Гетманщины В. Б. Антонович критиковал за то, что «левобережная старшина, полностью забыв и об автономных интересах родного края, и о демократических желаниях народа, заботилась только о своих собственных интересах» [218, с. 154]. Показательно, что М. С. Грушевский был не таким категоричным и вступил в открытую полемику со своим научным руководителем: «Сказать,... что в конце XVII в. старшина полностью забыла об автономистских задачах и заботилась о собственных интересах, что то были времена самой большой

деморализации среди старшины... будет слишком. Были... эгоисты, предатели, но упрекнуть её в целом в полной нехватке политических идеалов нельзя» [390, с. 13]. Позже М. С. Грушевский пришёл к выводу, что Богдан Хмельницкий и старшина в борьбе за собственные интересы, «не желая той революции», «незаметно проделали с народными массами – мещанскими, крестьянскими и мелко-интеллигентскими ту огромнейшую революцию, ставшую основанием Новой Украины и перерисовавшую карту Восточной Европы» [381, т. 9, кн. 2, с. 1501]. Однако, указывал учёный, «полностью не способны были посчитаться с её значением и последствиями» [381, т. 9, кн. 2, с. 1501]. С помощью многочисленного фактажа М. С. Грушевский доказывал, что гетман Богдан Хмельницкий не заботился об интересах народа: «Для него материалом, пушечным мясом служили не чужие... племена, а свой собственный народ. Он построил свою власть, власть господствующего старшинского слоя ценой страшных жертв масс. Он сделал пустыней половину Украины, чтобы укрепить господство своё и своей династии..., но и отсюда разогнал половину людей, вынудил бежать за пределы Украины... В нём просто поражает расточительность украинским человеческим материалом в кампаниях и безразличие к защите территории... Хмельницкий всё вёл войну на украинской территории, никогда не стараясь перенести её на неприятельскую, даже когда и имел для этого возможность» [381, т. 9, кн. 2, с. 1496].

Представители народническо-позитивистской историографии, рассматривая противостояние между господствующей элитой и народными массами, подчёркивали подобность социального положения отдельных нижних слоёв общества. В. Б. Антонович писал об общности интересов казачества и крестьянства: «*Казачье сословие* [курсив автора – Б. Е.] было всегда солидарно с крестьянами, ибо так же отстаивало волю и свободный труд для каждого человека, право владеть землёй, общественный выборный порядок для всех в общественной и церковной жизни» [218, с. 66].

Главной задачей государственных и других исторических деятелей европейские просветители называли политику, направленную на улучшение человеческой цивилизации и ускорение общественного прогресса. Г. В. Ф. Гегель называл историю судом, на котором выявляется соответствие лиц, госу-

дарств, народов. Немецкий философ истории считал, что становятся выдающимися личностями в том случае, когда их интересы и действия «совпадают с потребностями развития» общества [1360, с. 140, 142–143]. Романтики идеализировали лиц, которые, по их мнению, выполняли определённую миссию в интересах народа. Ещё Н. И. Костомаров оценивал деятельность исторических лиц с точки зрения полезности для народа. В частности, он подчёркивал несоответствие деятельности Б. Хмельницкого народным ожиданиям, поскольку гетман, по его мнению, «действовал вопреки общему желанию народа» [602, с. 140]. Учёный критиковал и И. С. Мазепу, поскольку тот «зашёл в противоречие с народными устремлениями» [602, с. 228].

Подобный подход к оценке деятельности выдающихся лиц поддержали представители украинской позитивистско-народнической историографии. «Предводитель каждого народного движения, – считал В. Б. Антонович, – есть только выразитель тех убеждений, того нравственного капитала, которым обладает масса, и шире её подготовки он ни сам пойти, ни тем более повести её не может» [220, с. 425]. Учёный называл «историческими деятелями» только тех, кто понимал потребности своего народа и поэтому сумел повести его за собой [86, к. 16]. Признавая важность самой выдающейся личности, В. Б. Антонович всё же на первый план ставил выполнение народных требований. «Успех деятельности Хмельницкого» он объясняет «отношением его к массе народонаселения», указывая при этом, что «нельзя не отметить действительно выдающихся его [Б. Хмельницкого – Б. Е.] способностей» [223, с. 101]. К последним учёный относил «несомненные врождённые военные дарования», финансовые способности, стойкость и находчивость [223, с. 101], которые «могли лишь вспомоществовать успеху дела, облегчить технические его подробности, но не могли создать этой непреодолимой народной силы, которая с неимоверным самопожертвованием и усилиями обеспечила желанный для народа исход борьбы» [223, с. 101]. Причину неудачи политики гетмана историк объяснял не его собственными ошибками, а состоянием развития украинского общества исследуемого времени. На середину XVII в., по его оценке, украинский народ «не стоял на такой ступени развития, при котором путём критики и умственной

работы отбрасываются выработанные историей формы быта и создаются новые, лучшие» [220, с. 424]. В. Б. Антонович называл Б. Хмельницкого «лишь одним из многих сынов своего времени и своего общества» [220, с. 424]. Из-за этого, по мнению историка, «невозможно ему ставить в личную вину того, что было результатом культурного неразвития массы, во главу которой судьба его выдвинула» [220, с. 424].

В лекциях по истории казачества В. Б. Антонович в противовес другим гетманам подчёркивал именно культурность, образованность («наиболее образованный среди украинских деятелей») и патриотизм («настоящий политик») И. С. Мазепы [218, с. 155]. Одновременно исследователь высказал определённые оговорки: «Правда, он часто ошибался в своих расчётах, но всё же он был одним из выдающихся политиков своего времени... он был очень *искренним и горячим патриотом*, ибо всегда заботился о полной автономии своего края. Но, направляясь к ней, он ошибся в выборе пути: он полностью *не учитывал демократические идеалы* народной массы, не заботился о благосклонности её, а силился *привлечь* к себе *старшину* [курсив автора – Б. Е.], чтобы создать крепкое привилегированное сословие, которое поддержало бы его в борьбе с московским правительством» [218, с. 155]. Историк объяснял неудачу И. С. Мазепы тем, что «привык обращать внимание только на дворянские силы, он [гетман – Б. Е.] совсем *не учитывал народные желания* [курсив автора – Б. Е.]» [218, с. 157].

Высокую оценку В. Б. Антонович давал тем государственным деятелям, которые, по его мнению, имели дальновидную стратегию государственной независимости: «Талантливым политиком называется тот муж, *который в своей деятельности берётся за достижение такой цели* [курсив автора – Б. Е.], которую в том времени можно достигнуть. Он должен заблаговременно хорошо просчитать те силы, на которые может опереться, должен быть хорошо знаком со всеми общественными направлениями своего времени и должен уметь выждать такого удобного времени, когда сможет лучше всего исполнить свои намерения» [218, с. 155 прим.].

Оценки исторических лиц М. С. Грушевским также зависели от отношения к ним народа. Например, по мнению исто-

рика, «слабой стороной» Б. Хмельницкого было «непонимание потребностей народных масс, неосознание потребности опереться искренне на эти народные массы, для них и из их положения, не из положения казачьего слоя, строить общественное политическое устройство» [405, с. 28]. Позже историк неоднократно будет оценивать именно с точки зрения полезности для народа деятельность П. К. Конашевича-Сагайдачного [381, т. 7, с. 373], Богдана Хмельницкого [381, т. 9, кн. 2, с. 1496, 1500–1501, 1504–1508 и др.] и других украинских лидеров. М. С. Грушевский высоко оценивал Б. Хмельницкого: «Даровитый полководец, гениальный... администратор, искусный политик-дипломат», указывая при этом, что гетман «не поднимался над уровнем политических и общественных воззрений вырастившей его среды» [366, с. 179].

Закономерный характер исторического процесса был для историков-позитивистов методологической основой для критики преувеличенной роли выдающихся личностей в истории. Подобные мысли высказывал М. С. Грушевский и о деятельности Данила Галицкого, считая последнего «продуктом княжеско-дружинной политической традиции» [381, т. 3, с. 91]. Он подчёркивал, что этот избранный народом и поддержанный «общиной в борьбе с боярством» князь не «смеет сблизиться с этими массами – они остаются ему чужими; с боярством чувствует он себя далеко ближе – по традиции. Его борьба с народным автономистским движением имеет глубоко трагический характер и лучше всего показывает, насколько он был сыном прошлого, а не человеком будущего» [381, т. 3, с. 91].

Б. Хмельницкого и казаческую старшину М. С. Грушевский считал носителем государственных традиций в украинской истории. Учёный высоко оценивал тех её представителей, которых считал носителями идеологии (прежде всего Б. Хмельницкого, П. И. Дорошенко и И. С. Мазепу). В частности, М. С. Грушевский характеризовал П. Д. Дорошенко как одного из последних сторонников идеи самостоятельности Гетманщины: «Это был последний сподвижник Хмельницкого, последний представитель кружка автономистов, взлелеявших идею самостоятельного украинского государства. Своей настойчивостью и непреклонностью в глазах современников он свёл эту идею до абсурда» [366, с. 225]. И. С. Мазепу первых годов гетманства учёный

характеризовал так: «Шляхтич по рождению и воспитанию..., довольно случайно очутившийся в казацком войске и едва ли искавший в нём чего-либо, кроме личной карьеры, новый гетман, подобно своему предшественнику, был очень сомнительным приобретением для Гетманщины... Человек способный и честолюбивый, но слишком уклончивый и осторожный, слишком учитывающий всякий риск и опасность для своего „я”, бюрократ и дипломат по складу понятий и темпераменту, он мало годился для самостоятельной, ответственной роли правителя» [366, с. 230]. М. С. Грушевский подчёркивал, что в народе И. С. Мазепу не любили «как протектора старшины, представителя и виновника всё возроставшей зависимости крестьянского населения и рядового казачества от помещиков-старшин, всё усиливавшегося обложения...» [366, с. 232].

М. С. Грушевский высоко оценивал Владимира Святителя за то, что князь «отстроил рассыпанную русскую государственную систему» [381, т. 1, с. 505].

Кроме того, историк рассматривает исторические фигуры и с точки зрения их харизматичности. Учёный подчёркивал отсутствие харизмы у Ярослава Мудрого: «Сама фигура Ярослава выступает достаточно слабо... Очевидно, в его личности, в характере не было свойств выдающихся, необычных, что могло бы растрогать фантазию современников, отразиться в памяти общественности и вызвать предания, легенды, анекдоты, как это было с Владимиром. Оно и понятно, что удобный, осторожный политик, любитель книжного чтения и монаршей жизни – Ярослав и не имел чем заинтересовать общественность» [381, т. 2, с. 43–44].

Подобные мысли о зависимости действий правителей от исторических обстоятельств высказывались представители русской историографии в подросийской Украине. И. В. Лашнюков подчёркивал, что поведение исторических лиц не противоречит общепринятым правовым и моральным нормам того времени, когда они действовали. Он не идеализировал, например, Владимира II Всеволодовича: «Мономах не был чужд недостатков своего времени. В его действиях нельзя не заметить эгоизма, своекорыстия и даже жестокости, свойственной тому веку» [640, с. 769]. По мнению В. В. Новодворского, «исторические деятели – скорее выразители... известного общественного

настроения, состояния, чем творцы истории» [735, с. 17]. «Как бы не велико было значение личности в истории, – обобщал В. Г. Авсеенко, – мы знаем, что она все-таки подчиняется условиям той среды, в которой она действует, или, другими словами, дух человеческий, дух отдельного лица находится в самой строгой зависимости от духа народного» [189, т. 149, № 7, с. 14]. Как видим, в последней из приведённых цитат соединяются положения гегельянства и позитивизма.

Роль отдельных лиц в истории, по убеждению И. В. Лучицкого, исследователями сильно преувеличивается, поскольку возможность личности влиять на общество находится в прямой и полной зависимости от объективных условий, определяющих общественное развитие и не зависят таким образом от свободной воли личности [685, № 11, с. 24].

В. К. Пискорский называл всякую выдающуюся личность «не более как продуктом исторических условий общественного развития» [785, с. 106]. Он признавал обратное влияние отдельной личности в том случае, если последняя перерабатывает «в своём сознании» уже сложившиеся понятия и явления и создаст «новую комбинацию» в соответствии с «изменившимися условиями времени» [785, с. 106]. Подобных оценок придерживались и другие учёные. «Старик не виноват в том, – писал А. С. Трачевский о Сигизмунде I, – что против него был дух времени и нации» [897, с. XXVII].

Отдельного внимания заслуживают исследования выдающихся личностей М. Н. Петровым. Среди них учёный выделял миссионеров (визионеров). Миссионерами историк называл выдающихся лиц, которые благодаря чрезвычайным личным качествам выполняли особую миссию в истории человечества: «Люди, наделённые высшими силами и особенными дарами духовной натуры, поставленные в непосредственную связь с тем таинственным миром, который наша церковь обозначает именем „невидимых“». Их посещают видения, им слышатся неведомые голоса, им даны откровения будущего и нередко способность творить чудеса. Эти люди сами считают себя прямыми орудиями и посланниками бога... [Они] производили влияние, увлекали массы и оставили прочный след в истории, совершив дела и создав учреждения, пережившие их целыми веками» [160, л. 1–2]. К ним он относил Жанну

д'Арк, Магомета, И. Лойолу [160, л. 2]. Последним миссионером харьковский профессор считал Т. Мюнцера [160, л. 7].

Эта трактовка отличалась от устоявшейся научной традиции относительно характеристики деятельности выдающихся исторических лиц. Исследователь жизни Жанны д'Арк Ж. Мишле относил её и несколько других деятелей средневековья к «энтузиастам». По его мнению, особенность энтузиастов, «в тёмные века увлекавших за собой народные массы», состояла в том, что «их власть была основана на заразной силе заблуждения» [722, с. 33]. Ж. Мишле изображал подвиг Орлеанской девы как выполнение обязательства перед Богом [722, с. 33, 41, 43–44]. Взамен М. Н. Петров к характеристике её деятельности подошёл с принципиально других методологических позиций. Для харьковского историка Жанна д'Арк была выразителем народных интересов. В отличие от королевского двора, дворянства и духовенства, как подчёркивал исследователь, «народ увидел в ней идеальное воплощение своих собственных качеств и духа – здравый ум и прямое, бескорыстное, честное и доброе сердце» [758, с. 313]. Таким образом, по его убеждению, «только сочувствию масс обязана была Жанна своим успехом» [758, с. 313]. С этой позиции оценка М. Н. Петровым Жанны д'Арк и других деятелей прошлого как визионеров кажется более глубокой.

В лекции М. Н. Петров критиковал оценку, которую Вольтер дал Магомету, считая его великим обманщиком. «Я устраняю мысль об умышленном, систематическом обмане..., – заявлял харьковский профессор. – Мы никогда не поймём, как мог шарлатан воздвигнуть вековечное дело, потрясти мир от Ганга до Гибралтара и создать религию, покорившую своими законами более ста миллионов людей. Подобные дела и перевороты может производить только глубокое, искреннее, честное убеждение... Могаммед искренне считал себя пророком, избранным богом, и только эта искренность могла дать словам его авторитет и силу, магнетически увлечшую миллионы» [160, л. 19 об. – 20; в другой редакции эта мысль изложена: 759, с. 115–116].

По мнению М. Н. Петрова, сложившиеся в Германии в начале XVI в. сложные общественно-политические условия, неэффективная государственная политика способствовали распространению мысли о необходимости церковной рефор-

мы [764, с. 10–13]. По этой причине он невысоко оценивал роль самого основателя лютеранства для начала Реформации в Германии: «Достаточно было самого незначительного повода и выступления против папизма, даже и не гениального, а только умного, честного и энергичного человека, каким был Лютер [разрядка текста автора – Б. Е.]» [764, с. 32].

Специалисты по новой истории оценивали деятельность исторических лиц с точки зрения полезности не только для народа, а и для государства и общества в целом. П. Н. Ардашев связывал переход от средневековья к новому времени с появлением новых людей [226, с. 32–33; подобное суждение: 230, с. 12–14], приносящих с собой «другие понятия, другие идеи, другие стремления, другие идеалы» [234, с. 3]. Особенность новых людей, по мнению историка, состояла в отсутствии боязни преодолеть условности традиций [226, с. 32]. Такая характеристика П. Н. Ардашевым новых людей отражала общие общественные настроения пореформенной эпохи²⁰⁰.

Одновременно позитивисты больше настаивали на оценке деятельности выдающихся лиц не только как результата влияния обстоятельств и идей, а и как продукта общественных отношений. В частности, такую позицию высказал в одной из рецензий И. В. Лучицкий: «При описании деятельности какой-нибудь личности и оценке её необходимо знать, при каких условиях происходила эта деятельность, насколько она была нужна, насколько сознательно чувствовалась в ней потребность» [688, с. 72].

Итак, по мнению исследователей, выдающиеся личности были выразителями общественных потребностей. «Действительно великие люди, – писал М. Н. Березков, – хорошо выражают своё время и свою нацию... в мысли, в искусстве, в практической деятельности – всё то, что сам народ полусознательно угадывал или стремился выразить» [115, л. 8–9]. Таким образом, историческая личность могла существенно изменять общественные отношения, если эти изменения не отвечали характеру исторического процесса.

---

200 Термин «новые люди» стал популярным среди разночинной интеллигенции России после публикации в «Современнике» в 1863 г. романа Н. Г. Чернышевского «Что делать? Из рассказов о новых людях».

Одновременно учёные признавали, что невозможно предусмотреть в полной мере действий каждой выдающейся личности. О необходимости учёта субъективных моментов поведения отдельных деятелей писал Е. В. Тарле: «Психические силы героев и окружающей их горсточки деятелей, могут создавать самоудовлетворяющие события, не имеющие видимой связи с насущными, требовательными, императивными нуждами социальной группы и не имеющие непосредственно реального значения для жизни её (пример – крестовые походы)» [883, с. 472].

По мнению позитивистов, деятельность выдающихся лиц должна не только отвечать задачам политического момента и быть затребованной историческими реалиями, а и улучшать их. Т. Карлейля за сведение истории «к истории героев, отдельных гигантов, вождей» раскритиковал Е. В. Тарле: «Ничего не может быть более ошибочного, как подобное воззрение, ничего не может быть менее научно и более произвольно» [877, с. 443].

Таким образом, в классической позитивистской модели историописания, которая подчёркивала значимость коллективных объектов исследования, народ («нация») признавался главным субъектом исторического процесса. Если романтики чаще всего использовали термины «народ», «народный дух», то позитивисты оперировали понятием «народная масса». Для романтиков «народ» с присущим ему особым народным духом был скорее этнографическим понятием, взамен «народная масса», в первую очередь, расценивалась позитивистами как социологическая категория.

Понятие «народ» («нация») в работах многих историков-позитивистов украинских земель было центральной категорией, которая несла на себе отпечатки определённой мифологизации времён романтизма. Среди основных признаков различия народов учёные Украины чаще всего отмечали языковые и антропологические. Выделение языкового признака было последствием романтической традиции с её подчёркнутым вниманием к народной культуре. Широкое внимание к антропологическим особенностям украинцев стало результатом развития исторической антропологии второй половины XIX – 20-х годов XX вв. В сравнении с романтиками позитивисты выделяли более научные доказательства обособлен-

ности украинского этноса от русского или польского.

Понятие «нация» во многих украинских (как и польских) позитивистов подчиняется понятиям «общество» и «цивилизация». Нация выступает не как самостоятельная ценность, а в связи с развитием цивилизации. Такой методологический подход с философской точки зрения снимал главную проблему «неисторических» (по Г. В. Ф. Гегелю) народов – отсутствие собственного государства.

Отношение к государству очень часто обуславливалось народническими или государственными убеждениями конкретного историка. Поскольку для представителей историко-юридического направления народ вместе с государственными институциями стал одним из главных объектов исследования, то историки-позитивисты преимущественно отказались от категорической оценки государства как абсолютного зла для народных масс. Большинство учёных принадлежали к народническому течению и оценивали государство с точки зрения полезности или вредности для народа и общества в целом. Значительная часть историков-позитивистов лучшей формой государственного устройства для многонационального общества считала федерацию.

Для украинской историографии новые концептуальные положения должны были доказать обособленность украинцев от русских в истории, культуре и языке. Вопрос об украинской государственной самостоятельности не ставился.

Таким образом, основными элементами позитивистской модели историописания были: признание общественной эволюции, вера в общественный прогресс, разработка цивилизационного подхода, новое понимание закономерностей исторического процесса, теория факторов. Все эти элементы между собой были тесно связаны.

В 1860-х годах на украинских землях концепция биологической (Ч. Дарвин) и социальной (Г. Спенсер) эволюции утвердилась в общественно-политической, в т. ч. в исторической, мысли. Эволюционная теория опиралась на общепринятые среди учёных-позитивистов представления о единстве законов природы и общества и веру в общественный прогресс. Убеждения большинства историков в том, что единственно закономерным путём развития общества является

эволюционный, было обусловлено устоявшимися материалистическими научными традициями в разных отраслях знаний и успехами естествознания в XIX в.

Одно из главных понятий в позитивистской интерпретации исторического процесса – общественный прогресс – трактовалось большей частью в онтологическом плане. Однако иногда оно выступало и в гносеологическом ракурсе – как реально существующий и научно объективный критерий познания исторического процесса. Понятие «общественный прогресс» широко использовалось при оценке исторических факторов и для поиска исторических закономерностей.

Позитивистская трактовка теории прогресса получила наиболее широкое распространение среди либеральных историков, представлявших его как поступательное развитие всех составляющих общества. Она вместе с провозглашением эволюции нормальным путём исторического развития давала теоретическое обоснование целесообразности постепенных реформ, а не революций.

Учёные Украины не пришли к согласию об одинаковом определении понятий исторического закона и закономерностей исторического процесса. В большинстве случаев историки-позитивисты признали историческими социологические, биологические и психологические законы.

Линейно-стадиальная концепция цивилизационного развития историками-позитивистами Украины составляла новый этап развития цивилизационной теории. Учёные определили условия, суть и критерии оценки развития цивилизации, сформулировали классификации цивилизаций и периоды развития цивилизации. Цивилизационный подход ориентировал учёных на изучение в первую очередь, духовной культуры поскольку цивилизация в трактовке историков-позитивистов была прежде всего развитием знаний и морали.

ВЫВОДЫ

Позитивизм в исторической науке на Украине 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв. был теоретико-методологической основой историописания. Кроме того, он наряду с либерализмом и просветительскими предпочтениями был элементом мировоззрения учёных, а в отдельных случаях – составляющей частью идеологии общественно-политического движения (преимущественно, когда речь идёт о польском сообществе на украинских землях) и мировоззрения передовой интеллигенции вообще.

60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв. – время эволюционных и революционных изменений парадигм, направлений и научных школ в европейской науке. Позитивистская историософия в это время была доминирующей в историографии Франции, Англии, Российской и Австро-Венгерской империй и других стран. Позитивистская историография на украинских землях развивалась как часть общеевропейской исторической науки и общественной мысли вообще. Можно говорить не только о влиянии европейской интеллектуальной традиции на украинскую, а и о взаимовлиянии европейской и отечественной общественно-политической и научной мысли. О последнем свидетельствуют публикации трудов учёных Украины на европейских языках, научные командировки за пределы Российской и Австро-Венгерской империй и общение между учёными разных стран. При этом усвоение идей основоположников позитивизма происходило на основе просветительских, либеральных и других мировоззренческих и научных традиций.

Позитивистская модель историописания составляла важный этап развития исторической науки периода её окончательного дисциплинарного оформления. Исследуемый период – время формирования на украинских землях институциональной сети исторической науки со специализированными университетскими кафедрами и научными обществами, что было продолжением общеевропейских традиций. Позити-

визм стал признанным стандартом историописания в университетских и академических учреждениях, научных обществах, полуофициальных (научные школы, кружки) и неформальных («незримые колледжи», направления) научных сообществах. Важную роль сыграл корпоративный стиль, характерный для отдельных групп, течений, школ в исторической науке Украины. Наиболее яркий пример – Киевская школа историков-документалистов с подчёркнутым представлением преимущества именно позитивистским исследовательским принципам.

Именно в этот период окончательно оформляется объект, предмет, понятийный аппарат, методика исторической науки, которые в основных чертах сохранились и до современного периода. Позитивистская методология влияла на общее представление о характере, направлениях и движущих силах развития общества, корригировала оценки исторических фактов. В позитивистской историософии главными были именно онтологические проблемы, а гносеологические, аксиологические выступали как вспомогательные к ним.

Историки, чётко придерживавшихся позитивистской модели историописания, было относительно немного (среди наиболее известных молодые И. В. Лучицкий и М. М. Ковалевский). Взгляды большинства историков создавали своеобразный симбиоз позитивизма с другими теориями, идеологиями и т. п. Ознакомление учёных, не принадлежавших к «правовверным» позитивистам, с популярными на то время позитивистскими идеями служило основой для преимущественно конструктивной критики позитивистских идей, которая, в свою очередь, также способствовала усвоению позитивистской доктрины, хотя и частичному. Полное неприятие доктрины позитивизма было характерно только для богословов.

Как правило, на протяжении всей научной деятельности историки-позитивисты по разным мотивам обращались к главным идеям нового на то время учения, дискутировали с оппонентами и между собой. Широта и многоплановость научных интересов, энциклопедичность образования, которые были присущи большинству из них, только способствовали более глубокому пониманию теоретических и методологических про-

блем. Специальных теоретических исследований на Украине появилось мало. Иногда ценные идеи высказывались в фактографических разысканиях, лекционных курсах и т. п.

Доминирование позитивистских идей оказало огромное влияние не только на развитие исторической науки на Украине отмеченного периода. Разные идеи объединились под лозунгом позитивного знания, отражаясь не только в науке, а и в поведении и сознании интеллигенции. Позитивное знание стало лозунгом эпохи. Позитивизм вместе с либерализмом, просветительскими убеждениями составляли главные структурные элементы мировоззрения разночинной интеллигенции того времени. Последователям новой доктрины, модной в то время среди интеллигенции, в т. ч. учёных, было присуще особое интеллектуальное поведение. Распространение позитивистских идей было обусловлено общественно-политическими реалиями и связано с потребностями коллективного сознания разночинной интеллигенции. Научно-педагогическая практика учёных, преподававших в университетах, была дополнительным фактором популярности доктрины позитивизма среди молодёжи.

Наряду с этим существенно изменились функции исторической науки, её социальный статус и роль в создании социокультурных традиций. Некоторые отличия в принятии идей позитивизма историками украинских земель не имели принципиальной разницы. Сам процесс усвоения и распространения позитивистской модели историописания в исторической науке на Украине свидетельствовал об определённой подобной рефлексии.

Одновременно позитивизм имел определённую региональную специфику. Во времена, когда государственные границы не совпадали с этническими, позитивизм (как раньше просвещение и романтизм) придавал гуманитарным наукам определённой общеевропейской целостности и универсальности. Соотношение космополитического (наднационального) и национального в позитивистской модели историописания было в пользу первого.

Украинская (особенно западноукраинская) историография, которая в исследуемое время переживала сложный этап

окончательного дисциплинарного оформления, не всегда была так методологически подготовлена, как старшие по времени становления польская и российская. Позитивизму украинских историков (например, В. Б. Антоновича и М. С. Грушевского) свойственен значительный интерес к национальной психологии. Но можно только условно говорить о наличии «украинского позитивизма» (в кавычках для подчёркивания условности данного термина) как культурного, духовного и интеллектуального феномена.

Позитивизм на украинских землях, входивших в состав России, тяготел к русскому научно-культурному полю. Он проявлялся в науке, литературе, публицистике, частично в образовании и искусстве, но, в отличие от «польского», не имел всеохватывающего характера.

В Восточной Галиции, где жило большое количество поляков, идеи позитивизма и программа «органического труда» стали важной составляющей общественно-политической жизни. «Польский позитивизм» в Восточной Галиции стал значительным общественно-политическим явлением и чертой интеллектуального поведения образованных кругов. Его центром на западноукраинских землях можно считать Львов, в котором были расположены университет и другие учебные и научные институты этой части Австро-Венгерской империи. Позитивисты на западноукраинских землях (без учёта национальной идентификации авторов) тяготели к «польскому» позитивизму. Среди всех учёных Восточной Галиции польские историки по понятным причинам были более интегрированы в европейскую науку.

Итак, национальный характер общественных наук не имел того решающего влияния на методологию в сравнении с региональными особенностями отдельных социокультурных сред и, соответственно, официальных и полуофициальных научных сообществ.

Распространение идей позитивизма в общественной, в частности исторической, мысли на Украине прошло пять этапов: 1) первый переходный период 40-е — начало 60-х гг. XIX в. — время перехода большинства учёных от романтического к позитивистскому нарративу; 2) 1860-е — 1870-е гг. — период «ран-

него» позитивизма; 3) 1880-е – 1890-е гг. – период модернизированного позитивизма; 4) первые два десятилетия XX столетия – период кризиса классической модели позитивистского историописания; 5) 1920-е гг. – второй переходный период (от позитивизма и неокантианства к марксизму).

Период предпозитивизма, т. е. времени распространения франкоязычных и англоязычных изданий фундаторов позитивизма О. Конта, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера и их последователей на украинских землях, появления в журналах Российской и Австро-Венгерской империй первых (похвальных) откликов, перехода части учёных от романтического к позитивистскому варианту историописания охватывает 40-е – начало 60-х гг. XIX в.

1860-е – начало 1900-х годов – время доминирования позитивистской модели историописания в исторической науке Украины, которое можно поделить на два периода: «раннего» («первого») позитивизма (1860-е – 1870-е годы) и модернизированного позитивизма (1880-е – 1890-е годы). Для периода «раннего» («первого») позитивизма (1860-е – 1870-е годы) характерно некритическое его восприятие и значительное влияние его идей на общество; превращение «польского позитивизма», в т. ч. на западноукраинских землях, из научной теории в выдающееся общественное явление. Периоду модернизированного позитивизма (1880-е – 1890-е годы) присуще более критическое отношение к этой доктрине в сравнении с предыдущими годами, частичное соединение последней с идеями неокантианства, марксизма, а на западноукраинских землях ещё и неоромантизма. Уровень усвоения позитивистами марксистских, неокантианских и других идей был неодинаковым. Прослеживалась большая «защита» от «вторжения» идей неокантианства, чем марксизма. Периоды «первого» и модернизированного позитивизма в историописании – время признания позитивизма как главной концептуальной модели в исторической науке подросийских и подавстрийских украинских земель.

На рубеже XIX–XX веков преобладающим большинством учёных осознаётся ограниченность классической модели позитивистского историописания. В первые два десятилетия

XX столетия позитивистская историография столкнулась с трудностями, которые были провозглашены кризисными.

В это же время заметное влияние на развитие исторической науки оказывали новые теории, в первую очередь марксизм, неокантианство, неоромантизм (особенно польский).

Позитивистская доктрина подготовила почву для принятия гуманитарной интеллигенцией марксизма. Благодаря теории факторов учёным было легко сделать переход от многофакторности исторического развития к признанию одного фактора в роли главного, от философского дуализма — к материализму. Признание классовой борьбы как одной из движущих сил общественного развития легко приводило к монизму в этом вопросе. Также сближали позитивистскую и марксистскую доктрины интерес к социально-экономической истории и принципы исследования исторического процесса. Марксистская теория (за некоторыми исключениями), в отличие от позитивизма, пребывала до 1920-х годов вне рамок академической и университетской науки. Внеинституциональный статус марксизма, его революционный характер мешал принятию идей исторического материализма частью учёных.

Из-за большой разницы между позитивизмом и неокантианством идеи последнего были менее распространены в исторической науке Украины. Благодаря неокантианству на первый план выдвигаются не вопросы онтологии, а теория познания в кантианско-юмистской трактовке, историческое знание противопоставляется естественнонаучному, выдвигалось требование оценочных суждений исторических фактов. Последнее избегали делать историки периода классического позитивизма.

Позитивистская методология исторического познания была частично принята их критиками, в первую очередь неокантианцами и марксистами. Более сложным было отношение неокантианцев, которые, в частности, подчёркивали необходимость новой методологии и методики изучения исторических, прежде всего индивидуальных явлений. Одновременно неокантианцы ссылались на классиков позитивизма и частично поддерживали позитивистские исследовательские методы.

В 1920-х годах часть учёных пытается овладеть марксистской методологией исторического познания, которая была много в чём подобной позитивистской. Позитивистам было легче объявить себя марксистами, потому что позитивизм и марксизм были близки по выбору тематики (вопросы социально-экономической истории) и некоторым приёмам исследования. Позитивисты и марксисты считали исторический источник не только продуктом человеческой деятельности, а и отражением определённых общественных отношений. Позитивистам с их многофакторной моделью исторического процесса было легче, чем представителям других парадигм, признавать экономический фактор главным. Кроме того, идеи прогресса и закономерности исторического развития, необходимости общественных реформ поддерживался позитивистами и марксистами.

С установлением советской власти на большей части украинских земель в 1920 г. происходит сначала добровольный, а с конца 1920-х годов – принудительный с помощью командно-административных рычагов переход учёных на новые методологические основы, провозглашённые марксистскими. Утверждения, которые отстаивали марксистские обществоведы 1920-х гг. (а особенно 1930-х – первой половины 1950-х годов), часто отличались от идей К. Маркса и Ф. Энгельса. Советскими политиками и обществоведами новый вариант марксизма объявляется единственным правильным учением. Работа исторических научно-исследовательских учреждений пребывала под жёстким партийно-идеологическим контролем.

На протяжении 1920-х годов позитивистские идеи (чаще всего в виде позитивных рецензий на труды европейских авторов) пропагандировались в отдельных журналах УССР. В других общественно-политических условиях (т. е. в случае неустановления советской власти) позитивистская модель историописания на Украине, восприняв новейшие идеи, возможно продолжала бы существовать в модернизированном виде.

В синтезе с другими теориями, прежде всего польским неоромантизмом, неопозитивистские идеи оставались ведущими в научных трудах западноукраинских историков и учёных украинской диаспоры до начала Второй мировой войны.

Представители национальных историографий на западных землях Украины (в т. ч. часть польских неоромантиков) в начале XX в. частично возвратились к позитивистским принципам и методам историописания.

Распространение идей позитивизма в обществе совпало с поднятием национального сознания украинской и польской наций. Распространение украинской и польской национальной идеи, безусловно, отображалось в источниках своеобразностью и общественно-политической актуализированностью источниковой информации. Сосуществование разных национальных течений в исторической науке на Украине также существенно влияло на её развитие. Главной особенностью развития общественных наук на украинских землях, входивших в состав России и Австро-Венгрии, было наличие ценностей «двойного» или «тройного» лоялизма историков Украины.

Одновременно историки-позитивисты не повторяли идеи классиков позитивизма, а разработали собственную точку зрения на большинство вопросов. Рецепция и дальнейшая ретрансляция историками позитивного знания заметно его изменяли.

Распространение новых идей не всегда просто реализовалось в историографической практике. Старые концепции (общественного прогресса, эволюции и т. п.), эмпирический подход получили дальнейшее развитие и обоснование в социологии и позитивистской историографии исследуемого периода. В то же время гегельянство и богословие считались устаревшими теориями, неспособными рационально объяснить исторический процесс.

Позитивизм имел преимущества над предыдущими – теологической и гегелевской – концепциями исторического развития. Позитивистская модель историописания способствовала более глубокому изучению исторических явлений, в т. ч. благодаря частичному отказу от описательного характера исторических трудов. Кроме того, она увеличила внимание к социально-экономической истории. Осмысление идей социологии, которая воспринималась большинством учёных как новая философия истории, часто приводило к собственному теоретическому конструированию исторического процесса. Особенно органич-

но идеи позитивизма вписывались в просветительские и марксистские предпочтения отдельных учёных.

Для фундаторов и последователей «первого» позитивизма были характерными попытки соединить идеалистические и материалистические идеи. Определяющими чертами историографического процесса стали критика последователями позитивизма теологических и метафизических идей, расширение исследовательской проблематики, прежде всего за счёт социально-экономической, применение новых методов научного исследования, разработка нового категориального аппарата.

Позитивизм обусловил поднятие специальных исторических дисциплин на новый, более высокий уровень, способствовал научной разработке теории и методики специальных исторических дисциплин. Методология и методика позитивистской историографии частично дублировала идеи естественных наук. Эмпиризм и натурализм были обусловлены и сильной реакцией на богословскую схоластику и метафизику объективного идеализма.

Одновременно позитивизм способствовал повышению профессионального уровня научных трудов. В работах представителей главного направления исторической науки на Украине 60-х гг. XIX – 20-х гг. XX вв. – народническо-позитивистского – в центре внимания был исторический факт, который исследователи должны найти, в первую очередь, в актовых источниках. Фактографический стиль изложения исторических событий и явлений часто преобладал над обобщением исторических фактов.

Провозглашенный историками-позитивистами документализм, подкреплённый эмпиризмом естественнонаучных открытий, в тех конкретных условиях способствовал повышению профессиональности научных исследований, в т. ч. переходу от описания (временами придумывания) исторических фактов к анализу реальных исторических явлений и событий. Правдивость исторических фактов необходимо было доказать не дедуктивными размышлениями, а источниковой информацией. Закреплённая В. Б. Антоновичем научная традиция документализма в исторических исследованиях оставалась доминирующей в украинской историографии конца

XIX – первых десятилетий XX вв. Позитивистская модель историописания, предусматривавшая использование большего количества источников, стимулировала значительное расширение источниковой базы исторической науки. Об этом свидетельствуют также активизация археографической работы и развитие архивных учреждений.

Главные принципы позитивистской модели историописания воспринимались в научной среде как образец, обязательный канон. Универсально-рациональный подход к изучению всех без исключения явлений общественной жизни воспринимался учёными (и всей интеллигенцией) если не как самодостаточное, то по меньшей мере как необходимое условие развития наук об обществе.

Теоретико-методологические основы трудов репрезентантов разных национальных историографий мало отличались от их общественно-политических взглядов. Можно уверенно говорить о подобности саморефлексии в научном творчестве и публицистике большинства историков-позитивистов исследуемого времени с признанием некоторых индивидуальных черт их мировоззрения, а также о не простом заимствовании украинскими учёными идей европейского позитивизма, а и об их творческом переосмыслении и дальнейшей разработке, что выявилось, в частности, в формулировке новых идей. Позитивистская модель историописания была главной концептуальной схемой исторического процесса и (до определённой степени единой и системосоздающей) моделью исторических трудов исследуемого периода.

Часть историков (главным образом тех, которые занимались отечественной историей) тяготела к национальным схемам исторического процесса. Одновременно признание и применение позитивистской методологии и исследовательской методики (или отдельных её элементов) во многих случаях противоречило национальной идеи. Учёные, пытаясь быть объективными, часто вступали в противоречие с национальными мифами и собственными чувствами патриотизма и национального достоинства. Исследователи всемирной истории, которые были лучше ознакомлены с европейскими идеями, генерировали больше идей, присущих позитивистской модели историописания.

Позитивизм способствовал профессионализации исторической науки. Преобладающая часть учёных выбирала позитивистский вариант историописания как признанный в научном сообществе стандарт профессиональности.

Определяющей чертой исторической науки данного периода стало под влиянием позитивизма изменение проблематики научных исследований, предмета, объекта самой исторической науки. Проблемное поле исторической науки было расширено за счёт введения новых тем по социально-экономической истории и исследования деятельности народных масс, а не только отдельных выдающихся личностей. Кроме того, исследователи обратили большое внимание на изучение социальных движений. До доминирования позитивистского варианта историописания в историографии эти явления исследовались эпизодически.

В процессе развития исторической науки были существенно изменены, в частности, её методологические основы и формы связей с другими науками.

Общепризнано значительное влияние позитивизма во второй половине XIX в. на развитие отдельных отраслей исторической науки на Украине, в частности на окончательное дисциплинарное оформление историографии, исторического источниковедения, методологии истории и т. п.

Основными элементами позитивистской модели историописания в исторической науке на украинских землях были: вера в общественный прогресс; признание исторического процесса закономерным, многофакторным; разработка теории общественной эволюции. В этом отношении региональный вариант позитивистского историописания практически не отличался от своего общеевропейского прототипа. Элементы позитивистской модели историописания пребывали во взаимозависимых связях. Понятие «общественный прогресс», например, широко использовалось при оценке исторических факторов и для поиска исторических закономерностей.

Позитивистская трактовка теории прогресса получила наиболее широкое распространение среди либеральных историков, представлявших его как поступательное развитие всех составляющих общества. Преобладающему большинству

учёных были присущи исторический оптимизм и глубокая вера в неотвратимость общественного прогресса.

Интерес к теме революции и реформ был вызван и общественно-политическими реалиями исследуемого времени. Историки-позитивисты признавали революцию крайним путём выхода из экономического и/или политического кризиса. Позитивистская трактовка общественного прогресса была также объективно направлена против революционных лозунгов. При этом подчёркивался кровавый характер хода событий, частая нереализация их задач и преимущественно негативные последствия революционных переворотов. Одновременно провозглашение общественной эволюции нормальным путём исторического развития предоставляло теоретическое обоснование целесообразности постепенных реформ, а не революций.

Сведение эволюции человеческого сообщества к развитию биологического организма было определённым отходом назад сравнительно с предыдущей научной традицией. Биологический редукционизм лишал общественную мысль идеей божественного провидения и народного духа. Теория общественной эволюции противоречила романтическому видению истории как серии катаклизмов. Также она резко уменьшала значение отдельных выдающихся лиц в истории. Эволюционная теория способствовала развитию этнологии и археологии и более активному изучению начальных этапов развития мировой цивилизации. В частности, она стимулировала использование историко-сравнительного метода для изучения истории разных государств и этносов.

Эволюционная теория опиралась на общепринятые среди позитивистов представления об единстве законов природы и общества и веру в общественный прогресс. Такой рациональный подход был объективно направлен против религии и метафизики. Принципиально с других методологических позиций решался вопрос о выделении одних и тех же этапов развития в разных обществах. Учёные украинских земель в большинстве случаев поддерживали и развивали «органическую концепцию» Г. Спенсера и его последователей, сформулировав несколько новых перспективных идей: о специфическом характере общественных явлений, о соотношении биологических и общественных законов, о большем

использовании оценочных суждений, а не только исторических фактов в процессе анализа истории общества.

Кроме того, теория общественной эволюции способствовала систематизации и обобщению конкретных фактов как определённой причинно-следственной цепочки. Историки-позитивисты уделяли большое внимание поиску закономерностей, в частности исследованию причинно-следственных связей. Позитивизм стал основой и цивилизационного понимания исторического процесса. Формулирование общественных законов и закономерностей происходило в исследуемый период в основном не дедуктивным (как раньше), а индуктивным методом – путём обобщения конкретного исторического материала. Эти попытки (при всей их дискуссионности) способствовали дальнейшему развитию теории исторического процесса. Позитивисты не пришли к согласию об общем определении понятий исторического закона и закономерности, однако чаще всего вместо термина «закон» использовали «закономерность». Не все даже последовательные позитивисты признавали существование специфических исторических законов, считая, что историю общества необходимо изучать с помощью социологических и биологических законов. Выдвижение на первый план в общественном развитии биологических и психологических законов является свидетельством признания эволюционного и полифакторного характера исторического процесса.

Утверждению взглядов на существование исторических законов (экономических, политических, демографических, психологических, идеологических и т. п.) способствовала и теория факторов. В основу позитивистского понимания сущности общественных законов и закономерностей были положены не сверхестественные силы, а факторы человеческой жизни. Историки-позитивисты украинских земель, как правило, выделяли две группы факторов исторического процесса: внешние (географическое расположение народа, влияние природы, геополитическое положение) и внутренние (экономический, политический, культурный, этнопсихологический факторы). В большинстве случаев позитивисты считали эти факторы равноправными, хотя признавали отдельные факторы более значимыми в отдельные исторические периоды.

Использование многофакторного подхода считалось необходимым условием изучения исторического процесса в позитивистской историографии. Этот подход отражал потребность исторической науки в дифференцированном изучении разных сторон жизни общества, отвечал необходимому на определённом этапе развития науки процессу специализации исторических исследований. Но он, как и сама категория «фактор», имел разные, временами достаточно различные трактовки в трудах историков-позитивистов украинских земель. Также нельзя утверждать, что теория факторов была только прямым заимствованием европейской общественной мысли. Отсутствие общепринятой теории факторов стимулировала учёных заниматься и теоретическими проблемами. Новые, качественные, многофакторные подходы способствовали более глубокому осознанию необходимости исследования сложного и многопланового исторического процесса. В разработках украинских учёных признавалась определённая (не для отдельных периодов, а для всего всемирно-исторического процесса в целом) равноценность всех факторов. Сама категория «фактор» выполняла самостоятельную методологическую функцию. Многофакторность стала одной из форм реализации принципа системности научных исследований.

Кроме того, теория факторов способствовала утверждению взглядов на существование исторических законов (экономических, политических, демографических, моральных, идеологических и т. п.) и на место общественного прогресса в истории.

Активное использование разнообразных методов исследования (статистический, историко-сравнительный, генетический) отличают позитивистскую модель историописания от предыдущих. Идеи позитивизма оказали мощное влияние на развитие теории и методики исторического источниковедения, в частности на разработку понятия исторического источника, классификацию, источниковедческой критики.

Позитивизм обусловил поднятие источниковедения на высокий профессиональный уровень, способствовал научной разработке теории и методики источниковедения. Позитивизм, пропагандировавший равноценность разных факторов общественного развития, подчёркивал значимость различ-

ных типов и видов исторических источников. Это дало толчок научной разработке понятия исторического источника. Большинство историков-позитивистов историческими источниками называли памятки прошлого, которые содержат информацию об исторических событиях и явлениях. Их подход был более близок к марксистам, трактовавшим исторические источники в первую очередь как продукты определённых общественных отношений. Историки-позитивисты пытались избежать характеристики исторических источников как результатов индивидуальной человеческой психики (последнее более характерно для неокантианцев).

Позитивистские принципы научной работы (особенно в методике работы с историческими источниками) сохранились и в творчестве многих историков советского и современного периодов. Именно историки-позитивисты сделали наибольший вклад в разработку внешней и внутренней критики и других вопросов методики источниковедения.

Следует также отметить особый стиль исторического мышления приверженцев позитивизма. Характерными признаками позитивистского нарратива были: рациональный (преимущественно естественнонаучный в 1860-х – 1880-х гг.), а не иррациональный (теологический, мистический и т. п.) подход к объяснению происхождения мира, новый дисциплинарный инструментарий (прежде всего обновлённые понятийный аппарат и методика исследования исторических источников).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники:

*Центральный государственный исторический
архив Украины, г. Киев*

Ф. 385. Жандармское управление г. Одессы, 1867—1917 гг.

оп. 1.

1. Д. 75. Переписка с третьим отделением собственной е. и. в. канцелярии, начальниками ГЖУ, Одесским полицмейстером и др. о сборе сведений и розыске лиц, состоящих под надзором полиции. 23 декабря 1874 — 3 января 1876 г., 209, 6 л.

Ф. 442. Канцелярия киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, 1832—1917 гг.

оп. 844. Секретная часть.

2. Д. 8. Дело по препровождению Министром внутренних дел циркуляров Главного управления по делам печати. 24 января 1894 — 23 ноября 1904 г., 119 л.

Ф. 473. Следственная комиссия по политическим делам при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе, 1844—1882 гг.

оп. 1.

3. Д. 20. О дворянах Синегубе В., Пилипенко В. и помещике Потоцком В., обвиняющихся в агитации среди крестьян с. Пилипчичи Переяславского у. Полтавской губ. с целью поднять восстание против царского правительства и о проверке показаний Синегуба о существовании в г. Киеве тайных обществ “Малорусская громада” и др. 25 апреля 1863 г. — 27 февраля 1865 г., 583 л.

Ф. 711. Киевская духовная академия, 1819—1917 гг.

оп. 3.

4. Д. 666. Программы преподавания в академии на 1863/64 и 1864/65 учебные годы, 78 л.

5. Д. 1126. Программы и конспекты лекций, прочитанных в 1874—1875 учебном году, 45 л.

6. Д. 2236. Программы преподавания в академии. 1895—1910 гг., 4 л.

Ф. 832. Антонович Владимир Бонифатьевич — доктор русской истории, профессор Киевского университета, 1860—1942 гг.

оп. 1.

7. Д. 75. Антонович В. Б. Черновые заметки и выписки [Б. д.], 35 л.

Ф. 1235. Грушевские — историки, лингвисты, 1830—1958 гг.

оп. 1.

8. Д. 104. М. С. Грушевський. Конспекти лекцій з історії середніх віків та нової історії країн Західної Європи. 1888 г., 168 л.
9. Д. 1453. Листування Грушевської К. М. 1922—1923 гг., 23 л.
- Ф. 2048. Петров Михаил Назарович — профессор всемирной истории Харьковского университета, 1843—1890 гг.

оп. 1.

10. Д. 57. Петров М. Н. О значении истории. [Б. д.], 19 л.
11. Д. 58. Петров М. Н. Литература XVIII в. [Б. д.], 26 л.
12. Д. 65. Петров М. Н. О разработке новой истории. [Б. д.], 13 л.
13. Д. 66. Учебные планы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях МНП. [Б. д.], 60 л.
14. Д. 71. Петров М. Н. Начало руководства по всеобщей истории. [Б. д.], 16 л.
15. Д. 72. Петров М. Н. Общий характер и направление истории Европы XIV и XV вв. [Б. д.], 58 л.
16. Д. 73. Петров М. Н. Движение всеобщей истории. [Б. д.], 6 л.
17. Д. 74. Петров М. Н. Главные отделы всеобщей истории и её времяисчисление. [Б. д.], 6 л.
- Ф. 624. Трубецкой Евгений Николаевич — публицист, профессор Киевского университета, 1877—1922 гг.

оп. 1.

18. Д. 37. Лекции Трубецкого Евгения Николаевича по истории политических учений. [Б. д.], 79 л.

Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов

- Ф. 138. Бадецкий Кароль — архивист, библиотекарь, библиограф, историк литературы, работник Архива древних актов во Львове (1914—1945), директор Архива древних актов во Львове (1938—1939), профессор Ягеллонского университета, 1846 г., 1905—1939 гг.

оп. 1.

19. Д. 12. Бадецкий К. Конспекты по історії філософії та психології. 1911 г., 129 л.
- Ф. 359. Назарук Осип, адвокат, журналист и публицист, писатель, общественный и политический деятель, действительный член НТШ, профессор, 1883—1944 гг.

оп. 1.

20. Д. 92. Назарук О. Т. [Работа об истории как науке]. [Б. д.], 85 л.
21. Д. 143. Назарук О. Т. Стаття про релігію і науку. [Б. д.], 13 л.
- Ф. 360. Старосольский Владимир-Степан, адвокат, юрист, социолог, общественный и политический деятель, действительный член НТШ, профессор, 1793—1940 гг.

оп. 1.

22. Д. 19. Стаття В. Старосольського “Суспільно-політичні рухи на Україні: Носії суспільно-політичних рухів”. [Б. д.], 22 л.
23. Д. 20. Стаття В. Старосольського про соціологічні передумови й наслідки боротьби суспільних груп та подвійний характер принципу більшості. 1908 г., 59 л.
24. Д. 37. Старосольський В. Конспект, покажчики, записки про вивчення і розробку проблем філософії і соціологічних основ. [Б. д.], 26 л.

466 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*

Ф. 368. Томашевский Степан — историк, публицист, политический деятель, действительный член НТШ, 1845, 1894—1930 гг.

оп. 1.

25. Д. 11. Стаття Томашівського Степана “Галичина як політичний і військовий чинник колись і тепер (причинок до історії світової війни)”. 1918 г., 60 л.

26. Д. 47. Стаття С. Томашівського “Про історичні причини політичної несамостійності українського народу”, 1918 г., 60 л.

Ф. 388. Николай Андрусак — историк, действительный член НТШ, библиотекарь НТШ во Львове, профессор УВУ, 1913—1939 гг.

оп. 1.

27. Д. 9. Андрусак М. Українська історіографія (1039—1939). [Б. д.], 422 л.

Ф. 401. Редакция журнала “Літературно-науковий вістник”, 1883—1938 гг.

оп. 1.

28. Д. 48. Статті, рецензії, огляди та другі наукові праці М. Грушевського з філософії, соціології та естетики, а також з джерелознавства. 1897—1900 гг., 98 л.

Ф. 765. Петрушевич Антоний — историк, филолог, этнограф, коллекционер, 1538—1913 гг.

оп. 1.

29. Д. 4. Стаття А. С. Петрушевича “Słów kilka, napisanych w obronie ruskiej narodowości” [“Несколько слов, написанных в защиту украинского народа”]. [Б. д.], 37 л.

Центральний державний архів-музей літератури і мистецтва України

Ф. 243. Петров Виктор Платонович (1894—1969) — украинский советский литературовед, этнограф, археолог, 1837—1867 гг.

оп. 1.

30. Д. 45. Петров В. П. Селянська теорія Куліша. 1923 г., 22 л.

31. Д. 46. Петров В. П. Теорія хуторянства П. Куліша. 1925 г., 142 л.

Государственный архив в Автономной Республике Крым

Ф. 538. Линниченко Иван Андреевич — профессор истории и археологии, 1890—1926 гг.

оп. 1.

32. Д. 16. Линниченко И. А. Заметки научного, литературного и автобиографического содержания. 1902—1922 гг., 65 л.

33. Д. 21. Линниченко И. А. [Статьи с оторванными заголовками]. 1921 г., 12 л.

34. Д. 34. Линниченко И. А. [Статья без заголовка. Б. д.], 18 л.

Государственный архив Львовской области

Ф. 254. Финкель Людвиг — польский историк, общественный деятель, профессор, ректор Львовского университета им. Яна Казимира, 1858—1930 гг.

оп. 1.

35. Д. 67. Фінкель Л. Конспект курсу лекцій з загальної історії. 1888—1889 гт., 162 л.
 36. Д. 75. Фінкель Л. Конспект курсу лекцій про завдання загальної історії як науки. 1895, 1897, 1901 гт., 37 л.
 37. Д. 87. Фінкель Л. Конспект курсу лекцій з історіографії. 1911 г., 92 л.
 Ф. Р —2923. Кордуба Мирон Михайлович, историк, профессор Львовского государственного университета, 1893—1969 гт.
 оп. 1.
 38. Д. 9. Кордуба М. М. Стаття “Розмежування і поділ історичного предмету”. Б. д., 16 л.
 39. Д. 40. Кордуба М. М. Конспект лекцій з історії філософії. [Б. д.], 61 л.
 40. Д. 41. Кордуба М. М. Конспект лекцій з джерелознавства. [Б. д.], 192 л.
 41. Д. 60. Кордуба М. М. Выписки з праць Ламрехта К. і Оскара Г. до історії Німеччини. 1894—1902 гт., 90 л.

Государственный архив Одесской области

- Ф. 42. Канцелярия попечителя Одесского учебного округа, 1834—1920 гт.
 оп. 35.
 42. Д. 183. Переписка с ректором Новороссийского университета о назначении и увольнении профессоров. 1874—1875 гт., 52 л.
 Ф. 45. Одесский (Новороссийский) университет, 1865—1920 гт.
 оп. 4.
 43. Д. 2881. Отчёт о заграничной командировке в Италию и Англию приват-доцента Круссмана. 1910 г., 35 л.
 44. Д. 2885. Отчёт историко-филологического факультета о командировках с научной целью. 1914—1918 гт., 8 л.
 оп. 11.
 45. Д. 9. О правах цензуры, предоставленной § 128 Устава университета. 1868 г., 5 л.
 Ф. 150. А. И. Маркевич — профессор истории Новороссийского университета, 1847—1903 гт.
 оп. 1.
 46. Д. 15. Маркевич А. И. Лекции по русской истории. [Б. д.], 154 л.
 47. Д. 36. Маркевич А. И. Лекции по общей истории. [Б. д.], 216 л.
 48. Д. 42. Маркевич А. И. Материалы по древней истории. [Б. д.], 100 л.
 Ф. 151. Е. Н. Щепкин — профессор всемирной истории Новороссийского университета, 1879—1920 гт.
 оп. 1.
 49. Д. 35. Щепкин Е. Н. Программы лекций. [Б. д.], 8 л.
 50. Д. 41. Щепкин Е. Н. Лекции по философии истории Генриха Риккерта. [Б. д.], 161 л.
 51. Д. 94. Щепкин Е. Н. Основы и сущность социализма. [Б. д.], 11 л.
 Ф. 153. И. А. Линниченко — профессор Новороссийского университета, 1579—1919 гт.
 оп. 1.
 52. Д. 67. Рукопись И. А. Линниченко об Амосе Каменском ; черновые заметки. 1892—1912 гт., 78 л.
 53. Д. 68. Линниченко И. А. Критические оценки сочинений Н. Рожкова. 6 марта 1904 г., 51 л.

54. Д. 135. Линниченко И. А. Заметки по философии. [Б. д.], 42 л.
55. Д. 163. Линниченко И. А. Программа лекций по обзору источников и пособий для русской истории. 1886—1892 гг., 124 л.
56. Д. 164. Программа и конспекты лекций И. А. Линниченко по спецкурсу “Обзор источников и пособий при занятиях русской историей”. 1886—1890 гг., 127 л.
57. Д. 166. Тексты лекций И. А. Линниченко по истории славянских народов. 8 марта 1889 — 22 марта 1891 гг., 104 л.

Государственный архив Черновицкой области

- Ф. 216. Черновицкий университет. К. К. Franz-Josephs-Universität in Czernowitz. Universitatea “Regele Ferdinand I din Cernăuți”, 1875—1944 гг.
- оп. 3.
58. Д. 61. Журнал регистрации запрещённой литературы. 1889—1904 гг., 19 л.
- оп. 4.
59. Д. 38. Курсовая работа студента Карауша Эллиса на тему “О методике преподавания теории и объёме курса истории в высшей гимназии”. 20 сентября 1881 — 11 октября 1888 гг., 16 л.
60. Д. 49. Семинарская работа студента Чофу Аурела “Наши национальные права на Бессарабию и Буковину”. [1920—1930-е гг.], 16 л.
- Ф. 988. Нистор Ион Янку — политический деятель, румынский историк, 1901—1939 гг.
- оп. 1.
61. Д. 15. Конспект лекций по истории Румынии (период средневековья), прочитанных И. Я. Нистором в Черновицком университете в 1930/1931 уч. году. 1930 г., 24 л.
- Ф. 1216. Фердинанд Цигляуэр фон Блюменталь (1829—1906) — историк, профессор Черновицкого университета, 1872—1893 гг.
- оп. 1.
62. Д. 2. Рукопись доклада “Прогресс нашего познания. О целях и задачах истории”. 1876 г., 48 л.

Государственный архив города Киева

- Ф. 16. Киевский университет св. Владимира, 1834—1920 гг.
- оп. 465.
63. Д. 86. Программы преподавания на историко-филологическом, физико-математическом, юридическом и медицинском факультетах на второе полугодие 1850/51 учебного года, 96 л.
64. Д. 102. Программы преподавания по историко-филологическому, физико-математическому, юридическому и медицинскому факультетам на первое полугодие 1854/55 уч. г. 1854 г., 43 л.
65. Д. 169. Программы лекций, читанных в университете в 1870/1871 и 1871/1872 учебных годах, 351 л.
66. Д. 859. Программы преподавания на второе полугодие 1851/52 учебного года. 1851 г., 28 л.

67. Д. 912. Докладные записки профессоров Модестова и Гогоцкого и доцентов Фортинского, Терновского и Мищенко о необходимости реформы преподавания предметов на факультете. 1874 г., 32 л.
68. Д. 1039. Протоколы испытаний Михаила Сергеевича Грушевского на степень магистра русской истории. 1892 г., 27 л.
69. Д. 4749. Формулярные списки преподавателей университета. 1854—1874 гг., 319 л.
70. Д. 4752. Формулярные списки служащих университета. 1869 г., 417 л.
71. Д. 4754. Формулярные списки преподавателей университета. 1872 г., 416 л.
72. Д. 4759. Формулярные списки преподавателей университета. 1884 г., 446 л.
73. Д. 4822. Послужные списки преподавателей и служащих университета на букву “Фин — Фор”. [Б. д.], 100 л.

Российский государственный исторический архив

Ф. 733. Департамент народного просвещения, 1803—1917 г.

оп. 87.

74. Д. 350. Правительственные постановления и циркулярные распоряжения по ведомству Министерства народного просвещения о служебных правах старообрядцев, сектантов, евреев, иностранцев, лиц, совершивших проступки или преступления, лиц, выдержавших специальные испытания для поступления на учёбную службу, о порядке испытаний для студентов, о запрещении употреблять в официальной переписке слова “прогресс”, о выработке правил уничтожения архивных дел, о сокращении переписки. 11 апреля 1836 г. — май 1858 г., 69 л.

оп. 195.

75. Д. 617. О разрешении разным лицам публичных чтений и лекций. 1904 г. — 10 февраля 1905 г., 169 л.

Ф. 776. Главное управление по делам печати, 1802—1917 гг.

оп. 3.

76. Д. 301. Дело о запрещении к печати сочинения Огюста Конта “Курс положительной философии”. Издание К. С. Аксакова. 8—13 июня 1866 г., 7 л.
77. Д. 322. Дело о наложении ареста на книгу Герберта Спенсера “Научные, политические и философские опыты” Вып. 2 и 3. За статью “Обычаи и приличия”, возбуждении судебного преследования против издателя Н. Тиблена и о последующем разрешении выпуска книги. 21 июля 1866 г. — 3 апреля 1867 г., 31 л.
78. Д. 702. Дело о запрещении к печати сочинения Огюста Конта “Курс положительной философии”. Т. 1. 14 января — 2 июля 1867 г., 33 л.

оп. 20.

79. Д. 827. Дело о рассмотрении жалоб разных лиц на цензурные учреждения. 5 января 1886 г. — 23 января 1889 г., 130 л.

Государственный архив Российской Федерации

Ф. 102. Департамент полиции. III делопроизводство, 1846—1917 г.

оп. 101.

80. Д. 558. О магистре всеобщей истории Евгении Викторовиче Тарле. 4 февраля 1903 г. — 7 марта 1905 г., 31 л.

470 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*

Ф. 109. 3-е отделение собственной его Имп. величества канцелярии, 1802—1881 гг. 1 эксп., оп. 34.

81. Д. 230. О воскресных школах, открытых в Киеве между студентами университета св. Владимира. 20 октября 1859 г., 60 л.

Российский государственный архив литературы и искусства

Ф. 130. Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк русской литературы и публицист, участник объединения “Вехи”, сотрудник журнала “Русская мысль” и газеты “Русские ведомости”

оп. 1.

82. Д. 104. Мечников И. Заметка о Герберте Спенсере и Ницше. [Б. д.], 1 л.

Ф. 305. Мельгунов Сергей Петрович (1879—1856) — публицист, историк, редактор журнала “Голос минувшего”

оп. 1.

83. Д. 319. Письма Довнар-Запольского Митрофана Викторовича. 10 января 1910 — 10 декабря 1913 гг., 38 л.

Ф. 2985. Киселёв Василий Александрович (1902—1975) — музыковед, в 1924—1939 гг. пианист и концертмейстер оркестра Театра им. Вахтангова, коллекционер

оп. 1.

84. Д. 635. Программы публичных лекций М. М. Ковалевского, А. А. Корсинина, А. А. Крубера, Н. И. Кулябко-Корецкого, О. Э. Озаровской, В. К. Серёжникова, А. И. Сидорова и др. 9 марта 1914 г. — 14 июля 1920 г., 12 л.

Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербургский филиал

Ф. 825. Бузескул Владислав Петрович, историк, академик

оп. 1.

85. Д. 5. Бузескул В. П. Гражданские войны, диктатуры и террор. 1920 г., 17 л.

Национальный архив Чехии

F. 904. Ukrajinské Muzeum v Praze

86. Karton 77. Вадим Щербаковский, профессор Украинского Вольного университета в Праге. Мемуары 1918—1921 лет, 77 к.

Архив Польской академии наук

III-7. Dzwonkowski Włodzimierz (1880—1954), historia nowożytna, prof. UŁ, czł. Łódzkiego IN

87. Rkps. № 85. Dzwonkowski W. Polska myśl socjologiczna. Wykład. Po 1945, 47 k.

III-170. Abraham Władisław (1860—1941), historia prawa polskiego, prof. UL, czł. PAU

88. Rkps. № 17. Abraham W. Subwencje na badania naukowe za granicą, Rzym, Berlin, Wielkoposka. 1892—1905, 6 k.

*Институт рукописи Национальной библиотеки
им. В. И. Вернадского Национальной академии наук Украины*

Ф. 1. Литературные материалы

89. Ед. хр. 1160. Антонович В. Б. Лекции о казачестве. [Б. д.], 82 л.
  90. Ед. хр. 7420. Антонович В. Б. Лист до М. І. Костомарова від 13 березня 1883 р., 2 л.
  91. Ед. хр. 7895. Антонович В. Б. [Вступительная лекция]. [60-е гг. XIX в.], 7 л.
  92. Ед. хр. 7901. Антонович В. Б. Конспекти курсу з історії Передмонгольської Русі. 1870 г., 19 л.
  93. Ед. хр. 7903. Антонович В. Б. Конспект лекцій з історії Передмонгольської Русі. 1878 г., 140 л.
  94. Ед. хр. 7907. Антонович В. Б. Любовь к отечеству. [Б. д.], 13 л.
  95. Ед. хр. 7920. Антонович В. Б. Значение исторических трудов Максимовича. [Б. д.], 2 л.
  96. Ед. хр. 8082. Спогади про В. Б. Антоновича. [Б. д.], 7 л.
  97. Ед. хр. 8083. Антонович В. Б. Историко-топографический очерк Южной Руси. Приват-курс, читанный курсисткам в 1880 г., 131 л.
  98. Ед. хр. 8089. Антонович В. Б. [Вступительная лекция]. [Б. д.], 6 л.
  99. Ед. хр. 8093. Антонович В. Б. История Галицкой Руси. История Литовской Руси. История Юго-Западной Руси. [Лекции, читанные в Киевском университете, 1880/88 гг.], 298 л.
  100. Ед. хр. 8101. Антонович В. Б. Лекции по русской истории. [Б. д.], 294 л.
  101. Ед. хр. 8104. Антонович В. Б. История Руси до монголов. Лекции проф. В. Б. Антоновича. [Б. д.], 269 л.
  102. Ед. хр. 8107. Антонович В. Б. Источники для истории юго-западной России. 1880—1888 гг., 52 л.
  103. Ед. хр. 8971. Ардашев П. Н. Философия в истории в отношении к общей философии. [Б. д.], 291 л.
  104. Ед. хр. 8972. Ардашев П. Н. Статья о философии истории. Конец XIX в., 187 л.
  105. Ед. хр. 8973. Ардашев П. Н. Терминология в истории Западной Европы. Конец XIX — нач. XX в., 1090 л.
  106. Ед. хр. 8993. Ардашев П. Н. К характеристике средневекового мирозерцания. [Б. д.], 24 л.
  107. Ед. хр. 28442. Кулиш П. Записная книжка : [выписки из Спенсера, Конта, Тиндаля, америк[анских] позитивистов, Бисмарка, Петра I и Екатерины II, а также народное творчество и др.]. 80-е гг. XIX в., 73 л.
  108. Ед. хр. 28500. Кулиш П. [Записки по алфавиту]. [Б. д.], 324 л.
  109. Ед. хр. 33898. Левицький О. Нариси з народного життя в Левобережній Україні в II полов[ині] XVII ст. [Б. д.], 449 л.
  110. Ед. хр. 44068. Драгоманов М. П. Древний Восток. Лекции по древней истории. 1869 г., 105 л.
  111. Ед. хр. 44069. Драгоманов М. П. Лекции по новой истории. Время возрождения и реформации. 1868 г., 73 л.
  112. Ед. хр. 44073. Драгоманов М. П. Первобытная культура. 1. Ископаемые. 2. Современные расы и дикари. 1874 г., 57 л.
  113. Ед. хр. 46859. Житецкий И. П. История философских учений. [Б. д.], 35 л.
- Ф. X. Всеукраинская академия наук

- 472 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*
114. Ед. хр. 5804. Михалевич О. І. Спомини про Київську громаду. [Б. д.], 5 л.
- Ф. XXIII. Бережков Михаил Николаевич (1850—1935) — историк
115. Ед. хр. 296. Бережков М. Н. В каком смысле история есть наука? Вступительные чтения в курс 1894/5 г. Нежин, 24 л.
116. Ед. хр. 297. Бережков М. Н. В чём интерес истории? Конспект лекций. [Б. д.], 18 л.
117. Ед. хр. 298. Бережков М. Н. Есть ли прогресс в истории? : (Опыт анализа понятий на основании исторических данных). 1900/01 г., 19 л.
118. Ед. хр. 301. Бережков М. Н. Источники для русской истории, письменные, устные, вещественные. 1892 г., 48 л.
119. Ед. хр. 303. Бережков М. Н. Место истории в кругу наук. Вступительная беседа. 10 сентября 1896 г., 6 л.
120. Од. збер. 309. Бережков М. Н. Понятие истории. Вступительные чтения в курс 1899/1900 года учебного. Критические замечания о прогрессе историческом. Понятие “прогресса”. Нежин, 10 л.
121. Ед. хр. 371. Бережков М. Н. Конспект курса русской этнографии. Нежин. 21 сентября 1921 г., 2 л.
122. Ед. хр. 372. Бережков М. Н. Конспект курса русской этнографии. Нежин. 1921/1922 г., 2 л.
123. Ед. хр. 452. Бережков М. Н. Власть божественна, державна по природе. [Б. д.], 2 л.
- Ф. XXIX. Данилевич Василий Ефимович (1872—1936) — историк, археолог
124. Ед. хр. 122. Данилевич В. Е. Роль географического фактора в русском историческом процессе. Вступительная лекция, прочитанная 22 сентября 1916 г. в Варшавском университете в Ростове-на-Дону, 10 л.
125. Ед. хр. 210. Данилевич В. Е. Вопрос о самобытности и сходстве русской истории с западной. Конспект лекций. Начало XX в., 9 л.
126. Ед. хр. 212. Данилевич В. Е. История Древней Руси. Начало 20 в., 102 л.
127. Ед. хр. 218. Данилевич В. Е. Разделение русской истории на периоды. Вступительная лекция, прочитанная 29 сентября 1907 г., 22 л.
- Ф. 46. Иконников Владимир Степанович (1841—1923) — историк
128. Ед. хр. 73. Иконников В. С. Характеристика главных направлений в русской историографии. Историческое значение Н. М. Карамзина. [Б. д.], 100 л.
129. Ед. хр. 467. Павлов П. В. Письмо к В. С. Иконникову. 16 апреля 1875 г., 2 л.
130. Ед. хр. 620. Иконникова А. Л. Записи о жизни и работе В. С. Иконникова. 1912—1913 гг., 82 л.
131. Ед. хр. 621. Иконникова А. Л. Интеллигентные силы. 1874 г., 192 л.
132. Ед. хр. 623. Иконникова А. Л. Попытка исследования вопроса о возникновении, целях и задачах женских обществ взаимопомощи. Реферат. 28 января 1907 г., 52 л.
133. Ед. хр. 704. Иконникова А. Л. Религия и её значение в жизни индивидуальной и общественной. Программа и доклад. [Б. д.], 24 л.
- Ф. 60. Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович (1838—1916) — историк права
134. Ед. хр. 11. Владимирский-Буданов М. Ф. Исторический материализм и правоведение. 90-е гг. XIX в., 2 л.
- Ф. 61. Кистяковский Александр Федорович (1833—1885) — правовед, историк права
135. Ед. хр. 365. Кистяковский А. Ф. Венский и Пражский университеты. 70-е гг. XIX в., 12 л.

136. Ед. хр. 415. Кистяковский А. Ф. Мнение по поводу неизбрания И. В. Лучицкого ординарным профессором по кафедре всеобщей истории Киевского университета. [70-е гг. XIX в.], 14 л.
- Ф. 66. Лучицкий Иван Васильевич (1845—1918) — историк, общественный деятель
137. Ед. хр. 32. Лучицкий И. В. Огюст Конт и его историческая система. 70—80-е гг. [XIX в.], 14 л.
138. Ед. хр. 40. Лучицкий И. В. Историография и методология всеобщей истории. 70—80-е гг. [XIX в.], 6 л.
139. Ед. хр. 560. Программы публичных лекций, читанных членами Общества Нестора-летописца и естествоиспытателями. 1897—1899, 1907 гг., 6 л.
140. Ед. хр. 574. Спогади М. В. Лучицької, дружини І. В. Лучицького та його учнів. [середина XIX в. — 1890 г.], 151 л.
141. Ед. хр. 575. Воспом[инания] М. В. Лучицкой [середина XIX в. — 1890 г.], 68 л.
- Ф. 127. Лилеев Михаил Иванович (1849—1911) — историк, педагог
142. Ед. хр. 13. Лилеев М. И. Курс лекций по истории России от древнего периода до середины XIX в., прочитанный студентам II-го курса Нежинского историко-филологического института в 1900—1901 году, 306 л.
- Ф. 164. Антонович Владимир Бонифатьевич (1834—1908) — украинский историк, археолог, этнограф
143. Ед. хр. 5. Антонович В. Б. О свойствах и обычаях человека древнего периода. Начало XX в., 10 л.
- Ф. 167. Ардашев Павел Николаевич (1865—1924) — историк, педагог
144. Ед. хр. 2. Ардашев П. Н. Субстанция и научный прогноз. [Конец XIX — начало XX в.], 28 л.
- Ф. 214. Лесевич Владимир Викторович (1837—1905) — философ-позитивист, общественный деятель, литературовед, фольклорист, действительный член НТШ
145. Ед. хр. 5. Лесевич В. В. Наброски к работам по философии. [Б. д.], 8 л.
146. Ед. хр. 6. Лесевич В. В. О мегафизике. Конец XIX в., 4 л.
147. Ед. хр. 8. Лесевич В. В. Позитивизм как теория. [Б. д.], 1 л.
- Ф. 304. Диссертации Киевской духовной академии
148. Ед. хр. 862. Курсовое сочинение студента III курса архимандрита Евгения. Учение о происхождении и постепенном развитии религии по Герберту Спенсеру. 1882 г., 70 с.
149. Ед. хр. 1847. Курсовое сочинение Михаила Глаголева. Педагогические воззрения Г. Спенсера с христианской точки зрения. 1905 г., 207 с.
150. Ед. хр. 1902. Курсовое сочинение студента IV курса Ф. Минченко. Возможен ли прогресс человечества без признания догматов, лежащих в основе христианства? [Б. д.], 159 с.
151. Ед. хр. 1954. Курсовое сочинение студента IV курса Киевской духовной академии Афиногена Кустова. Критическое исследование учения позитивизма (Огюста Конта) о т. н. “религии будущего”. 1907 г., 256 с.
152. Ед. хр. 1994. Курсовое сочинение студента IV курса Киевской духовной академии Алексея Великославинского “В какой степени мирозерцание русских шестидесятников (главным образом Чернышевского, Добролюбова и Писарева) отвечают логическим, этическим и эстетическим требованиям человеческого разума и религиозным запросам человеческого духа?”. 1908 г., 182, X с.
153. Ед. хр. 2085. Курсовое сочинение студента IV курса Киевской духовной ака-

474 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*

демии диакона И. Н. Войнова. О происхождении религии в связи с его постановкой у эволюционистов (Дарвина, О. Каспари и Г. Спенсера). 1910 г., 201 с.

Ф. 318. Дорошенко Дмитрий Иванович (1882—1951) — историк, библиограф, писатель, общественный деятель, литературовед, переводчик

154. Ед. хр. 21. Дорошенко Д. И. Рец. на кн.: М. Грушевський. Історія України-Руси. Т. 1—2. Уваги і замітки. 1900-е гг., 3 л.

155. Ед. хр. 31. Дорошенко Д. И. Из истории колонизации Новороссийского края. 1913 г., 53 л.

156. Ед. хр. 41. Дорошенко Д. И. Соціалізм і рідний край. Дискусія (на тлі революційного руху Франції). [1910-е гг.], 25 л.

Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника НАН Украины

Ф. 9. Отдельные поступления

157. Папка 149. Крип'якевич І. П. Український університет. 1920—1923 гг., [54, 9, 15 л.].

158. Папка 168. Крип'якевич І. П. Методика історії. Матеріали для методики для університета у Кам'янець-Подільську. 1919—1920 гг., [л. не пронумер.].

Ф. 36. Головацкий Яков Федорович, 80-е годы XIX в. — 1888 г.

159. Ед. хр. 832. Пережитое и перестраданное. [Б. д.], 16 л.

*Отдел книжных памятников, ценных изданий и рукописей
Центральной научной библиотеки
Харьковского национального университета
имени В. Н. Каразина*

160. Ед. хр. 501/с. Петров М. Н. Визионеры в истории. Запись лекций профессора Харьковского университета М. Н. Петрова. XIX в., 51 с.

161. Ед. хр. 838/с. Рославский-Петровский А. П. Древняя история. Запись лекций профессора Харьковского университета А. П. Рославского-Петровского. XIX в., 30 с.

Библиотека Варшавского университета. Кабинет рукописей

162. Rkps. 2935. Kryczyński S. Wspomnienia Stanisława Kryczyńskiego, 97 k.

Национальная библиотека в Варшаве. Институт рукописей

163. Rkps. 6387/1. Szelągowski A. Studia z dziejów rozwoju mitów i podań ludowych. Cz. 1—2, 436 k.

Ягеллонская библиотека. Отдел рукописей

164. Rkps. 6004/II. Korespondencja Karola Libelta, z lat 1849—1875. — Т. 1—2. — 412 k.

165. Rkps. 6444/VIII. Korespondencja Ludwika Gumplowicza (1838—1909), socjologa, historyka prawa, prof. Uniwersytetu w Grazu, z lat 1870—1909. — Т. 8, 210 k.

*Библиотека Национального заведения
имени Оссолинских во Вроцлаве. Отдел рукописей*

166. Rkps. 5925/1. Schmitt H. Dumania filozoficzne. 1849 г. , 80 k.
167. Rkps. 7337/1. Ptaśnik J. Papiery J. Ptaśnika. Skrypty wykładów uniwersyteckich. Cz. 1. Metodologia historii. 2. Paleografia i dyplomatyka. 3. Feudalizm, 470 k.
168. Rkps. 15369/II. Zakrzewcki S. Szkis autobiograficzny napisał Stanisław Zakrzewcki, prof[esor] Uniwer[sytetu] J[ana] K[azimierza] we Lwowie. 1873—1931. 1931 г. , 24 k.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

- Ф. 73. Василий Алексеевич Бильбасов
169. Ед. хр. 48. Лекции по всеобщей истории в Киевском университете. Ч. 1. 1867 г., 200 л.
170. Ед. хр. 49. Лекции по всеобщей истории в Киевском университете. Ч. 2. 1867 г., 183 л.
Ф. 324. Евгений Георгиевич Кагаров
171. Ед. хр. 302. Буржуазная методология. [1930-е гг.], 14 л.
Ф. 752. Александр Иванович Стронин
172. Ед. хр. 1. Биографические материалы А. И. Стронина. 1873—1887 гг., 23 л.
173. Ед. хр. 22. Стронин А. И. Историческая диагностика и прогностика России и другие приложения. 1880-е гг., 132 л.

*Научно-исследовательский отдел рукописи
Российской государственной библиотеки*

- Ф. 70. Герье Владимир Иванович
174. Картон 1. Ед. хр. 47. Ардашев П. Н. 8 писем. 1890—1897 гг., 43 л.
175. Картон 1. Ед. хр. 48. Ардашев П. Н. 13 писем. 1898—1899 гг., 31 л.
Ф. 285. Соловьёв Сергей Михайлович
176. Картон 7. Ед. хр. 13. Соловьёв С. М. Теософический взгляд на историю России. [Б. д.], 3 л.
Ф. 418. Маслов Василий Павлович
177. Картон 1. Ед. хр. 32. Рыльский Фадей Розеславович. Письмо к В. П. Маслову. 1862 г., 5 л.
Ф. 604. Пискорский Владимир Константинович
178. Картон 4. Ед. хр. 1. Пискорский В. К. Конспект курса средней истории, читанного в 1902—1903 академическом году : литогр. рукопись. Нежин. 1903 г., 406 л.
179. Картон 4. Ед. хр. 5. Пискорский В. К. Курс средней истории. Лекции на 1908—1909 акад. год. Нежин. 1909 г., 272 л.
180. Картон 5. Ед. хр. 9. Пискорский В. К. Экономическая история Западной Европы в новое время : литогр. конспект лекций 1907—1908 гг., 149 л.

476 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*

181. Картон 6. Ед. хр. 10. Пискорский В. К. Методология истории. Лекция, прочитанная 15 окт. 1909 года, 21 л.
182. Картон 6. Ед. хр. 11. Пискорский В. К. Очерки исторической методологии. 1910 г., 20 л.
183. Картон 6. Ед. хр. 12. Пискорский В. К. Теория эволюции и прогресса. Наброски, заметки, рефераты. [Б. д.], 53 л.
184. Картон 6. Ед. хр. 13. Пискорский В. К. Историографические и историософские заметки. [Б. д.], 57 л.
185. Картон 6. Ед. хр. 14. Пискорский В. К. 1. Конспект “Основных вопросов философии” Н. Кареева. 2. “Несколько соображений по поводу того, что представляет собой современная историческая наука и чем должна быть она на самом деле. Условия построения рациональной истории и теории общества”. 1887 г., 56 л.
186. Картон 6. Ед. хр. 15. Пискорский В. К. Записи к лекциям и библиографические заметки о социологии. 1909 г., 47 л.

Архив Национального музея истории Украины

Ф. 5. Украинский историк Василий Григорьевич Ляскоронский
оп. 1.

187. Ед. хр. 2. Ляскоронский В. Г. История Руси с древнейших времён до монгольского нашествия. Б. д., 55 л.

Музей истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

188. Ф. 8. Багалея Дмитрий Иванович
оп. 2.
П. 29—31.

Опубликованные источники:

189. Авсеенко В. Идеализм и материализм в истории / В. Авсеенко // Отечественные записки. — 1863. — Т. 148, № 5. — С. 1—30 ; Т. 149, № 7. — С. 1—30.
190. Аксаков И. С. Полное собрание сочинений / И. С. Аксаков. — М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. — Т. 3 : Польский вопрос и западнорусское дело. Еврейский вопрос. 1860—1886. — 844 с.
191. Аландский П. И. Философия и наука (посвящается А. А. Котляревскому) / П. И. Аландский // Университетские известия. — 1877. — № 1. — С. 94—115 ; № 2. — С. 135—159.
192. Аландский П. И. Лекции по истории Греции / П. И. Аландский // Университетские известия. — К., 1884. — № 9. — С. 1—48 ; № 10. — С. 49—80 ; № 11. — С. 81—112 ; № 12. — С. 113—168 ; 1885. — № 1. — С. 169—208 ; № 2. — С. 209—264 ; № 4. — С. 265—274.
193. Александра Е. Национальность по г. В. Соловьёву / Александра Е. // Неделя. — 1888. — № 36. — С. 1144—1149. — Александра Е. — псевд. А. Я. Ефименко.

194. Андреев В. Границы исторического мира, государств и городов в их последовательном развитии / В. Андреев // Университетские известия. — К., 1874. — № 4. — С. 133—163.
195. Андреевич Е. А. Опыт философии русской литературы / Е. А. Андреевич. — СПб. : Знание, 1905. — XI, 535, II с. — Андреевич Е. А. — псевд. А. Е. Соловьёва.
196. Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия / А. М. Андрияшев. — К. : Тип. ун-та, 1887. — 232 с.
197. Андрияшев О. Нарис історії колонізації Переяславської землі до початку XVI в. / О. Андрияшев // Записки історико-філологічного відділу ВУАН. — 1931. — Кн. 26. — С. 1—29.
198. Андрияшев О. Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI в. / О. Андрияшев // Записки історико-філологічного відділу ВУАН. — К., 1928. — Кн. 20. — С. 95—128.
199. Антоневиц Н. Введение в отечественную историю / Н. Антоневиц. — Львов : Тип. Ставропиг. ин-та, 1905—1907. — Ч. 1—2.
Ч. 1. — 1905. — XII, 89 с.
Ч. 2. — 1907. — 93 с.
200. Антонович В. Б. Автобіографічні записки Володимира Антоновича / В. Б. Антонович // Літературно-науковий вістник. — 1908. — Т. 43, кн. 7. — С. 3—17; Кн. 8. — С. 193—204.
201. Антонович В. Записка Вол. Антоновича в справі обмежень української мови / В. Антонович // Записки Українського наукового товариства в Києві. — 1908. — Кн. 3. — С. 33—39.
202. Антонович В. Б. Исследование о городах Юго-западного края / В. Б. Антонович // Монографии по истории западной и юго-западной России / В. Б. Антонович. — К., 1885. — Т. 1. — С. 133—194.
203. Антонович В. Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие (1362—1569) / В. Антонович // Киевская старина. — 1882. — Кн. 1. — С. 1—48.
204. Антонович В. Н. И. Костомаров как историк / В. Антонович // Киевская старина. — 1885. — Кн. 5. — С. XXVI—XXXIV.
205. Антонович В. Б. Курс лекцій з джерелознавства : 1880—1881 : Історія України в університетських лекціях / В. Б. Антонович. — К. : Вид. Ін-ту укр. археографії та джерелознавства, 1995. — 108 с.
206. Антонович В. Моя исповедь. Ответ пану Падалице по поводу статьи в VII книжке “Основы” “Что об этом думать” и письма г. Падалицы в X книжке / В. Антонович // Основа. — 1862. — № 1. — С. 83—96.
207. Антонович В. Несколько слов г. Корзону / В. Антонович // Киевская старина. — 1893. — Кн. 1. — С. 161—166.
208. Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия / В. Б. Антонович. — К. : Тип. ун-та, 1878. — Вып. 1. — 156 с.
209. Антонович В. Б. Погляди українофілів / В. Б. Антонович // Моя сповідь : вибр. іст. та публіцист. твори / В. Б. Антонович. — К., 1995. — С. 143—152.
210. Антонович В. Польско-русские соотношения XVII в. в современной польской призме (по поводу повести Г. Сенкевича “Огнем и мечём”) / В. Антонович // Киевская старина. — 1885. — Кн. 5. — С. 44—78.
211. Антонович В. Прилуцкий полковой есаул Михайло Мовчан и его записная книга / В. Антонович // Киевская старина. — 1885. — Кн. 1. — С. 57—84.

212. Антонович В. Б. Предисловие / В. Б. Антонович // Архив Юго-Западной России. — К., 1868. — Ч. 3, т. 2 : Акты о казаках (1679—1716). — С. 1—197.
213. Антонович В. Б. Предисловие / В. Б. Антонович // Архив Юго-Западной России. — К., 1867. — Ч. 4, т. 1 : Акты о происхождении шляхетских родов в Юго-Западной России. — С. 1—62.
214. Антонович В. Б. Предисловие / В. Б. Антонович // Архив Юго-Западной России. — К., 1870. — Ч. 6, т. 2 : Акты об экономических и юридических отношениях крестьян в XVIII веке (1700—1799). — С. 1—64.
215. Антонович В. Б. Предисловие / В. Б. Антонович // Архив Юго-Западной России. — К., 1871. — Ч. 1, т. 4 : Акты об унии и состоянии православной церкви с половины XVII века (1648—1798). — С. 1—99.
216. Антонович В. Б. Предисловие / В. Б. Антонович // Архив Юго-Западной России. — К., 1876. — Ч. 3, т. 3 : Акты о гайдамаках. 1700—1768 гг. — С. 1—128.
217. Антонович В. Б. Предисловие / В. Б. Антонович // Архив Юго-Западной России. — К., 1902. — Ч. 3, т. 5 : Акты о мнимом крестьянском восстании в Юго-Западном крае в 1789 г. — С. 1—99.
218. Антонович В. Б. Про козацькі часи на Україні / В. Б. Антонович. — К. : Дніпро, 1991. — 238 с.
219. Антонович В. Б. Про правне та економічне становище селян у XVIII в. / В. Б. Антонович // Розвідки про селянство на Україні-Руси в XV—XVIII в. — Львів, 1901. — Ч. 1. — С. 113—161.
220. Антонович В. [Рецензия] / В. Антонович // Киевская старина. — 1883. — Кн. 2. — С. 417—428. — Рец. на кн.: О Богдане Хмельницком / П. Н. Буцинский. — Х. : Тип. М. Зильберберга, 1882. — 240 с.
221. Антонович В. Б. Содержание актов о казаках (1500 по 1648 г.) / В. Б. Антонович // Архив Юго-Западной России. — К., 1863. — Ч. 3, т. 1 : Акты о казаках (1500—1648). — С. I—CXX.
222. Антонович В. Б. Три національні типи народні / В. Б. Антонович // Моя сповідь : вибр. іст. та публіцист. твори / В. Б. Антонович. — К., 1995. — С. 90—101.
223. Антонович В. Характеристика деятельности Богдана Хмельницкого / В. Антонович // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. — 1899. — Кн. 13. — С. 100—104.
224. Антонович В. Б. Чари на Україні / В. Б. Антонович. — Львів : Друк. НТШ, 1905. — 78 с.
225. Аптекман О. В. Общество “Земля и Воля” 70-х годов по личным воспоминаниям / О. В. Аптекман. — Пг. : Колос, 1924. — 460 с.
226. Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе / П. Н. Ардашев. — СПб. : Изд. Брокгауза-Ефрона, 1902. — V, 183 с.
227. Ардашев П. Н. Ипполит Тэн / П. Н. Ардашев // Вестник и библиотека самообразования. — 1903. — № 44. — С. 1776—1780.
228. Ардашев П. Н. Исторический материализм / П. Н. Ардашев // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. — 1908. — Кн. 20, вып. 3. — С. 58—63.
229. Ардашев П. Н. История как наука / П. Н. Ардашев // Русское богатство. — 1896. — № 4. — С. 1—25.
230. Ардашев П. Н. Курс новой истории для VII кл. мужских гимназий / П. Н. Ардашев. — К. : Тип. 2-й Киев. артели, 1915. — X, 287 с.

231. Ардашев П. Н. Научно-историческая разработка материалов по истории Великой Французской революции / П. Н. Ардашев // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. — К., 1907. — Кн. 20, вып. 1. — С. 13—17.
232. Ардашев П. Н. Национализм на Западе. Его историческое происхождение и главнейшие моменты его развития : лекция, чит. в Киев. клубе рус. националистов 14 окт. 1910 г. / П. Н. Ардашев. — К. : Тип. Кушнерева, 1911. — 48 с.
233. Ардашев П. Н. О прогрессе в исторической науке : вступ. лекция, чит. в университете св. Владимира 14 окт. 1903 г. / П. Н. Ардашев // Университетские известия. — К., 1904. — № 1. — С. 1—30.
234. Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774—1789. Т. 2 : Провинциальные интенданты / П. Н. Ардашев. — СПб. : Тип. И. И. Чоколова, 1906. — XXII, 733 с.
235. Ардашев П. Н. [Рецензия] / П. Н. Ардашев // Русское богатство. — 1903. — № 4. — С. 53—57. — Рец. на кн.: Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли / С. С. Арнольди. — 2-е изд. — СПб. : Тип. М. Я. Минкова, 1903. — XII, 340 с. — С. С. Арнольди — псевд. П. Л. Лаврова.
236. Аристов Н. Я. Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855—1880) / Н. Я. Аристов // Исторический вестник. — 1880. — Кн. 4. — С. 665—680.
237. Ахшарумов Н. Д. О психологии Герберта Спенсера / Н. Д. Ахшарумов // Всемирный труд. — 1867. — № 10. — С. 245—278. — Рец на кн.: The principles of psychology / Н. Spencer. — London : Longmans, 1855. — 620 p.
238. Багале́й Д. И. История Северной земли до половины XIV стол. / Д. И. Багале́й. — К. : Тип. ун-та, 1882. — 310, IV с.
239. Багале́й Д. И. Русская историография / Д. И. Багале́й. — Х. : Тип. С. Иванченко, 1907. — 397 с. — Литогр. рукопись.
240. Багале́й Д. И. Русская история. Ч. 1. До половины XIII ст. (домонгольский период) / Д. И. Багале́й. — Х. : Тип. С. Иванченко, 1909. — 217, III с.
241. Багале́й Д. И. Русская история с картами, планами и снимками памятников древности и искусства. Т. 1. Княжеская Русь (до Иоанна III) / Д. И. Багале́й. — М. : Тип. И. Д. Сытина, 1914. — VIII, 513 с.
242. Багале́й Д. Удельный период и его изучение / Д. Багале́й // Киевская старина. — 1883. — Кн. 2. — С. 301—318.
243. Багале́й Д. І. Автобіографія : п'ятдесят літ на сторожі укр. науки та культури / Д. І. Багале́й. — К. : Друк. ВУАН, 1927. — 163, VII с.
244. Багале́й Д. І. Критика критики (відповідь Ф. Ястребову на його рецензію мого “Нарису історії України на соціально-економічному ґрунті”) / Д. І. Багале́й // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. — 1930. — Т. 10. — С. 165—180.
245. Багале́й Д. І. Нарис української історіографії. Т. 1, вип. 1. Літописи / Д. І. Багале́й. — К. : Друк. ВУАН, 1923. — 138 с.
246. Бакунин М. А. Избранные сочинения. Т. 1. Государственность и анархия / М. А. Бакунин. — 2-е изд. — Пг. ; М. : Голос труда, 1922. — 254 с.
247. Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм / М. А. Бакунин // Полное собрание сочинений / М. А. Бакунин ; под ред. А. И. Бакунина. — М., [1906]. — Т. 1. — С. 44—176.
248. Барві́нський О. Історія української літератури. Ч. 2. Третя (народна) доба письменства / О. Барві́нський. — Львів : Вид. НТШ, 1921. — 429 с.

249. Барвінський О. Цісар і король Франц-Йосиф І. 1848—1908. Картинки з його життя на спомин 60-літнього володарства / О. Барвінський. — Львів : Друк. НТШ, 1908. — 40 с.
250. Барт П. Философия истории как социология : пер. с нем. / П. Барт. — СПб. : Электронпечатня, 1902. — XIX, 348 с.
251. Бачинський Ю. Моя переписка з Михайлом Драгомановим (Додаток до “Україна irredenta”) / Ю. Бачинський. — Львів : Накл. автора, 1900. — 72 с.
252. Бачинський Ю. Україна irredenta (по поводу еміграції). Суспільно-політичний скіц / Ю. Бачинський. — Львів : Накл. Д. Лукіяновича, 1895. — 139 с.
253. Бельтов Н. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп. / Н. Бельтов. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. — 289 с. — Н. Бельтов — псевд. Г. В. Плеханова.
254. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. — М. : Наука, 1990. — 224 с.
255. Бережков М. Н. Несколько слов на тему “о национальном самоотречении” (по поводу статьи г. В. Соловьёва “О народности и народных делах России”) / М. Н. Бережков // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. — 1884. — № 5. — С. 3—11.
256. Бережков М. Н. Об истории как народном самосознании / М. Н. Бережков // Известия историко-филологического института кн. Безбородько в Нежине. — 1884. — Т. 8. — С. 1—12.
257. Беренштам-Кістяківська М. Українські гуртки в Києві другої половини 1880-их та початку 90-их років / М. Беренштам-Кістяківська // За сто літ : матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початків XX століття. — К., 1928. — Кн. 3. — С. 206—225.
258. Бернгейм Э. Введение в историческую науку : пер. с нем. / Э. Бернгейм. — М. : Изд. М. Н. Прокоповича, 1899. — 135 с.
259. Бернгейм Э. Введение в историческую науку : пер. с нем. / Э. Бернгейм. — СПб. : Знание, 1908. — 69 с.
260. Бернгейм Э. Философия истории, её история и задачи : пер. с нем. / Э. Бернгейм. — М. : Изд. Н. Н. Ключкова, 1909. — 112 с.
261. Бестужев-Рюмин К. Н. Рецензия / К. Н. Бестужев-Рюмин // Журнал Министерства народного просвещения. — 1885. — Ч. 237, № 1. — С. 95—139. — Рец. на кн.: История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. — 603 с.
262. Бицилли П. М. Социология и история / П. М. Бицилли // Правни изследвания посветени на проф. В. Ганев, по случай 30-годинката му академична дейност. — София, 1939. — С. 27—38.
263. Боборыкин П. Д. В усадьбе и на порядке / П. Д. Боборыкин // Вестник Европы. — 1875. — № 1. — С. 5—106.
264. Богdashевский Д. О взаимном отношении философии и естествознания : речь, произнес. на годичном акте Киев. духовной академии 26 сентября 1894 г. / Д. Богdashевский. — К. : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. — 42 с.
265. Богdashевский Д. Философия Канта / Д. Богdashевский // Труды Киевской духовной академии. — 1898. — № 2. — С. 181—204 ; № 5. — С. 54—74 ; № 6. — С. 201—228 ; № 7. — С. 389—431 ; № 9. — С. 24—68.
266. Боголюбов Н. М. Новый социализм, его теория и практика / Н. М. Боголюбов. — М. : Тип. И. Ефимова, 1912. — 59 с.

267. Бокль Г. Т. Влияние женщины на успехи знания / Г. Т. Бокль ; пер. с англ. С. Буйницкого. — СПб. : Тип. Н.Тиблена, 1864. — 54 с.
268. Бокль Г. Т. Влияние женщины на успехи знания / Г. Т. Бокль ; пер. с англ. А. М. Лазаревой. — СПб. : Тип. И. Н. Кушнерева, 1890. — 54 с.
269. Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии / Г. Т. Бокль ; пер. с англ. К. Н. Бестужева-Рюмина и Н. Л. Тиблена. — СПб. : Изд. Тиблена и Пантелеева, 1863—1864. — Т. 1—2. — XIV, 699, XVI, VI с.
270. Бокль Г. Т. Мнение Бокля о сочинениях Милля (О философии, политической экономии, о труде, капитале, религии и других поучительных предметах) / Г. Т. Бокль // Отечественные записки. — 1865. — Т. 158, кн. 1. — С. 117—138 ; Кн. 2. — С. 716—741.
271. Бокль Г. Т. Отношение между умственным и нравственным развитием / Г. Т. Бокль // Отечественные записки. — 1860. — Т. 130, кн. 5. — С. 209—239.
272. Бокль Г. Т. Природа і цивілізація / Г. Т. Бокль ; пер. С. Риндик. — Кам'янець-на-Поділля: Дністер, 1919. — 81, V с.
273. Бокль Г. Т. Способы изучения истории / Г. Т. Бокль // Отечественные записки. — 1861. — Т. 134, кн. 2. — С. 381—396.
274. Бокль Г. Т. Этюды / Г. Т. Бокль ; пер. с англ. под ред. П. Н. Ткачёва. — СПб. : Изд. Ю. Луканина, 1867. — 239 с.
275. Бочковський О. І. До п. Едварда Еріо. Отвертий лист проф. О. І. Бочковського / О. І. Бочковський // Діло. — 1933. — 9 верес. (№ 236).
276. Брикнер А. Г. О главных задачах исторической науки : речь, произнес. в торжеств. собрании Имп. Новорос. ун-та орд. проф. всеобщей истории А. Брикнером 30-го августа 1868 года / А. Г. Брикнер. — Одесса : Тип. С. Алексомати, 1868. — 17 с.
277. Брикнер А. Г. О так называемых исторических семинариях при университетах Германии / А. Г. Брикнер // Журнал Министерства народного просвещения. — 1870. — Ч. 152, № 12. — С. 147—180.
278. Бубнов Н. М. О значении Римской империи во всемирной / Н. М. Бубнов // Университетские известия. — К., 1891. — № 11. — С. 1—16.
279. Бубнов Н. М. Пособие по методологии истории / Н. М. Бубнов. — К. : Труд, 1911. — 249 с.
280. Бузескул В. П. Античность и современность. Современные темы в античной Греции / В. П. Бузескул. — 2-е изд., доп. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. — 210 с.
281. Бузескул В. П. Введение в историю Греции / В. П. Бузескул. — Х. : Тип. М. Зильберберга, 1903. — V, 535 с.
282. Бузескул В. П. Введение в историю Греции : Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / В. П. Бузескул. — 3-е изд. — Пг. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1915. — 592 с.
283. Бузескул В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1 / В. П. Бузескул. — Л. : Изд-во АН СССР, 1929. — 218 с.
284. Бузескул В. П. Германский учёный об “адвокатской республике” / В. П. Бузескул // Анналы : журн. всеобщей истории. — 1922. — № 1. — С. 189—193.
285. Бузескул В. П. Женский вопрос в древней Греции / В. П. Бузескул. — Х. : Тип. Кушнерева, 1905. — 42 с.

286. Бузескул В. П. Генрих Зибель как историк-политик / В. П. Бузескул // Записки Харьковского университета. — 1896. — № 4. — С. 201—235.
287. Бузескул В. П. Из истории критического метода. Ранке и Штенцель : докл. в заседании отд. ист. наук и филологии 19 мая 1926 года / В. П. Бузескул // Известия Академии наук СССР. — 1926. — Т. 20 (12). — С. 1123—1138.
288. Бузескул В. Из истории Харьковского университета второй половины 70-х годов прошлого века / В. Бузескул // Наукові записки Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. — 1927. — № 6. — С. 1—14.
289. Бузескул В. П. Исторический процесс по воззрениям греческих историков / В. П. Бузескул // Образование. — 1902. — № 11. — С. 31—55.
290. Бузескул В. П. Коммунистические идеи 2300 лет тому назад / В. П. Бузескул // Жизнь России. — 1917. — 20 дек. (№ 7). — С. 3.
291. Бузескул В. П. М. Н. Петров : (некролог) / В. П. Бузескул // Журнал Министерства народного просвещения. — 1887. — Ч. 250, № 3. — С. 42—47.
292. Бузескул В. П. Леопольд Ранке : (некролог) / В. П. Бузескул // Журнал министерства народного просвещения. — 1886. — № 7. — С. 50—61.
293. Бузескул В. П. Обзор немецкой литературы по истории средних веков : (лекция, чит. в Имп. Харьк. ун-те 26 апр. 1885 г.) / В. П. Бузескул. — Х. : Тип. Счасни, 1885. — 38 с.
294. Бузескул В. П. Речь в ответ на приветствия и доклады в заседании научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры / В. П. Бузескул // Наукові записки / Праці Харківської науково-дослідної кафедри історії європейської культури. — 1929. — Вип. 3. — С. 5—9.
295. Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия / В. П. Бузескул // Русская мысль. — 1915. — Ч. 2. — С. 24—85.
296. Булгаков С. Н. Карл Маркс как религиозный тип : (Из этюдов о религии челоубожества) / С. Н. Булгаков. — СПб. : Изд. Д. Е. Жуковского, 1907. — 55 с.
297. Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса / С. Н. Булгаков // Проблемы идеализма. — М., 1902. — С. 1—47.
298. Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму : сб. ст. (1896—1903) / С. Н. Булгаков. — СПб. : Обществ. польза, 1903. — XXI, 347 с.
299. Василевский Л. Спорные вопросы в области польско-украинских отношений / Л. Василевский // Украинская жизнь. — 1912. — № 10. — С. 39—51.
300. Василенко Н. К истории малорусской историографии и малорусского общественного строя: (Заметки по поводу статей В. А. Мякотина “Прикрепление крестьянства Левобережной Малороссии в XVIII столетии” в “Русском богатстве” 1894 г. № 2, 3 и 4) / Н. Василенко // Киевская старина. — 1894. — Кн. 11. — С. 242—270 ; Кн. 12. — С. 402—424.
301. Ватсон Э. К. Огюст Конт и позитивная философия / Э. К. Ватсон // Современник. — 1865. — № 8. — С. 415—452 ; № 11—12. — С. 319—356.
302. В. В. Наши направления / В. В. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. — 215 с. — псевд. В. П. Воронцова.
303. Введенский А. И. Судьбы философии в России / А. И. Введенский // Вопросы философии и психологии. — 1898. — Кн. 2 (42). — Март-апр. — С. 314—354.
304. Вебер А. История европейской философии / А. Вебер ; пер. с фр. И. Линниченко, В. Подвысоцкого. — К. : Тип. Н. Я. Фёдорова, 1882. — 409 с.

305. Вебер М. Эволюция и прогресс : пер. с нем. / М. Вебер // Новые идеи в социологии. — СПб., 1914. — Сб. 3 : Что такое прогресс. — С. 68—90.
306. Веретенников В. И. Два этюда по технике исторического исследования / В. И. Веретенников // Наукові записки / Праці науково-дослідної кафедри історії європейської культури. — 1929. — Вип. 3. — С. 339—358.
307. Веретенников В. И. К построению понятия об историческом факте / В. И. Веретенников // Наука на Украине. — 1922. — № 2. — С. 37—46.
308. Веретенников В. И. Несколько слов об исторической критике / В. И. Веретенников // Сборник Харьковского историко-филологического общества. — 1914. — Т. 21. — С. 105—118.
309. Веретенников В. И. Случайность в историческом процессе и статистический метод / В. И. Веретенников // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. — 1913. — Ч. 48, № 11. — С. 19—45.
310. Веретенников В. И. Этюды по вопросам исторического конструирования: (Из опыта русской исторической науки) / В. И. Веретенников // Наукові записки / Праці Харківської науково-дослідної кафедри історії європейської культури. — 1927. — Вип. 1. — С. 147—164.
311. Ветухов О. Віхи на шляху від старої статичної етнографії до сучасної динамічної етнології та краєзнавства (про минулий та сучасний стан етнографії) / О. Ветухов // Збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. — 1927. — Ч. 7, вип. 1. — С. 1—30.
312. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. — Л. : Худож. лит., 1940. — XXVI, 619 с.
313. Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия : пер. с нем. / В. Виндельбанд. — М. : Звено, 1910. — 177 с.
314. Вишпер Р. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. : (Теория прогресса) / Р. Вишпер. — Иваново-Вознесенск : Основа, 1925. — 196 с.
315. В. К. Позитивизм в русской литературе / В. К. // Русское богатство. — 1889. — № 3. — С. 3—41. — Подпись: В. К. — псевд. В. Л. Кигна.
316. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. — 2-е изд. — К. : Тип. Н. Я. Оглоблина, 1888. — XXVI, 542 с.
317. Вовк Ф. Від редакції : (Дещо про теперішній стан і завдання української етнології) / Ф. Вовк // Матеріали до українсько-руської етнології. — Львів, 1899. — Т. 1. — С. V—XIX.
318. Вовк Ф. Студії з української етнографії та антропології / Ф. Вовк. — К. : Мистецтво, 1995. — 335 с.
319. Волков Ф. Антропологические особенности украинского народа / Ф. Волков // Украинский народ в его прошлом и настоящем / под ред. Ф. К. Волкова, М. С. Грушевского, М. М. Ковалевского, Ф. Е. Корша, А. Е. Крымского, М. И. Туган-Барановского, А. А. Шахматова. — Пг., 1916. — Т. 2. — С. 427—454.
320. Волков Ф. Антропология и её университетское преподавание / Ф. Волков // Ежегодник Российского антропологического общества при Петроградском университете. — 1915. — Т. 5. — С. 99—107.
321. Волков Ф. Украинцы в антропологическом отношении / Ф. Волков // Украинский вестник. — 1906. — № 7. — С. 418—426.
322. Вормс Р. Общественный организм / Р. Вормс : пер. с фр. и предисл. А. С. Травецкого. — СПб. : Изд. С. Ф. Павленкова, 1897. XVI, 247 с.

323. Гайм Р. Гегель и его время: лекции о первоначальном возникновении и развитии, сущности и достоинстве гегелевой философии, чит. в Берлин. ун-те / Р. Гайм ; пер. с нем. П. Л. Соляникова. — СПб. : Тип. И. Огризко, 1861. — 388, 20 с.
324. Гальперин С. И. Обзор социологической литературы за 1901 г. / С. И. Гальперин. — Екатеринослав : Тип. Ротенберга, 1902. — 51 с.
325. Гальперин С. И. Органическая теория строения и развития общества. Ч. 1. Изложение и критика учения Спенсера / С. И. Гальперин. — Екатеринослав : Тип. Ротенберга, 1900. — 134 с.
326. Гальперин С. И. Современная социология : (обзор социол. лит. за 1902 г.) / С. И. Гальперин. — Екатеринослав : Тип. Ротенберга, 1903. — 375 с.
327. Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 13 т. Т. 8. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. А. М. Водена ; под ред. Ф. А. Горохова. — М. ; Л. : Соцэкгиз, 1935. — LXX, 470 с.
328. Геккель Е. Звідки і як взялися люди на землі? / Е. Геккель ; пер. с нім. І. Франка. — Львів : Друк. т-ва ім. Шевченка, 1879. — 31 с.
329. Геккель Э. Учение об органических формах, основанное на теории превращения видов / Э. Геккель ; пер. под ред. И. Мечникова. — СПб. : А. Заленский, 1869. — VI, 179 с.
330. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. — М. : Наука, 1977. — 703 с.
331. Гермайзе О. З історії сільського господарства в Лівобережній Україні XVIII ст. / О. Гермайзе // Записки історико-філологічного відділу ВУАН. — 1925. — Кн. 6. — С. 208—233.
332. Гермайзе О. [Рецензія] / О. Гермайзе // Україна. — 1924. — Кн. 3. — С. 149—153. — Рец. на рец.: Hauptprobleme der Soziologie. Erinnerungsgabe für M. Weber. — München : Duncker & Humblot, 1923. — Bd. 1—2.
333. Гермайзе О. Українські соціалісти та основоположники наукового соціалізму / О. Гермайзе // Життя і революція. — 1925. — № 1—2. — С. 25—28.
334. Герцен А. И. Дилетантизм в науке / А. И. Герцен // Собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. — М., 1954. — Т. 3 : Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. — С. 5—88.
335. Герцен А. И. Западные книги / А. И. Герцен // Собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. — М., 1958. — Т. 13 : Статьи из “Колокола” и другие произведения 1857—1858 годов. — С. 92—102.
336. Герцен А. И. Положительная философия / А. И. Герцен // Собрание сочинений : в 30 т. / А. И. Герцен. — М., 1960. — Т. 19 : Статьи из “Колокола” и другие произведения 1866—1867 годов. — С. 268.
337. Гизо Ф. П. Г. История цивилизации во Франции. Ч. 1 / Ф. П. Г. Гизо. — М. : Тип. Грачёва, изд. К. Т. Солдатенкова, 1877. — 258 с.
338. Гильфердинг А. Польский вопрос / А. Гильфердинг // Собрание сочинений / А. Гильфердинг. — Т. 2 : Статьи по современным вопросам славянским. — СПб., 1868. — С. 291—362.
339. Гогель С. Одно из крупных дел М. М. Ковалевского / С. Гогель // М. М. Ковалевский. Учёный, государственный и общественный деятель и гражданин. — Пг., 1917. — С. 115—118.
340. Гогоцкий С. С. Философский лексикон / С. С. Гогоцкий. — К. , 1857—1866. — Т. 1—4.

- Т. 1. — К. : Тип. ун-та, 1857. — 579, IV с.
- Т. 2. — К. : Тип. Давиденко, 1861. — 841, III с.
- Т. 3. — К. : Тип. Е. Я. Фёдорова, 1866. — 639, IV с.
- Т. 4, вып. 1. — К. : Тип. Е. Я. Фёдорова, 1872. — III, 432 с.
341. Гогоцкий С. С. Философский словарь, или Краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии / С. С. Гогоцкий. — К. : Тип. “Киев. телеграф”, 1876. — 144 с.
342. Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV столетия / П. В. Голубовский. — К. : Тип. ун-та, 1881. — 201 с.
343. Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. / П. В. Голубовский. — К. : Тип. ун-та, 1895. — II, 334 с.
344. Голубовский П. В. Материалы русской истории и отношение к ним в разное время / П. В. Голубовский // Исторический вестник. — 1902. — № 12. — С. 1003—1014.
345. Гольдин Н. С. История древнего Востока / Н. С. Гольдин. — 3-е изд. — Х. : Тип. С. Иванченко, 1910. — 243 с.
346. Гольдин Н. С. Общие понятия исторической науки / Н. С. Гольдин. — М. : Тип. И. Сытина, 1912. — 12 с.
347. Гредескул Н. А. Ложная идея : (К вопросу о “культурном сепаратизме”) / Н. А. Гредескул // Национальные проблемы. — 1915. — № 2. — С. 2—5.
348. Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл / Н. А. Гредескул // Интеллигенция в России. — СПб., 1910. — С. 8—58.
349. Грот Н. Я. Ещё несколько соображений о задачах социологии и о научном понятии “прогресс” / Н. Я. Грот. — Одесса : Тип. Зеленского, 1884. — 6 с.
350. Грот Н. Я. К вопросу о классификации наук / Н. Я. Грот. — СПб. : Тип. Суворина, 1884. — 71 с.
351. Грот Н. Я. Критика понятия прогресса / Н. Я. Грот. — М. : Тип. Кушнерева, 1899. — 25 с.
352. Грот Н. Я. О научном значении пессимизма и оптимизма как мировоззрений : (публ. лекция, чит. в зале ун-та 11 марта 1884 г. в пользу о-ва народ. чтений в Одессе) / Н. Я. Грот. — Одесса : Тип. Зеленского, 1884. — 28 с.
353. Грот Н. Я. Прогресс и наука : лекция, чит. в Новорос. ун-те 7 и 8 дек., как продолжение вступ. лекции о прогрессе / Н. Я. Грот. — Одесса : Тип. Францова, 1883. — 16 с.
354. Грот Н. Я. Философия и её общие задачи : сб. ст. / Н. Я. Грот. — СПб. : Тип. Суворина, 1904. — CIV, 313 с.
355. Грушевська К. Два центри етнологічної науки (з подорожніх вражень) / К. Грушевська // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. — 1928. — Вип. 2—3. — С. 81—96.
356. Грушевська К. До взаємин між загальним і спеціальним народознавством : З приводу статті Victor'a von Geramb'a “Zur Frage nach den Grenzen, Aufgaben und Methoden der deutschen Volkskunde” / К. Грушевська // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. — 1928. — Вип. 2—3. — С. 110—114.
357. Грушевська К. М. З примітивної культури : розвідки і доп. Катерини Грушевської / К. М. Грушевська. — К. : ДВУ, 1924. — 224 с.
358. Грушевська К. [Рецензія] / К. Грушевська // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. — 1926. — Вип. 3. — С. 198—204. — Рец. на журн.: Етнографія. Вип. 1—2. — М ; Л. : Госиздат, 1926. — 376 с.

359. Грушевська К. Спроби соціологічного об'яснення народної казки / К. Грушевська // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. — 1926. — Вип. 1—2. — С. 96—111.
360. Грушевский М. С. Барское старство: ист. очерки (XV—XVIII вв.) / М. С. Грушевский. — К. : Тип. ун-та, 1894. — VI, 308 с.
361. Грушевский М. Вольнский вопрос. 1097—1102 г. / М. Грушевский // Киевская старина. — 1891. — Кн. 4. — С. 32—55 ; Кн. 5. — С. 259—272.
362. Грушевский М. Из польско-украинских отношений Галиции. Несколько иллюстраций к вопросу : автономия областная или национально-территориальная / М. Грушевский. — 2-е изд. — СПб. : Тип. "Обществ. польза", 1907. — 74 с.
363. Грушевский М. С. История украинского народа / М. С. Грушевский // Украинский народ в его прошлом и настоящем / под ред. Ф. К. Волкова, М. С. Грушевского, М. М. Ковалевского, Ф. Е. Корша, А. Е. Крымского, М. И. Туган-Барановского, А. А. Шахматова. — СПб., 1914. — Т. 1. — С. 38—360.
364. Грушевский М. Освобождение России и украинский вопрос : ст. и заметки / М. Грушевский. — СПб. : Обществ. польза, 1907. — 291 с.
365. Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия / М. Грушевский. — К. : Тип. ун-та, 1891. — XIV, 520 с.
366. Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа / М. С. Грушевский. — К. : Лыбидь, 1990. — 398 с.
367. Грушевский М. С. Развитие украинских изучений в XIX в. и раскрытие в них основных вопросов украиноведения / М. С. Грушевский // Украинский народ в его прошлом и настоящем / под ред. Ф. К. Волкова, М. С. Грушевского, М. М. Ковалевского, Ф. Е. Корша, А. Е. Крымского, М. И. Туган-Барановского, А. А. Шахматова. — СПб., 1914. — Т. 1. — С. 1—37.
368. Грушевский М. С. Украинцы / М. С. Грушевский // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / ред. А. И. Кастелянский. — СПб., 1910. — С. 152—177, 307—330.
369. Грушевський М. Володимир Антонович, основні ідеї його творчості і діяльності / М. Грушевський // Записки Українського наукового товариства в Києві. — 1908. — Кн. 3. — С. 5—14.
370. Грушевський М. Відродження французької соціологічної школи / М. Грушевський // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. — 1926. — Вип. 1—2. — С. 112—117.
371. Грушевський М. С. Всесвітня історія у короткім огляді : у 6 ч. / М. С. Грушевський. — К. : Українознавство, 1996. — Ч. 2—3.
Ч. 2. — 288 с.
Ч. 3. — 239 с.
372. Грушевський М. Вступне слово / М. Грушевський // Розвідки про народні рухи на Україні-Руси ; під ред. М. Грушевського. — Львів, 1895. — С. I—III.
373. Грушевський М. Вступне слово / М. Грушевський // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. — 1926. — Вип. 1—2. — С. III—VIII.
374. Грушевський М. Вступний виклад з давньої історії Руси, виголошений у Львівському університеті 30 вересня 1894 р. / М. Грушевський // Записки наукового товариства імені Шевченка. — 1894. — Т. 4, кн. 2. — С. 140—150.
375. Грушевський М. Економічний стан селян в Сяніцкім старостві в середині XVI в. на основі описей королівщини / М. Грушевський // Жерела до

- історії України-Руси. Описи королівщини в руських землях XVI віку / під ред. М. Грушевського. — Т. 3 : Люстрації земель Холмської, Белзької і Львівської. — Львів, 1900. — С. 1—27.
376. Грушевський М. С. З біжучої хвилі. Статті й замітки дня 1905—6 р. / М. С. Грушевський. — К. : Друк. С. В. Кульженка, 1906. — 127 с.
377. Грушевський М. С. З історії релігійної думки на Україні / М. С. Грушевський. — Львів : Тип. НТШ, 1925. — 160 с.
378. Грушевський М. С. З публіцистичних писань Костомарова / М. С. Грушевський // Український історичний журнал. — 1992. — № 4. — С. 113—133.
379. Грушевський М. Звичайна схема “русской” історії й справа раціонального укладу історії східного слов’янства / М. Грушевський // Статті по славяно-веденню. — СПб., 1904. — Вып. 1. — С. 298—304.
380. Грушевський М. С. Історія й її соціально-виховуюче значення / М. С. Грушевський // На порозі нової України. Гадки і мрії / М. С. Грушевський. — К., 1918. — С. 55—70.
381. Грушевський М. С. Історія України-Руси : в 11 т., 12 кн. / М. С. Грушевський. — К. : Наук. думка, 1991—1997. — Т. 1—11; кн. 1—12.
- Т. 1. — 1991. — LXXVI, 648 с.
- Т. 2. — 1992. — II, 634 с.
- Т. 3. — 1993. — 587 с.
- Т. 4. — 1993. — 535 с.
- Т. 5. — 1994. — VII, 704 с.
- Т. 6. — 1995. — 667 с.
- Т. 7. — 1995. — X, 627 с.
- Т. 8, кн. 1—2. — 1995. — 856 с.
- Т. 9, кн. 1. — 1996. — 880 с.
- Т. 9, кн. 2. — 1997. — 776 с.
382. Грушевський М. С. Історія української літератури : в 6 т., 9 кн. / М. С. Грушевський. — К. : Либідь, 1993—1996. Т. 1—6; кн. 1—9.
- Т. 1. — 1993. — 392 с.
- Т. 2. — 1993. — 264 с.
- Т. 3. — 1993. — 285 с.
- Т. 4, кн. 1. — 1994. — 336 с.
- Т. 4, кн. 2. — 1994. — 320 с.
- Т. 5, кн. 1. — 1995. — 256 с.
- Т. 5, кн. 2. — 1995. — 352 с.
- Т. 6, кн. 1. — 1996. — 264 с.
- Т. 6, кн. 2. — 1996. — 280 с.
383. Грушевський М. “Малороссийские песни” Максимовича і століття української наукової праці / М. Грушевський // Україна. — 1927. — Кн. 6. — С. 1—13.
384. Грушевський М. На порозі століття : (Присвячено Перемишльській українсько-руській громаді) / М. Грушевський // Літературно-науковий вістник. — 1901. — Т. 13, кн. 3. — С. 77—87.
385. Грушевський М. На українські теми : О любви к отечеству и национальной гордости / М. Грушевський // Літературно-науковий вістник. — 1907. — Т. 37, кн. 3. — С. 497—505 ; Т. 38, кн. 4. — С. 111—123.
386. Грушевський М. На українські теми : При кінці року / М. Грушевський // Літературно-науковий вістник. — 1907. — Т. 37, кн. 1. — С. 145—154.

387. Грушевський М. Наша політика / М. Грушевський. — Львів : Друк. НТШ, 1911. — 119 с.
388. Грушевський М. Нова “пря” про українсько-руську книжну мову / М. Грушевський // Літературно-науковий вістник. — 1899. — Т. 6, кн. 5. — С. 85—92.
389. Грушевський М. С. Початки громадянства (генетична соціологія) / М. С. Грушевський. — Відень : Укр. соціол. ін-т, 1921. — 328 с.
390. Грушевський М. Примітки до історії козащини з поводу книжки “Бесіди про часи козацькі на Україні” / М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1898. — Т. 22, кн. 2. — С. 1—14.
391. Грушевський М. П’ятдесят літ “Исторических песен малорусского народа” Антоновича і Драгоманова / М. Грушевський // Україна. — 1924. — Кн. 1—2. — С. 97—109.
392. Грушевський М. [Рецензія] / М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1895. — Т. 5, кн. 1. — С. 9—11. — Рец. на кн.: Исторично-літературные заметки до “Слова о полку Игоревом” / В. Коцовский. — Львов : [Б. и.], 1893. — 42 с.
393. Грушевський М. [Рецензія] / М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1895. — Т. 6, кн. 2. — С. 25—28. — Рец. на кн.: Смутное время Московского государства / Д. Иловайский. — М. : Тип. Волчанинова, 1894. — 343 с.
394. Грушевський М. [Рецензія] / М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1896. — Т. 9, кн. 1. — С. 4—9. — Рец. на кн.: Исторические судьбы Вольнской земли с древнейших времён до конца XIV в. / П. А. Иванов. — Одесса : Экон. тип., 1895. — II, 317 с.
395. Грушевський М. [Рецензія] / М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1897. — Т. 20, кн. 6. — С. 14—16. — Рец. на ст.: Dążenia do Unii cerkiewnej za Jagielly / A. Prochaska // Przegląd Powszechny. — 1896. — Т. 6. С. 329—351 ; Т. 7. — S. 42—64 ; Sprawa Unii kościelnej za Jagielly / K. Lewicki // Kwartalnik Historyczny. — 1897. — R. 11, z. 2. — S. 310—337.
396. Грушевський М. [Рецензія] / М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1902. — Т. 50, кн. 6. — С. 15—20. — Рец. на кн.: Statutum lituanicum aetherius editiones (1566). — Kraków : Archiwum komisii prawniczej, 1900. — 70, 568 s.
397. Грушевський М. [Рецензія] / М. Грушевський // Україна. — 1924. — Кн. 4. — С. 145—153. — Рец. на кн.: Das Denken der Naturvölker in deutschen Übersetzung herausgegeben und eingeleitet von. W. Jerusalem / L. Lévi-Brühl. — Wien ; Leipzig : W. Braümüller, 1921. — XIII, 352 p. ; Le mentalité primitive / L. Lévy-Bruhl. — Paris : F. Alcan, 1922. — III, 557 p. ; Soziologie des Erkennens / W. Jerusalem // Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaften. — 1921. — Heft. 3 ; Zum gegenwärtigen Stande der Völkerpsychologie / R. Thurnwald // Kölner Vierteljahrshefte für Sozialwissenschaften. — 1922. — Heft. 1—2.
398. Грушевський М. [Рецензія] / М. Грушевський // Україна. — 1925. — Кн. 5. — С. 144—147. — Рец. на кн.: Folklore in the Old Testament. Studies in Comparative Religion, Legend and Law by Sir Games George Frazer : in 3 v. — London : Mac Millan, 1919. — V. 1—3.
399. Грушевський М. С. Спомини / М. С. Грушевський // Київ. — 1988. — № 9. — С. 115—149 ; № 10. — С. 131—138 ; № 11. — С. 120—137 ; № 12. — С. 116—139 ; 1989. — № 9. — С. 108—119 ; № 10. — С. 122—158 ; № 11. — С. 113—155.

400. Грушевський М. Справа українських кафедр і наші наукові потреби / М. Грушевський // Літературно-науковий вістник. — 1907. — Т. 37, кн. 1. — С. 42—57; Кн. 2. — С. 213—220; Кн. 3. — С. 408—418.
401. Грушевський М. Сто літ українського народництва / М. Грушевський // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. — 1927. — Вип. 1—3. — С. 3—8.
402. Грушевський М. Студії з економічної історії України / М. Грушевський // Літературно-науковий вістник. — 1907. — Т. 38, кн. 5. — С. 225—236; Кн. 6. — С. 414—427; Т. 39, кн. 7. — С. 43—60; Кн. 8—9. — С. 265—282; Т. 40, кн. 10. — С. 24—37.
403. Грушевський М. С. Українська партія соціалістів-революціонерів та її завдання / М. С. Грушевський. — Відень, 1920. — 64 с.
404. Грушевський М. Українсько-руське літературне відродження в історичнім розвою українсько-руського народу / М. Грушевський // Літературно-науковий вістник. — 1898. — Т. 4, кн. 11. — С. 75—83.
405. Грушевський М. Хмельницький і Хмельниччина : іст. ескіз / М. Грушевський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1898. — Т. 23—24, кн. 3—4. — С. 1—30.
406. Грушевський М. С. Хто такі українці і чого вони хочуть / М. С. Грушевський. — К. : Знання, 1991. — 240 с.
407. Гумплович Л. Очерк истории социологии / Л. Гумплович. — СПб. : Образование, 1899. — 130 с.
408. Д'Аламбер [Ж. Л.]. Очерк происхождения и развития науки / [Ж. Л.] Д'Аламбер ; пер. с фр. И. А. Шапиро // Родоначальники позитивизма. — СПб., 1910. — Вып. 1 : Кант, Тюрго, Д'Аламбер. — С. 95—154.
409. Данилевич В. Е. Пособие к курсу русских древностей / В. Е. Данилевич. — К. : Тип. 2-й артели, 1913. — 187 с.
410. Данилевич В. Е. Литературные и вещественные источники русской истории / В. Е. Данилевич. — К. : Б. и., 1914. — 286 с.
411. Данилевский Н. Я. Россия и Европа : Взгляд на культур. и полит. отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — СПб. : Обществ. польза, 1871. — X, 542 с.
412. Дейч Л. Г. За полвека. Т. 1, ч. 1 / Л. Г. Дейч. — М. : Задруга, 1922. — 127 с.
413. Де-Пуле М. П. Харьковский университет и Д. И. Каченовский / М. П. Де-Пуле // Вестник Европы. — 1874. — № 1. — С. 75—115; № 2. — С. 565—588.
414. Де-Роберти Е.-В. К оценке основных предпосылок социологической теории Карла Маркса / Е.-В. Де-Роберти // Русская высшая школа общественных наук в Париже : лекции профессоров. — СПб., 1905. — С. 32—57.
415. Де-Роберти Е.-В. Неопозитивная школа и новые течения в современной социологии / Е.-В. Де-Роберти // Вестник Европы. — 1912. — № 12. — С. 140—172.
416. Де-Роберти Е.-В. Новая постановка основных вопросов социологии : пер. с фр. / Е.-В. Де-Роберти. — М. : Тип. И. Д. Сытина, 1909. — 292 с.
417. Де-Роберти Е.-В. Социология. Основная задача ее и методологические особенности, место в ряду наук, разделения и связь с биологией, психологией : пер. с фр. / Е.-В. Де-Роберти. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. — XII, 368 с.
418. Деятели СССР и революционного движения России : энцикл. словарь Гранат. — М. : Сов. энцикл., 1989. — 832 с.

419. Диспут М. Н. Петрова // Московские университетские известия. — 1865. — № 4. — С. 282—299.
420. Діркгайм Е. Соціологія й соціальні науки / Е. Діркгайм ; пер. з фр. М. Залізняка [К. Трильовського]. — Львів : Друк. НТШ, 1910. — 15 с.
421. Добротворский В. И. Несколько слов о связи между верой и наукой / В. И. Добротворский // Духовный вестник. — 1863. — № 5. — С. 38—60.
422. Довнар-Запольский М. В. Белорусское прошлое / М. В. Довнар-Запольский // Исследования и статьи / М. В. Довнар-Запольский. — К., 1909. — Т. 1 : Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. — С. 317—345.
423. Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1 / М. В. Довнар-Запольский. — К. : Тип. ун-та, 1901. — VIII, 807, СХIV с.
424. Довнар-Запольский М. В. Из истории общественных течений в России / М. В. Довнар-Запольский. — 2-е изд. — К. : Тип. И. И. Самоненко, 1910. — 333 с.
425. Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства : курс лекций, чит. в Коммерч. ин-те. Т. 1 / М. В. Довнар-Запольский. — К. : Тип. Чоколова, 1911. — VIII, 366 с.
426. Довнар-Запольский М. В. Обзор истории хозяйственной жизни России / М. В. Довнар-Запольский // Академия коммерческих знаний. — СПб., 1913. — Вып. 6. — С. 161—176.
427. Довнар-Запольский М. В. Ответ М. Н. Покровскому / М. В. Довнар-Запольский // Голос минувшего. — 1913. — № 10. — С. 309—313.
428. Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия / М. В. Довнар-Запольский. — К. : Тип. ун-та, 1891. — VII, 170 с.
429. Дорошенко Д. І. Огляд української історіографії. Державна школа : Історія. Політологія. Право / Д. І. Дорошенко. — К. : Українознавство, 1996. — 220 с.
430. Драгоманов М. П. Австро-руські спомини (1867—1877) / М. П. Драгоманов // Літературно-публіцистичні праці : в 2 т. / М. П. Драгоманов. — К., 1970. — Т. 2. — С. 151—288.
431. Драгоманов М. Борьба за духовную власть и свободу совести в XVI—XVII столетии / М. Драгоманов // Отечественные записки. — 1875. — Т. 218, № 2. — С. 445—494 ; Т. 219, № 3. — С. 75—134.
432. Драгоманов М. П. Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит / М. П. Драгоманов. — К. : Тип. ун-та, 1869. — VIII, 415 с.
433. Драгоманов М. П. Государственные реформы Диоклетиана и Константина Великого / М. П. Драгоманов // Университетские известия. — К., 1865. — № 2. — С. 1—21.
434. Драгоманов М. П. Два учителя / М. П. Драгоманов // Вибране : (“...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні”) / М. П. Драгоманов. — К., 1991. — С. 575—604.
435. Драгоманов М. П. Держава й громада: прогрес і регрес / М. П. Драгоманов // М. Драгоманов і его роля в розвою України / М. Павлик. — Львів, 1907. — С. 85—91. — Рец. на ст.: Громадський рух на Україні-Руси в XIII віці / М. Сергієнко // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1892. — Т. 1, кн. 1. — С. 1—28. — Сергієнко М. — псевд. М. С. Грушевського.

436. Драгоманов М. П. Император Тиберий / М. П. Драгоманов. — К. : Тип. ун-та, 1864. — 112 с.
437. Драгоманов М. Историческая Польша и великорусская демократия / М. Драгоманов. — Женева : Громада, 1882. — 511 с.
438. Драгоманов М. [Лист до М. Павлика від 11 березня 1881 р.] / М. Драгоманов // Переписка М. Драгоманова з М. Павликом (1876—1895). — Чернівці, 1911. — Т. 3 (1879—1881). — С. 381—384.
439. Драгоманов М. Листи до Ів. Франка і інших. 1881—1886 / М. Драгоманов. — Львів : Накл. укр.-рус. вид. спілки, 1906. — II, 260 с.
440. Драгоманов М. П. Листи на Наддніпрянську Україну / М. П. Драгоманов. — К. : Вид. партії укр. соціалістів-революціонерів, 1915. — 123 с.
441. Драгоманов М. Передне слово [до “Громади”] / М. Драгоманов. — Женева : Громада, 1878. — 101 с.
442. Драгоманов М. П. Политические сочинения. Т. 1. Центр и окраины / М. П. Драгоманов. — М. : Тип. Сытина, 1908. — 486, VII с.
443. Драгоманов М. П. Положение и задачи науки древней истории / М. П. Драгоманов // Журнал Министерства народного просвещения. — 1874. — Ч. 175, № 10. — С. 152—181.
444. Драгоманов М. П. Пропаший час. Українці під Московським царством / М. П. Драгоманов // Вибране : (“...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні”) / М. П. Драгоманов. — К., 1991. — С. 559—574.
445. Драгоманов М. Рай і поступ / М. Драгоманов. — К. : Друк. Барського, 1906. — 95 с.
446. Драгоманов М. П. Собрание политических сочинений / М. П. Драгоманов. — Париж : Освобождение, 1905—1906. — Т. 1—2.
- Т. 1. — 1905. — 376 с.
- Т. 2. — 1906. — LIX, 874 с.
447. Драгоманов М. Уваги до Квестіонару для II з'їзду русько-українських радикалів / М. Драгоманов // Народ. — 1891. — № 19. — С. 262—264.
448. Драгоманов М. “Царство боже внутри Вас” Л. Н. Толстого / М. Драгоманов. — 2-е изд. — К. : Ранок, 1907. — 16 с.
449. Драгоманов М. П. Что такое украинофильство? / М. П. Драгоманов // Вибране : (“...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні”) / М. П. Драгоманов. — К., 1991. — С. 430—455.
450. Драгоманов М. П. Чудацькі думки про українську національну справу / М. П. Драгоманов // Вибране : (“...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні”) / М. П. Драгоманов. — К., 1991. — С. 461—558.
451. Драгоманов М. П. Шевченко, українофіли і соціалізм / М. П. Драгоманов // Вибране : (“...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні”) / М. П. Драгоманов. — К., 1991. — С. 327—429.
452. Драгоманов М. Шістьсот років Швейцарської спілки (1291—1891) / М. Драгоманов. — Львів : Вид. ред. “Народа”, 1892. — 33 с.
453. Дройзен И. Г. О научно-практических занятиях студентов в германских университетах, преимущественно по предмету истории / И. Г. Дройзен // Журнал Министерства народного просвещения. — 1869. — Ч. 145, № 10. — С. 79—92.
454. Дубнов Ш. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. Т. 1 : (до 1903 года) / Ш. М. Дубнов. — Рига : Janatnes Gramāta, 1934. — 420 с.

455. Дубнов С. М. Об изучении истории русских евреев и об учреждении русско-еврейского исторического общества / С. М. Дубнов // *Восход*. — 1891. — № 4. — С. 1—91.
456. Дубнов С. М. Письма о старом и новом еврействе / С. М. Дубнов // *Две концепции еврейского национального возрождения* / С. М. Дубнов, Б. Ц. Динур. — Иерусалим, 1990. — С. 27—242.
457. Дубнов С. М. Процессы гуманизации и национализации в новейшей истории евреев / С. М. Дубнов // *Еврейский мир*. — 1909. — № 1. — С. 29—48.
458. Дюркгейм Э. Кто хотел войны? Опыт дипломатических переговоров, предшествовавших войне / Э. Дюркгейм, Э. Дени; пер. с фр. С. И. Штейн. — Пг. : Книгоизд-во М. В. Попова, 1915. — 88 с.
459. Дюркгейм Э. Метод социологии : пер. с фр. / Э. Дюркгейм. — К. ; Х. : Южнорус. кн. изд-во Ф. А. Иогансона, 1899. — 153 с.
460. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда : Этюд об организации высших обществ / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. П. Юшкевича. — Одесса : Тип. Г. М. Левинсона, 1900. — VIII, 332, IX с.
461. Дюркгейм Э. Германия выше всего. Идеология немцев и война : пер. с фр. / Э. Дюркгейм. — М. : Изд-во преподавателей Моск. ун-та, 1917. — 48 с.
462. Дюркгейм Э. Самоубийство : социол. этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Н. Ильинского. — СПб. : Изд-во Н. П. Карбасникова, 1912. — XXXII, 541 с.
463. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки : пер. с фр. / Э. Дюркгейм // *Метод в науках*. — СПб., 1911. — С. 226—245.
464. Дюркгейм Э. Социология и теория познания / Э. Дюркгейм // *Новые идеи в социологии*. — СПб., 1914. — Сб. 2 : Социология и психология. — С. 27—67.
465. Е. К. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям / Е. К. // М. М. Ковалевский. Учёный, государственный и общественный деятель и гражданин : [сб.]. — Пг., 1917. — С. 5—47. — Е. К. — псевд. Е. Ковалевского.
466. Е. Л. Воспитание женщин с точки зрения положительной философии // *Отчужденные записки*. — 1870. — Т. 192, №10. — С. 216 — 234. — Е. Л. — псевд. Е. Л. Лихачёвой.
467. Ефименко А. Я. Бедствия евреев в Южной Руси : (По поводу книги Гретца “История евреев от эпохи Голландского Иерусалима до падения франкистов”) / А. Я. Ефименко // *Киевская старина*. — 1890. — Кн. 6. — С. 397—408.
468. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право / А. Я. Ефименко. — М. : Рус. тип., 1884. — XVI, 382 с.
469. Ефименко А. Я. История Украины и её народа / А. Я. Ефименко. — СПб. : Обществ. польза, 1907. — 175 с.
470. Ефименко А. Я. По поводу украинофильства / А. Я. Ефименко // *Неделя*. — 1881. — № 25. — С. 835—842.
471. Ефименко А. Я. Южная Русь / А. Я. Ефименко. — СПб. : Тип. Шмидта, 1905. — Т. 1—2.
Т. 1. — 439 с.
Т. 2. — 358 с.
472. Ёвшан М. Жан Жак Руссо (1712—1912) / М. Ёвшан // *Літературно-науковий вістник*. — 1912. — Т. 59, кн. 9. — С. 327—332.
473. Ёфремов С. О. Історія українського письменства / С. О. Ёфремов. — К. : Femina, 1995. — 686 с.

474. Єфремов С. Українознавство : покажчик потрібнішої для самоосвіти літератури / С. Єфремов. — К. : Друк. Всеукр. кооп. видавнич. союзу, 1920. — 64 с.
475. Жеромский С. Сизифов труд : пер. с польск. / С. Жеромский // Избранные сочинения : в 4 т. / С. Жеромский. — М., 1958. — Т. 2. — С. 7—228.
476. Завитневич В. З. Банкротство начал германской культуры и идеал русской цивилизации / В. З. Завитневич // Труды Киевской духовной академии. — 1915. — Кн. 1. — С. 43—74.
477. Завитневич В. З. Манифест 17 октября в историческом освещении / В. З. Завитневич. — К. : Тип. П. Барского, 1906. — 48 с.
478. Завитневич В. З. Вопрос о народности в его научной постановке / В. З. Завитневич. — К. : Тип. П. Барского, 1912. — 31 с.
479. Залізняк М. Історія України Олександра Яблоновського / М. Залізняк // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1913. — Т. 116, кн. 4. — С. 190—212. — Рец. на кн.: Historia Rusi południowej do upadku Rzeczypospolitej polskiej / A. Jablonowski. — Kraków : Nakł. Akad. Umijętności, 1912. — XV, 366 s. — М. Залізняк — псевд. К. Трильовського.
480. Залізняк М. Праці останнього інтернаціонального соціологічного конгресу / М. Залізняк // Літературно-науковий вістник. — 1911. — Т. 55, кн. 7—8. — С. 211—226. — М. Залізняк. — псевд. К. Трильовського.
481. Залізняк М. Про “модерне москвофільство” : З приводу брошури Д. Донцова “Модерне москвофільство” / М. Залізняк // Літературно-науковий вістник. 1913. — Т. 64, кн. 11. — С. 360—371. — М. Залізняк — псевд. К. Трильовського.
482. Залізняк М. Філософія історії Г. Ріккерта / М. Залізняк // Студії з поля суспільних наук і статистики. — Львів, 1912. — Т. 3. — С. 1—50. — М. Залізняк — псевд. К. Трильовського.
483. Зеленогорский Ф. А. О преподавании философии в университете // Мирный труд. — 1902. — Кн. 2. — С. 147—154.
484. Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры / Н. И. Зибер. — М. : Изд. Солдатенкова, 1883. — 505, IV с.
485. Зибер Н. И. Сравнительное изучение первобытного права / Н. И. Зибер // Юридический вестник. — 1884. — Кн. 5. — С. 3—73 ; Кн. 11. — С. 385—411.
486. Зибер Н. И. Б. Чичерин contra К. Маркс : (Критика критики) / Н. И. Зибер // Слово. — 1879. — № 2. — С. 63—101.
487. Зиммель Г. Введение в социологию / Г. Зиммель // Научное обозрение. — 1902. — № 10. — С. 40—46.
488. Зиммель Г. Проблемы философии истории. Эюд о теории познания / Г. Зиммель ; пер. с нем. под ред. В.Н.Линда. — М. : Кн. дело, 1898. — 166 с.
489. Зубрицкий Д. История древнего Галичско-Русского княжества. Ч. 1 / Д. Зубрицкий. — Львов : Тип. Ставропигийская, 1852. — 210 с.
490. Ивановский В. В. Социология как наука и как предмет преподавания во Франции / В. В. Ивановский // Русская мысль. — 1896. — № 12. — С. 33—55.
491. Иконников В. С. Общий взгляд на развитие науки русской истории / В. С. Иконников // Университетские известия. — К., 1868. — № 10. — С. 1—22.
492. Иконников В. С. Опыт русской историографии / В. С. Иконников. — К., 1891—1908. — Т. 1—2, кн. 1—4.
- Т. 1, кн. 1. — 1891. — VII, 882, ССXXII, VIII с.
- Т. 1, кн. 2. — 1892. — С. 883—1539 ССXXII—CCLXXI, 149, X с.

- Т. 2, кн. 1. — 1908. — X, 1056, XXXII с.
 Т. 2, кн. 2. — 1908. — С. 1057—1955, XXXIII—XLIX, 113, IX.
493. Іванейко М. Нариси. Структура нашої духовости / М. Іванейко // Літературно-науковий вістник. — 1926. — Т. 89, кн. 3. — С. 242—255. — псевд. М. І. Шлемкевича.
494. І. К. Державна історія / І. К. // Історичний вістник. — 1923. — № 1. — С. 1—3. — І. К. — псевд. І. П. Крип'якевича.
495. І. Л. Предисловие / И. Л. // Зеворт Е. История нашего времени (XVI—XVIII ст.). — К., 1883. — Т. 1. — С. I—III. — И. Л. — псевд. И. В. Лучицкого.
496. Итоги науки в теории и практике. Т. 10 : Общество / под ред. М. М. Ковалевского [и др.]. — М. : Мир, 1914. — 522 с.
497. К 25-летию, 1881—1906 гг. : Дело 1-го марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. : правительств. отчёт / сост. и прим. Л. Дейча. — СПб. : Тип. В. Я. Мильштейна, 1906. — 428 с.
498. К. А. Исторические письма П. Л. Миртова / А. К. // Знание. — 1871. — № 2. — С. 169—176. — К. А. — псевд. А. А. Козлова.
499. Кавелин К. Д. Задачи психологии. Соображения о методах и программах психологических исследований / К. Д. Кавелин. — СПб. : Тип. Ф. Сущинского, 1872. — VIII, 239 с.
500. Кагаров Є. Г. Нарис історії етнографії / Є. Г. Кагаров. — К. : Друк. ВУАН, 1926. — 42 с.
501. Кагаров Е. [Рецензия] / Е. Кагаров // Этнография. — 1926. — Вып. 1—2. — С. 354—355. — Рец. на кн.: 3 примитивной культуры. Розвідки і доповіді Катерини Грушевської / К. М. Грушевська. — К. : ДВУ, 1924. — 224 с.
502. Кайндль Р. Ф. Гуцули : їх життя, звичаї та народні перекази / Р. Ф. Кайндль. — Чернівці : Молодий Буковинець, 2000. — 208 с.
503. Каманин И. М. К вопросу о козачестве до Богдана Хмельницкого / И. М. Каманин. — К. : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. — 59, 24 с.
504. Кант И. Идея всеобщей истории / И. Кант ; пер. с нем. И. А. Шапиро // Родоначальники позитивизма : сб. / под ред. Э. Л. Радлова. — СПб. : Изд. Брокгауза и Ефрона, 1910. — Вып. 1. Кант, Тюрго, Д'Аламбер. — С. 1—14.
505. Кант И. Предполагаемое начало истории человечества / И. Кант ; пер. с нем. И. А. Шапиро // Родоначальники позитивизма : сб. / под ред. Э. Л. Радлова. — СПб., 1910. — Вып. 1. Кант, Тюрго, Д'Аламбер. — С. 15—28.
506. Кареев Н. И. Американская книга о русской социологии / Н. И. Кареев // Русские записки. — 1916. — № 4. — С. 295—303. — Рец. на кн.: Russian Sociology. A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory / J. F. Hecker. — New York, 1911. — 309 с.
507. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. — XVI, 418 с.
508. Кареев Н. И. Историко-философские и социологические этюды / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1895. — 299 с.
509. Кареев Н. И. Историка. Теория исторического знания / Н. И. Кареев. — Пг. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. — 320 с.
510. Кареев Н. И. Источники исторических перемен / Н. И. Кареев // Русское богатство. — 1892. — № 1. — С. 37—50.
511. Кареев Н. И. М. М. Ковалевский как историк и социолог / Н. И. Кареев

- // М. М. Ковалевский. Учёный, государственный и общественный деятель и гражданин : [сб.]. — Пг., 1917. — С. 169—179.
512. Кареев Н. И. Огюст Конт как основатель социологии / Н. И. Кареев // Памяти В. Г. Белинского : лит. сб., сост. из трудов рус. либералов. — СПб., 1899. — С. 329—340.
513. Кареев Н. И. Мифическое мирозерцание и положительная философия / Н. И. Кареев // Знание. — 1876. — № 11. — С. 1—33.
514. Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. Критика историософских идей и опыт научной теории исторического прогресса : в 2 т. / Н. И. Кареев. — М. : Тип. Мамонтова, 1883. — Т. 1—2.
- Т. 1. — 456 с.
- Т. 2. — 400 с.
515. Кареев Н. И. Основы русской социологии / Н. И. Кареев. — СПб. : Изд-во И. Лимбаха, 1996. — 368 с.
516. Кареев Н. И. “Падение Польши” в исторической литературе / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. — 407 с.
517. Кареев Н. И. Памяти двух историков (В. И. Герье и И. В. Лучицкий) / Н. И. Кареев // Анналы : журн. всеобщей истории. — 1922. — № 1. — С. 155—174.
518. Кареев Н. И. Польские письма / Н. И. Кареев // Русская мысль. — 1881. — № 5. — С. 50—65; № 8. — С. 1—13; 1882. — № 7. — С. 41—52; № 10. — С. 58—66.
519. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории / Н. И. Кареев. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. — XII, 574 с.
520. Кареев Н. И. Экономический материализм и закономерности социальных явлений / Н. И. Кареев // Вопросы философии и психологии. — 1897. — Кн. 36, № 1. — С. 107—119.
521. Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории ; пер. с англ. и вступ. ст. В. И. Яковенко. — СПб. : Изд. В. И. Яковенко, 1908. — IV, 263 с.
522. Катков М. Н. [Передовая статья в “Московских Ведомостях” № 136 от 21 июня 1863 г.] / М. Н. Катков // 1863 год : собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи / М. Н. Катков. — М., 1887. — Вып. 1. — С. 273—282.
523. Качала С. Короткая история Руси / С. Качала. — Тернополь : Друк. И. Павловского, 1886. — 232 с.
524. Каченовский Д. И. Взгляд на историю политических наук в Европе / Д. И. Каченовский. — М. : Тип. Каткова, 1859. — IV, 142 с.
525. Каченовский Д. И. О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России : речь, напис. для произнесения в торжеств. собрании Имп. Харьк. ун-та 1862 г. / Д. И. Каченовский. — Х. : Тип. ун-та, 1862. — VIII, 172 с.
526. Келлес-Крауз К. Социология к началу XX века / К. Келлес-Крауз ; пер. с нем. А. Эйдельмана и М. Малых. — СПб. : Обществ. польза, 1904. — 71 с.
527. Киктёв А. К вопросу о происхождении крестьянской войны в Германии / А. Киктёв // Наукові записки / Праці науково-дослідної кафедри історії європейської культури. — 1929. — Вып. 3. — С. 87—104.
528. Кистяковский Б. А. Методология и её значение для социальных наук и юриспруденции / Б. А. Кистяковский // Юридический вестник. — 1917. — Кн. 18 (2—4). — С. 31—47.

529. Кистяковский Б. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. Кистяковский. — М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. — 704 с.
530. Клименко П. Місто й територія на Україні за часів Гетьманщини (1654—1767 гг.) / П. Клименко // Записки історико-філологічного відділу ВУАН. — 1926. — Кн. 7—8. — С. 309—357.
531. Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. / В. О. Ключевский. — М. : Госполитиздат, 1956—1959. — Т. 1—8.
- Т. 1. — 1956. — 427 с.
- Т. 2. — 1957. — 458 с.
- Т. 3. — 1957. — 426 с.
- Т. 4. — 1958. — 422 с.
- Т. 5. — 1958. — 503 с.
- Т. 6. — 1959. — 516 с.
- Т. 7. — 1959. — 487 с.
- Т. 8. — 1959. — 490 с.
532. Ковалевский М. М. Английская конституция / М. М. Ковалевский // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. — СПб., 1911. — Т. 2. — С. 560—593.
533. Ковалевский М. М. Английская пугачёвщина / М. М. Ковалевский // Русская мысль. — 1895. — № 5. — С. 1—31 ; № 7. — С. 24—55 ; № 9. — С. 34—65 ; № 10. — С. 128—156.
534. Ковалевский М. М. Буланжизм / М. М. Ковалевский // Русские ведомости. — 1889. — № 38. — С. 2.
535. Ковалевский М. М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности / М. М. Ковалевский // Интеллигенция в России. — СПб., 1910. — С. 59—88.
536. Ковалевский М. М. Высшее женское образование / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1911. — № 6. — С. 416—425.
537. Ковалевский М. М. Государство / М. М. Ковалевский // Энциклопедический словарь Товарищества “Бр. А. и И. Гранат и К^о”. — 7-е изд. — М., [1913]. — Т. 16. — С. 284—313.
538. Ковалевский М. М. Дарвинизм в социологии / М. М. Ковалевский // Памяти Дарвина : сб. ст. / под ред. М. М. Ковалевского. — М., 1910. — С. 117—158.
539. Ковалевский М. М. Две жизни / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1909. — № 6. — С. 495—522 ; № 7. — С. 5—23.
540. Ковалевский М. М. Декларация прав человека и гражданина / М. М. Ковалевский // Юридический вестник. — 1889. — № 8. — С. 445—477.
541. Ковалевский М. М. Дмитрий Андреевич Дриль / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1910. — № 12. — С. 427—436.
542. Ковалевский М. М. Задачи Русской школы общественных наук в Париже / М. М. Ковалевский // Вестник знания. — 1905. — № 1. — С. 57—62.
543. Ковалевский М. М. Зарождение республиканской партии во Франции / М. М. Ковалевский // Историческое обозрение. — 1892. — Т. 5. — С. 65—118.
544. Ковалевский М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приёмы изучения истории права / М. М. Ковалевский. — М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1880. — 72 с.

545. Ковалевский М. М. История американской конституции / М. М. Ковалевский. — М. : Тип. М. В. Зворыкиной, 1890. — 150 с.
546. Ковалевский М. М. История монархии и монархических доктрин : курс лекций, чит. на экон. отд. Санкт-Петербург. ин-та Петра Великого : в 3 вып. / М. М. Ковалевский. — СПб. : Тип. И. Трофимова, 1912. — Вып. 1—3.
- Вып. 1. — 196 с.
- Вып. 2. — 58 с.
- Вып. 3. — 146 с.
547. Ковалевский М. М. История полицейской администрации в английских графствах с древнейших времён до смерти Эдуарда III (Полиция безопасности) / М. М. Ковалевский. — Прага : Изд. автора, 1877. — III, 219 с.
548. Ковалевский М. М. Исходные моменты в развитии капиталистического хозяйства / М. М. Ковалевский // Русская высшая школа общественных наук в Париже : лекции профессоров. — СПб., 1905. — С. 244—273.
549. Ковалевский М. М. Кавалеры и круглоголовые / М. М. Ковалевский // Северный вестник. — 1892. — № 7. — С. 65—96 ; № 8. — С. 153—162.
550. Ковалевский М. М. Как решён был на Западе еврейский вопрос / М. М. Ковалевский. — 2-е изд. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1916. — 46 с.
551. Ковалевский М. М. Д. И. Каченовский. Характеристика Д. И. Каченовского в связи с личными о нём воспоминаниями / М. М. Ковалевский // Памяти Дмитрия Ивановича Каченовского : торжеств. заседание Юрид. о-ва при Имп. Харьк. ун-те 22-го нояб. 1903 г. — Х., 1905. — С. 21—42.
552. Ковалевский М. М. Конституционное право : лекции, чит. проф. М. М. Ковалевским в С.-Петербург. ун-те и Политехн. ин-те в 1908 / 1909 г. / М. М. Ковалевский. — СПб. : Тип. И. Трофимова, 1909. — 196 с.
553. Ковалевский М. М. Краткий обзор экономической эволюции и подразделения её на периоды : пер. с фр. / М. М. Ковалевский. — СПб. : Печ. дело, 1899. — 28 с.
554. Ковалевский М. М. Кризис в западных конституциях / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1886. — № 5. — С. 161—202.
555. Ковалевский М. М. Международная война и её вероятные последствия / М. М. Ковалевский // История нашего времени : (Современная культура и её проблемы) / под ред. М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. — Пг., 1917. — Т. 8, вып. 31. — С. 1—54.
556. Ковалевский М. М. Мое научное и литературное скитальчество / М. М. Ковалевский // Русская мысль. — 1895. — янв. [№ 1]. — С. 61—80.
557. Ковалевский М. М. Моя жизнь / М. М. Ковалевский // История и историки : историограф. ежегодник, 1973 г. — М., 1975. — С. 262—297.
558. Ковалевский М. М. Национальный вопрос в старом и новом свете / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1885. — № 6. — С. 677—731.
559. Ковалевский М. М. Новое социологическое общество / М. М. Ковалевский // Мир божий. — 1905. — № 8. — С. 35—49.
560. Ковалевский М. М. О методологических приёмах при изучении раннего периода в истории учреждений / М. М. Ковалевский // Юридический вестник. — 1878. — Кн. 1. — С. 3—24.
561. Ковалевский М. М. Общественный строй в Англии в конце средних веков / М. М. Ковалевский. — М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1880. — 396 с.

562. Ковалевский М. М. Общество / М. М. Ковалевский // Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрон. — Пг., 1916. — Т. 29. — С. 175—179.
563. Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Ч. 1 : Общинное землевладение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение / М. М. Ковалевский. — М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1879. — VII, 231 с.
564. Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму : в 3 т. / М. М. Ковалевский. — М. : Тип. Сытина, 1906. — Т. 1—3.
- Т. 1. — VIII, 520 с.
- Т. 2. — 493 с.
- Т. 3. — 292 с.
565. Ковалевский М. М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века / М. М. Ковалевский. — СПб. : Т-во бр. Гранат, 1910. — 145 с.
566. Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности : лекции, чит. в Стокгольм. ун-те : пер. с фр. / М. М. Ковалевский. — СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлиха, 1895. — VIII, 152 с.
567. Ковалевский М. М. Очерк истории развития социологических учений / М. М. Ковалевский // История XIX века: (Западная Европа и внеевропейский государства) / под ред. проф. Лависса, Рамбо ; пер. с доп. ст. проф. П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского и К. А. Тимирязева. — М., 1906. — С. 292—339.
568. Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений в России: пер. под ред. Е. Смирнова / М. М. Ковалевский. — СПб. : Тип. Глаголева, 1908. — 242 с.
569. Ковалевский М. М. Развитие народного хозяйства в Западной Европе / М. М. Ковалевский. — СПб. : Изд. Ф. Павленкова, 1899. — 225 с.
570. Ковалевский М. М. Прогресс / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1912. — № 2. — С. 225—260.
571. Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии / М. М. Ковалевский. — М. : Тип. А. И. Мамонтова : тип. Солдатенкова, 1895—1897.
- Т. 1. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1895. — VIII, 660 с.
- Т. 2. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1895. — IX, 570 с.
- Т. 3. — М. : Тип. Солдатенкова, 1897. — 336 с.
- Т. 4. — М. : Тип. Солдатенкова, 1897. — XI, 354 с.
572. Ковалевский М. М. Современные социологи / М. М. Ковалевский. — СПб. : Тип. Меркушева, 1905. — XVI, 414 с.
573. Ковалевский М. М. Современные французские социологи / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1913. — № 7. — С. 339—369.
574. Ковалевский М. М. Соперничество немецкого, французского и английского влияний на русскую интеллигенцию с середины прошлого столетия / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1916. — № 1. — С. 210—234.
575. Ковалевский М. М. Социология / М. М. Ковалевский. — СПб. : Тип. Стасюлевича, 1910. — Т. 1—2.
- Т. 1 : Социология и конкретные науки об обществе. Исторический очерк развития социологии. — IX, 300 с.
- Т. 2 : Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии се-

- мья, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. — XI, 296 с.
576. Ковалевский М. М. Социология и социологи / М. М. Ковалевский // Сборник в пользу недостаточных студентов Московского университета / под ред. В. А. Гольцева. — М., 1897. — Вып. 1. — С. 1—13.
577. Ковалевский М. М. Социология на Западе и в России / М. М. Ковалевский // Новые идеи в социологии. — СПб., 1913. — Сб. 1 : Социология. Её предмет и современное состояние. — С. 1—10.
578. Ковалевский М. М. Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии. Методы сравнительного изучения права / М. М. Ковалевский // Сборник по общественно-юридическим наукам ; под. ред. Ю. С. Гамбарова. — СПб., 1899. — Вып. 1. — С. 1—29.
579. Ковалевский М. М. Страница из истории нашего общения с западной философией / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1915. — № 6. — С. 157—168.
580. Ковалевский М. М. Теория заимствования Тарда / М. М. Ковалевский // Вестник воспитания. — 1903. — № 9 (дек.). — С. 1—15.
581. Ковалевский М. М. Эволюция собственности. Исторический переход от коллективных форм землевладения к частной собственности : пер. с фр. / М. М. Ковалевский // Вестник всемирной истории. — 1900. — № 3. — С. 85—124.
582. Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства / М. М. Ковалевский. — М., 1898—1903. — Т. 1—3.
Т. 1. — М. : Тип. М. Ходяченкова, 1898. — XXXII, 712 с.
Т. 2. — М. : Тип. М. Солдатенкова, 1900. — IV, 998 с.
Т. 3. — М. : Тип. В. Рихтера, 1903. — 434 с.
583. Ковалевский М. М. Экономический строй России Максима Ковалевского, б. проф. Московского университета, члена интернационального института социологии : пер. с фр. / М. М. Ковалевский. — СПб. : Изд. А. В. Ермолаева, 1900. — 240 с.
584. Ковалевский М. М. Этнография и социология / М. М. Ковалевский // Вестник воспитания. — 1904. — № 3. — С. 34—66.
585. Козлов А. Позитивизм Конта / А. Козлов // Вопросы философии и психологии. — 1892. — Кн. 15. — С. 53—70 ; 1893. — Кн. 16. — С. 41—70.
586. Козлов А. Французский позитивизм / А. Козлов // Вопросы философии. — 1893. — Кн. 19. — С. 55—93 ; 1894. — Кн. 21. — С. 8—35 ; Кн. 22. — С. 121—140.
587. Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума : пер. с фр. / Ж. А. Кондорсэ. — СПб. : Изд. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1909. — XV, 254 с.
588. Кондратьев Н. Д. Рост населения как фактор социально-экономического развития в учении М. М. Ковалевского / Н. Д. Кондратьев // М. М. Ковалевский. Учёный, государственный и общественный деятель и гражданин : [сб.]. — Пг., 1917. — С. 196—217.
589. Кони А. Ф. Владимир Сергеевич Соловьёв / А. Ф. Кони // Вестник Европы. — 1903. — № 2. — С. 651—689.
590. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / О. Конт ; предисл. М. М. Ковалевского. — СПб. : Вестник знания, 1910. — 76, IV с.
591. Конт О. Катехизис промышленников или система позитивной политики

- / О. Конт // Родоначальники позитивизма : сб. ст. / под ред. М. М. Ковалевского. — СПб., 1911. — Вып. 2 : Сен-Симон, Ог. Конт. — С. 77—152.
592. Конт О. Курс положительной философии : в 6 т. Т. 1 / О. Конт. — СПб. : Посредник, 1899. — XVI, 302 с.
593. Конт О. Общий обзор позитивизма Огюста Конта / О. Конт // Родоначальники позитивизма : сб. ст. / под ред. Э. Радлова. — СПб., 1912. — Вып. 4 : Огюст Конт. — С. 47—136.
594. Конт О. Общий обзор позитивизма Огюста Конта / О. Конт // Родоначальники позитивизма : сб. ст. / под ред. Э. Радлова. — СПб., 1912. — Вып. 5 : Огюст Конт. — С. 3—200.
595. Конт О. Основные законы социальной динамики или Общая теория прогресса человечества / О. Конт // Философия истории : антол. / под ред. Ю. А. Кимелева. — М., 1995. — С. 109—135.
596. Кордуба М. Методологія історії : виклади / М. Кордуба. — Львів : [Б. в.], 1922. — 47 с.
597. Кордуба М. Найважніший момент в історії України : (Україна у складі Литовської держави) / М. Кордуба // Літературно-науковий вістник. — 1930. — Т. 102, кн. 6. — С. 539—546.
598. Кордуба М. Огляд західноєвропейської літератури по культурній і політичній історії, історії літератури та штуки в 1897 р. / М. Кордуба // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1898. — Т. 22, кн. 2. — С. 1—42.
599. Кордуба М. Огляд західноєвропейської літератури по культурній і політичній історії, історії літератури та штуки в 1898 р. / М. Кордуба // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1899. — Т. 28, кн. 2. — С. 1—36.
600. Кордуба М. Огляд західноєвропейської літератури по культурній і політичній історії, історії літератури та штуки в 1898 р. / М. Кордуба // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1899. — Т. 29, кн. 3. — С. 1—31.
601. Кордуба М. [Рецензія] / М. Кордуба // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1907. — Т. 76, кн. 1. — С. 202—213. — Рец. на кн.: Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildungen / N. Jorga. — Gotha, 1905. — Bd. 1—2.
602. Костомаров М. І. Галерея портретів : біогр. нариси / М. І. Костомаров. — К. : Веселка, 1993. — 325 с.
603. Костомаров М. І. Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова / М. І. Костомаров. — К. : ДВУ, 1928. — 316 с.
604. Костомаров Н. И. Об отношении русской истории к географии и этнографии / Н. И. Костомаров // Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования / Н. И. Костомаров. — СПб., 1903. — Кн. 1, т. 3. — С. 718—731.
605. Костомаров Н. И. Две русские народности : (Письмо к редактору) / Н. И. Костомаров // Основа. — 1861. — Кн. 4. — С. 33—80.
606. Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография / Н. И. Костомаров. — К. : Изд-во ун-та, 1989. — 734 с.
607. Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Ч. 1 : Источники русской истории / Н. И. Костомаров. — СПб. : Изд. П. Гайдебурова, 1861. — 100 с.
608. Костомаров Н. И. Литературное наследие. Автобиография. Стихотворения, сны, исторические отрывки / Н. И. Костомаров. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. — IV, 521 с.

609. Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси / Н. И. Костомаров // Основа. — 1861. — Кн. 1. — С. 121—158.
610. Костомаров Н. И. Мысли южнорусса. О преподавании на южнорусском языке / Н. И. Костомаров // Основа. — 1862. — № 5. — С. 1—6.
611. Костомаров Н. И. О значении Великого Новгорода в русской истории / Н. И. Костомаров // Отечественные записки. — 1862. — Т. 140, кн. 1. — С. 92—105.
612. Костомаров Н. И. О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории / Н. И. Костомаров // Русское слово. — 1861. — № 2. — С. 1—28.
613. Костомаров Н. И. По поводу книги М. О. Кояловича "История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям" // Вестн. Европы. — 1885. — Кн. 4. — С. 867—878. — Рец. на кн.: История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. — 603 с.
614. Костомаров Н. И. Словечко по поводу замечания о федеративном начале в древней Руси / Н. И. Костомаров // Киевская старина. — 1883. — Кн. 4. — С. 899—901.
615. Костомаров Н. И. Черты южнорусской народной истории / Н. И. Костомаров // Основа. — 1861. — № 3. — С. 114—165 ; 1862. — № 6. — С. 1—45 ; 1862. — № 10. — С. 11—19. — В 1862 г. продолжение и окончание статьи вышло под названием «Черты народной южнорусской истории».
616. Котляревский Н. Очерки из истории общественного настроения шестидесятых годов. Женский вопрос в его первой постановке / Н. Котляревский // Вестник Европы. — 1914. — № 2. — С. 225—252.
617. Котляревский С. А. Введение / С. А. Котляревский // Очерки всеобщей истории. — М., [1912]. — Ч. 1 : Древний мир и средние века. — С. 1—6.
618. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. — 603 с.
619. Коялович М. О. Чтения по истории западной России / М. О. Коялович. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. — XIII, 341 с.
620. Кругликов Л. П. Методика истории / Л. П. Кругликов. — К. : Прогресс, 1916. — 178 с.
621. Круссман В. Э. Введение в изучение новой истории / В. Э. Круссман. — Одесса : [Б. и, б. г.]. — 172 с. — Литогр. машинопись.
622. Кулиш П. А. История воссоединения Руси: в 3 т. / П. А. Кулиш. — СПб. : Обществ. польза, 1874—1877. — Т. 1—3.
Т. 1. — 1874. — 363 с.
Т. 2. — 1874. — 456 с.
Т. 3. — 1877. — 374 с.
623. Кулиш П. А. Отпадение Малороссии от Польши: в 3 т. / П. А. Кулиш. — М. : Тип. ун-та, 1874—1890. — Т. 1—3.
Т. 1. — 1874. — 811 с.
Т. 2. — 1888. — 399 с.
Т. 3. — 1890. — 415 с.
624. Кулиш П. Полякам об украинцах / П. Кулиш // Основа. — 1862. — № 2. — С. 67—86.
625. Кулиш П. Простонародность в украинской словесности / П. Кулиш // Основа. — 1862. — № 1. — С. 1—10.

626. Кулиш П. Українофилам / П. Кулиш // Записки Українського наукового товариства в Києві. — 1911. — Кн. 8. — С. 69—87.
627. Кулиш П. А. Хуторна поезія / П. А. Кулиш. — Львів : Друк. НТШ, 1882. — 137 с.
628. Лавров П. Л. Биография-исповедь / П. Л. Лавров // *Философия и социология* : избр. произведения : в 2 т. / П. Л. Лавров. — М., 1965. — Т. 2. — С. 615—654.
629. Лавров П. Л. Механическая теория мира / П. Л. Лавров // *Отечественные записки*. — 1859. — Т. 123, кн. 4. — С. 451—492.
630. Лавров П. Л. Очерк теории личности / П. Л. Лавров // *Отечественные записки*. — 1859. — Т. 137, кн. 11. — С. 207—244 ; Кн. 12. — С. 555—610.
631. Лавров П. Л. Социализм и борьба за существование / П. Л. Лавров // *Философия и социология* : избр. произведения : в 2 т. / П. Л. Лавров. — М., 1965. — Т. 2. — С. 363—382.
632. Лавров П. Л. Старые вопросы. Учение графа Л.Н.Толстого / П. Л. Лавров // *Философия и социология*: избр. произведения: в 2 т. / П. Л. Лавров. — М., 1965. — Т. 2. — С. 505—580.
633. Лавров П. Л. Счёты русского народа / П. Л. Лавров // *Вперёд*. — Цюрих, 1873. — № 1. — С. 27—59.
634. Лавров П. Л. Формула прогресса Н. К. Михайловского. Противники истории. Научные основы истории цивилизации / П. Л. Лавров. — 2-е изд. — СПб. : Тип. Клобукова, 1906. — 144 с.
635. Лакомб П. Социологические основы истории : пер. с фр. / П. Лакомб. — СПб. : Тип. Ю. Эрлиха, 1895. — 354 с.
636. Лампрехт К. История германского народа / К. Лампрехт ; пер. с нем. П. Николаева. — М. : Тип. В. Рихтера, 1894—1896. — Т. 1—3.
Т. 1. — Ч. 1—2. — 1894. — XXIV, 608 с.
Т. 2. — Ч. 3—4. — 1895. — XXIV, 656 с.
Т. 3. — Ч. 5. — 1896. — XVIII, 545 с.
637. Ланглюа Ш.-В. Введение в изучение истории : пер. с фр. / Ш.-В. Ланглюа, Ш. Сеньобос. — СПб. : Тип. И. И. Скороходова, 1899. — 276 с.
638. Лапин В. В. Курс римской истории. Ход мировой цивилизации (схема) / В. В. Лапин. — Х. : [Б. и., 1891]. — 103 с.
639. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : пособие к лекциям, чит. студентам Санкт-Петербург. ун-та в 1909 / 10 уч. году / А. С. Лаппо-Данилевский. — СПб. : Тип. В. Безобразова, 1910—1913. — Вып. 1—2.
Вып. 1. — 1910. — 292 с.
Вып. 1. — 1913. — 293—799 с.
640. Лашнюков И. В. Владимир Мономах и его время / И. В. Лашнюков // *Журнал Министерства народного просвещения*. — 1867. — Ч. 134, № 6. — С. 734—775.
641. Лашнюков И. В. Очерки русской историографии / И. В. Лашнюков // *Университетские известия*. — К., 1869. — № 8. — С. 1—22 ; 1872. — № 4. — С. 1—13 ; № 5. — С. 1—19 ; № 6. — С. 1—18 ; № 9. — С. 1—13.
642. Лебедев А. С. Записки по истории церкви. Ч. 1. От первых времён христианства до разделения церквей : извлечения из курса, чит. в Имп. Харьк. ун-те в 1907 / 1908 учеб. году / А. С. Лебедев. — Х. : Тип. С. Иванченко 1908. — 131 с.
643. Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов / М. К. Лемке. — СПб. : Герольд, 1904. — 512 с.

644. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — 5-е изд. — М., 1961. — Т. 18. — С. 7—384. — В. И. Ленин — псевд. В. И. Ульянова.
645. Леонтович Ф. И. Лекции по истории русского права, читанные в Новороссийском университете в 1886 / 1887 акад. году / Ф. И. Леонтович. — Одесса : Тип. В. Кирхнера, 1886. — 355 с. — Литогр. рукопись.
646. Лесевич В. В. Метафизика, позитивизм и научная философия / В. В. Лесевич // Отечественные записки. — 1879. — Т. 244, № 6. — С. 26—50. — Рец. на кн.: Типы современной философской мысли в Германии. Очерки из путешествия за границу / П. А. Милославский. — Казань : Тип. ун-та, 1878. — 323 с.
647. Лесевич В. В. Опыт критического исследования основ начал позитивной философии / В. В. Лесевич. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1877. — 295 с.
648. Лесевич В. В. Первые правозвестники позитивизма / В. В. Лесевич // Отечественные записки. — 1873. — Т. 211, № 12. — С. 529—576.
649. Лесевич В. В. Письма о научной философии / В. В. Лесевич. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1878. — 208 с.
650. Лесевич В. В. Позитивизм после Конта / В. В. Лесевич // Отечественные записки. — 1869. — Т. 183, № 4. — С. 361—398.
651. Лесевич В. В. Сочинения : в 3 т. / В. В. Лесевич. — М. : Книгоизд-во писателей, 1915.
- Т. 1 : Статьи по философии. — 647 с.
- Т. 2 : Статьи по философии. — 663, II с.
- Т. 3 : Статьи общенаучного характера. — 712 с.
652. Лесевич В. В. Философия истории на научной почве : (Очерк из истории культуры XIX века) / В. В. Лесевич // Отечественные записки. — 1869. — Т. 182, № 1. — С. 163—196.
653. Лесевич В. В. Философские воззрения Огюста Конта (по поводу столетнего юбилея) / В. В. Лесевич // Русское богатство. — 1898. — № 3. — С. 1—17.
654. Лесевич В. В. Что такое научная философия? / В. В. Лесевич // Русская мысль. — 1888. — № 1. — С. 1—20 ; № 2. — С. 1—16 ; № 11. — С. 1—20 ; № 12. — С. 13—24 ; 1889. — № 3. — С. 1—16 ; № 10. — С. 1—17 ; № 11. — С. 1—17.
655. Лесевич В. В. Эмпириокритицизм как единственная научная точка зрения / В. В. Лесевич. — СПб. : Посев, 1909. — 72 с.
656. Лесевич В. В. Этюды и очерки / В. В. Лесевич. — СПб. : Тип. Стасюлевича, 1886. — 407 с.
657. Линицкий П. И. Закон эволюции, как принцип реалистической философии нашего времени / П. И. Линицкий // Труды Киевской духовной академии. — 1902. — № 11. — С. 381—414.
658. Линицкий П. И. О необходимости метафизики / П. И. Линицкий // Вера и разум. — 1897. — Т. 2, ч. 1. — С. 1—24 ; 49—76 ; 183—200 ; 231—244.
659. Линицкий П. И. Обзор философских учений / П. И. Линицкий. — К. : Тип. Еремеева, 1874. — 245 с.
660. Линицкий П. И. По поводу защиты славянофильства в “Православном обозрении” / П. И. Линицкий // Труды Киевской духовной академии. — 1884. — Янв. — С. 77—94.
661. Линицкий П. И. Славянофильство и либерализм : Опыт систематического анализа того и другого / П. И. Линицкий. — К. : Тип. Корчак-Новицкого, 1882. — IV, 255 с.

662. Липицкий П. И. Философские и социологические этюды / П. И. Липицкий. — К. : Тип. И. И. Горбунова, 1907. — 236 с.
663. Линниченко И. А. Вече в Киевской области : канд. соч. / И. А. Линниченко. — К. : Тип. ун-та, 1881. — II, 65, 2 с.
664. Линниченко И. А. Курганомания / И. А. Линниченко. — М. : Тип. А. Гатцука, 1889. — 23 с.
665. Линниченко И. А. Малорусская культура / И. А. Линниченко. — Одесса : Тип. Южнорус. просветит. о-ва, 1919. — 17 с.
666. Линниченко И. А. Рецензия / И. А. Линниченко // Журнал Министерства народного просвещения. — 1886. — Т. 247, № 10. — С. 336—345. — Рец. на ст.: *Rodział i zakres dziejów polskich. Odczyt w Sali inaguracyjnej Wszechnicy przy otwarciu roku szkolnego 1884 / 85 / K. Wojeciechowski // Przewodnik Naukowy i Literacki.* — Lwów, 1884. — R. 12. — S. 961—977.
667. Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму / В. Липинський // Повне зібрання творів. Архів. Студії / В. Липинський. — К., 1995. — Т. 6, кн. 1. — 470 с.
668. Липинський В. Релігія і церква в історії України / В. Липинський. — Нью-Йорк : Булава, 1956. — 111 с.
669. Липинський В. Україна на переломі (1657—1659). Замітки до історії українського державного будівництва в XVII-тім столітті / В. Липинський // Твори. Архів. Студії. Історична секція / В. Липинський. — Філадельфія, 1991. — Т. 3. — LXX, 346 с.
670. Литтре Э. Несколько слов по поводу положительной философии / пер. с фр. Г. Н. Вырубова и Е. В. Де-Роберти / Э. Литтре. — Берлин : Е. Боск, 1865. — XXI, 50 с.
671. Литтре Э. Очерк положительной философии : пер. с фр. / Э. Литтре. — Гейдельберг : Бангель и Шмит, 1863. — 100 с.
672. Лотоцький О. Сторінки минулого. Ч. 1 / О. Лотоцький. — Варшава : Укр. наук. ін-т, 1932. — 286, II с.
673. Луначарский А. В. О национализме вообще и украинском движении в частности / А. В. Луначарский // Украинская жизнь. — 1912. — № 10. — С. 9—22.
674. Лучицкая М. В. Мемуары / М. В. Лучицкая. — М. : ИВИ РАН, 2003. — 196 с.
675. Лучицкий И. В. Джордано Бруно : публ. лекция, чит. 21 апр. 1885 г. / И. В. Лучицкий // Университетские известия. — К., 1885. — № 5. — С. 83—102.
676. Лучицкий И. В. Историческая семинария Вуттке в Лейпциге : отчет магистра Лучицкого / И. В. Лучицкий // Университетские известия. — К., 1874. — № 2. — С. 55—68.
677. Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции : Опыт истории демократического движения во Франции второй половине XVI в. Т. 1 / И. В. Лучицкий. — К. : Тип. ун-та, 1877. — IV, 560, 60 с.
678. Лучицкий И. В. О задачах экономической истории / И. В. Лучицкий // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. — 1896. — Кн. 10. — С. 43—45.
679. Лучицкий И. В. Обзор литературы по философии истории за 1872 год / И. В. Лучицкий // Знание. — 1873. — № 9. — С. 59—92.
680. Лучицкий И. В. Обзор последних работ по новой истории / И. В. Лучицкий // Знание. — 1874. — № 1. — С. 23—36.
681. Лучицкий И. В. Отношение истории к науке об обществе : (вступ. лекция в курс

- новой истории, чит. доц. ун-та св. Владимира, 18-го окт. 1874 г.) / И. В. Лучицкий // Знание. — 1875. — № 1. — С. 1—42.
682. Лучицкий И. В. Отчёт о занятиях за границей магистра Лучицкого / И. В. Лучицкий // Университетские известия. — К., 1874. — № 5. — С. 293—322.
683. Лучицкий И. В. Очерк истории Монтобана : Отчет магистра Лучицкого / И. В. Лучицкий // Университетские известия. — К., 1874. — № 8. — С. 644—658 ; № 9. — С. 681—689.
684. Лучицкий И. В. Очерк развития исторической науки в Швеции / И. В. Лучицкий // Университетские известия. — К., 1885. — № 4. — С. 163—188 ; № 5. — С. 207—232.
685. Лучицкий И. В. Очерк развития скептической мысли во Франции в XVI и XVII вв. / И. В. Лучицкий // Знание. — 1873. — № 1. — С. 61—99 ; № 3. — С. 91—129 ; № 8. — С. 123—147 ; № 11. — С. 24—58.
686. Лучицкий И. В. Поземельная община в Пиренеях / И. В. Лучицкий // Отечественные записки. — Т. 265, № 9. — С. 57—78 ; № 10. — С. 466—506 ; Т. 266, № 12. — С. 415—442.
687. Лучицкий И. В. Предисловие / И. В. Лучицкий // Описательная социология или группы социальных фактов, классифицированные и распределённые Г. Спенсером / Г. Спенсер ; пер. И. В. Лучицкого. — К., 1878. — С. I—IV.
688. Лучицкий И. В. [Рецензия] / И. В. Лучицкий // Университетские известия. — К., 1876. — № 3. — С. 68—79. — Рец. на кн.: Hadrian VI, ein Lebensbild aus dem Zietalter der Reformation / H. Bauger. — Leipzig, 1876.
689. Лучицкий И. В. Джеймс Сорольд Роджерс : (некролог) / И. В. Лучицкий // Юридический вестник. — 1891. — Кн. 2. — С. 171—185.
690. Лучицкий И. В. Адам Фергюсон и его историческая теория / И. В. Лучицкий // Университетские известия. — К., 1868. — № 9. — С. 1—27 ; № 11. — С. 1—47 ; № 12. — С. 1—22 ; 1869. — № 1. — С. 1—16.
691. Ляскоронский В. Г. История Переяславской земли с древнейших времён до половины XIII столетия / В. Г. Ляскоронский. — К. : Тип. И. Н. Чоколова, 1897. — VII, 486, XI с.
692. Майков В. Н. Общественные науки в России / В. Н. Майков // Финский вестник. — 1845. — Т. 1. — С. 1—62.
693. Макарий [архиепископ]. История русского раскола, известного под именем старообрядчества / Макарий. — СПб. : Тип. Королёва, 1855. — 368, VIII с.
694. Макарий [архиепископ]. Слова и речи Макария, архиепископа Харьковского / Макарий. — СПб. : Тип. департамента уделов, 1864. — 305, VI с.
695. Максимович Г. А. Кризис перед смутой в Московском государстве / Г. А. Максимович // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. — 1912—1913. — Т. 8. — С. 1—19.
696. Маркевич А. И. Историческая критика в трудах новейших русских историков : (пробная лекция, чит. в Новорос. ун-те магистром рус. истории ун-та св. Владимира Ал. Маркевичем / А. И. Маркевич. — Одесса : Новорос. телеграф, 1880. — 14 с.
697. Маркс К. К критике гегелевской философии права / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М., 1955. — Т. 1. — С. 219—368, 414—429.
698. Маркс К. Письмо К. Маркса Ф. Энгельсу в Манчестер от 7 июля 1866 г. / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М., 1963. — Т. 31. — С. 195—197.

699. Матеріали для біографії В. Б. Антоновича. З приводу двадцятій річниці з дня його смерті / за ред. Д. І. Багалія. — К. : Друк. ВУАН, 1929. — 129 с.
700. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Э. Мах. — СПб. : Тип. Суворина, 1904. — 148 с.
701. М. Г. Парижский социологический конгресс / М. Г. // Русское богатство. — 1895. — № 3. — С. 82—91. — М. Г. — псевд. М. В. Гельброта.
702. Мечников Л. И. Географическая теория развития исторических народов / Л. И. Мечников // Вестник Европы. — 1889. — № 3. — С. 331—362.
703. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ / Л. И. Мечников ; пер. с фр. М. Д. Гродецкого. — СПб. : Жизнь, 1897. — 176 с.
704. Мечников Л. И. Школа борьбы в социологии / Л. И. Мечников // Дело. — 1884. — № 4. — С. 28—64 ; № 5. — С. 39—59.
705. Миллер Д. П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Суды земские, гродские и подкоморские в XVIII ст. / Д. П. Миллер // Сборник Харьковского историко-филологического общества. — 1896. — Т. 8. — С. 63—244.
706. Милль Д. С. Автобиография / Д. С. Милль ; под ред. Г. Е. Благосветлова. — СПб. : Тип. В. Тушнова, 1874. — 332 с.
707. Милль Д. С. Огюст Конт и положительная философия / Д. С. Милль, Дж. Льюис. — СПб. : Тип. Н. Тиблена, 1867. — XIV, 587 с.
708. Милль Д. С. О свободе / Д. С. Милль. — Лейпциг : Вольфанг Гергард, 1861. — 253 с.
709. Милль Д. С. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии / Д. С. Милль ; пер. и прим. Н. Г. Чернышевского. — СПб. : Тип. К. Вульфа, 1860. — Т. 1. — 80, 425 с.
710. Милль Д. С. Подчинённость женщины / Д. С. Милль ; пер. Н. К. Михайловского. — СПб. : Тип. С. В. Звонарёва, 1869. — LX, 255 с.
- То же / под ред. Марко Вовчок. — 2-е изд. — СПб. : Тип. С. В. Звонарёва, 1870. — LXXXIV, 258 с.
711. Милль Д. С. Рассуждения и исследования : политические, философские и исторические : в 3 ч. Ч. 1. Статьи исторические / Д. С. Милль. — СПб. : Тип. А. С. Голицына, 1864. — 173 с.
712. Милль Д. С. Система логики / Д. С. Милль, Дж. Льюис ; под ред. П. Лаврова, Ф. Резенера. — СПб. : Тип. М. О. Вольфа, 1867. — Т. 1—2.
Т. 1. — XXXI, 553, VI с.
Т. 2. — 4, 537, VIII с.
713. Милль Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / Д. С. Милль. — 2-е изд. — М. : Изд. Г. А. Лемана, 1914. — LXXXI, 880 с.
714. Милорадович В. Украинская ведьма (очерк) / В. Милорадович // Киевская старина. — 1901. — №2. — С. 217—233.
715. Милоков П. Н. М. М. Ковалевский как социолог и как гражданин / П. Н. Милоков // М. М. Ковалевский. Учёный, государственный и общественный деятель и гражданин : [сб.]. — Пг., 1917. — С. 136—143.
716. Милоков П. Н. Памяти двух историков : С. Ф. Платонов и А. А. Кизеветтер / П. Н. Милоков // Современные записки. — Париж, 1933. — Т. 51. — С. 311—335.

717. Милютин В. А. [Рецензия] / В. А. Милютин // Избранные произведения / В. А. Милютин. — М. : ОГИЗ, 1946. — С. 358—444. — Рец. на кн.: Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии / А. Бутовский. — СПб. : Тип. II отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1847. — Т. 1—3.
718. Миртов П. Л. Исторические письма / П. Л. Миртов. — 4-е изд. — СПб. : Тип. Н. Н. Клобукова, 1905. — 368 с. — П. Л. Миртов. — псевд. П. Л. Лаврова.
719. Михайловский Н. К. Аналогический метод в общественной науке // Отечественные записки. — 1869. — Т. 185, кн. 7. — С. 1—53. — Рец. на кн.: История и метод / А. Стронин. — СПб. : Тип. Котомина, 1869. — 446 с.
720. Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. Т. 1 / Н. К. Михайловский. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. — 971 с.
721. Михайловский Н. К. [Рецензия] / Н. К. Михайловский // Книжный вестник. — 1866. — № 5. — С. 119—120. — Рец. на кн.: Классификация наук, со статьёй о причинах разногласия с философией Конта / Г. Спенсер ; под ред. П. Л. Лаврова. — СПб. : Кн. изд-во Н. Л. Тиблена, 1866. — 64 с.
722. Мишле Ж. Жанна д'Арк / Ж. Мишле ; пер. с фр. Т. Быковой. — Пг. : Всемирная литература, 1920. — 168 с.
723. Моно Г. Метод в історії / Г. Моно ; пер. з фр. М. Залізняка [К. Трильовського]. — Львів : Друк. НТШ, 1909. — 28 с.
724. Монтескье Ш. Л. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления и нравов, климату, религии, торговли и т. д. / Ш. Л. Монтескье. — СПб. : Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1900. — ХСІ, 706 с.
725. Моргулис М. Г. Вопросы еврейской жизни / М. Г. Моргулис. — СПб. : Тип. А. Е. Ландау, 1906. — 594 с.
726. Мордовец Д. Твори : в 2 т. Т. 2. Знамена времени / Д. Мордовец. — К. : Худ. літ., 1958. — 424 с.
727. Надлер В. К. Лекции по истории Французской революции и империи Наполеона (1799—1815) / В. К. Надлер. — Х. : Изд-во кн. маг. Корчагина, 1898. — 295 с.
728. Надлер В. К. Меттерних и европейская реакция / В. К. Надлер. — Х. : Тип. ун-та, 1882. — XV, 286 с.
729. Надлер В. К. Мифический элемент в истории / В. К. Надлер. — Х. : Изд. кн. маг. Д. Н. Полуехтова, 1887. — 26 с.
730. Надлер В. К. Русские исторические руководства и их отношение к науке всеобщей истории / В. К. Надлер. — Х. : Тип. ун-та, 1864. — 25 с.
731. Никитин П. Кладези мудрости российских философов / П. Никитин // Дело. — 1878. — № 10. — С. 1—30 ; № 11. — С. 123—166. — П. Никитин — псевд. П. Н. Ткачёва. — Рец. на кн.: Письма о научной философии / В. В. Лесевич. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1878. — 208 с.
732. Никитин П. Литературные этюды / П. Никитин // Дело. — 1872. — № 2. — С. 1—42. — П. Никитин — псевд. П. Н. Ткачёва.
733. Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. — СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1911. — XXV, 410 с.
734. Новодворский В. В. Исторический материализм. Доктрина Маркса и Энгельса. Опыт ист.-крит. исслед. / В. В. Новодворский // Известия Историко-филологического института кн. Безбородько. — 1914. — Т. 29. — С. 1—112 ; 1916. — Т. 31. — С. 113—232 ; 1918. — Т. 32. — С. 233—300.

735. Новодворский В. В. Несколько слов о направлениях в современной историографии : вступ. лекция, чит. в университете св. Владимира / В. В. Новодворский // Университетские известия. — К., 1909. — № 5. — С. 1—20.
736. Н. П-в. Мысли Джона Стюарта Милля о позитивной философии. Позднейшие воззрения Огюста Конта / Н. П-в // Отечественные записки. — 1865. — Т. 152, кн. 6. — С. 156—172.
737. Оболонский Н. Исторический очерк развития позитивной школы о преступниках и преступлениях / Н. Оболонский // Университетские известия. — К., 1889. — № 3. — С. 1—19.
738. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Воспоминания / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Литературно-критические работы / Д. Н. Овсяннико-Куликовский. — М., 1989. — Т. 2. — С. 306—486.
739. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология русской интеллигенции / Д. Н. Овсяннико-Куликовский // Интеллигенция в России : сб. ст. — СПб., 1910. — С. 192—219.
740. Овсяннико-Куликовский Д. Что такое мистика? : (эюд) / Д. Овсяннико-Куликовский // Вестник Европы. — 1916. — № 10. — С. 121—173.
741. Одинец П. К вопросу об украинском народничестве : (Опыт программных вопросов для изучения украинской национальной идеи) / П. Одинец // Киевская старина. — 1906. — Кн. 7—8. — С. 338—376. — П. Одинец — псевд. П. С. Ефименко.
742. Оршанский И. Г. Позитивизм и контизм / И. Г. Оршанский // Записки Харьковского университета. — 1893. — Кн. 2. — С. 85—116 ; Кн. 4. — С. 151—250 ; 1894. — Кн. 1. — С. 193—208.
743. Отчёт Общества [славянской культуры] за 1908 и 1909 г. // Известия Общества славянской культуры. — 1912. — Т. 1, кн. 1. — С. 117—123.
744. Отчёт Харьковского общества взаимопомощи трудящихся женщин за 1905 год. — Х. : Коммерч. тип., 1906. — 86 с.
745. Павлов П. В. Письма из-за границы. Мысль о всеобщем музее / П. В. Павлов // Экономический указатель / изд. И. В. Вернадский. — СПб., 1858. — Вып. 1. — С. 19—22 ; Вып. 2. — С. 36—40.
746. Павлов П. В. Опыт введения в историю / П. В. Павлов // Отечественные записки. — 1874. — Т. 214, кн. 5—6. — С. 269—291.
747. Падалица Т. Пан Падалица до пана Владимира Антоновича / Т. Падалица // Основа. — 1861. — Кн. 10. — С. 136—141. — Т. Падалица — псевд. З. Фиша.
748. Панейко В. Из нової літератури про Маркса / В. Панейко // Літературно-науковий вістник. — 1909. — Т. 45, кн. 3. — С. 595—606.
749. Панейко В. Из проблем теорії пізнання й метафізики / В. Панейко // Літературно-науковий вістник. — 1908. — Т. 43, кн. 9. — С. 489—500.
750. Панейко В. Нова соціологія / В. Панейко // Літературно-науковий вістник. — 1910. — Т. 51, кн. 9. — С. 404—411.
751. Панейко В. Постійність в ході культури / В. Панейко // Літературно-науковий вістник. — 1909. — Т. 47, кн. 9. — С. 430—449.
752. Панейко В. Прагматизм / В. Панейко // Літературно-науковий вістник. — 1910. — Т. 49, кн. 3. — С. 501—509.
753. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания / Л. Ф. Пантелеев. — М.: Худ. лит., 1958. — 848 с.
754. Певницкий В. Ф. [Ответ] “Православному обозрению” / В. Ф. Певницкий // Труды Киевской духовной академии. — 1870. — март. — С. 721—732.

755. Певницкий В. Ф. Речь о судьбах богословской науки в нашем отечестве / В. Ф. Певницкий // Труды Киевской духовной академии. — 1869. — нояб.-дек. — С. 139—210.
756. Перетяткович Г. И. Вступительная лекция по русской истории / Г. И. Перетяткович // Записки Новороссийского университета. — 1878. — Т. 24. — С. 308—318.
757. Петров М. Н. Евангелие в истории / М. Н. Петров // Очерки из всеобщей истории / М. Н. Петров. — X., 1868. — С. 1—28.
758. Петров М. Н. Жанна д'Арк : (Историко-психологический опыт) / М. Н. Петров // Очерки из всеобщей истории / М. Н. Петров. — X., 1868. — С. 289—335.
759. Петров М. Н. Из всемирной истории : очерки / М. Н. Петров. — 2-е изд. — X. : Тип. В. А. Сыхра, 1882. — 440 с.
760. Петров М. Н. Историческая подготовка. Pro domo sua / М. Н. Петров. — X. : Тип. М. Зильберберга, 1881. — 31 с.
761. Петров М. Н. Курс древней истории, читанный в Харьковском университете / М. Н. Петров. — X. : Кн. магазин Д. Полуехтова, 1881. — XLVI, 359 с.
762. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. 1. История древнего мира / М. Н. Петров ; под ред. проф. В. К. Надлера. — X. : Кн. магазин Д. Полуехтова, 1888. — XIV, 312, VIII с.
763. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. 2, ч. 1. История средних веков / М. Н. Петров. — СПб. : Изд. В. Березовского, 1906. — 150 с.
764. Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. 3. История новых веков (реформационная эпоха) / М. Н. Петров. — X. : Кн. магазин Д. Полуехтова, 1888. — IV, 218 с.
765. Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции : сравнит. ист.-библиогр. обзор / М. Н. Петров. — X. : Тип. ун-та, 1861. — VII, 310 с.
766. Петров М. Н. О характере государственной деятельности Людовика XI : рассуждение, написанное для получения степени магистра всеобщей истории / М. Н. Петров. — X. : Тип. ун-та, 1850. — 69 с.
767. Петров М. Н. Отчёт о занятиях адъюнкта императорского Харьковского университета М. Н. Петрова в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии в 1858—1860 г. / М. Н. Петров. — X. : Тип. ун-та, 1861. — 76 с.
768. Петрушевич А. С. Филипп Орлик. Последний польский гетьман Западной Украины 1709—1742 г. / А. С. Петрушевич. — Львов : Тип. Ставропиг. ин-та, 1872. — 26 с.
769. Петрушевский Д. М. Восстание Уота Тайлера : в 2 ч. / Д. М. Петрушевский. — СПб. : М., 1897—1901. — Ч. 1—2.
- Ч. 1. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1897. — VI, 384 с.
- Ч. 2 : Очерки из истории разложения феодального строя в Англии. — М. : Тип. И. Н. Кушнерова, 1901. — VIII, 367 с.
770. Петрушевский Д. М. К вопросу о логическом стиле исторической науки // Известия Петроградского политехнического института императора Петра Великого. Отделение наук экономических и юридических. — Пг., 1915. — Т. 24. — С. 67—88.
771. Петрушевский Д. М. Новое исследование о происхождении феодального строя / Д. М. Петрушевский // Журнал Министерства народного просве-

- щения. — 1892. — Ч. 284, № 12. — С. 307—376. — Рец. на кн.: Villianage in England. Essays in English mediaeval history / P. Vinogradoff. — Oxford : Clarendon Press., 1892. — XII, 464 p.
772. Петрушевский Д. М. О задачах всеобщей истории как науки : вступ. лекция, чит. в Варшав. ун-те / Д. М. Петрушевский // Образование. — 1898. — № 2. — С. 1—10.
773. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. Введение. Задачи и методы всеобщей истории / Д. М. Петрушевский // Научное слово. — 1904. — Кн. 3. — С. 78—115.
774. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства / Д. М. Петрушевский. — М. : Науч. слово, 1907. — IV, 324 с.
775. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства / Д. М. Петрушевский. — 4-е изд. — М. : Науч. слово, 1917. — IV, 402 с.
776. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства / Д. М. Петрушевский. — 5-е изд. — М. : ГИЗ, 1922. — 298 с.
777. Петрушевский Д. М. Тенденции современной исторической науки / Д. М. Петрушевский // Образование. — 1899. — № 5—6. — С. 73—104.
778. Петрушевский Д. М. Феодализм и современная историческая наука / Д. М. Петрушевский // Из далёкого и близкого прошлого : сб. этюдов из всеобщ. истории в честь пятидесятилетия науч. жизни Н. И. Кареева. — Пг. ; М., 1923. — С. 110—119.
779. Пикар Э. О науке / Э. Пикар // Метод в науках. — СПб., 1911. — С. 7—29.
780. Писарев Д. И. Мыслящий пролетариат / Д. И. Писарев // Сочинения : в 4 т. / Д. И. Писарев. — М., 1956. — Т. 4 : Статьи. 1866—1868. — С. 7—49.
781. Писарев Д. И. Очерки из истории труда / Д. И. Писарев // Сочинения : в 4 т. / Д. И. Писарев. — М., 1955. — Т. 2 : Статьи. 1862—1864. — С. 228—337.
782. Писарев Д. И. Русский Дон-Кихот / Д. И. Писарев // Сочинения : в 4 т. / Д. И. Писарев. — М., 1955. — Т. 1 : Статьи и рецензии. — С. 320—337. — Рец. на кн.: Полное собрание сочинений / И. В. Киреевский. — М. : Изд. А. Н. Кошелева, 1861. — Т. 1—2.
783. Писарев Д. И. Схоластика XIX века / Д. И. Писарев // Сочинения : в 4 т. / Д. И. Писарев. — М., 1955. — Т. 1 : Статьи и рецензии. — С. 97—159.
784. Пискорский В. К. История Испании и Португалии / В. К. Пискорский. — СПб. : Изд. Брокгауза-Ефрона, 1902. — 201 с.
785. Пискорский В. К. Ян Амос Коменский : (вступ. лекция) / В. К. Пискорский // Вопросы истории славян. — Воронеж, 1970. — Вып. 3. — С. 106—114.
786. Пискорский В. К. Крепостное право в Каталонии в средние века / В. К. Пискорский. — К. : Тип. ун-та, 1901. — 230 с.
787. Пискорский В. К. Международный исторический конгресс в Сарагоссе / В. К. Пискорский // Журнал Министерства народного просвещения. Новая сер. — 1909. — Ч. 23, № 9—10. — С. 82—96.
788. Пискорский В. К. Начало академической свободы в Западной Европе : речь, произнес. на годичном акте Института 30 авг. 1899 г. / В. К. Пискорский. — Нежин : Тип. М. В. Глезера, 1900. — 19 с.
789. Пискорский В. К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории : вступ. лекция В. К. Пискорского / В. К. Пискорский // Учёные записки Казанского университета. — 1907. — Кн. 1. — С. 1—10.

790. Пискорский В. К. Экономическая история Западной Европы в новое время : конспект лекций. 1907—1908 акад. год / В. К. Пискорский. — Казань : [Б. и.], 1907. — 272 с. — Литогр. машинопись.
791. П. Л. Задачи позитивизма и их решение / П. Л. // Современное обозрение. — СПб., 1868. — № 5. — С. 117—154. — П. Л. — псевд. П. Л. Лаврова. — Рец. на кн.: Огюст Конт и положительная философия / Д. С. Милль, Дж. Льюис. — СПб. : Тип. Н. Тиблена, 1867. — XIV, 587 с.
792. Платонов С. Ф. Владимир Степанович Иконников : (некролог) / С. Ф. Платонов // Анналы : журн. всеобщей истории. — 1924. — Ч. 4. — С. 254—256.
793. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 2 / Г. В. Плеханов. — М. : Госполитиздат, 1956. — 824 с.
794. Погодин А. Главные течения польской политической мысли (1863—1907 гг.) / А. Погодин. — СПб. : Просвещение, 1907. — 662 с.
795. Подолинский С. А. Громадівство і теорія Дарвіна / С. А. Подолинський // Громада. — 1880. — № 1. — С. 5—26.
796. Познанский Б. Воспоминания / Б. Познанский // Украинская жизнь. — 1913. — № 1. — С. 25—44; № 2. — С. 10—26.
797. Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая литература : лекции, чит. в Коммунист. ун-те им. тов. Зиновьева, 3—7 мая 1923 г. / М. Н. Покровский. — Пг. : Прибой, 1923. — 137 с.
798. Покровский М. Н. Новый труд по экономической истории России / М. Н. Покровский // Голос минувшего. — 1913. — № 6. — С. 270—282. — Рец. на кн.: История русского народного хозяйства : курс лекций, чит. в Коммерч. ин-те. Т. 1 / М. В. Довнар-Запольский. — К. : Тип. Чоколова, 1911. — 366 с.
799. Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием “Образование великорусского государства” / А. Е. Пресняков. — Пг. : 9-я гос. тип., 1920. — 10 с.
800. Профессор Дмитрий Иванович Багалеи: К двадцатипятилетней годовщине его учёно-педагогической деятельности. — Х. : Печ. дело, 1906. — 30 с.
801. Профессор Дмитрий Иванович Багалеи: К тридцатипятилетней годовщине его учёно-педагогической деятельности (1880—1910 гг.). — Х. : Печ. дело, 1912. — 82 с.
802. П-с-к. Історичні байки п. Маріана Дубецького (за приводом праці про початок Запоріжжя) / П-с-к // Правда. — Львів, 1888. — Річник XIV. — Т. 1. — С. 110—116 ; 194—203. — П-с-к — псевд. В. Б. Антоновича.
803. Пыпин А. Н. Польский вопрос в русской литературе / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. — 1880. — № 2. — С. 703—736 ; № 4. — С. 686—709 ; № 5. — С. 239—271 ; № 10. — С. 681—711 ; № 11. — С. 281—307.
804. Радлов Э. Очерк истории русской философии / Э. Радлов. — 2-е изд. — Пг. : Наука и шк., 1920. — 99 с.
805. Раковський І. Борьба за ідею розвою / І. Раковський // Літературно-науковий вістник. — 1910. — Т. 50, кн. 4. — С. 56—67 ; Кн. 5. — С. 297—318.
806. Раковський І. Ювілей ідеї розвою / І. Раковський // Літературно-науковий вістник. — 1909. — Т. 46, кн. 4. — С. 140—154 ; Т. 48, кн. 12. — С. 539—555.
807. Ранке Л. Об эпохах новой истории : лекции, чит. баварскому королю Максимилиану / Л. Ранке. — М. : Тип. И. А. Баландина, 1898. — 192 с.
808. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое

- введение в исторические науки : пер. с нем. / Г. Риккерт. — СПб. : Изд. Кушковой, 1903. — 615 с.
809. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре : пер. со 2-го нем. изд. / Г. Риккерт. — СПб. : Образование, 1911. — 196 с.
810. Риккерт Г. Философия истории / Г. Риккерт ; пер. с нем. С. Гессена. — СПб. : Изд. Д. Е. Жуковского, 1908. — XIV, 154 с.
811. Розанов В. Сочинения / В. Розанов. — М. : Сов. Россия, 1990. — 592 с.
812. Романович-Славатинский А. В. Вступительные лекции в курс государственного права / А. В. Романович-Славатинский // Университетские известия. — К., 1862. — № 10. — С. 1—46.
813. Романович-Славатинский А. В. Жизнь и деятельность Н. Д. Иванишева, ректора университета св. Владимира и вице-председателя Киевской археографической комиссии / А. В. Романович-Славатинский. — СПб. : Тип. В. Грацианского, 1876. — 320 с.
814. Романович-Славатинский А. В. Моя жизнь и академическая деятельность. 1832—1884 гг. / А. В. Романович-Славатинский // Вестник Европы. — 1903. — Кн. 1. — С. 138—197 ; Кн. 2. — С. 606—650 ; Кн. 3. — С. 168—214 ; Кн. 4. — С. 527—566 ; Кн. 5. — С. 181—205 ; Кн. 6. — С. 499—508.
815. Ромер Ф. Э. По поводу одной книги / Ф. Э. Ромер // Исторический вестник. — 1894. — № 5. — С. 462—477.
816. Рославский-Петровский А. Введение в курс истории главных народов древнего мира и их цивилизаций / А. Рославский-Петровский. — Х. : Тип. ун-та, 1870. — II, III с.
817. Рославский-Петровский А. Введение в курс истории цивилизации / А. Рославский-Петровский. — Х. : Тип. ун-та, 1865. — II, 52 с.
818. Российские партии, союзы и лиги : сб. программ, уставов и справ. сведений... — СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1906. — 252 с.
819. Рудницький С. Українська справа зі становища політичної географії / С. Рудницький. — Берлін : [Б. в.], 1923. — 283 с.
820. Савин А. Н. М. М. Ковалевский как историк / А. Н. Савин // Исторические известия. — 1916. — № 1. — С. 170—183.
821. Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати, 1703—1903. — СПб. : Тип. А. Э. Винеке, 1903. — 155 с.
822. Сватиков С. Г. Опальная профессура 80-х гг. / С. Г. Сватиков // Голос минувшего. — 1917. — № 2. — С. 5—78.
823. Свистун Ф. И. В память 60-летней годовщины вступления на престол императора Франца Иосифа I : ист. воспоминания / Ф. И. Свистун. — Львов : Тип. Ставропиг. ин-та, 1908. — 64 с.
824. Свистун Ф. И. Значение философии в духовной жизни народов / Ф. И. Свистун // Научно-литературный сборник. — Львов, 1901. — Т. 1, кн. 4. — С. 331—339.
825. Свистун Ф. И. Що то єсть — українофільство? Его історія і теперешня характеристика / Ф. И. Свистун. — Львов : Тип. Ставропиг. ин-та, 1912. — 136 с.
826. Сеньобос Ш. Исторический метод в применении к социальным наукам : пер. с фр. / Ш. Сеньобос. — М. : Тип. Мамонтова, 1902. — II, 240 с.
827. Сергієнко М. Громадський рух на Україні-Руси в XIII віці / М. Сергієнко // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1892. — Т. 1, кн. 1. — С. 1—28. — М. Сергієнко. — псевд. М. С. Грушевського.

828. Син України : Володимир Боніфатійович Антонович. — К. : Заповіт, 1997. — Т. 1—2.
Т. 1. — 447 с.
Т. 2. — 448 с.
829. Систематический каталог книг библиотеки Киевской духовной академии, составленный библиотекарем академии А. С. Крыловским. Т. 3. История. Вып. 9. — К. : Тип. Барского, 1910. — 374 с.
830. Слонимский Л. З. Мнимая социология / Л. З. Слонимский // Вестник Европы. — 1889. — № 5. — С. 130—147.
831. Смоленский И. История как наука и как предмет преподавания : (Переоценка исторических ценностей) : ист.-методол. этюд / И. Смоленский. — Одесса : Тип. Е. Н. Фесенко, 1905. — 176 с.
832. Смуток П. М. М. Ковалевский и украинство / П. Смуток // Украинская жизнь. — 1916. — № 4—5. — С. 65—69. — П. Смуток — псевд. П. Стебницкого.
833. Сокальский И. П. О значении соседства в исторической жизни народов / И. П. Сокальский // Записки Харьковского университета. — 1898. — № 4. — С. 73—120.
834. Соловьёв В. С. Идея человечества у Августа Конта / В. С. Соловьёв // Сочинения / В. С. Соловьёв. — М., 1988. — Т. 2. — С. 562—581.
835. Соловьёв В. С. Кризис западной философии (против позитивистов) / В. С. Соловьёв // Сочинения / В. С. Соловьёв. — М., 1988. — Т. 2. — С. 3—138.
836. Соловьёв В. С. Философские начала цельного знания / В. С. Соловьёв // Сочинения / В. С. Соловьёв. — М., 1988. — Т. 2. — С. 139—288.
837. Соловьёв С. М. Наблюдения над исторической жизнью народов / С. М. Соловьёв // Вестник Европы. — 1868. — № 12. — С. 676—707; 1869. — № 12. — С. 493—541; 1871. — № 1. — С. 76—99; № 12. — С. 738—760; 1873. — № 2. — С. 675—705; 1874. — № 4. — С. 457—482; 1875. — № 4. — С. 593—612; 1876. — № 5. — С. 153—171.
838. Соловьёв С. М. Начала русской истории / С. М. Соловьёв // Сборник государственных знаний : сб. ст. / под ред. В. П. Безобразова, И. Е. Андреевского. — СПб., 1877. — Т. 4. — С. 1—19.
839. Соловьёв С. М. Прогресс и религия / С. М. Соловьёв // Журнал Министерства народного просвещения. — 1868. — Ч. 139, № 9. — С. 699—719.
840. Сорокин П. А. Обзор теорий и основных проблем прогресса / П. А. Сорокин // Новые идеи в социологии. — СПб., 1914. — Сб. 3 : Что такое прогресс. — С. 115—155.
841. Сорокин П. А. О так называемых факторах социальной эволюции / П. А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. — М., 1992. — С. 521—531.
842. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика : учение о строении простейшего (родового) социального явления / П. А. Сорокин. — М. : Наука, 1993. — 447 с.
843. Сорокин П. А. Теория факторов М. М. Ковалевского / П. А. Сорокин // М. М. Ковалевский. Учёный, государственный и общественный деятель и гражданин : [сб.]. — Пг., 1917. — С. 180—195.
844. Социология Конта в изложении Ригولاжа. — СПб. : Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1908. — 62, 408 с.
845. Спенсер Г. Автобиография : пер. с англ. / Г. Спенсер ; сокр. излож. А. Д. Короткова. — СПб. : Изд-во О. Поповой, [1905]. — 178 с.

- 514 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*
846. Спенсер Г. Автобиография : в 2 ч. Ч. 2 : пер. с англ. / Г. Спенсер. — СПб. : Просвещение, 1914. — IV, 266 с.
847. Спенсер Г. Грядущее рабство : пер. с англ. / Г. Спенсер. — СПб. : Изд. А. Е. Рябченко, 1884. — 77 с.
848. Спенсер Г. Классификация наук : пер. с англ. / Г. Спенсер. — М. : Тип. А. Г. Кольчугина, 1897. — 133 с.
849. Спенсер Г. Классификация наук, со статьёй о причинах разногласия с философией Конта / Г. Спенсер ; под ред. П. Л. Лаврова. — СПб. : Кн. изд-во Н. Л. Тиблена, 1866. — 64 с.
850. Спенсер Г. Личность и государство / Г. Спенсер. — СПб.: Вестн. знания, 1903. — 81 с.
851. Спенсер Г. Начала социологии: (Обрядовые учреждения) : пер. с англ. / Г. Спенсер ; под ред. И. В. Лучицкого. — К. : Изд. Е. Я Федорова, 1880. — IV, 392 с.
852. Спенсер Г. О причинах моего несогласия с Огюстом Контом / Г. Спенсер // Огюст Конт и позитивизм : сб. ст. / пер. с англ. Н. Н. Спиридонова. — М., 1897. — С. 217—252.
853. Спенсер Г. Основания социологии : в 2 т. / Г. Спенсер. — СПб., 1876—1877. — Т. 1—2.
- Т. 1. — СПб. : Тип. Демакова, 1876. — II, 496, II с.
- Т. 2. — СПб. : Тип. Билибина, 1877. — 897 с.
854. Спенсер Г. Основные начала / Г. Спенсер ; пер. с англ. Л. Алексеева. — К. : Изд. книгопродавца Ф. Иогансона, 1886. — IV, 375 с.
855. Спенсер Г. Синтетическая философия в сокращённом изложении Говарда Коллинза / Г. Спенсер. — К. : Ника-центр, 1997. — 512 с.
856. Спенсер Г. Социальная статика : пер. с англ. / Г. Спенсер. — СПб. : Тип. Н. Неклюдова, 1872. — IV, 471 с.
857. Спенсер Г. Социология как предмет изучения : пер. с англ. / Г. Спенсер. — СПб.: Тип. Якобсона, 1896. — XII, 405 с.
858. Спенсер Г. Сочинения : в 7 т. / Г. Спенсер. — СПб. : Кн. изд-во Н. Л. Тиблена, 1866—1867. — Т. 1—7.
- Т. 1, вып. 1—2 : Научные, политические и философские опыты. — 1866. — VIII, 459 с.
- Т. 2 : Научные, политические и философские опыты. — 1867. — VIII, 144 с.
- Т. 3, вып. 3—4 : Научные, политические и философские опыты. — 1866. — 325 с.
- Т. 5, вып. 7—8 : Основные начала. Ч. 1—2. — 1866. — XVI, 303 с.
859. Спенсер Г. Сочинения : в 7 т. Т. 1. Данные этики / Г. Спенсер ; пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. — К. ; СПб. ; Х. : Изд. книгопродавца Ф. Иогансона, 1899. — XIV, 266 с.
860. Спенсер Г. Сочинения : в 7 т. Т. 1. Основания социологии. Данные социологии. Индукция социологии : пер. с англ. / Г. Спенсер. — СПб. : Тип. Пороховщикова, 1898. — IV, 432 с.
861. Старосольський В. Причинки до теорії соціології / В. Старосольський // Ча-сопис правнича і економічна. — 1902. — Т. 4—5. — С. 1—36.
862. Стасюлевич М. М. Опыт исторического обзора главных систем философии истории / М. М. Стасюлевич. — СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. — X, 506, VI с.
863. Стороженко А. В. Происхождение и сущность украинофильства / А. В. Стороженко. — 2-е изд. — К. : Тип. С. В. Кульженко, 1912. — 64 с.

864. Стоянов А. Н. Воспоминание о Д. И. Каченовском / А. Н. Стоянов. — Х. : Тип. ун-та, 1874. — 40 с.
865. Стоянов А. Н. Очерки истории и догматики международного права / А. Н. Стоянов. — Х. : Тип. ун-та, 1875. — X, 743 с.
866. Стронин А. История и метод / А. Стронин. — СПб. : Тип. Котомина, 1869. — 446 с.
867. Стронин А. История общественности / А. Стронин. — СПб. : Тип. М-ва путей сообщения, 1885. — 767 с.
868. Стронин А. Политика как наука / А. Стронин. — СПб. : Тип. Сущинского, 1872. — 530 с.
869. Струве П. Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества / П. Б. Струве // Русская мысль. — 1908. — № 1. — С. 143—157.
870. Сумцов Н. Ф. Колдуны, ведьмы и упыри / Н. Ф. Сумцов // Сборник Харьковского историко-филологического общества. — 1891. — Т. 3. — С. 229—278.
871. Тардиф А. Основы исторической критики / А. Тардиф. — Воронеж : Тип. В. И. Исаева, 1893. — 16 с.
872. Тарле Е. В. Всеобщая история: Очерк развития философии истории / Е. В. Тарле. — СПб. : Изд. слушателей Психоневрол. ин-та, 1908. — 102 с. — Литогр. машинопись.
873. Тарле Е. В. Из истории обществоведения в России : (Социологические воззрения Н. К. Михайловского) / Е. В. Тарле // Литературное дело : сб. ст. — СПб., 1902. — С. 34—53.
874. Тарле Е. В. Из литературного наследия академика Е. В. Тарле / Е. В. Тарле. — М. : Наука, 1981. — 392 с.
875. Тарле Е. В. К вопросу о границах исторического предвидения / Е. В. Тарле // Русское богатство. — 1902. — № 5. — С. 41—56.
876. Тарле Е. В. И. В. Лучицкий : К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863—1913 / Е. В. Тарле // Голос минувшего. — 1914. — № 1. — С. 42—61.
877. Тарле Е. В. О Томасе Карлейле / Е. В. Тарле // К свету : науч.-лит. сб. — СПб., 1904. — С. 438—447.
878. Тарле Е. В. Очередная задача / Е. В. Тарле // Анналы : журн. всеобщей истории. — 1922. — Кн. 1. — С. 5—20.
879. Тарле Е. В. Политика и религиозная мысль на Западе / Е. В. Тарле // Мир божий. — 1903. — № 9. — С. 79—102 ; № 10. — С. 70—90.
880. Тарле Е. В. Проклятые вопросы и учёные ответы / Е. В. Тарле // Новое слово. — 1896. — № 8. — С. 23—31. — Рец. на кн.: Курс государственной науки. Ч. 2. Социология / Б. Н. Чичерин. — М. : Тип. И. Н. Кушнерева, 1896. — 433 с.
881. Тарле Е. В. [Рецензия] / Е. В. Тарле // Русское богатство. — 1902. — № 1. — С. 64—66. — Рец. на кн.: История общественного строя древней Франции : в 6 т. Т. 1. Римская Галлия / Фюстель де-Куланж ; пер. под рук. И. М. Гревса. — СПб. : Тип. Альтшулера, 1901. — XXXVI, 403 с.
882. Тарле Е. В. [Рецензия] / Е. В. Тарле // Русское богатство. — 1902. — № 8. — С. 32—33. — Рец. на кн.: Исторический метод в применении к социальным наукам : пер. с фр. / Ш. Сеньобос. — М. : Тип. Мамонтова, 1902. — II, 240 с.
883. Тарле Е. В. Социология и историческое познание / Е. В. Тарле // Вестник Европы. — 1902. — № 10. — С. 429—474.

884. Тарле Е. В. Чем объясняется современный интерес к экономической истории / Е. В. Тарле // Вестник и библиотека самообразования. — 1903. — № 17. — С. 739—743.
885. Тексты конституций / пер. под ред. и с предисл. проф. И. В. Лучицкого. — К. : Печ. дело, 1905. — 243 с.
886. Терлецький О. Історія української держави : в 2 т. — Львів : Накл. Фонду “Учітиса брати мої”, 1923—1924.
- Т. 1. Княжа доба. — 1923. — 252 с.
- Т. 2. Козацька доба. — 1924. — 304 с.
887. Терлецький О. Україна заборолом культури й цивілізації перед степовиками / О. Терлецький. — Львів : Діло, 1930. — 91 с.
888. Тихомиров П. Гносеологические и метафизические предпосылки истины Бытия Божия / П. Тихомиров // Вера и разум. — 1898. — Т. 2, ч. 2. — С. 706—714.
889. Ткачѳв П. Н. Льюис „Милль, Огюст Конт и положительная философия / П. Н. Ткачѳв // Дело. — 1867. — № 9. — С. 27—47 — Рец. на кн.: Огюст Конт и положительная философия / Г. Г. Льюис, Д. С. Милль. — СПб. : Тип. Н. Тиблена, 1867. — XIV, 587 с.
890. Ткачѳв П. Н. [Рецензия] / П. Н. Ткачѳв // Избранные сочинения на социально-политические темы : в 7 т. / П. Н. Ткачѳв. — М., 1935. — Т. 5 : 1864—1869. С. 171—176. — Рец. на кн.: История философии от начала её в Греции до настоящих времѳн / Дж. Г. Льюис. — СПб. : Тип. Н. Тиблена, 1865. — XXX, 802, VII с.
891. Томашівський С. Володимир Антонович. Його діяльність на полі історичної науки / С. Томашівський // Літературно-науковий вістник. — 1906. — Т. 33, кн. 1. — С. 38—56 ; Кн. 2. — С. 261—280 ; Кн. 3. — С. 458—485.
892. Томашівський С. [Рецензия] / С. Томашівський // Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1903. — Т. 51, кн.1. — С. 34—35 — Рец. на кн.: Jezuiści w Polsce / S. Załęski — Т. III. — Lwów, 1902. — XIX, 440 s.
893. Томашівський С. Трагедія М. П. Драгоманова / С. Томашівський // Політика. — Львів, 1925. — Ч. 1. — 10 жовт. — С. 6—8 ; Ч. 2. — 25 жовт. — С. 27—29.
894. Трачевский А. С. Московская смута XVII века и основы социологии / А. С. Трачевский // Научное обозрение. — 1900. — № 1. — С. 126—142 ; № 2. — С. 328—342 ; № 5. — С. 812—872 ; № 6. — С. 981—999.
895. Трачевский А. С. Новая история : в 2 т. Т. 2 : 1750—1848 гг. / А. С. Трачевский. — СПб. : Тип. М. В. Пирожкова, 1908. — V, 720 с.
896. Трачевский А. С. Очерки исторического развития Америки / А. С. Трачевский // Беседа. — 1872. — Кн. 11. — С. 124—184 ; Кн. 12. — С. 192—252.
897. Трачевский А. С. Польское бескорольеве по прекращении династии Ягеллонов / А. С. Трачевский. — М. : Тип. Грачѳва, 1869. — XXXVI, 511, 112 с.
898. Трачевский А. С. Попытка применения эволюционной теории в археологии / А. С. Трачевский. — Одесса : Тип. Шульце, 1899. — 25 с.
899. Трачевский А. С. Русская история / А. С. Трачевский. — 2-е изд. — СПб. : Изд. К. Л. Риккера, 1895. — Ч. 1. — VIII, 587 с. ; ч. 2. — III, 637 с.
900. Трачевский А. С. Современные задачи исторической науки / А. С. Трачевский // Вестник знания. — 1905. — № 1. — С. 149—158.
901. Туган-Барановский М. И. Значение экономического фактора в истории / М. И. Туган-Барановский // Мир божий. — 1895. — № 12. — С. 101—118.

902. Туган-Барановский М. И. Интеллигенция и социализм / М. И. Туган-Барановский // Интеллигенция в России. — СПб., 1910. — С. 235—258.
903. Туган-Барановский М. Милль Джон Стюарт / М. И. Туган-Барановский // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. — СПб., 1896. — Т. 19. — С. 306—308.
904. Туган-Барановский М. И. Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса / М. И. Туган-Барановский // Научное обозрение. — 1899. — № 5. — С. 973—985.
905. Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма / М. И. Туган-Барановский. — 3-е изд. — СПб. : Ред. журн. “Мир Божий”, 1906. — IV, 229 с.
906. Туган-Барановський М. Кооперація, соціально-економічна природа її та мета / М. Туган-Барановський. — К. : Друк. Дніпров. союзу споживчих союзів, [1919]. — 140 с.
907. Тюрго [А. Р. Ж.]. Последовательные успехи человеческого разума / [А. Р. Ж.] Тюрго ; пер. с фр. И. А. Шапиро // Родоначальники позитивизма : сб. / под ред. Э. Л. Радлова. — СПб., 1910. — Вып. 1. Кант, Тюрго, Д’Аламбер. — С. 29—46.
908. Тюрго [А. Р. Ж.]. Рассуждения о всеобщей истории / [А. Р. Ж.] Тюрго ; пер. с фр. И. А. Шапиро // Родоначальники позитивизма : сб. / под ред. Э. Л. Радлова. — СПб., 1910. — Вып. 1. Кант, Тюрго, Д’Аламбер. — С. 47—94.
909. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 1 / Ф. И. Успенский. — СПб. : Изд. дело Брокгауза и Ефрона, 1914. — 872 с.
910. Успенский Ф. И. Социальная эволюция и феодализация в Византии / Ф. И. Успенский // Анналы : журн. всеобщей истории. — 1922. — Т. 2. — С. 95—114.
911. Федоренко П. З спірних питань економіки України / П. Федоренко // Україна. — 1929. — Кн. 7—8. — С. 9—33. — Рец. на кн.: Организация хозяйства Украины от Хмельниччины до мировой войны. Ч. 1. Хозяйство Гетьманщины в XVII—XVIII вв. Т. 1. Землевладение и формы сельского хозяйства / М. Е. Слабченко. — Одесса : Госиздат Украины, 1922. — VIII, 222 с. ; Т. 2. Судьбы фабрики и промышленности / М. Е. Слабченко. — Одесса : Госиздат Украины, 1922. — 208 с. ; Т. 3. Очерки торговли и торгового капитализма Гетьманщины в XVII — XVIII вв. / М. Е. Слабченко. — [X.] : Госиздат Украины, 1923. — 192 с. ; Т. 4. Состав и управление государственным хозяйством Гетьманщины XVII — XVIII вв. / М. Е. Слабченко. — Николаев : Госиздат Украины, 1925. — VII, 325 с.
912. Философия в систематическом изложении В. Дильтея, А. Рилья, В. Оствальда, В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Мюнха, Т. Липпса : пер. с нем. — СПб. : Обществ. польза, 1909. — IV, 456 с.
913. Философия Герберта Спенсера в сокращённом изложении Говарда Коллинза. — СПб. : Тип. Ф. Павленкова, 1892. — VIII, 472, VII с.
914. Флоринский Т. Малорусский язык и “украинско-русский” литературный сепаратизм / Т. Флоринский. — СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900. — IV, 465 с.
915. Фортинский Ф. Я. Из Геттингена. Отчёт о командировке / Ф. Я. Фортинский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1875. — Ч. 181, № 10. — С. 78—90.
916. Фортинский Ф. Я. Научно-историческая деятельность профессора Георга Вайца по поводу последних томов его “Deutsche Verfassungsgeschichte” /

- Ф. Я. Фортинский // Университетские известия. — К., 1879. — № 3. — С. 65—78 ; № 4. — С. 79—112.
917. Фортинский Ф. Я. Опыты систематической обработки исторической критики / Ф. Я. Фортинский // Университетские известия. — К., 1884. — № 8. — С. 1—32.
918. Фортинский Ф. Я. Практические занятия в École des chartes и в École des hautes études в Париже / Ф. Я. Фортинский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1876. — Ч. 183, № 1. — С. 1—17.
919. Франко І. До історії соціалістичного руху / І. Франко // Літературно-науковий вістник. — 1904. — Т. 25, кн. 3. — С. 134—152.
920. Франко І. Я. “Ідеї” й “ідеали” галицької москвофільської молодіжі / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 410—422.
921. Франко І. Я. Католицький панславізм / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 69—75.
922. Франко І. Я. Лист до О. Рошкевич 20 вересня 1878 р. / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 48 : 1874—1885 : Листи. — С. 108—119.
923. Франко І. Я. Література, її завдання і найважливіші ціхи / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1980. — Т. 26 : 1876—1885 : Літературно-критичні праці. — С. 5—14.
924. Франко І. Я. Мислі об еволюції в історії людськості / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 76—139.
925. Франко І. Я. Між своїми. Епізод з взаємин між галичанами й українцями 1897 р. / Іван Франко // Мозаїка : Із творів, що не ввійшли до збір. тв. у 50-ти. / І. Я. Франко ; упоряд. З. Т. Франко, М. Г. Василенко. — Львів, 2001. С. 220—244.
926. Франко І. Я. Найновіші напрямки в народознавстві / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 254—267.
927. Франко І. Я. Наука і її взаємини з працюючими класами / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 24—40.
928. Франко І. Я. Наше теперешнє положення / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 46, кн. 1 : 1883—1890 : Історичні праці. — С. 306—322.
929. Франко І. Я. Переднє слово (до збірки “Батьківщина” і інші оповідання) / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1983. — Т. 38 : 1896—1911 : Літературно-критичні праці. — С. 484—488.
930. Франко І. Я. Поза межами можливого / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 276—285.
931. Франко І. Я. Поляки і русини / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 46, кн. 2 : 1891—1897 : Історичні праці. — С. 317—330.
932. Франко І. Я. Радикали і релігія / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 268—271.
933. Франко І. Я. [Рецензія] / Іван Франко // Збір. творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 272—275. — Рец. на кн.: Народники и марксисты / А. Фаресов. — СПб. : Тип. М. Меркушева, 1899. — 56 с.

934. Франко І. Я. Семітізм і антисемітізм у Галичині / Іван Франко // В наймах у сусідів / Іван Франко. — Львів, 1914. — Т. 1 : Статті на суспільно-політичні теми... — С. 115—131.
935. Франко І. Я. Соціалізм і соціал-демократизм / Іван Франко // Житє і слово. — 1897. — Т. 6, кн. 4. — С. 265—292.
936. Франко І. Я. Суспільно-політичні погляди М. Драгоманова / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 423—438.
937. Франко І. Я. Сухий пень / І. Я. Франко // Мозаїка : Із творів, що не ввійшли до збір. тв. у 50-ти т. / І. Я. Франко ; упоряд. З. Т. Франко, М. Г. Василенко. — Львів, 2001. — С. 279—282.
938. Франко І. Я. Українсько-руська (малоруська) література / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1984. — Т. 41 : 1890—1910 : Літературно-критичні праці. — С. 74—100.
939. Франко І. Я. Формальний і реальний націоналізм (Кілька уваг по ІХ і Х випуск “Правди”) / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1980. — Т. 27 : 1886—1889 : Літературно-критичні праці. — С. 355—364.
940. Франко І. Я. Хмельниччина (думи, пісні та вірші) / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 43 : Фольклористичні та літературно-критичні праці. — С. 7—193.
941. Франко І. Я. Хуторна поезія П. А. Куліша / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1980. — Т. 26 : 1876—1885 : Літературно-критичні праці. — С. 161—179.
942. Франко І. Я. Що таке поступ? / Іван Франко // Зібрання творів : у 50 т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 300—348.
943. Франко І. Я. [Що таке соціалізм?] / Іван Франко // Зібрання творів : у 50-ти т. / Іван Франко. — К., 1986. — Т. 45 : Філософські праці. — С. 44—55.
944. Франко І. Я. Юрій Брандес / Іван Франко // Зібрання творів : у 50-ти т. / Іван Франко. — К., 1981. — Т. 31 : 1897—1899 : Літературно-критичні праці. — С. 378—384.
945. Франко І. Я. *Ukraina irredenta* / Іван Франко // Житє і слово. — 1895. — Т. 4, кн. 6. — С. 470—483. — Рец. на кн.: Україна irredenta (по поводу еміграції). Суспільно-політичний скіц / Ю. Бачинський. — Львів : Накл. Д. Лукіяновича, 1895. — 139 с.
946. Фриман Э. Методы изучения истории. Главные периоды европейской истории / Э. Фриман. — М. : Тип. В. Рихтера, 1893. — 338 с.
947. Фриман Э. Сравнительная политика и единство истории / Э. Фриман. — СПб. : Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1880. — 368 с.
948. Фульье А. История философии / А. Фульье ; пер. с фр. М. С. Моделя. — СПб. : Электронпечатня, 1901. — 360 с.
949. Фюстель де-Куланж Н. Д. История общественного строя древней Франции. Т. 1. Римская Галлия / Н. Д. Фюстель де-Куланж ; пер. под рук. И. М. Гревса. — СПб. : Тип. Альтшулера, 1901. — XXXVI, 403 с.
950. Фюстель де-Куланж Н. Д. История общественного строя древней Франции. Т. 3. Франкская монархия / Н. Д. Фюстель де-Куланж ; пер. под ред. И. М. Гревса. — СПб. : Тип. Альтшулера, 1907. — XVI, 817 с.
951. Хвостов В. М. Историческое мировоззрение В. О. Ключевского / В. М. Хвостов. — М. : Тип. ун-та, 1910. — 66 с.

952. Хвостов В. М. Теория исторического процесса : Очерки по философии и методологии истории / В. М. Хвостов. — М. : Моск. науч. изд-во, 1914. — 315 с.
953. Хвостов М. М. История Греции : лекции, чит. в Казанском ун-те и на Казанских высших женских курсах / М. М. Хвостов. — Казань : Изд. кн. маг. Маркелова и Шаронова, 1915. — 336 с.
954. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах в осеннем семестре 1912—1913 acad. г. / М. М. Хвостов. — Казань : Тип. Л. П. Антонова, 1913. — 99 с.
955. Хлебников Н. И. Общество и государство в домонгольский период русской истории / Н. И. Хлебников. — СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1872. — XII, 516 с.
956. Хлебников Н. И. Право и государство в их обоюдных отношениях : Исследование о происхождении, сущности, основных началах и способах развития цивилизации вообще / Н. И. Хлебников. — Варшава : Тип. Варшав. жандарм. округа, 1874. — 484 с.
957. Хлебников Н. И. Русское государство и развитие русской личности / Н. И. Хлебников // Университетские известия. — К., 1879. — № 4. — С. 165—242.
958. Хлебников Н. И. Цивилизация, формы её происхождения, развития и причины её падения / Н. И. Хлебников // Университетские известия. — К., 1879. — № 8. — С. 567—612 ; № 9. — С. 613—650.
959. Хлебников Н. И. Что такое цивилизация? / Н. И. Хлебников // Университетские известия. — К., 1878. — № 4. — С. 207—219.
960. Хлебников Н. И. Эволюционизм или теория естественного преобразования / Н. И. Хлебников // Университетские известия. — К., 1879. — № 2. — С. 107—127.
961. Хлопець М. Нова критика неослов'янофільства / М. Хлопець // Правда. — 1893. — Т. 19, вип. 56. — С. 564—568. — М. Хлопець — псевд. М. С. Грушевського.
962. Цитович П. Ответ на Письма к учёным людям / П. Цитович. — 6-е изд. — Одесса : Тип. Г. Ульриха, 1879. — 40 с.
963. Чарушин Н. А. О далёком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века / Н. А. Чарушин. — 2-е изд. — М. : Мысль, 1973. — 408 с.
964. Челпанов Г. И. Введение в философию / Г. И. Челпанов. — 2-е изд. — К. : Кн. маг. В. А. Просяченко, 1907. — 528 с.
965. Челпанов Г. И. О современных философских направлениях. Публичные лекции, читанные в осеннем полугодии 1902 года / Г. И. Челпанов. — К. : Тип. П. Барского, 1902. — 109 с.
966. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. Т. 11 / Н. Г. Чернышевский. — М. : Художественная литература, 1939. — 750 с.
967. Шмит Ф. И. Законы истории. Введение к курсу всеобщей истории искусств. Вып. 1 / Ф. И. Шмит. — Х. : Тип. М. Зильберберга, 1916. — 198 с.
968. Щеглов Д. История социальных систем. Т. 2 / Д. Щеглов. — СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1889. — XXVII, 939 с.
969. Щепкин Е. Н. Вопросы методологии истории / Е. Н. Щепкин // Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. — 1905. — Вып. 12. — С. 275—318.

970. Щепкин Е. Н. Методология. Идея психологии народов / Е. Н. Щепкин. — Одесса : Высш. жен. курсы, 1905. — 83 с. — Литогр. рукопись.
971. Щепкин Е. Н. Обзор систем социологии : (Введение в её изучение) / Е. Н. Щепкин. — Одесса : Высш. жен. курсы, 1908. — 192 с. — Литогр. рукопись.
972. Щепкин Е. Н. Социологическая оценка прогресса / Е. Н. Щепкин // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе : [сб.]. — СПб., 1914. — С. 311—324.
973. Щербаківський В. Спогади про В. Б. Антоновича / В. Щербаківський // Пам'ятки України. — 2007. — № 4. — С. 204—212.
974. Щёголев П. Событие 1-го марта и Владимир Сергеевич Соловьёв / П. Щёголев // Былое. — 1906. — № 3. — С. 48—55.
975. Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма / С. Н. Щеголев. — К. : Тип. Кушнерова, 1912. — 588 с.
976. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М., 1961. — Т. 20. — С. 1—342.
977. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М., 1961. — Т. 20. — С. 343—628.
978. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1961. — Т. 21. — С. 23—178.
979. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 40. — 7-е изд. — М. : Изд. Рус. библиогр. ин-та Гранат, [1926]. — 648, 658 стб.
980. Янжул И. И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. Вып. 1 / И. И. Янжул. — СПб. : Тип. Н. Я. Стойковой, 1910. — 191 с.
981. Яснопольский Н. Л. Социология и социальная статистика / Н. Л. Яснопольский // Записки Харьковского университета. — 1905. — Кн. 2. — С. 19—31.
982. Ястржембский В. А. Д. И. Каченовский как учёный и преподаватель / В. А. Ястржембский // Памяти Дмитрия Ивановича Каченовского : торжеств. заседание Юрид. о-ва при Имп. Харьк. ун-те 22-го нояб 1903 г. — X., 1905. — С. 1—20.
983. Abraham W. Konstytucja a stosunki wyznaniowe i Kościół / W. Abraham // Nasza Konstytucja : cykl odczytów urządzonych staraniem Dyrekcji Szkoły Nauk Politycznych w Krakowie od 12—25 maja 1921 r. — Kraków, 1922. — S. 112—134.
984. Askenazy S. Metody i warunki krytyki naukowej w zakresie dziejów nowożytnych / S. Askenazy // Kwartalnik Historyczny. — 1903. — R. 17. — S. 175—205.
985. Askenazy S. Studia historyczno-krytyczne / S. Askenazy. — 2 wyd., przejrz. i popr. — Kraków : Nakł. Gebethnera i sp., 1897. — 353 s.
986. Askenazy S. Szkice i portrety / S. Askenazy. — Warszawa : Nakł. in-tu wydawniczego "Biblioteka polska", 1937. — XVIII, 402 s.
987. Askenazy S. Wczasy historyczne. T. 2 / S. Askenazy. — Warszawa : Gebethner i Wolff ; Kraków : Nakł. Gebethnera i sp., 1904. — 496 s.
988. Balzer O. List otwarty do dr. Teodora Mommsena, prof. uniwersyteckiego z powodu jego odezwy "An die Deutschen in Österreich", umieszczonej w "N. F. Presse" z 31 października 1897 / O. Balzer. — Lwów : Nakł. autora, 1897. — 28 s.
989. Balzer O. [Recenzja] / O. Balzer // Kwartalnik Historyczny. — 1887. — R. 1, z. 3. — S. 467—476. — Rec. na ks.: Prawo polskie w XIV wieku. Sądy,

- ich praktyka i stosunki prawne społeczeństwa w Polsce ku schyłkowi XIV wieku / R. Hube. — Warszawa : Redakcja Biblioteki Umiejętności Prawnych, 1886. — IV, 410, 110, V s.
990. Balzer O. Reformy społeczne i polityczne Konstytucji Trzeciego Maja / O. Balzer. — Kraków : Księg. Spółki wydawniczej polskiej, 1891. — 80 s.
991. Balzer O. W obronie historiografii naszej : rzecz wypowiedziana na Zjeździe historyków polskich w dyskusji nad referatem p. Tadeusza Korzona p. t. "Błędy historiografii naszej w budowaniu dziejów Polski" / O. Balzer. — Lwów : Księg. Gubrynowicza i Schmidta, 1890. — 23 s.
992. Bernheim E. Lehrbuch der Historischen Methode. Mit Nachweis der wichtigsten Quellen und Hilfsmittel zum Studium der Geschichte / E. Bernheim. — Leipzig : Verl. Von Duncker & Humbert, 1889. — XI, 530 s.
993. Bobrzyński M. Z moich pamiętników / M. Bobrzyński ; wstęp i przypisy A. Galos. — Wrocław ; Kraków : Wyd-wo Zakł. Narod. im Ossolińskich, 1957. — 404 s.
994. Bodnărescu L. Autori Români bucovineni / L. Bodnărescu. — Cernăuți : Societatea tip., 1903. — 90 p.
995. Bogacki F. Pozytywizm i krytycyzm / F. Bogacki // Przegląd Tygodniowy. — 1872. — Nr. 35. — S. 273—275.
996. Brăileanu T. Elemente de sociologie. Politika / T. Brăileanu. — Cernăuți : Tip. "Mitropolitul Silvestru", 1928. — X, 336 p.
997. Brăileanu T. Istoria teoriilor sociologice / T. Brăileanu. — Cernăuți : Antoni, 1937. — 623 p.
998. Brzrowski S. Idee. Wstęp do filozofii dojrzałości dziejowej / S. Brzrowski. — Lwów : Księg. Poska, 1910. — 503 s.
999. Buchner L. Siła i materia: filozoficzne studia na polu doświadczeń przyrodniczych / L. Buchner ; tłum. L. Mułski. — Lwów : Berezowski, 1869. — XXIII, 176 s.
1000. Buckle H. T. Historia cywilizacji w Anglii : przekł. z angl. / H. T. Buckle. — Warszawa : Nakł. Gebethnera i Wolffa, 1897. — 185 s.
1001. Buckle H. T. Wpływ kobiet na postęp wiedzy : przekł. z angl. / H. T. Buckle. — Warszawa : Szk. Główna, 1867. — III, 48 s.
1002. Bujak F. Nauka a społeczeństwo / F. Bujak // Nauka polska. — 1920. — T. 3. — S. 64—74.
1003. Bujak F. Uwagi o badaniach życia społecznego i gospodarczego / F. Bujak // Nauka polska. — 1918. — T. 1. — S. 337—344.
1004. Bujak F. Wybór pism. T. 1 : Nauka, społeczeństwo, historia / F. Bujak. — Warszawa : PWN, 1976. — 636 s.
1005. Bujak F. Zagadnienie syntezy w historii. Odczyt wygłoszony 25 listopada 1922 w Towarzystwie historycznym we Lwowie / F. Bujak // Kwartalnik Historyczny. — 1923. — R. 37, z. 1. — S. 1—23.
1006. Chmielowski P. Zarys literatury polskiej z ostatnich lat dwudziestu / P. Chmielowski. — Warszawa : Nakł. księg. A. W. Gruszewskiego, 1886. — XVI, 348 s.
1007. Civiș. Dwie drogi / Civiș // Przegląd krajowy. — 1909. — № 1. — S. 2—4. — Civiș — pseud. W. Lipińskiego.
1008. Civiș. Kraj i Naród / Civiș // Przegląd krajowy. — 1909. — № 3. — S. 1—3. — Civiș — pseud. W. Lipińskiego.
1009. Comte A. Cours de philosophie positive : w 6 t. / A. Comte. — Paris : Bachelier, 1830—1842. — T. 1—6.
- T. 4. — 1839. — 736 p.

T. 5. — 1840. — 775 p.

T. 6. — 1842. — 904 p.

1010. Dembiński B. Międzynarodowy kongres historyczny w Rzymie / B. Dembiński // *Kwartalnik historyczny*. — 1903. — R. 17, z. 2. — S. 241—265.
1011. Dembiński B. Konstytucja Trzeciego maja a rewolucja francuska. Odczyt wygłoszony 13 maja w Tow[arzystwie] prawniczem w Krakowie / B. Dembiński. — Poznań : Nakł. Dziennika poznańskiego, 1891. — 19 s.
1012. Dembiński B. Stan nauki historycznej pod względem metody / B. Dembiński // *Pamiętnik III Zjazdu Historyków Polskich w Krakowie* : w 2 t. — Kraków, 1900. — T. 1. — S. 1—15.
1013. Dembiński B. Z dziejów i życia narodu / B. Dembiński. — Lwów : Nakł. księg. Gubrynowicza i syna, 1913. — 462 s.
1014. Dilthey W. Einleitung in die Geisteswissenschaften : w 2 Bd. Bd. 1 / W. Dilthey. — Leipzig : Verlag von Dunder und Gumbert, 1883. — 519 s.
1015. *Dziennik Literacki*. — Lwów, 1853—1870.
1016. Finkel L. Historia / L. Finkel // *Encyklopedia wychowawcza* / pod. kier. R. Pleniewiczza. — Warszawa, 1901. — T. 5 : Górnicki Ł.-Jeske A. — S. 283—297.
1017. Finkel L. Historia monarchii austriacko-węgierskiej. Wiadomości polityczne i społeczne / L. Finkel, S. Głabiński. — Lwów : Tow-wo nauczycieli Szkół wyższych, 1915. — 86 s.
1018. Finkel L. Jakiego podręcznika historii polskiej koniecznie nam potrzeba i jaka drogą dojsć do niego? / L. Finkel // *Pamiętnik drugiego Zjazdu Historyków Polskich we Lwowie* : w 2 t. — Lwów, 1890. — T. 1. — S. 1—9.
1019. Finkel L. O Konstytucji 3 maja 1791: w 100 rocznicę jej nadania / L. Finkel. — Lwów : Macierz Polska, 1891. — 142 s.
1020. Finkel L. Pojęcie, zakres i zadania dziejów powszechnych : wstęp / L. Finkel // *Wielka historia powszechna*. — Warszawa, 1935. — S. 3—23.
1021. Finkel L. Przegląd literatury zagranicznej / L. Finkel // *Kwartalnik Historyczny*. — 1894. — R. 8. — S. 359—371.
1022. F. K. Nasza historiozofia / F. K. // *Ateneum*. — 1876. — T. 3, z. 9. — S. 548—599. — F. K. — pseud. F. Krupińskiego.
1023. Fra Moriel. [Рецензия] / Fra Moriel // *Знание*. — 1874. — № 11—12. — С. 1—8. — Рец. на кн.: Кризис западной философии (против позитивистов) / В. С. Соловьёв. — М. : Тип. ун-та, 1874. — XIV, 146 с. — Fra Moriel — псевд. И. В. Луцицкого.
1024. Franko I. Co będzie dalej / I. Franko // *Kurier Lwowsky*. — 1893. — R. 11. — № 12. — 12 stycznia. — S. 1.
1025. Freeman E. A. *The Methods of Historical Study* / E. A. Freeman. — London : Machaillan and co., 1886. — 335 s.
1026. Freeman E. A. *Select Historical Essays* / E. A. Freeman. — Leipzig : Ed. Bern Jauchnitz, 1873. — 334 s.
1027. Głowacki A. Szkic programu w warunkach obecnego rozwoju społeczeństwa / A. Głowacki. — Warszawa : *Gazeta Handlowa*, 1883. — 123 s.
1028. Gorzycki K. Zarys społecznej historii państwa polskiego / K. Gorzycki. — Lwów ; Warszawa : *Księg. polska*, 1901. — 413, III s.
1029. Gruber H. *Życie i doktryna Augusta Comte'a, założyciela pozytywizmu : według badań najnowszych : przekł. z niem.* / H. Gruber. — Warszawa : Niwa, 1897. — V, 294, III s.

1030. Histoire et historiens depuis cinquante ans. Méthodes, organisation et résultats du travail historique de 1876 à 1926. — Paris : Librairie Félix Alcan, 1927. — Vol. 1. — XVII, 470 p.
1031. Jablonowski A. Pisma : w 7 t. / A. Jablonowski. — Warszawa : E. Wende i sp., 1910—1913. — T. 1—7.
- T. 1 : Ziemie ruskie Rzeczypospolitej. — 1910. — XXI, 349 s.
- T. 2 : Kresy ukraiinne. — 1910. — 345 s.
- T. 3 : Ukraina. — 1911. — 369 s.
- T. 4 : Wołyń, Podole i Ruś Czerwona. — 1911. — 532 s.
- T. 5 : Słowiańszczyzna południowa oraz Wołosza i Albania. — 1911. — 376 s.
- T. 6 : Wschód muzułmański. — 1912. — 376 s.
- T. 7 : Rzeczy polskie. — 1913. — 426 s.
1032. Jablonowski A. Ukraina / A. Jablonowski // Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / pod red. B. Chlebowskiego. — Warszawa, 1892. — S. 772—779.
1033. Jeske-Choiński T. Pozytywizm w nauce i literaturze / T. Jeske-Choiński. — Warszawa : Nakł. księg. Gebethnera i Wolffa, 1908. — 259 c.
1034. Kaczała S. Polityka polaków względem Rusi / S. Kaczała. — Lwów : Nakł. autora, 1879. — 369 s.
1035. Kaindl R. F. Die moderne Volkskunde und ihre Bedeutung / R. F. Kaindl // Die Geisteswissenschaften. — 1913 / 1914. — Bd. 1. — S. 172—205.
1036. Kaindl R. F. Die Volkskunde. Ihre... Bedeutung, ihre ziele und ihre Methode, mit besonderer Berücksichtigung ihres Verhältnisses zu den historischen wissenschaften / R. F. Kaindl. — Leipzig ; Wien, 1903. — 48 s.
1037. Kaindl R. F. Förderung der Geschichtsforschung in den Österreichischen Alpenländern durch die moderne Volkskunde / R. F. Kaindl // Zeitschrift des Historischen Vereines für Steiermark. — 1917. — Jg. 15. — S. 141—147.
1038. Kaindl R. F. Geschichte und Volkskunde. Inaugurationsrede gehalten am 2 Dezember 1912 / R. F. Kaindl. — Czernowitz : Pardini, 1913. — 48 s.
1039. Kaindl R. F. Raimund Friedrich Kaindl : [autobiographie] / R. F. Kaindl // Die Geschichtswissenschaft der Gegenwart in Selbstdarstellungen. — Leipzig, 1923. — Bd. 1. — S. 171—205.
1040. Kalicki B. Dwie pierwsze kobiety historyczne w Polsce / B. Kalicki // Przegląd Polski. — 1871. — kwiecień. — S. 372—390.
1041. Kalicki B. O kwestii ruskiej / B. Kalicki // Przegląd Polski. — 1867. — luty. — S. 323—338 ; marges. — S. 1—25 ; kwiecień. — S. 3—25.
1042. Kalicki B. O pomysłach emancypacji kobiet w Polsce XVI i XVII wieku / B. Kalicki // Przegląd Polski. — 1873. — sierpień. — S. 184—198.
1043. Kalicki B. Przyczynek do historii dziejopisarstwa polskiego w XVII wieku / B. Kalicki. — Kraków : Akad. Um., 1874. — 174 s.
1044. Kaszewsky K. Pozytywizm, jego metoda i następstwa / K. Kaszewsky // Biblioteka Warszawska. — 1869. — T. 2. — S. 434—465.
1045. Konopczyński W. Jak zostałem historykiem / W. Konopczyński // Znak. — 1958. — R. 10. — T. 10 (52). — S. 1148—1163 ; T. 11 (53). — S. 1265—1280.
1046. Korzon T. Nowa książka o koliszczyźnie / T. Korzon // Kwartalnik Historyczny. — 1892. — R. 6, z. 3. — S. 527—540. — Rec. na ks.: Очерк колиивщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов / Я. Шульгин. — К. : Тип. Корчак-Новицкого, 1890. — 209 с.

1047. Korzon T. O Chmielnickim sądy pp. Kulisza i Karpowa [Recenzja] / T. Korzon // *Kwartalnik Historyczny*. — 1892. — R. 6, z. III. — S. 34—79.
1048. Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. 1764—1794 : w 5 t. T. 1 / T. Korzon. — Kraków : Druk. un-tu Jagiell., 1882. — 502 s.
1049. Kovalewsky M. Coup d'oeil sur l'évolution du régime économique et sa division en périodes / M. Kovalewsky // *Devenir social*. — 1896. — N. 6. — P. 481—499.
1050. Kovalewsky M. La passage historique de la propriété collective à la individuelle / M. Kovalewsky // *Annales de l'Institut International de Sociologie*. — Paris, 1896. — T. 2 : Travaux du second Congrès tenu à Paris en septembre — octobre 1895. — 40 p.
1051. Kovalewsky M. La régime économique de la Russie / M. Kovalewsky. — Paris : Bibliothèque sociol. internationale, 1898. — 363 p.
1052. Kovalewsky M. Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété / M. Kovalewsky. — Stockholm : Publ. de l'institution Loren, 1890. — 202 p.
1053. Kozłowski W. M. Co i jak czytać? Wykstańcenie samego siebie i czytelnictwo metodyczne / W. M. Kozłowski. — Warszawa: B. Natanson, 1900. — 298 s.
1054. Kozłowski W. M. Przyrodznawstwo i filozofia / W. M. Kozłowski. — Warszawa : Nakł. księg. M. Arcta, 1909. — 205 s.
1055. Kronika Uniwersytetu Lwowskiego. — Lwów: Nakł. Senatu, 1899—1912. — T. 1—2.
T. 1 (1894/95—1897/98). — 1899. — 265 s.
T. 2 (1898/99—1909/10). — 1912. — VII, 711 s.
1056. Krupiński F. Szkoła pozytywna / F. Krupiński // *Biblioteka Warszawska*. — 1868. — T. 3. — S. 65—85, 285—292, 440—463.
1057. Kryczyński S. Z rękopisów / S. Kryczyński // *Nowa kultura*. — 1958. — № 29. — 20 lipca. — S. 6—7.
1058. Kubala L. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej / L. Kubala // *Dziennik Literacki*. — 1870. — Nr. 15—17, 19, 21.
1059. Laas E. Idealismus und Positivismus. Eine kritische Auseinandersetzung / E. Laas. — Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1879—1884. — Bd. 1—3.
Bd. 2. — 1882. — 398 s.
Bd. 3. — 1884. — 704 s.
1060. Lacombe P. De l'histoire considérée comme science / P. Lacombe. — Paris : Hachette, 1894. — XV, 41 p.
1061. Langlois C. V. Introduction aux études historiques / C. V. Langlois, C. Seignobos. — 3 ed. — Paris : Hachette, 1905. — XVIII, 308 s.
1062. Langlois C. V. Wstęp do badań historycznych / C. V. Langlois, C. Seignobos. — Lwów : Nakł. księg. H. Altenberga ; Warszawa : E. Wende i Spółka, 1912. — XI, 383 s.
1063. Lewicki A. Zarys historii Polskiej aż do najnowszych czasów. T. 2 : Rządy obce / A. Lewicki. — K. : Nakł. Rady okręgowej kijowskiej, 1917. — 134 s.
1064. L. F. Przegląd literatury historii powszechnej / L. F. // *Kwartalnik Historyczny*. — 1897. — R. 11, z. 1. — S. 203—210. — L. F. — pseud. L. Finkla.
1065. Li...ka. O historii cywilizacji angielskiej przez Henryka Tomasza Buckle'a / Li...ka // *Gazeta Polska (godzienna)*. — 1866. — Nr. 157. — S. 1—3 ; Nr. 158. — S. 1—2. — Li...ka — pseud. E. Orzeszkowej.
1066. Limanowski B. Bolszewickie państwo w świetle nauki / B. Limanowski. — Warszawa : Nakł. księg. robotniszej, 1921. — 24 s.

1067. Limanowski B. Auguste Comte i pozytywizm podług ocienienia Milla / B. Limanowski // *Przegląd Tygodniowy*. — 1869. — R. 4. — № 15. — S. 128—129 ; № 17. — S. 149—151 ; № 18. — S. 159—160.
1068. Limanowski B. Naród i państwo. Studium socjologiczne / B. Limanowski. — Kraków : Druk. Narodowa, 1906. — 99 s.
1069. Limanowski B. Socjologia / B. Limanowski. — Kraków : G. Gebethner ; Warszawa ; Lublin : Gebethner i Wolff, 1919. — Cz. 1—2.
Cz. 1. — XX, 295 s.
Cz. 2. — 155 s.
1070. Limanowski B. Socjologia Augusta Comte'a. Rozprawa filozoficzna / B. Limanowski. — Lwów : Druk. J. Dobrzańskiego i K. Gromana, 1875. — 156 s.
1071. Limanowski B. Z dziedziny nauki o społeczeństwie / B. Limanowski // *Niwa*. — 1876. — T. 9. — S. 447—462; 649—681, 168—178, 269—277.
1072. Lipiński W. Religia i kościoł w dziejach Ukrainy / W. Lipiński. — *Przemysł : Południowo-Wschodni In-t naukowy w Przemysłu*, 1999. — 153 s.
1073. Lipiński W. Szlachta na Ukrainie. Cz. 1. Udział jej w życiu narodu ukraińskiego na tle jego dziejów / W. Lipiński. — Kraków : Druk. Un-tu Jagiell., 1909. — 88 s.
1074. Liske K. Konstytucja 3 maja 1791 i mocarstwa niemieckie / K. Liske // *Przewodnik Naukowy i Literacki*. — 1873. — T. 1, z. 6 (czerwiec). — S. 468—475.
1075. Xawery Liske // *Kwartalnik Historyczny*. — 1891. — R.V. — S. 465—539.
1076. Littré E. Paroles de philosophie positive / É. Littré. — Paris : Librairie philos. de ladrange, 1863. — 102 p.
1077. Littré É. Auguste Comte et la Philosophie positive / É. Littré. — Paris, 1877. — XI, 675 p.
1078. Littré É. Conservation, révolution et positivisme / É. Littré. — Paris : Ladrange, 1852. — XXXII, 331, XVIII p.
1079. Mill J. S. O rządzie reprezentacyjnym: przekł. z angl. / J. S. Mill. — Kraków : Wydwo dzieł tanich i przytechnych, 1866. — 264 s.
1080. Mill J. S. O wolności : przekł. z angl. / J. S. Mill. — Lwów : Druk. E. Winiarza, 1864. — 242 s.
1081. Monod G. Du progrès des études historiques en France / G. Monod // *Revue Historique*. — 1876. — T. 1. — P. 5—38.
1082. Morawski K. M. Zagadnienia historyczne / K. M. Morawski i in. — Kraków : Museion, 1914. — 53 s.
1083. Mulski L. Kilka słów od tłumacza i wydawcy / L. Mulski // *Siła i materia. Filozoficzne studia na polu doświadczeń przyrodniczych* / L. Buchner. — Lwów, 1869. — S. V—VII. — L. Mulski. — pseud. L. Mikulski.
1084. Nistor J. Amintiri răzlete din timpul Unirii / J. Nistor. — Cernăiți : Tip. "Glasul Bucovinei", 1938. — 511 p.
1085. Nistor J. Der nationale Kampf in der Bukowina mit besonderer Berücksichtigung der Rumänen und Ruthenen / J. Nistor. — Bucuresti : Inst. "Carol Göbe", 1918. — 227 s.
1086. Nistor J. Handel und Wandel in der Moldau bis zum Ende des 16 Jahrhunderts / J. Nistor. — Czernowitz : Pardini, 1912. — 200 s.
1087. Ochorowicz J. Pozytywizm i negatywizm / J. Ochorowicz // *Niwa*. — 1875. — T. 7. — S. 81—86.
1088. Ochorowicz J. Wstęp i pogląd ogólny na filozofie pozytywną / J. Ochorowicz. — Warszawa : Druk. J. Noskowskiego, 1872. — 94 s.

1089. Okolski A. Wpływ Tomasza Carlyle'a na rozwój społeczeństwa angielskiego pod względem socjalno-politycznym w XIX wieku / A. Okolski. — Lwów : Druk. W. Łozińskiego, 1894. — 151 s.
1090. Onciul D. Zur Geschichte der Bukowina / D. Onciul. — Czernowitz : Pardini, 1887. — 29 s.
1091. Orzeszkowa E. Listy zebrane : w 9 t. T. 5 / E. Orzeszkowa. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakł. Narod. im Ossolińskich, 1961. — 663 s.
1092. Pamiętnik Drugiego Zjazdu Historyków Polskich we Lwowie. — Lwów : Nakł. uczestników zjazdu-druk. Łozińskiego, 1890—1891. — T. 1—2. T. 1. — 1890. — 192 s. T. 2. — 1891. — 192, VIII s.
1093. Pamiętnik III Zjazdu Historyków Polskich w Krakowie : w 2 t. — Kraków : Nakł. uczestników zjazdu, 1900. — T. 1—2. — Oddz. pag.
1094. Pilat W. O nowoczesnej socjologii. Sześć wykładów / W. Pilat, W. Lasota. — Lwów : Druk. ludowa, 1903. — 179 s.
1095. Prawda : tygodnik polityczny, społeczny i literacki. — Warszawa, 1881—1882.
1096. Prefatory note // English Historical Review. — London, 1886. — Vol. 1. — P. 1—6.
1097. Programe cursurilor pentru semestrul de iarnă 1920 / 21. — Cernăiți : Ed. Senat. academic, 1920. — 12 p.
1098. Przegląd Tygodniowy : Życia Społecznego, Literatury i Sztuk Pięknych. — Warszawa, 1866—1905.
1099. Ranke L. Von Ranke's Sämmtliche Werke : w 54 Bd. Bd. 33—34. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1499 bis 1514 / L. Ranke. — Leipzig : Verlag von Duncker und Humblot, 1874. — XXX, 322 s.
1100. Rawita-Gawroński F. Już w Genewie / F. Rawita-Gawroński // Przegląd Warszawski. — 1925. — Z. 44. — S. 189—208.
1101. Rawita-Gawroński F. Kozaczyzna ukrainna w Rzeczypospolitej Polskiej do końca XVIII-go wieku : zarys polityczno-historyczny / F. Rawita-Gawroński. — Warszawa ; Kraków ; Lublin ; Łódź ; Poznań : Nakł. księg. Gebethnera i Wolffa, 1922. — X, 238 s.
1102. Rawita-Gawroński F. Moje przygody w roku 1863—1864 w Kijowie / F. Rawita-Gawroński. — Warszawa : Księg. Polska, 1922. — 118 s.
1103. Rembowski A. Konfederacja i Rokosz. Porównanie stanowych konstytucji państw europejskich z ustrojem Rzeczypospolitej Polskiej / A. Rembowski. — 2 wyd. — Warszawa : Nakł. księg. Gebethnera i Wolffa, 1896. — LXXVI, 459 s.
1104. Romer E. W obronie Galicji wschodniej / E. Romer, S. Zakrzewski, S. Pawłowski. — Lwów : Książnica Polska Tow. Naucz. Szkół Wyższ. ; Warszawa : Nakł. Gebethnera i Spółki ; Poznań : M. Niemcezkiewicz, 1919. — 107 s.
1105. Rutkowski J. [Recenzja] / J. Rutkowski // Kwartalnik Historyczny. — 1932. — R. 46, z.1. — S. 155—157. — Rec. na ks.: Les Caractères originaux de l'histoire française / M. Bloch. — Paris : Les belles lettres, 1931. — XVII, 261, 8 p.
1106. Ryłski T. Ideały wobec pozytywizmu / T. Ryłski // Ateneum. — 1877. — T. 4. — S. 48—76.
1107. Schmitt H. Dzieje narodu polskiego od najdawniejszych do najnowszych czasów. T. 1 / H. Schmitt. — Lwów : Nakł. autora, 1863. — IV, 1028 s.
1108. Schmitt H. Dzieje Polski XVIII i XIX wieku, osnowane przeważnie na niewydanych dotąd źródłach. T. 4. Dzieje porozbiorowe Polski (1795—1832) / H. Schmitt. — Lwów : Druk. Narodowa W. Manieckiego, 1868. — VIII, 572 s.

1109. Schmitt H. Narodowość polska, jej podstawy, rozwój dziejowy, przeobrażenia i zбочenia, a oraz stosunek do chwili obecnej. T. 1 / H. Schmitt. — Lwów : Druk. E. Winiarza, 1862. — 88 s.
1110. Schmitt H. Pogląd na rozwój ducha i kierunek dziejopisarstwa polskiego w wieku XIX / H. Schmitt // *Dziennik Literacki*. — 1859. — Nr. 44—56, 58—66.
1111. Schmitt H. Rzut oka na nowy projekt bezwarunkowego równouprawnienia żydów, a oraz odpowiedź na zarzuty z którymi dzisiejsi ich obrońcy przeciw narodowi polskiemu występują / H. Schmitt. — Lwów : Księg. K. Wilda, 1859. — 56 s.
1112. Schmitt H. Zadania dziejopisarstwa / H. Schmitt // *Dziennik Literacki*. — 1853. — Nr. 6. — S. 41—42.
1113. Schmitt H. Zdarzenia najważniejsze z przeszłości narodu polskiego / H. Schmitt. — Lwów : Druk. Narodowa W. Manieckiego, 1869. — 771 s.
1114. Skórski A. Filozofia jako nauka akademicka / A. Skórski. — Lwów : Nakł. księg. Gubrynowicza i Schmidta, 1893. — VII, 153 s.
1115. Skórski A. Znaczenie filozofii w studiach uniwersyteckich / A. Skórski. — Lwów : Nakł. księg. Gubrynowicza i Schmidta, 1895. — 31s.
1116. Smoleński W. Szkoły historyczne w Polsce : (Główne kierunki poglądów na przeszłość) / W. Smoleński. — Warszawa : Druk. S. Sikorskiego, 1898. — 160 s.
1117. Sprawozdanie z posiedzeń Towarzystwa Historycznego // *Kwartalnik Historyczny*. — 1901. — R. 15. — S. 178—182; 617—618.
1118. Starzyński S. Konstytucja 3 maja na tle współczesnego ustroju innych państw europejskich / S. Starzyński. — Lwów : Druk. Pillera, 1892. — X, 215 s.
1119. Starzyński S. Uwage o prawnej stronie różnoprawnienia narodowości w Austrii / S. Starzyński. — Lwów : Druk. W. Łozińskiego, 1883. — 99 s.
1120. Supiński J. Pisma : w 5 t. T. 1. Myśl ogólna fizjologii wszechświata / J. Supiński. — Lwów : Druk. Zakł. Narod. im. Ossolińskich, 1872. — 415 s.
1121. Sybel H. Vorwort / H. Sybel // *Historische Zeitschrift*. — 1859. — № 1. — S. III—V.
1122. Szajnocha K. Dwa lata dziejów naszych. 1646—1648 / K. Szajnocha // *Dzieła* : w 10 t. / K. Szajnocha. — Warszawa, 1877. — T. 8. — S. 113—290 ; T. 9. — S. 1—307 ; T. 10. — S. 3—238.
1123. Szajnocha K. Zdobycze pługa polskiego / K. Szajnocha // *Dzieła* : w 10 t. / K. Szajnocha. — Warszawa, 1876. — T. 2. — S. 325—342.
1124. Szaraniewicz I. Kościelna unia na Rusi i wpływ jej na zmianę stanowiska społecznego świeckiego duchowieństwa ruskiego : odczyt... wygłoszony dnia 8 lipca 1896 r. na drugim uroczystym posiedzeniu wiecu katolickiego / I. Szaraniewicz. — Lwów : Druk. Pillera, 1899. — 31 s.
1125. Szczepanowski S. O Konstytucji Trzeciego Maja / S. Szczepanowski // *Myśli o odrodzeniu narodem* / S. Szczepanowski. — Lwów, 1903. — S. 59—78.
1126. Szelański A. O socjologicznem traktowaniu dziejów / A. Szelański. — Lwów : Nakł. autora, 1898. — 18 s.
1127. Szelański A. Stany Zjednoczone północnej Ameryki. U. S. A. Tworzenie państwa i Konstytucji / A. Szelański. — Warszawa : Nakł. księg. F. Hoesiscka, 1929. — 285 s.
1128. Szelański A. Walka o Bałtyk (1544—1621) / A. Szelański. — Lwów : Nakł. księg. W. Połonieckiego, 1904. — XI, 404 s.
1129. Szelański A. Wschód i zachód. Zagadnienia z dziejów cywilizacji / A. Szelański. — Lwów : Nakł. t-wa wydawniczego ; Warszawa : E. Wende, 1912. — X, 526 s.
1130. Szelański A. Wzrost państwa polskiego w XV i XVI w. Polska na przełomie

- wieków średnich i nowych / A. Szelągowski. — Warszawa: Księg. E. Wende i Spółka, 1904. — X, 404, 80 s.
1131. Szelągowski A. Z dziejów współzawodnictwa Anglii i Niemiec, Rosji i Polski / A. Szelągowski. — Lwów : Nakł. tow-wa wydawniczego, 1910. — IX, 316 s.
1132. Szelągowski A. Zagadnienie czynu / A. Szelągowski // Tygodnik illustrowany. — 1908. — N 36. — S. 711—712. — Rec. na ks.: Zakrzewski S. Zagadnienia historyczne / S. Zakrzewski. — Lwów; Warszawa: Nakł. księg. H. Altenberga, 1908. — 294 s.
1133. Świętochowski A. Myślę — więc jestem / A. Świętochowski // Prawda. — 1881. — R. 1. — Nr. 1. — S. 1—3.
1134. Świętochowski A. Na wyłomie / A. Świętochowski // Przegląd Tygodniowy. — 1871. — Nr. 50. — S. 409—412.
1135. Tatarkiewicz W. Historia i klasyfikacja. Nadb. z Księgi pamiątkowej ku czci Leona Pinińskiego / W. Tatarkiewicz. — Lwów : Wyd-wo Zakł. Narod. im. Ossolińskich, 1936. — 10 s.
1136. Tatarkiewicz W. Pozytywizm / W. Tatarkiewicz // Świat i życie. Zarys encyklopedyczny współczesnej wiedzy i kultury. — Lwów ; Warszawa, 1936. — T. 4 : P—Z. — S. 355—363.
1137. Tygodnik Naukowy : [Tygodnik Naukowy i Literacki]. — Lwów, 1865—1866.
1138. Wojciechowski T. Co to jest historia i po co się jej uczymy? Wykłady wstępne historii polskiej na Wszechnicy Lwowskiej w kwietniu i maju 1883 r. / T. Wojciechowski. — Lwów : Druk. W. Łozińskiego, 1883. — 32 s.
1139. Zakrzewski S. Historiografia polska wobec wskrzeszenia państwa / S. Zakrzewski // Kwartalnik Historyczny. — 1923. — R. 37. — S. 289—325.
1140. Zakrzewski S. Ideologia ustrojowa. Krytyka sądów Balzera, Kutrzeby, Chołnowskiego / S. Zakrzewski. — Lwów : Nakł. księg. H. Altenberga, 1918. — 46 s.
1141. Zakrzewski S. Wstęp. Charakterystyka naukowej działalności Tadeusza Wojciechowskiego / S. Zakrzewski // Szkice historyczne jedenastego wieku / T. Wojciechowski. — Warszawa, 1925. — S. I—LIII.
1142. Zakrzewski S. Zagadnienia historyczne : w 2 t. / S. Zakrzewski. — Wyd. 2. — Lwów: Wyd-wo Zakł. Narod. im. Ossolińskich, 1936.
T. 1. — XVI, 330 s.
T. 2. — 274 s.
1143. Zawadzki W. Wiadomość o życiu Tomasza Henryka Buckla / W. Zawadzki // Historia cywilizacji w Anglii : w 3 t. / H. T. Buckle. — Lwów, 1868. — T. 3. — S. III—XV.
1144. Żuliński T. Antropologia czyli nauka o człowieku i jej stosunek do innych nauk / T. Żuliński. — Kraków : Druk. L. Paszekońskiego, 1872. — 34 s.
1145. Żuliński T. Nasi uczeni / T. Żuliński. — Lwów : Druk. J. Dobrańskiego i K. Groman, 1874. — 95 s.

Литература

1146. Абрамов А. И. Кантианство в русской университетской философии / А. И. Абрамов // Вопросы философии. — 1998. — № 1. — С. 58—69.
1147. Айтов С. Ш. М. С. Грушевський та “мова” соціології Е. Дюркгейма / С. Ш. Айтов // Джерелознавчі та історіографічні проблеми історії України. Мова науки. Термінологія. — Д., 1997. — С. 35—43.

1148. Алпатов М. А. Кризис русской буржуазной историографии в начале XX в. / М. А. Алпатов // Проблемы историографии. — Воронеж, 1960. — С. 23—27.
1149. Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии (XIX век) / М. А. Алпатов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — 407 с.
1150. Ананьич Б. В. О Петербургской исторической школе и ее судьбе / Б. В. Ананьич, В. М. Панеях // Отечественная история. — 2000. — № 5. — С. 105—113.
1151. Аникеев А. А. Методология классической историографии / А. А. Аникеев. — Ставрополь : Сервис-школа, 2005. — 150 с.
1152. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлёт и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит ; пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. — М. : Прогресс, 2003. — 496 с.
1153. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Р. Анкерсмит. — М. : Идея-Пресс, 2003. — 360 с.
1154. Аркуша О. Русофіліство в Галичині в середині XIX — на початку XX ст. : генеза, етапи розвитку, світогляд / О. Аркуша, М. Мудрий // Вісник Львівського університету. Серія історична. — 1999. — Вип. 34. — С. 231—268.
1155. Арон Р. Этапы развития социологической мысли : пер. с фр. / Р. Арон. — М. : Прогресс, 1993. — 608 с.
1156. Аслания Г. Г. Идея прогресса в буржуазной философии истории / Г. Г. Аслания. — Ереван : Изд-во АН Армян. ССР, 1965. — XVI, 395 с.
1157. Атманских А. С. Вульгарный материализм и русская философия второй половины XIX века / А. С. Атманских // Научные доклады высшей школы. Философские науки. — 1986. — № 5. — С. 74—82.
1158. Баган О. Між раціоналізмом і християнізмом (до проблеми світоглядної еволюції Івана Франка) / О. Баган // Франкознавчі студії : зб. наук. пр. — Дрогобич, 2002. — Вип. 2. — С. 3—22.
1159. Барг М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. — М. : Наука, 1984. — 342 с.
1160. Белов П. Т. Философия выдающихся естествоиспытателей второй половины XIX — начала XX в. / П. Т. Белов. — М. : Мысль, 1970. — 488 с.
1161. Белопольский В. Н. Достоевский и позитивизм / В. Н. Белопольский. — Ростов н/Д : Изд-во ун-та, 1985. — 74 с.
1162. Березинець В. В. Історіософія Михайла Грушевського : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. 09. 00. 05 «Історія філософії» / Березинець Володимир Васильович. — К., 1996. — 20 с.
1163. Білоус О. Г. Світогляд Івана Франка / О. Г. Білоус. — К. : Рад. Україна, 1956. — 52 с.
1164. Богдашина О. М. Д. І. Багалій та Д. І. Яворницький (до історії взаємовідносин двох видатних вчених) / О. М. Богдашина // Науковий вісник Харківського державного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Сер. Історичні науки : зб. наук. пр. — 1998. — Вип. 1. — С. 67—68.
1165. Богдашина О. М. Джерелознавство історії України: питання теорії, методики, історії : навч.-метод. посіб. / О. М. Богдашина. — 3-е вид., доп. та переробл. — Х. : Сага, 2008. — 214 с.
1166. Богдашина О. М. Діяльність Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури ім. акад. Д. І. Багалія (1921—1934 рр.) / О. М. Богдашина. — Х. : Вид. ХДПУ, 1994. — 196 с.
1167. Богдашина О. М. До питання про періодизацію позитивістського історіописання в Україні (1860-ті — 1920-ті рр.) / О. М. Богдашина // Вісник

- Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 908. Сер. історія. — Х., 2010. — Вип. 42. — С. 261—272.
1168. Богдашина О. М. Критерії оцінки суспільного прогресу в історичній науці в Україні (друга половина XIX — початок XX ст.) / О. М. Богдашина // Наукові праці : зб. пр. молодих вчених та аспірантів Ін-ту укр. археографії та джерелознавства. — К., 2008. — Т. 16. — С. 220—233.
1169. Богдашина О. М. Мікронаукові групи в структурах української історичної науки другої половини XIX — початку XX ст. / О. М. Богдашина // Ейдос : альм. теорії та історії іст. науки. — К., 2009. — Вип. 4. — С. 183—192.
1170. Богдашина О. Нові підходи до розуміння суспільних законів та закономірностей в історичній науці другої половини XIX — початку XX ст. в Україні / О. Богдашина // Історіографічні дослідження в Україні. — 2009. — Вип. 19. — С. 6—22.
1171. Богдашина О. М. Педагогічна діяльність В. Б. Антоновича як важливий чинник розвитку української історичної науки кінця XIX — початку XX століття (за спогадами його учнів та знайомих) / О. М. Богдашина, Т. В. Портретна // Збірник наукових праць. Сер. Історія та географія / Харк. нац. пед. ун-т імені Г. С. Сковороди. — 2005. — Вип. 18. — С. 110—118.
1172. Богдашина О. М. Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX — 20-ті рр. XX ст.) / О. М. Богдашина. — Х. : Вид-во Віровець А. П. «Апостроф», 2010. — 480 с.
1173. Богдашина О. М. Поширення позитивізму в історичній науці і публіцистиці на польських та українських землях другої половини XIX ст. : порівняльна характеристика / О. М. Богдашина // Південний архів : Історичні науки. — 2007. — Вип. 25. — С. 25—30.
1174. Богдашина О. М. Проблема суспільної еволюції у працях українських істориків другої половини XIX — початку XX ст. / О. М. Богдашина // Історичний журнал. — 2008. — № 3. — С. 19—28.
1175. Богдашина О. М. Проблема цивілізації в історичній науці в Україні (друга половина XIX — початок XX ст.) / О. Богдашина // Історіографічні дослідження в Україні. — 2008. — Вип. 18. — С. 13—20.
1176. Богдашина О. М. Роль університетських співтовариств підросійської України у рецепції ідей позитивізму (друга половина XIX ст.) / О. М. Богдашина // Наукові праці : зб. пр. молодих вчених та аспірантів Ін-ту укр. археографії та джерелознавства. — К., 2011. — Т. 23. — С. 157—164.
1177. Богдашина О. М. Синкретизм історичної науки в Україні другої половини XIX — початку XX ст. / О. М. Богдашина // Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. Сер. Історія та географія. — Х., 2011. — Вип. 41. — С. 249—252.
1178. Богдашина О. М. Слобідський літописець історії України Д. І. Багалій / О. М. Богдашина // Український історичний журнал. — 2008. — № 1. — С. 88—112.
1179. Богдашина О. М. Соціокультурні фактори розвитку історичної науки на українських землях у другій половині XIX — на початку XX ст. / О. М. Богдашина // Харківський історіографічний збірник. — Х., 2010. — Вип. 10. — С. 198—210.
1180. Богдашина О. М. Ставлення істориків українських земель другої половини XIX — початку XX ст. до релігії та церкви / О. М. Богдашина //

- Історіографічні дослідження в Україні. — К., 2010. — Вип. 20. — С. 42—60.
1181. Богдашина О. М. Теоретико-методологічні погляди Д. І. Багалія / О. М. Богдашина // Сумська старовина. — 2007. — № 21—22. — С. 7—14.
1182. Богдашина О. М. Теорія факторів у працях українських істориків другої половини XIX — початку XX ст. / О. М. Богдашина // Харківський історіографічний збірник. — 2006. — Вип. 8. — С. 114—124.
1183. Богдашина О. М. Цивілізаційна концепція М. І. Хлебникова / О. М. Богдашина // Збірник наукових праць. Сер. Історія та географія / Харк. нац. пед. ун-т імені Г. С. Сковороди. — 2007. — Вип. 28. — С. 170—175.
1184. Богомаз К. Ю. Історія соціологічних теорій і вчень / К. Ю. Богомаз, О. О. Волохіна. — Дніпродзержинськ, 2006. — 204 с.
1185. Богомоллов А. С. Идея развития в буржуазной философии веков XIX и XX веков / А. С. Богомоллов. — М. : Изд-во ун-та, 1962. — 376 с.
1186. Богословский М. М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие) / М. М. Богословский. — М. : Наука, 1987. — 217 с.
1187. Бойченко І. В. Філософія історії / І. В. Бойченко. — К. : Знання, 2000. — 723 с.
1188. Болтарович З. Є. Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст. / З. Є. Болтарович. — К. : Наук. думка, 1976. — 139 с.
1189. Бон Т. Историзм в России? О состоянии русской исторической мысли / Т. Бон // Отечественная история. — 2000. — № 4. — С. 121—128.
1190. Бон Т. Русская историческая наука с 1880 по 1905 г. : Павел Николаевич Милюков и Московская школа : пер. с нем. / Т. Бон. — СПб. : Олериус пресс, 2005. — 272 с.
1191. Бондарчук В. М. Позитивизм В. В. Лесевича / В. М. Бондарчук // Вісник Київського університету. Сер. Філософія, політологія. — 2004. — Вип. 68 / 69. — С. 64—67.
1192. Бортняк Н. Степан Томашівський: до відносин з Михайлом Грушевським / Н. Бортняк // Михайло Грушевський і українська історична наука : матеріали наук. конф., присвяч. Михайлові Грушевському, Львів, 24—25 жовтня 1994 р., Харків, 25 серпня 1996 р., Львів, 29 вересня 1996 р. / ред. Я. Грицак, Я. Дашкевич ; Інститут історичних досліджень Львівського держ. ун-ту ім. Івана Франка. — Львів, 1999. — С. 186—192.
1193. Браславский Р. Г. Концепция цивилизации в социологии Николая Ивановича Хлебникова : дис. ... канд. социол. наук : 22. 00. 01 / Браславский Руслан Геннадьевич. — СПб., 2002. — 147 с.
1194. Будз В. П. Історичний процес і його виміри в філософії історії Михайла Грушевського / В. П. Будз // Сіверянський літопис. — 2000. — № 3. — С. 129—133.
1195. Будз В. П. Проблема визначення законів і закономірностей історичного процесу в філософсько-історичній концепції Михайла Грушевського / В. П. Будз // Людина і політика. — 2001. — № 6. — С. 114—121.
1196. Будз В. П. Філософія історії Михайла Грушевського : дис. ... канд. філос. наук : 09. 00. 03 / Будз Володимир Павлович. — Львів, 2001. — 194 с.
1197. Будз В. П. Християнство як чинник історичного процесу в філософії історії Михайла Грушевського / В. П. Будз // Християнство в Україні на межі третього тисячоліття. — Івано-Франківськ, 2002. — С. 112—119.
1198. Бунге М. Интуиция и наука / М. Бунге ; пер. с англ. Е. И. Пальского. — М. : Прогресс, 1967. — 187 с.

1199. Буржуазная социологическая литература в России второй половины XIX — начала XX веков : библиогр. указ. / сост. И. А. Голосенко. — М. : Ин-т социол. исслед. АН СССР, 1984. — 237 с.
1200. Буржуазная философия кануна и начала империализма. — М. : Высш. шк., 1977. — 424 с.
1201. Бурлачук В. Біля витоків соціологічної думки в Україні / В. Бурлачук, М. Молчанов, В. Степаненко. — К., 1995. — 115 с.
1202. Буряк Л. Жінка в українському історичному наративі : автори, ідеї, образи (друга половина XIX — перша третина XX ст.) / Л. Буряк. — К. : Нац. акад. управління, 2010. — 368 с.
1203. Вайнштейн О. Л. Историография истории средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней / О. Л. Вайнштейн. — М. ; Л. : Соцэкгиз, 1940. — 372 с.
1204. Валіцький А. В полоні консервативної утопії : структура і видозміни російського слов'янофільства : пер. с польськ. / А. Валіцький. — К. : Основи, 1998. — 712 с.
1205. Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет / С. Н. Валк // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского государственного университета. Секция исторических наук. — Л., 1948. — С. 3—79.
1206. Ващенко В. В. Від самопрезентації до методології : психобіоісторіографічний вимір простору історіописання М. Грушевського / В. В. Ващенко. — Д. : Вид-во ун-ту, 2007. — 324 с.
1207. Ващенко В. В. Вплив вербально-комунікативних особностей історика на виникнення та існування історіографічної традиції : (Харизма В. Антоновича) / В. В. Ващенко // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. — Д., 1997. — Вип. 1. — С. 421—433.
1208. Ващенко В. В. Лекції з історії української історичної науки другої половини XIX — початку XX століття (М. І. Костомаров, В. Б. Антонович, М. С. Грушевський) / В. В. Ващенко. — Д. : Вид-во ун-ту, 1998. — 140 с.
1209. Ващенко В. В. Порівняльний аналіз історіософських поглядів М. Костомарова та В. Антоновича / В. В. Ващенко // Київська старовина. — 2006. — № 4. — С. 61—69.
1210. Ващенко В. В. Стратегії конструювання М. Грушевським українських метанаративів: методи та їх функції : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора іст. наук : спец. 07. 00. 06 “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Ващенко Володимир Володимирович. — Д., 2009. — 36 с.
1211. Ващенко В. В. Фактори формування історичної концепції в українській історіографії кінця XIX — початку XX ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 : “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Ващенко Володимир Володимирович. — Д., 1998. — 17 с.
1212. Вдовина Л. Н. Вопрос о происхождении крестьянской общины в русской до-революционной историографии / Л. Н. Вдовина // Вестник Московского университета. Сер. История. — 1973. — № 4. — С. 33—50.
1213. Великопольська У. Мирон Кордуба і питання теоретичної історії на сторінках “Записок НТШ” / У. Великопольська // Багатокультурне історичне середовище Львова в XIX і XX століттях / за ред. Л. Зашкільняка і Є. Матерницько-

- го. — Львів ; Жешув, 2006. — Т. 4. — С. 386—395.
1214. Великопольська У. Теоретико-методологічні праці Мирона Кордуби / У. Великопольська // Історичний журнал. — 2008. — № 2. — С. 70—80.
1215. Верба І. Київська історична школа М. С. Грушевського : організаційно-технічні моменти / І. Верба, О. Юркова // Український історик. — 1996. — Ч. 1—4. — С. 268—284.
1216. Верба І. В. Роль представників та послідовників школи В. Б. Антоновича в житті та творчій діяльності Н. Д. Полонської-Василенко / І. В. Верба // Академія пам'яті професора Володимира Антоновича. — К., 1994. — С. 217—223.
1217. Верстюк В. Ф. Діячі Української Центральної Ради : біогр. довідник / В. Ф. Верстюк, Т. С. Осташко / НАН України ; Український міжнародний комітет з питань науки і культури. — К. : [Б. в.], 1998. — 254 с.
1218. Винар Б. Академік Михайло Слабченко : (Матеріали до біографії та бібліографії) // Український історик. — 1982 / 83. — № 3—4 [1982], 1 [1983]. — С. 19—39.
1219. Винар Л. Михайло Грушевський і загальні збори НТШ в 1913 р. / Л. Винар // Український історик. — 1984. — Ч. 1—4. — С. 64—81.
1220. Винар Л. Михайло Грушевський і Наукове товариство ім. Тараса Шевченка. 1892—1930 / Л. Винар. — Мюнхен : Дніпрова хвиля, 1970. — 111 с.
1221. Винар Л. Михайло Грушевський як голова Наукового товариства ім. Шевченка / Л. Винар // Український історик. — 1969. — Ч. 1—3. — С. 5—46.
1222. Винар Л. Ранні історичні праці Михайла Грушевського і Київська історична школа В. Антоновича / Л. Винар // Український історик. — 1966. — Ч. 3—4. — С. 20—32.
1223. Витанович І. Увага до методології й історіософії Михайла Грушевського / І. Витанович // Український історик. — 1966. — Ч. 1—2. — С. 32—51.
1224. Вірник Д. Ф. Економічні погляди І. Франка / Д. Ф. Вірник, Є. А. Голубовська. — К. : Вид-во АН УРСР, 1956. — 179 с.
1225. Водовозов Н. В. Русские писатели в Австрийской Галиции / Н. В. Водовозов // Учёные записки Московского педагогического института. — 1970. — Т. 405 : Вопросы русской литературы. — С. 291—309.
1226. Водотика С. Г. До питання про історіософію вітчизняної історичної науки початку ХХ століття / С. Г. Водотика // Культура народів Причорномор'я. — Симферополь, 2000. — № 13 (окт.). — С. 71—77.
1227. Водотика С. Г. Наукові історичні школи й провідні тенденції розвитку історичної науки / С. Г. Водотика // Проблеми історії України : факти, судження, пошуки. — 2002. — Вип. 6. — С. 121—137.
1228. Водотика С. Г. Формування історичних шкіл в Україні (на прикладі школи Д. І. Багалія) / С. Г. Водотика // Проблеми історії України : факти, судження, пошуки. — 1998. — Вип. 4. — С. 279—294.
1229. Возняк М. С. Нариси про світогляд Івана Франка / М. С. Возняк. — Львів : Вид-во ун-та, 1955. — 196 с.
1230. Возняк С. Світогляд І. Франка в контексті вітчизняної та світової філософської думки / С. Возняк // Іван Франко і національне та духовне відродження України : зб. наук. ст. — Івано-Франківськ, 1997. — С. 68—73.
1231. Войцехівська І. Н. Володимир Іконніков : джерелознавчі студії / І. Н. Войцехівська. — К., 1999. — 360 с.

1232. Вчені Росії про Закарпаття. Із карпатознавчої спадщини / за ред. О. С. Мазурка та І. О. Мандрика. — Ужгород: КП «Ужгородська міська друкарня», 2009. — 520 с.
1233. Габор В. В. Українські часописи Ужгорода, 1867—1944. Історико-бібліогр. дослідження / В. В. Габор. — Львів, 2003. — 564 с.
1234. Гелей С. Консервативна течія в суспільно-політичній думці України XIX ст. / С. Гелей. — Львів : Ін-т українознавства НАН України, 1996. — 122 с.
1235. Герасименко Г. А. Философские основы российской исторической науки. Дооктябрьский период / Г. А. Герасименко. — Саратов : СГСЭУ, 2002. — 124 с.
1236. Гидони А. Г. Восприятие Бокля в России / А. Г. Гидони // Сборник научных трудов Костромского государственного педагогического института. — 1973. — Вып. 37. — С. 50—70.
1237. Гирич І. В. Антонович — будівничий філософських засад нової України / І. Гирич // Третя академія пам'яті професора Володимира Антоновича. — К., 1994. — С. 28—35.
1238. Гирич І. “Народництво” та “державництво” в українській історіографії : проблема змістовного наповнення понять / І. Гирич // Молода нація. — 2000. — № 4. — С. 5—30.
1239. Гирич І. Речники українськості і глашатаї “руськості” / І. Гирич, О. Рибалко // Пам'ятки України. — 1998. — № 3—4. — С. 168—171.
1240. Глотов Б. М. Начало институализации социологии в России / Б. М. Глотов // Социологические исследования. — 2010. — № 3. — С. 127—133.
1241. Голод Р. Позитивізм у творчості Івана Франка / Р. Голод // Дивослово. — 2006. — № 4. — С. 50—53.
1242. Голод Р. Позитивізм як світоглядно-філософське підґрунтя творчого методу Івана Франка / Р. Голод // Іван Франко : дух, наука, думка, воля : матеріали міжнар. наук. конгресу, присвяч. 150-річчю від дня народж. Івана Франка (Львів, 27 верес. — 1 жовт. 2006 р.). — Львів, 2008. — Т. 1. — С. 274—284.
1243. Голосенко И. А. Влияние идей основоположника позитивизма на эволюцию русской социологии / И. А. Голосенко // Огюст Конт : К 200-летию со дня рождения. — СПб., 1998. — С. 102—112.
1244. Голосенко И. А. Исторические судьбы Огюста Конта : Трансформация позитивизма в русской социологии XIX — XX веков / И. А. Голосенко // Социологические исследования. — 1982. — № 4. — С. 146—152.
1245. Голосенко И. А. Неокантианские идеи в буржуазной социологии России / И. А. Голосенко // Научные доклады высшей школы. Философские науки. — 1979. — № 2. — С. 62—67.
1246. Голосенко И. А. Процесс институализации буржуазной социологии в России конца XIX — начала XX в. / И. А. Голосенко // Социологические исследования. — 1978. — № 2. — С. 170—179.
1247. Голосенко И. А. Русская социология : её социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные проблемы и направления / И. А. Голосенко // Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России / редкол. : Ю. В. Гридчин [и др.]; Ин-т социол. исслед. АН СССР. — М., 1986. — С. 3—24.
1248. Голосенко И. А. Социология в дореволюционной России (научоведческие аспекты) / И. А. Голосенко // Научные доклады высшей школы. Философ-

- ские науки. — 1988. — № 1. — С. 48—56.
1249. Гончар О. Національна ідея у світогляді і творчості П. О. Куліша / О. Гончар // Вісник Національної академії наук України. — 1994. — № 6. — С. 58—65.
1250. Гончарук П. С. Суспільно-політичні та історичні погляди П. О. Куліша : До 110-ої річниці його світлої пам'яті (1819—1897) / П. С. Гончарук. — К. : ДАККІМ, 2006. — 264 с.
1251. Горбач Н. До питання про філософські переконання Івана Франка / Н. Горбач // Іван Франко — письменник, мислитель, громадянин : матеріали міжнар. наук. конф. (Львів, 25—29 верес. 1996 р.). — Львів, 1998. — С. 148—152.
1252. Горин Д. Г. К вопросу о “профессорской культуре” России XIX — начала XX в. / Д. Г. Горин // Отечественная культура и историческая наука XVIII—XX веков : сб. ст. — Брянск, 1996. — С. 42—51.
1253. Горина Л. В. Марин Дринов — историк и общественный деятель / Л. В. Горина. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. — 208 с.
1254. Горский В. С. Историко-философская оценка учения Канта на Украине (середина XIX — начало XX веков) / В. С. Горский // Критические очерки по философии Канта / под ред. М. А. Булатова. — К., 1975. — С. 322—344.
1255. Гофман А. Б. Эмиль Дюркгейм в России: рецензия дюркгеймовской социологии в русской социальной мысли / А. Б. Гофман. — М. : ГУ ВНИЭ, 2001. — 100 с.
1256. Гофман А. О социологии Эмиля Дюркгейма / А. Гофман // О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — М., 1990. — С. 533—566.
1257. Гоцуляк В. В. Сучасна теоретична модель вивчення минулого історичної науки в Україні / В. В. Гоцуляк // Вісник Черкаського університету. Сер. Соціально-гуманітарні науки. — 1998. — Вип. 6. — С. 13—18.
1258. Гошовський М. Проблема прогресу в українській соціальній філософії (XIX — перша чверть XX ст.) / М. Гошовський // Філософська і соціологічна думка. — 1993. — № 3. — С. 88—102.
1259. Грицак Я. Й. Формування модерної української нації : історіографія та історіософія проблеми : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора іст. наук : спец. 07. 00. 06 “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Грицак Ярослав Йосипович. — К., 2000. — 43 с.
1260. Михайло Грушевський і Західна Україна : доп. і повідомл. наук. конф. (м. Львів, 26—28 жовтня 1994 р.) / Львівський ун-т ім. І.Франка ; відп.ред. А. Карась. — Львів : Світ, 1995. — 352 с.
1261. Гулыга А. В. Об эволюции теоретических основ концепции исторического знания В. О. Ключевского / А. В. Гулыга // Научные доклады высшей школы. Философские науки. — 1984. — № 4. — С. 140—144.
1262. Гуревич А. Я. История историка / А. Я. Гуревич. — М. : РОССПЭН, 2004. — 284 с.
1263. Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? / А. Я. Гуревич // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. — М., 1969. — С. 59—88.
1264. Гутнов Д. А. О школах в исторической науке / Д. А. Гутнов // История мысли. Историография / под ред. И. П. Смирнова. — М., 2002. — С. 93—118.
1265. Гутнов Д. А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901—1906 гг.) / Д. А. Гутнов. — М. : Рос. полит. энцикл., 2004. — 336 с.
1266. Гутнова Е. В. Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX века в развитии исторической науки (по материалам

- медиевистики) / Е. В. Гутнова // Средние века. — 1964. — Т. 25. — С. 283—298.
1267. Гутнова Е. В. О «кризисах» в европейской историографии XIX—XX вв. / Е. В. Гутнова // Средние века. — 1992. — Вып. 55. — С. 39—49.
1268. Гутнова Е. В. Н.-Д. Фюстель де-Куланж и его концепция генезиса феодализма / Е. В. Гутнова // Средние века. — 1972. — Вып. 35. — С. 255—280.
1269. Гыйдел Э. Об “украинофильстве” Георгия Вернадского или вариация на тему национальных и государственных лояльностей / Э. Гыйдел // *Ab imperio*. — 2006. — № 4. — С. 329—346.
1270. Далин В. М. Историки Франции XIX—XX веков / В. М. Далин. — М. : Наука, 1981. — 327 с.
1271. Данилов А. И. Эволюция идейно-методологических взглядов Д. М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков / А. И. Данилов // Средние века. — 1955. — Вып. 6. — С. 297—323.
1272. Данилюк Д. Д. Розвиток історичної науки в Закарпатті (з кінця XVIII до середини XX ст.) : дис. ... доктора іст. наук : спец. 07. 00. 02 / Данилюк Дмитро Дмитрович. — Ужгород, 1994. — 401 с.
1273. Даренська В. М. Історіософські виміри феномена національної ідентичності / В. М. Даренська // Практична філософія. — 2009. — № 2. — С. 84—91.
1274. Даценко В. С. Б. О. Кістяківський і позитивізм / В. С. Даценко // Гуманітарний часопис. — 2009. — №2. — С. 99—105.
1275. Дашкевич Я. Михайло Грушевський — історик народницького чи державницького напрямку? / Я. Дашкевич // Михайло Грушевський і українська історична наука : матеріали наук. конф., присвяч. Михайлові Грушевському, Львів, 24—25 жовтня 1994 р., Харків, 25 серпня 1996 р., Львів, 29 вересня 1996 р. / ред. Я. Грицак, Я. Дашкевич ; Інститут історичних досліджень Львівського держ. ун-ту ім. Івана Франка. — Львів, 1999. — С. 65—85.
1276. Денисенко И. Н. Преподавание богословия и церковной истории в Харьковском университете (1805—1919 гг.) / И. Н. Денисенко // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2001. — №526. Сер. Історія. — Вип. 33. — С. 248—259.
1277. Депенчук Л. П. Історіософія та соціальна філософія Михайла Драгоманова / Л. П. Депенчук, М. І. Лук. — К. : Укр. центр духовн. культури, 1999. — 208 с.
1278. Добровольский Л. М. Запрещённая книга в России. 1825—1904 : арх.-библиогр. разыскания / Л. М. Добровольский. — М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. — 254 с.
1279. Довгич В. А. Українська ідея в політичній теорії Михайла Драгоманова / В. А. Довгич. — К. : НМВК ВО, 1991. — 155 с.
1280. Долженков П. Чехов и позитивизм / П. Долженков. — М. : Диалог, 1998. — 205 с.
1281. Домбровский О. Методологічні основи над ранньою історією України М. Грушевського / О. Домбровский // Український історик. — 1969. — Ч. 1—3. — С. 65—73.
1282. Дорофеева С. С. Роль науки и веры в формировании мировоззрения поколения историков 1870—1890 гг. / С. С. Дорофеева // Мир историка : идеалы, традиции, творчество / под ред. В. Г. Рыженко. — Омск, 1999. — С. 44—55.
1283. Дорошенко Н. М. Методология истории в системе исторического и философского знания : дис. ... доктора филос. наук : 09. 00. 01 / Дорошенко На-

- дежда Михайловна. — Л., 1987. — 468 с.
1284. Дорошенко Н. М. Становление и развитие методологии истории / Н. М. Дорошенко. — Калинин : Изд-во ун-та, 1987. — 86 с.
1285. Дорошенко Н. М. Философия и методология истории в России (конец XIX — начало XX в.) / Н. М. Дорошенко. — СПб. : Изд-во ун-та, 1997. — 179 с.
1286. Дурновцев В. И. Некоторые вопросы формирования мировоззрения Е. В. Тарле (90-е гг. XIX в. — начало 900-х гг.) / В. И. Дурновцев // Труды Московского государственного историко-архивного института. — 1974. — Т. 30, вып. 1. — С. 61—84.
1287. Душенко К. В. Из истории польской буржуазной общественной мысли. Варшавский позитивизм в 1866—1886 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 03 / Константин Васильевич Душенко. — М., 1977. — 195 с.
1288. Ебергарт Г. Між народознавством та історією (Про сприйняття праць Р. Ф. Кайндля) / Г. Ебергарт // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. — Чернівці, 2006. — Т. 3. — С. 231—242.
1289. Егоров Б. Ф. Английский позитивизм и русская общественная мысль 1860-х годов / Б. Ф. Егоров // Литература и искусство в системе культуры. — М., 1988. — С. 420—428.
1290. Енциклопедія історії України : в 7 т. — К. : Наук. думка, 2003—2010. — Т. 1—7.
Т. 1. — 2003. — 688 с.
Т. 2. — 2004. — 528 с.
Т. 3. — 2005. — 672 с.
Т. 4. — 2007. — 528 с.
Т. 5. — 2008. — 568 с.
Т. 6. — 2009. — 784 с.
Т. 7. — 2010. — 728 с.
1291. Енциклопедія постмодернізму / за ред. Ч. Е. Віквіста, В. С. Тейлора. — К. : Основи, 2003. — 504 с.
1292. Ерыгин А. Н. История и диалектика : (Диалектика и историческое знание в России XIX века) / А. Н. Ерыгин. — Ростов н/Д : Изд-во ун-та, 1987. — 220 с.
1293. Жигунин В. Д. Между монизмом и плюрализмом : Российская историческая мысль на рубеже XIX—XX вв. / В. Д. Жигунин, Г. П. Мягков // Диалог со временем. — М., 1999. — Ч. 1. — С. 215—222.
1294. Жигунин В. Д. Проблема исторических закономерностей и буржуазная наука / В. Д. Жигунин // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. — Казань, 1976. — С. 32—54.
1295. Жигунин В. Д. Философия истории : формирование и эволюция основных идей / В. Д. Жигунин. — Самара : [Б. и.], 1997. — 108 с.
1296. Журавлёв Л. А. Позитивизм и проблема исторических законов / Л. А. Журавлёв. — М. : Изд-во ун-та, 1980. — 312 с.
1297. Журба О. І. Історіографічний процес другої половини XVIII — першої половини XIX ст. як передісторія українського історіописання (дискусійні замітки) / О. І. Журба // Confraternitas : ювіл. зб. на пошану Ярослава Ісаєвича. — К. ; Львів, 2006—2007. — С. 408—417. — (Україна : культурна спадщина, національна свідомість, державність ; вип. 15).
1298. Журба О. І. Київська археографічна комісія. 1843—1921 : Нарис історії і діяльності / О. І. Журба. — К. : Наук. думка, 1993. — 187 с.

1299. Журба О. І. Польське українофільство у формуванні української духовно-культурного простору / О. І. Журба // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті : зб. наук. пр. — Д., 2006. — С. 71—76.
1300. Журжа І. В. Становлення та розвиток слов'янознавства в Університеті св. Володимира (1834—1919 гг.) : дис. ... канд. іст. наук : 07. 00. 06 / Журжа Ірина Валеріївна. — К., 2006. — 237 с.
1301. З історії економічної думки на Україні / за ред. В. П. Теплицького. — К. : Вид-во АН Української РСР, 1961. — 348 с.
1302. З історії філософської думки на Україні / Ін-т філософії АН УРСР. — К., 1963. — 212 с.
1303. Заболотна І. Іван Крип'якевич : формування світоглядних орієнтирів / І. Заболотна // Історичний журнал. — 2004. — № 1—2. — С. 40—50.
1304. Запольская В. В. Н. И. Зибер как популяризатор произведений К. Маркса и Ф. Энгельса / В. В. Запольская // Труды Воронежского университета. Сер. Общественные науки. — 1958. — Т. 69. — С. 131—138.
1305. Захара І. Позитивізм у соціальній філософії Івана Франка / І. Захара // Іван Франко — письменник, мислитель, громадянин : матеріали міжнар. наук. конф. (Львів, 25—29 верес. 1996 р.). — Львів, 1998. — С. 180—185.
1306. Зашкільняк Л. А. Формирование и развитие исторической науки в Польше / Л. А. Зашкільняк. — Львов : Изд-во ун-та, 1986. — 82 с.
1307. Зашкільняк Л. О. Михайло Грушевський і європейська історична наука кінця ХІХ — початку ХХ століття / Л. О. Зашкільняк // Вісник НТШ. — 2006. — Ч. 36. — С. 17—20.
1308. Зашкільняк Л. Історична теорія в науковій творчості Михайла Грушевського / Л. Зашкільняк // Український історик. — 1999. — № 2—4. — С. 30—54.
1309. Зашкільняк Л. О. Історія Польщі. Від найдавніших часів до наших днів / Л. О. Зашкільняк, М. Г. Крикун. — Львів : Вид-во ун-ту, 2002. — 752 с.
1310. Зашкільняк Л. Методологічні аспекти світового історіографічного процесу і сучасна українська історична наука / Л. Зашкільняк // Українська історіографія на зламі ХХ і ХХІ століть : здобутки і проблеми. — Львів, 2004. — С. 24—57.
1311. Зашкільняк Л. Українське історіографічне середовище Галичини на початку ХХ століття : між наукою і політикою / Л. Зашкільняк // Ейдос : альм. теорії та історії іст. науки. — 2009. — Вип. 4. — С. 355—363.
1312. Зашкільняк Л. Методологія історії від давнини до сучасності / Л. Зашкільняк. — Львів : Вид-во ун-ту, 1999. — 224 с.
1313. Зашкільняк Л. О. Неоромантизм у польській історіографії початку ХХ ст. : (До питання про соціальну функцію історії) / Л. О. Зашкільняк // Проблеми слов'янознавства. — 1993. — Вип. 45. — С. 36—42.
1314. Зашкільняк Л. Неоромантичні тенденції в українській історіографії початку ХХ століття / Л. Зашкільняк // Historia, mentalność, tożsamość : miejsce i rola historii oraz historyków w życiu narodu polskiego i ukraińskiego w ХІХ і ХХ wieku : praca zbiorowa / pod red. J. Pisulińskiej, P. Sierżęgi, L. Zaskilniaka ; wstępem opatrzył J. Maternicki. — Rzeszów, 2008. — S. 320—334.
1315. Зашкільняк Л. Польська історія та історіографія кінця ХІХ — початку ХХ ст. в оцінці галицьких українських істориків / Л. Зашкільняк // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w ХІХ і ХХ w. / red. J. Maternicki, L. Zaskilniak. — Rzeszów, 2005. — Т. 3. — С. 231—244.

1316. Зашкільняк Л. О. Славістика в науковій спадщині та історіософії Михайла Грушевського / Л. О. Зашкільняк // Проблеми слов'янознавства. — 1994. — Вип. 46. — С. 3—24.
1317. Зашкільняк Л. Стосунки між українськими і польськими істориками на зламах XIX і XX століть / Л. Зашкільняк // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / red. J. Maternicki, L. Zaszkilniak. — Rzeszów, 2004. — Т. 2. — С. 272—296.
1318. Зашкільняк Л. Формування новочасної української історіографії в Галичині у XIX столітті / Л. Зашкільняк // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / red. J. Maternicki, L. Zaszkilniak. — Rzeszów, 2007. — Т. 5. — С. 42—53.
1319. Зборовский Т. Е. Метанадигмальная модель теоретической социологии / Т. Е. Зборовский // Социологические исследования. — 2008. — № 4. — С. 3—15.
1320. Зверев В. М. Сочинения ведущих западных социологов и отклики на них в русской печати середины XIX — начала XX века / В. М. Зверев // Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России / редкол. : Ю. В. Гридчин [и др.]; Ин-т социол. исслед. АН СССР. — М., 1986. — С. 176—192.
1321. Звёздина Л. А. В. В. Лесевич — представитель русского позитивизма : (Марксистско-ленинская критика онтологии и гносеологии) : дис. на соискание науч. степени канд. филос. наук : спец. 09. 00. 03 “История философии” / Звёздина Лариса Алексеевна. — Л., 1975. — 165 с.
1322. Звягинцев Е. Г. Характерные черты социологии либеральной буржуазии России в период назревания первой русской буржуазно-демократической революции / Е. Г. Звягинцев // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. — М., 1976. — Вып. 3. — С. 103—118.
1323. Зевелев А. Историографическое исследование : методологические аспекты / А. Зевелев. — М. : Высш. шк., 1987. — 159 с.
1324. Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. — Х. : Фолио-М ; Экспо-Прес, 2001. — 896 с.
1325. Зербіно Д. Наукова школа : Лідер і учні (нова концепція) / Д. Зербіно. — Львів : Евросвіт, 2001. — 208 с.
1326. Зонов В. Т. Идеино-теоретические основы исторических исследований М. М. Ковалевского (70—90-е годы XIX в.) / В. Т. Зонов // Труды Томского государственного университета. Сер. историческая. — 1969. — Т. 209, вып. 6. — С. 136—169.
1327. Зонов В. Т. Основные принципы историко-социологической концепции “первого позитивизма” / В. Т. Зонов // Труды Томского государственного университета. Сер. историческая. — 1974. — Т. 247, вып. 9. — С. 53—88.
1328. Зонов В. Т. Марксизм и русская историческая наука второй половины XIX — начала XX веков / В. Т. Зонов // Вопросы методологии истории и историографии. — Томск, 1974. — С. 11—16.
1329. Зорькин В. Д. Позитивистская история права в России / В. Д. Зорькин. — М. : Изд-во ун-та, 1978. — 270 с.
1330. Зотов А. Ф. Структура научного мышления / А. Ф. Зотов. — М. : Политиздат, 1973. — 182 с.
1331. Иванов Г. М. Исторический источник и историческое познание: (Методоло-

- гический аспект) / Г. М. Иванов. — Томск: Изд-во ун-та, 1973. — 224 с.
1332. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX в. / А. Е. Иванов. — М.: Ин-т истории СССР, 1991. — 392 с.
1333. Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX в.: общественно-политический облик / А. Е. Иванов // История СССР. — 1990. — №5. — С. 60—76.
1334. Иванов Ю. Ф. Библиографический указатель трудов И. В. Лучицкого и литературы о нём / Ю. Ф. Иванов, С. И. Лучицкая // История и историки за 1981 г. — М., 1985. — С. 284—295.
1335. Ионов И. Н. Теория цивилизации от античности до конца XIX-го века / И. Н. Ионов, В. М. Хачатурян. — СПб.: Алелейя, 2002. — 384 с.
1336. Ионова Г. И. Воскресные школы в годы Первой революционной ситуации (1859—1861) / Г. И. Ионова // Исторические записки. — 1956. — Т. 57. — С. 177—209.
1337. История буржуазной социологии XIX — начала XX века / отв. ред. И. С. Кон. — М.: Наука, 1979. — 344 с.
1338. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера / пер. и примеч. Н. В. Реву-ненковой; под общ. ред. А. Д. Люблинской. — М.: Наука, 1978. — 312 с.
1339. История теоретической социологии: Социология XIX века : учеб. пособие для вузов / под ред. Ю. Н. Давыдова. — М.: Магистр, 1998. — 447 с.
1340. История философии в СССР : в 5 т. / под ред. В. С. Евфафова [и др.]. — М.: Наука, 1968—1971. — Т. 3—4. Т. 3. — 1970. — 672 с. Т. 4. — 1971. — 831 с.
1341. Ісаєвич Я. Д. М. М. Ковалевський та Україна / Я. Д. Ісаєвич // Український історичний журнал. — 1966. — № 4. — С. 135—137.
1342. Історія філософії на Україні : в 3 т. Т. 2 / голов. ред. В. І. Шинкарук. — К.: Наук. думка, 1987. — 368 с.
1343. І. Я. Франко як історик : зб. ст. / редкол.: І. О. Гуржій [та ін.]. — К., 1956. — 160 с. — (Наук. зап. Ін-ту історії АН УРСР; т. 8).
1344. Каганович Б. С. Русские медиєвисти первой половины XX в. / Б. С. Каганович. — СПб.: Гипериос, 2007. — 242 с.
1345. Казаков А. П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX века (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский) / А. П. Казаков. — Л.: Изд-во ун-та, 1969. — 131 с.
1346. Калакура Я. С. Історизм української ідеї / Я. С. Калакура // Політологічний вісник. — 1994. — Вип. 3. — С. 36—43.
1347. Калакура Я. С. Структура історичної науки : теоретико-методологічний аспект / Я. С. Калакура // Спеціальні галузі історичної науки : зб. на пошану М. Я. Варшавчика. — К., 1999. — С. 18—25.
1348. Калакура Я. С. Теоретико-методологічні засади української історіографії (за працями проф. Любомира Винара) / Я. С. Калакура // На службі Клію : зб. наук. пр. на пошану Любомира Романа Винара, з нагоди 50-ліття його наукової діяльності. — К.; Нью-Йорк; Торонто; Париж; Львів, 2000. — С. 42—52.
1349. Калакура Я. С. Українська історіографія в структурі історичної науки / Я. С. Калакура // Спеціальні історичні дисципліни : Питання теорії та методики. — 2000. — Вип. 10, чис. 5 : Історіографічні дослідження в Україні, ч. 2 :

- історіографія. — С. 402—415.
1350. Калакура Я. С. Українська історіографія : теоретико-методологічні засади та основні етапи розвитку / Я. С. Калакура // *Історичний журнал*. — 2003. — № 1. — С. 98—106.
1351. Калакура Я. С. Українська історіографія / Я. С. Калакура. — К. : Генеза, 2004. — 496 с.
1352. Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов / Б. А. Калоев. — М. : Наука, 1979. — 202 с.
1353. Каменский З. А. Гегелевская традиция в русской идеалистической литературе XIX в. по методологии истории философии / З. А. Каменский // *Гегель и философия в России (30-е годы XIX в. — 20-е годы XX в.)* / АН СССР, Ин-т философии. — М., 1974. — С. 190—207.
1354. Иммануил Кант : библиогр. указ. лит. на рус. яз. 1803—1994 / сост. Давыдова Л. С. ; отв. ред. Муравлев Е. С. — М. : Ин-т философии РАН, 1996. — 166 с.
1355. Кант и философия в России / отв. ред. З. А. Каменский, В. А. Жучков. — М. : Наука, 1994. — 271 с.
1356. Кашпелер А. Національний рух українців у Росії та Галичині : спроба порівняння / А. Кашпелер // *Україна : культурна спадщина, національна свідомість, державність*. — 1992. — Вип. 1. — С. 104—119.
1357. Каплин А. Д. Из истории русской религиозной мысли XIX в. Славянофильская идея исторического развития России / А. Д. Каплин. — Х. : Каравелла, 2000. — 307 с.
1358. Каплін О. Д. Слов'янофільська ідея історичного розвитку Росії : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора іст. наук : спец. 07. 00. 02 : “Всесвітня історія” / Каплін Олександр Дмитрович. — Х., 2005. — 35 с.
1359. Капраль М. М. Археографічна комісія наукового товариства ім. Шевченка : (Нарис історії діяльності) / М. М. Капраль // *Український археографічний щорічник*. — 1999. — Вип. 3—4. — С. 56—76.
1360. Каримский А. М. Философия истории Гегеля / А. М. Каримский. — М. : Изд-во ун-та, 1988. — 270 с.
1361. Кармазіна М. Ідея державності в українській політичній думці (кінець XIX — початок XX ст.) / М. Кармазіна. — К. : [Б. в.], 1998. — 350 с.
1362. Кеда М. К. Михайло Назарович Петров (1826—1887) та його внесок в історичну науку : дис. ... канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 / Кеда Марина Костянтинівна. — Чернівці, 2005. — 216 с.
1363. Кеда М. Проблеми філософії історії у працях Михайла Петрова / М. Кеда // *Сіверянський літопис*. — 2001. — № 5. — С. 129—133.
1364. Кертман Л. Е. Историографическая ситуация / Л. Е. Кертман // *Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки : межвуз. темат. сб.* — Калинин, 1980. — С. 23—26.
1365. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года / Р. А. Киреева. — М. : Наука, 1983. — 216 с.
1366. Киреева Р. А. А. Л. Иконникова и её записки по историографии / Р. А. Киреева // *История и историки : историогр. ежегодник за 1973 г.* — М., 1975. — С. 189—213.
1367. Киричук О. Ідеологія діячів Ставропільського інституту у Львові в 1848—1869 роках / О. Киричук // *Україна : культурна спадщина, національна*

- свідомість, державність. — 2001. — Вип. 9. — С. 300—319.
1368. Киричук О. Історичні дослідження діячів Ставропільського інституту у Львові (1864—1890 роки) / О. Киричук // Україна : культурна спадщина, національна свідомість, державність. — 2000. — Вип. 7. — С. 141—150.
1369. Кирсанова Е. С. Методологические идеи русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX — начала XX вв. / Е. С. Кирсанова. — М. : МГОУ, 2004. — 118 с.
1370. Кислюк К. В. “Історіософська парадигма” в історичному знанні в Україні XIX — початку XX ст. / К. В. Кислюк // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2004. — № 618 : Філософія. — С. 178—183.
1371. Кислюк К. В. Історіософія в українській культурі : від концепту до концепції / К. В. Кислюк. — Х. : ХДАК, 2008. — 288 с.
1372. Кислюк К. В. Українська історіософія як феномен культурної пам'яті : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора культурології : спец. 26. 00. 04 “Українська культура” / Кислюк Костянтин Володимирович. — Х., 2005. — 38 с.
1373. Кіян О. Володимир Антонович : історик і організатор Київської історичної школи / О. Кіян. — К. : Вид. Ін-ту історії України, 2005. — 492 с.
1374. Кіян О. І. Ідейно-політичні та методологічні позиції Київської історичної школи / О. І. Кіян // Український історичний журнал. — 2006. — № 2. — С. 159—174.
1375. Кіян О. Історіософія Володимира Антоновича / О. Кіян // Філософська думка. — 2006. — № 3. — С. 108—133.
1376. Кіян О. І. Кафедральне “вірую” Володимира Антоновича. З неопублікованої спадщини / О. І. Кіян // Київська старовина. — 1992. — № 3. — С. 63—69.
1377. Климась М. А. Світогляд Івана Франка / М. А. Климась. — К. : Держполітвидав УРСР, 1959. — 349 с.
1378. Климова Т. В. Эволюция социологического позитивизма : На материале русской социологии второй половины XIX — начала XX веков : автореф. дис. на соискание научной степени канд. социол. наук : спец. 22. 00. 01 “Теория, методология и история социологии” / Климова Татьяна Владимировна. — М., 1996. — 20 с.
1379. Клід Б. Народництво Володимира Антоновича / Б. Клід // Четверта академія пам'яті професора Володимира Антоновича. — К., 1999. — С. 38—61.
1380. Ковалёв А. Д. Эволюционная социология М. М. Ковалевского / А. Д. Ковалёв // Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России / редкол. : Ю. В. Гридчин [и др.] ; Ин-т социол. исслед. АН СССР. — М., 1986. — С. 56—86.
1381. Ковальченко И. Д. Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века: (Итоги и задачи изучения) / И. Д. Ковальченко, А. Е. Шикло // Вопросы истории. — 1982. — № 1. — С. 18—35.
1382. Ковальчук О. Вивчення давньої історії України в період романтизму : історіографічні та джерелознавчі питання / О. Ковальчук // Історіографічні дослідження в Україні. — 2007. — Вип. 17. — С. 6—15.
1383. Ковальчук О. Історіософські пошуки П. Куліша : особенності моделювання історії / О. Ковальчук // Київська старовина. — 1999. — № 6. — С. 116—123.
1384. Ковальчук О. Місце і роль романтичної парадигми в історіософії Михайла Грушевського / О. Ковальчук // Михайло Грушевський — науковець і

- політик у контексті сучасності : зб. наук. пр. — К., 2002. — С. 258—260.
1385. Ковальчук О. Особенності трактування “історичного джерела” в епоху романтизму / О. Ковальчук // Південний архів. Історичні науки. — 2007. — Вип. 24. — С. 48—53.
1386. Ковальчук О. Українське історичне джерелознавство доби романтизму / О. Ковальчук. — К., 2011. — 324 с.
1387. Когут З. Є. Розвиток української національної історіографії в Російській імперії / З. Є. Когут // Коріння ідентичності : Студії з ранньомодерної історії України / З. Є. Когут. — К., 2004. — С. 187—217.
1388. Козій І. Філософія позитивізму М. Іванейка в контексті української національної ідеї / І. Козій // Наукові записки. Сер. Філософія / Тернопіл. пед. ун-т імені В. Гнатюка. — 2007. — № 15. — С. 34—39.
1389. Колесник И. И. Историкографическая мысль в России : от Татищева до Карамзина / И. И. Колесник. — Д. : Изд-во ун-та, 1993. — 208 с.
1390. Колесник І. І. Інтелектуальне співтовариство як засіб легітимації культурної історії України XIX століття / І. І. Колесник // Український історичний журнал. — 2008. — № 1. — С. 169—193.
1391. Колесник І. І. Історіографія як тип культури (український інваріант) / І. І. Колесник // Південний архів. Історичні науки. — 1999. — Вип. 2. — С. 8—13.
1392. Колесник І. І. Культурно-інтелектуальна історія як дзеркало “нової наукової революції” / І. І. Колесник // Ейдос : альм. теорії та історії іст. науки. — К., 2005. — Вип. 1. — С. 36—45.
1393. Колесник І. І. Стиль історіографічного мислення як когнітивна свідомість / І. І. Колесник // Ейдос : альм. теорії та історії іст. науки. — К., 2006. — Вип. 2, ч. 1. — С. 41—67.
1394. Колесник І. І. Українська історіографія (XVIII — початок XX століття) / І. І. Колесник. — К. : Генеза, 2000. — 256 с.
1395. Колесник І. І. Українська історіографія в полі інтелектуальної історії : Modern or Postmodern / І. І. Колесник // Ейдос : альм. теорії та історії іст. науки. — К., 2005. — Вип. 1. — С. 227—245.
1396. Колесник І. І. Українська культура та історіографія : історія ментальностей / І. І. Колесник // Український історичний журнал. — 2002. — № 1. — С. 26—37.
1397. Колесников К. М. Українська історіософія : Спроба культурологічного аналізу / К. М. Колесников // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. — Д., 1997. — Вип. 1. — С. 324—332.
1398. Колесников К. М. Українська історична наука та історіософія на рубежі XIX—XX століття : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Колесников Костянтин Михайлович. — Д., 1999. — 18 с.
1399. Колесников К. М. Українська історіософія на рубежі XIX—XX ст.: методологічний та історіографічний аспекти / К. М. Колесников // Грані. — 1999. — № 4 (6). — С. 72—80.
1400. Комаренко Н. В. Установи історичної науки в Українській РСР (1917—1937 гг.) / Н. В. Комаренко. — К. : Наук. думка, 1973. — 171 с.
1401. Кон И. С. О понятии исторического прогресса / И. С. Кон // Проблемы развития в природе и обществе. — М. ; Л., 1958. — С. 154—188.
1402. Кон И. С. Позитивизм в социологии : ист. очерк / И. С. Кон. — Л. : Изд-во ун-та, 1964. — 207 с.
1403. Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мыс-

- ли / И. С. Кон. — М. : Соцэкгиз, 1959. — 403 с.
1404. Кондратик Л. Й. Історія соціології України в іменах / Л. Й. Кондратик. — Луцьк : Вид-во ун-ту, 1996. — 105 с.
1405. Кондратик Л. Й. Проблема періодизації історії української соціологічної думки / Л. Й. Кондратик // Науковий вісник Волинського державного університету. — 2006. — № 3. — С. 132—138.
1406. Кондратик Л. Й. Становлення соціологічних студій у Харківському університеті / Л. Й. Кондратик, Л. Л. Лящук // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2009. — № 844. Сер. : Соціологічні дослідження сучасного суспільства : методологія, теорія, методи. — Вип. 23. — С. 10—13.
1407. Концепции науки в буржуазной философии и социологии. Вторая половина XIX—XX в. : сб. науч. тр. — М. : Наука, 1973. — 351 с.
1408. Копиленко М. Л. Грушевський і марксизм / М. Л. Копиленко, О. Л. Копиленко // Філософська і соціологічна думка. — 1991. — № 12. — С. 151—157.
1409. Копиленко М. Л. Слідами затривалої полеміки : (Що Іван Франко не прийняв у марксизмі і що марксизм не зрозумів у Франка) / М. Л. Копиленко, О. Л. Копиленко // Філософська і соціологічна думка. — 1990. — № 12. — С. 97—107.
1410. Копилов С. А. Проблеми історії слов'янських народів в історичній думці України (остання третина XVII — початок XX ст.) / С. А. Копилов. — Кам'янець-Подільськ : Оіюм, 2005. — 464 с.
1411. Космина В. Історичний факт у цивілізаційному аналізі історії / В. Космина // Історичний журнал. — 2008. — №1. — С. 47—61.
1412. Коцур А. П. Ідея державності в історичній думці та суспільно-політичному житті кінця XVIII — початку XX ст. / А. П. Коцур. — Чернівці : Золоті литаври, 2000. — 424 с.
1413. Коцур А. П. Українські національні історичні школи та вітчизняна історіографія (методологічно-історіософський аспект) / А. П. Коцур // Наукові записки з української історії : зб. ст. — Переяслав-Хмельницький, 1999. — Вип. 9. — С. 68—72.
1414. Кравець М. М. Іван Франко — історик України / М. М. Кравець. — Львів : Вид-во ун-ту, 1971. — 204 с.
1415. Кравченко В. В. Д. И. Багалей : научная и общественно-политическая деятельность / В. В. Кравченко. — Х. : Основа, 1990. — 176 с.
1416. Кравченко В. В. Нариси з історії української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII — середина XIX ст.) / В. В. Кравченко. — Х. : Основа, 1996. — 376 с.
1417. Кравченко В. В. Д. И. Багалей в світлі й тіні своєї “Автобіографії” / В. В. Кравченко // Вибрані праці : у 6 т. / Д. И. Багалей. — Т. 1. — Х., 1999. — С. 9—56.
1418. Красавин В. П. Методологические проблемы социального познания в русской философско-социологической литературе конца XIX века / В. П. Красавин. — Пермь : Кн. изд-во, 1974. — 155 с.
1419. Крип'якевич І. Історично-філософська секція НТШ під керівництвом Михайла Грушевського у 1894—1913 роках / І. Крип'якевич // Записки наукового товариства ім. Шевченка. — 1991. — Т. 222 : Праці історико-філософської секції. — С. 392—411.
1420. Криворот Т. Л. Історіософська концепція М. І. Костомарова / Т. Л. Криворот

- 546 — Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)
// Мультиверсум. — 2003. — Вып. 34. — С. 107—117.
1421. Кроче Б. Теория и история историографии / Б. Кроче. — М. : Школа “Языки русской культуры”, 1998. — 192 с.
1422. Круглашов А. М. Драма інтелектуала : Політичні ідеї Михайла Драгоманова / А. М. Круглашов. — 2-ге вид. — Чернівці : Прут, 2001. — 487 с.
1423. Кукушкина Е. И. Академическая традиция в истории социологии России / Е. И. Кукушкина // Социологические исследования. — 2000. — № 4. — С. 97—108.
1424. Кукушкина Е. И. Русская социология XIX — начала XX века / Е. И. Кукушкина. — М. : Изд-во ун-та, 1993. — 182 с.
1425. Кукушкина Е. И. Русская социология и западная наука (XIX — начало XX в.) / Е. И. Кукушкина // Социологические исследования. — 2006. — № 3. — С. 113—119.
1426. Кукушкина Е. И. Социология и публицистика (К вопросу об истоках отечественной социологии и её предпосылках в трудах учёных Московского университета) / Е. И. Кукушкина // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. — 2005. — № 1. — С. 16—35.
1427. Куликова-Радзивілл О. Формування історіософії В. С. Іконнікова / О. Куликова-Радзивілл // Історичний збірник: Історія, історіографія, джерелознавство (статті, розвідки, замітки, есе). — К., 1996. — С. 138—160.
1428. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. — М. : Прогресс, 1977. — 302 с.
1429. Куций І. П. Рецепція національної історії в українській науково-історичній думці Галичини (1830-і — 1894 г.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Куций Іван Петрович. — Львів, 2004. — 19 с.
1430. Куций І. П. Українська науково-історична думка Галичини (1830-і — 1894 г.) : Рецепція національної історії / І. П. Куций. — Тернопіль : Джура, 2006. — 220 с.
1431. Кучеренко Г. С. Проблемы западноевропейского утопического социализма в творчестве Е. В. Тарле / Г. С. Кучеренко // История социалистических учений : (Вопросы историографии) : сб. ст. — М., 1977. — С. 60—86.
1432. Кушнір І. О. Роль природного добору на початку розвитку людського суспільства у поглядах І. Франка / І. О. Кушнір // Філософія, культура, життя. — Д., 2007. — Вып. 29. — С. 186—191.
1433. Кушнір І. О. Трансформація суспільно-політичних поглядів І. Франка у процесі формування його концепції прогресу та цивілізації / І. О. Кушнір // Філософія, культура, життя. — Д., 2002. — Вып. 19. — С. 159—167.
1434. Ладига О. І. Проблеми методології історії в українській історіографії кінця XIX — початку XX ст. : (Харківська історична школа) / О. І. Ладига // Вісник Луганського державного педагогічного університету. Сер. Історичні науки. Педагогічні науки. — 1999. — № 9. — С. 74—78.
1435. Лазурко Л. Культурно-освітня проблематика на сторінках польського журналу “Kwartalnik historyczny” (до 1914 р.) / Л. Лазурко // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство. — 2006. — Вып. 8. — С. 158—176.
1436. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции / И. Лакатос // Структура и развитие науки : (Из Бостонских исследований по философии науки) / пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М., 1978. — С. 203—269.
1437. Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX — на-

- чала ХХ вв. / П. Ф. Лаптин. — К. : Наук. думка, 1971. — 299 с.
1438. Лаптин П. Ф. Економізм і проблеми держави західноєвропейського середньовіччя в російській ліберально-буржуазній позитивістській історіографії / П. Ф. Лаптин. — Кам'янець-Подільськ : Кам'янець-Поділ. пед. ін-т, 1965. — 55 с.
1439. Лаптин П. Ф. Історичні погляди М. М. Ковалевського / П. Ф. Лаптин // Український історичний журнал. — 1962. — № 1. — С. 91—97.
1440. Лахно О. П. Релігія та церква в житті й творчій спадщині М. Костомарова / О. П. Лахно // Історична пам'ять. — 2002. — № 1—2. — С. 77—81.
1441. Левенець Ю. А. Позитивізм у системі обґрунтувань політичної філософії / Ю. А. Левенець // Політична думка. — 2001. — №1—2. — С. 122—131.
1442. Левенець Ю. А. Теоретико-методологічні засади української суспільно-політичної думки: проблеми становлення та розвитку (друга половина ХІХ — початку ХХ століття) / Ю. А. Левенець. — К. : Стило, 2001. — 584 с.
1443. Легеза С. В. Романтизм і українська історіографія : методологічний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : 07. 00. 06 : “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Легеза Сергій Валерійович. — Д., 1998. — 16 с.
1444. Лекторский В. Позитивизм / В. Лекторский // Философская энциклопедия. — Т. 4. — М., 1967. — С. 287—288.
1445. Леонтьева О. Б. Субъективная школа и проблема кризиса позитивизма в русской науке рубежа ХІХ—ХХ вв. / О. Б. Леонтьева // Историческая наука и методология истории в России ХХ века : К 140-летию академика А. С. Лаппо-Данилевского : Санкт-Петербург. чтения по теории, методологии и философии истории. — СПб., 2003. — С. 261—275.
1446. Леонтьева О. Б. Субъективная школа в русской мысли. Проблемы теории и методологии истории / О. Б. Леонтьева. — Самара : Изд-во ун-та, 2004. — 200 с.
1447. Лиман С. И. Идеи в латах : Запад или Восток? Средневековье в оценках мейеров Украины (1804 — первая половина 1880-х гг.) / С. И. Лиман. — Х. : ХГАК, 2009. — 688 с.
1448. Лиман С. І. Середньовічні цивілізації Західної, Центральної і Південно-Східної Європи: досвід досліджень в українських землях Російської імперії (1804 — перша половина 1880-х гг.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора іст. наук : спец. 07. 00. 02 : “Всесвітня історія” / Лиман Сергій Іванович. — Х., 2010. — 35 с.
1449. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна : пер. с фр. / Ж.-Ф. Лиотар. — СПб. : Алетейя, 1998. — 160 с.
1450. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Б. Г. Соколова. — СПб. : Алетейя, 2001. — 160 с.
1451. Лисенко О. Михайло Драгоманов про історичний прогрес / О. Лисенко // Український історичний журнал. — 1968. — № 11. — С. 73—79.
1452. Лисенко О. М. Ковалевський про соціальний прогрес / О. Лисенко // Прапор. — 1968. — № 5. — С. 69—72.
1453. Лисенко О. Я. Проблеми соціального прогресу в філософській і суспільно-політичній думці України другої половини ХІХ ст. : дис. ... доктора філос. наук / Лисенко Олександр Якимович. — К., 1968. — 520 с.
1454. Лисенко О. Соціологічні погляди Івана Франка / О. Лисенко. — К. : Вид-во

- АН УРСР, 1958. — 156 с.
1455. Лисовина А. П. Категория “исторический факт” в марксистской и буржуазной методологии истории / А. П. Лисовина. — Кишинёв : Штиница, 1981. — 70 с.
1456. Лисяк-Рудницький І. Між історією і політикою: Статті до історії та критики української суспільно-політичної думки / І. Лисяк-Рудницький. — Мюнхен : Сучасність, 1973. — 441 с.
1457. Лисяк-Рудницький І. Историчні есе : в 2 т. / І. Лисяк-Рудницький. — К. : Основи, 1994. — Т. 2. — 573 с.
1458. Лосев А. Ф. Понимание стиля у Гегеля и позитивистов / А. Ф. Лосев // Литературная учеба. — 1988. — № 4. — С. 159—164.
1459. Лукеренко В. Л. Світогляд М. П. Драгоманова / В. Л. Лукеренко. — К. : Наук. думка, 1965. — 127 с.
1460. Луковская Д. И. Политические и правовые учения : Историко-теоретический аспект / Д. И. Луковская. — Л. : Изд-во ун-та, 1985. — 161 с.
1461. Лукичів С. С. Политические и методологические позиции М. М. Ковалевского / С. С. Лукичів // Учёные записки Томского государственного университета. Сер. юридическая. — 1957. — № 33. — С. 195—222.
1462. Магочий П. Українське національне відродження : нова аналітична структура / П. Магочий // Український історичний журнал. — 1991. — № 3. — С. 97—107.
1463. Мазепа В. Історіософські ідеї Івана Франка / В. Мазепа // Київська старовина. — 2000. — № 1. — С. 62—72 ; № 2. — С. 18—32 ; № 3. — С. 38—50.
1464. Мазурок О. С. «...Історію угро-русів, если брати до уваги вимоги сучасної історіографії, досі не написано...» / О. С. Мазурок. — Ужгород : Мистецька лінія, 2009. — 284 с.
1465. Майстренко І. Становлення і розвиток генетичної соціології / І. Майстренко // Соціологія : теорія, методи, маркетинг. — 2002. — № 2. — С. 135—146.
1466. Макарчук С. Московіфільство: витоки та еволюція ідеї (середина XIX — 1914 р.) / С. Макарчук // Вісник Львівського університету. Серія історична. — 1997. — Вип. 32. — С. 82—98.
1467. Максименко І. В. Вопросы методологии истории в научно-педагогической деятельности Е. Н. Щепкина / И. В. Максименко // Записки історичного факультету Одеського університету. — 1997. — Вип. 5. — С. 144—150.
1468. Марценюк І. Концепція всесвітньої історії М. Грушевського і сучасна українська історіографія / І. Марценюк // Вісник Національної академії наук України. — 1996. — №1—2. — С. 82—87.
1469. Маланюк Е. Книга спостережень. Проза. Т. 1 / Е. Маланюк. — Торонто : Гомін України, 1962. — 528 с.
1470. Малинин В. А. Истоки и сущность контристского позитивизма / В. А. Малинин // Критика позитивизма в социологии и естествознании. — М., 1980. — С. 11—32.
1471. Маркин А. В. Концепции политической жизни в русской социологии в конце XIX — начале XX века (М. М. Ковалевский, Б. Н. Чичерин) : дис. ... канд. соц. наук : спец. 22. 00. 01 / Маркин Алексей Вячеславович. — М., 1993. — 123 с.
1472. Марков П. Г. Общественно-политические и исторические взгляды М. А. Максимовича / П. Г. Марков. — К. : Вища шк., 1986. — 247 с.
1473. Маркова А. В. Философия политики А. И. Стронина / А. В. Маркова. — М. ;

- Нижний Новгород : Нижний Новгород, 1995. — 214 с.
1474. Маркова Л. А. Наука: история и историография XIX—XX вв. / Л. А. Маркова. — М. : Наука, 1987. — 264 с.
1475. Марчук М. Провідні філософські напрями ХХ століття. Ч. 1 / М. Марчук, Б. Починок. — Чернівці : Рута, 2008. — 104 с.
1476. Масненко В. В. Історична думка та націотворення в Україні (кінець XIX — перша третина ХХ ст.) / В. В. Масненко. — К. ; Черкаси : Відлуння Плюс, 2001. — 437 с.
1477. Масненко В. В. Історична думка у процесі розвитку національної свідомості українців (кінець XIX — перша половина ХХ ст.) : дис. ... доктора іст. наук : спец. 07. 00. 06 / Масненко Віталій Васильович. — К., 2002. — 487 с.
1478. Масненко В. В. Історичні концепції М. С. Грушевського та В. К. Липинського : Методологічний і суспільно-політичний виміри української історичної думки 1920-х років / В. В. Масненко. — К. : Брама ; Черкаси : ІСУЕП, 2000. — 283 с.
1479. Масненко В. Самоідентифікація українських істориків у контексті становлення національної історичної думки (брати А. В. та М. В. Стороженко, І. А. Линниченко, Д. І. Багалій) / В. Масненко // Київська старовина. — 2002. — № 6. — С. 92—106.
1480. Масненко В. В. Українська історіографія кінця XIX — першої третини ХХ століття: межі національної ідентичності та політичної легітимзації / В. В. Масненко // Історія та історіографія в Європі. — 2004. — Вип. 3. — С. 25—34.
1481. Матвеева Л. В. Бузескул Владислав Петрович — історик свого часу (витоки методу дослідження) / Л. В. Матвеева // Східний світ. — 2004. — № 3. — С. 5—14.
1482. Матяш І. Б. Катерина Грушевська. Життя і діяльність / І. Б. Матяш. — К. : Україна, 2004. — 238 с.
1483. Матяш І. Б. “Зірка першої величини”. Життєпис К. М. Грушевської / І. Б. Матяш. — К. : Ін-т укр. археографії та джерелознавства, 2002. — 232 с.
1484. Мацевко І. Польське слов'янофільство в Галичині на початку ХХ ст. : ідеологія та діяльність / І. Мацевко // Наукові зошити історичного факультету / Львів. нац. ун-т. — 2003. — Вип. 5—6. — С. 150—158.
1485. Медушевский А. Н. История русской социологии / А. Н. Медушевский. — М. : Высш. шк., 1993. — 317 с.
1486. Мельвиль Ю. К. Понятие “хитрость разума” в философии истории Гегеля / Ю. К. Мельвиль // Вестник Московского университета. Сер. философия. — 1971. — № 6. — С. 49—58.
1487. Мельник А. Погляди на історію у філософській думці України кінця XIX — початку ХХ століть / А. Мельник // Українознавство. — 2005. — Ч. 1. — С. 75—79.
1488. Мельник В. И. И. А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма / В. И. Мельник // Русская литература. — 1990. — № 1. — С. 34—45.
1489. Мельник Л. В. Антонович про проблему державності в українській історії (в інтерпретаціях істориків ХХ ст.) / Л. Мельник // Академія пам'яті професора Володимира Антоновича. — К., 1994. — С. 18—32.
1490. Мерніков Г. І. Риси наукової школи в українській історіографії другої половини XIX століття / Г. І. Мерніков // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. — Д., 1997. — Вип. 1. — С. 332—346.
1491. Мерніков Г. І. Школи в українській історичній науці другої половини XIX —

- початку ХХ ст. : проблеми теорії та історіографії : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Мерніков Геннадій Іванович. — Д., 1997. — 17 с.
1492. Микулинский С. Р. М. А. Максимович как естествоиспытатель / С. Р. Микулинский // Труды института истории естествознания АН СССР. — 1953. — Т. 5. — С. 191—210.
1493. Микулинский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли / С. Р. Микулинский. — М. : Наука, 1988. — 384 с.
1494. Миллер А. И. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А. И. Миллер. — СПб. : Алетейя, 2000. — 260 с.
1495. Миронов Б. Н. Историк и социология / Б. Н. Миронов. — Л. : Наука, 1984. — 174 с.
1496. Михайленко С. Народ у вітчизняній історіографії другої половини XIX — початку ХХ століття / С. Михайленко // Київська старовина. — 2008. — № 5. — С. 27—39.
1497. Михайлова Е. Е. Образование и российское общество в проблемном поле позитивизма на рубеже XIX — XX столетий / Е. Е. Михайлова // Образование и общество. — 2004. — Кн. 4. — С. 87—93.
1498. Михайлова Е. Е. Русский позитивизм на рубеже XIX—XX веков: Проблема социокультурного развития / Е. Е. Михайлова. — М. : МГОУ, 2004. — 205 с.
1499. Михайлова Е. Е. Философия истории российского позитивизма : Проблема социокультурного развития / Е. Е. Михайлова. — Тверь : Лилия принт, 2002. — 116 с.
1500. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии : В. Б. Антонович, М. В. Довнар-Запольский и их ученики / С. И. Михальченко. — М. : Прометей ; Брянск : Изд-во пед. ун-та, 1997. — 228 с.
1501. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (середина XIX в. — первая треть XX в.) : дис. ... доктора ист. наук : 07. 00. 09 / Михальченко Сергей Иванович. — М., 1997. — 566 с.
1502. Михальченко С. И. Киевская школа : Очерки об историках / С. И. Михальченко. — Брянск : БГПИ, 1994. — 76 с.
1503. Михальченко С. И. Методология творчества В. Б. Антоновича и его исторические взгляды / С. И. Михальченко // Историческая мысль и история идей : межвуз. сб. науч. тр. — Брянск, 1998. — С. 185—195.
1504. Михальченко С. И. Школа профессора университета св. Владимира В. Б. Антоновича / С. И. Михальченко // Российские университеты в XVIII—XIX веках. — Воронеж, 1998. — Вып. 3. — С. 149—161.
1505. М. М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли : К 145-летию со дня рождения М. М. Ковалевского : сб. ст. — СПб. : Изд-во ун-та, 1996. — 240 с.
1506. Могилко О. Історіософські ідеї М. Грушевського в контексті сучасних проблем національного відродження / О. Могилко // Розбудова держави. — 1996. — № 12. — С. 26—29.
1507. Могильницкий Б. Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX — начала 900-х годов / Б. Г. Могильницкий. — Томск : Изд-во ун-та, 1969. — 409 с.
1508. Могильницкий Б. Г. У истоков социально-экономического направления

- в русской буржуазно-либеральной медиевистике / Б. Г. Могильницкий // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Томск, 1965. — Вып. 3. — С. 178—252. — (Труды Томского государственного университета. Серия историческая ; т. 178).
1509. Мозгова Н. Гегельянські мотиви в українській духовно-академічній філософії XIX століття / Н. Мозгова // Філософські обрії. — 2000. — № 4. — С. 127—138.
1510. Мохнатюк І. О. Историчний процес в інтепретації І. Франка / І. О. Мохнатюк // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. — 2006. — Вип. 12. — С. 175—182.
1511. Мохнатюк І. О. Українська історія в творчій спадщині Івана Франка : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Мохнатюк Ігор Олександрович. — К., 2007. — 16 с.
1512. Мудрий М. Галицьке русофільство в сучасній історіографії : стан і перспективи дослідження / М. Мудрий // Україна : культурна спадщина, національна свідомість, державність. — 2001. — Вип. 9. — С. 254—280.
1513. Музичко О. Є. Внесок Ф. І. Леонтовича у розробку теоретичних проблем історичної науки / О. Є. Музичко // Записки історичного факультету Одеського університету. — 2003. — Вип. 14. — С. 248—261.
1514. Музичко О. Є. Историк Федір Іванович Леонтович (1833—1910): Життя та наукова діяльність / О. Є. Музичко. — Одеса : Астропринт, 2005. — 206 с.
1515. Музичко О. Є. Теоретико-методологічні проблеми історичної науки в інтелектуальній спадщині професора І. А. Линниченка (1857—1926) / О. Є. Музичко // Історіографічні дослідження в Україні. — 2008. — Вип. 19. — С. 74—95.
1516. Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке : Опыт русской исторической школы / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во ун-та, 2000. — 298 с.
1517. Мягков Г. П. “Нестор немецкой историографии” или “камердинер истории”. Историки России в спорах о Л. Ранке / Г. П. Мягков // Диалог со временем : альм. интеллектуальной истории. — М., 2001. — Вып. 6. — С. 40—79.
1518. Мягков Г. П. “Русская историческая школа” : методологические и идейно-политические позиции / Г. П. Мягков. — Казань : Изд-во ун-та, 1988. — 198 с.
1519. Нахлік Є. К. Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель : у 2 т. Т. 2. Світогляд і творчість Пантелеймона Куліша / Є. К. Нахлік. — К. : Укр. письменник, 2007. — 462 с.
1520. Нахлік Є. К. Особенності релігійно-філософського світогляду Пантелеймона Куліша / Є. К. Нахлік // Confraternitas : ювіл. зб. на пошану Ярослава Ісаєвича. — К. ; Львів, 2006—2007. — С. 487—497. — (Україна : культурна спадщина, національна свідомість, державність ; вип. 15).
1521. Нахлік Є. К. Позитивізм у рецепції Пантелеймона Куліша / Є. К. Нахлік // Філософська і соціологічна думка. — 1994. — № 11—12. — С. 121—142.
1522. Нахлік Є. К. Проблема “Україна-Захід” в інтерпретації П. Куліша / Є. К. Нахлік // Сучасність. — 1997. — № 6. — С. 123—130.
1523. Нахлік Є. К. Проблеми української державності і засобів боротьби за національне самоутвердження українського народу в політико-історіософській концепції Пантелеймона Куліша / Є. К. Нахлік // Іван Пулюй. Пантелеймон Куліш : Подвижники нації / ред. В. Шендеровський. — К., 1997. — С. 66—87.
1524. Нахлік Є. К. Християнський субстрат історіософії Пантелеймона Куліша /

- Є. К. Нахлік // Філософська думка. — 1999. — № 5. — С. 102—117.
1525. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский : История жизни и творчества / М. В. Нечкина. — М. : Наука, 1974. — 640 с.
1526. Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. / А. И. Неусыхин. — М. : Изд-во АН СССР, 1956. — 420 с.
1527. Неусыхин А. И. Дмитрий Моисеевич Петрушевский : (Опыт характеристики) / А. И. Неусыхин // Средние века. — 1946. — Вып. 2. — С. 12—28.
1528. Нечухрин А. Н. Основные элементы позитивистской парадигмы истории (на материалах отечественной историографии) / А. Н. Нечухрин // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Томск, 1994. — Вып. 21. — С. 159—184.
1529. Нечухрин А. Н. Проблема соотношения истории и современности в русской либеральной историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) : дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 09 / Нечухрин Александр Николаевич. — Томск, 1979. — 209 с.
1530. Нечухрин А. Н. Смена парадигм в российской историографии всеобщей истории (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) : автореф. дис. на соискание научной степени доктора ист. наук : спец. 07. 00. 03 : “Всемирная история” / Нечухрин Александр Николаевич. — Минск, 1993. — 49 с.
1531. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) / А. Н. Нечухрин. — Гродно : Изд-во ун-та, 2003. — 351 с.
1532. Никитенко М. Ф. Эволюционные взгляды И. Я. Франко и его борьба за дарвинизм на Украине / М. Ф. Никитенко // Вестник зоологии. — 1970. — № 3. — С. 3—13.
1533. Николаенко О. О. “Органічна праця” на українських землях Російської імперії в 30-х — 90-х роках XIX ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 01 “Історія України” / Ніколаєнко Ольга Олександрівна. — Х., 2006. — 21 с.
1534. Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты : Опыт критической характеристики / А. И. Новиков. — Л. : Лениздат, 1972. — 296 с.
1535. Новикова Л. И. Русская философия истории / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. — М. : Магистр, 1997. — 271 с.
1536. Новикова Л. И. Социологическое направление в русской философии истории / Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская // Философские науки. — 1997. — № 2. — С. 73—85.
1537. Новикова С. С. Институционализация академической социологии в России на рубеже XIX — XX в. : дис. ... доктора социол. наук : 22. 00. 01 / Новикова Светлана Сергеевна. — М., 2000. — 409 с.
1538. Новикова С. С. История развития социологии в России : (учеб. пособие) / С. С. Новикова. — М. ; Воронеж : Модэк, 1996. — 288 с.
1539. Новікова О. О. В. К. Піскорський. Біографічний нарис / О. О. Новікова // Вибрані твори та епістолярна спадщина / В. К. Піскорський. — К., 1997. — С. 17—42.
1540. Общественное движение на польских землях : Основные идейные течения и политические партии. 1864—1914 гг. / под ред. А. М. Орехова. — М. : Наука, 1988. — 334 с.
1541. Оглоблин О. Володимир Антонович та його історична школа / О. Оглоблин // 125 років української академічної традиції. 1861—1986. — Нью-Йорк,

1993. — С. 105—122.
1542. Огюст Конт : Взгляд из России. — М. : Изд. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2000. — 368 с.
1543. Одеські історики. Т. 1 (початок ХІХ — середина ХХ ст.) : енцикл. вид. — Одеса : Друкар. дім, 2009. — 479 с.
1544. Ожегова О. А. Становление российской позитивистской социологии : Социально-психологический аспект : дис. ... канд. социол. наук : 22. 00. 01 / Ожегова Ольга Алексеевна. — Саратов, 1998. — 162 с.
1545. Олейник М. М. Д. И. Яворницкий. Жизнь, фольклористически-этнографическая деятельность : автореф. дис. на соискание научной степени канд. канд. филол. наук : спец. 648 “Фольклористика” / Олейник Мария Митрофановна. — К., 1970. — 23 с.
1546. Оляшек Б. Русский позитивизм. Идеи в зеркале литературы / Б. Оляшек. — Лодзь : Изд-во ун-та, 2005. — 308 с.
1547. Онуфрив Р. І. Методологічне значення ленінського принципу історизму для критики позитивизму / Р. І. Онуфрив // Проблеми філософії. — 1976. — Вип. 37. — С. 8—16.
1548. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. — М. : Наука, 1991. — 403 с.
1549. Осипов И. Д. Философия русского либерализма (XIX — начало XX в.) / И. Д. Осипов. — СПб. : Изд-во ун-та, 1996. — 192 с.
1550. Осипова Н. Г. Возникновение и развитие социологии как науки. Предыстория. Периодизация / Н. Г. Осипова // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. — 2002. — № 3. — С. 164—190.
1551. Осіння Н. В. Розвиток філософської спадщини І. Канта в Україні (наукометричний аналіз) / Н. В. Осіння // Філософія, культура, життя : міжвуз. зб. наук. пр. — Д., 1999. — Вип. 4. — С. 127—134.
1552. Острянин Д. Х. Світогляд М. О. Максимовича / Д. Х. Острянин. — К. : Держполітви-дав УРСР, 1960. — 162 с.
1553. Острянин Д. Х. Розвиток матеріалістичної філософії на Україні / Д. Х. Острянин. — К. : Вища шк., 1971. — 326 с.
1554. Павленко Ю. В. Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства / Ю. В. Павленко. — 2-е вид. — К. : Либідь, 2000. — 357 с.
1555. Павленко Ю. В. Методологічні засади теорії цивілізаційного процесу : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філос. наук : спец. 09. 00. 03 “Соціальна філософія та філософія історії” / Павленко Юрій Віталійович. — К., 1996. — 32 с.
1556. Панин В. С. “Первый позитивизм” в России и его оценка русскими мыслителями 60 — нач[ала] 70-х годов XIX века / В. С. Панин // Сборник научных трудов Костромского государственного педагогического института. — 1973. — Вип. 37. — С. 71—91.
1557. Пантин И. К. Критика позитивизма в русской материалистической философии (40 — 80-е годы XIX в.) / И. К. Пантин // Вопросы философии. — 1961. — № 2. — С. 65—76.
1558. Педич В. П. Історична школа М. Грушевського у Львові та народницький напрям в українській історіографії В. Антоновича / В. П. Педич // Четверта академія пам'яті професора Володимира Антоновича. — К., 1999. — С. 72—78.
1559. Педич В. П. Львівська історична школа М. Грушевського (1894—1914 гг.) :

- автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Педич Василь Пилипович. — К., 1996. — 23 с.
1560. Петров В. Методологічно-світоглядові напрями в українській етнографії XIX—XX ст. / В. Петров // *Енциклопедія українознавства* : у 2 т. — Мюнхен ; Нью-Йорк, 1949. — Т. 1, ч. 1. — С. 184—187.
1561. Петров М. Эклeктика / М. Петров // *Философская энциклопедия*. — Т. 5. — М., 1970. — С. 543.
1562. Петряев К. Д. Марксизм в борьбе против буржуазных концепций XIX в. об историческом процессе / К. Д. Петряев. — Одесса : Вища шк., 1975. — 148 с.
1563. Печеранський І. П. Філософсько-релігійні погляди П. Тихомирова / І. П. Печеранський // *Збірник наукових праць / НДІ українознавства*. — 2007. — Т. 17. — С. 479—495.
1564. Пивовар С. Ф. Антигосударственные аспекты украинской ментальности в историко-политическом наследии Н. Костомарова и В. Антоновича / С. Ф. Пивовар // *Проблемы славяноведения* : сб. науч. ст. и материалов. — Брянск, 2000. — Вып. 1. — С. 67—75.
1565. Пивовар С. Ф. До проблеми співвідношення державної та бездержавних форм суспільного розвитку України в історичній концепції В. Б. Антоновича / С. Ф. Пивовар // *Питання історії України*. — Чернівці, 1999. — Т. 3. — С. 341—350.
1566. Пивовар С. Ф. До проблеми української державності у вітчизняній історіографії народницького напрямку / С. Ф. Пивовар // *Вісник Київського національного університету. Сер. Історія*. — 1999. — Вып. 41. — С. 60—63.
1567. Пилипчук О. Я. Внесок Михайла Максимовича в розвиток еволюційного вчення / О. Я. Пилипчук, Т. В. Пічкур // *Вісник Дніпропетровського університету. [Сер.] Історія і філософія науки і техніки*. — 2000. — Вып. 6. — С. 71—75.
1568. Пилипчук О. Я. Михайло Максимович як дослідник природи / О. Я. Пилипчук, Т. В. Пічкур // *Праці Наукового товариства імені Шевченка : Студії з поля історії української науки і техніки*. — 2000. — Т. 6. — С. 99—111.
1569. Пінчук Ю. А. Исторические взгляды Н. И. Костомарова : крит. очерк / Ю. А. Пінчук. — К. : Наука, 1984. — 190 с.
1570. Пінчук Ю. Відображення елементів української національної ідеї в науковій творчості М. І. Костомарова / Ю. А. Пінчук // *Український історичний журнал*. — 2007. — № 2. — С. 78—88.
1571. Пінчук Ю. Історичні студії Миколи Костомарова як фактор формування самоусвідомлення української нації / Ю. Пінчук. — К. : Вид. Ін-ту історії України, 2009. — 306 с.
1572. Пінчук Ю. Микола Костомаров і Володимир Антонович: єдність ідей та відмінність методології / Ю. Пінчук, О. Кіян // *Історичний журнал*. — 2006. — № 1. — С. 43—51.
1573. Пінчук Ю. Розгляд монографії М. Костомарова “Гетьманство Юрія Хмельницького” / Ю. Пінчук // *Історичний журнал*. — 2008. — № 2. — С. 53—62.
1574. Піча В. М. З історії української соціологічної думки / В. М. Піча, Н. Й. Черниш, Л. Й. Кондратик. — Львів : [Б. в.], 1995. — 64 с.
1575. Пічкур Т. В. Развитие эволюционной теории в Украине (двух половина XIX — первая четверть XX ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 07 “Історія науки і техніки” / Пічкур Тетяна Валеріївна. —

- К., 2002. — 20 с.
1576. Погодин С. Н. Иван Васильевич Лучицкий (1845—1918) / С. Н. Погодин // Новая и новейшая история. — 2000. — № 6. — С. 174—192.
1577. Погодин С. Н. “Русская школа” историков : Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский / С. Н. Погодин. — СПб. : СПб. гос. техн. ун-т, 1997. — 381 с.
1578. Покровский В. С. Социально-политические и правовые взгляды М. М. Ковалевского / В. С. Покровский // Советское государство и право. — 1957. — № 4. — С. 90—101.
1579. Поперечна Г. А. Філософська антропологія та історіософія Пантелеймона Куліша : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. 09. 00. 05 “Історія філософії” / Поперечна Галина Антонівна. — К., 1998. — 17 с.
1580. Попов А. С. В. О. Ключевский и его “школа” : синтез истории и социологии / А. С. Попов. — М. : Сигнал, 2001. — 240 с.
1581. Попов А. С. Социологическая методология отечественной истории : историо-гр. Очерки / А. С. Попов. — Пенза : Пенз. гос. пед. ун-т, 1999. — 76 с.
1582. Попов С. Существуют ли “специфические исторические законы”? / С. Попов // Научные доклады высшей школы. Философские науки. — 1971. — № 6. — С. 147—152.
1583. Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах : из истории Новороссийского университета / Т. Н. Попова. — Одесса : Астропринт, 2007. — 536 с.
1584. Попова Т. Историография в Новороссийском университете : К истории формирования научного сообщества историков исторической науки / Т. Попова // Проблемы славяноведения. — 2001. — Вып. 3. — С. 95—106.
1585. Попова Т. Историографическая наука : проблемы самоназвания / Т. Попова // Харківський історіографічний збірник. — 2000. — Вип. 4. — С. 20—33.
1586. Попова Т. Н. Историографический процесс в региональном измерении : из истории Новороссийского университета / Т. Н. Попова // Библиотечное дело и краеведение : сб. науч. тр. — К. ; Симферополь, 2002. — Вып. 3. — С. 63—80.
1587. Попова Т. Историософия как теория истории / Т. Попова // Записки історичного факультету Одеського університету. — 1997. — Вип. 4. — С. 115—126.
1588. Попова Т. Лики историографии: имена и смысл / Т. Попова // Історіографічні дослідження в Україні. — 2000. — Вип. 10, ч. 5 : Спеціальні історичні дисципліни : Питання теорії та методики. — Ч. 2 : Історіографія. — С. 415—434.
1589. Попова Т. О понятии “историографический процесс” / Т. Попова // Харківський історіографічний збірник. — 1995. — Вип. 1. — С. 45—59.
1590. Попова Т. Н. Региональная историография : проблемы методологии / Т. Н. Попова // Библиотечное дело и краеведение : сб. науч. тр. — К. ; Симферополь, 2000. — С. 143—161.
1591. Попова Т. Н. Становление историографии как специальной исторической дисциплины: Некоторые аспекты проблемы / Т. Н. Попова // Российские университеты в XIX — начале XX века. — Воронеж, 1996. — Вып. 2. — С. 44—55.
1592. Попович М. Нарис історії культури України / М. Ф. Попович. — 2-ге вид. — К. : АртЕк, 2001. — 725 с.
1593. Портнов А. До питання національної приналежності та самосвідомості історичних діячів української минувшини / А. Портнов // Сучасність. —

1999. — № 2. — С. 81—85.
1594. Посохов С. І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX — початку XX століття в публіцистиці та історіографії / С. І. Посохов. — Х. : Вид-во ун-ту, 2006. — 368 с.
1595. Потульницький В. Академік М. Грушевський як соціолог / В. Потульницький // Вісник Київського університету. Сер. Історико-філологічні науки. — 1991. — Вип. 1. — С. 4—13.
1596. Потульницький В. А. Діалектика ірраціонального й раціонального в російській і польській історичній науці другої половини XIX століття — початку XX століття : порівняльний аналіз / В. А. Потульницький // Український археографічний щорічник. — 2002. — Вип. 7. — С. 259—278.
1597. Потульницький В. А. Інтеграція національної історії у світову в німецькій історіософії у першій половині XIX століття / В. А. Потульницький // Український археографічний щорічник. — 2004. — Вип. 8 / 9. — С. 366—380.
1598. Потульницький В. А. Концепції державності в українській зарубіжній історико-політологічній науці (1918—1939) : дис. ... доктора іст. наук : 07. 00. 02 ; 07. 00. 03 / Потульницький Володимир Арнольдович. — К., 1992. — 483 с.
1599. Потульницький В. А. Нариси з української політології (1819—1991): навч. посібник для студентів вищих навч. закладів / В. А. Потульницький. — К. : Либідь, 1994. — 319 с.
1600. Потульницький В. А. Основні етапи розвитку української історичної думки в європейському контексті / В. А. Потульницький // Схід-Захід. — 1999. — Вип. 2. — С. 13—61.
1601. Потульницький В. А. Політична доктрина В. Липинського / В. А. Потульницький // Український історичний журнал. — К., 1992. — №9. — С. 37—45.
1602. Потульницький В. А. Проблема регіоналізму в українській політичній та історичній думці другої половини XIX — першої половини XX століття (на прикладі образу Галичини) / В. А. Потульницький // Вісник Львівського університету. Серія історична. — 2000. — Вип. 35—36. — С. 150—167.
1603. Потульницький В. А. Схеми і періодизації історії України в українській історіографії 19—20 ст. : проблеми теорії та методології / В. А. Потульницький // Спеціальні історичні дисципліни : Питання теорії та методики. — 2000. — Вип. 10, чис. 5 : Історіографічні дослідження в Україні. — Ч. 2 : Історіографія. — С. 434—460.
1604. Потульницький В. А. Україна і всесвітня історія : Історіософія світової та української культури XVII—XX століть / В. А. Потульницький. — К. : Либідь, 2002. — 480 с.
1605. Потульницький В. А. Українська та світова історична наука : Рефлексії на межі століть / В. А. Потульницький // Український історичний журнал. — 2000. — № 1. — С. 3—20 ; № 2. — С. 27—47 ; № 3. — С. 22—44 ; № 4. — С. 20—37.
1606. Потушняк Ф. Короткий нарис філософії Подкарпаття / Ф. Потушняк // Літературна неділя. — Унгвар, 1943. — Р. III. — С. 17—20, 32—34, 43—47, 54—56, 68—70.
1607. Похила Л. С. Історичні погляди П. Куліша : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 01 “Історія України” / Похила Лариса Степанівна. — Одеса, 1998. — 17 с.
1608. Прицак О. Михайло Грушевський як історіософ / О. Прицак // Вісник АН

- України. — 1992. — № 2. — С. 51—54.
1609. Прицак О. Володимир Антонович як історіософ / О. Прицак // Третя академія пам'яті професора Володимира Антоновича. — К., 1996. — Ч. 1. — С. 9—16.
1610. Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарёв. — М. : Наука, 1975. — 281 с.
1611. Рагозин Н. П. Проблемы власти в русском либерализме последней трети XIX — начала XX века (альтернативы в рамках позитивизма) / Н. П. Рагозин // Политический процесс и политическое сознание. — М., 1986. — С. 79—118.
1612. Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Т. 2 / Б. Е. Райков. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. — 588 с.
1613. Ракитов А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. — М. : Политиздат, 1982. — 303 с.
1614. Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века / С. П. Рамазанов. — Волгоград : Изд-во ун-та, 1999—2000. — Ч. 1—2. Ч. 1. — 1999. — 144 с. Ч. 2. — 2000. — 164 с.
1615. Рамазанов С. П. Методологический кризис в российской историографии начала XX века: Сущность и основные этапы : дис. ... доктора ист. наук : 07. 00. 09 / Рамазанов Сергей Павлович. — Томск, 1995. — 457 с.
1616. Расулов Т. А. Критика В. И. Лениным позитивистской социологии в 90-е годы XIX века / Т. А. Расулов. — Баку : Изд-во АН Азербайджан. ССР, 1960. — 175 с.
1617. Репина Л. “Вызов” и “ответ” : Перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия / Л. Репина // Ейдос : альм. теорії та історії іст. науки. — 2008. — Вип. 3, ч. 1. — С. 11—25.
1618. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. — М. : Дрофа, 2004. — 288 с.
1619. Ржеуцький В. В. Іван Крип'якевич як дослідник української історичної науки / В. В. Ржеуцький // Південний архів. Історичні науки. — 1999. — Вип. 2. — С. 74—80.
1620. Родионов А. В. К вопросу о методологической дискуссии 90-х годов XIX века в германской историографии / А. В. Родионов // Историографический сборник : межвуз. науч. сб. — Саратов, 1981. — Вип. 6 (9) : Методологические проблемы исторической науки. — С. 39—54.
1621. Романенчук Б. До проблеми світогляду Івана Франка / Б. Романенчук // Записки Наукового товариства імені Т. Г. Шевченка. — 1968. — Т. 184. — С. 31—52.
1622. Руда О. В. Дослідження історії України в польській історіографії кінця XIX — початку XX століття : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 : “Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Руда Оксана Василівна. — Львів, 2005. — 17 с.
1623. Руда О. В. Дослідження історії України в польській історіографії кінця XIX — початку XX століття : дис. ... канд. іст. наук : 07. 00. 06 / Руда Оксана Василівна. — Львів, 2005. — 238 с.
1624. Руда О. Українська тема на сторінках львівського часопису “Kwartalnik historyczny” (“Історичний кварталник”) в 1887—1914 гг. / О. Руда // Міжнародні зв'язки України : наукові пошуки і знахідки. — 2004. — Вип. 13. — С. 308—321.
1625. Руда О. Український національний рух середини XIX ст. в оцінці польських

- істориків Львова зламу XIX — XX ст. / О. Руда // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / red. J. Maternicki, L. Zaskilniak. — Rzeszów, 2005. — Т. 3. — С. 257—269.
1626. Русанова О. Ф. Философия и методология истории в XX в. : Школы, проблемы, идеи / О. Ф. Русанова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. отд. РАН, 2000. — 354 с.
1627. Русский позитивизм : Лесевич, Юшкевич, Богданов. — СПб. : Наука, 1995. — 362 с.
1628. Савченко А. И. Кант и позитивизм : (Проблема предмета философии) : автореф. дис. на соискание научной степени канд. филос. наук : спец. 09. 00. 03 "История философии" / Савченко Анатолий Иванович. — К., 1986. — 16 с.
1629. Савчук Г. Діалектика всесвітньої і національної історії в історіософському баченні Мирона Кордуби / Г. Савчук // Наукові зошити історичного факультету / Львів. нац. ун-т. — 2003. — Вип. 5—6. — С. 395—402.
1630. Савчук Л. Філософія позитивізму в структурі творчого методу Івана Франка / Л. Савчук // Українське літературознавство. — 2006. — Вип. 68 : Іван Франко : статті і матеріали. — С. 27—32.
1631. Самойленко О. Г. Методологія історії та історіографія у науковій спадщині вчених Ніжинської вищої школи (друга пол. XIX — поч. XX ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 02 "Всесвітня історія" ; 07. 00. 06 "Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни" / Самойленко Олександр Григорович. — К., 2000. — 20 с.
1632. Самсонова Н. Г. Критика плюралистических концепций позитивизма в России конца XIX — начала XX веков : автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филос. наук : спец. 09. 00. 03 "История философии" / Самсонова Наталья Георгиевна. — М., 1985. — 23 с.
1633. Сарбей В. "Українське відродження" та "українське XIX століття" як концептуальні історіографічні поняття кінця XVIII — початку XX ст. / В. Сарбей // Осягнення історії : зб. пр. на пошану М. П. Ковальського. — Острог ; Нью-Йорк, 1999. — С. 443—451.
1634. Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог / Б. Г. Сафронов. — М. : Изд-во ун-та, 1960. — 262 с.
1635. Сафронов Б. Г. Некоторые характерные идеи позитивистской социологии и их источники / Б. Г. Сафронов // Научные доклады высшей школы. Философские науки. — 1974. — № 4. — С. 65—73.
1636. Сафронов Б. Г. Русские историки-позитивисты о социальной революции / Б. Г. Сафронов // Проблемы теории социальной революции : сб. ст. / под ред. М. Я. Ковальсона. — М., 1976. — С. 107—118.
1637. Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX вв. / М. Б. Свердлов. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. — 330 с.
1638. Світленко С. І. Діячі польського походження в українському національному русі пореформеної доби : українські хлопомани К. П. Михальчук, Б. С. Познанський, Т. Р. Рильський / С. І. Світленко // Наукові записки національного університету "Острозька академія". Історичні науки. — 2003. — Вип. 3. — С. 52—59.
1639. Серeda О. Національна свідомість і політична програма раних народовців у Східній Галичині (1861—1867) / О. Серeda // Вісник Львівського університету.

- Серія історична. — 1999. — Вип. 34. — С. 199—214.
1640. Серета О. Співробітництво Івана Франка з “Товариством історичним” у Львові / О. Серета // Українське літературознавство. — 1992. — Вип. 56. — С. 137—145.
1641. Сидиенко Т. И. Либерально-историческая мысль в России на рубеже XIX—XX веков / Т. И. Сидиенко. — СПб. : Нестор, 2004. — 321 с.
1642. Сидоренко О. Розвиток медієвістики в Університеті св. Володимира кінця 40-х — 60 гг. XIX ст. у зв’язку з становленням позитивістської методології / О. Сидоренко // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Сер.: Історичні науки. — 2002. — Вип. 15. — С. 44—47.
1643. Симонова Е. В. Социологическая концепция А. И. Стронина : автореф. дис. на соискание научной степени канд. социол. наук : спец. 22. 00. 01 “Теория, методология и история социологии” / Симонова Елена Валерьевна. — СПб., 2006. — 22 с.
1644. Синицын О. В. О возникновении неокантианского течения в русской буржуазной историографии / О. В. Синицын // Изучение и преподавание историографии в высшей школе : межвуз. темат. сб. науч. тр. — Калининград, 1991. — С. 67—72.
1645. Синицын О. В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX — начале XX вв. / О. В. Синицын. — Казань : Унипресс, 1998. — 162 с.
1646. Ситник О. Роля Володимира Антоновича у формуванні Михайла Грушевського як історика / О. Ситник // Український історик. — 1991—1992. — № 3—4 [1991], 1—4 [1992]. — С. 169—177.
1647. Сініцина А. В. Історико-філософські ідеї українського романтизму (П. Куліш, М. Костомаров) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. 09. 00. 05 “Історія філософії” / Сініцина Алла Василівна. — Львів, 2001. — 19 с.
1648. Сініцина А. В. Історико-філософські ідеї українського романтизму (Пантелеймон Куліш, Микола Костомаров) / А. В. Сініцина. — Львів : НАН України, Львів. нац. бібліотека ім. В. Стефаника, 2002. — 159 с.
1649. Сініцина А. В. Україноцентризм філософського мислення П. Куліша / А. В. Сініцина // Вісник Прикарпатського університету. Філософські і психологічні науки. — 2000. — Вип. 1. — С. 48—56.
1650. Сініцина А. В. Формування та еволюція світогляду Пантелеймона Куліша (кінець 40-х — поч. 60-х рр.) / А. В. Сініцина // Обрії. — 1998. — № 1. — С. 53—57.
1651. Сінкевич Є. Г. Історична наука в II Речі Посполитій — основні риси та взаємовпливи з провідними європейськими науковими течіями / Є. Г. Сінкевич // Південний архів. Історичні науки. — 2002. — Вип. 8. — С. 30—42.
1652. Сінкевич Є. Історичні школи в польській історіографії другої половини XIX ст. (методологічні зауваження) / Є. Сінкевич // Збірник навчально-методичних матеріалів і наукових статей історичного факультету / Волин. держ. ун-т ім. Лесі Українки. — 2007. — Вип. 13. — С. 33—36.
1653. Сінкевич Є. Г. Краківська історична школа в польській історіографії / Є. Г. Сінкевич. — 2-е вид., уточн. і доп. — Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. — 360 с.
1654. Сірополко С. Історія освіти в Україні / С. Сірополко. — К. : Наук. думка,

2001. — 912 с.
1655. Скакун О. Ф. Политическая и правовая мысль на Украине (1861—1917) / О. Ф. Скакун. — Х. : Изд-во ун-та, 1987. — 159 с.
1656. Скакун О. Ф. Политические и правовые взгляды Д. И. Багалая / О. Ф. Скакун // Проблемы правоведения. — 1984. — Вып. 45. — С. 31—39.
1657. Скакун О. Ф. Федерализм Михайла Драгоманова / О. Ф. Скакун // Вісник АН УРСР. — 1991. — № 9. — С. 74—91.
1658. Склярченко О. Т. Общественно-политические и философские взгляды И. Я. Франко / О. Т. Склярченко // Научные записки Днепрпетровского университета. — Д., 1951. — Т. 40, вып. 1. — С. 139—150.
1659. Скринник М. А. Творча спадщина І. Франка : Малодосліджені філософські питання / М. А. Скринник // Філософська і соціологічна думка. — 1990. — № 12. — С. 108—117.
1660. Скромное обаяние позитивизма (позитивизм и его альтернативы современной философии) : материалы конф., 15—16 дек. 1995 г. — СПб., 1996. — 69 с.
1661. Славяноведение в дореволюционной России : биобиблиогр. словарь. — М. : Наука, 1979. — 427 с.
1662. Слонимский А. Г. Участие российских учёных в международных конгрессах историков / А. Г. Слонимский // Вопросы истории. — 1970. — № 7. — С. 95—108.
1663. Смирнов И. П. От марксизма к идеализму : М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев / И. П. Смирнов. — М. : Рус. книгоизд. т-во, 1995. — 286 с.
1664. Смоленский Н. И. Леопольд фон Ранке. Методология и методика исторического исследования / Н. И. Смоленский // Методологические и историографические вопросы исторической науки. — 1966. — Вып. 4. — С. 270—311.
1665. Смоленчук А. Ф. Белорусская историография второй половины XIX — начала XX века и становление национальной идеологии / А. Ф. Смоленчук // Славяноведение. — 1999. — № 5. — С. 60—67.
1666. Соколова А. М. Научная и педагогическая деятельность Д. М. Петрушевского / А. М. Соколова // Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XIII—XVII вв. / под ред. В. Ф. Семенова. — М., 1960. — С. 96—130.
1667. Сокурченко В. Г. Демократические учения о государстве и праве на Украине во второй половине века (М. Драгоманов, С. Подолинский, О. Терлецкий) / В. Г. Сокурченко. — Львов : Изд-во ун-та, 1966. — 265 с.
1668. Сосновська М. С. Філософсько-світоглядні засади творчості В. Антоновича : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук : спец. 09. 00. 05 “Історія філософії” / Сосновська Мирослава Станіславівна. — К., 2001. — 17 с.
1669. Сохань П. С. М. С. Грушевський і academia : Ідея, змагання, діяльність / П. С. Сохань, В. І. Ульяновський, С. М. Кіржаєв. — К. : Вид. Ін-ту укр. археографії, 1993. — 320 с.
1670. Социологическая мысль в России : Очерки по истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века. — Л. : Наука, 1978. — 416 с.
1671. Социология : Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов и др. — Мн. : Книжный дом, 2003. — 1312 с.
1672. Соціально-філософські ідеї Михайла Драгоманова : зб. наук. пр. — К. : Наук. думка, 1995. — 118 с.
1673. Стельмах С. П. Відродження історизму? : Теоретичні проблеми історичної науки XIX ст. в сучасній зарубіжній історіографії / С. П. Стельмах // Історія

- та історіографія в Європі. — 2004. — Вип. 3. — С. 116—136.
1674. Стельмах С. П. Вчені Київського університету в німецьких університетах (XIX — початок XX ст.) / С. П. Стельмах // Етнічна історія народів Європи. — 2004. — Вип. 16 : Німці в етнокультурному просторі України. — С. 148—152.
1675. Стельмах С. П. Історична думка в Україні XIX — початку XX ст. / С. П. Стельмах. — К. : Академія, 1997. — 176 с.
1676. Стельмах С. П. Історична думка і методологія історії в Україні (XIX — початок XX ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора іст. наук : спец. 07. 00. 06 “історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Стельмах Сергій Петрович. — К., 2005. — 33 с.
1677. Стельмах С. П. Історична наука в Україні епохи класичного історизму XIX — початок XX століття / С. П. Стельмах. — К. : Київ. ун-т, 2005. — 378 с.
1678. Стельмах С. П. Парадигми історичної думки у XX столітті / С. П. Стельмах // Політична думка. — 1997. — № 4. — С. 153—169.
1679. Стельмах С. П. Професорська корпорація Київського університету в XIX — на початку XX століття / С. П. Стельмах // Вісник Київського національного університету. Сер. Історія. — 2000. — Вип. 46. — С. 5—10.
1680. Стельмах С. П. Соціальна історія в Україні : витоки і традиції світоглядно-інтерпретаційної парадигми (XIX — початок XX ст.) / С. П. Стельмах // Історія та історіографія в Європі. — 2003. — Вип. 1—2. — С. 81—93.
1681. Стельмах С. П. Становлення історичної науки в Україні у першій половині XIX століття / С. П. Стельмах // Наукові записки Києво-Могилянської академії. Історичні науки. — 2001. — Т. 19. — С. 53—58.
1682. Стельмах С. П. Теоретичні новації у вітчизняній історіографії другої половини XIX століття / С. П. Стельмах // Наукові записки Києво-Могилянської академії. Історичні науки. — 2000. — Т. 18. — С. 63—69.
1683. Стельмах С. П. Участь істориків України в міжнародній методологічній дискусії наприкінці XIX — на початку XX століття / С. П. Стельмах // Український історичний збірник — 2000. — К., 2000. — С. 203—219.
1684. Степовий Т. Буржуазні соціологічні школи / Т. Степовий // Червоний шлях. — 1926. — № 5—6. — С. 137—155 ; № 7—8. — С. 105—126 ; № 9. — С. 125—145 ; № 10. — С. 122—145 ; 1927. — № 1. — С. 218—243.
1685. Стогній І. Філософські та естетичні погляди Михайла Максимовича / І. Стогній, В. Куд // “Я син свого народу” : Наукова спадщина Михайла Максимовича: (До 200-річчя з дня народження вченого). — К., 2005. — С. 323—330.
1686. Стрельский В. И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР / В. И. Стрельский. — К. : Изд-во ун-та, 1961. — 133 с.
1687. Струченков О. В. Наука як об’єкт дискурсу в позитивістській соціології середини XIX століття / О. В. Струченков // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2010. — № 889. Сер. : Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. — Вип. 25. — С. 23—26.
1688. Сэв Л. Современная французская философия: ист. очерк от 1789 г. до наших дней : пер. с фр. / Л. Сэв. — М. : Прогресс, 1968. — 391 с.
1689. Таран Л. В. В. С. Иконников. Исторические взгляды / Л. В. Таран // Південний архів. Історичні науки. — 2003. — Вип. 13. — С. 5—10.
1690. Таран Л. В. Историческая мысль Франции и России. 70-е годы XIX — 40-е

- годы XX вв. / Л. В. Таран. — К. : Наук. думка, 1994. — 200 с.
1691. Таран Л. В. Французька, російська і українська історіографія (70-ті рр. XIX — поч. XXI ст.) / Л. В. Таран. — Ніжин : Вид-во держ. ун-ту ім. М. Гоголя, 2009. — 248 с.
1692. Тельвак В. В. Михайло Грушевський у Київському університеті : (До проблеми формування теоретико-методологічних поглядів) / В. В. Тельвак // Український історик. — 2002. — № 1—4. — С. 186—208.
1693. Тельвак В. В. Михайло Грушевський як дослідник української історіографії / В. В. Тельвак, В. П. Тельвак. — К. ; Дрогобич, 2005. — 334 с.
1694. Тельвак В. Методологічні основи історичних поглядів М. С. Грушевського / В. Тельвак // Київська старовина. — 2002. — № 2. — С. 3—28.
1695. Тельвак В. Національний міф в рецепції Михайла Грушевського / В. Тельвак // Київська старовина. — 2010. — № 5. — С. 126—139.
1696. Тельвак В. Суб'єкт історичного процесу в історіософії Михайла Грушевського / В. Тельвак // Михайло Грушевський — науковець і політик у контексті сучасності. — К., 2002. — С. 59—73.
1697. Тельвак В. В. Теоретико-методологічна проблематика на сторінках “Kwartalnika historycznego” / В. В. Тельвак // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / red. J. Maternicki, L. Zaszkiłniak. — Lwów ; Rzeszów, 2004. — Т. 2. — С. 85—106.
1698. Тельвак В. В. Теоретико-методологічні підстави історичних поглядів М. С. Грушевського (кінець XIX — початок XX століття) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 : “історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Тельвак Віталій Васильович. — Львів, 2001. — 19 с.
1699. Тельвак В. В. Теоретико-методологічні підстави історичних поглядів Михайла Грушевського (кінець XIX — початок XX століття) / В. В. Тельвак. — Нью-Йорк ; Дрогобич : Вимір, 2002. — 235 с.
1700. Тельвак В. Теоретична спадщина Михайла Грушевського у східноєвропейській історіографії першої половини XX століття / В. Тельвак // Дрогобицький краєзнавчий збірник. — 2002. — Вип. 6. — С. 384—394.
1701. Тельвак В. Теоретичні проблеми історії у творчій спадщині М. С. Грушевського-рецензента / В. Тельвак // Київська старовина. — 2001. — № 5. — С. 157—165.
1702. Тельвак В. Українська історична наука на сторінках часопису „Kwartalnik historyczny” (до 1914 р.) / В. Тельвак // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / red. J. Maternicki, L. Zaszkiłniak. — Lwów ; Rzeszów, 2005. — Т. 3. — С. 245—256.
1703. Тельвак В. Хмельниччина в історіософії Михайла Грушевського / В. Тельвак // Дрогобицький краєзнавчий збірник. — 1998. — Вип. 3. — С. 50—62.
1704. Тельвак В. Християнство в філософії Михайла Грушевського / В. Тельвак // Дрогобицький краєзнавчий збірник. — 2000. — Вип. 4. — С. 212—222.
1705. Тельвак В. П. Михайло Грушевський — дослідник української історіографії : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук : спец. 07. 00. 06 : “історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни” / Тельвак Вікторія Петрівна. — К., 2004. — 19 с.
1706. Тимошенко В. І. Розвиток теорії держави в політико-правовій думці України і Росії (кінець XIX — початок XX ст.) / В. І. Тимошенко. — К. : Ін-т держави і

- права ім. В. М. Корецького, 2004. — 358 с.
1707. Тишинська Е. Погодін і Зубрицький / Е. Тишинська // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. — 1912. — Т. 110, кн. 4. — С. 101—122.
1708. Ткачук М. Л. Київська академічна філософія XIX — початку XX століття : Методологічні проблеми дослідження / М. Л. Ткачук. — К. : «ВПОЛ», 2000. — 248 с.
1709. Толочко О. П. Дві не зовсім академічні дискусії (І. А. Линниченко, Д. І. Багалій, М. С. Грушевський) / О. П. Толочко // Український археографічний щорічник. — 1993. — Вип. 2. — С. 92—103.
1710. Тольятти П. Развитие и кризис итальянской мысли в XIX веке / П. Тольятти // Вопросы философии. — 1955. — № 5. — С. 57—70.
1711. Уайт Х. Мегаястория : Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт ; пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитоновой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 528 с.
1712. Уваров А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке / А. И. Уваров. — Калинин : Изд-во ун-та, 1973. — 220 с.
1713. Удод О. А. Дисциплінарна структура української історичної науки: академічний та дидактичний виміри / О. А. Удод // Микола Павлович Ковальський. Ad gloriam... Ad honores... Ad memorandum... / за ред. Г. К. Швидько. — Д., 2007. — С. 129—142.
1714. Ульяновський В. І. Знаній і незнаний Володимир Іконніков / В. І. Ульяновський // Історичні портрети / В. С. Іконніков. — К., 2004. — С. 6—82.
1715. Ульяновський В. І. Релігія і церква в житті і творчості Д.І.Яворницького / В. І. Ульяновський // Мара Mundi : зб. наук. праць на пошану Я. Дашкевича з нагоди його 70-річчя. — Львів ; К. ; Нью-Йорк, 1996. — С. 757—781.
1716. Ульяновський В. І. Син України (Володимир Антонович: громадянин, учений, людина) / В. І. Ульяновський // Моя сповідь : вибр. іст. та публіцист. твори / В. Б. Антонович. — К., 1995. — С. 5—76.
1717. Унпелев А. Г. Историографические очерки к проблемам методологии исторической науки / А. Г. Унпелев, Г. А. Унпелев. — Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1983. — 138 с.
1718. Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX в.) / Н. Ф. Уткина. — М. : Наука, 1975. — 350 с.
1719. Федорів І. Концентральні основи історії України в творчості Мирона Кордуби / І. Федорів // Наукові зошити історичного факультету / Львів. нац. ун-т. — 2003. — Вип. 5—6. — С. 403—407.
1720. Фёдоров М. Г. Русская прогрессивная мысль XIX в. : от географического детерминизма к историческому материализму / М. Г. Фёдоров. — Новосибирск : Наука, 1972. — 162 с.
1721. Федосеев П. История и социология / П. Федосеев, Ю. Францев // Коммунист. — 1964. — № 2. — С. 61—74.
1722. Федюк В. Ю. Историко-філософський аналіз категорії “народ” (у контексті історіософських поглядів М. Костомарова) / В. Ю. Федюк // Філософія, культура, життя : міжвуз. зб. наук. пр. — Д., 2007. — Вип. 29. — С. 192—201.
1723. Федюк В. Ю. М. І. Костомаров про роль особистості в історії / В. Ю. Федюк // Філософія, культура, життя : міжвуз. зб. наук. пр. — Д., 2005. — Вип. 25. — С. 150—157.

- 564 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*
1724. Ферков О. В. Історія Закарпаття у крайовій угорськокомуні історіографії (XIX — початку XX ст.) : дис. ... канд. іст. наук : 07. 00. 06 / Ферков Оксана Василівна. — Ужгород, 2004. — 205 с.
1725. Философская культура Украины и отечественная общественная мысль XIX—XX вв. / [Н. И. Лук, В. Д. Белодед, И. Г. Герасимьяк и др. ; отв. ред. Н. И. Лук] ; АН УССР, Ин-т философии. — К. : Наук. думка, 1990. — 265 с.
1726. Філософська думка в Україні : біобібліогр. словник. — К. : Пульсарі, 2002. — 244 с.
1727. Фрадкін В. З. Життя на користь Україні / В. З. Фрадкін // Микола Федорович Сумцов (1854—1922) : біобібліогр. покажч. / [уклад. Н. І. Полянська, В. О. Савчук, В. З. Фрадкін, В. О. Ярошик]. — К., 1999. — С. 7—19.
1728. Ханина А. З. Некоторые вопросы теории в творчестве В. К. Пискорского / А. З. Ханина // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. — Казань, 1973. — Вып. 2. — С. 130—151.
1729. Ханина А. З. Некоторые вопросы теории истории в творчестве В. К. Пискорского : (Роль народных масс и личности в истории) / А. З. Ханина // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. — Казань, 1974. — Вып. 3. — С. 52—70.
1730. Ханина А. З. Идеино-теоретические позиции В. К. Пискорского в начале XX столетия / А. З. Ханина // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. — Казань, 1972. — Вып. 1. — С. 114—133.
1731. Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев [та ін.]. — Х. : Фоліо, 2004. — 750 с.
1732. Хмылёв Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX вв. / Л. Н. Хмылёв. — Томск : Изд-во ун-та, 1978. — 172 с.
1733. Хорошева А. В. Позитивизм как составная часть теории Н. Я. Данилевского / А. В. Хорошева // Вестник Московского университета. Сер. История. — 2005. — № 2. — С. 70—96.
1734. Цыпленков А. И. Критика позитивистской социологии русскими революционными демократами / А. И. Цыпленков // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. — М., 1981. — Вып. 9. — С. 26—29.
1735. Чернівецький державний університет / ред. кол. : Червінський К. О. [та ін.]. — Львів : Вища шк., 1975. — 191 с.
1736. Черткова Е. Л. Отношение позитивизма к традиционной философии / Е. Л. Черткова // Проблемы диалектического материализма. — М., 1972. — Вып. 2. — С. 245—255.
1737. Чижевський Д. Гегель в Росії / Д. Чижевський // Філософські твори : у 4 т. / Д. Чижевський ; під заг. ред. В. Лісового. — К., 2005. — Т. 4 : Гегель у Росії. Гегель і французька революція. Гегель і Ніцше. — С. 3—307.
1738. Чильяни Д. Позитивистская учёность, педагогические устремления и либеральная политика в работах М. М. Ковалевского / Д. Чильяни // Власть и наука, учёные и власть: 1880-е — начало 1920-х годов : материалы Международного научного colloquium / отв. ред. Н. Н. Смирнов. — СПб., 2003. — С. 379—401.
1739. Чорновол І. Політичні аспекти народницької історіографії : від М. Костомарова до М. Грушевського / І. Чорновол // Молода нація. — 2000. — № 3. — С. 132—159.

1740. Чуйко В. Чотири методології філософії науки : особливості та сфери застосування / В. Чуйко // Філософська думка. — 2000. — № 1. — С. 3—26.
1741. Шадрина Е. Н. Философия науки и историография науки : анализ соотношения (на примере реализации программы позитивизма) / Е. Н. Шадрина. — Саратов : [Б. и.], 2003. — 25 с.
1742. Шаповал Ю. Г. І в Україні святилось те слово... / Ю. Г. Шаповал. — Львів : Паїс, 2003. — 677 с.
1743. Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века : Московский и Петербургский университеты / А. Н. Шаханов. — М. : Наука, 2003. — 420 с.
1744. Шахматов Б. М. П. Н. Ткачѳв : Этюды к творческому портрету / Б. М. Шахматов. — М. : Мысль, 1981. — 286 с.
1745. Швидько Г. К. Катеринославський піквікський клуб (1858—1860) / Г. К. Швидько. — Дн. : ДОУНБ, 2003. — 147 с.
1746. Школы в науке : сб. науч. ст. / отв. ред. В. С. Швырев. — М. : Наука, 1977. — 523 с.
1747. Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века / П. С. Шкуринов. — М. : Изд-во ун-та, 1980. — 416 с.
1748. Шпорлюк Р. Українське національне відродження в контексті європейської історіографії кінця XVIII — початку XX століть / Р. Шпорлюк // Наука і культура. — К., 1991. — Вип. 25. — С. 159—167.
1749. Штрихи до наукового портрета Михайла Драгоманова : зб. наук. пр. / за ред. М. І. Лука. — К. : Наук. думка, 1991. — 118 с.
1750. Шубравська М. М. Д. І. Яворницький : Життя, фольклористично-етнографічна діяльність / М. М. Шубравська. — К. : Наук. думка, 1972. — 254 с.
1751. Шувалов В. И. Многофакторный подход к истории / В. И. Шувалов. — Пенза : Пенз. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 1999. — 107 с.
1752. Шувалов В. И. Проблема факторов исторического процесса в русской либеральной историографии конца XIX в. — 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07. 00. 09 / Шувалов Владимир Иванович. — Пенза, 1996. — 211 с.
1753. Шувалов В. И. Социально-психологический аспект изучения истории в российской историографии последней трети XIX — первой половины XX вв. / В. И. Шувалов. — М. : Моск. гос. пед. ун-т, 2001. — 227 с.
1754. Шукин В. Русское западничество. Генезис — сущность — историческая роль / В. Шукин. — Лодзь : Ibidem, 2001. — 368 с.
1755. Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50—60-е годы XIX века) / Р. Г. Эймонтова. — М. : ИРИ, 1998. — 408 с.
1756. Юринець В. Український філософський фронт / В. Юринець // Прапор марксизму-ленінізму. — 1932. — № 5—6. — С. 181—194.
1757. Юркова О. Діяльність науково-дослідної кафедри історії України М. С. Грушевського (1924—1930 рр.) / О. Юркова. — К. : НАН України, Ін-т історії України, 1999. — 433 с.
1758. Яковенко Н. Вступ до історії / Н. Яковенко. — К. : Критика, 2007. — 376 с.
1759. Яковенко Н. Кого та як іншує Михайло Грушевський в “Історії України-Русі” : доп. / Н. Яковенко // Образ іншого в сусідніх історіях : міфи, стереотипи, наукові інтерпретації : матеріали міжнар. наук. конф. (Київ, 15—16 груд. 2005 р.). — К., 2008. — С. 89—103.

- 566 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*
1760. Янковский Ю. Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840—1850-х годов / Ю. Янковский. — М. : Худож. лит., 1981. — 373 с.
1761. Ясь О. В. Ідеалістичні та ірраціональні мотиви в науковій творчості Миколи Костомарова / О. В. Ясь // Україна модерна. — 2006. — Ч. 10. — С. 37—57.
1762. Ясь О. Історичні погляди Пантелеймона Куліша в світлі інтелектуальних метаморфоз 1870—1880-х років / О. Ясь // Історіографічні дослідження в Україні. — 2007. — Вип. 17. — С. 78—105.
1763. Ясь О. Історичне письмо Куліша у світлі його інтелектуальних трансформацій / О. Ясь // Пантелеймон Куліш : письменник, філософ, громадянин. — К., 2009. — С. 459—528.
1764. Ясь О. Монографічні студії в українській історіографії другої половини XIX ст. / О. Ясь // Історіографічні дослідження в Україні. — 2004. — Вип. 14. — С. 365—404.
1765. Ясь О. Поняття «ступ» у конструкції Михайла Драгоманова / О. Ясь // Ейдос : альм. теорії та історії іст. науки. — К., 2010 / 2011. — Вип. 5. — С. 151—171.
1766. Araszkievicz F. F. *pozytywizm polski* / F. F. Araszkievicz. — 2-e wyd. — Lublin : Lamus, 1947. — 67 s.
1767. Barycz H. *Wśród gawędziarzy, pamiętnikarzy i uczonych galicyjskich : studia i sylwety z życia umysłowego Galicji* / H. Barycz. — Kraków : Zakł. Narod. im Ossolińskich, 1963. — T. 1—2.
T. 1. — 426 s.
T. 2. — 390 s.
1768. Breisach E. *Historiography. Ancient, Medieval and Modern* / E. Breisach. — Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1983. — 487 p.
1769. Cała A. *Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej* / A. Cała. — Warszawa: Wyd-wo un-tu, 1992. — 211 s.
1770. Carr E. *What is History?* / E. Carr. — New York : Alfred A. Knopf, 1964. — 209 p.
1771. Charewiczowa Ł. *Historiografia i miłośnictwo Lwowa* / Ł. Charewiczowa. — Lwów : Nakł. t-wa miłośników przeszłości Lwowa, 1938. — 291 s.
1772. Charlton D. G. *Positivist Thought in France during the Second Empire, 1852—1870* / D. G. Charlton. — Oxford : Clarendon press., 1959. — 251 p.
1773. Chlebowczyk J. *O prawie do bytu małych i młodych narodów : kwestia narodowa i procesy narodotwórcze we wschodniej Europie środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.)* / J. Chlebowczyk. — [Katowice] : Śląski Instytut Naukowy ; Warszawa; Kraków : Państ. Wydaw. Naukowe, 1983. — 475 s.
1774. Czaplinski W. *Dorobek naukowy Adama Szczęśliwskiego* / W. Czaplinski, H. Wereszycki // *Kwartalnik Historyczny*. — 1962. — R. 69, z. 3. — S. 615—636.
1775. Czerwińska-Schupp E. *Recepcja myśli Ludwika Gumplowicza w Polsce* / E. Czerwińska-Schupp // *Archiwum historii filozofii i myśli społecznej*. — 2007. — Nr. 52. — S. 231—249.
1776. Data J. *Tendencje pozytywistyczne w czasopiśmiennictwie wielkopolskim w latach 1848—1870* / J. Data. — Poznań : PWN, 1975. — 182 s.
1777. Dembowski B. *Spór o metafizykę : główne poglądy na metafizykę w Polsce na przełomie XIX i XX w.* / B. Dembowski. — Warszawa : Akademia Teologii Katolickiej, 1969. — 213 s.
1778. Drogoszewski A. *Pozytywizm polski* / A. Drogoszewski. — Lwów: Wyd-wo zakładu narodowego im. Ossolińskich, 1931. — 68 s.

1779. Dutkiewicz J. Szymon Askenazy i jego szkoła / J. Dutkiewicz. — Warszawa : PWN, 1958. — 251 s.
1780. Dwa życia Ludwika Gumplowicza : wybór tekstów / wybór, oprac. i wpraw. J. Surman i G. Mozetič. — Warszawa : Oficyna naukowa, 2010. — 533 s.
1781. Idee pozytywizmu w piśmiennictwie rosyjskim : materiały międ. konf. nauk. (Łódź, 18—19 września 2000 r.) / pod red. B. Olaszek. — Łódź : Dot, 2000. — 178 s.
1782. Hecker J. F. Russian Sociology. A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory / J. F. Hecker. — London : Chapman & Hall ltd, 1934. — 313 c.
1783. Historiografia polska w dobie pozytywizmu (1865—1900) : komp. doc. — Warszawa : Państwowe wyd-wo naukowe, 1968. — 257 s.
1784. Historycy o historii. Od Adama Naruszewicza do Stanisława Kętrzyńskiego, 1775—1918 / zebrał, wstępem i komentarzem opatrzył Marian H. Serejski. — Warszawa : PWN, 1963. — 665 s.
1785. Historycy Warszawscy ostatnich dwóch stuleci / pod red. A. Gieysztor, J. Maternickiego, H. Samsonowicza. — Warszawa : Czytelnik, 1986. — 496 s.
1786. Hochfeldowa A. Neokantyzm okresu pozytywizmu i jego wpływy w Polsce / A. Hochfeldowa // Z historii filozofii pozytywistycznej w Polsce : Ciągłość i przemiany. — Wrocław; Warszawa ; Kraków ; Gdansk, 1972. — S. 99—138.
1787. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe : A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations / M. Hroch. — Cambridge : Cambridge un-ty press, 1985. — 220 p.
1788. Grabski A. F. Franciszek Bujak i historia gospodarcza / A. F. Grabski // Historyka. — 1979. — T. 1. — S. 101—124.
1789. Grabski A. F. Dzieje historiografii / A. F. Grabski. — 2 wyd. — Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 2006. — 866 s.
1790. Grabski A. F. Historiografia polska w latach 1863—1899 / A. F. Grabski, M. N. Serejski // Historia nauki polskiej. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź, 1987. — T. 4. — S. 578—612.
1791. Grabski A. F. Orientacje polskiej myśli historycznej. Studia i rozwiązania / A. F. Grabski. — Warszawa : PWN, 1971. — 431 s.
1792. Grabski A. F. Spór o prawa dziejowe. Kontrowersje wokół Henry'ego Thomasa Buckle'a w Polsce w dobie pozytywizmu / A. F. Grabski. — Lublin : Wyd-wo un-tu M. Curie-Skłodowskiej, 2002. — 462 s.
1793. Grabski A. F. W sprawie pozytywizmu w historiografii / A. F. Grabski // Historia : Poznanie i przekaz / pod red. B. Jakubowskiej. — Pzeszów, 2000. — S. 51—72.
1794. Grabski A. F. Warszawscy entuzjaści H. T. Buckle'a. Z dziejów warszawskiego pozytywizmu / A. F. Grabski // Kwartalnik Historyczny. — 1969. — R. 76, z. 4. — S. 853—864.
1795. Grabski A. F. Z zagadnień metodologicznych tzw. krakowskiej szkoły historycznej / A. F. Grabski // Studia Metodologiczne. — 1969. — T. 6. — S. 49—86.
1796. Idea niepodległości i suwerenności narodowej w polskiej myśli politycznej XIX i XX wieku suwerenności narodowej w polskiej myśli politycznej XIX i XX wieku / pod red. J. Maternickiego. — Warszawa : COMSNP, 1989. — 420 s.
1797. Iggers G. G. New Directions in European Historiography / G. G. Iggers. — Middletown : Wesleyan Univers. Press., 1984. — XII, 267 s.

- 568 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*
1798. Iwańska M. Prasa pozytywistów warszawskich wobec Żydów i kwestii żydowskiej / M. Iwańska. — Łódź : Ibidem, 2006. — 235 s.
1799. Janowski M. Inteligencja wobec wyzwań nowoczesności. Dylematy ideowe polskiej demokracji liberalnej w Galicji w latach 1889—1914 / M. Janowski. — Warszawa : In-t historii PAN, 1996. — 271 s.
1800. Jaskólski M. Historia-naród-państwo. Zarys syntezy myśli politycznej konserwatystów krakowskich w latach 1866—1934 / M. Jaskólski. — Kraków : UJ, 1981. — 230 s.
1801. Kieniewicz J. Wpływ zaboru rosyjskiego na świadomość społeczeństwa polskiego / J. Kieniewicz // *Dzieje Najnowsze*. — 1977. — R. 9. — N. 4. — S. 105—115.
1802. Kohut Z. E. The Development of a Ukrainian National Historiography / Z. E. Kohut // *Historiography of Imperial Russia : The Professional and Writing of History in a Multinational State* / Z. E. Kohut. — New York ; London, 1999. — P. 453—478.
1803. Kolbuszewska J. Mutacja modernistyczna w historiografii polskiej (przełom XIX i XX wieku) / J. Kolbuszewska. — Łódź : Ibidem, 2005. — 252 s.
1804. Kozak S. U źródeł romantyzmu i nowożytnej myśli społecznej na Ukrainie / S. Kozak. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdansk : PAN, 1978. — 146 s.
1805. Kozłowska H. Z problematyki przełomu pozytywistycznego w Galicji / H. Kozłowska // *Kwartalnik Historyczny*. — 1975. — R. 72, z. 3. — S. 540—559.
1806. Kozłowska-Sabatowska H. Ideologia pozytywizmu galicyjskiego 1864—1881 / H. Kozłowska-Sabatowska. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakł. Narod. im Ossolińskich, 1976. — 187 s.
1807. Kuderowicz Z. Artyści i historia : koncepcje historiozoficzne polskiego modernizmu / Z. Kuderowicz. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Polska Akademia Nauk, 1982. — 193 s.
1808. Kudrna J. Ke kritice pozitivismu v současné buržoazní německé, francouzské a italské historiografii 19 a 20 století / J. Kudrna. — Brno : Univerzita J. E. Purkyně, 1983. — 151 c.
1809. Ludwikowski R. R. Główne nurty polskiej myśli politycznej. 1815—1890 / R. R. Ludwikowski. — Warszawa : Państwowe wyd-wo naukowe, 1982. — 465 s.
1810. Maciejewski J. Przedburzowcy. Z problematyki przełomu między romantyzmem a pozytywizmem / J. Maciejewski. — Kraków : Wyd-wo literackie, 1971. — 419 s.
1811. Magocsi P. The Ukrainian National Revival : A New Analytical Framework / R. P. Magocsi // *Canadian Review of Studies of Nationalism*. — 1989. — N. 16. — P. 45—62.
1812. Markiewicz G. Spór o model społeczeństwa na łamach “Przeglądu Tygodniowego” i “Przeglądu Katolickiego” w latach 1864—1880 / G. Markiewicz. — Łódź : Wyd-wo un-tu, 2000. — 212 s.
1813. Markiewicz H. Dialektyka pozytywizmu polskiego / H. Markiewicz. — Warszawa : PAN, 1965. — 25 s.
1814. Markiewicz H. Pozytywizm / H. Markiewicz. — Warszawa : Państwowe wyd-wo naukowe, 2004. — 610 s.
1815. Maternicki J. Geografia historiograficzna II Rzeczypospolitej / J. Maternicki // *Przegląd Humanistyczny*. — 1990. — N. 2. — S. 11—45.
1816. Maternicki J. Historia i historycy : Studia i szkice historiograficzne / J. Maternicki. — Rzeszów : Wyd-wo un-tu, 2005. — 294 s.
1817. Maternicki J. Historia i życie narodu. Poglądy i postawy historyków polskich XIX i XX w. / J. Maternicki. — Rzeszów : Wyd-wo un-tu, 2009. — 490 s.

1818. Maternicki J. Historiografia polska XX wieku. Cz. 1 : Lata 1900—1918 / J. Maternicki. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk ; Łódź : PAN, 1982. — 246 s.
1819. Maternicki J. Idee i postawy. Historia i historycy polscy. 1914—1918 / J. Maternicki. — Warszawa : Państwowe wyd-wo naukowe, 1975. — 547 s.
1820. Maternicki J. Między tradycją a nowoczesnością. Spory metodologiczne na III Zjeździe historyków polskich w Krakowie w 1900 r. / J. Maternicki // Kwartalnik historii nauki i techniki. — 1980. — N 2. — S. 269—297.
1821. Maternicki J. O nowy kształt historii. Z badań nad recepcją zachodnioeuropejskiej myśli metodologicznej w historiografii polskiej w dobie modernizmu i neoromantyzmu / J. Maternicki // Dzieje Najnowsze. — 1980. — N 1. — S. 119—172.
1822. Maternicki J. Polska refleksja teoretyczna i metodologiczna w dziedzinie historii w okresie neoromantyzmu i modernizmu / J. Maternicki // Przegląd Humanistyczny. — 1979. — N 7. — S. 33—55.
1823. Maternicki J. Polskie badania nad lwowskim środowiskiem historycznym w XIX i XX w. / J. Maternicki // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. — Rzeszów, 2004. — T. I. — S. 29—64.
1824. Maternicki J. Polskie szkoły historyczne we Lwowie w XIX w. / J. Maternicki // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / red. J. Maternicki, L. Zaszkiłniak. — Lwów ; Rzeszów, 2005. — T. 3. — S. 23—45.
1825. Maternicki J. Polskie środowisko historyczne w latach 1900—1918 / J. Maternicki // Przegląd Humanistyczny. — 1980. — N 4—5. — S. 11—29.
1826. Maternicki J. “Rewolucje” i przełomy w historiografii polskiej XIX i XX w. Próba analizy czynników sprawczych // Kultura historyczna dawna i współczesna : Studia i szkice / J. Maternicki. — Warszawa, 1979. — S. 11—31.
1827. Maternicki J. Adam Szelański wobec idei historii socjologicznej / J. Maternicki // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / red. J. Maternicki, L. Zaszkiłniak. — Lwów ; Rzeszów, 2006. — T. 4. — S. 178—198.
1828. Maternicki J. Warszawskie środowisko historyczne w okresie II Rzeczypospolitej / J. Maternicki. — Rzeszów : Wyd-wo wyższej szkoły pedagogicznej, 1999. — 195 s.
1829. Modzelewski W. Naród w teorii społecznej pozytywizmu warszawskiego / W. Modzelewski // Studia Socjologiczne. — 1973. — № 4. — S. 191—214
1830. Nowakowski S. Franciszek Bujak jako socjolog / S. Nowakowski // Studia Socjologiczne. — 1964. — № 4. — S. 95—118.
1831. Olaszek B. Dymitr Pisariew : wokół problemów pozytywizmu w Rosji / B. Olaszek. — Łódź : Wyd-wo un-tu, 1997. — 251 s.
1832. Olszewski H. Rozważania o szkołach historycznych / H. Olszewski // Historyka. Studia Metodologiczne. — Warszawa ; Wrocław ; Kraków, 1984. — T. 14. — S. 129—140.
1833. Pawelec T. Szkoła czy środowisko? (Lwów i lwowscy historycy — uwagi metodologiczne) / T. Pawelec // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / red. J. Maternicki, L. Zaszkiłniak. — Rzeszów, 2005. — T. 3. — S. 46—60.
1834. Poniatowski Z. Problematyka nauki w piśmiennictwie katolickim w Polsce 1863—1905 / Z. Poniatowski. — Warszawa : Książka i Wiedza, 1961. — 220 s.
1835. Proces historyczny w literaturze i sztuce : materiały konf. nauk., maj 1965 / red. M. Janion i A. Piorunowa. — Warszawa : Instytut Badań Literackich Polskiej Akademii Nauk, 1967. — 401 s.

- 570 — *Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX — 20-е гг. XX вв.)*
1836. Romanowski A. Pozytywizm na Litwie : polskie życie kulturalne na ziemiach litewsko-białorusko-inflanckich w latach 1864–1904 / A. Romanowski. — Kraków : Universitas, 2003. — 485 s.
1837. Rudnytsky I. L. The Role of the Ukraine in Modern History / I. L. Rudnytsky // Slavic Review. — 1963. — Vol. 22, N 2. — P. 199–207.
1838. Rüsen J. Historische Vernunft. Grundzüge einer Historik I. Die Grundlagen der Geschichtswissenschaft / J. Rüsen. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1983. — 157 s.
1839. Serczyk W. A. Historycy ukraiński w Polsce międzywojennej / W. A. Serczyk // Środowisko historyczne II [Drugiej] Rzeczypospolitej. Cz. 2: Materiały konferencji naukowych w Cedzynie i Białymstoku w 1986 i 1987 / pod red. J. Maternickiego. — S. 292–308.
1840. Serczyk J. 25 wieków historii. Historycy i ich dzieła / J. Serczyk. — Toruń : Wydwo un-tu M. Kopernika, 1994. — 448 s.
1841. Serejski M. Miejsce pozytywistycznej szkoły warszawskiej w historiografii polskiej XIX stulecia / M. Serejski // Kwartalnik Historyczny. — 1955. — R. 62, z. 3. — S. 66–98.
1842. Serejski M. H. Naród a państwo w polskiej myśli historycznej / M. H. Serejski. — Warszawa : PWN, 1973. — 331 s.
1843. Simon W. M. European Positivism in the Nineteenth Century. An Essay in Intellectual History / W. M. Simon. — New York : Cornell univ. press, 1963. — 384 p.
1844. Skarbek J. Koncepcja nauki w pozytywizmie polskim / J. Skarbek. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakł. Narod. im. Ossolińskich, 1968. — 172 s.
1845. Skarga B. Narodziny pozytywizmu polskiego. 1831–1864 / B. Skarga. — Warszawa : PWN, 1964. — 411 s.
1846. Skarga B. O tak zwanym “przełomie antypozytywistycznym” // Przeszołość i interpretacje. Z warsztatu historyka filozofii / B. Skarga. — Warszawa, 1987. — S. 291–300.
1847. Skarga B. Porządek świata i porządek wiedzy. Ze studiów nad filozofią polską epoki pozytywizmu / B. Skarga // Z historii filozofii pozytywistycznej w Polsce : Ciągłość i przemiany / pod red. A. Hochfeldowej, B. Skargi. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1972. — S. 17–44.
1848. Skarga B. Supiński — między romantyzmem a pozytywizmem / B. Skarga // Filozofia polska. — Warszawa, 1967. — S. 431–452.
1849. Spór o historyczną szkołę kracowską. W stulecie katedry historii Polski UJ / pod red. C. Bobińskiej, J. Wyrozumskiego. — Kraków : Wydwo literackie, 1972. — 374 s.
1850. Szafran-Szadkowska L. Zagadnienie etnogenezy słowian w historiografii polskiej : w okresie od średniowiecza do końca XIX stulecia / L. Szafran-Szadkowska. — Opole : WSP, 1983. — 144 s.
1851. Śreniowska K. Stanisław Zakrzewski. Przyczynek do charakterystyki prądów ideologicznych w historiografii polskiej. 1883–1936 / K. Śreniowska. — Łódź : Zakł. im. Ossolińskich we Wrocławiu, 1956. — 190 s.
1852. Śreniowska K. W sprawie kryteriów podziału szkół historycznych doby pozytywizmu na ziemiach polskich / K. Śreniowska // Historyka. Studia Metodologiczne. — 1977. — T. 7. — S. 93–98.
1853. Toczek A. Habilitacje historyków lwowskich (1865–1918) / A. Toczek // Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w. / red. J. Maternicki, L. Zaszkiłniak. — Pzeszów, 2006. — T. 4. — S. 368–385.

1854. Topolski J. *Methodology of History* / J. Topolski ; transl. by O. Wojtasiewicz. — Warszawa: Polsc. Publishers ; Dordrecht-Boston : Riedel Publ. Co., 1976. — 690 p.
1855. Topolski J. *Problemy przełomu antypozytywistycznego w naukach historycznych* / J. Topolski // *Zagadnienie przełomu antypozytywistycznego w humanistyce.* — Warszawa ; Poznań, 1978. — S. 9—21.
1856. Velychenko S. *National History as Cultural Process : A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian and Ukrainian Historical Writing from the Earliest Times to 1914* / S. Velychenko. — Edmonton : Canadian Institute of Ukrainian Studies, Press university of Alberta, 1992. — 283 p.
1857. Vytanovych I. *Political Views of Ivan Franko* / I. Vytanovych // *The Ukrainian Quaterly.* — 1956. — Vol. 12, n. 2. — P. 126—133.
1858. Warzenica E. *Pozytywistyczny "obóz młodych" wobec tradycji wielkiej polskiej poezji romantycznej (lata 1866—1881)* / E. Warzenica. — Warszawa : PWN, 1968. — 183 s.
1859. Wierzbicka M. *Dawne syntezy dziejów Polski: rozwój i przemiany koncepcji metodologicznych* / M. Wierzbicka. — Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: PAN, 1974. — 160 s.
1860. White H. *The Content of the Form: Narrative of Discourse and Hist. Representation* / H. White. — Baltimore ; London : Johns Hopkins Univ. — XIV, 244 p.
1861. White H. *Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism* / H. White. — Baltimore ; London : Johns Hopkins UP, 1978. — 287 p.
1862. Wierzbicki A. *Wschód i zachód w koncepcjach dziejów Polski. Z dziejów polskiej myśli historycznej w dobie porozbiorowej* / A. Wierzbicki. — Warszawa : PIW, 1984. — 346 s.
1863. Willaume J. *Epoka nowożytna w dziejopisarstwie polskim i powszechnym* / J. Willaume. — Lublin : Wyd-wo Lubelskie, 1979. — 280 s.
1864. Withers C. W. *Placing the Enlightenment. Thinking Geographically about the Age of Reason* / C. W. Withers. — Chicago & London : The University of Chicago press, 2007. — 314 p.
1865. *Zarys dziejów filozofii polskiej. 1815—1918.* — Warszawa : PWN, 1983. — 612 s.
1866. Zasztowt L. *Europa Środkowa-Wschodnia a Rosja XIX — XX wieku : w kręgu edukacji i polityki* / L. Zasztowt. — Warszawa: Wyd-wo Retro-Art, 2007. — VII, 561 s.
1867. Zaskilniak L. *Ukraińskie badania lwowskiego środowiska historiograficznego XIX—XX wieku* / L. Zaskilniak // *Wielokulturowe środowisko historyczne Lwowa w XIX i XX w.* / red. J. Maternicki, L. Zaskilniak. — Rzeszów, 2004. — T. 1. — S. 65—78.
1868. *Złota księga historiografii lwowskiej XIX i XX wieku* / pod red. J. Maternickiego, L. Zaskilniaka. — Pieszów : Wyd-wo un-tu, 2007. — 616 s.
1869. Żmigrodzka M. *Orzeszkowa : młodość pozytywizmu* / M. Żmigrodzka. — Warszawa : Państw. Instytut Wydawniczy, 1965. — 501 s.

Дополнительный список источников:

1870. Ардашев П. Н. *Новые типы научно-исторических обзоров* / П. Н. Ардашев // *Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца.* — 1904. — Кн. 18, вып. 2. — С. 52—53.

1871. Багалей Д. Новый историк Малороссии / Д. Багалей. — СПб. : Тип. АН, 1891. — 148 с.
1872. Вязигин А. С. Идеалы „божьего царства” и монархия Карла Великого / А. С. Вязигин. — СПб. : Сенат. тип., 1912. — VII, 200 с.
1873. Гредескул Н. А. Россия и её народы. «Великая Россия» как программа решения национального вопроса в России / Н. А. Гредескул. — Пг. : Самообразование, 1916. — 79 с.
1874. Грушевський М. Двадцять п'яти роковини смерті Ол. М. Лазаревського. Кілька слів про його наукову спадщину та її дослідження / М. Грушевський // Україна. — 1927. — Кн. 4. — С. 3—17.
1875. Деятели революционного движения в России : биобиблиогр. словарь : от предшественников декабристов до падения царизма: В 5 т. — М. : Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1927—1934. — Т. 1—5.
1876. Михайло Драгоманов : док. и мат. 1841—1994. — Львів, 2001. — 731 с.
1877. Духовная школа : сб. ст. / П. Тихомиров и др. — М. : Тип. А. Снегирёвой, 1906. — IV, 348 с.
1878. Єфименко О. Національне роздвоєння в творчості Гоголя // Літературно-науковий вістник. — 1903. — Т. 22, кн. 5. — С. 85—99.
1879. Загальна бібліографія Подкарпаття / зложили М. М. Лелекач, І. А. Гарайда ; передмова Д. Д. Данилюка. — Ужгород : Вид-во В. Падяка, 2000. — 212 с.
1880. Иванишев Н. Д. Сочинения / Н. Д. Иванишев. — К. : Тип. ун-та, 1876. — 451 с.
1881. Кистяковский Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский. — СПб. : Рос. христианский гуманитарный ин-т, 1998. — 800 с.
1882. Ковалевский М. М. Н. К. Михайловский как социолог / М. М. Ковалевский // Вестник Европы. — 1913. — № 4. — С. 192—212.
1883. Ковалевский М. М. Общее учение о государстве. Лекции проф. М. М. Ковалевского, читанные на 3 и 4-ом семестре экономического отд. СПб. Политехнического института в 1908/9 г. — СПб. : Тип. И. Трофимова, 1909. — 214 с.
1884. Ковалевский М. М. Социальная доктрина Спенсера / М. М. Ковалевский // Русская высшая школа общественных наук в Париже : лекции профессоров. — СПб., 1905. — С. 58—84.
1885. Кондратьев Н. Д. М. М. Ковалевский как учитель / Н. Д. Кондратьев // Вестник Европы. — 1916. — № 5. — С. 183—188.
1886. Лазаревский А. М. «История запорожских казаков» Д. И. Яворницкого / А. М. Лазаревский // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. — 1896. — Кн. 10. — С. 3—23.
1887. Лучицкий И. В. Вопрос о населённости германских городов в XIV—XV веках (Опыт историко-статистических исследований) / И. В. Лучицкий // Университетские известия. — К., 1893. — № 2. — С. 205—256.
1888. Лучицкий И. В. Крестьяне и крестьянская реформа в восточной Австрии / И. В. Лучицкий // Киевская старина. — 1901. — Кн. 3. — С. 313—353 ; Кн. 5. — С. 214—236.
1889. Лучицкий И. В. [Рецензия] / И. В. Лучицкий, Ф. Я. Фортинский // Университетские известия. — 1898. — № 4. — С. 1—5. — Рец. на кн. : Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени / В. К. Пискорский. — К. : Тип. ун-та, 1897. — 188 с.

1890. Максимович М.А. Собрание сочинений : в 3-х т. / М. А. Максимович. — К. : Тип. М. П. Фрица, 1876—1877. — Т. 1—2.
Т. 1 : Отдел исторический. — 1876. — VIII, 847 с.
Т. 2 : Отделы: историко-топографический, археологический и этнографический. — 1877. — VIII, 524 с.
1891. Обзорение преподавания предметов, распределение лекций и практических занятий в императорском Харьковском университете на 1903—1904 академический год. — Х. : Тип. ун-та, 1903. — 108 с.
1892. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3 : Царствование императора Александра II. 1855—1864. — СПб. : Тип. АН, 1865. — 1434, 140, 42 с.
1893. Собрание речей гг. депутатов Государственной Думы I и II созыва. — Кн. 1. — СПб. : Разум, 1908. — 576 с.
1894. Сорокин П. А. Духовный облик М. М. Ковалевского как мыслителя / П. А. Сорокин // Социс. — 1989. — № 3. — С. 107—111.
1895. Сорокин П. А. М. М. Ковалевский и его западные друзья / П. А. Сорокин // Биржевые ведомости. — 1916. — 30 апр.
1896. Страна. — СПб., 1906.
1897. Шаповал М. Українська соціологія / М. Шаповал. — Прага: Укр. ін.-т громадознавства, 1927. — 23 с.
1898. Шаш А. Нарис соціальної й господарської історії Шенборнської латифундії Мукачівсько-Чинадіївської в першій половині XVIII ст. / А. Шаш // Науковий збірник товариства «Просвіта» в Ужгороді. — Р. 9. — Ужгород, 1932. — С. 101—134.
1899. Щербина В. [Рецензия] / В. Щербина // Киевская старина. — 1898. — Кн. 1. — С. 25—27. — Рец. на кн.: Жерела до історії України-Руси / за ред. М. Грушевського. — Т. 2: Люстрації королівщини в землях черемиській і сяноцькій. — Львів : Тип. НТШ, 1897. — II, 583 с.
1900. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии / Н. Г. Чернышевский // Избранные философские сочинения: в 3-х т. / Н. Г. Чернышевский. — Т. 3. — М., 1951. — С. 162—254.
1901. Эварницкий Д. И. По следам запорожцев / Д. И. Эварницкий. — СПб. : Тип. П. И. Бабкина, 1898. — 324 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

В именном указателе цифры в скобках означают страницы, на которых указаны проресцензированные авторы из списка источников и литературы, а фамилии в скобках – псевдонимы

- Абрамов А. И. 529
Абрахам В. см. Abraham W.
Авенариус Р. 210, 224, 257
Авсеенко В. Г. 21, 148, 199, 202, 282-283, 395, 443, 476
Авсенов П. С. 228
Айтов С. Ш. 529
Аксаков И. С. 206-207, 476
Аксаков К. С. 140
Аландский П. И. 268, 275, 296, 336, 476-477
Александр П 19, 125, 220
Алпатов М. А. 35, 530
Ананьич Б. В. 76, 530
Андреев В. 133, 477
Андряшев А. М. 252-253, 477
Андрусак Н. Г. 61, 268, 466
Аникеев А. А. 530
Анкерсмит Ф. Р. 530
Антоневич Н. И. 351, 477
Антонович В. Б. (П-с-к) 47, 56-58, 61, 63, 74, 76, 93-94, 97, 101, 103, 118, 122-123, 124, 138, 147, 164-165, 185, 187-189, 196, 201, 210-211, 213, 235, 242, 252, 259-260, 263, 278, 302-303, 313-314, 322, 328-329, 331, 345, 349, 356-357, 367, 375, 380, 384, 394, 406-407, 411-412, 423-424, 427-428, 430-432, 435-437, 438-440, 452, 457, 464, 471, 473, 477-478, 511
Аптекман О. В. 161, 164, 478
Ардашев П. Н. 56, 63, 94, 133, 147, 155, 190, 200, 212, 232, 237, 245, 261, 266, 269, 275, 278, 289, 298-299, 308, 316, 345, 373, 395, 399, 402, 445, 471, 473, 478-479, 571
Аристотель 364
Аристов Н. Я. 168, 479
Аркуша Е. Г. 139, 143, 530
Арон Р. 37, 530
Асланян Г. Г. 34, 530
Атманских А. С. 530
Ахшарумов Н. Д. 479
Ашкенази Ш. см. Askenazy S.
Багалеи Д. И. 47, 56, 77-78, 144, 147, 156, 160, 162, 183-184, 188, 211, 236, 245-246, 249, 255, 260, 283-284, 294, 296, 299, 345, 365, 397, 415-416, 424, 427-428, 476, 479, 572
Баган О. Р. 530
Бадецкий К. 61, 465
Бакунин М. А. 161, 479
Бальзер О. см. Balzer O.
Банкрофт Дж. 187
Барвинский А. Г. 49, 75, 180, 204, 220, 479-480
Барвинский Б. А. 205
Барвинский Е. И. 205
Барг М. А. 530
Барт П. 69, 223, 277, 480
Бастиан А. 168
Бахофен И. Я. 368, 386, 425
Бачинский Ю. А. 181, 209, 480, (519)
Белов П. Т. 27, 530
Белопольский В. Н. 530
Белоус А. Г. 33, 530
Белинский В. Г. 160
Бентам И. 182
Берви-Флеровский В. В. 160
Бергсон А. 295
Бердяев Н. А. 19, 480
Бережков М. Н. 57, 63, 101, 132, 237-238, 267, 275, 281, 283, 296, 298, 307-308, 321, 322, 330, 335, 343, 348, 352, 366, 399, 426, 436, 445, 472, 480
Березинец В. В. 530
Беренштам-Кистяковская М. В. 480
Бернгейм Э. 150, 157, 223, 329-330, 332, 336-337, 480, 522
Берр А. 155
Бестужев-Рюмин К. Н. 480

- Бжровский С. см. Brzowski S.
Бильбасов В. А. 63, 90, 140, 282, 475
Бицилли П. М. 480
Блок М. 323
Блюменталь Ф. Ц. фон 16, 62, 468
Бобжинский М. см. Bobrzyński M.
Боборькин П. Д. 163, 480
Богацкий Ф. см. Bogacki F.
(Богданов) см. Малиновский А. А.
Богдашевский Д. И. 172, 228, 480
Богдашина Е. Н. 530-531
Боголюбов Н. М. 247, 480
Богомоллов А. С. 532
Богословский М. М. 324, 532
Богомаз К. Ю. 532
Бойченко И. В. 532
Бокль Г. Т. 28, 33, 93, 107, 113, 116-117, 129-130, 138, 148-150, 156-158, 160-161, 163, 166-167, 171, 173, 178, 183, 194, 196, 199, 226, 282, 289, 319, 346, 348, 351, 383, 386, 389-390, 392-393, 399, 481, 522
Болтарович З. Е. 532
Бон Т. 532
Бондарчук В. М. 7, 532
Бортняк Н. В. 532
Бохвич Э. 184
Бочковский О. И. 481
Браславский Р. Г. 532
Бреилеану Т. см. Brăileanu T.
Брикнер А. Г. 190-191, 275, 284, 289, 300, 335, 481
Бубнов Н. М. 21, 83, 147, 229, 268-269, 276-278, 284, 413, 481
Будз В. П. 46, 532
Будзиновский В. Т. 181
Бузекул В. П. 20, 47, 51, 74, 125-126, 160, 177, 191, 244, 262-263, 294, 310, 319, 321, 325, 334, 382, 470, 481-482
Булгаков С. Н. 11, 22, 171, 237, 239-240, 482
Бунге М. 532
Бурлачук В. Ф. 532
Буряк Л. И. 116, 532
Бутовский А. К. 85, 507
Буцинский П. Н. (478)
Буяк Ф. см. Bujak F.
Бэкон Ф. 86-87
Бюхер К. 376
Бюхнер Л. 138, 160, 166-168, 202, 522
Вайц Г. 191-192
Вайнштейн О. Л. 27, 83, 533
Валицкий А. 533
Валк С. Н. 76, 533
Ван-Генеп 253
Вандервельде Э. 80, 247
Василевский Л. В. 482
Василенко Н. П. 96, 425, 436
Ватсон Э. К. 482
Ващенко В. В. 533
Введенский А. И. 19, 482
Вдовина В. Л. 140, 533
Вебер А. 157, 482
Вебер М. 192, 232, 252, 254, 483, (484)
Вежбицкая М. см. Wierzbicka M.
Великопольская У. 533-534
Великославинский А. 473
Велиховский Я. 168
Величенко С. 37
Верба И. В. 187, 534
Веретенников В. И. 229-230, 301, 332, 336, 340, 483
Верещицкий Г. см. Wereszycki H.
Верстюк В. 534
Ветухов А. В. 255, 483
Витанович И. 534
Вико Дж. 133, 383, 483
Винар Б. 534
Винар Л. 534
Виндельбанд В. 48-49, 192, 225, 228, 295, 301, 483
Вишпер Р. Ю. 21-22, 83, 262, 483
Вирник Д. Ф. 534
Владимир Мономах 442
Владимир Святитель 378, 442
Владимирский-Буданов М. Ф. 37, 147, 167, 190, 318, 348, 393, 472, 483
Водовозов Н. В. 534
Водотыка С. Г. 187, 534
Возняк М. С. 534
Возняк С. М. 534
Войнов И. Н. 474
Войцеховская И. Н. 534
Войцеховский Т. см. Wojciechowski T.
Волков (Вовк) Ф. К. 78, 101, 284, 317, 373, 432, 483
Волохина Е. А. 532
(Вольтер) Мари Франсуа Аруэ 87, 92, 106, 144, 115, 173, 216
Вормс Р. 80, 112, 157, 197, 223, 483
Воронцов В. П. (В. В.) 403, 483
Вундт В. 517

- Вырубов Г. Н. 18, 21, 83, 86, 170
 Вязигин А. С. 184, 244, 415, 572
 Габор В. В. 535
 Габриэль Ф. 17
 Гаджега В. Н. 17
 Гайм Р. 131, 484
 Галип Т. 17
 Гальперин С. И. 22, 223, 275, 290, 398, 484
 Гамбаров Ю. С. 80
 Гарайда И. А. 17
 Гарин-Михайловский Н. Г. 50
 Герель Г. В. Ф. 89, 128, 130-133, 135-136, 171-172, 178, 199, 207, 246, 305, 342, 364, 383, 385, 387, 421-422, 438, 447, 484
 Геккель Э. 365, 484
 Геккер Дж. Ф. см. Necker J. F.
 Гексли Т. 365
 Гелей С. Д. 168, 535
 Гельброт М. В. 506
 Герасименко Г. А. 535
 Гердер И. Г. 98, 106, 128, 136, 144, 383, 484
 Геринг Э. 257
 Гермайзе О. Ю. 254, 322, 484
 Гершензон М. О. 470
 Герцберг-Френкель Э. 16
 Герцен А. И. 85, 484
 Герье В. И. 81, 475
 Гидони А. Г. 28, 535
 Гизо Ф. П. Г. 81, 161, 295, 300, 328, 484
 Гильденбрандт Б. 376
 Гильфердинг А. Ф. 206, 484
 Гиляров А. Н. 228
 Гирич И. Б. 42, 77, 535
 Глабинский С. см. Głabiński S.
 Глаголев М. 473
 Гловацкий А. (Прус Б.) см. Glowacki A.
 Гогель С. 484
 Глотов Б. М. 53, 535
 Гогоцкий С. С. 73, 167, 217, 485
 Гоголь Н. В. 77
 Гожицкий К. см. Gorzycki K.
 Головацкий Я. Ф. 63, 208, 220, 474
 Голод Р. Б. 47, 535
 Голосенко И. А. 12, 29, 150-151, 535
 Голубовская Е. А. 534
 Голубовский П. В. 407, 427-428, 485
 Гольдин Н. С. 57, 120, 383, 395, 396, 410, 485
 Гончар О. Т. 536
 Гончаров И. А. 50
 Гончарук П. С. 536
 Горбач Н. И. 536
 Горин Д. Г. 178, 536
 Горина Л. В. 536
 Горский В. С. 536
 Гофман А. Б. 51, 53, 536
 Гоцуляк В. В. 49, 536
 Гошовский М. 46, 536
 Грабовский М. 313
 Грабский А. Ф. см. Grabski A. F.
 Гредескул Н. А. 20, 206, 212, 375, 485, 571
 Гретц Г. (492)
 Грот Н. Я. 22, 160, 228, 270, 285, 350, 352, 367, 485
 Грох М. 37
 Грушевская Е. М. 124, 252-253, 302, 322, 465, 485-486, (494)
 Грушевский М. С. (Сергієнко М., Хлопець) 15, 37, 45-48, 56-57, 75-76, 78-79, 97-99, 106, 100, 122, 127, 131, 137-138, 141, 147, 162, 165, 182, 187, 188, 203, 205, 211, 220-221, 235, 248, 252-254, 264-265, 267, 271, 276, 286, 290, 294, 296, 302-304, 307, 317, 323, 343-344, 347, 351, 354-355, 358, 363, 370-371, 375, 378-379, 385, 399-401, 403-405, 407-409, 411-415, 416, 423, 424-426, 432-435, 437-438, 440-442, 452, 465, 486-489, (491), 512, 520, 571, (572)
 Грыцак Я. И. 536
 Гульга А. В. 27, 536
 Гумплович Л. см. Gumpłowicz L.
 Гуревич А. Я. 51, 234, 536
 Гутнов Д. А. 536
 Гутнова Е. В. 36, 50, 83, 200, 536-537
 Гыйдел Э. 537
 Гюйо М. 21
 Д'Алаамбер Ж. Л. 87, 489
 Д'Арк Ж. 444
 Далин В. М. 536
 Дальман Ф. К. 334
 Данилевич В. Е. 22, 57, 63, 297, 330, 332, 390, 411, 413, 423, 472, 489
 Данилевский Н. Я. 141, 206, 274, 489
 Данило Романович 123, 441
 Данилов А. И. 26, 536
 Данилюк Д. Д. 17, 537
 Дарвин Ч. 93, 106, 111, 138, 150, 160, 167-170, 200, 202, 215, 217-218, 292, 365-366, 368-369, 381, 400, 447
 Даренская В. Н. 537

- Даценко В. С. 537
Дашкевич Я. Р. 48-49, 537
Дейч Л. Г. 160, 489
Десянов И. Д. 79
Дембинский Б. см. Dembiński B.
Дени Э. 492
Денисенко И. Н. 537
Депенчук Л. П. 537
Де-Пуле М. П. 489
Де-Роберти Е.-В. 7, 12, 21, 80, 83, 489-490
Джефферсон Т. 93
Дзвонковский В. см. Dzwonkiewski W.
Дильтей В. см. Dilthey W.
Динур В. Ц. 492
Добровольский Л. М. 537
Добролюбов Н. А. 160
Добротворский В. И. 199, 218, 490
Довгич В. А. 537
Довнар-Запольский М. В. 57, 131, 134, 141, 187, 240, 243-244, 278, 309, 374, 376, 394, 404-405, 406, 410, 411, 415, 424, 427-428, 435, 490, 511
Долженков П. Н. 537
Домбровский А. 537
Донцов Д. И. 169, 212
Дорофеева С. С. 537
Дорошенко Д. И. 56, 63, 78, 372, 441, 474, 490
Дорошенко Н. М. 32, 306, 537-538
Дорошенко П. Д. 441
Драгоманов М. П. (Українець) 32-33, 47, 57, 63, 78-79, 94-96, 104, 108, 114, 118, 121, 125, 130, 133, 135, 141, 147, 149, 185, 190-191, 196, 209-210, 212, 219, 240, 246, 248, 260, 268, 279, 281, 288, 297, 303, 309, 318-319, 344-346, 347-349-350, 352, 354-355, 359, 366, 373, 377-378, 380, 382, 390, 393, 395, 405, 411, 413, 417, 429, 436, 471, 490-491
Дройзен И. Г. 191-192, 310, 335, 492
Дубецкий М. 313, (511)
Дубнов С. М. 15, 213-215, 345, 396, 413, 436, 491-492
Дубравка 183
Дурновцев В. И. 537
Душенко К. В. 40, 168, 537
Дюринг Э. 228
Дюркгейм (Диркгайм) Э. 12, 51, 80, 151, 154, 223-225, 252-253, 366, 404, 490, 492
Евгений архим. 473
Евшан М. И. 493
Егоров Б. Ф. 182, 538
Ерыгин А. Н. 538
Ефименко А. Я. (Александра Е.) 77, 117, 183, 211, 213, 327, 357, 424, 436, 476, 492-493, 571
Ефименко П. С. (Одинец П.) 508
Ефремов С. А. 75, 492-493
Желябов А. И. 146
Жеромский С. 493
Житецкий И. П. 396, 471
Житецкий П. Г. 164
Жигунин В. Д. 34, 51, 84, 538
Жмигродзка М. см. Zmigrodzka M.
Жулинский Т. см. Żyliński T.
Журавлёв Л. А. 8, 27-28, 538
Журба О. И. 43, 538-539
Журжа И. В. 539
Заболотная И. Н. 539
Завадзкий В. см. Zawadzki W.
Завитневич В. З. 141, 239, 493
Закжевский С. см. Zakrzewski S.
Запольская В. В. 539
Захара И. С. 539
Зашкильняк Л. А. 14, 24, 37, 43, 48, 84, 205, 234-237, 539-540, 571
Заштовт Л. см. Zasztowt L.
Зборовский Т. Е. 539
Зверев В. М. 51, 150-151, 540
Звёздина Л. А. 540
Зверева В. В. 557
Звоницкая А. С. 12
Звягинцев Е. Г. 540
Зевелев А. И. 540
Зеленогорский Ф. А. 172, 182, 493
Зеленский С. см. Załęski
Зеньковский В. В. 21, 540
Зербино Д. 540
Зибель Г. фон см. Sybel H.
Зибер Н. И. 33, 37, 140, 190, 196, 240, 320, 493
Зиммель Г. 51, 53, 151, 192, 223, 231, 295, 493
Зонов В. Т. 32-33, 83, 88, 186, 540
Зорькин В. Д. 540
Зотов А. Ф. 540
Зубрицкий Д. И. 143, 322, 493
Иванишев Н. Д. 189, 308, 328, 571
Иггерс Дж. см. Iggers G. G.
(Иванейко М.) см. Шлемкевич Н. И.
Иванов П. А. 303, (488)
Иванов А. Е. 541

- Иванов Г. М. 540-541
 Иванов Ю. Ф. 541
 Ивановский В. В. 494
 Иконников В. С. 47, 56, 63, 129, 147, 183-185, 283-284, 288, 300, 309, 324, 329-330, 331, 335, 394, 395, 472, 493
 Иконникова А. Л. 92-93, 183-184, 472,
 Иловайский Д. И. (488)
 Ильницкий В. С. 204
 Ионов И. Н. 541
 Ионова Г. И. 541
 Исаевич Я. Д. 541
 Йорга Н. см. Jorga N.
 Кавелин К. Д. 172, 364, 494
 Каганович Б. С. 541
 Кагаров Е. Г. 87, 252, 475, 494
 Казаков А. П. 34, 541
 Кайндль Р. Ф. см. Kaindl R. F.
 Калакура Я. С. 2, 6, 43-44, 84, 326, 541
 Калицкий Б. см. Kalicki B.
 Калоев Б. А. 541
 Каманин И. М. 375, 494
 Каменский З. А. 541
 Кант И. 32, 93, 128, 144, 175, 194, 227-228, 231-234, 494
 Каплин А. Д. 542
 Капшлер А. 42, 542
 Капраль М. М. 542
 Карамзин Н. М. 143
 Карауш Э. 468
 Кареев Н. И. 19-22, 80-81, 83, 112, 147, 147, 157-158, 161, 206, 210, 223, 262, 269, 271, 344, 347, 403, 494-495
 Каримский А. М. 542
 Карлейль Т. 446, 495
 Кармазина М. С. 542
 Катков М. Н. 206-207, 495
 Каутский К. 247, 375
 Качала С. 143, 495, 524
 Каченовский Д. И. 37, 55, 86, 114, 117, 119, 129, 186, 199, 262, 287, 291, 318, 322, 343, 392, 495
 Кеда М. К. 129, 542
 Кейтжинский В. 41
 Келлес-Крауз К. 495
 Кеневич Я. см. Kieniewicz J.
 Кергман Л. Е. 65, 542
 Кжижановский А. 85
 Кигн В. Л. 8, 90, 174-175, 483
 Киктёв А. 256, 496
 Кинга 183
 Киреева Р. А. 59, 283, 542
 Киреевский И. В. (510)
 Киржаев С. Н. 560
 Киричук А. С. 143, 219, 542-543
 Кирсанова Е. С. 52, 543
 Киселёв В. А. 470
 Кислюк К. Ю. 46, 227, 543
 Кистяковский А. Ф. 472-473
 Кистяковский Б. А. 37, 77, 109, 183, 192, 229, 301, 381, 403, 495-496
 Киян А. И. 187, 189, 263, 543
 Климашь М. А. 543
 Клименко П. В. 252-253, 495-496
 Клид Б. 543
 Климар К. 286
 Климова Т. В. 543
 Клочевский В. О. 21, 80, 83, 328, 335, 376, 403, 414, 496
 Ковалевский Е. П. 215, 492
 Ковалевский М. М. 7, 19-21, 29-30, 32-33, 36-37, 57, 68-70, 78-79, 80-81, 83, 87, 90, 97, 104-105, 106, 114-117, 119, 120-121, 125, 136, 147, 149-150, 152, 156, 158, 160-161, 182, 184, 186, 190, 192, 197, 212-215, 219, 223, 226-228, 232, 240-241, 246, 251, 262, 269-271, 285, 286, 289, 292, 299, 306, 316-317, 318, 320, 323, 333, 343-345, 355, 358, 360-362, 365-366, 372-373, 374, 380, 382, 385, 390, 394, 404, 409-410, 417, 421-422, 436, 496-499, 525, 571-572
 Ковалёв А. Д. 33, 543
 Ковальченко И. Д. 35, 543
 Ковальчук О. А. 46, 543-544
 Когут З. Е. 77, 544, 567
 Козак С. см. Kozak S.
 Козий И. В. 543
 Козлов А. А. 21, 134, 172, 176, 218, 228, 347, 394, 494, 499
 Козловская Г. см. Kozłowska-Sabatowska H.
 Козловский В. М. см. Kozłowski W. M.
 Колесса А. М. 205
 Колесник И. И. 6, 43-44, 54, 66, 84, 325-326, 543-544
 Колесников К. М. 43, 84, 544
 Коллинз Г. 517
 Комаренко Н. В. 544
 Кон И. С. 27, 32, 34, 36, 83, 544-545
 Конашевич-Сагайдачный П. 441
 Кондорсе Ж. А. 105-106, 144, 499

- Кондратик Л. И. 545, 554
Кондратьев Н. Д. 21, 90, 499, 572
Кони А. Ф. 20, 499
Конрад Дж. 167
Конт О. 7-8, 10, 19, 22-23, 26-28, 51, 53, 55-56, 73, 81, 85-86, 88-92, 103, 105, 107-109, 110, 112-113, 115-117, 129-130, 132, 135, 139-140, 147-149, 150-153, 156-158, 160-161, 163, 170, 172-175-177, 183, 186, 193-197, 200, 202, 209, 216-218, 221, 223-224, 228-229, 230-232, 237, 242, 250, 268-269, 269-271, 275, 277, 282, 288, 291-292, 306, 316, 320, 344, 346, 355, 363-364, 371, 374, 380-381, 383, 385-386, 388, 394, 398, 409, 418, 453, 499-500, 522
Копиленко А. Л. 545
Копиленко М. Л. 545
Копылов С. А. 545
Кордуба М. М. 15, 47, 57, 61-62, 134, 205, 235, 265-266, 273-274, 276, 286, 291, 330, 332, 340, 435, 467, 500
Корзон Т. см. Kozon T.
Косач Е. П. (Елена Пчилка) 185
Космина В. 545
Костомаров Н. И. 33, 47, 56, 78, 129, 137-138, 140, 158, 189, 198, 207, 213, 259, 266, 283, 325, 406, 411, 422, 425-426, 428-429, 439, 500-501
Котляревский Н. А. 501
Котляревский С. А. 279, 501
Коцовский В. (488)
Коцур А. П. 545
Коялович М. О. 21, 83, 140, 207, 267, (480), 501
Кравец Н. Н. 545
Кравченко В. В. 545
Красавин В. П. 545
Криворот Т. Л. 545
Крикун М. Г. 539
Кришякевич И. П. 47, 57, 63, 304, 416, 474, 494, 545
Кроче Б. 37, 264, 546
Круглашов А. М. 96, 546
Кругликов Л. П. 397-398, 501
Крупинский Ф. см. Krupiński F.
Кричинский С. см. Kryczyński S.
Крусман В. Е. 74, 295, 332, 501
Ксенополь А. 229
Кубаля Л. см. Kubala L.
Кудрна Я. см. Kurdrna J.
Кудрявцев П. П. 228
Кукушкина Е. И. 247, 546
Куликова-Радзивилл О. 546
Кулиш П. А. 47, 56, 63, 78, 108, 135, 137, 158, 207-208, 213, 280, 293, 325, 348, 471, 501-502
Кун Т. 64, 546
Кустов А. 195, 473
Куц В. 561
Куцкий И. П. 42-43, 49, 84, 142-143, 181, 219, 312, 546
Кучеренко Г. С. 546
Кушнир И. А. 46, 546
Лаас Э. см. Laas E.
Лависс Э. 187
Лавров П. Л. (Арнольди С. С., Миртов П. Л.) 22, 81, 154, 156, 160, 164, 199, 215, 227, 344, 347, 401, (479), 502, 507, 511
Ладыга А. И. 546
Лазаревский А. М. 236, 294, 572
Лазурко Л. Н. 546
Лакатос И. 5, 546
Лакомб П. Ж. 223, 269, 277, 286, 502, 525
Лаланд А. 12
Лампрехт К. 167, 223, 225-226, 262, 273-274, 435, 502
Ланглуа Ш.-В. 157, 192, 223, 300, 328-330, 336-337, 502, 525
Лашин В. В. 279, 352, 375, 384, 502
Лашпо-Данилевский А. С. 21, 83, 198, 301, 329, 330, 340, 502
Лаплас П. С. 301
Лаптин П. Ф. 27, 33-34, 83, 140, 546-547
Лассаль Ф. 227
Лахно А. П. 547
Лацарус М. 286
Лашнюков И. В. 147, 185, 201, 276, 283, 442, 502
Лебедев А. С. 194, 502
Леббок Д. 33
Левенец Ю. А. 547
Левицкий А. см. Lewicki A.
Левицкий О. И. 260, 471
Леви-Брюль Л. см. Lévi-Brühl L.
Легеза С. В. 547
Лекторский В. 547
Лелекач Н. М. 17
Лемке М. К. 502
(Ленин) см. Ульянов В. И.
Леонтьева О. Б. 547

- Леонтович Ф. И. 37, 47, 147, 211, 278, 319, 416, 503
 Лесевич В. В. 21, 37, 52, 63, 83, 90-91, 153, 170, 172-177, 221, 224, 227, 231, 268, 292, 345-346, 348, 373, 384, 402, 473, 503. (507)
 Либельт К. см. Libelt K.
 Либих Ю. 263
 Лилеев М. И. 229, 301, 473
 Лилиенфельд П. Ф. 112
 Лимановский Б. см. Limanowski B.
 Лиман С. И. 10, 14, 43, 67, 139, 547
 Линицкий П. И. 18, 22-23, 172, 228, 237, 366, 381, 394, 503-504
 Линниченко И. А. 47, 57, 61-62, 126, 188, 208, 224, 245, 305, 308, 338, 396, 412, 427, 466-468, 504
 Липинский В. К. (Civis) 45, 74, 103, 147, 164-165, 208, 235, 404, 504, 522, 526
 Лютар Ж. Ф. 547
 Липс Т. 517
 Лисовина А. П. 548
 Лиске К. см. Liske K.
 Литтре Э. 7, 18, 81, 107, 129, 170-171, 197, 232, 504, 526
 Лихачёва Е. Л. 492
 Лойола И. 444
 Лосев А. Ф. 548
 Лотоцкий А. Г. 504
 Лукеренко В. Л. 548
 Луковская Д. И. 548
 Лукичев С. С. 373, 548
 Луначарский А. В. 80, 210, 239, 504
 Лунин М. М. 410
 Лучицкая М. В. 473, 504
 Лучицкая С. И. 540
 Лучицкий И. В. (Fra Mopiel) 2, 29, 56, 63, 81, 82, 97, 119, 121, 131, 140, 147, 147, 153-154, 156, 158, 162, 167, 175, 184, 190-191, 196-197, 199, 210-211, 241, 247, 262-263, 268, 276, 292, 298, 306, 309, 310, 316, 318, 322, 346, 354, 361, 372, 377, 382, 385, 395, 397-398, 443, 445, 473, 494, 504-505, 523, 572
 Льюис Дж. Г. (Г. Г.) 89, 151, 215, 506, (511), (516)
 Лысенко А. А. 33-34, 547
 Лысяк-Рудницкий И. П. 37, 548, 570
 Людовик XIV 362
 Людовик XVI 361-362
 Лютер М. 445
 Ляскоронский В. Г. 244, 260, 367, 375, 389, 412, 427-428, 476, 505
 Лясота В. см. Lasota W.
 Ляшук Л. Л. 544
 Магомед (Могаммед) 444
 Магочий П. Р. 42, 77, 548, 568
 Мазепа В. 47, 548
 Мазепа И. С. 143, 439-442
 Мазурок О. С. 16-17, 548
 Майков В. Н. 156, 505
 Майстренко И. 271, 548
 Макарий о. [Булгаков М. П.] 23, 129, 505
 Макарчук С. А. 143, 548
 Максимейко Н. А. 318
 Максименко И. В. 548
 Максимович Г. А. 409, 505
 Максимович М. А. 33, 47, 56, 128-129, 158, 185, 283, 573
 Маланок Е. Ф. 548
 Малецкий А. 41
 Малинин В. А. 548
 Малиновский А. А. 239
 Маркевич А. И. 57, 62, 336, 352, 360, 367, 467, 505
 Маркевич Г. см. Markiewicz H.
 Маркевич Дж. см. Markiewicz G.
 Маркин А. В. 53, 548
 Марков П. Г. 548
 Маркова Л. А. 88, 549
 Маркова А. В. 549
 Маркс К. 23, 25-27, 33, 53, 80-81, 135, 160-161, 167, 170, 196, 227, 229, 239-242, 244-251, 254-255, 349, 371, 376, 455, 505
 Марчук М. Г. 549
 Марценюк И. 549
 Масан А. Н.
 Маслов В. П. 125, 475
 Масненко В. В. 42-43, 45, 84, 549
 Матвеева Л. В. 549
 Матерницкий Е. см. Maternicki J.
 Матяш И. Б. 549
 Мах Э. 93, 194, 224, 226, 257, 506
 Мацевко И. И. 549
 Мациевский Я. см. Maciejewski J.
 Маццини Дж. 95
 Медушевский А. Н. 549
 Мельвиль Ю. К. 549
 Мельгунов С. П. 243, 470
 Мельник А. И. 549
 Мельник В. И. 549
 Мельник Л. Г. 549

- Мерников Г. И. 187, 549-550
Мечников И. И. 80, 197, 365, 468
Мечников Л. И. 151, 193, 288, 350, 366, 383, 385, 470, 506
Микулинский С. Р. 550
Микульский Л. см. Mikulski L.
Миллер А. И. 550
Миллер В. Ф. 299
Миллер Д. П. 122, 506
Миль Д. С. 8, 10, 27-28, 33, 51, 55, 85, 89, 91, 93, 105, 107-111, 116-117, 129, 135, 149-153, 154, 156-157, 160-161, 166, 167-168, 170, 176, 182-183, 186, 194-195, 200, 202, 215, 231, 275, 288, 291-292, 301, 346, 383, 394, 399, 401, 453, (481), 506, (511), (516), 526
Милорадович В. П. 102, 506
Милославский П. А. (503)
Милоков П. Н. 21, 76, 80, 506
Милотин В. А. 85, 507
Миње Ф. О. 293, 308
Минченко Ф. 473
Миронов Б. Н. 550
Михайленко С. 550
Михайлова Е. Е. 52, 550
Михайловский Н. К. 22, 134, 156, 170, 227, 418, 507
Михалевич А. И. 472
Михальченко С. И. 187, 550
Михновский Н. И. 212
Мишле Ж. 444, 507
Могилко А. 46, 550
Могильницкий Б. Г. 27, 29-31, 33-36, 83, 97, 115, 119, 146, 158, 161, 174, 280, 550-551
Мозговая Н. 551
Молешотт Я. 138, 202
Молчанов М. А. 532
Моммзен Т. 56, 191
Моно Г. 81, 187, 223, 315, 507, 526
Монтескье Ш. Л. 106, 317, 342, 410, 507
Морган Л. Г. 385-386
Моргулис М. Г. 214, 507
Мордовец Д. Л. 163, 507
Мори А. 81
Мохнатюк И. А. 551
Мудрый М. М. 139, 530, 551
Мужолль П. 383
Музыка А. Е. 551
Муромцев С. А. 80
Мэн Г. 33, 80
Мюнх В. 517
Мюнцер Т. 444
Мягков Г. П. 51, 84, 187, 538, 551
Мякотин В. А. (482)
Надлер В. К. 57, 74, 91, 105, 117, 293, 299, 309, 362, 507
Назарук О. Т. 61, 216, 274, 465
Наполеон I 126
Наполеон III 126
Нахлик Е. К. 158, 551-552
Неккер Ж. 361
Неусьхин А. И. 320, 324, 552
Нечкина М. В. 552
Нечуй-Левицкий И. С. 163
Нечухрин А. Н. 28, 33, 35, 51, 59, 83-84, 268, 345, 395-396, 551
Никитенко М. Ф. 552
Николаенко О. А. 40, 552
Николай I 86, 193
Нистор И. Я. см. Nistor J.
Новаковский С. см. Nowakowski S.
Новиков А. И. 552
Новикова Л. И. 552
Новикова Е. А. 552
Новикова С. С. 53, 552
Новодворский В. В. 176, 240-241, 245, 268, 285, 293, 323, 395, 442, 507-508
Оболонский Н. А. 266, 395, 508
Овсяннико-Куликовский Д. Н. 37, 79, 160, 170, 177, 184, 215, 221, 508
Оглоблин А. П. 255-256, 552
Ожегова О. А. 53, 553
Ожешкова Э. см. Orzeszkowa E.
Ойзерман Т. И. 451
Олейник-Шубравская М. М. 236, 552, 564
Оляшек Б. см. Olaszek W.
Онуфрив Р. И. 553
Орлик П. С. 143
Ортега-и-Гассет Х. 553
Оршанский И. Г. 508
Осенняя Н. В. 228, 553
Осипов И. Д. 553
Осипова Н. Г. 553
Осташко Т. С. 534
Оствальд В. 517
Острянин Д. Х. 553
Охенковский В. 339
Охорович Ю. см. Ochowicz J.
Павинский А. 157
Павленко Ю. В. 46, 553
Павлык М. И. 491

- Павлов П. В. 86, 129, 148, 185, 307, 328, 472, 508
 Падалица Т. см. Фиш З.
 Панейко В. Л. 178, 180, 234, 250, 508
 Панях В. М. 76, 530
 Панин В. С. 28, 553
 Пантелеев Л. Ф. 508
 Пантин И. К. 553
 Парамонова М. Ю. 557
 Патлаевский И. И. 211
 Паульсен Ф. 517
 Певницкий В. Ф. 508-509
 Педич В. П. 187, 553-554
 Перегяткович Г. И. 329, 509
 Пётр I 238
 Петров В. П. 466, 554
 Петров М. 554
 Петров М. Н. 47, 56-57, 61, 63, 74, 86, 92, 94, 120, 128-129, 134, 137, 143-144, 148, 191, 261, 282, 286, 288, 292-293, 317, 319, 325, 328, 334, 342, 345, 349, 358, 360, 362-363, 364, 374, 378-379, 389, 392-393, 410, 443-444, 465, 474, 509
 Петрушевич А. С. 49, 61, 143, 171, 209, 466, 509
 Петрушевский Д. М. 26, 29, 33, 49, 51, 82, 120, 131, 146, 162, 167, 199, 229, 232, 242, 262-263, 269-270, 272, 293, 297, 305, 309, 316, 318, 324, 358, 365, 372, 397, 402, 509-510
 Петряев К. Д. 554
 Печеранский И. П. 238, 554
 Пивовар С. Ф. 554
 Пикар Э. 223, 510
 Пилипчук О. Я. 46, 554
 Писарев Д. И. 50, 160, 163-164, 170-171, 181, 199, 510
 Пий IX 216
 Пилат В. см. Pilat V.
 Пинчук Ю. А. 554
 Писемский А. Ф. 50
 Пискорский В. К. 33, 57, 63, 82, 97, 118, 147, 176, 190-191, 261, 262-263, 272, 275, 279, 288, 294, 310, 323, 345-346, 368, 372, 377, 395-396, 399, 443, 476, 510-511, (572)
 Пирс Ч. С. 224
 Пича В. М. 554
 Пичкур Т. В. 46, 554
 Платон 317, 364
 Платонов С. Ф. 511
 Плеханов Г. В. (Бельтов Н.) 22, 80, 111, 174, 245, 271, 480, 511
 Плещеев А. Н. 50
 Плутарх 317
 Повидай Л. 168
 Погодин М. П. 56
 Погодин А. Л. 20, 181, 511
 Погодин С. Н. 555
 Подолинский С. А. 33, 366, 511
 Познанский Б. С. 74, 165, 184, 511
 Покровский В. С. 554
 Покровский М. Н. 243, 256, 330, 511
 Помяловский Н. Г. 50
 Поперечная Г. А. 554
 Портретная Т. В. 531
 Попов А. С. 21, 53, 554
 Попов С. 554
 Попова Т. Н. 6-7, 43-44, 47, 66, 84, 325, 555
 Попович М. В. 555
 Портнов А. В. 42, 77, 555
 Посохов С. И. 2, 556
 Потебня А. А. 161
 Потульницкий В. А. 12, 43-44, 84, 181, 556
 Потушняк Ф. М. 16, 556
 Похила Л. С. 556
 Починок Б. В. 549
 Пресняков А. Е. 76, 511
 Прицак О. О. 37, 556-557
 Прохаска А. см. Prochaska A.
 Прудон П. Ж. 160-161, 227, 374, 296
 Птасник см. Я. Ptaśnik J.
 Пуанкаре Ж. А. 301
 Пушкирев Л. Н. 557
 Пыпин А. Н. 511
 Равита-Гавронский Ф. см. Rawita-Gawroński F.
 Рагозин Н. П. 35, 240, 557
 Радек К. Б. 16
 Радлов Э. Л. 19, 52, 275, 511
 Райков Б. Е. 557
 Ракивов А. И. 557
 Раковский И. И. 100, 203, 285, 511
 Рамазанов С. П. 50, 557
 Ранке Л. 128, 187, 191, 230, 263, 300, 304, 310-311, 334, 352, 511, 527
 Расулов Т. А. 557
 Ренан 197
 Репина Л. П. 71, 557
 Риголаж Д. 152
 Риккерт Г. 192, 225, 229-230, 232, 295, 301,

- 511-512
Риль А. 224, 257, 517
Ришелье А. 362
Ржеуцкий В. В. 37, 557
Роджерс Дж. С. 167, 241
Родионов А. В. 557
Рожков Н. А. 338, 376
Розанов В. В. 20, 171, 182, 512
Романенчук Б. 557
Романовский А. см. Romanowski A.
Романович Т. 168
Романович-Славатинский А. В. 128, 185, 191, 362, 512
Ромер Э. см. Romer E.
Ромер Ф. Э. 512
Рославский-Петровский А. П. 63, 128-129, 259, 282, 348, 374, 392, 410, 474, 512
Руда О. В. 48, 234, 557-558
Рудницкий С. Л. 205, 436, 512
Русанова О. Ф. 558
Руссо Ж. Ж. 103-104, 421
Рутковский Я. см. Rutkowski J.
Рыбалко А. Л. 42, 77, 535
Рыльский Т. Р. см. Rylski T.
Рюзен Й. см. Rösen J.
Савин А. Н. 20-21, 512
Савченко А. И. 558
Савчук Г. Н. 558
Савчук Л. 558
Самойленко А. Г. 47, 558
Самсонова Н. Г. 558
Сарбей В. Г. 558
Сафронов Б. Г. 33, 35-36, 83, 373, 558
Сватиков С. Г. 512
Свентоховский А. см. Świętochowski A.
Свердлов М. Б. 558
Свидригайло 424
Свитленко С. И. 558
Свистун Ф. И. 142, 220, 512
Сенкевич Г. 313-314, (477)
Сен-Симон А. 26, 87, 109, 227
Сеньобос Ш. 80, 157, 223, 295, 300, 328-330, 336-337, 502, 512, (515)
Середа О. В. 143, 558-559
Серейский М. см. Serejski M. H.
Сеченов И. М. 202
Сигизмунд Кейстутович 424
Сигизмунд I 443
Сидиенко Т. И. 51, 114, 559
Сидоренко А. 148, 559
Сиземская И. Н. 552
Симон В. М. см. Simon W. M.
Симонова Е. В. 558
Синицын О. В. 32, 559
Синицына А. В. 559
Синкевич Е. Г. 24, 48-49, 559
Сирополко С. А. 559
Скакун О. Ф. 560
Скарбек Я. см. Skarbek J.
Скарга Б. см. Skarga B.
Скворцов И. М. 228
Скляренко О. Т. 559
Скрынник З. Э. 559
Скрынник М. А. 559
Слабченко М. Е. 253, 255-256, 341, (517)
Слонимский А. Г. 560
Слонимский Л. З. 23, 513
Смирнов И. П. 560
Смит А. 242-243
Смит Э. 77
Смоленский И. Л. 137, 294, 513
Смоленский Н. И. 334, 560
Смоленчук А. Ф. 560
Смолька С. 157, 192
Сокальский И. П. 353, 513
Соколова А. М. 560
Сокуренок В. Г. 560
Соловьёв Е. А. (Андреевич Е. А.) 114, 477
Соловьёв В. С. 19-20, 22, 56, 80, 83, 211, 237-238, 341, (480) 513, (523)
Соловьёв С. М. 76, 267, 364, 383, 407, 411, 421, 475, 513
Сорель А. 312
Сорокин П. А. 12, 21-22, 83, 149, 513, 572
Сосновская М. С. 560
Сохань П. С. 560
Спенсер Г. 7-8, 10, 22, 27-28, 33, 51, 53, 55, 80, 85, 87, 89, 90-93, 103, 105, 106-109, 110-111, 112-113, 116-117, 129, 135, 139, 149, 150-154, 157-158, 160, 163, 167, 170-171, 176-177, 182, 193-197, 202, 218, 224, 227-228, 229, 231-232, 246, 270, 281, 288-289, 291, 345-346, 347-348, 365-366, 368-371, 374-375, 378, 380-383, 385, 398-399, 400, 409, 413, 421-422, 425, 433, 447, 453, (479), (507), 514
Сренёвская К. см. Śreniowska K.
Старжинский С. см. Stargyński S.
Старкел Ю. 168
Старосольский В. С. 61, 465, 514
Стасюлевич М. М. 514

- Стебницкий П. (Смуток П.) 79, 513
 Степелмах С. П. 43, 45, 84, 560-561
 Степаненко В. П. 532
 Степовой Т. 561
 Стогний И. П. 561
 Стороженко А. В. 514
 Стоянов А. Н. 37, 94, 186, 515
 Стрельский В. И. 337, 561
 Стронин А. И. 47, 63, 130, 199, 280-281, 344-345-346, 395, 398, 410, 475, (507), 515
 Струве П. Б. 10, 80, 206, 212, 515
 Струченков А. В. 561
 Студинский К. И. 205
 Стюард Дж. 386
 Сумцов Н. Ф. 101-102, 211, 515
 Супинский Ю. см. Supiński J.
 Сытник А. Н. 558
 Сэв Л. 561
 Тайлер У. 263, 358, 361
 Таран Л. В. 43-44, 84, 561-562
 Тарановский Ф. В. 318
 Тард Г. 21, 51, 53, 80, 151, 286, 290, 398, 400
 Тардиф А. 515
 Тарле Е. В. 22, 29, 33, 51, 57, 82, 95, 125, 135, 157, 162, 223, 240-242, 268, 271, 289-290, 297, 299, 328, 337, 358, 395, 399, 402, 446, 515-516
 Татаркевич В. см. Tatariewicz W.
 Татомир Л. 168
 Тахтарев К. М. 12
 Тельвак В. В. 48-49, 129, 338, 561-562
 Тельвак В. П. 561-562
 Терлецкий О. С. 33, 516
 Тимошенко В. И. 562
 Тихомиров П. В. 23, 349, 516
 Тишинская Е. 563
 Тиблен Н. Л. 154
 Тимирязев К. А. 80
 Ткачѳв П. Н. (Никитин П.) 19-20, 154, 156, 171, 176, 507, 516
 Ткачук М. Л. 563
 Тойнби А. 390
 Токвиль А. 161
 Толочко А. П. 563
 Тольятти П. 37, 203, 563
 Томашевский С. Т. 56, 61, 123, 181, 189, 205, 313, 466, 516
 Топольский Е. см. Topolsky [Topolski] J.
 Трачевский А. С. 104, 157, 197, 247, 269, 279, 321, 368, 390, 395, 443, 516
 Трилёвский К. (Залізник М.) 155, 169, 209, 234, 315, 493
 Трубецкой Е. Н. 61, 194, 465,
 Туган-Барановский М. И. 10, 37, 80, 154, 201, 240, 243, 390, 415, 516-517
 Тургенев И. С. 50, 163
 Тьерри О. 308
 Тэйлор Э. Б. 33, 87, 217, 368, 385-386, 425
 Тэн И. 157, 197, 286
 Тюрго А. Ж. Р. 87, 105-106, 361, 517
 Уайт Л. 386
 Уайт Х. см. White H.
 Уваров А. И. 563
 Удод А. А. 43, 563
 Ульянов (Ленин) В. И. 26, 80, 83, 503
 Ульяновский В. И. 185, 236, 560, 562-563
 Унпелев А. Г. 563
 Унпелев Г. А. 563
 Уорд Л. 7, 51, 151
 Успенский Ф. И. 395-396, 517
 Уткина Н. Ф. 36, 563
 Фаресов А. И. 249, (518)
 Фатеев А. Н. 197,
 Федоренко П. К. 341, 517
 Федорив И. О. 563
 Федосеев П. Н. 36, 83, 563
 Федюк В. Ю. 563
 Ферков О. В. 17, 564
 Фенцик С. 17
 Фёдоров М. Г. 563
 Финкель Л. см. Finkel L.
 Фиш З. 508
 Флоринский Т. Д. 517
 Фортинский Ф. Я. 57, 183, 190-191, 263, 517-518
 Фохт К. 138, 202
 Фрадкин В. З. 563
 Франко И. Я. 32-33, 47, 78, 99-101, 118, 127, 147, 163, 165-166, 178-179, 181-182, 203, 205, 209, 214, 240, 248-250, 264-266, 274, 278, 281, 302, 317, 343, 351, 353-354, 365-366, 368-370, 378, 380, 385, 395, 401-402, 436, 518-519, 523
 Франклин Б. 93
 Франц-Иосиф I 220
 Францев Ю. П. 36, 83,
 Фрэзер Дж. Дж. см. Frazer G. G.
 Фриман Э. 185, 223, 519, 523
 Фулье А. 157, 519
 Фюстель де-Куланж Н. Д. 200, 334, 337,

- (515), 519
Ханина А. З. 563
Хачатурян В. М. 540
Хвостов В. М. 519
Хвостов М. М. 520
Хлебников Н. И. 132, 261, 345, 386-389, 391, 404, 414, 520
Хмельницкий Б. М. 357, 423, 438-441
Хмылёв Л. Н. 32-33, 83-84, 563
Хмельёвский П. см. Chmielowsky P.
Хорошева А. В. 564
Хочфелдова А. см. Hochfeldowa A.
Целевич Ю. А. 205
Цезарь 389
Цытович П. П. 161, 210-211, 218, 520
Цыпленков А. И. 564
Чайльд Г. 386
Чаплинский В. см. Czapliński W.
Чарлтон Д. Дж. см. Charlton D. G.
Чарушин Н. А. 160, 520
Челпанов Г. И. 7, 202, 228, 230, 520
Чернов В. М. 80
Черныш Н. И. 554
Чернышевский Н. Г. 156, 160, 163, 181-182, 445, 520, 573
Черняк В. 339
Черткова Е. Л. 564
Чижевский Д. И. 564
Чильяни Д. 564
Чишевский К. 168
Чичерин Б. Н. (515)
Чорновол И. П. 180, 564
Чофу А. 468
Чубинский П. П. 164
Чуйко В. 565
Шадрина Е. Н. 565
Шайноха К. см. Szajnocha K.
Шамрай С. В. 253
Шаповал Н. Е. 25, 572, 572
Шаповал Ю. Г. 565
Шараневич И. И. 49, 76, 78, 100, 204, 220, 528
Шафран-Шадковская Л. см. Szafran-Szadkowska L.
Шаханов А. Н. 76, 565
Шахматов Б. М. 565
Шаш А. 17, 572
Швыдько А. К. 565
Шевченко Т. Г. 163
Шеллинг Ф. В. 128
Шелонговский А. см. Szelągowski A.
Шеффле А. Э. 112
Шикло А. Е. 35, 543
Шкуринов П. С. 27, 32-33, 35, 83, 461
Шлемкевич Н. И. 25, 494
Шлик М. 12
Шмитт Г. см. Schmitt H.
Шмит Ф. И. 298, 393, 395, 398, 520
Шмоллер Г. 167, 241
Шпенглер О. 231
Шпорлюк Р. 565
Шубравская М. М. см. Олейник-Шубравская М. М.
Шувалов В. И. 51, 149, 565
Шуйский Ю. 168, 312
Шульгин В. Я. 86
Шульгин Я. Н. (524)
Щеглов Д. Ф. 89, 520
Щеголев С. Н. 78, 207, 520
Щепанский А. 168
Щепкин Е. Н. 47, 51, 56, 62, 197, 224, 229-231, 246-247, 271, 348, 394, 403, 413, 467, 520-521
Щербаковский В. М. 63, 124, 201, 218, 242, 430, 470, 520
Щербина В. И. 302, 572
Щёголев П. 521
Щукин В. 138, 565
Эббингауз Г. 517
Эбергарт Г. 537
Эйкен Р. 517
Эймонтова Р. Г. 87, 565
Энгельс Ф. 25-27, 80, 83, 244-247, 249-250, 254, 369, 371, 376, 386, 455, 521
Эрио Э. 394
Юм Д. 86
Юринец В. 565
Юркова О. В. 187, 533, 565
Яблоновский А. см. Jablonowski A.
Яворницкий (Эворницкий) Д. И. 210-211, 235-236, (572), 573
Яворский М. И. 256
Ядвига 248
Ягайло 248
Яковенко Н. Н. 565
Янжул И. И. 521
Янковский Ю. 566
Ярослав Мудрый 407, 442
Ярошовец В. И. 2
Яснопольский Н. Л. 521

- Ястржембский В. А. 521
 Ясь А. В. 137, 280, 566
- Abracham W. 41, 63, 100, 192, 470, 521
 Ankersmit F. см. Анкерсмит Ф.
 Araszkievicz F. F. 461
 Askenazy S. 105, 193, 234, 311-312, 317, 339, 521
 Balzer O. 24, 41, 56, 187, 192, 205, 237, 304, 312, 521-522
 Barycz H. 43, 566
 Baurer H. (505)
 Bernheim E. см. Бернгейм Э.
 Bloch M. (527)
 Bobrzyński M. 24, 157, 205, 312, 522
 Bodnarescu L. 522
 Bogacki F. 179, 522
 Brăilleanu T. 198, 522
 Breisach E. 566
 Brzrowski S. 227, 522
 Buchner L. см. Бюхнер Л.
 Buckle H. T. см. Бокль Г. Т.
 Bujak F. 42, 265, 305, 340, 351, 377, 522
 Cała A. 566
 Carr E. 566
 Charewiczcowa Ł. 566
 Charlton D. G. 8, 37, 566
 Chlebowczyk J. 139, 566
 Chmielowski P. 8, 105, 155, 170, 522
 Comte A. см. Конт О.
 Croce B. см. Кроче Б.
 Czapliński W. 42, 179, 566
 Czerwińska-Schupp E. 566
 Data J. 43, 566
 Dembiński B. 41, 69, 205, 226, 264, 272, 339, 377, 522
 Dembowski B. 566
 Dilthey W. 295, 517, 523
 Drogoszewski A. 566
 Dutkiewicz J. 567
 Dzwonkiewski W. 63, 193, 470
 Hecker J. F. 20, 494, 567
 Hochfeldowa A. 8, 232, 567
 Hroch M. 567
 Hube R. (522)
 Finkel L. (L. F.) 41, 57, 61-62, 192, 205, 226, 264-265, 273, 285, 312, 339, 390, 466-467, 523, 525
 Franko I. см. Франко И. Я.
 Frazer G. G. 252, 385 (489)
- Freeman E. A. см. Фриман Э.
 Geramb V. (485)
 Glowacki A. 163, 180, 523
 Gorzycki K. 57, 266, 371, 523
 Głabiński S. 390
 Grabski A. F. 39, 42, 68, 149, 169, 176, 191, 567
 Gruber H. 523
 Gumpłowicz L. 21, 37, 83, 193, 214, 237, 277, 475, 489
 Iggers G. G. 37, 463, 567
 Iwańska M. 568
 Janowski M. 43, 205, 568
 Jaskólski M. 568
 Jerusalem W. (488)
 Jeske-Choiński T. 524
 Jablonowski A. 314-315, (493), 427, 523-524
 Jorga N. 235, (500)
 Kaczala S. см. Качала С.
 Kaindl R. F. 16, 101, 169, 206, 274, 305, 429, 494, 524
 Kalicki B. 183, 203, 312, 524
 Kaszewski K. 524
 Kieniewicz J. 74, 568
 Kohut Z. E. см. Когут З.
 Kolbuszewska J. 568
 Konopczyński W. 524
 Kordyba M. M. см. Кордуба М. М.
 Korzon T. 24, 157, 189, 207, 314, 524-525
 Kovalevsky M. см. Ковалевский М. М.
 Kozak S. 39, 568
 Kozłowska-Sabatowska [Kozłowska] H. 39, 43, 83, 568
 Kozłowsky W. M. 233, 525
 Krupiński F. (F. K.) 216, 523, 525
 Kryczyński S. 63, 220, 474, 525
 Kubala L. 41, 525
 Kuderowicz Z. 40, 568
 Kudrna J. 37, 567
 Laas E. 525
 Lacombe P. см. Лакомб П.
 Langlois C. V. см. Ланглуа Ш.-В.
 Lasota W. 198, 283, 527
 Lewicki A. 203, 525
 Lewicki K. (488)
 Lévi-Brühl L. 12, 252-253, (488)
 Libelt K. 138, 474
 Limanowski B. 90, 95, 106, 240, 265, 282, 291, 295, 418, 429, 437, 525-526
 Lipiński W. см. Липинский В.

- Liske K. 24, 125, 179, 192, 526
Littré E. см. Литтре Э.
Ludwikowski R. R. 568
Maciejewski J. 85, 568
Magocsi R. P. см. Магочий Р. П.
Markiewicz G. 167, 568
Markiewicz H. 19-40, 136, 150, 159, 568
Maternicki J. 14, 39-41, 69, 84, 158, 193, 226, 232, 568-569
Mikulski L. (Mulski L.) 166, 526
Mill J. S. см. Милль Д. С.
Monod G. см. Моно Г.
Morawski K. M. 311, 340, 526
Modzelewski W. 569
Nistor J. 16, 62, 468, 526
Nowakowski S. 42, 569
Ochorowicz J. 180, 277, 526
Okolsky A. 527
Olaszek B. 50, 84, 182, 220, 553, 569
Olszewski H. 569
Onciul D. 527
Orzeszkowa E. (Li...ka) 163, 178, 180, 184, 525, 527
Pawelec T. 569
Pawłowski S. 527
Pilat W. 90, 127, 198, 200, 233, 250, 273, 283, 317, 527
Poniatowski Z. 569
Prochaska A. 41, 137, (488)
Ptaśnik J. 56, 63, 198, 273, 285, 475
Ranke L. см. Ранке Л.
Rawita-Gawroński F. 137, 203, 527
Rembowski A. 527
Romer E. 204, 527
Romanowski A. 40, 570
Rudnytsky I. L. см. Лысяк-Рудницкий И. И.
Rutkowski J. 323, 527
Rüsen J. 64, 570
Rylski T. 74, 125, 147, 165, 183, 247, 280, 299, 527
Schmitt H. 63, 138, 158, 198, 475, 527
Seignbos C. см. Сеньбос III.
Serejski M. H. 39, 187, 570
Serczyk W. A. 570
Simon W. M. 37,
Skarbek J. 38, 83, 89, 570
Skarga B. 38, 83, 570
Skórski A. 528
Spencer H. см. Спенсер Г.
Smoleński W. 528
Stargyński S. 204, 528
Supiński J. 138, 166, 168, 178, 273, 437, 528
Sybel H. 157, 162, 223, 310-311, 528
Szczepanowski S. 528
Szajnocha K. 313, 528
Szafran-Szadkowska L. 40, 570
Szaraniewicz I. см. Шараневич И. И.
Szelągowski A. 42, 56, 63, 179, 193, 204, 217, 250, 272, 291, 304, 311, 340, 390, 404, 417, 437, 474, 528-529
Śreniowska K. 41, 68, 570
Świętochowski A. 180, 528
Tatarkiewicz W. 8, 305, 529
Toczek A. 570
Topolsky [Topolski] J. 68, 129, 571
Thumvald R. (488)
Velychenko S. 571
Vinogradoff P. 510
Vytanovych I. 571
Warzenica E. 571
Wereszycki H. 42, 179, 566
White H. 37, 64, 563, 571
Wierzbicka M. 38, 571
Wierzbicki A. 570
Willaume J. 571
Withers C. W. 571
Wojciechowski T. 41, 125, 157, 179, 193, 198, 217, 263, 264, 282, 339, (504), 529
Zakrzewski S. 24, 63, 201, 217, 297, 340, 475, 527, 529, 465
Załęski S. 313, 516
Zasztowt L. 571
Zaszkiłniak L. см. Зашкильняк Л. А.
Zawadzki W. 149, 351, 529
Zmigrodzka M. 39, 83, 571
Żyliński T. 100-101, 216, 529

Наукове видання

Богдашина Олена Миколаївна

**Позитивізм в історичній науці в Україні
(60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.)**

Монографія

На обложці приведені сторінки рукописи І. В. Лучицького «Огюст Конт и его историческая система» и фотографії кінця XIX – початку XX вв. всіх п'яти університетів, існуючих в той час на Україні. Збір матеріалів в архівах і бібліотеках Польщі і Чехії здійснювався завдяки фінансовій підтримці Каси імені М'яновського (Варшава).

Коректор Л. Є. Стешенко
Комп'ютерне верстання І. М. Дончик
Макет обкладинки О. О. Літвінова

Формат 60x84/16. Ум. друк. арк. 30,0. Тираж 300 пр. Зам. № 0829.

Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №3367 від 13.01.2009
Видавництво ХНУ імені В. Н. Каразіна. Тел. (38) 057-705-24-32